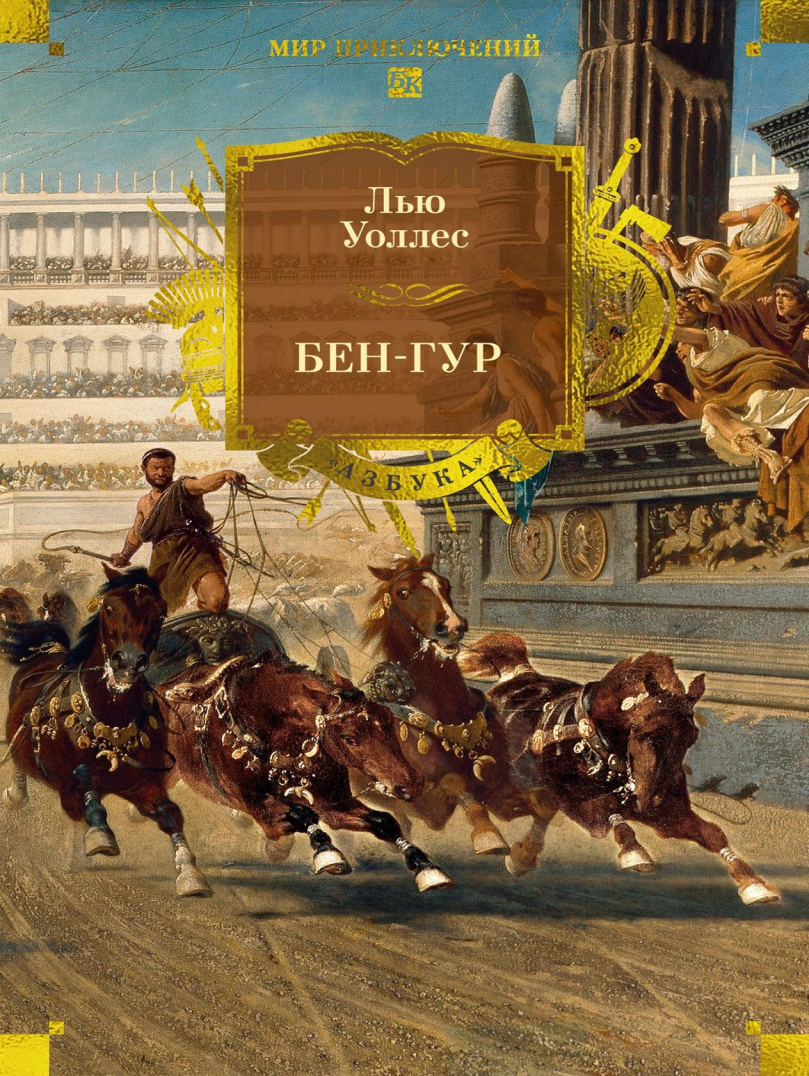
МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Лью Уоллес

БЕН-ГУР

«АЗБУКА»

Бен-Гур
Льюис Уоллес

Аннотация
Лью Уоллес. Бен-Гур
Книга первая
  Глава 1. В пустыне
  Глава 2. Встреча мудрецов
  Глава 3. Говорит афинянин. Вера
  Глава 4. Рассказ индуса. Любовь
  Глава 5. История египтянина. Добрые дела
  Глава 6. Яффские ворота
  Глава 7. Характерные типажи у Яффских ворот
  Глава 8. Иосиф и Мария направляются в Вифлеем
  Глава 9. Пещера в окрестностях Вифлеема
  Глава 10. Свет в небе
  Глава 11. Рождение Христа
  Глава 12. Мудрецы приходят в Иерусалим
  Глава 13. Очевидцы перед Иродом
  Глава 14. Мудрецы находят ребенка
Книга вторая
  Глава 1. Иерусалим под властью римлян
  Глава 2. Бен-Гур и Мессала
  Глава 3. Дом Иудея

Глава 4. Странные вещи, о которых хотел узнать Бен-Гур
Глава 5. Рим и Израиль: сравнение
Глава 6. Происшествие с Гратом
Глава 7. Галерный раб
Книга третья
Глава 1. Морское путешествие Квинта Аррия
Глава 2. На веслах
Глава 3. Аррий и Бен-Гур на палубе
Глава 4. Номер шестьдесят
Глава 5. Морской бой
Глава 6. Аррий усыновляет Бен-Гура
Книга четвертая
Глава 1. Бен-Гур возвращается на Восток
Глава 2. На Оронте
Глава 3. Претензии к Симонидису
Глава 4. Симонидис и Есфирь
Глава 5. Роща Дафны
Глава 6. Шелковицы Дафны
Глава 7. Стадион в роще Дафны
Глава 8. Кастальский ключ
Глава 9. Страсти по гонкам колесниц
Глава 10. Бен-Гур узнает о Христе
Глава 11. Мудрый слуга и его дочь
Глава 12. Римская оргия
Глава 13. Колесничий для скакунов Илдерима

Глава 14. Становище в Пальмовом саду
Глава 15. Балтазар поражает Бен-Гура
Глава 16. Христос появляется. Балтазар
Глава 17. Царство духовное или земное?
Книга пятая
Глава 1. Мессала открывает лицо
Глава 2. Арабские скакуны Илдерима в упряжке
Глава 3. Искусства Клеопатры
Глава 4. Мессала настороже
Глава 5. Илдерим и Бен-Гур предаются размышлениям
Глава 6. Подготовка к скачкам
Глава 7. Симонидис возвращает долги
Глава 8. Духовное или земное? Доводы Симонидиса
Глава 9. Есфирь и Бен-Гур
Глава 10. Заявлены для участия в скачках
Глава 11. Ставки на скачках
Глава 12. Цирк в Антиохии
Глава 13. Старт
Глава 14. Гонка
Глава 15. Приглашение Айрас
Глава 16. Во дворце Айдерне
Книга шестая
Глава 1. Антониева башня. Камера № VI

Глава 2. Прокаженные
Глава 3. Снова в Иерусалиме
Глава 4. Бен-Гур на пороге отчего дома
Глава 5. Гробница за Царскими садами
Глава 6. Хитрость Пилата. Поединок
Книга седьмая
Глава 1. Иерусалим встречает пророка
Глава 2. Отдых у источника. Айрас
Глава 3. Жизнь души
Глава 4. Ночной дозор
Глава 5. В Вифаваре
Книга восьмая
Глава 1. Гости в доме Гура
Глава 2. Бен-Гур повествует о Назаретянине
Глава 3. Прокаженные выходят из своей гробницы
Глава 4. Чудо
Глава 5. Паломники на празднике Песах
Глава 6. Нильская змея
Глава 7. Бен-Гур возвращается к Есфири
Глава 8. Гефсимания. «Кого ищете вы?»
Глава 9. Восхождение на Голгофу
Глава 10. Распятие

Аннотация

Наследнику княжеского дома Гуров выпала непростая судьба. Верный своему народу и Богу Израиля, Бен-Гур отказался поддержать друга детства, римлянина Мессалу, в борьбе с непокорной Иудеей. За это он на долгие годы оказался прикован к веслам на галере, его мать и сестра были брошены в подземелья страшной Антониевой башни, а дом и богатства семьи конфискованы в императорскую казну.

Но есть сокровища, которые не в силах отнять мстительный враг. Верность, доблесть, милосердие и сила духа. Бен-Гур пройдет путь галерного раба, гладиатора, военачальника и защитника Христа, познает цену страстям, найдет настоящую любовь и истинную веру и возродит из праха свой дом.

Лью Уоллес
Бен-Гур

Бен-Гур – потомок знатного иудейского рода – был предан другом-римлянином. Пройдя через горнило испытаний, юноша превратился в закаленного мужа, но сердце его осталось любящим и нежным. Бен-Гур уверовал в Христа и собрал легион, чтобы защищать Спасителя от Рима, но не ожидал князь, что сами иудеи будут кричать: «Распни Его!»

Lew Wallace
BEN-HUR

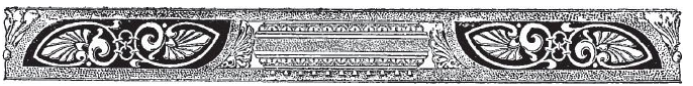
Иллюстрации Антония Стефански, Сигизмунда Ивановски, Дэвида Робертса, Джеймса Тиссо и др.

© В. Д. Кайдалов, перевод, 2025
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

Книга первая

Глава 1
В пустыне

Джебель-ас-Зублех — это гора длиной миль пятьдесят, столь узкая, что ее изображение на карте напоминает гусеницу, ползущую с юга на север. Если стоять на ее красно-белых скалах лицом к восходящему солнцу, то перед смотрящим расстилается Аравийская пустыня, по которой от начала времен носятся восточные ветры, столь ненавидимые виноградарями Иерихона[1]. Подножие горы засыпано глубокими песками, принесенными из-за Евфрата, а на западе, защищенные, как стеной, горой Джебель, лежат пастбища стран Моаб и Аммон — земель, которые некогда тоже были частью пустыни.

Арабский язык господствует на всем простран-

---

[1] Примечания: 1

Иерихон — город 7–2-го тыс. до н. э. в Палестине (на территории совр. Иордании). В конце 2-го тыс. до н. э. разрушен европейскими племенами. По библейскому преданию, стены Иерихона рухнули от звуков труб завоевателей.

стве южнее и восточнее Иудеи; согласно ему, старик Джебель приходится отцом всем вади, сухим руслам речушек, которые, пересекаемые построенной римлянами дорогой — ныне бледным подобием того, чем она была когда-то, ставшей всего лишь пыльным трактом для сирийских паломников, бредущих в Мекку и обратно, — в дождливый период наполняются бурными потоками воды, несущимися в Иордан и дальше, к своему конечному вместилищу, Мертвому морю. По одному из таких вади, начинавшемуся от самой оконечности Джебеля и, даже вытягиваясь с востока на север, становящемуся руслом реки Джаббок, двигался путешественник, направляясь к пустынному плато. Да остановит же читатель свое внимание на этом человеке!

Судя по виду, ему было около сорока пяти лет. В бороде его, некогда жгуче-черного цвета, широкой волной спускающейся на грудь, просвечивала седина. Лицо цвета хорошо про-

жаренного кофе скрывала красная кейфие (как ныне называют эту головную накидку дети пустыни), позволяя видеть лишь его небольшую часть. Одет он был в просторный балахон, столь распространенный на Востоке; над головой его был натянут небольшой навес, укрепленный на седле белого одногорбого верблюда. Время от времени путешественник поднимал к небу большие темные глаза.

Чрезвычайно сомнительно, мог ли когда-нибудь человек Запада преодолеть изумление, производимое на него видом верблюда, снаряженного и навьюченного для путешествия по пустыне. Привычка, столь губительная для других свежих впечатлений, в данном случае не срабатывала. Даже в конце долгого путешествия с караваном, после многих лет, проведенных бок о бок с бедуинами, рожденный на Западе человек застывал на месте при виде гордо шествующего животного. Очарование крылось отнюдь не в его фигуре, которую даже любовь не могла бы увидеть прекрасной; не в его движениях, бесшумной поступи или мерном покачивании. Подобно тому как море благоволит кораблю, так и пустыня была расположена к этому созданию. Она облекала его во все возможные покровы тайн, заставляя

нас, смотрящих на него, думать только о нем: вот оно, истинное чудо. Животное, которое ныне поднималось из вади, вполне могло вызвать искреннее восхищение. Его масть и рост, ширина ступней, массивное тело, не отягощенное жиром, но бугрившееся мышцами; голова, широкая в лобной части; длинная изящная шея, своим выгибом напоминавшая лебединую, столь тонкая, что на ней вполне можно было бы застегнуть женский наручный браслет; шаги, длинные и упругие; уверенная и бесшумная поступь — все указывало на бесценную сирийскую кровь, восходящую ко дням самого Кира[2]. На животном была обычная упряжь, отделанная алой бахромой, спускавшейся на лоб, с бронзовыми цепочками на груди, оканчивающимися позвякивающими серебряными колокольчиками; поводья отсутствовали. Устройство на спине верблюда принадлежало к числу тех, которые могли бы прославить его изобретателя, если бы он не принадлежал к сонму безвестных восточных мудрецов. Оно представляло собой два деревянных ящика, едва

---

[2] Примечания: 2

Кир II Великий (?–530 г. до н. э., правил в 559–530 гг. до н. э.) — первый царь государства Ахеменидов. Завоевал Мидию, Ливию, греческие города в Малой Азии, значительную часть Средней Азии. В 539 году покорил Вавилон и Месопотамию. Погиб во время похода в Среднюю Азию.

ли четырех футов в длину каждый, висевших по обеим сторонам тела животного; все пространство между ними было устлано мягкими тканями и накрыто ковром так, что хозяин верблюда мог сидеть или полулежать. Над этим сооружением был натянут зеленый полог. Широкие ремни, охватывавшие туловище животного и соединенные бесчисленными узловатыми веревками, удерживали сооружение на месте. Таким образом искусные сыны Востока ухитрялись с достаточным комфортом путешествовать по сожженным солнцем диким просторам как по делам, так и ради удовольствия.

Взобравшись на последнюю террасу вади, путешественник и дромадер пересекли границу страны Аль-Белка, античного Аммона. Стояло раннее утро. В небе, подернутый дымкой, висел красный диск солнца; под ним раскинулась пустыня, но не царство движущихся песков — оно лежало дальше, — а то пространство, где трава и кустарники постепенно сходили на нет; где поверхность земли была покрыта гранитными валунами, а серые и коричневые камни перемежались чахлыми кустиками акации и пучками верблюжьей колючки. За спиной путника остались словно бы сжавшиеся от страха

перед грядущей пустыней небольшой дубок, кустики ежевики и земляничное дерево, символы границы зеленого мира.

Здесь обрывались все дороги. Куда более, чем раньше, стало казаться, что кто-то незримо управляет верблюдом; тело его вытянулось вперед, он ускорил шаги; голова животного была направлена прямо к дальнему горизонту; широкие ноздри мощно втягивали воздух. Паланкин на спине раскачивался, поднимаясь и опускаясь, как лодка на волнах. Под ногами верблюда похрустывали случайные сухие листья. Иногда в воздухе разливался сладковатый запах полыни, проносились жаворонки и чеканы. Из-под ног, посвистывая и кудахча, прыскали в стороны белые куропатки. Редкое появление лисы или гиены заставляло животное ускорять шаг, чтобы оказаться на безопасном расстоянии. Справа возвышались холмы Джебеля, покрытые перламутровой дымкой, ставшей моментально алой, как только ее коснулись лучи солнца. Над самыми высокими пиками парили грифы, описывая широкие круги. Но путник под зеленым пологом не видел всего этого или по крайней мере не подавал никакого знака, что видит окружающее. Взор его, мечтательный и отсутствующий, был устремлен в одну

точку. Похоже было на то, что человеком, как и верблюдом, незримо кто-то управлял.

Два часа, не уменьшая шага, дромадер двигался вперед, следуя точно на восток. За все это время путешественник не изменил позы, даже не бросил взгляда вправо или влево. Расстояния в пустыне измеряются отнюдь не милями и не лигами, но саатами, или часами, и манзилями, или переходами: в первом отрезке три с половиной лиги, во втором — от пятнадцати до двадцати пяти лиг; но такова уж обычная норма для верблюда. Животное же истинной сирийской породы с легкостью покрывает три лиги. Идя полным галопом, оно обгоняет даже пустынный ветер. В результате такого быстрого передвижения облик окружающей местности стал изменяться. Джебель отступил к западному горизонту, вытянувшись вдоль него подобно бледно-голубой ленте. По сторонам стали появляться холмы, сложенные из глины и уплотненного песка. Грунт прорывали круглые базальтовые глыбы, авангард гор, высланный ими на равнину; все остальное пространство занимал песок, то ровный, как на приморском пляже, то вздымающийся пологими горками, то вытянувшийся длинными волнами. Стал другим и воздух над пустыней. Высоко под-

нявшееся солнце выпило из него всю утреннюю влагу и раскалило ветер, овевающий путника; залило молочно-белой краской землю пустыни, заставило светиться все небо над нею.

Еще два часа прошли без остановок или изменений направления движения. Растительность совсем исчезла. Песок, хрустевший под ногами животного при каждом шаге, заполонил все вокруг. Джебель скрылся вдали, глазу было не за что зацепиться как за ориентир. Тень, до этого покорно следовавшая за путником, развернулась к северу и сжалась, превратившись в пятнышко у самых ног верблюда. Поскольку не было ни малейшего намека на грядущую остановку, поведение путешественника с каждой минутой казалось все более странным.

Следует заметить, что никто из живущих в пустыне не относится к ней легкомысленно. Жизнь и дела заставляют пересекать ее по тропам, рядом с которыми немым предупреждением путникам то и дело можно видеть кости существ, двигавшихся по ним. Тропы эти тянутся от одного источника до другого, от пастбища к пастбищу. Сердца самых опытных жителей пустыни начинают биться чаще, когда они оказываются в одиночестве вдали от торных путей. Поэто-

му человек, о котором мы ведем речь, не мог странствовать просто ради удовольствия, хотя по манере поведения не походил и на беглеца. В подобных ситуациях страх и любопытство становятся самыми обычными чувствами; путник же явно их не испытывал. Если человек странствует в одиночестве, он рад любому спутнику; собака становится лучшим другом, лошадь — верным товарищем, и нет ничего стыдного в том, чтобы приласкать их или обратиться к ним со словами любви. Но ничего подобного не перепало верблюду — ни ласкового слова, ни прикосновения.

Ровно в полдень дромадер по своей собственной воле остановился и испустил хриплый рев, которым эти животные обычно выражают свой протест против чересчур тяжелого груза, требуют внимания к себе или отдыха. Поэтому его хозяин вернулся к действительности, очнувшись от своей дремоты. Он откинул полог своего хоуда, бросил взгляд на солнце, долго и тщательно всматривался в пространство по обе стороны от направления движения, словно пытаясь узнать некое условленное место. Видимо, осмотр его удовлетворил, ибо он глубоко вздохнул и кивнул головой, словно говоря самому себе: «Ну наконец-то, наконец!» Минутой спустя он скрестил руки

на груди, склонил голову и вознес молчаливую молитву. Свершив религиозный долг, он стал готовиться к остановке. Изо рта его вырвался звук, без сомнения самый желанный для всех верблюдов страны библейского Иова: икх! икх! — сигнал пасть на колени. Животное медленно повиновалось. Поставив ногу на изгиб тонкой шеи, всадник сошел на плотный песок.

Глава 2
Встреча мудрецов

Сложение человека, ступившего на песок и представшего нашему взору, оказалось превосходным — он был не очень высок, но весьма силен. Развязав шелковый жгут, удерживавший на его голове кейфие, он отбросил назад волосы, так что стало видно его лицо — с резкими чертами, темное, едва ли не как у негра, хотя широкий лоб, орлиный нос, слегка вздернутые наружные углы глаз, блестящая грива густых, прямых и жестких волос, спускавшихся к плечам, не оставляли никаких сомнений в его происхождении. Так выглядели фараоны, а впоследствии Птолемеи[3]; так выглядел Мицраим, отец египетской расы. Путник был облачен в камис, белую рубаху

---

[3] Примечания: 3

Птолемеи (Лагиды) — царская династия в эллинистическом Египте в 305–330 гг. до н. э. Основана Птолемеем I (сыном Лага) — полководцем Александра Македонского, диадохом. При последней представительнице династии Клеопатре государство Птолемеев было завоевано Римом, его территория составила римскую провинцию Египет.

из хлопка, с узкими рукавами, открытую на груди и достигавшую колен, с вышивкой вокруг шеи и на груди. Поверх камиса была наброшена накидка из коричневой шерсти, сейчас, как, вполне вероятно, и тогда, называвшаяся аба, — верхняя одежда с длинным подолом и короткими рукавами, подбитая изнутри несколькими слоями хлопка и шелка, отороченная золотистого цвета каймой. На ногах красовались сандалии, удерживавшиеся ремешками из мягкой кожи. Камис на талии был стянут кушаком. В глаза бросалось то, что человек был безоружен: хотя он путешествовал в одиночку, а пустыня кишела леопардами, львами да и людьми, не уступавшими хищникам в кровожадности, у путника не было при себе даже изогнутого посоха, используемого для управления верблюдами; из этого мы можем заключить, что дело его было вполне мирное, а также то, что он был необычно отважен либо находился под чрезвычайно могущественной защитой.

Руки и ноги путника, вероятно, затекли после долгого и утомительного пути. Он растер руки, несколько раз топнул ногой и обошел вокруг своего верного слуги, который, прикрыв глаза, сосредоточенно пережевывал найденный пучок

колючки. Делая этот круг, путник несколько раз остановился, всматриваясь из-под ладони в пустынные дали; но всякий раз, когда он опускал ладонь, на лице его отражалось разочарование. Внимательный наблюдатель понял бы, что человек этот кого-то здесь поджидает, и задался бы другим, куда более сложным вопросом: что за дело требовало встречи в столь далеком от обжитых месте?

Но несмотря на разочарование, путник, казалось, все равно был уверен в появлении ожидаемых им людей. Подойдя к паланкину, он вынул из ящика губку и небольшую флягу с водой и промыл глаза, морду и ноздри верблюда; сделав это, путник из того же ящика извлек круг материи в красную и белую полосу, моток веревок и прочную деревянную стойку. Несколько умелых действий — и стойка превратилась в хитроумное устройство из нескольких колен, соединенных между собой подобием шарниров. Вместе они образовали центральную стойку шатра. Когда стойка была воткнута в песок и закреплена растяжками, путник набросил на растяжки материю и в буквальном смысле оказался в доме, пусть меньшем, чем жилище эмиров и шейхов, но вполне приличном во всех остальных отношениях. Затем человек достал из паланкина ковер или квадратный плед и натянул его в качестве боковой стены, закрыв внутренность шатра от солнца. Сделав это, он вышел наружу и еще раз, более внимательно обвел взором окружающее пространство. Оно, за исключением пробежавшего вдали шакала и парившего высоко в воздухе орла, оставалось совершенно безжизненным.

Человек повернулся к верблюду и негромко

произнес на языке, редко звучавшем в пустыне: «Мы с тобой оказались далеко от нашего дома, о скакун, обгоняющий ветер. Мы далеко от дома, но Бог пребывает с нами. Так будем же терпеливы».

Затем он достал из переметной сумы несколько пригоршней фасоли, засыпал их в торбу, повесил ее под морду верблюда и, отметив для себя, с каким удовольствием тот принялся за еду, повернулся и еще раз обвел взглядом море песка, залитое почти вертикальными лучами солнца.

— Они придут, — невозмутимо произнес он вслух. — Тот, кто ведет меня, ведет и их. Я должен быть готов.

Из карманов на внутренней поверхности шатра и из плетеной корзины, стоявшей в паланкине, он достал приборы и яства для трапезы: блюда из сплетенных пальмовых волокон, вино в небольших кожаных бурдюках, вяленую и копченую баранину, шами — сирийский сорт граната без косточек, сыр, подобный «ломтям молока» библейского Давида, и дрожжевой хлеб. Все это было разложено на ковре под шатром. Рядом с яствами человек положил три больших лоскута белого шелка, которые используются утонченными жителями Востока, чтобы прикрывать колени обедающих гостей. Теперь стало ясно, скольких

гостей он ожидал.

Все было готово к встрече. Человек вышел из шатра и застыл на месте: на востоке на ярком золоте пустыни появилось темное пятно. Какое-то время он стоял как вкопанный; глаза его расширились, по коже пробежал холодок. Пятнышко увеличивалось в размерах, стало приобретать определенные очертания. Некоторое время спустя можно было уже различить верблюда, высокого и белого, несшего на спине хунда — дорожный паланкин Индостана. Тогда египтянин скрестил руки на груди и возвел взор к небу.

— Воистину велик только Бог! — воскликнул он со слезами на глазах и с благоговением в голосе.

Подъехавший человек, казалось, только что очнулся от дремы. Он обвел взглядом лежащего на земле верблюда, шатер и человека, стоявшего в молитвенной позе у входа, тоже скрестил руки, склонил голову и прошептал про себя слова молитвы; после чего, немного помедлив, ступил на шею верблюда и сошел на песок, направляясь к египтянину. Мгновение они смотрели друг на друга; затем обнялись — каждый из них положил правую руку на плечо другого, левой обнимая за спину и прижавшись лицом сначала к левой, а потом к правой стороне груди.

— Да будет мир тебе, о служитель истинного Бога! — произнес приехавший вторым.

— И тебе того же, о брат мой по истинной вере! Мир тебе и добро пожаловать, — пылко ответил египтянин.

Вновь прибывший был высок и худощав, седобородый, с узким лицом и запавшими глазами, кожей цвета бронзы с оттенком корицы. Он тоже был безоружен. Облачение его было типично индусским; поверх тюбетейки большие складки платка образовывали тюрбан; на плечах красовался почти такой же наряд, что и у египтянина, лишь аба была несколько короче, позволяя видеть широкие просторные шаровары, закрывающие колени. Вся одежда была из белоснежного полотна, за исключением шлепанцев красной кожи без задников, с загнутыми вверх носками. От человека исходило ощущение благородства, величавого достоинства и простоты. Вишвамитра, величайший из героев и аскетов «Илиады» Востока, получил в нем свое идеальное воплощение. Ему вполне подошло бы имя Жизнь, пронизанная мудростью Брахмы[4], — Воплощенная Инкарнация. Лишь в глазах индуса оставалось что-то

[4] Примечания: 4

Брахма — в брахманизме и индуизме один из трех высших богов, бог-создатель, творец Вселенной и всего сущего.

земное и человеческое; когда он поднял свое лицо от груди египтянина, в них блестели слезы.

— Воистину велик только Бог! — воскликнул он, размыкая объятия.

— Да будут благословенны служащие Ему! — ответил египтянин, с изумлением услышавший повторение своих собственных слов. — Но подождем немного, — добавил он, — подождем, потому что приближается еще один.

Они устремили свои взоры к северу, откуда, уже вполне различимый, приближался третий верблюд, такой же белоснежный, как и два первых, покачиваясь, словно корабль на волнах.

Они ждали, стоя плечом к плечу, — ждали, пока новый всадник подъехал, спешился и направился к ним.

— Мир тебе, о брат мой! — произнес он, обнимая индуса.

На что индус отвечал:

— Да исполнится воля Бога!

Последний из прибывших был совершенно не похож на своих друзей; более слабого сложения, белокожий, большая грива тонких светлых волос увенчивала его небольшую, но красивую голову; в теплом взгляде его темных глаз явственно читались деликатный ум, храбрость и сердеч-

ность. Он также не был вооружен. Распахнутые складки тирской накидки, которую он носил с врожденным изяществом, позволяли увидеть подобие туники с короткими рукавами и большим вырезом для головы, стянутой на талии узким поясом и доходящей до колен; шея, руки и ноги были обнажены. Ноги защищали сандалии. Лет пятьдесят, а возможно, и больше пронеслись над головой этого человека, почти не оставив следа, только слегка утяжелив его жесты и сделав сдержанной речь. Физическое сложение и могучий дух остались неподвластны годам. Не нужно было слов, чтобы понять, где находилась родина этого человека; так и виделось, что он вышел из оливковых рощ Афин.

Когда его руки, обнявшие египтянина, разомкнулись, последний произнес срывающимся от волнения голосом:

— Святой Дух привел меня первым на место встречи, тем самым повелев мне быть слугой моим собратьям. Шатер раскинут, хлеб уже ждет, чтобы мы его преломили. Позвольте же мне исполнить мой долг.

Взяв каждого из прибывших за руку, египтянин ввел их в шатер, снял с них сандалии и омыл им ноги, слил им воду на руки и вытер чистой мате-

рией. Затем, сполоснув свои руки, он произнес:

— Позаботимся же о себе, братья, как этого требует наш долг, и укрепим себя пищей, чтобы мы могли выполнить то, что должны сделать сегодня. Вкушая пищу, мы расскажем друг другу, кто мы такие, откуда пришли и как нас зовут.

Подведя их к приготовленной трапезе, он усадил прибывших так, чтобы каждый из них видел остальных. Все одновременно склонили головы, скрестили руки на груди и в один голос произнесли:

— Отец всего сущего, Боже, то, что мы здесь, — это Твоя воля; прими нашу благодарность и благослови нас, чтобы мы могли продолжать выполнять Твою волю.

С последними словами они возвели взоры к небу, а потом удивленно устремили их друг на друга. Каждый из них говорил на своем языке, никогда не слышанном другими; и все же каждый в точности понял, что было произнесено. Души их затрепетали от неведомого высокого чувства; они непостижимым образом ощутили Божественное Присутствие.

Глава 3
Говорит афинянин. Вера

Чтобы не оставалось никакой неясности, необходимо отметить, что только что описанная встреча имела место в 747 году от основания Рима. Стоял месяц декабрь, и зима царила на всем пространстве к востоку от Средиземного моря. Переход по пустыне в этот сезон вызывал сильнейший аппетит. Компания, собравшаяся под небольшим шатром, не была исключением из этого правила. Они охотно ели; потом, выпив вина, пустились в разговоры.

— Для путника в чужой стране нет ничего приятнее, чем услышать свое имя, произнесенное устами друга, — произнес египтянин, молчаливо признанный главой застолья. — Нам предстоит провести много дней вместе. Наступило время узнать друг друга. Итак, тот, кто пришел последним, если пожелает, станет говорить первым.

Грек заговорил медленно, словно прислушива-

ясь к своим словам:

— Я должен сказать вам, мои собратья, что едва представляю, с чего мне начать и что такого особенного я могу поведать вам. Я до сих пор до конца не понимаю сам себя. Более всего я уверен в том, что я выполняю волю Господа, и эта служба является для меня нескончаемой радостью. Когда я думаю о предназначении, которое я должен исполнить, во мне рождается невыразимая радость оттого, что я знаю волю Бога.

Говоривший замолк, не в состоянии говорить

от переполнявших его чувств. Остальные, разделяя их, потупили взоры.

— Далеко к западу от этих мест, — снова начал он, — лежит страна, которую невозможно забыть, хотя бы только потому, что мир слишком многим ей обязан, а также потому, что чувство благодарности относится к тем чувствам, которые наполняют сердца людей чистейшей радостью. Я не буду говорить об искусстве, ничего о философии, риторике, поэзии, войне: о мои братья, слава ее должна сиять в веках, записанная на скрижалях истории сияющими письменами, которые Он послал нас обрести и провозгласить, сделав известными всему миру. Страна, о которой я говорю, — Греция. Меня же зовут Гаспар, я сын Клеонта из Афин.

— Люди моей страны, — продолжал он, — преданы познанию, и от них я унаследовал ту же страсть. Двое наших философов, величайшие из множества других, учат: один — тому, что каждый человек обладает душой, которая бессмертна, другой же — доктрине Единого Божества, бесконечно праведного. Из множества учений, по поводу которых спорят между собой различные философские школы, я выбрал именно их, как единственно достойные труда постижения; по-

скольку я убежден — существует связь между Богом и душой, пока еще неведомая. В размышлениях об этом разум доходит до предела, до глухой непроходимой стены; достигшим ее остается только остановиться и возопить о помощи. Так поступил и я; но ни звука не донеслось до меня из-за этой стены. В отчаянии я порвал с городами и школами.

При этих словах мрачная улыбка одобрения осветила исхудавшее лицо индуса.

— В западной части моей страны — в Фессалии, — продолжал свое повествование грек, — есть гора, известная как обиталище богов; именно там расположено жилище Зевса, которого мои сограждане считают верховным богом: гора эта зовется Олимпом. Туда я и направил свой путь. Я нашел пещеру на склоне холма там, где гора эта, тянущаяся с запада, начинает отклоняться к юго-востоку. Там я и жил, предаваясь медитации и ожидая откровения. Веря в Бога, невидимого и вездесущего, я верил также в возможность так возжаждать Его всеми силами души, что Он почувствует сострадание ко мне и даст мне ответ.

— И Он дал — Он дал! — воскликнул индус, вздымая руки из-под шелкового покрывала, покрывавшего его колени.

— Послушайте меня, братья, — произнес грек, с видимым усилием овладевая своими чувствами. — Дверь моего уединенного жилья выходила на Салоникский залив. Однажды я увидел, как с борта вошедшего в залив корабля спрыгнул в море человек. Ему удалось доплыть до берега. Я дал ему кров и заботился о нем. Он оказался иудеем, знающим историю и законы своего народа; от него я узнал, что Бог моих молитв воистину существует и много лет был законодателем, правителем и царем этого народа. Что это было, как не то самое Откровение, о котором я мечтал? Вера моя была не бесплодна, Бог дал мне ответ!

— Как Он дает его всем, кто взывает к Нему с такой верой! — произнес индус.

— Но, увы, — добавил египтянин, — сколь мало мудрецов, постигающих Его ответ им!

— Это еще не все, — продолжал грек. — Человек, посланный мне, рассказал нечто большее. Он поведал, что пророки, которые за время, прошедшее с первого откровения, имели счастье видеть Бога и говорить с Ним, утверждали, что Он снова придет в наш мир. Человек этот поведал мне имена пророков, а из священных книг я познал их язык. Еще он рассказал, что второе пришествие уже наступает — и вот-вот произойдет в Иерусалиме.

Грек прервал свой рассказ, и оживление сошло с его лица.

— Истинно также то, — произнес он после краткого молчания, — истинно также — человек этот сказал мне, что Бог и откровение, о котором он поведал, предназначены только для иудеев. Тот, кто придет, станет Царем Иудейским. «И у Него нет ничего для остального мира?» — спросил я. «Нет, — был ответ, произнесенный гордым тоном. — Нет, поскольку именно мы — Его избранный народ». Ответ этот не сокрушил мою надежду. Почему такой Бог должен ограничивать Свою любовь и благодеяние одной страной и, более того, одним племенем? Я продолжал свои расспросы. Наконец мне удалось сломить гордость этого человека и узнать, что отцы его народа были всего лишь выбраны в качестве служителей, которые должны были хранить Истину с тем, чтобы мир мог в конце концов познать ее и быть спасен. Когда же иудей ушел, оставив меня, я укрепил свою душу новыми молитвами — чтобы мне было позволено увидеть Царя, когда Он явится миру, и поклониться Ему. Однажды ночью я сидел у входа в мою пещеру, пытаясь полнее познать тайну моего бытия: ведь познать ее — значит познать Бога; внезапно в

море, расстилавшемся внизу, или, скорее, во мгле, скрывавшей море, я увидел вспыхнувшую звезду. Медленно она поднялась над горизонтом и остановилась над холмом и моей дверью, так что ее свет воссиял мне прямо в глаза. Я пал ниц и уснул, и во сне я слышал голос, произнесший: «О Гаспар! Вера твоя одержала победу! Да будешь ты благословен! Вместе с двумя другими иди до самого края земли, и там ты узришь Того, Кто был обещан, и будешь свидетелем Его и сможешь свидетельствовать о Нем. Утром же восстань, и ступай на встречу с Ним, и храни веру в тот Дух, что будет вести тебя».

И поутру я проснулся в духе столь светлом, что он затмевал свет солнца. Я сбросил свое рубище отшельника и оделся как в былые времена. Из тайника я достал сокровища, которые принес с собой из города. Вдоль берега шло судно. Я дал ему знак, был принят на борт и сошел в Антиохии. Там я купил верблюда и все необходимое для путешествия. Мимо садов и огородов, покрывающих берега Оронта, я добрался до Эфеса, Дамаска, Басры и Филадельфии, а оттуда сюда. Такова, о братья мои, моя история.

Глава 4
Рассказ индуса. Любовь

Египтянин и индус переглянулись; первый жестом предложил индусу говорить, тот склонил голову и начал свое повествование.

— Наш брат сказал хорошо. Да будут мои слова столь же мудры.

Он прервал свою речь, помолчал, затем продолжил:

— Возможно, о братья мои, вам доводилось слышать мое имя — Мелхиор. Я говорю с вами на языке, который, будучи едва ли не самым древним в этом мире, лишь совсем недавно получил письменность — я имею в виду санскрит, язык Индии. По рождению я индус. Мои соплеменники первыми вступили на поля познания, первыми взрыхлили и возделали их. Что бы ни случилось после этого, теперь всегда будут суще-

ствовать четыре Веды[5], потому что они стали первыми источниками религии и практических знаний. От них пошла Упаведа, дарованная нам Брахмой, повествующая о медицине, искусстве стрельбы из лука, архитектуре, музыке и сорока шести видах практических искусств; Вед-Ангас, открытая вдохновенными святыми и посвященная астрономии, грамматике, стихосложению, произношению, заклинаниям и воплощениям, религиозным обрядам и церемониям; Уп-Ангас, написанная мудрым Вайясой и посвященная космологии, летосчислению и географии, а также «Рамаяна» и «Махабхарата», героические поэмы, созданные для увековечивания наших богов и героев. Таковы, о братья, Великие Шастры, или книги святых таинств. Но теперь они мертвы для меня, потому что все это время они служили только иллюстрацией творческого гения моей расы. Они были обещанием скорого совершенства. Спросите ли вы меня, почему обещания не были воплощены? Увы! Сами эти книги закрыли собой все дороги к прогрессу. Под предлогом заботы о

[5] Примечания: 5

Веды — памятники др. — инд. литературы (конец 2-го — начало 1-го тыс. до н. э.) на др. — инд. (ведийском) языке. Веды составляют сборники гимнов и жертвенных формул (Ригведа, Самаведа, Яджурведа, Атхарваведа) и теологические трактаты (брахманы и Упанишады).

творении авторы этих книг навязали роковой принцип — человек не должен стремиться к познанию или деланию, поскольку Небеса дали ему все необходимое. Когда это положение стало священным законом, факел индийского гения был обращен вниз и с тех пор освещает узкие стены и горькие воды.

— Я упоминаю об этом, братья, не из гордыни, и вы это поймете, когда я расскажу вам, что шастры учат нас — Верховный Бог носит имя Брахмы; что Пураны, или священные стихи Уп-Ангас, повествуют нам о Добродетели и Добрых Делах, а также о Душе. Итак, если брат мой позволит мне заметить, — говоривший почтительно поклонился греку, — за много веков до того, как об этом стало известно людям его страны, две великие идеи — Бог и Душа — поглотили все силы индусского сознания. Позвольте мне продолжить объяснения и сказать, что Брама по учению все тех же священных книг есть воплощение триады — Брахмы, Вишну и Шивы. Из них Брахма считается создателем нашей расы, которую в процессе создания он разделил на четыре касты. Во-первых, он населил нижние миры и вышние небеса; затем он создал для земных существ землю; после чего из его уст произошла каста брахманов, наи-

более близко подобных ему самому, высочайших и благороднейших, единственных учителей Вед, которые в то же самое время изливались из его уст в законченном виде, идеальном воплощении практического знания. Затем из своих рук он создал кшатриев, или воинов; из груди его, местопребывания жизни, произошли вайшья, или производители, — пастухи, земледельцы, торговцы; из ног его, как символа низкого падения, родились шудры, или слуги, — рабы, прислуга, рабочие, ремесленники. Обратите внимание, что, согласно закону, рожденному тогда же, человеку одной касты запрещается становиться членом другой; брахман не может опуститься в более низкие касты; если он нарушает закон своего собственного круга, то становится изгоем, он перестает существовать для других, кроме таких же изгоев, как и он сам.

При этих словах воображение грека, представив все последствия такого падения, пересилило его напряженное внимание, и он воскликнул:

— В таком состоянии, о братья, как же нужен человеку любящий Бог!

— Да, — добавил египтянин, — такой любящий Бог, как наш.

Брови индуса скорбно сошлись; справившись

со своими чувствами, он продолжал более спокойным тоном:

— Я был рожден брахманом. Таким образом, моя жизнь была предопределена до самого ничтожного действия, до последнего часа. Мой первый глоток молока, наречение меня именем, вынос меня на улицу и мой первый взгляд на солнце, посвящение меня в первую ступень брахманства — все сопровождалось чтением священных текстов и пышными обрядами. Я не мог ходить, есть, пить или спать без страха того, что могу нарушить какое-нибудь правило. Нести же кару за это, о братья, пришлось бы моей душе! В зависимости от серьезности нарушения душа моя попала бы на одно из небес — нижайшее из них принадлежит Индре[6], а высочайшее Брахме — или была бы отослана обратно на землю, чтобы вести там жизнь в облике червя, мухи, рыбы или животного. Наградой же за безупречное поведение стало бы блаженство, или сопричисление к Браме, что представляет собой не существование, но пребывание в абсолютном покое.

Индус позволил себе минутное раздумье и за-

[6] Примечания: 6

Индра — в ведической религии наиболее почитаемое божество, предводитель и царь богов, громовержец и владыка атмосферы (мира Индры).

тем продолжал:

— Эта часть жизни брахмана называется первой ступенью — ученичеством. Когда же я был готов подняться на вторую ступень — я имею в виду, когда созрел для женитьбы и обзаведения хозяйством, — я задавал много вопросов всем, даже брахманам, и стал еретиком. Из глубины колодца я узрел льющийся сверху свет; стремился подняться к нему и увидеть, что проливает свет на всех нас. И наконец — ах, какой же это был тяжкий труд! — я стоял в свете дня и созерцал принцип жизни, важнейший элемент веры, связующее звено между душой и Богом — любовь!

Морщинистое лицо мудреца смягчилось, он с силой всплеснул руками. Наступило молчание, во время которого двое других смотрели на него, причем грек — сквозь заливавшие его лицо слезы. Через несколько минут индус продолжил свою речь:

— Счастье любви заключается в действии; мера же ее в том, что́ кто-то готов сделать для других. Я не мог пребывать в покое. Брахма заполнил мир столькими несчастными. Шудры взывали ко мне, как и бесчисленные верующие и жертвы. Остров Ганга Лагор находится там, где священные воды Ганга исчезают в Индийском океане. Туда я и на-

правил мои стопы. В тени храма, построенного там для мудрого Капилы[7], вознося молитвы вместе с его учениками, которых священная память об этом святом человеке собрала вокруг его жилища, я думал обрести покой. Но дважды в году сюда приходила процессия паломников, жаждущих найти очищения в водах реки. Их страдания укрепили мою любовь. Противясь порыву заговорить, я замкнул свои уста, поскольку единое слово против Брамы, или Троицы, или же шастриев означало бы верную смерть для меня; любое сочувствие к изгоям, участь которых — умереть в горючих песках, — произнесенное благословение, поданная чашка воды стали бы приговором для меня, а я — одним из них, потерянным для семьи, страны, касты. Но любовь побеждает! Я говорил с учениками в храме; они прогнали меня. Я разговаривал с паломниками; ответом мне был град каменьев, заставивший меня покинуть остров. Я пытался проповедовать на стогнах городов; мои слушатели в ужасе бежали от меня или пытались убить. В конце концов во всей Индии не оказалось места, где я мог бы найти мир и покой, — даже среди изгоев,

[7] Примечания: 7

Капила — др. — инд. мыслитель, основатель дуалистической философской системы санкхьи. Сутры Капилы не сохранились.

поскольку и будучи падшими они все равно веровали в Браму. Оказавшись в таком положении, я стал искать одиночества, чтобы скрыться от всех, кроме Бога. Я поднялся к истокам Ганга, к горним высям Гималаев. Когда я взошел на перевал Хурдвар, откуда река в еще незамутненной чистоте начинает свой путь на равнину, я помолился за свой народ и счел себя навсегда потерянным для людей. Через груды камней, взбираясь на скалы и ледники, по пикам, казалось достигающим небес, я смог добраться до Лангцо, озера неописуемой красоты, лежащего у подножий Тизегангри, Гурлы и Кайлас-Парбот, трех гигантов в короне вечных снегов, ослепительно сияющих в лучах солнца. Там, в центре земли, откуда берут начало Инд, Ганг и Брахмапутра, текущие в трех разных направлениях, где прародители человечества возвели свои первые хижины и где они разделились, чтобы заполнить своими потомками мир, оставив после себя Балк, мать всех городов, в ознаменование этого великого события; где природа, возвратившаяся в свое первоначальное состояние и уверенная в своей безопасности, приглашает мудрецов и изгнанников, обещая безопасность для одних и одиночество для других, — именно здесь и пребывал я наедине с Богом

в молитве, посте и ожидании смерти.

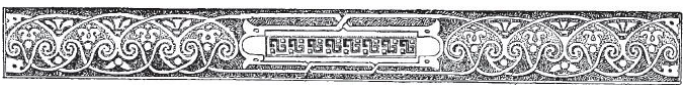
И снова голос индуса умолк, а его костлявые руки сомкнулись в страстном жесте.

— Однажды ночью я шел берегом озера, взывая в слушающую меня тишину: «Когда же Бог придет и заявит о себе? Неужели не будет искупления грехов?» Внезапно в воде озера возгорелся трепетный свет; над поверхностью его появилась звезда, она поднялась на небо и воссияла у меня над головой. Яркость ее ошеломила меня. Когда же я упал ничком на землю, то услышал голос неописуемой благости, говорящий: «Любовь твоя победила! Будь же ты благословен, о сын Индии! Искупление грехов уже у порога. Вместе с еще двумя, пришедшими из дальних краев земли, ты узришь Спасителя и будешь свидетелем того, как Он придет в мир. Поутру восстань ото сна, и ступай на встречу с ними, и со всей силой своей веры поверь в Дух, который будет вести тебя».

И с этого времени свет не оставляет меня; потому я знаю, что он являет собой видимое присутствие Духа. Наутро я направил свои стопы в мир той дорогой, по которой и пришел сюда. В расщелине горы я нашел камень изрядной ценности, который я продал в Хурдваре. Через Лахор, Кабул и Джидду я пришел в Исфахан. Там купил

верблюда и таким образом добрался до Багдада, не дожидаясь караванов. Я путешествовал в одиночку, не испытывая страха, потому что Дух был со мной, как и сейчас. Какое же счастье обрели мы, о братья! Нам предстоит узреть Спасителя — говорить с Ним — поклониться Ему! Я сказал!

Глава 5
История египтянина. Добрые дела

Более эмоциональный грек поспешил выразить индусу свою радость и поздравления; после чего египтянин произнес с характерной для него степенностью:

— Я преклоняюсь перед тобой, брат мой. Ты много претерпел, и тем больше я радуюсь твоему торжеству. Если вы оба будете добры выслушать меня, то я поведаю вам, кто я такой и как я пришел к тому, чтобы стать призванным. Подождите меня, пожалуйста, одну минуту.

Он вышел из шатра и добавил корма своему верблюду; возвратясь, египтянин продолжил свой рассказ.

— Ваши слова, братья, повествовали о Духе, — сосредоточась, начал он, — и Дух дал мне понять их. Каждый из вас, в частности, рассказывал о своих странах, и это очень важно, почему — я объясню; но, чтобы вы могли полностью понять

меня, позвольте мне сначала сказать несколько слов о моей стране. Я Балтазар, египтянин.

Последние слова рассказчик произнес негромко, но с таким достоинством, что оба слушателя почтительно склонились перед ним.

— Я мог бы назвать многие отличительные особенности моего народа, — продолжал он, — но я упомяну только одну. История начинается с нас. Мы первыми стали заносить происходящие события на скрижали истории. У нас не было традиций, и поэтому поэзии мы предпочли достоверность. На фасадах дворцов и храмов, на обелисках, на внутренних стенах гробниц мы записали имена наших царей и их деяния; а изящным папирусам мы доверили мудрость наших философов и тайны нашей религии — все секреты, кроме одного, о котором я сейчас вам рассказываю. Древнее, чем Веды Брахмы или Уп-Ангас Вайясы, о Мелхиор, древнее, чем песни Гомера или метафизика Платона, о мой Гаспар, древнее священных книг и мандаринов Китая; древнее свитков Сиддхартхи[8], сына прекрасной Майя; древнее Торы иудея Моисея — старейши-

[8] Примечания: 8

Сиддхартха (санскр.) — (*букв.* просветленный) имя основателя буддизма принца Гаутамы (623–544 гг. до н. э.), происходившего из царского рода племени шакьев в Северной Индии.

ми из анналов человеческой истории являются архивы Мену, нашего первого царя.

Умолкнув, он остановил ласковый взор своих больших глаз на греке.

— На заре истории Эллады кто, о Гаспар, был учителем ваших учителей?

Улыбаясь, грек склонил голову.

— Из этих архивов нам известно, — продолжал Балтазар, — что, когда наши праотцы пришли с далекого Востока, из тех краев, где рождаются три великие реки, из центра мира — со Старого Иранского нагорья, о котором ты нам поведал, о Мелхиор, — то они принесли с собой и историю мира до Потопа, и историю самого Потопа, данную ариям сыновьями Ноя, умудренного Богом, Создателем и Началом Начал, и Душой, столь же бессмертной, как и Бог. Когда мы выполним свой долг, к которому мы призваны, то, если вы решите пойти со мной, я покажу вам священную библиотеку нашего жречества; там, среди прочих, хранится и «Книга мертвых», содержащая ритуал, который должна соблюсти душа после смерти, отправляясь на судилище. Эти идеи — Бог и Бессмертная Душа — были выношены Мицраимом в пустыне и принесены им на берега Нила. Тогда они предстали миру во всей своей

первоначальной чистоте, в простоте понимания, как этого всегда желает Бог для нашего счастья; таким же было и первое богослужение — песня и молитва, естественная для увеселения сердца и надежды, исполненная любви к Создателю.

При этих словах грек воздел руки к небу, воскликнув:

— О, я чувствую, как свет проливается в мою душу!

— И в мою тоже! — с таким же жаром произнес индус.

Египтянин поблагодарил их взглядом и продолжал:

— Религия представляет собой всего лишь закон, который связывает человека со своим Создателем: в основе ее лежат только эти элементы — Бог, Душа и их взаимное понимание, из которых по мере их осуществления исходят Богослужение, Любовь и Воздаяние. Закон этот, как и все остальные законы божественного происхождения — подобно тому, который связывает Землю и Солнце, — был с самого начала доведен своим Создателем до совершенства. Такой, о братья мои, была религия первой семьи; такой была религия нашего праотца Мицраима, который не мог быть слеп к формулировке творения, ныне же столь от-

личной от первоначальной, как первая молитва отличается от богослужения. Совершенство есть Бог; простота есть совершенство. Проклятие же всех проклятий в том, что люди не могут верить единственно таким образом.

Он замолчал, словно бы в раздумье подбирая слова.

— Многие народы возлюбили сладкие воды Нила, — снова заговорил он, — эфиопы, выходцы из Индии, иудеи, ассирийцы, персы, македоняне, римляне — и все они, кроме иудеев, то или иное время господствовали в этих местах. Волны народов, прокатывавшиеся над долиной Нила, исказили древнюю веру. Пальмовая долина стала Долиной Богов. Верховный Единственный разделился на восемь богов, каждый из которых олицетворяет собой ту или иную творческую силу природы, возглавляет же их Амон-Ра. Затем были придуманы Исида[9] и Осирис со своим кругом богов, символизирующих воду, огонь, воздух и другие природные элементы. Такое умножение богов продолжалось, так что теперь мы имеем

[9] Примечания: 9

Исида — в древнеегипетской мифологии супруга и сестра Осириса, мать Гора, олицетворение супружеской верности и материнства; богиня плодородия, воды и ветра, волшебства, мореплавания, охранительница умерших.

совершенно другой порядок, олицетворяющий скорее человеческие качества — силу, знания, любовь и тому подобное.

— В чем было явлено старое недомыслие! — порывисто воскликнул грек. — Только то, что не может быть постигнуто, остается таким, каким было первоначально явлено нам.

Египтянин склонил голову в знак согласия.

— Но еще несколько слов, о мои братья, еще несколько слов, прежде чем я поведаю вам о себе. То, к чему мы подходим, будет, возможно, самое святое по сравнению с тем, что есть и было. Анналы говорят нам, что Мицраим нашел Нил под властью эфиопов, которые царили здесь вплоть до африканской пустыни, народа щедро одаренного, фантастически гениального, полностью посвятившего себя поклонению природе. Поэтичные персы обожествляли солнце как совершенный образ Ормузда[10], их Бога; набожные дети Востока вырезали свои божества из дерева и слоновой кости; но эфиопы, не обладая письменностью, не имея книг, не располагая механическими устройствами какого-либо рода, усмирили свою душу поклонением животным,

[10] Примечания: 10

Ормузд (Ахурамазда) — верховный бог в зороастризме, олицетворение доброго начала мироздания.

птицам и насекомым, считая кошек посвященными Ра, быков — Исиде, пчел — Фта. Длительная борьба против их примитивной веры закончилась в конце концов ее принятием в качестве религии новой империи. Затем были воздвигнуты громадные монументы, заполонившие берега реки, — обелиски, лабиринты, пирамиды и гробницы царей вперемешку с усыпальницами крокодилов. Вот в какую пропасть деградации, о братья мои, пали сыны ариев!

И здесь в первый раз спокойствие египтянина изменило ему: голос его задрожал, хотя лицо его осталось бесстрастным.

— Но не презирайте всех моих соплеменников, — снова заговорил он. — Не все из них забыли Бога. Как вы, может быть, помните, я упомянул, что мы доверили папирусам самые сокровенные тайны нашей религии, кроме одной; об этом я и хочу теперь рассказать вам. Некогда нами правил фараон, который был привержен ко всему новому, ко всем происходящим переменам. Создавая новую государственность, он старался вытеснить из памяти людей старую. В те времена иудеи жили вместе с нами в качестве рабов. Они поклонялись своему Богу; и, когда гонения на них стали невыносимыми, они покинули страну так

необычно, что это событие никогда не забудется. Теперь я буду говорить так, как это записано в наших анналах. Моисей, будучи иудеем, пришел ко дворцу фараона и стал просить позволения рабам, которых были тогда миллионы, покинуть страну. Просьба эта была сделана во имя Господа Бога Израиля. Фараон отказал. Послушайте же, что за этим последовало. Во-первых, вся вода как в озерах и реках, так и в бочках и водохранилищах превратилась в кровь. И все же монарх снова отказал. Тогда появилось множество лягушек, они покрыли всю землю. Фараон не соглашался. Тогда Моисей развеял в воздухе горсть пепла, и египтян поразила чума. Затем мор напал на все стада, кроме иудейских. Потом все посевы пожрала саранча. В полдень день стал ночью столь темной, что свет лампад не мог разогнать темноту. И в конце концов однажды ночью все дети-первенцы египтян умерли; не избежал этой участи и первенец фараона. Тогда фараон согласился. Но когда иудеи ушли из нашей страны, он послал им вослед свою армию. Когда воины уже почти догнали уходящих иудеев, воды моря расступились, и изгнанники прошли посуху. Когда же преследователи двинулись вслед за ними, воды сомкнулись, и все утонули — воины,

лошади, колесницы и сам царь. Ты говорил об откровении, о мой Гаспар…

Синие глаза грека сверкнули.

— Я слышал этот рассказ от одного иудея, — воскликнул он. — Ты подтвердил это, о Балтазар!

— Да, но моими устами говорит Египет, а не Моисей. Я пересказываю записи на мраморе наших храмов. Жрецы тех времен записали то, чему они были свидетелями. И тут я подхожу к самой главной, нигде не записанной тайне. В моей стране, братья, со дней того самого незадачливого фараона всегда было две религии — одна общественная, для всего народа, в которой было множество богов; в другой же царил один Бог, лелеемый только жречеством. Возрадуйтесь же со мной, о братья! Тяжкая поступь множества народов, гнет царей, все выдумки врагов, новации времен — все это пропало втуне. Как семя под горой ждет своего часа, торжествующая Истина дождалась своей поры — и она с нами ныне!

Изможденное тело индуса содрогалось от восторга, а грек воскликнул:

— Мне кажется, что сама пустыня возносит песнь небесам!

Египтянин сделал глоток из бурдюка с водой и продолжал:

— Я был рожден в Александрии, в семье правителей и жрецов, и получил обычное для моего круга образование. Но очень рано я ощутил неудовлетворение. Один из догматов нашей веры гласил, что после смерти, после распадения моего тела, душа начнет свой путь из глубины бездны до человеческой природы, высшего и последнего уровня существования; и все это вне всякой связи с поведением в земной жизни. Когда я услышал о Царстве Света персов, об их рае, лежащем по ту сторону моста Чайнват, куда могут попасть только творившие добро, то мне днем и ночью не давала покоя одна дума — я размышлял о сравнительных идеях Вечного Переселения Душ и Вечной Жизни на Небесах. Почему, если, как говорил мой учитель, Бог есть справедливость, почему же нет никакого различия между добром и злом? Со временем мне стало ясно, что смерть — только точка разделения, после которой грешники обречены, а праведники восходят к высшей жизни; не к нирване Будды и не к безрезультатному покою Брахмы, о Мелхиор, но к жизни — жизни активной, радостной, вечной — ЖИЗНИ в Боге! Открытие это привело меня к новому вопросу. Почему надо было столь долго скрывать Истину втайне ради себялюбивого

утешения жречества? Все причины для такого сокрытия исчезли. Философия по крайней мере научила нас терпимости. Вместо Рамзеса у себя в Египте мы уже имели Рим. И вот однажды в Брухейуме, самом великолепном и населенном районе Александрии, я предстал перед толпой и стал проповедовать. Среди моих слушателей были как сыны Запада, так и дети Востока. Школяры, направляющиеся в библиотеку, жрецы, идущие из Серапиона[11], праздношатающиеся посетители музея, меценаты конных скачек, мои соплеменники из Ракотиса и множество других останавливались послушать меня. Я возвещал о Боге, Душе, Добре и Зле, о Небесах, о воздаянии за добродетель. Ты, о Мелхиор, застыл бы на месте; мои же слушатели поначалу послушали меня, а потом подняли на смех. Я сделал еще попытку; они забросали меня эпиграммами, осмеяли моего Бога и очернили мои Небеса издевками. Чтобы не задерживаться на этом, скажу только, что я не преуспел перед ними.

Индус печально вздохнул и произнес:

— Нет у человека большего врага, чем он сам.

---

[11] Примечания: 11

Серапион — храм, посвященный Серапису, божеству эллинистического Египта, которому позднее стали поклоняться и в греко-римском мире. Его культ сочетал черты египетской и греческой религий.

Балтазар какое-то время молчал.

— Я много думал о причинах своей неудачи и наконец понял, — произнес он, снова возвращаясь к своему рассказу. — Выше по течению реки, на расстоянии дня пути от города, лежала деревенька, в которой жили пастухи и огородники. Сев в лодку, я отправился туда. Вечером я созвал народ, мужчин и женщин, беднейших из бедных. Я обратился к ним с той же самой проповедью, что и в Брухейуме. Они не смеялись надо мной. На следующий вечер я снова говорил им, и они уверовали, и возликовали, и разнесли повсюду весть обо мне. Когда я встретился с ними в третий раз, то они образовали небольшое сообщество, чтобы проповедовать эти мысли всем. Затем я вернулся в город. Спускаясь вниз по реке, под звездами, которые, казалось, сияли мне, как никогда ранее, я извлек из всего происшедшего следующий урок: начиная что-то новое, никогда не иди с этим к богатым и знатным; ступай к тем, чья чаша счастья пуста, — к бедным и униженным. После чего я разработал план и посвятил ему всю свою жизнь. Прежде всего я обезопасил все свое изрядное состояние и сделал так, чтобы оно всегда было доступно для облегчения жизни страждущих. С того дня я, о братья мои, исходил

все пути вверх и вниз по течению Нила, от селения к селению, от одного племени к другому, проповедуя Единого Бога, праведную жизнь и воздаяние на Небесах. Я творил добрые дела — не подсчитывая, сколько именно. И еще я знаю, что часть этого мира созрела для принятия Того, к Кому мы направляемся.

На смуглых щеках говорившего появился румянец; но он подавил эмоции и продолжал:

— Годы, отпущенные мне, о мои братья, были омрачены одной только думой: когда я покину этот мир, что станется с тем делом, которое я начал? Окончится ли оно вместе с моей собственной кончиной? Много раз я мечтал создать организацию, как венец своих трудов. Не стану скрывать от вас и того, что я пытался воплотить это в жизнь, но потерпел неудачу. Братья мои, мир сейчас находится в таком состоянии, что человеку для того, чтобы восстановить в нем древнюю веру Мицраима, необходима поддержка не только людей; он должен не только прийти с именем Божьим на устах, но и предъявить доказательства своим словам; он должен продемонстрировать все, о чем говорит, даже Бога. Столь перегружено человеческое сознание мифами и религиозными системами; столь многих ложных божеств повсю-

ду — на земле, в воздухе, в небесах — сотворила толпа, сделавшая их частью повседневной жизни, что возвращение к первоначальной религии возможно только по кровавой тропе, по полям гонений; поскольку очень многие заблуждающиеся предпочтут умереть, чем быть обращенными. И кто в наше время сможет вознести веру людей до такой степени, кроме как Сам Бог? Чтобы искупить грехи рода человеческого — я не имею в виду его уничтожение, — чтобы искупить его грехи, Он должен сделать одно: ОН САМ ДОЛЖЕН ЯВИТЬСЯ В МИР.

При этих словах сильнейшее волнение охватило всех.

— Но разве мы не пустились в путь, чтобы найти Его? — воскликнул грек.

— Вы понимаете, почему не удалась моя попытка создать организацию, — через какое-то время произнес египтянин. — У меня не было такой поддержки свыше. Сознание того, что моя работа будет потеряна, заставляло меня невыносимо страдать. Я верил в молитву; и, чтобы сделать мои призывы чистыми и усердными, братья мои, я ушел с проторенных путей и направился туда, где не ступала нога человека, а царил один только Бог. Я поднялся выше пятого порога Нила,

выше слияния рек в Сеннаре, выше Бар-эль-Абиана и углубился в неизвестность горючих песков Африки. Именно там однажды утром я увидел вдали гору, синюю, как небо, бросающую свою прохладную тень далеко в западную пустыню и питающую водопадами из растаявшего льда широкое озеро, раскинувшееся у ее основания с восточной стороны. Озеро это дает начало великой реке. Больше года гора служила мне родным домом. Плоды пальм давали пищу моему телу, а молитва — моей душе. Однажды вечером я гулял по маленькой рощице плодовых деревьев, раскинувшейся на берегу озера. «Мир гибнет. Так когда же Ты явишься в этот мир? Почему мне не дано увидеть спасения мира, о Господи?» — так я взывал к Нему. В зеркальной воде озера отражались звезды. Одна из них, как показалось мне, покинула свое место и поднялась на поверхность воды. Дивным огнем она сияла мне в очи. Затем звезда двинулась по направлению ко мне и остановилась над моей головой, едва ли не на расстоянии вытянутой руки. Я пал ниц и спрятал лицо в траве. Неземной голос возгласил: «Твои добрые дела одержали победу. Будь же благословен ты, о сын Мицраима! Спасение мира уже у порога. Вместе с еще двумя праведниками из отдаленных углов

земли тебе предстоит узреть Спасителя и свидетельствовать о Нем. Утром восстань и ступай на встречу с ними. А когда вы все вместе ступите в священный град Иерусалим, вопрошайте людей: „Где Тот, кто рожден быть Царем Иудейским? Ибо мы лицезрели Его звезду на Востоке и были посланы вознести Ему молитву“. Доверься же во всем Духу, который будет вести тебя».

И свет этот воссиял в моей душе, гоня прочь все сомнения, и он пребывает во мне, мой господин и поводырь. Он вел меня вниз по реке до Мемфиса, где я стал готовиться к переходу по пустыне. Я купил верблюда и без остановки направился далее, к Суэцу, а оттуда через страны Моаба и Аммона — сюда. С нами Бог, о братья мои!

Он умолк, и вслед за этим, словно по велению кого-то постороннего, все трое встали и посмотрели друг на друга.

— Я сказал, что была какая-то цель в той обстоятельности, с которой мы описывали наши народы и их историю, — так продолжил свою речь египтянин. — Тот, Кого мы посланы найти, был назван Царем Иудейским, именно это имя мы обязаны называть в наших поисках Его. Но теперь, когда мы все встретились и услышали речи друг друга, мы знаем, что он является Спаси-

телем, и не только иудеев, но всех народов земли. У патриарха, пережившего Потоп, было три сына, каждый со своим семейством, которые вновь заселили землю. Они расстались в горах древнего Ариана-Вайджеро, заветного региона в самом сердце Азии. Индию и Дальний Восток получили дети первого из них; отпрыски самого юного через север устремились в Европу; потомки же второго заселили пустыни, расстилающиеся вокруг Красного моря, и проникли в Африку; и хотя большинство из них обитают до сих пор в складных шатрах, некоторые стали возводить здания вдоль Нила.

В едином порыве все трое соединили руки.

— Кому еще выпадала в жизни столь божественная задача? — продолжал Балтазар. — Когда мы найдем Господа, о братья, и все поколения последуют за Ним, преклоним колена перед Ним в знак уважения. А когда мы расстанемся, чтобы следовать каждый своим путем, мир усвоит новый урок: что Небеса можно завоевать — не мечом, не человеческой мудростью, но Верой, Любовью и Добрыми Делами.

Наступило молчание, прерываемое только вздохами и освященное слезами, потому что радость, переполнявшая их, должна была найти выход наружу. Это была неизреченная радость душ на берегах реки Жизни, перед ликом Бога.

Внезапно руки их разъединились, и плечом к плечу все трое вышли из шатра. Над пустыней царила тишина. Солнце быстро опускалось к горизонту. Верблюды дремали.

Спустя несколько минут шатер был свернут. Друзья сели на верблюдов и выстроились в цепочку, ведомую египтянином. Взяв направление точно на запад, они тронулись в прохладу ночи. Верблюды двигались так синхронно, что каждый из них ступал точно в след предыдущего, соблюдая одинаковые интервалы между собой.

Всадники больше не произнесли ни слова.

Мало-помалу на небо взошла луна. В ее серебристом свете три высокие белые фигуры, неслышно двигающиеся по пустыне, казались привидениями, возникшими из теней. Неожиданно в воздухе перед ними, над вершиной близлежащего холма, воссиял яркий свет; все трое разом остановились, не спуская взгляда с его источника. Сердца путников забились чаще, души их затрепетали, и все трое в один голос воскликнули:

— Звезда! Звезда! С нами Бог!

Глава 6
Яффские ворота

В стене, окружающей Иерусалим, с западной стороны был сделан проход, называвшийся Вифлеемскими или Яффскими воротами. Они были одной из достопримечательностей города. Задолго до того, как Давид возжелал обосноваться на Сионе, там уже стояла цитадель. Когда же сын Иессея[12] начал возведение храма, то одна стена цитадели стала северо-западным углом новой городской стены, прикрываемой башней, гораздо более мощной, чем старая. Ворота же остались там, где и были, поскольку сходившиеся к этому месту дороги было не так-то просто куда-либо перенести. Пространство перед воротами стало рыночной площадью. Во дни Соломона здесь оживленно сновали и местные торговцы, и почтенные купцы из Египта, Тира и Сидона. Около

---

[12] Примечания: 12
Иессей (библ.) — отец Давида.

трех тысяч лет прошло с тех пор, но и сейчас на этом месте ключом бьет жизнь. Если паломнику нужно купить булавку или пистолет, огурец или верблюда, дом или лошадь, взять деньги в долг или приобрести миску чечевичной похлебки, назначить свидание или найти себе драгомана, купить арбуз или человека, голубя или осла — ему только стоит назвать необходимый предмет у Яффских ворот. Многие сцены, разыгрывающиеся тут, достойны кисти художника. А что творилось здесь во времена Ирода! Перенесемся же с тобой, читатель, в то время и на тот рынок.

По иудаистскому календарю встреча мудрецов, описанная в предыдущих главах, состоялась во второй половине двадцать пятого дня третьего месяца года, что соответствует 25 декабря. На дворе стоял второй год тысяча девятьсот третьей Олимпиады, или семьсот четыреста седьмой год от основания Рима, или шестьдесят седьмой год Ирода Великого[13], или тридцать пятый год его правления, до начала же христианской эры оставалось четыре года. День по иудейскому обычаю начинался с восходом солнца, и первый час после его восхода считался первым часом

[13] Примечания: 13

Ирод Великий (ок. 73 — 4 гг. до н. э.) — царь Иудеи с 40 г. до н. э., овладел троном с помощью римских войск.

дня; так что рынок у Яффских ворот в первый час описываемого дня уже торговал, и торговал весьма оживленно. Мощные ворота открылись с первыми лучами солнца. Торговцы, толкаясь и оттесняя друг друга, протискивались сквозь арку ворот и располагались в узких переулочках и на уличных пятачках у большой башни, прикрывавшей вход в город. Иерусалим расположен в холмистой местности, и воздух еще хранил остатки утренней прохлады. Косые лучи восходящего солнца, предвещая дневной жар, пока нежно ласкали зубчатые стены и бойницы, с которых раздавалось воркование гнездившихся там голубей.

Поскольку читателю предстоит познакомиться со многими обитателями Святого города, как с коренными жителями, так и с приезжими, то для понимания событий, описанных далее, просто необходимо задержаться у ворот и понаблюдать разыгрывающиеся перед ними сцены. И нет лучшей возможности сделать это, чем бросить взгляд на толпу, которая с тех пор изрядно изменилась и которую уже не обуревают страсти, бушевавшие в описываемые времена.

Зрелище совершенно ошеломляет — своим пылом, звуками, цветами, событиями. Земля

вымощена широкими каменными плитами различной формы, от которых отражается каждый крик, стук подков и дребезжание колес, смешиваясь с эхом от массивных каменных стен цитадели и образуя неописуемую какофонию.

Вот ослик печально понурился под тяжестью корзин с чечевицей, фасолью, луком и огурцами, совсем недавно собранными в огородах и террасных садах Галилеи. Хозяин товара в ожидании покупателей нараспев выкрикивает названия привезенных им продуктов голосом, который могут понять только посвященные. На его ногах сандалии, сам он завернут в небеленый и неокрашенный кусок холста, заброшенный на одно плечо и завязанный узлом на груди. Рядом покоится на подогнутых ногах серый тощий верблюд, весь избитый, с клочковатой шерстью на шее и теле, нагруженный ящиками и корзинами, притороченными к громадному седлу. Его владелец — египтянин, невысокий, гибкий, своим телосложением во многом обязанный пыли дорог и пескам пустыни. На нем выцветший тарбуш, просторное одеяние без рукавов и без пояса, свободно падающее от шеи до колен. Он босоног. Верблюд, беспокоясь под тяжестью груза, время от времени ревет и демонстрирует

зубы, но египтянин безразлично прохаживается перед ним, помахивая жезлом и непрерывно расхваливая свои фрукты, только что собранные в Кедроне, — виноград, финики, инжир, яблоки и гранаты.

На углу, там, где переулок выходит на неширокую площадь, сидят несколько женщин, привалившись спиной к серым камням крепостной стены. Одежда их обычна для небогатых жителей страны — холщовое платье, облекающее женщину с головы до ног, собранное свободными складками на талии, на голову наброшен покров или плат, спускающийся до плеч. Они торгуют товаром, хранящимся в глиняных кувшинах, какие доныне используются на Востоке для хранения колодезной воды, и в кожаных бурдюках. Среди кувшинов и бурдюков, прямо на плитах мостовой, не обращая внимания на холодный камень и толпу, играет с полдюжины почти нагих детей; их загорелые тела, миндалевидные глаза и шапки густых волос наглядно свидетельствуют о текущей в их жилах крови сынов Израиля. Их матери время от времени бросают на них взгляд из-под наброшенных на головы платков и с прирожденной скромностью стараются расхваливать свой товар: разлитый в бурдюки «мед

винограда» и более крепкие напитки в кувшинах. Их голоса едва слышны в общем шуме, они с трудом могут противостоять куда более сильным конкурентам, длиннобородым крепким парням с босыми ногами, в грязных рубахах, носящим на спине в особых коробах бутылки, нараспев выкрикивающим: «Сладкое вино из виноградников Эн-Гиди!» Когда покупатель окликает кого-нибудь из этих парней, из-за спины извлекается бутыль, от ее горлышка отводится грязный палец, и в подставленную чашу льется темно-красная кровь ароматных ягод.

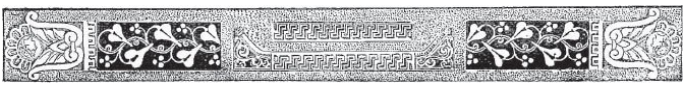
Не меньше их кричат и продавцы птиц — голубей, гусей, поющих канареек, соловьев, а также оптовые покупатели птиц, которые скупают их у птицеловов, едва ли задумываясь о всех опасностях этого промысла — ведь птицеловам приходится раскидывать свои сети высоко на скалах и утесах и спускаться в горные расщелины.

Вперемешку с торговцами драгоценностями — проворными мужчинами в цветастой одежде, с белыми тюрбанами чудовищной величины на головах, исполненными достоинства, исходящего от могущества разложенного перед ними товара: сверкающих браслетов, шейных цепочек, небольших слитков золота, — сидят продавцы

домашней утвари, одежды, благовоний и притираний, шныряют всевозможные перекупщики любого товара, нужного и ненужного; торговцы животными тащат на поводках и веревках ревущую, мычащую, блеющую живность — ослов, лошадей, телят, коров, баранов, коз, неуклюжих верблюдов, словом, животных любой породы, кроме объявленных вне закона свиней. Все это перемешано в страшном беспорядке, рассыпано по всему рынку, повторено множество раз.

Оторвавшись от сцен, разыгрывающихся в переулках и на уличных пятачках, от продавцов и их товара, читателю теперь стоит обратить свое внимание на праздношатающихся посетителей и покупателей. Сделать это лучше всего перед воротами, где зрелище наиболее разнообразное и оживленное, поскольку его обогащают обилием красок и эффектов раскинувшиеся шатры, палатки, навесы, куда большее пространство, множество народа, ничем не стесненная свобода и великолепие солнечного Востока.

Глава 7
Характерные типажи у Яффских ворот

Так займем же нашу позицию рядом с воротами, чуть в стороне от потока людей — входящих и выходящих из города, — и окунемся в кипящую здесь жизнь.

И как вовремя! Вот идут двое мужчин весьма примечательной внешности.

— О боги! До чего же холодно! — говорит один из них, мощный человек, облаченный в доспехи; на его голове бронзовый шлем, на груди ярко сверкает нагрудник кирасы, из-под которого ниже пояса спускается кольчуга. — Какой холод! Ты помнишь, мой Кай, тот склеп у нас в Комитиуме, о котором говорят, что это вход в нижний мир? Клянусь Плутоном, я с удовольствием постоял бы сегодня утром в том склепе, чтобы согреться!

Тот, к кому были обращены эти слова, отбросил назад капюшон военной накидки, обнажая голову и лицо, и с иронической улыбкой ответил:

— Шлемы легионов, которые победил Марк Антоний, были полны снегом Галлии; но ты — ах, мой бедный друг! — ты только что прибыл из Египта и принес в своей крови тамошнее лето.

С этими словами друзья исчезают в воротах. Хотя мы больше не можем их слышать, их доспехи и тяжелые шаги не оставляют сомнения в том, что это римские солдаты.

Затем взгляд выхватывает в толпе еврея, тощего, с покатыми плечами, одетого в грубую коричневую рубаху; на его лоб, лицо, шею падают спутанные, нечесаные волосы. Он идет один. Встречные при виде его презрительно улыбаются, а то и плюются; поскольку он Назорей, один из членов презираемой всеми секты, которые отвергают закон Моисея, дают отвратительные обеты и не стригутся, пока эти обеты не выполнят.

Пока мы провожаем взглядом его удаляющуюся фигуру, в толпе вдруг начинается какая-то суматоха, люди раздаются вправо и влево, что-то громко выкрикивая. Затем появляется и виновник этой суматохи — мужчина-иудей, судя по наружности и одежде. Накидка из снежно-белой льняной ткани, удерживаемая на голове шнуром желтого шелка, ниспадает ему на плечи, рубаха его украшена богатой вышивкой; крас-

ный кушак с позолоченной бахромой несколько раз обвивается вокруг его пояса. Он шествует невозмутимо, едва улыбаясь тем, кто, толкаясь, поспешно уступает ему дорогу. Неужели прокаженный? Нет, это самаритянин. Если спросить о нем какого-нибудь стиснутого толпой человека, тот ответит, что это полукровка-ассириец, даже прикосновение к одежде которого оскверняет; от которого истинный сын Израиля, даже умирая, не примет никакой помощи. На самом же деле древняя вражда не имеет никакого отношения к текущей в жилах крови. Когда Давид утвердил свой трон на Сионе, то его поддержало в этом только племя иудеев; десять же других племен перебрались в Сихем, в город куда более древний и в то время гораздо более богатый своей священной историей. Когда же «колена Израилевы» все же объединились, это не положило конца начавшемуся тогда спору. Самаритяне остались верны своей скинии на холме Герицим и, отстаивая ее превосходящую все святость, только смеялись над разгневанными теологами Иерусалима. Время не охладило страсти. При Ироде в споре о вере приняли участие все народы, кроме самаритян; они единственные раз и навсегда прервали какое бы то ни было общение с иудеями.

Когда самаритянин скрывается под аркой ворот, оттуда появляются трое человек, столь непохожие на всех, кого мы до сих пор видели, что наш взгляд сам собой останавливается на них. Это люди необычайно крепкого сложения и огромной силы; у них голубые глаза и столь чистая кожа, что вены просвечивают сквозь нее голубоватыми прожилками; светлые волосы коротко острижены. Головы их, небольшие и круглые, гордо покоятся на мощных шеях, напоминающих ствол дерева. Шерстяные туники, открытые на груди, без рукавов и свободно подпоясанные, облегают их тела, позволяя видеть обнаженные руки и ноги столь могучего сложения, что в голову нам тут же приходит мысль об арене; а когда вдобавок ко всему мы обращаем внимание на их беззаботную, уверенную и даже дерзкую манеру поведения, то перестаем удивляться тому, что окружающие уступают им дорогу и, останавливаясь, смотрят им вслед. Эти люди — гладиаторы, цирковые бойцы, сражающиеся голыми руками или с мечом на арене, профессионалы, незнаемые в Иудее до появления здесь римлян; парни, которых в часы, свободные от тренировок, можно увидеть гуляющими в Царских садах или сидящими рядом со стражниками

у входов во дворец; возможно, впрочем, что они здесь наездом из Цесареи, Себастии или Иерихона, где Ирод, в большей степени грек, нежели иудей, со всей римской страстью к играм и кровавым зрелищам построил цирки и организовал школы гладиаторов, набранных, согласно обычаям, из галльских провинций или славянских племен по течению Данубия[14].

— Клянусь Вакхом! — говорит один из них, поднимая сжатую в кулак руку к плечу. — Да у них кости не толще яичной скорлупы.

Жестокий взгляд, последовавший за вполне определенным жестом, вызывает у нас отвращение и заставляет обратить внимание на что-нибудь более приятное.

Прямо напротив нас — ларек торговца фруктами. Его владелец примечателен лысой головой, вытянутым лицом и носом, напоминающим клюв ястреба. Он сидит на коврике, разостланном прямо на земле, прислонясь спиной к стене; над его головой пристроен небольшой клочок материи, почти не дающий тени; вокруг него, на расстоянии вытянутой руки, на невысоких подставках расставлены плетеные корзины,

---

[14] Примечания: 14

Данубий — античное название современного Дуная.

полные миндаля, винограда, инжира и гранатов. Вот сейчас к нему подошел один из тех людей, от которых трудно оторвать взгляд, хотя и по другой причине, чем в случае с гладиаторами: этот покупатель — красивый грек. Вокруг его головы, придерживая вьющиеся волосы, красуется миртовый венок с полузавядшими цветками и полусозревшими ягодами. Алая туника, сшитая из тончайшей шерстяной ткани, схвачена на талии поясом из буйволовой кожи с пряжкой в виде какого-то фантастического зверя, сделанной из чистого золота; подол туники украшен вышивкой из этого же царского металла; шейный платок, тоже из тончайшей шерсти, охватывает шею и заброшен на спину; руки и ноги грека напоминают слоновую кость своим цветом и гладкостью, что невозможно без усердного ухода за их кожей в бане с помощью масла, щеток и пинцетов.

Продавец, не вставая с места, подается вперед и выбрасывает свои руки вверх перед собой, ладонями вниз.

— Что есть у тебя нынешним утром, о сын Пафоса? — произносит юный грек, смотря, однако, больше на корзины, чем на киприота. — Что ты можешь предложить мне на завтрак?

— Фрукты из Педиуса, самые настоящие — те, с которых певцы из Антиохии начинают утро, чтобы восстановить сладость своего голоса, — гнусавым голосом ворчливо отвечает торговец.

— Инжир, но не из лучших, как раз для певцов из Антиохии, — говорит грек. — Ты поклоняешься Афродите, как и я, и это доказывает миртовый венок, которым я увенчан; поэтому я могу сказать тебе, что в их голосах чувствуется холод каспийских ветров. Ты видишь этот венок? Это дар могущественной Саломеи…

— Сестры царя! — восклицает грек, снова почтительно кланяясь.

— Да, и она обладает царственным вкусом и божественной мудростью. Почему бы и нет? Ведь в ней куда больше греческого, чем в царе. Но — мой завтрак? Вот твои деньги — медные монеты Кипра. Дай же мне винограда и…

— Почему бы тебе не взять еще и фиников?

— Нет уж, я не араб.

— Тогда инжира?

— Боюсь стать евреем. Нет, только винограда. Его сок живителен для греческой крови.

Придворный певец в гуще крикливой рыночной толпы представляет собой довольно редкое зрелище, которое непросто выбросить из памяти;

но идущий за ним человек тоже приводит нас в изумление. Он медленно шествует в толпе, опустив взор; время от времени останавливается, складывает руки на груди, вытягивается и возводит очи горе, словно намереваясь вознести молитву Небесам. Такое невозможно увидеть нигде, кроме Иерусалима. На лбу этого человека держится квадратная кожаная коробочка, прикрепленная к ремешку накидки; другая такая же коробочка привязана ремешком к его левой руке; края его рубахи отделаны бахромой и украшены особыми знаками — филактериями. По исходящему от человека ощущению чрезвычайной набожности мы безошибочно узнаем фарисея[15], одного из членов организации (секты в религии и партии в политике), чей фанатизм и нетерпимость вскоре принесут миру множество бед.

За городскими воротами толпа гуще всего на дороге, ведущей в Яффу. Насмотревшись на фарисея, мы обращаем свое внимание на две группы людей, которые резко выделяются из окружающей пестрой толпы. В центре одной

[15] Примечания: 15

Фарисеи (от *др.* — *евр.* «отделившиеся») — представители общественно-религиозного течения в Иудее во II в. до н. э.; выражали интересы преимущественно средних слоев населения. Стремились истолковать Пятикнижие в соответствии с новыми социально-экономическими условиями. В Евангелиях названы лицемерами.

такой группы находится человек благородной наружности — дородного сложения, с яркими черными глазами, длинной вьющейся бородой, блестящей от умащений, облаченный в хорошо сшитую, дорогую одежду по времени года. В руке он держит жезл, а на груди его покоится большой золотой знак, висящий на шнурке на его шее. Человека сопровождают несколько слуг, вооруженных короткими мечами, заткнутыми за пояс; обращаются они к этому человеку чрезвычайно почтительно. Еще одна группа — это двое арабов: худые, жилистые, сильно загорелые, с ввалившимися щеками, на головах у них красные тарбуши, одеты они в аба, поверх которых наброшены шерстяные хайксы — нечто вроде одеял, оставляющих свободными правое плечо и руку. Здесь идет жаркая и громкая торговля, потому что арабы привели коней на продажу и изо всех сил расхваливают их сейчас высокими крикливыми голосами. Придворный не снисходит до торговли, предоставляя это своим слугам; порой он важно произносит пару слов; увидев киприота, останавливается и сам покупает несколько смокв. Когда он со своей свитой скрывается за порталом ворот, мы, обратясь к торговцу фруктами, можем узнать после очередного восточного приветствия, что

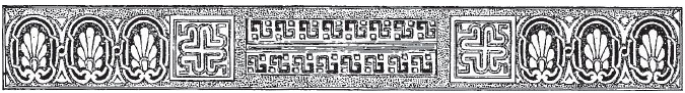
это иудей, один из отцов города, который много путешествовал и понимает разницу между обычным сирийским виноградом и лозой Кипра, гораздо более напоенной росой моря.

Вот так, вплоть до полудня, а иногда и позже, течет через Яффские ворота густой поток покупателей: представителей всех «колен Израилевых», членов всех возможных сект, которые расчленили и растащили по кусочкам древнюю веру своего народа; всех религиозных и социальных групп, всех тех проходимцев и авантюристов, кто, как дети искусств и служители наслаждений, бунтовал во дни расточительств Ирода; всех народов, населяющих побережье Средиземного моря.

Другими словами, Иерусалим, богатый священной историей, упомянутый во многих святых пророчествах, Иерусалим Соломона, в котором серебро было подобно камню, а кедры — сикоморам долин, стал теперь подобием Рима, центром отнюдь не святых дел, местопребыванием языческой власти. Некогда царь Иудеи, набросив на себя жреческое одеяние и осмелившись войти в святая святых первого храма, чтобы воскурить там ладан, вышел оттуда прокаженным; но в описываемое нами время Помпей посетил храм Ирода и вошел в святая святых, не найдя там

ничего, кроме пустоты, без какого бы то ни было знака Божественного присутствия.

Глава 8
Иосиф и Мария направляются в Вифлеем

А теперь, читатель, давай вернемся на тот участок двора, который был описан как часть рынка у Яффских ворот. Шел уже третий час дня, и многие из покупателей разошлись по домам, но толчея нисколько не ослабела. Среди вновь появившихся здесь посетителей группа у южной стены храма, состоящая из мужчины, женщины и ослика, заслуживает особенно пристального внимания.

Мужчина держит в одной руке поводья, а другой опирается на палку, вполне пригодную как для погоняния ослика, так и в качестве посоха. Одежда его не отличается от одеяния любого из проходящих мимо евреев, за исключением того, что кажется поновее. Голова его покрыта накидкой, а в рубахе, облекающей тело с головы до пят, он скорее всего привык посещать синагогу

по субботам. Черты его лица позволяют дать ему лет пятьдесят, что подтверждается и сединой, обильно пробивающейся в его черной бороде. Он оглядывается по сторонам с любопытствующим и в то же время отсутствующим выражением на лице, которое выдает в нем чужака и провинциала.

Ослик неторопливо жует пук свежей травы, которая в изобилии продается здесь на рынке. Его явно не смущают ни царящие вокруг шум и толчея, ни женщина, сидящая на седельной подушке у него на спине. Верхняя рубашка из серой шерстяной ткани полностью скрывает фигуру женщины, голова ее покрыта белоснежным платом, спускающимся на шею и плечи. Время от времени, не в силах преодолеть любопытство, женщина чуть сдвигает плат, чтобы посмотреть, что происходит вокруг, однако не настолько, чтобы нам удалось разглядеть ее.

Неожиданно человек с осликом слышит обращенный к нему вопрос:

— Ты не Иосиф из Назарета?

Спросивший это останавливается рядом с провинциалом.

— Так меня и зовут, — отвечает Иосиф, недоуменно поворачиваясь. — Но кто будешь… о, мир

тебе! друг мой, рабби Самуил!

— И тебе того же.

Рабби, помедлив, бросает взгляд на женщину и добавляет:

— Мир тебе, всему твоему дому и твоим помощникам.

С последними словами он прижимает руку к груди и кланяется женщине, которая, чтобы взглянуть на него, на этот раз сдвигает плат чуть больше, позволяя увидеть ее почти еще совсем девичье личико. После этого следует церемониал знакомства: рабби и женщина берут друг друга за правую руку, словно бы поднося их к губам, но в последнюю секунду, однако, пальцы их размыкаются, и каждый целует свою собственную руку, прижимая после этого пальцы ко лбу.

— Одежда твоя почти не запылилась, — довольно фамильярно замечает рабби, — так что, насколько я понимаю, ночь вы провели в городе твоих отцов.

— Нет, — отвечает Иосиф. — Мы добрались до Вифинии только поздно вечером, переночевали в тамошнем караван-сарае и с первыми лучами солнца снова пустились в путь.

— Дорога вам предстоит неблизкая — надеюсь, не в Яффу?

— Только до Вифлеема.

Лицо рабби, до этого открытое и дружеское, сразу же изменилось, став мрачным и строгим.

— Да, да, я понимаю, — произнес он. — Ты ведь родился в Вифлееме и идешь теперь туда со своей дочерью, чтобы по приказу Цезаря быть занесенным в списки налогоплательщиков. Сыновья Иакова живут теперь как во времена египетского рабства — только у них нет ни Моисея, ни Иошуа. Как же низко они пали!

Не пошевелившись и не изменив выражения лица, Иосиф ответил:

— Женщина эта не дочь мне.

Но рабби никак не мог оторваться от политики; он продолжал, не обратив на слова Иосифа никакого внимания:

— А для чего же еще зелоту[16] тащиться в Галилею?

— Я всего лишь плотник, а Назарет — деревня, — осторожно ответил на это Иосиф. — Улица, на которой стоит моя мастерская, не ведет ни к какому из городов. Строгание досок и тесание

---

[16] Примечания: 16

Зелоты (от *греч.* «ревнители») — социально-политическое и религиозное течение в Иудее, возникшее во второй половине I в. до н. э. Выступали против римского владычества и местной иудейской знати. Зелоты и выделившиеся из них сикарии возглавили восставших в Иудейской войне 66–73 гг.

столбов не оставляют мне времени для споров о вере.

— Но ты же иудей, — серьезно произнес раббби. — Ты иудей, и род твой восходит к Давиду. Не может быть, чтобы ты был готов платить другие подати, кроме шекеля на храм, по древнему закону Иеговы.

Иосиф продолжал хранить спокойствие.

— Я отнюдь не жалуюсь, — продолжал его

друг, — на размер этой подати — один денарий, сущий пустяк. Но! Позорно само обложение этим налогом. Да и кроме того, уплата этого налога есть не что иное, как покорность тирании. Скажи мне, вправду ли Иуда утверждает, что он и есть мессия? Ведь ты жил среди его приверженцев.

— Мне доводилось слышать, как его последователи называли его мессией, — отвечал Иосиф.

При этих его словах белый плат сдвинулся чуть больше, нежели ранее, и на мгновение выглянуло все лицо девушки. Взор рабби был как раз направлен в ту сторону, и ему удалось увидеть черты лица редкостной красоты, на котором был написан искренний интерес; затем лицо это порозовело, и плат вернулся на свое место.

Политикан тут же забыл все свои рассуждения.

— Твоя дочь весьма привлекательна, — заметил он, понизив голос.

— Она не дочь мне, — повторил свои слова Иосиф.

На лице рабби отразилось такое изумление, что назаретянин поспешил добавить:

— Она дочь Иоакима и Анны из Вифлеема, о которых тебе по крайней мере доводилось слышать, поскольку это весьма почтен…

— Да, — рабби почтительно склонил голову, — я их знаю. Род их восходит к Давиду. Я хорошо с ними знаком.

— Ну так вот, они умерли, — продолжал назаретянин. — Умерли в Назарете. Иоаким не был богат, но все же он оставил в наследство дом и сад, которые должны быть разделены между их дочерьми Маркам и Марией. Это одна из них; и, чтобы спасти свою часть наследства, она должна быть замужем за ближайшим родственником. Теперь она моя жена.

— Так ты доводишься…

— Ей дядей.

— Понимаю. И коль скоро вы оба родились в Вифлееме, римляне потребовали, чтобы ты пришел вместе с ней для переписи. — Рабби всплеснул руками и в негодовании возвел очи горе: — Но Бог Израиля еще жив. Настанет день Его отмщения!

С этими словами он повернулся и быстро зашагал прочь. Стоявший рядом прохожий, заметив изумление Иосифа, негромко произнес:

— Рабби Самуил — зелот. Сам Иуда не столь жесток.

Иосиф, не желая вступать в разговор с незнакомцем, ничего не ответил и принялся поправлять охапку травы, которую растрепал ослик; затем он

снова оперся на палку и замер в ожидании.

Примерно через час вся троица вышла из ворот и, повернув налево, двинулась по дороге, ведущей в Вифлеем. Спуск в долину был нелегок, движению мешали росшие тут и там дикие оливковые деревья. Назаретянин шел рядом с женщиной, внимательно и осторожно ведя в поводу ослика. Слева от них возвышались южный и восточный склоны Сионского холма с городской стеной поверху, крутой обрыв справа обозначал собой западную границу долины.

Медленно они миновали Нижний пруд, где под лучами поднимавшегося все выше солнца быстро сжималась тень царского холма, затем двинулись вдоль акведука, выходившего из Прудов Соломона, пока не приблизились к месту расположения деревенского дома, ныне известного как холм Совета Нечестивых; отсюда они начали подниматься на равнину Рефаима. Солнце заливало ослепительным светом каменистое плато, и Мария, дочь Иоакима, сдвинула плат на плечи, обнажив голову. Иосиф рассказывал ей историю филистимлян, захваченных в этих местах врасплох в своем лагере Давидом. Он однообразно бормотал, храня торжественное выражение на лице, безжизненным тоном старого зануды.

Временами она его даже не слышала.

Всюду, где по земле ходят люди, а по морю — корабли, всем знакома фигура и лицо еврея. Физический тип этого народа никогда не менялся, хотя всегда были индивидуальные вариации. «Он был румян, с прекрасными чертами лица и красив на вид». Таким был сын Иессея, поставленный перед Самуилом. Пристрастия людей с тех самых пор определяются этим описанием. Поэтическая вольность распространяет присвоенное предшественниками на их замечательных наследников. Все наши идеальные Давиды имеют прекрасные лица, волосы и бороду цвета каштана, отливающую золотом на солнце. И точно так же, при отсутствии достоверных исторических свидетельств, традиция не менее любовно относится к дочерям этого народа, и в особенности к той, за которой мы последуем сейчас.

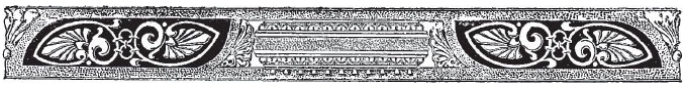
Ей было не менее пятнадцати лет. Формы ее тела, голос и поведение — все свидетельствовало о переходе от девичества к состоянию взрослой женщины. Лицо ее имело чудесную овальную форму; сложения она была скорее хрупкого, чем прекрасного. Безупречный нос, пухлые, но четких очертаний губы придавали линиям ее рта теплоту, нежность и доверчивость; опущенные

веки с длинными ресницами бросали тени на большие голубые глаза; и в чудесной гармонии со всем этим волна золотых волос, уложенная так, как считалось дозволенным для иудейских невест, спускалась до седельной подушки на спине ослика. Затылок и горло ее обладали такой нежностью, которая порой вводит в замешательство даже художников, — быть может, всему виной солнечные лучи, играющие на волосах и тонкой коже? К этому очарованию внешности и личности примешивалось и другое, не столь просто определяемое: атмосфера чистоты, которую могут придать только чистейшая душа и отрешенность, погруженность в мысли о предметах, непостижимых для понимания. Часто, с трепещущими губами, она поднимала глаза к небесам, уже потерявшим свой глубокий синий цвет; то и дело складывала руки на груди, словно в восторге благоговения и молитвы; порой склоняла голову слегка набок, как будто вслушиваясь в что-то говорящий ей голос. И когда Иосиф, прервав свое медлительное бормотание, поворачивался, чтобы взглянуть на нее, то, заметив выражение ее лица, словно освещенного изнутри, забывал свой рассказ и, удивляясь, опускал голову.

Так они пересекли большое плато и прибли-

зились наконец к возвышенности Мар-Элиас, откуда, на другой стороне долины, их взору предстал Вифлеем, древний Дом Хлеба. Его белые стены возвышались на гребне холмов, сияя над жухлой зеленью садов. Здесь они немного задержались, пока Иосиф показывал Марии места священной истории; затем спустились в долину к источнику, бывшему в свое время свидетелем одного из величайших деяний воинов Давида. Долина была полна людьми и животными. Иосиф почувствовал страх: вдруг, если город переполнен приезжими, ему не удастся найти приют для кроткой Марии? Не теряя ни минуты, он поспешил подняться по поросшему садами склону, мимо каменного пилона, обозначавшего гробницу Рахили, не раскланиваясь ни с кем из встречавшихся ему по дороге людей, пока не остановился у караван-сарая, расположенного поблизости от ворот небольшого селения, у перекрестка дорог.

Глава 9
Пещера в окрестностях Вифлеема

Чтобы до конца понять, что произошло в деревенском караван-сарае с назаретянином, читателю следует помнить, что на Востоке приюты для путешественников отличались от придорожных постоялых дворов западного мира. По обычаю, пришедшему из Персии, они назывались караван-сараями и в своей простейшей форме представляли собой обнесенное забором место без какого-либо здания или навеса, зачастую даже без входных ворот. Место выбиралось из соображений наличия тени, защиты и воды. Таким же был и приют в Радан-Араме, давший кров Иакову, когда тот отправился искать жену. Подобные караван-сараи и по сей день можно увидеть у перекрестков пустынных дорог Востока. Порой караван-сараи, особенно на дорогах, соединяющих крупные города, такие, например, как Иерусалим и Александрия, представляли

собой роскошные заведения, памятники богоугодных дел царей, построивших их. Но чаще они были не более чем домом или владением шейха, из которого он управлял своим племенем. Давать приют путникам было только одной из их задач; они играли роль рынков, фабрик, крепостей; становились местом собраний и местопребыванием для торговцев и ремесленников в той же мере, что и приютом для застигнутых ночью или непогодой путников. В их стенах круглый год подряд совершались такие же, а то и бóльшие торговые сделки, как и днем в городах.

Никаких услуг в подобных заведениях не оказывали. Не было ни управляющего, ни горничных, ни конторских служащих, ни повара; не было и самой кухни. Единственным видимым проявлением заботы государства или владельца о путниках был дремлющий у входа привратник. Приезжие устраивались там, где хотели, никого не спрашивая и не получая разрешения. Следствием такого порядка было то, что каждый путник должен был приносить с собой провиант и кухонные принадлежности или же покупать их у торговцев, расположившихся в караван-сарае. Это правило распространялось и на постель, и на корм для животных. Вода, покой, кров и защита

— все, на что мог рассчитывать путник, остановившийся в караван-сарае, и за что он должен был быть благодарным судьбе. Мир и покой часто нарушался скандалистами в синагогах, но никогда — в караван-сараях. Эти дома со всеми надворными постройками были святы: большей святостью не обладал даже источник.

Караван-сарай неподалеку от Вифлеема, у которого остановились Иосиф и его жена, являл собой вполне благопристойный пример такого заведения, не будучи ни чересчур примитивным, ни слишком роскошным: четырехугольное строение из дикого камня, одноэтажное, с плоской крышей, без наружных окон, с одним-единственным отверстием входной двери в выходившей на восток стороне, служившим в то же самое время и воротами. Дорога подходила так близко, что меловая пыль покрывала полотнище двери. Изгородь из плоских тесаных камней, начинавшаяся от северо-восточного угла здания, тянулась на много метров по склону холма, затем поворачивала на запад к крутому известняковому откосу, образуя собой то, что было самой важной принадлежностью каждого уважающего себя караван-сарая, — надежный загон для животных.

В таком селении, как Вифлеем, с одним шей-

хом, не могло быть и более одного караван-сарая; и назаретянин, хотя и родился в этом месте, после долгих лет жизни и скитаний в других местах совершенно не собирался располагаться где-либо в самом городе. Более того, составление списков, для чего он и прибыл сюда, могло занять несколько недель или даже месяцев — медлительность посланцев Рима в провинциях успела стать притчей во языцех; значит, о том, чтобы претендовать на гостеприимство знакомых или даже родственников, да еще вместе с женой, не могло быть и речи. Поэтому, когда Иосиф приближался к зданию караван-сарая, поднимаясь по склону холма и таща за собой ослика, он боялся, что ему не удастся найти здесь пристанища. Дорога кишела взрослыми и детьми, которые с шумом гнали свой скот, лошадей и верблюдов по долине, кто на водопой, а кто и к расположенным по соседству пещерам. Когда же они подошли к караван-сараю, страх этот ничуть не уменьшился при виде толпы, осаждающей вход в него.

— Нам не пробиться сквозь толпу, — произнес Иосиф в своей медлительной манере. — Давай постоим здесь и постараемся узнать, что происходит.

Жена его, ничего на это не ответив, тихонько

сдвинула плат в сторону. Выражение усталости на ее лице сменилось интересом к происходящему. Перед ними была толпа и, следовательно, много предметов для любопытства. Впрочем, на самом деле толпа эта ничем не отличалась от толпы у любого другого караван-сарая на больших караванных дорогах Востока. Здесь были пешие мужчины, шнырявшие туда-сюда и визгливо переговаривавшиеся между собой на всех наречиях Сирии; всадники на лошадях перекрикивались с погонщиками верблюдов; пастухи сражались с упрямыми коровами и перепуганными овцами; торговцы предлагали хлеб и вино; орды детей носились за стаями собак. Все и вся находилось в постоянном движении. Посторонний наблюдатель скорее всего через пару минут устал бы от этого зрелища; так и женщина, тихонько вздохнув, поудобнее устроилась на седельной подушке и, словно в надежде обрести мир и покой, стала смотреть на юг, на высокий склон Райской горы, освещенный красноватыми лучами заходящего солнца.

Пока она смотрела туда, из толпы выбрался мужчина и, остановившись рядом с осликом, повернулся, сердито нахмурив брови. Назаретянин заговорил с ним:

— Поскольку я и сам тот, кем ты мне кажешься, добрый человек, сын Иудеи, — могу я узнать у тебя причину такого столпотворения?

Незнакомец резко обернулся на его голос, но, увидев смиренную наружность Иосифа, услышав его низкий голос и медленную речь, приветствовал того поднятием руки и ответил:

— Мир тебе, рабби! Я тоже сын Иудеи и отвечу тебе. Я обитаю в Бет-Дагоне, который, как ты знаешь, считается землей колена Дана.

— И находится на дороге, ведущей из Яффы в Медину, — добавил Иосиф.

— А, так тебе приходилось бывать в Бет-Дагоне, — воскликнул мужчина, и выражение его лица еще больше смягчилось. — Да, мы, иудеи, странники хоть куда! Уже много лет я не видел вод родного Евфрата, которому дал имя отец наш Иаков. Лишь когда нам было повсюду объявлено, что все евреи должны быть переписаны по месту своего рождения… Вот почему я здесь, рабби.

Лицо Иосифа напоминало бесстрастную маску, когда он произнес в ответ:

— И я пришел сюда для того же — вместе со своей женой.

Незнакомец бросил взгляд на Марию и ничего не сказал. Она в этот миг смотрела на голую

вершину Гедора. Лучи солнца позолотили ее обращенное ввысь лицо, оттенив фиалковую глубину глаз; слегка приоткрытые губы ее трепетали от желания, которое не могло быть обращено к смертному. На несколько мгновений красота ее лишилась всего земного: она стала тем существом, которое, по нашим представлениям, может сидеть только рядом с небесными вратами, преображенное светом Небес. Взору бетдагонита предстал оригинал той, кто столетия спустя явился гениальному взору Рафаэля и обессмертил его.

— Так о чем это я говорил? А, вспомнил. Я хотел сказать, что, услышав про повеление прийти сюда, поначалу рассердился. Но потом подумал про наш старый холм и про город, вспомнил долину, спускающуюся к струям Кедрона, виноградники и сады, пшеничные поля, неизменные с дней Вооза и Руфи, знакомые горы — Гедор, Гибеан и Мар-Элиас — те самые, которые во времена моего детства защищали меня от мира; и я простил тиранам и пришел сюда — я сам, и Рахиль, моя жена, и Дебора с Мелхолой, наши розы Шарона.

Мужчина снова замолчал, бросил взгляд на Марию, которая в этот момент смотрела на него и слушала. Затем он произнес:

— Рабби, почему бы твоей жене не пойти к

моей? Она сидит вон там с нашими детьми у поворота дороги. Могу сказать тебе… — С этими словами он повернулся к Иосифу и уверенно продолжал: — Говорю тебе, караван-сарай переполнен. Бесполезно просить пристанища там.

Иосиф принимал решения столь же медленно, как и обдумывал их; поколебавшись, он наконец произнес:

— Ты очень любезен. Найдется для нас тут место или нет, мы обязательно познакомимся с твоей семьей. Но позволь мне самому поговорить с привратником. Я скоро вернусь.

И, передав поводья ослика незнакомцу, он стал пробираться через толпу.

Привратник сидел перед воротами на большой кедровой колоде. За его спиной к стене был прислонен дротик. На земле рядом с колодой лежала большая собака.

— Да ниспошлет Иегова[17] мир тебе, — приветствовал привратника Иосиф, пробившись сквозь толпу.

— Что было дадено тебе, да будет дадено сно-

---

[17] Примечания: 17
Иегова (Яхве, Саваоф) — бог в иудаизме.

ва, во много раз больше, тебе и всем твоим близким, — произнес в ответ привратник, не сдвинувшись, однако, с места.

— Я был рожден в Вифлееме, — самым осторожным тоном произнес Иосиф. — Не найдется ли здесь местечка…

— Здесь — нет.

— Ты, возможно, слыхал обо мне — Иосифе из Назарета. Здесь стоял дом моих отцов. Род мой восходит к Давиду.

В этих словах была единственная надежда назаретянина. Если они не произведут впечатления на привратника, дальнейшие мольбы будут тщетны, не помогут и посулы нескольких шекелей. Одно дело быть сыном Иудеи — это довольно значимая вещь в глазах других колен Израилевых; но совершенно другое — принадлежать к прямой ветви Давидова рода: не было большей гордости для иудея. Больше тысячи лет прошло с тех пор, как мальчишка-пастух стал преемником Саула и основателем царской династии. Войны, бедствия, новые цари и бесчисленные передряги с течением времени низвели его наследников до уровня обычных людей, добывающих хлеб насущный в поте лица своего; но все же над ними царило преимущество благоговейно хранимой

истории, в которой происхождение считалось альфой и омегой; они не могли стать неизвестными; поэтому, покуда они пребывали на земле Израиля, им повсюду сопутствовали почет и уважение.

Коль скоро такое было в Иерусалиме и везде, потомок святой линии рода Давидова мог, без сомнения, с полным основанием рассчитывать на такое же отношение и у дверей караван-сарая в Вифлееме. Другими словами, когда Иосиф произнес фразу: «Здесь дом отцов моих», он всего лишь самым простым образом буквально выразил свою мысль; поскольку это был тот самый дом, который вела Руфь в качестве жены Вооза; тот самый дом, в котором родились Иессей и десять его сыновей, из которых Давид был самым юным; тот самый дом, в который вошел Самуил в поисках царя и обрел его; тот самый дом, в котором Иеремия молитвой спасал немногих из оставшихся в живых людей его народа, спасавшихся бегством от вавилонян.

Мольба не осталась без ответа. Привратник поднялся с кедрового чурака и, положив ладонь себе на бороду, почтительно произнес:

— Рабби, не могу сказать тебе точно, когда двери этого дома гостеприимно открылись для

путников, во всяком случае, более тысячи лет назад; и с тех пор не было еще случая, чтобы добрый человек не получил здесь крова, разве что когда здесь совершенно не было мест. Если же когда такое и случалось, то уж во всяком случае не с потомком Давидовым. Поэтому я еще раз приветствую тебя, и если ты не сочтешь за труд пройти со мной, то своими глазами увидишь, что во всем доме нет свободного местечка — нет ни в спальнях, ни в пристройках, ни во дворе; нет даже на крыше. Могу ли я узнать, давно ли ты здесь?

— Мы только что подъехали.

Привратник улыбнулся:

— «Незнакомец, который пребывает вместе с тобой, все равно что родня тебе, так возлюби его как самого себя». Разве не таков закон, рабби?

Иосиф промолчал.

— А если таков закон, то как я могу сказать тем, кто уже давно ждет здесь: «Ступайте прочь, другой пришел на ваше место»?

Иосиф по-прежнему хранил молчание.

— Если же я так скажу им, то кому придется отдать место? Погляди — сколько людей ждут мест, многие из них с самого полудня.

— Но кто все эти люди? — спросил Иосиф, пово-

рачиваясь к толпе. — И почему все они собрались здесь в такое время?

— Та же причина, без сомнения, привела сюда и тебя, рабби, — повеление цезаря. — Привратник бросил испытующий взгляд на назаретянина и продолжал: — Как привела она и тех, кому удалось найти место в доме. А еще вчера прибыл караван, следующий из Дамаска в Аравию и Нижний Египет. Это все их хозяйство — люди и верблюды.

Иосиф продолжал гнуть свое.

— Но ведь во дворе много места, — заметил он.

— Да, но он завален грузом — кипами шелка, мешками специй и вообще всякими товарами.

На мгновение лицо Иосифа утратило свою невозмутимость; пристальный взгляд тусклых глаз поник. С долей ожесточения он сказал:

— Я беспокоюсь не о себе. Со мной моя жена, а ночь будет холодной — на этих высотах холоднее, чем в Назарете. Она не может оставаться под открытым небом. А в городе не удастся найти комнаты?

— Эти люди, — привратник жестом указал на толпу у дверей, — обошли весь город и говорят, что нигде не смогли найти пристанища.

И снова Иосиф потупил взгляд, сказав вполголоса, словно самому себе:

— Она столь юна! Если мы заночуем на холме, мороз убьет ее.

И он снова обратился к привратнику:

— Тебе, может быть, доводилось знавать ее родителей, Иоакима и Анну, некогда они жили в Вифлееме и, как и я, происходят из рода Давидова.

— Да, я знавал их в юности. Это были хорошие люди.

На этот раз потупил взор привратник, что-то обдумывая. Через минуту он неожиданно вскинул голову.

— Я не могу найти для вас мест, — сказал он, — и не могу дать вам от ворот поворот. Рабби, я сделаю то, что могу сделать. Сколько человек с вами?

Иосиф удивленно вскинул голову, затем ответил:

— Моя жена и друг нашей семьи со своим семейством, из Бен-Дагона, небольшого городка за Яффой, всего нас шесть человек.

— Отлично. Вам не придется спать на горе. Веди сюда своих, да поскорее, после захода солнца быстро темнеет, а солнце уже низко.

— Да благословит тебя Бог за приют усталым путникам!

После этих слов назаретянин поспешил вернуться к Марии и бетдагониту. Чуть спустя последний собрал все свое семейство. Его жена смотрелась настоящей матерью семейства, дочери походили на мать, какой она была в юности; и когда вся компания приблизилась к двери, привратник сразу понял, что эти скромные люди будут рады любому приюту.

— Вот та, о ком я говорил, — сказал назаретя-

нин, — а это — наши друзья.

Молодая женщина подняла свой плат.

— Голубые глаза и волосы цвета золота, — прошептал привратник, глядя только на нее. — Именно так выглядел и наш царь, когда пел песнь перед Самуилом.

С этими словами он взял поводок ослика из руки Иосифа и приветствовал Марию:

— Мир тебе, о дщерь Давидова!

Затем обратился ко всем остальным:

— Мир всем вам!

И затем к Иосифу:

— Рабби, пойдем за мной!

Вся компания двинулась по широкому проходу, вымощенному камнем, и оказалась во внутреннем дворике караван-сарая. Для чужака зрелище представило бы интерес; но уроженцы этих мест обратили внимание только на то, что во дворе не было ни лоскута свободного места. По тропинке, оставшейся свободной от тюков товаров, и потом по такому же проходу, что и от входа, они прошли в загон, примыкавший к дому, и миновали верблюдов, лошадей и ослов, жевавших жвачку и дремавших, сбившись в кучи; за ними присматривали сторожа, люди разных рас. Кто-то дремал, другие провожали пришельцев взгляда-

ми. Переполненный двор караван-сарая уходил вниз, и путники медленно спускались по нему, поскольку везущие женщин животные имели свое представление о темпе движения. Наконец они ступили на тропинку, ведущую к серому известняковому обрыву, возвышавшемуся к западу от караван-сарая.

— Мы идем к пещере, — лаконично заметил Иосиф.

Их проводник замедлил шаг и дождался, когда Мария поравнялась с ним.

— Пещера, к которой мы направляемся, — обратился он к ней, — стала прибежищем для твоего предка Давида. В ней он некогда дал приют своему народу, созвав его с полей в низине и от источника в долине; позже, когда он уже был царем, то посетил свой старый дом, чтобы отдохнуть здесь и поправить здоровье, приведя с собой большой караван. Ясли остались тут с тех самых пор. Лучше провести ночь на том самом полу, где ночевал и он, чем во дворе или на обочине дороги. А вот и дом у входа в пещеру!

Слова привратника не следовало воспринимать как извинения за предоставляемый кров. Собственно, в извинениях не было необходимости. Место это было самое лучшее из имеющихся. Путники были людьми непритязательными, готовыми удовольствоваться самыми скромными условиями. Более того, для уроженцев Иудеи не было ничего необычного в жилище, устроенном в пещере, — с этим они повседневно сталкивались в быту и слышали каждую субботу в синагогах. Сколько событий священной истории иудеев

произошло в пещерах! Кроме того, наши путешественники были иудеями из Вифлеема, для которых это было еще более привычно; здешняя местность изобиловала большими и малыми пещерами, многие из которых были обжиты с незапамятных времен. Ничуть не волновало их и то, что пещера, в которой им предстояло провести ночь, когда-то служила стойлом. Они были потомками народа скотоводов, деливших со своими стадами кров и странствия. Это было в обычае со дней Авраама; шатер бедуина равно служил кровом и его лошадям, и его детям. Так что они с готовностью следовали за своим проводником и, увидев дом, испытали только любопытство. Все, что имело отношение к истории Давида, было интересно и им.

Строение, низкое и узкое, совершенно лишенное окон, лишь немного выступало из скалы, примыкавшей к его задней стене. На ничем не украшенном фасаде выделялась лишь дверь, поворачивавшаяся на огромных петлях, обмазанная толстым слоем охряного цвета глины. Когда проводник отбросил деревянный шкворень запора, мужчины помогли женщинам спуститься с сидений на землю. Откинув полотнище двери в сторону, проводник широким жестом пригласил

всех внутрь:

— Заходите!

Войдя, путники в недоумении оглянулись. Им сразу же стало понятно, что строение лишь прикрывало собой вход в естественную пещеру или грот, футов сорока в глубину, девяти или десяти в высоту и двенадцати-пятнадцати в ширину. Сквозь открытую дверь свет падал на голый пол, освещая снопы пшеницы, охапки сена, глиняную посуду и домашнюю утварь в центре помещения. Вдоль стен пещеры тянулись ясли для овец, сложенные из камня. Ни стойл, ни каких-либо других перегородок в пещере не было. Пыльный пол был устлан соломой, заполнявшей все трещины и неровности, со свода спускалась обильно покрытая пылью паутина, напоминая грязные холстины. В остальном здесь было сравнительно чисто и столь же комфортабельно, как и в спальных закутках караван-сарая. По всей видимости, по образу и подобию этой пещеры и был впоследствии оборудован караван-сарай.

— Располагайтесь! — предложил провожатый. — Сено на полу припасено как раз для путников, берите сколько вам надо.

Затем он обратился к Марии:

— Тебе будет здесь удобно?

— Это место священно для меня, — ответила она.

— Тогда я вас оставляю. Мир вам всем!

Когда за проводником закрылась дверь, путники принялись устраиваться на ночь.

Глава 10
Свет в небе

Вечером, в урочный час, движение и шум среди людей, находившихся у входа и внутри караван-сарая, стихли; именно в этот час каждый житель Израиля, если не был на ногах, вставал, придавая торжественное выражение своему лицу, обращал взор в сторону Иерусалима, скрещивал руки на груди и возносил молитву. Это был священный девятый час, когда начиналась служба в храме Мориа, и, как считалось, на ней незримо присутствовал сам Бог. Когда молящиеся опустили руки, шум и гам наступил снова; всякий спешил съесть свой кусок хлеба или устроить убогое ложе. Еще несколько минут спустя огни были погашены, наступила тишина, а потом все уснули.

Около полуночи с плоской крыши раздался крик: «На небе какой-то свет! Проснитесь, братья, проснитесь и смотрите!»

Полусонные путники, спавшие на крыше,

поднялись, и сон тут же оставил их. Шум, поднявшийся при виде представшего им зрелища, разнесся по всему двору, проник в спальные клетушки караван-сарая; вскоре уже все его обитатели смотрели в небо.

И вот что они там увидели. Луч света, исходящий с высоты из точки, рядом с которой не было ни единой звезды, косо падал вниз; упав на землю, он высветил на ней пространство в несколько фарлонгов в ширину; по краям свет мало-помалу переходил в темноту ночи, но в центре сиял радостным великолепием. Явление это, похоже, висело над близлежащей горной цепью к северо-востоку от города, окружая вершины гор бледным сиянием. Караван-сарай тоже был захвачен конусом света, так что ночевавшие на крыше ясно различали лица друг друга, полные изумления.

Свет сиял несколько минут, и за это время изумление людей сменилось страхом и благоговейным ужасом; робкие трепетали, отважные говорили шепотом.

— Кто-нибудь видел что-либо подобное? — спросил кто-то.

— Похоже, что это как раз над теми горами. Не могу сказать, что это такое, я никогда ничего такого не видел, — ответил его сосед.

— Может быть, с неба сорвалась и упала звезда? — запинаясь, предположил еще один.

— Когда падает звезда, она гаснет.

— Я знаю, — вполголоса произнес кто-то. — Это пастухи заметили льва и разожгли костры, чтобы отогнать его от стад.

Сосед говорившего с облегчением вздохнул и сказал:

— Точно, так оно и есть! В той долине сегодня паслось много скота.

Сидевший чуть поодаль человек развеял заблуждение:

— Нет, нет! Да если бы собрать хворост из всех долин Иудеи в одну кучу и зажечь, пламя не даст такого сильного света, да еще с такой высоты.

После этих слов на крыше наступило благоговейное молчание, поскольку загадочное явление продолжалось. Через несколько минут его нарушил новый голос.

— Братья! — воскликнул иудей почтенной внешности. — То, что мы с вами видим, это та лестница, которую праотец наш Иаков видел во сне. Благословен Господь Бог отцов наших!

Глава 11
Рождение Христа

Примерно в полутора-двух милях к юго-востоку от Вифлеема есть долина, отделенная от города неровной горной цепью. Долина эта, будучи хорошо защищенной от северных ветров, покрыта густой порослью сикомор, карликового дуба и пинии; прилегающие к ней лощины и овраги изобилуют зарослями олив и тутовника; в такое время года все это просто неоценимо для выпаса овец, коз и крупного рогатого скота, из кого и состоят бродящие в этих местах стада.

В самом удаленном от города углу долины, почти вплотную примыкая к крутой скале, располагался большой máráh, или овчарня, построенная в незапамятные времена. За долгие годы строение лишилось крыши и было почти разрушено. Примыкающий к зданию огороженный загон, однако, почти не пострадал от времени, что было очень удачно для пастухов,

которые куда охотнее держали своих питомцев в загоне, чем в собственно овчарне. Каменная стена, обводившая участок, хотя и доходила до головы человека, была все же недостаточно высока, чтобы защитить от прыжка пантеры или льва. С внутренней стороны стены в качестве дополнительной защиты против постоянной опасности тянулись заросли жостера — кустарника столь колючего, что даже воробей не мог бы преодолеть верх этой живой изгороди, усеянной пучками больших шипов, острых, как пики.

В день, когда произошло описанное в предыдущей главе событие, несколько пастухов в поисках новых выпасов для своих стад повели их в эту долину; так что с самого утра все рощицы были полны перекличкой пастухов, стуком топоров, блеяньем овец и коз, звоном колокольчиков, ревом быков и собачьим лаем. Когда солнце стало спускаться к горизонту, пастухи погнали своих подопечных к máráh. К ночи все успокоилось, пастухи разложили костер у входа в овчарню, сварили незамысловатую похлебку и, поужинав, расположились у огня на отдых, оставив одного на страже.

Их было шестеро, не считая дозорного, и они расположились вокруг огня, кто сидя, кто по-

лулежа. По обыкновению, пастухи не носили головных уборов, волосы их лежали на головах густым колтуном, бороды спускались на горло и грудь черными волнами; накидки из козьих и овечьих кож шерстью наружу укутывали пастухов с головы до ног, оставляя обнаженными только руки; широкие пояса стягивали на талиях эту незамысловатую одежду; сандалии на ногах были сделаны из самой грубой кожи; на правом плече у каждого висела сума с едой и камнями для пращей. Рядом на земле лежали загнутые в верхней части посохи, символ занятия и оружие в случае необходимости.

Таковы были пастухи Иудеи! Внешне грубые и дикие, как поджарые собаки, сидевшие рядом с ними у огня, на самом же деле простодушные и нежные сердцем; такими их сделала отчасти примитивная жизнь, а в основном — постоянная забота о существах симпатичных и беззащитных.

Они отдыхали и беседовали; разговор шел о стадах — тема для всего мира скучнейшая, но для этих людей в ней был весь мир. Они долго обсуждали какие-то незначительные моменты; кто-то в мельчайших деталях, ничего не упуская, описывал пропажу барана, ибо с самого рождения

такова была их обязанность: изо дня в день заботиться о «братьях меньших», спасать их во время разлива рек, переносить через овраги, давать им имена и учить их; животные становились им товарищами, предметом мыслей и интереса, спутниками их странствий. Защищая их, каждый из пастухов, не задумываясь, готов был бросить вызов льву или разбойнику — и умереть.

Грандиозные события, которые уничтожали целые народы и меняли лицо мира, были пустяками для этих людей, снисходительно слушавших о них. Порой до пастухов доходили слухи о том, что делает Ирод в том или ином городе — строит дворцы или стадионы, потворствует своим извращенным желаниям. Случалось, что, гоня стада на новые выпасы, пастух останавливался, заслышав звуки военных труб, и смотрел, как мимо него марширует когорта, а то и целый легион. Когда же плюмажи на шлемах скрывались вдали, а смятение, внесенное в душу пастуха неожиданным вторжением извне, успокаивалось, он задумывался над значением орлов и позолоченных жезлов, а также над обаянием другой жизни, столь отличной от его собственной.

И все же эти люди, при всем их невежестве и простоте, обладали своим знанием и мудростью. По субботам они привыкли совершать обряд очищения и бывать в синагогах, занимая самую дальнюю скамью от Ковчега Завета. Когда служитель обходил всех с Торой в руках, никто жарче них не прикладывался к свитку; когда читали священные тексты, никто из слушателей не внимал древним словам с большей верой, чем они; а по выходе из синагоги никто не давал более щедрой милостыни. В строках Священного Писания они обрели то знание и тот закон, которые были им необходимы в их простой жизни, — что Господом их был Единый Бог, что они должны любить Его всеми силами своей души. И они любили Его, и в этом проявлялась их мудрость, превосходившая мудрость царей.

За разговорами, еще до того, как истек срок первой стражи, пастухи стали один за другим задремывать.

Ночь, как и почти каждая зимняя ночь в этой гористой стране, была ясной, свежей, с усыпанным звездами небом. Ветра не было. Казалось, никогда еще воздух не был так чист, тишина ночи казалась чем-то большим, чем молчание; это было святое безмолвие, знак того, что небеса

приблизились, чтобы прошептать благую весть внимающей земле.

У входа в овчарню, завернувшись поплотнее в свою накидку, прохаживался караульный; временами он останавливался, заслышав возню в гуще дремлющих овец или далекое тявканье шакала на склоне горы. Приближалась полночь, время тянулось медленно; но наконец полночь наступила. Срок его дежурства истек; теперь можно было погрузиться в глубокий сон без сновидений, которым труд благословляет своих усталых детей. Он уже направился было к костру, но приостановился; все пространство вокруг него залил свет, мягкий и белый, похожий на лунный. Затаив дыхание, он ждал. Свет становился ярче; стали различимы предметы, не видимые ранее. На поле словно опускался покров. Холод страха пронзил пастуха. Он взглянул вверх; свет лился словно из окна в небе, в которое он смотрел; свет этот сиял царственным блеском, и пастух в страхе закричал:

— Проснитесь, проснитесь же!

Первыми вскочили на ноги собаки и, завывая, умчались прочь.

Перепуганные овцы сбились в плотную кучу.

Проснувшиеся пастухи поднимались на ноги,

держа оружие в руках.

— Что такое? — в один голос спросили они.

— Смотрите! — крикнул им караульщик. — Небеса в огне!

Внезапно свет стал невыносимо ярким, пастухи закрыли глаза и пали на колени; их души в страхе затрепетали, они, теряя сознание, простерлись ниц и умерли бы, если бы не голос, воззвавший к ним:

— Не бойтесь!

Они внимали этому голосу.

— Не бойтесь: смотрите, я принес вам благую весть, радость эту разделят все люди.

Голос, произносивший эти слова, ласковый и успокаивающий, не мог принадлежать смертному; низкий и ясный, он проникал в самое существо слушающих его, наполняя их уверенностью. Встав на колени и молитвенно сложив руки перед собой, пастухи увидели в круге величайшей славы очертания человека, одетого в белые одежды; над его плечами возвышались верхушки сияющих сложенных крыльев; звезда во лбу у него горела ярким огнем, напоминая Веспер[18] на закате; руки его были протянуты

---

[18] Примечания: 18

Веспер — античное название планеты Венера.

вперед благословляющим жестом; лицо его было спокойным и божественно прекрасным.

Пастухам часто приходилось слышать об ангелах, порой они даже говорили о них, как умели; так что теперь, не усомнившись, произнесли глубоко в своих сердцах: «Нам явлена слава Божья, и это тот, кто в древние времена явился пророку на берегу реки Улая».

Обращаясь к ним, ангел продолжал:

— Днесь Спаситель рожден во граде Давидовом, еси Господь Христос!

Снова наступило краткое молчание, во время которого слова вестника запечатлевались в душах слушавших его.

— Вам дан этим знак, — произнес затем вестник. — Да найдете вы дитя, запеленатого и лежащего в яслях.

Больше ангел ничего не сообщил; благая весть уже была принесена людям. Но все же он какое-то время еще оставался перед пастухами. Затем свет, центром которого он казался, порозовел и стал мерцать; стоявшие увидели высоко у себя над головами взмахи белых крыльев и парение сияющих тел, и множество голосов грянуло в унисон с высоты:

— Слава в вышних Богу, и на земле мир, в чело-

вецех благоволение!

Слова эти были произнесены не единожды, но много раз.

Затем вестник поднял очи горе, словно испрашивая одобрения кого-то свыше; крылья его медленно и величественно расправились, оказавшись сверху белыми как снег, а снизу перламутровыми; когда они распростерлись на много локтей в стороны от его фигуры, он легко взмыл в воздух и без всяких усилий поднялся вверх, скрывшись из виду и унеся с собой свет. Спустя некоторое время с небес донесся чуть приглушенный расстоянием рефрен: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение!»

Когда пастухи окончательно пришли в себя, они долго ошарашенно глядели друг на друга. Затем один из них произнес:

— Это был Гавриил, Божий посланец людям.

Никто не ответил.

— Родился Господь Христос, разве не это он сказал?

Еще один из пастухов обрел дар речи и ответил:

— Так он и сказал.

— И разве не сказал он, что это произошло в

городе Давида, в нашем Вифлееме? И что мы должны найти Его, найти дитя в пеленках?

— И лежащего в яслях.

Первый из говоривших задумчиво всмотрелся в огонь костра и наконец произнес, внезапно приняв решение:

— Есть только одно место в Вифлееме, в котором сохранились ясли, и место это — пещера рядом со старым караван-сараем. Братья, пойдем же и узрим то, что было предсказано. Священники и мудрецы давно уже ждали явления Христа. Ныне Он рожден, и Господь дал нам знак, по которому мы узнаем Его. Пойдем же и поклонимся Ему.

— Но наши стада!

— О них позаботится Господь. Поспешим же.

И они вышли из овчарни.

Обогнув гору и пройдя город, они подошли к воротам караван-сарая, где их и остановил привратник.

— Что вам здесь? — спросил он.

— Сегодня ночью мы видели и слышали нечто удивительное, — ответили они.

— Что ж, мы тоже видели нечто удивительное, хотя и ничего не слышали. А что слышали вы?

— Позволь нам пройти к пещере во дворе, чтобы убедиться; и потом мы тебе все расскажем. А то пойдем с нами — и увидишь все сам.

— Глупая выдумка.

— Нет — на свет появился Христос.

— Христос! Откуда вам это известно?

— Пойдем с нами, и ты первым увидишь его.

Привратник пренебрежительно усмехнулся:

— Сам Христос! И как же вы Его узнаете?

— Он родился нынешней ночью и сейчас лежит в яслях — так нам было сказано; а в Вифлееме есть только одно место, где сохранились ясли.

— Пещера?

— Да. Пошли с нами.

Вместе они прошли по двору караван-сарая. Дверь в пещеру была открыта. Внутри горела лампада, и они, не стучась, вошли внутрь.

— Мир вам, — обратился привратник к Ио-

сифу и бетдагониту. — Здешние пастухи хотят взглянуть на новорожденного, который, как им известно, сейчас запеленат и лежит в яслях.

Невозмутимое лицо назаретянина дрогнуло; повернувшись вполоборота, он сказал только:

— Младенец здесь.

Подведя всех к яслям, он показал на лежащего в них ребенка. Кто-то принес лампаду, и пастухи стояли, молча глядя на младенца. Тот лежал не шевелясь, как и подобает только что рожденному малышу.

— А где его мать? — спросил привратник.

Одна из женщин взяла ребенка на руки, подошла с ним к Марии, лежавшей неподалеку, и вложила младенца ей в руки. Все собравшиеся подошли поближе.

— Это Христос! — произнес наконец один из пастухов.

— Христос! — повторили все в один голос, опускаясь на колени.

Один из пастухов несколько раз произнес:

— Это Господь, и слава Его объемлет землю и небеса.

И эти простые люди, больше не сомневаясь, поцеловали край одежды юной матери и с просветленными лицами вышли из пещеры. Во дворе караван-сарая они поведали всем собравшимся вокруг них людям о случившемся; и на всем обратном пути через город к овчарне они распевали слова, произнесенные ангелами: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение!»

Слова их, подтвержденные явлением света, виденным многими, разнеслись далеко по всей округе, и много дней спустя толпы любопытных заходили в пещеру — некоторые искренне веря в случившееся, а большинство — чтобы посмеяться.

Глава 12
Мудрецы приходят в Иерусалим

На одиннадцатый день после того, как младенец появился на свет в пещере, трое мудрецов вошли в Иерусалим по дороге, ведущей в Сихем. Миновав Кедрон, они встретили по дороге множество прохожих, каждый из которых не преминул остановиться и с любопытством посмотреть им вслед.

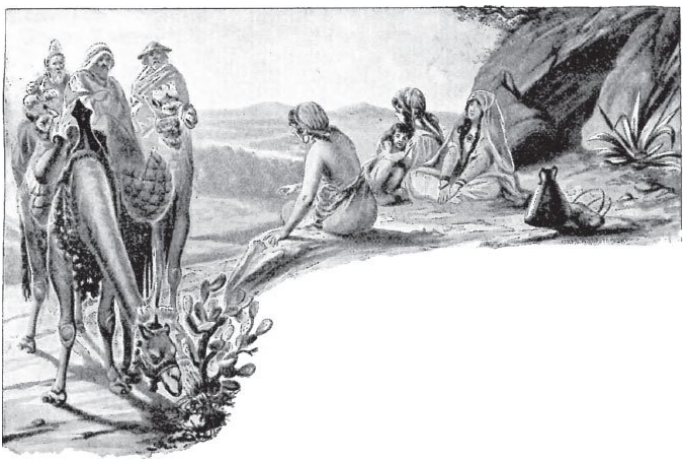
Находясь на пересечении основных международных торговых путей и будучи узкой гористой полосой, зажатой между пустыней на востоке и морем на западе, Иудея была именно тем, на что она могла претендовать; по другую же сторону горного хребта природа создала торговую дорогу между востоком и югом; и это было ее богатством. Другими словами, богатство Иерусалима было основано на пошлинах, которые он собирал с проходящих товаров и людей. Нигде в мире, за исключением Рима, не было другого такого

постоянного сборища такого количества людей любых наций; ни в каком другом городе мира не появлялось путников, столь отличных от людей, живших в пределах его стен. И все же эти трое привлекали внимание всех, кого они встречали на своем пути до ворот.

Ребенок одной из женщин, сидевших на обочине дороги напротив Царских гробниц, увидел входивших; он всплеснул ручонками и закричал:

— Смотрите, смотрите! Какие чудесные колокольчики! Какие большие верблюды!

Колокольчики были сделаны из серебра; верблюды, как мы помним, отличались необычным ростом и белизной и двигались весьма величественно; снаряжение их говорило о долгих странствиях в пустыне и о достатке их владельцев, сидевших под своими тентами в точности так, как они прибыли на встречу в Джебель. И все же не колокольчики, не снаряжение верблюдов и не манера держаться всадников привлекала к ним внимание, но те вопросы, которые задавал встречным ехавший первым всадник.

Дорога к Иерусалиму с севера идет по равнине, спускающейся к югу, так что Дамасские ворота лежат в низине. Сама дорога узкая, глубоко врезавшаяся в почву благодаря своей древности и оживленности движения, местами неровная из-за ухабов, образующихся во время дождей. Вдоль другой стороны дороги в былые времена тянулись поля и чудесные рощицы масличных

деревьев, особенно приятные глазу путешественников, долго скитавшихся в бесплодных пустынях. На этой дороге и остановились три всадника на верблюдах рядом с небольшой группой женщин, сидевших перед гробницами.

— Добрые люди, — обратился к ним Балтазар, возложив руку на грудь и поклонившись, — не к Иерусалиму ли привела нас эта дорога?

— Да, — ответила женщина, державшая на руках ребенка. — И если бы не эти деревья на пригорке, вы могли бы увидеть башни на Рыночной площади.

Балтазар бросил взгляд на спутников и снова обратился к женщинам:

— Где нам найти Того, Кто рожден Царем Иудейским?

Женщины переглянулись и ничего не ответили.

— Вы не слышали про Него?

— Нет.

— Что ж, тогда поведайте всем, что мы видели Его звезду на востоке и пришли сюда, чтобы поклониться Ему.

С этими словами друзья двинулись дальше. Тот же самый вопрос они задавали всем встречным и с тем же результатом. Большая компания,

направлявшаяся к пещере Иеремии, была так удивлена этим вопросом и внешностью путников, что даже повернула назад и последовала за ними в город.

Три путника были так озабочены предстоящей им миссией, что даже не обратили внимания на открывшийся перед ними вид. А вид этот был поистине величествен: за первой встреченной им по пути деревенькой Безета, за Мицпахом и Оливетом, слева от них, возвышалась мощная стена со своими сорока высокими и мощными башнями, надстроенная частично для усиления, а частично по прихоти своих царственных строителей; стена эта уходила направо, образуя острые углы, прорезанная укрепленными воротами, за ней виднелись три белые возвышенности — Фаселис, Марками и Гиппикус, далее, за ними, — Сион, самый высокий из холмов, с возвышающимися на нем мраморными дворцами, никогда еще не выглядевший столь прекрасным. Сверкали уступы храма Мориа, считающегося одним из чудес света. Высокие горы кольцом охватывали священный град; казалось, что он стоит внутри некоего громадного котла.

Через некоторое время трое друзей приблизились к огромной мощной башне, нависающей

над вратами, которые в те времена находились на месте современных Дамасских ворот и отмечали собой место схождения трех дорог, ведущих из Сихема, Иерихона и Гаваона. У ворот несла охрану римская стража. Люди, следующие за верблюдами, к тому времени образовали уже целую толпу, вполне достаточную, чтобы привлечь внимание праздных зевак у ворот. Поэтому когда Балтазар остановился, чтобы переговорить со стражником у ворот, все трое оказались в центре плотной толпы людей, жаждущих услышать их разговор.

— Мир тебе, — четким голосом произнес египтянин.

Часовой ничего не ответил.

— Мы пришли издалека в поисках Того, Кто рожден Царем Иудейским. Ты можешь сказать, где нам Его найти?

Часовой поднял забрало шлема и громко крикнул. Из будки справа от дороги появился офицер.

— Дайте дорогу, — велел он собравшимся, сбившимся еще теснее.

Поскольку толпа, по его мнению, не спешила выполнить приказ, он принялся расталкивать собравшихся древком своего копья, пробивая дорогу.

— Чего вам? — спросил он у Балтазара на мест-

ном наречии.

Балтазар повторил свой вопрос:

— Где Тот, Кто рожден Царем Иудейским?

— Ирод? — недоуменно переспросил офицер.

— Нет, правление Ирода исходит от цезаря.

— Другого царя у иудеев нет.

— Но мы узрели звезду Того, Кого мы ищем, и пришли сюда поклониться Ему.

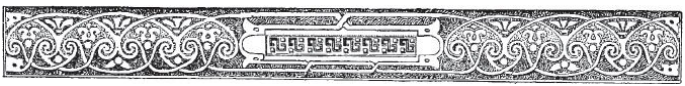
Римлянин был сбит с толку.

— Ступайте отсюда, — проговорил наконец он. — Ступайте. Я вам не иудей. Задайте этот вопрос законникам в Храме или первосвятителю Анне, а лучше всего — самому Ироду. Если есть другой царь Иудейский, он его обязательно найдет.

С этими словами он велел толпе расступиться, и путники, миновав ворота, вступили в город. Но прежде чем войти в лабиринт узких улиц, Балтазар чуть придержал своего верблюда и произнес, обращаясь к своим друзьям:

— Мы дали о себе знать, и довольно громко. К вечеру весь город будет знать о нас и о нашей миссии. Отправимся теперь в караван-сарай.

Глава 13
Очевидцы перед Иродом

Тем же вечером, на закате, несколько женщин стирали белье на верхних ступенях лестницы, спускающейся к Силоамскому пруду. Девочка подносила им из пруда воду и пела, наполняя емкости из обожженной глины. Песенка была веселой и, без сомнения, скрашивала их труды. Время от времени женщины садились на корточки и, отдыхая, смотрели на склоны окружающих гор и на вершину, известную сейчас как гора Соблазна, едва различимую на фоне заходящего солнца.

Когда они заканчивали полоскать в емкости очередную порцию белья, к ним подошли еще две женщины с кувшинами на плечах.

— Мир вам, — приветствовала стиравших одна из них.

Работавшие приостановились, вытирая мокрые руки, и поклонились в ответ.

— Уже почти вечер — время отдыхать.

— Нашей работе конца нету, — прозвучало в ответ.

— Но всегда есть время отдохнуть и…

— Послушать, что происходит, — вставила другая.

— Что у вас новенького?

— Значит, вы ничего не слышали?

— Нет.

— Говорят, Христос родился, — сказала сплетница, готовясь рассказывать.

Было любопытно видеть, каким неподдельным интересом осветились лица работавших; вновь прибывшие сняли с плеч кувшины, которые тут же превратились в импровизированные сиденья.

— Христос! — воскликнула слушательница.

— Так говорят.

— Кто?

— Да все, об этом уже говорит весь город.

— И кто-нибудь этому верит?

— Нынешним утром три человека пришли через Кедрон по дороге из Сихема, — продолжала рассказчица, желая устранить все сомнения в ее словах. — Каждый из них ехал на девственно-белом верблюде, который был ростом больше, чем

до сих пор видели в Иерусалиме.

Глаза и рты слушательниц широко распахнулись.

— Люди эти были знатны и богаты, — продолжала рассказчица. — Каждый из них сидел под пологом из шелка; пряжки их седел из чистого золота, как и бахрома на упряжи; а колокольчики на верблюдах — из серебра, и звенели так нежно! Никто не знает этих людей; выглядят же они так, словно пришли с края света. Говорил только один из них, и всем встречным на дороге, даже женщинам и детям, задавал один и тот же вопрос: «Где Тот, Кто рожден Царем Иудейским?» Никто не мог ему ответить — ни один человек не понимает, что они имеют в виду; поэтому они вошли в город, сказав только: «Мы видели на востоке Его звезду и пришли сюда, чтобы поклониться Ему». То же самое они спросили и у римского часового у ворот, и тот, не умнее простых людей на дороге, отправил их к Ироду.

— И где они теперь?

— Остановились в караван-сарае. Сотни людей уже видели их там, и еще сотни собираются взглянуть на них.

— Но кто же они такие?

— Никто не знает. Поговаривают, что они из Персии — мудрецы, которые понимают язык

звезд, а может быть, пророки, как Елиав и Иеремия.

— И кого же они считают Царем Иудейским?

— Того Христа, Который только что родился.

Одна из женщин рассмеялась и снова принялась за работу со словами:

— Что ж, когда я увижу Его, тогда и поверю.

Вторая последовала ее примеру, сказав:

— А я… когда я увижу, как Он воскрешает мертвых, то поверю в Него.

Третья же негромко произнесла:

— Появление Его было предсказано еще давно. Мне будет достаточно увидеть, как Он исцеляет прокаженного.

Женщины проговорили до самой темноты. Когда похолодало, все четверо разошлись по домам.

Поздно вечером, в час начала первой стражи, во дворце на горе Сион собралось человек пятьдесят из числа тех, кто никогда не собирался вместе, кроме как по прямому повелению Ирода и только в тех случаях, когда ему требовалось узнать какую-нибудь из сокровенных тайн иудейской истории или ее закона. Короче говоря, это было собрание законников, высших священнослужителей и глав религиозных общин, наиболее

уважаемых в городе за их ученость. Здесь были ведущие теологи, толкователи различных вероучений, самые авторитетные саддукеи, самые пламенные трибуны фарисеев, спокойные, тихие философы-стоики из социалистов-ессеев[19].

Собрались они в одном из внутренних двориков дворца, довольно большом, построенном в романском стиле. Пол там был вымощен мраморными плитами, стены, без единого окна, расписаны в желто-оранжевых тонах; диван, занимавший середину помещения, был устлан подушками из ярко-желтой материи и изогнут в виде латинской буквы U, открытой ко входу; в выгибе дивана стоял громадный бронзовый треножник, инкрустированный золотом и серебром. Над треножником с потолка свисал светильник с семью лапами, в каждой из которых помещалась горящая лампа. Диван и светильник были чисто иудейскими.

Люди, сидевшие сейчас на диване, были облачены в одежды восточного стиля, единообразного

---

[19] Примечания: 19

Ессеи — религиозная группировка внутри иудаизма, существовавшая со 2-го тыс. до н. э. вплоть до 70-х гг. н. э. Вели аскетический образ жизни и скрупулезно соблюдали закон, но во время молитвы обращались лицом к Солнцу, а не ко Храму, называя себя «людьми света». По мнению некоторых исследователей, община, которой принадлежали Кумранские свитки, состояла из ессеев.

покроя, нечто вроде униформы, отличавшиеся только цветом. Это были исключительно мужчины, большей частью уже в летах; лица их украшали бороды; крючковатые носы казались еще более крупными от соседства с большими черными глазами под нависающими густыми бровями; весь их облик был серьезным, величественным, даже патриархальным. Короче, это было заседание Синедриона.

Человек, сидевший перед треножником, на месте, которое могло бы быть названо председательским, походил на своих коллег справа и слева, но именно к нему, по всей видимости председателю этого собрания, сразу же приковывался взгляд постороннего наблюдателя. Когда-то этот человек явно был высокого роста, но теперь до отвращения ссохся и сгорбился: белая мантия, в которую он облачился, не давала ни малейшего намека на то, что под нею скрываются мышцы или что-то иное, кроме угловатого скелета. Сложенные руки, наполовину скрытые рукавами из полосатой шелковой ткани, белой и темно-красной, покоились на коленях. Когда человек говорил, указательный палец его правой руки, дрожа, приподнимался; было похоже, что на другие жесты он уже не способен. Несколько

волосков, цветом белее ярко начищенного серебра, еще оставались на его обтянутом кожей, почти лысом и совершенно круглом черепе, ярко блестевшем в свете ламп; мутные глаза глубоко запали в глазницах; нос едва ли не доставал губы; нижняя часть лица скрывалась в волнистой бороде, наводящей на воспоминания о почтенном Аароне. Таков был Энлиль Вавилонянин! Череда пророков, давно пресекшаяся в Израиле, сменилась чередой схоластов, из которых он был самым ученым — знатоком всего, но лишенным Божественного вдохновения. В свои сто шесть лет он по-прежнему оставался президентом Верховной Коллегии.

На столе перед ним лежал развернутый свиток пергамента, покрытый затейливой вязью иврита; за его спиной, почтительно склонившись, ждал распоряжений дородного вида служитель.

Собравшиеся явно обсуждали какой-то сложный вопрос, но к тому моменту, когда они предстали нашему взгляду, общее мнение было найдено, и достопочтенный Энлиль, не двигаясь, подозвал служителя:

— Пст!

Тот, приблизившись, склонился еще ниже.

— Ступай и скажи царю, что мы готовы дать

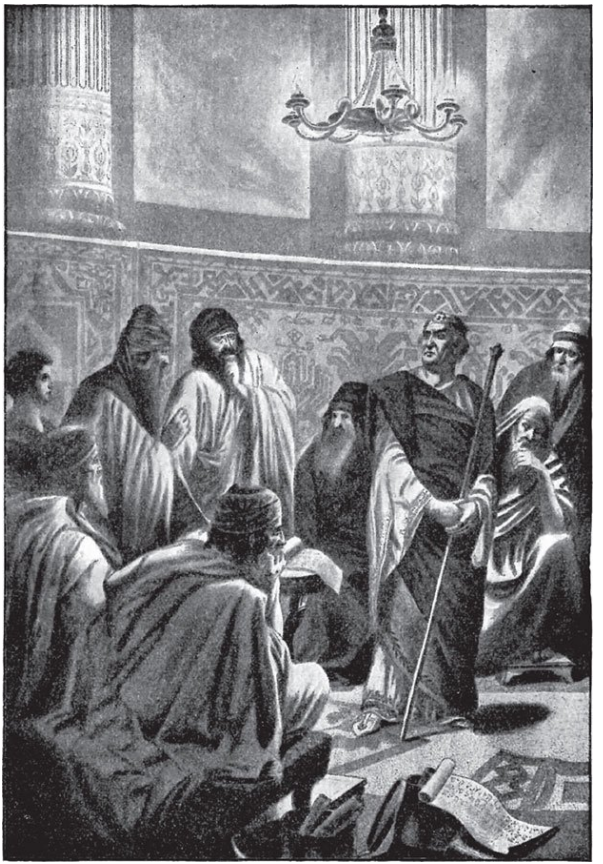
ему ответ.

Не мешкая, служитель удалился.

Спустя некоторое время в помещение вошли два офицера придворной стражи и замерли по обе стороны от двери; вслед за ними во дворик медленно вступила в высшей степени примечательная персона — старик в пурпурной мантии с алым подбоем, схваченной на талии лентой из золота столь тонкой работы, что эластичностью не уступала коже; пряжки сандалий сверкали драгоценными камнями; узкий обруч короны филигранной работы играл поверх тарбуша из мягчайшего бархата малинового цвета, спускавшегося на плечи и оставляющего открытым шею. Вместо печати к поясу был пристегнут кинжал. Старик прихрамывал и тяжело опирался на трость. На всем своем пути до дивана он не останавливался и не поднимал взгляда от пола. Лишь приблизившись, он, словно впервые заметив присутствующих, обвел собравшихся надменным взглядом, словно выискивая среди них врагов. Таким был Ирод Великий — телом страждущий от множества болезней, совестью ожесточенный злодеяниями, сознанием царственно талантливый, душою равный римским цезарям; достигший уже семидесяти шести лет,

но хранивший свою власть, как никогда ранее, с подозрительной ревностью, с деспотичной мощью и непреклонной жестокостью.

По рядам собравшихся прошло движение — более старшие подались вперед в поклоне, более почтительные привстали и преклонили колена, возложив руки на грудь.

Обведя взглядом ряды собравшихся, Ирод сделал несколько шагов и приблизился к треножнику, остановившись напротив достопочтенного Энлиля. В ответ на его холодный взгляд тот лишь склонил голову и слегка приподнял руки.

— Ответ! — с высокомерной краткостью произнес царь, обращаясь к Энлилю, и водрузил перед собой трость, опершись на нее обеими руками. — Ответ!

Глаза патриарха мягко сверкнули. Вскинув голову и глядя прямо в лицо вопрошавшему, он произнес:

— Да дарует мир тебе, о царь, Бог Авраама, Исаака и Иакова!

Произнеся эти слова молитвенным тоном, он изменил образ речи и более деловым тоном, но торжественно изрек:

— Тебе было угодно вопросить нас, где должен появиться на свет Христос.

Царь склонил голову, не отрывая взгляда от лица мудреца.

— Таков был вопрос.

* * *

— Ныне, о царь, я объявляю тебе от своего собственного лица, равно как и от лица моих

собратьев, ибо нет среди нас ни одного не согласного с этим: в городе Вифлееме, что в Иудее.

Энлиль бросил взгляд на лежавший на треножнике пергамент; указывая на него своим дрожащим пальцем, он продолжал:

— В Вифлееме, что в Иудее, ибо было написано пророком: «И ты, Вифлеем, что в стране Иудейской, будешь не последним среди князей Иудеи, поскольку из твоих пределов придет Тот, Кто будет править моим народом Израилевым».

По лицу Ирода пробежала тень тревоги. Несколько мгновений он раздумывал, не спуская взгляда с пергамента. Присутствующие затаили дыхание, никто не произносил ни слова — ни они, ни царь. Наконец Ирод резко повернулся и вышел из залы.

— Братья, — произнес Энлиль, — мы можем разойтись.

Собравшиеся поднялись со своих мест и, разбившись на группы, потянулись к выходу.

— Симеон, — позвал Энлиль.

Мужчина лет пятидесяти, еще вполне крепкий, отозвался и подошел к мудрецу.

— Возьми этот священный пергамент, сын мой, и осторожно сверни его.

Приказ был незамедлительно исполнен.

— Теперь помоги мне подняться и проводи меня до паланкина.

Мужчина склонился к старику, протягивая руки; старик оперся на них, с трудом поднялся и неверными шагами направился к выходу.

Так покинули залу совета президент Верховной Коллегии и Симеон, его сын, которому предстояло унаследовать мудрость, познания и пост своего отца.

Поздним вечером того же дня трое мудрецов лежали в клетушке караван-сарая без сна. Каменные изголовья, служившие им подушками, позволяли держать головы так высоко, что они могли видеть сквозь арку открытое небо. Всматриваясь в мерцающие звезды, они размышляли о следующем знамении. Как оно произойдет? Что это будет? Наконец-то они добрались до Иерусалима; они спросили у входных ворот города о Том, Кого искали; им было суждено стать свидетелями Его рождения; оставалось только найти Его; и в исполнение этого они вкладывали всю свою веру в Духа. Люди, внимающие голосу Бога или ждущие знака Небес, не могут спать.

И вот, когда они находились в таком состоянии, под арку, ведущую в их клетушку, вступил человек и заслонил свет звезд.

— Вставайте! — произнес он. — Я принес вам известие.

Трое друзей сели на своих ложах.

— От кого? — спросил египтянин.

— От царя Ирода.

У каждого из услышавших эту новость по спине пробежал холодок.

— Разве ты не служитель караван-сарая? — снова задал вопрос Балтазар.

— Да, служитель.

— Чего хочет от нас царь?

— Его посланец ждет снаружи; спрашивайте у него.

— Попроси его подождать, мы сейчас выйдем.

— Ты был прав, о брат мой! — сказал грек, когда служитель удалился. — Вопросы, которые ты задавал людям на дороге и стражнику у ворот, быстро дошли до слуха царя. Мне не терпится все узнать; давайте поспешим.

Они поднялись, надели сандалии, подпоясались и вышли наружу.

— Приветствую вас, да будет мир вам, я прошу у вас прощения, но мой повелитель, царь, послал меня, чтобы пригласить вас во дворец, где он желает переговорить с вами наедине.

В таких словах посланник изложил возложенную на него задачу.

У входа в караван-сарай висела лампа, и при ее

свете мудрецы взглянули друг на друга, понимая, что Дух посетил их. Затем египтянин подошел к служителю, стоявшему неподалеку, и произнес, понизив голос так, чтобы его не слышали остальные:

— Ты знаешь, где во дворе лежат наши вещи и где стоят верблюды. Пока нас не будет, пригляди за ними до нашего возвращения, если это будет необходимо.

— Ступайте себе спокойно и доверьтесь мне, — ответил служитель.

— Воля царя — закон для нас, — сказал Балтазар, обращаясь к посланнику. — Мы готовы следовать за тобой.

Улицы Святого города были в те времена столь же узкими, как и ныне, но не такими неровными и грязными, потому что великий строитель, не довольствуясь только красотой города, позаботился и о его чистоте и удобстве для жителей. Странники молча шагали за провожатыми. Хотя неверный свет звезд слабо проникал между высокими стенами домов по обе стороны улиц, они все же смогли понять, что из низменной части города поднимаются на холм. Наконец они оказались у фронтона здания, перегораживавшего им дорогу. При свете факелов, пылавших в двух

громадных подставках, можно было различить очертания строения и контуры стражников, недвижно замерших у входа. Без какого-либо вопроса их пропустили внутрь. Затем переходами и сводчатыми залами, внутренними двориками и колоннадами, не всегда освещенными, длинными пролетами лестниц, вдоль бесчисленных галерей и покоев их провели в высокую башню. Ведший их провожатый внезапно остановился и, указывая рукой на открытую дверь, сказал:

— Войдите. Царь вас ждет.

Воздух царских покоев был насыщен ароматом сандала, убранство поражало своей роскошью. Пол посередине залы был устлан ворсистым ковром, на котором возвышался трон. Вошедшие успели обвести взглядом помещение, и в памяти их остались резные оттоманки и позолоченные кресла, опахала, вазы, музыкальные инструменты; золотые канделябры, отражавшие свет горевших в них свечей; стены, расписанные сладострастными сюжетами в стиле греческих школ живописи, при одном взгляде на которые фарисеи в святом негодовании закрыли бы глаза. Но тут же внимание их сосредоточилось на сидевшем на троне Ироде, облаченном в то же одеяние, в котором он посетил собрание богосло-

вов и толкователей законов.

У края ковра, к которому они приблизились без приглашения, мудрецы простерлись перед Иродом. Царь позвонил в колокольчик. В залу вошел служитель и поставил перед троном три кресла.

— Садитесь, — произнес монарх, указав на кресла рукой. — Стража у Северных ворот, — продолжал он, когда мудрецы расселись, — сегодня доложила мне о прибытии трех странников, по-видимому из дальних земель. Вы ли эти люди?

Египтянин переглянулся с греком и индусом и, почтительно приветствовав царя, отвечал:

— Будь мы не теми, кто мы есть, разве могущественный Ирод, которого превозносит весь мир, послал бы за нами? Мы же ничуть не сомневаемся в том, что мы странники.

Ирод нетерпеливо махнул рукой.

— Кто вы такие? Откуда вы пришли? — спросил он и со значением добавил: — Пусть каждый говорит сам за себя.

Каждый из странников по очереди вкратце рассказал царю о себе, назвав город и страну своего рождения и обрисовав маршрут, которым он добирался до Иерусалима. Чем-то разочарованный, Ирод принялся расспрашивать их более подробно:

— Какой вопрос вы задали офицеру, командовавшему стражниками у ворот?

— Мы спросили его: «Где Тот, Кто рожден Царем Иудейским?»

— Теперь я понимаю, почему мои воины так удивились. Да я и сам удивлен не менее их. Что, есть какой-нибудь другой царь Иудейский?

Египтянин бесстрашно ответил ему:

— Тот, Который только что родился.

Гримаса боли перекосила темное лицо правителя, словно эти слова вызвали какие-то мучительные воспоминания в его сознании.

— Не от меня, не от меня? — воскликнул он.

Возможно, в это мгновение перед его мысленным взором чередой прошли образы его убитых детей; но, подавив свои чувства, он снова настойчиво спросил:

— И где этот новый царь?

— Именно это, о царь, мы и хотели бы спросить.

— Вы удивили меня — эта загадка не под силу и самому Соломону, — продолжал монарх. — Как вы сами видите, я в той поре моей жизни, когда любопытство становится неуправляемым, как и в детстве, если шутить с ним жестоко. Говорите же все до конца, и я одарю вас по-царски.

Расскажите мне все, что вы знаете об этом новорожденном; и я вместе с вами отправлюсь на Его поиски; когда же вы найдете Его, я сделаю все, что вы пожелаете; я приведу Его в Иерусалим и научу Его искусству правления; я воспользуюсь благосклонностью ко мне цезаря для Его поддержки и славы. Клянусь вам, я не исполнюсь ревности к Нему. Но прежде всего скажите мне, как вы, разделенные морями и пустынями, услышали про Него.

— Скажу тебе всю правду, о царь.

— Говори же, — повелел Ирод.

Балтазар встал, выпрямился и торжественно произнес:

— Такова была Воля Божья.

Ирод был явно напуган.

— Он повелел нам прийти сюда, сказав, что мы должны найти Спасителя мира; что мы должны узреть Его, и поклониться Ему, и стать свидетелями Его прихода; в качестве же знака каждому из нас было дано узреть звезду. Дух Его пребывает с нами. О царь, Дух Его и сейчас с нами!

Неодолимые чувства овладели всеми тремя странниками. Грек с трудом подавил готовый вырваться из горла крик. Взгляд Ирода быстро переходил с одного из них на другого; царь выглядел

еще более подозрительным и разочарованным, чем раньше.

— Вы смеетесь надо мной, — сказал он. — Если же нет, говорите все до конца. Что последует за пришествием нового царя?

— Спасение людей.

— От чего?

— От их злобы.

— Каким образом?

— Божественными посланцами — Верой, Любовью и Добродетелью.

— В таком случае, — Ирод на секунду замолк, и по его лицу ни один человек не смог бы сказать, какие чувства им сейчас владеют, — вы и есть вестники о Христе. Это все?

Балтазар низко склонился перед монархом.

— Мы твои верные слуги, о царь.

Ирод снова позвонил в колокольчик, вызывая слугу.

— Принеси дары, — распорядился повелитель.

Слуга вышел, но вскоре вернулся и, преклонив колени перед гостями царя, передал каждому из них накидку из ткани в малиновую и голубую полосы и золотой пояс. Благодаря за оказанную честь, все трое по восточному обычаю простерлись перед царем.

— Еще одно слово, — сказал Ирод, когда церемония была окончена. — Офицеру у ворот вы говорили про звезду, которую видели на востоке, но ничего не сказали сейчас об этом мне.

— Да, — ответил Балтазар, — это Его звезда, звезда новорожденного.

— Когда она появилась?

— Когда нам было повеление прийти сюда.

Ирод поднялся, давая знать, что аудиенция

окончена. Сделав несколько шагов к ним, он произнес со всей любезностью, на которую был способен:

— Если, как я верю, вы, о прославленные ученостью мужи, и в самом деле посланы вестниками о Христе, ныне рожденном, знайте же, что нынешним вечером я вопросил знатоков иудейских дел и они в один голос ответили: Он должен быть рожден в Вифлееме Иудейском. Я говорю вам — ступайте туда, ступайте и неустанно ищите Младенца; и, когда вы найдете Его, дайте мне знать, чтобы я мог прийти и поклониться Ему. На вашем пути туда не будет ни препятствий, ни трудностей. Мир вам!

И, запахнувшись в мантию, он вышел из залы.

Появившийся провожатый провел их темными улицами ко входу в караван-сарай. Прежде чем войти в ворота, грек порывисто воскликнул:

— Направимся же в Вифлеем, о братья, как посоветовал нам царь!

— Да, — кивнул головой индус. — Дух во мне горит огнем.

— Да будет так, — с таким же воодушевлением произнес Балтазар. — Верблюды ждут нас.

Они одарили служителя караван-сарая, сели в седла, узнали дорогу до Яффских ворот и дви-

нулись в путь. При их приближении громадные створки медленно раскрылись, и они вышли из пределов Святого города, направившись по дороге, по которой так недавно двигались Иосиф и Мария. Когда они вышли на равнину Рефаим, впереди вспыхнул свет, поначалу расплывчатый и слабый. Сердца их забились быстрее. Свет быстро наливался яркостью; вскоре они уже были вынуждены прикрыть глаза. Когда же они осмелились вновь открыть их, то звезда, столь же прекрасная, как и любая другая звезда на небе, висела низко над горизонтом и медленно двигалась перед ними. И они сложили перед собой руки и воскликнули, переполняемые одинаковыми чувствами.

— Бог с нами! Бог с нами! — повторяли они в восторге чувств всю дорогу, вплоть до тех пор, как звезда, поднявшись над долиной за горой Мар-Элиас, неподвижно замерла над домиком на склоне холма невдалеке от города.

Глава 14
Мудрецы находят ребенка

Был час начала третьей стражи. Над горами, что к востоку от Вифлеема, загоралась заря, но такая слабая, что в долине еще стояла темнота. Привратник у дверей старого караван-сарая, поеживаясь от ночного холода, прислушивался к первым звукам нарождающегося дня, которыми повседневная жизнь, вступая в свои права, приветствовала рассвет. Тут он заметил свет, двигавшийся по склону холма к стоящему на его вершине дому. Сначала он подумал, что это факел в чьей-то руке; затем решил, что сверкание метеора; свет, однако, становился все ярче, пока не стало понятно, что это звезда. От испуга привратник вскрикнул и принялся тащить всех бодрствующих во дворе под защиту крыши. Явление тем временем, причудливо двигаясь, все приближалось; окружающие скалы, деревья, дорога светились отраженным светом как от мол-

нии; скоро сияние стало ослепительным. Более робкие из числа видевших это пали на колени и стали молиться, закрыв лица руками; более смелые, прикрыв глаза ладонями, склонили головы, время от времени бросая на происходящее полные ужаса взоры. Вскоре караван-сарай и все окружающие его постройки были залиты невыносимым сиянием. Лишь те немногие, кто осмелился всмотреться в происходящее, поняли, что звезда замерла над домом перед входом в пещеру, где родился Младенец.

В кульминационный момент этой сцены появились мудрецы, спешившиеся со своих верблюдов у входа в караван-сарай. Обнаружив, что дверь заперта, они стали громко просить разрешения войти. Когда служитель справился со своим страхом настолько, что обратил на них внимание, он снял запоры и открыл им дверь. В заливающем все вокруг свете верблюды выглядели какими-то призрачными существами, что вкупе с обликом и поведением их хозяев лишь увеличило страх привратника. Он отшатнулся и даже не смог сразу ответить на заданный ему вопрос:

— Это ли Вифлеем Иудейский?

Несколько человек из числа постояльцев приблизились ко входу. Их присутствие несколько

приободрило привратника.

— Нет, это караван-сарай, сам город расположен чуть дальше.

— Не здесь ли недавно появился на свет ребенок?

Окружающие в изумлении воззрились друг на друга.

— Да, да.

— Проведите же нас к Нему, — нетерпеливо потребовал грек.

— Проведите нас к Нему, — воскликнул и Балтазар, впервые за все время теряя бесстрастие, — потому что мы видели Его звезду, которая встала над Его домом, и пришли поклониться Ему!

Индус молитвенно сложил руки перед собой, восклицая:

— Воистину жив Господь! Поспешите же, поспешите! Спаситель найден. Мы осчастливлены превыше всех людей!

Спавшие на плоской крыше люди спустились вниз и последовали за странниками, ведя их по двору и загону; при виде звезды, по-прежнему сиявшей над пещерой, хотя и не так ярко, кое-кто в испуге повернул назад; но бóльшая часть продолжала свой путь. Когда путники приблизились к дому, звезда поднялась; когда они достигли двери,

звезда уже была высоко в небе и продолжала подниматься; когда они вошли в дом, она скрылась из виду. Это убедило свидетелей происшедшего, что существовала какая-то божественная связь между звездой и странниками. Когда дверь распахнулась, они толпой вошли внутрь.

Помещение было освещено светильником, дававшим достаточно света, чтобы странники

смогли различить мать и бодрствующего ребенка у нее на коленях.

— Это твой ребенок? — спросил Балтазар у Марии.

Молодая мать поднесла ребенка ближе к свету, произнеся:

— Он мой сын!

И все трое преклонили колена и поклонились Ему.

Они совершенно отчетливо видели, что ребенок ничем не отличается от всех других детей: вокруг его головы не было ни нимба, ни какой-либо короны; губы его были приоткрыты. Ему словно бы не было дела до мудрецов, до их радости, их молитв; подобно всем детям, он куда дольше смотрел на пламя светильника, чем на них.

Спустя несколько минут странники поднялись с колен, возвратились к своим верблюдам и снова пришли в пещеру, принеся в качестве даров золото, ладан и мирру[20], которые они и возложили перед Младенцем, выразив все преклонение перед Ним в словах, которые нельзя передать на письме, ибо искренний восторг чистого сердца

---

[20] Примечания: 20

Ладан и *мирра* — различные виды ароматических смол.

был тогда тем же, что и сейчас, — вдохновенной песней души.

Перед ними был Спаситель, в надежде найти которого они проделали такой длинный путь!

Они без всяких колебаний признали Его.

Почему?

Вера их покоилась на знамениях, явленных им Тем, Которого мы знаем с тех пор под именем Отца; и они были людьми того типа, которым достаточно лишь такого знамения, поскольку они ничего не спрашивали о своем будущем. Мало было тех людей, которые увидели знамения и услышали данные им обещания: Мать и Иосиф, пастухи, трое мудрецов — все они уверовали одинаково. В этот период, в период подготовки спасения, Бог был всем и Младенец ничем. Но взгляни в будущее, о читатель! Наступит время, когда все знамения будут исходить от Сына. Блаженны те, кто тогда уверует в Него!

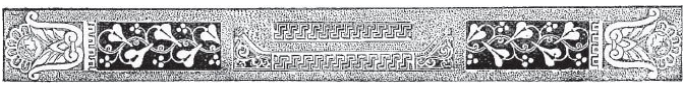
Давайте же дождемся этого времени.

Книга вторая

Ты жил дерзаньем смелым,
Огнем души, чьи крылья ввысь манят,
Ее презреньем к нормам закоснелым,
К поставленным природою пределам.
Раз возгорясь, горит всю жизнь она,
Гоня покой, живя великим делом,
Неистребимым пламенем полна,
Для смертных роковым в любые времена.
Джордж Байрон. Чайльд-Гарольд

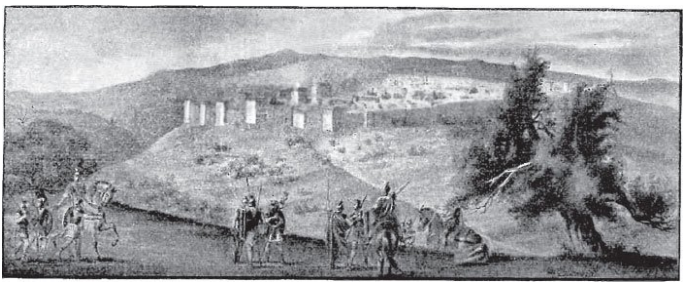

Глава 1
Иерусалим под властью римлян

Теперь читателю необходимо перенестись вперед на двадцать один год, в начало того периода, когда римскую власть возглавлял Валерий Грат, четвертый имперский правитель Иудеи, — период, который запомнился спадом политической агитации в Иерусалиме. Это было не лучшее время, чтобы сводить старые счеты между иудеями и римлянами. Иудея претерпевала перемены, затрагивавшие многие стороны ее существования, но ничто не волновало ее так, как политический статус. Ирод Великий умер примерно через год после рождения Младенца — умер столь жалко, что христианский мир впоследствии имел все основания думать: он был сметен Божественным гневом. Подобно всем великим правителям, целую жизнь занятым совершенствованием той власти, которую они создали, он мечтал передать свой трон и свою корону по наследству — стать

основателем династии. С этим намерением он оставил завещание, согласно которому разделил все подвластные ему земли между тремя своими сыновьями — Антиппой, Филиппом и Архелаем, из которых последний должен был также унаследовать и его титул. В соответствии с заведенным порядком завещание было представлено на рассмотрение императору Августу, который утвердил все его положения, за одним исключением: он воздержался от присвоения Архелаю царского титула до тех пор, пока тот не докажет свою способность управлять государством и свою преданность римской власти; взамен этого он дал ему титул наместника и в этом качестве позволил править в течение девяти лет, после чего за неспособность к управлению и к обузданию тех возмутителей спокойствия, которые укреплялись и набирали силу при нем, Архелай был сослан в Галлию.

Цезарь не ограничился устранением Архелая; он нанес удар также и по жителям Иерусалима, унизив их гордость и ранив чувствительность высокомерных обитателей Храма. Он низвел Иудею до статуса провинции Римской империи и ввел ее в состав префектуры Сирии. Таким образом, взамен царя, лояльно управлявшего народом из дворца на холме Сион, оставленного Иродом, город попал во власть второстепенного чиновника, именуемого прокуратором, выходившего на римских царедворцев только через наместника Сирии, постоянно пребывавшего в Антиохии. Чтобы сделать оскорбление еще

более чувствительным, прокуратору не было позволено иметь своей резиденцией Иерусалим; он сам и его чиновники расположились в Кесарии. Но унизительнее всего было то, что Самария, самая презираемая всеми в мире Самария, — эта самая Самария была присоединена к Иудее в качестве части той же самой провинции! Каких мук стоило правоверным иудаистам встречаться на совещаниях с фанатиками-фарисеями, которые показывали на них пальцами и смеялись над ними в присутствии прокуратора!

В этом море слез и печали униженному народу оставалось одно утешение: верховный священнослужитель воцарился в бывшем дворце Ирода и завел там некое подобие царского двора. О том, какой долей истинной власти он обладал, можно судить по следующему примеру. Смертные приговоры утверждались прокуратором. Правосудие осуществлялось от имени римского императора и по его законам. Еще более знаменательным было то, что царский дворец был забит акцизными чиновниками императора, его дипломатическими посланцами, советниками, регистраторами, сборщиками податей, откупщиками, доносчиками и соглядатаями. Мечтающим о днях вожделенной свободы оставалось утешаться тем, что главным

правителем в царском дворце был все же иудей. Одно только его присутствие изо дня в день напоминало им об обещаниях пророков и о том времени, когда Иегова правил племенами через сынов Аарона; для них в этом был определенный знак того, что Бог не покинул их: это питало их надежды и помогало терпеливо дожидаться прихода сына Иуды, которому предстояло взять бразды правления Израилем.

Иудея была римской провинцией более восьмидесяти лет — громадный срок для того, чтобы узнать, до какой степени ее население не выносит римскую власть, и более чем достаточный, чтобы понять: иудеями, при всей их гордости, можно вполне спокойно управлять, если только уважать их религию. Придерживаясь такой политики, предшественники Валерия Грата всячески избегали каких бы то ни было споров с блюстителями священных обычаев и законов их религии. Грат же избрал совершенно другую политику: самым первым своим официальным актом он лишил Анну звания верховного жреца и передал его дворец Ишмаэлю, сыну Фабуса.

Исходила ли идея такого акта от Августа или же была рождена в голове самого Грата, но неразумность ее вскоре стала явной всем. Жалея

читателя, мы не будем посвящать его во все тонкости политических процессов внутри самой Иудеи; скажем об этом только несколько слов, которые совершенно необходимы для критического осмысления происходящего. В те времена, оставляя в стороне вопрос об их происхождении, в Иудее существовали партия знати и партия сепаратистов, или народная партия. После смерти Ирода обе эти партии объединились в борьбе против Архелая; они изводили его в Храме и во дворце, в Иерусалиме и в Риме то интригами, а порой и с оружием в руках. Не единожды священные стены монастыря Мориа сотрясались от криков вооруженной толпы. В конце концов они добились ссылки Архелая. Но в ходе этой борьбы союзники преследовали каждый свои собственные цели. Знать ненавидела Иоазара, верховного священнослужителя; сепаратисты же были его рьяными приверженцами. Когда ставленники Ирода пали вместе с Архелаем, Иоазар разделил их судьбу. Анна, сын Сита, был выбран знатью в качестве нового хозяина дворца; вслед за этим пути союзников разошлись. Возвышение ситиан привело к возобновлению жестокой вражды.

В ходе борьбы с несчастливым наместником знать сочла для себя выгодным найти союзников

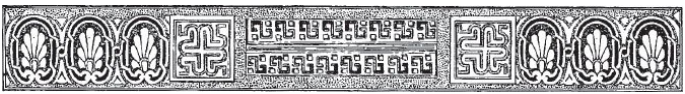
в Риме. Сообразив, что с разрушением существовавших ранее учреждений на смену им должна прийти какая-то форма правления, они предложили преобразование Иудеи в провинцию. Это дало сепаратистам новый повод для нападок; и когда Самария стала частью провинции, знать превратилась в меньшинство, которое поддерживал только императорский двор и престиж их звания и богатства. Тем не менее в течение пятнадцати лет — вплоть до пришествия Валерия Грата — им удавалось сохранять свои позиции как во дворце, так и в Храме.

Анна, идол своей партии, использовал власть единственно в интересах своего имперского покровителя. Римский гарнизон был расквартирован в Антониевой башне; римская стража несла караул у врат дворца; римский судья отправлял правосудие, гражданское и уголовное; римская налоговая система безжалостно душила город и страну; ежедневно, ежечасно, тысячью различных способов народ попирался и страдал, постигая разницу между состоянием независимости и жизнью в порабощении. Тем не менее Анна держал его в сравнительно спокойном состоянии. У Рима не было более верного друга, и его уход империя ощутила мгновенно. Передав

свои ризы Ишмаэлю, назначенцу новой власти, он пересек внутренние дворики Храма и вошел в совет партии сепаратистов, где тотчас стал главой новой политической комбинации, объединившей ситиан и бетусиан.

Прокуратор Грат, оставшись, таким образом, без партии, на которую он мог бы опереться, понял, что то пламя, о существовании которого в течение пятнадцати лет можно было только догадываться по пробивавшемуся дыму, вспыхнуло с новой силой. Через месяц после вступления в должность Ишмаэля римляне сочли, что ему необходимо появиться в Иерусалиме. Когда иудеи с высоты стен города увидели его охрану, марширующую по городу в направлении Антониевой башни, они поняли истинную цель этого посещения: к прежнему гарнизону добавилась целая когорта новых легионеров, так что веревку на шее жителей города можно было затянуть с легкостью. Если прокуратору кажется необходимым дать урок, что ж, тем хуже для его первого обидчика!

Глава 2
Бен-Гур и Мессала

Снабдив читателя вышеприведенными разъяснениями, мы приглашаем его теперь бросить взгляд на сады дворца, расположенного на Сионском холме. Происходит все около полудня в середине июля, когда солнечный жар достигает своего максимума.

Сад раскинулся по обе стороны от зданий, местами достигающих двух этажей в высоту, с затененными верандами у входов и с окнами в нижнем этаже, в то время как расходящиеся галереи, окаймленные прочными балюстрадами, украшают и защищают от солнца верхний этаж. То здесь, то там здания переходят в нечто напоминающее колоннады и позволяющее ветрам проникать в здания, а также дающее возможность видеть различные части дворца и восхищаться его значительностью и красотой. Равным образом приятно глазу устроена и вся по-

верхность земли внутри дворцового комплекса. Здесь протянулись аллеи и раскинулись участки земли, засаженные травой и кустарниками, растет несколько больших деревьев, поражают своим изяществом рощицы пальм редких видов, перемежающиеся с цератонией, абрикосовыми и ореховыми деревьями. Посередине, на самой верхней точке комплекса, расположен глубокий мраморный бассейн. По его периметру имеются водоспуски с затворами, которые, будучи поднятыми, открывают воде путь в оросительные каналы, идущие параллельно аллеям, — хитроумное устройство, предохраняющее землю от пересыхания, весьма частого в этом регионе.

Неподалеку от фонтана располагался небольшой бассейн с чистой водой, питавший поросль тростника и олеандров, таких же, как на берегах Иордана или на побережье Мертвого моря. Между порослью и бассейном, не обращая ни малейшего внимания на солнце, в неподвижном воздухе заливающее все вокруг своими лучами, сидели двое юношей, один лет девятнадцати, а другой — семнадцати, и вели серьезный разговор.

С первого взгляда их можно было принять за братьев. У обоих были черные глаза и волосы; лица покрывал густой загар; когда они сидели,

разница в их росте вполне соответствовала разнице в возрасте.

Голова старшего была ничем не покрыта. Свободно спускавшаяся до колен туника составляла все его одеяние, не считая сандалий и светло-голубой накидки, на которой он сейчас сидел. Костюм этот оставлял открытыми руки и ноги, такие же загорелые, как и лицо; тем не менее определенное изящество манер, утонченность черт лица и изысканность разговора изобличали его положение. Сделанная из тончайшей шерсти сероватого цвета туника вокруг шеи, на рукавах и по подолу была оторочена красным и подпоясана шелковым поясом с кистями, что выдавало в нем римлянина. И если в разговоре он время от времени бросал высокомерно-пристальный взгляд на своего собеседника и обращался к нему как к низшему по положению, то это было вполне простительно, потому что он происходил из семьи, знатностью своей знаменитой даже в Риме, — обстоятельство, которое в те времена оправдывало любое высокомерие. В период ужасных войн между первым из цезарей и его великими врагами семейство Мессала поддерживало Брута. После Филипп, не принося в жертву свою честь, они сумели помириться с победителем. И позд-

нее, когда Октавиан боролся за императорский жезл, Мессала поддерживали его. Октавиан, став императором Августом, запомнил эту поддержку и пролил на семейство целый дождь милостей. Кроме всего прочего, когда Иудея была низведена до уровня провинции, он направил в Иерусалим сына своего давнего сторонника, возложив на него сбор и распределение налогов, собираемых в этом регионе; в таком качестве тот и пребывал здесь, деля дворец с верховным жрецом. Юноша, только что представший перед нами, был его сыном, который должен был служить постоянным напоминанием всем окружающим об отношениях, связывавших его прадеда и великих римлян нынешних дней.

Собеседник Мессалы был более хрупкого сложения, облачен в одежды из тонкой белой холстины традиционного в Иерусалиме покроя; голову его покрывала накидка, удерживавшаяся желтым шнурком. Она закрывала лоб до середины, а сзади ниспадала на спину, закрывая шею. Наблюдатель, опытный в наблюдении расовых различий и обративший большее внимание на черты его лица, довольно быстро пришел бы к заключению об его иудейском происхождении. Лоб римлянина был высоким и вытянутым в высоту, нос

прямым с небольшой горбинкой, губы тонкими и плотно сжатыми, близко посаженные глаза холодно поблескивали из-под густых бровей. Напротив, лицо израильтянина было широким, с невысоким лбом; длинный нос заканчивался слегка вывернутыми ноздрями; верхняя губа несколько нависала над нижней, более короткой и прихотливо изогнутой наподобие лука Купидона, что вместе с круглым подбородком, большими круглыми глазами и овальными щеками, отливавшими розово-винным цветом, придавало его лицу мягкость, энергию и красоту, свойственную его расе. Привлекательность римлянина заключалась в его суровости и чистоте, иудея же — в его чувственности и мягкости.

— Разве ты не слышал, что новый прокуратор должен прибыть уже завтра?

Вопрос этот исходил от более юного из друзей и прозвучал на греческом языке, который в те времена преобладал в кругах утонченных обитателей Иудеи, проникнув из дворца в военные лагеря и колледжи, а оттуда — никто не знал когда и как — даже в сам Храм, причем не только в его хозяйственные приделы, но даже в святая святых Храма, недоступные для неиудея.

— Да, именно завтра, — ответил Мессала.

— Кто тебе об этом сказал?

— Я слышал, как Ишмаэль, новый правитель во дворце — вы зовете его верховным жрецом, — говорил об этом моему отцу вчера вечером. Такие же известия, которым, заверяю тебя, можно верить куда больше, пришли и от моего знакомого египтянина, человека расы, давно забывшей, что есть правда, и даже от идумеянина, чей народ никогда и не знал, что такое правда. Но чтобы удостовериться в этом, я перемолвился с центурионом, который заходил нынешним утром к нам из башни, — он рассказал мне, что там вовсю готовятся к встрече: оружейники чистят орлов, щиты и шлемы, долгое время стоявшие пустыми апартаменты убирают и проветривают, словно собираются размещать там дополнительные войска, скорее всего — телохранителей нового прокуратора.

Трудно передать то изящество, с которым был высказан ответ, — все его тонкости невозможно изложить пером. На помощь читателю должно прийти его воображение; а для этого необходимо напомнить, что благоговение как качество римского образа мысли быстро сходило на нет или, скорее, становилось немодным. Старая религия почти уже не существовала как вера; в большин-

стве случаев она оставалась в качестве привычки или обрядов, пестуемых лишь ее жрецами, которые находили службу в Храме делом выгодным, да поэтами, которые, в отличие от их стихов, не могли обходиться без привычных божеств. Как философия приходила на смену религии, так и сатира заменяла благоговение; тем более что, по представлению римлян, в ней и заключалась соль даже самого малого диалога, самой краткой диатрибы. Юный Мессала, получивший образование в Риме и позже вернувшийся в Иерусалим, был в полной мере привержен этому обычаю; едва заметное подергивание уголка нижнего века, легкое трепыхание ноздрей, вялая манера произносить слова — все это как нельзя лучше выражало идею общего безразличия. Тому же служили и намеренные паузы в определенных местах. В произнесенной тираде такая пауза была сделана после упоминания о египтянине и идумеянине. Краска на щеках юноши-иудея стала темнее, но он, скорее всего, не слышал последних слов своего друга, поскольку ничего не сказал, глядя с отсутствующим выражением лица в глубину бассейна.

— Мы с тобой попрощались в этом же саду. «Да будет мир тебе!» — были твои последние слова. «Да хранят тебя боги!» — ответил я. Ты помнишь? Сколько же лет прошло с тех пор?

— Пять, — ответил иудей, по-прежнему глядя в воду.

— Что ж, у тебя есть причина быть благодарным… но кому же? Богам? Не стоит. Ты вырос красавцем; грек бы назвал тебя прекрасным — счастливый итог этих лет! Если Юпитер довольствовался одним-единственным Ганимедом, каким кравчим ты бы смог стать у императора! Скажи же мне, мой иудей, почему прибытие прокуратора столь занимает тебя?

Иудей поднял взгляд своих больших глаз на спрашивающего; серьезно и задумчиво взглянул прямо ему в глаза и ответил, не отводя взгляда:

— Да, пять лет. Я помню наше расставание; ты отправился в Рим, а я смотрел тебе вслед и плакал, потому что я любил тебя. Годы прошли, и ты вернулся ко мне во всем своем великолепии и пышности — я не смеюсь; но все же… все же… я хотел бы видеть того Мессалу, которым ты был тогда.

Изящно вырезанные ноздри насмешника раздулись, и, все так же растягивая слова, он

произнес:

— Нет, нет, не Ганимед — скорее ты оракул, мой иудей. Тебе лишь надо немного поучиться у моего преподавателя риторики, и можно будет выступать на Форуме — я дам тебе рекомендательное письмо к нему, если у тебя хватит ума принять то предложение, которое я для тебя припас. Немного практики в искусстве мистики, и Дельфы примут тебя, как самого Аполлона. При звуках твоего мрачного голоса пифия падет пред тобою ниц, протягивая тебе корону. Нет, серьезно, мой друг, чем же я отличаюсь от того Мессалы, который уезжал в Рим? Мне как-то довелось слышать крупнейшего логика в мире. Он говорил об искусстве спора. И одно его высказывание запомнилось мне: «Пойми своего соперника в споре, прежде чем отвечать ему». Позволь же мне понять тебя.

Юноша покраснел под направленным на него циничным взглядом, но тем не менее твердо произнес:

— Ты смог использовать все открывшиеся перед тобой возможности; ты усвоил знания и манеры своих учителей. Ты говоришь с легкостью мастера, но каждое твое слово жалит. Когда мой Мессала уезжал в Рим, у него не было яда

в душе и ни за что на свете он не позволил бы уязвить чувства друга.

Римлянин улыбнулся, словно услышал сделанный ему комплимент, и еще выше вскинул свою патрицианскую голову.

— О мой мрачный иудей, мы с тобой все же не в Дельфах. Перестань быть оракулом и говори прямо. Чем же я уязвил твои чувства?

Его собеседник протяжно вздохнул и ответил, подергивая себя за пояс на талии:

— За эти пять лет я тоже кое-чему научился. Энлиль, возможно, и не ровня твоему логику, витийства которого на Форуме тебе довелось слышать; да и Симеон и Шаммай, без сомнения, не дотягивают до твоего учителя красноречия. Но они в своих поисках не следуют запретными тропами; те же, кто сидит у их ног, просто обогащаются знаниями Бога, Закона и Израиля, а в результате проникаются любовью и уважением ко всему, что имеет отношение к ним. Присутствие в Верховной Коллегии и изучение тех вещей, о которых я там узнал, привело меня к выводу, что Иудея совсем не то, чем она должна была бы быть. Я понял, какая пропасть лежит между независимым царством и незначительной провинцией, которой стала теперь Иудея. Я пал

куда ниже презренного самаритянина, когда не возмущался деградацией моей страны. Ишмаэль не законный верховный жрец; да он и не сможет стать им, пока жив благородный Анна; к тому же он, помимо этого, еще и левит, один из тех посвященных, которые тысячи лет верой и правдой служили Господу Богу нашему…

Мессала прервал его слова, разразившись язвительным смехом.

— О, теперь я понял тебя. Ишмаэль, утверждаешь ты, просто узурпатор, но тем не менее верится в то, что скорее идумеянин ужалит, как гадюка, чем Ишмаэль. Клянусь вечно пьяным сыном Семелы, вот что значит быть иудеем! Меняются все и вся, даже небеса и земля, но иудей — никогда. Для него не существует движения ни назад, ни вперед; он остается таким же, какими были его предшественники на заре времен. Вот на этом песке я рисую тебе круг — вот тут. А теперь скажи мне, разве это не самое лучшее олицетворение жизни иудея? Все идет по кругу, Авраам здесь, Исаак и Иаков вон там, Господь посередине. Но этот круг еще слишком просторен. Я нарисую его по новой…

Он помедлил, упер большой палец в песок и обвел вокруг него указательным.

— Смотри, вот эта точка от большого пальца есть Храм, линия от указательного пальца — Иудея. Неужели вне этого ничтожно малого пространства нет ничего ценного? Искусство! Ирод был строителем, именно поэтому он и был проклят в веках. Живопись, скульптура! Даже смотреть на них — это грех. Поэзия служит только вашим алтарям. Кто из вас блещет красноречием, кроме как в синагогах? На войне вы на седьмой день теряете все то, что завоевали в первые шесть. Такова ваша жизнь и ваши границы; кто запретит мне смеяться над вами? Довольствующийся почитанием такого народа, что стоит ваш Господь против нашего римского Юпитера, который даровал нам своих орлов, чтобы мы могли охватить нашими руками всю вселенную? Энлиль, Симеон, Шаммай, Абталион — кто они такие по сравнению с нашими учителями, которые учат: надо познавать все, что только может быть познано?

Иудей вскочил на ноги, лицо его пылало.

— Нет-нет, сядь на место, мой иудей, сядь на место! — воскликнул Мессала.

— Ты дразнишь меня.

— Послушай меня еще немного. Совсем скоро, — римлянин насмешливо улыбнулся, — совсем уже

скоро Юпитер и вся его семья придут ко мне, как это у них заведено, и положат конец серьезному разговору. Я ценю твое доброе отношение, ты ведь вышел из старого дома твоих отцов, чтобы приветствовать меня с возвращением и возродить ту любовь, которую мы питали друг к другу в детстве, — если это нам удастся. «Ступай, — сказал мой учитель, — и, чтобы жизнь твоя стала великой, помни — ею правит Марс, Эрос же ловит его взгляд». Этим он хотел сказать, что любовь ничто, война же — всё. Так заведено в Риме. Женитьба есть лишь первый шаг к разводу. Добродетель — талисман торговцев. Клеопатра, умирая, оплакивала свои искусства и была отомщена — у нее есть наследница в каждом римском доме. Мир идет тем же самым путем; поэтому во имя нашего будущего — долой Эроса и да здравствует Марс! Я должен стать солдатом; а ты, о мой иудей, мне жаль тебя; кем же станешь ты?

Иудей придвинулся ближе к бассейну; тягучая медлительность речи Мессалы стала еще заметнее.

— Да, я жалею тебя, мой утонченный иудей. Из церковной школы ты попал сразу в синагогу, потом в Храм, затем — о, венец славы — тебя ждет место в Синедрионе. Что ж, да помогут тебе боги,

но ты ничего не увидишь в жизни. Я же…

Иудей бросил взгляд на своего собеседника как раз в тот момент, когда лицо того было исполнено гордости, и услышал продолжение его речи:

— Я же… ах, не весь мир еще завоеван. Никто не бывал в глубине покоренных стран. На севере есть народы, которые еще не видели римского орла. Честь и слава завершить поход Александра на Дальний Восток еще ждет кого-то. Только подумай, сколько возможностей лежит перед римлянином!

В следующую секунду он снова заговорил в своей прежней манере, растягивая слова.

— Военная кампания в Африке, еще одна — против скифов, а потом — и легион. Большинство карьер на этом и кончаются, но только не моя. Я — клянусь Юпитером! — оставлю свой легион только ради поста префекта. Подумай, какова жизнь в Риме, если иметь деньги, — вино, женщины, сражения на аренах, поэты на пирах, придворные интриги, игра по-крупному круглый год. Такого круговращения жизни вполне можно добиться — заполучить бы только себе префектуру пожирнее! О мой иудей — хотя бы здесь, в Сирии! Иудея богата, Антиохия — столица всех богов. Я буду преемником Кирения — и ты разде-

лишь мой успех!

Ученые софисты и риторы, которые толпами наводняли Рим и практически монополизировали обучение его золотой молодежи, вполне одобрили бы эти рассуждения Мессалы, поскольку таков был обычный ход мыслей; для молодого же иудея эти мысли были внове, к тому же они полностью шли вразрез с принятым в здешнем обществе торжественным стилем рассуждений и дискуссий, к которому он привык. Кроме того, он принадлежал к породе людей, законы, поведение и привычки которых исключали иронию и юмор; поэтому, вполне естественно, он слушал своего друга со смешанными чувствами — то негодуя, то удивляясь, поскольку не понимал, как надо воспринимать его слова. Тон изысканного маньеризма был для него в высшей степени неприятен, очень скоро начал раздражать, а под конец стал едва выносим. Любой из нас на месте иудея пришел бы от этого в ярость, и наш насмешник умудрился сделать это без всяких усилий. К тому же для иудея периода правления Ирода патриотизм всегда жил в глубине души в виде дикой страсти, обычно скрываемой под привычным благодушием; но все, что затрагивало его историю, религию и Господа, мгновенно вы-

пускало эту страсть на волю. Поэтому нет смысла доказывать, что слушать Мессалу было для его собеседника утонченной пыткой; когда же тот на секунду замолчал, иудей произнес с вымученной улыбкой на лице:

— Мне приходилось слышать, что есть немногое число людей, которые позволяют себе несерьезно относиться к своему будущему; ты убедил меня, о мой Мессала, что я тоже в их числе.

Римлянин внимательно поглядел на него; затем ответил:

— Почему ты не допускаешь, что в иронии может содержаться истина в виде иносказания? Великая Фульвия как-то однажды удила рыбу, так она поймала куда больше, чем все бывшие вместе с ней. Поговаривали, потому, что крючок на ее удочке был покрыт золотом.

— Так ты иронизировал не просто так?

— Мой иудей, я вижу, что предложил тебе недостаточно, — быстро ответил римлянин, сверкнув глазами. — Когда я стану префектом, а Иудея обогатит меня, то сделаю тебя первосвященником.

Иудей в гневе отвернулся.

— Не оставляй меня, — попросил Мессала.

Его собеседник явно колебался.

— О боги, как палит солнце! — воскликнул

патриций, видя его растерянность. — Давай пересядем в тень.

Иудей холодно произнес в ответ на это:

— Нам лучше разойтись. Мне не стоило приходить сюда. Я искал друга, а нашел…

— Римлянина, — поспешил закончить за него Мессала.

Пальцы иудея сжались, но он снова пересилил себя и поднялся со скамьи. Мессала тоже встал и, взяв со скамьи лежавшую на ней накидку, набросил себе на плечи и направился вслед за иудеем. Поравнявшись с ним, он положил руку ему на плечо и зашагал в ногу.

— Точно так же — вот как сейчас — я клал руку тебе на плечо, когда мы разговаривали в детстве. Давай дойдем так хотя бы до ворот.

Несомненно, Мессала пытался быть серьезным и любезным, но так и не смог до конца избавиться от привычной иронии, уже ставшей его второй натурой. Иудей позволил ему эту фамильярность.

— Ты еще юноша, я уже мужчина; так что позволь мне и говорить соответственно.

Самодовольство римлянина было совершенным. Ментор, дающий наставления молодому Телемаху, не мог бы вести себя более естествен-

но.

— Ты веришь в па́рок? Ах, я же забыл, ты ведь саддукей, а в сестер верят ваши ессеи, они самый чувствительный народ у вас. Верю и я. Сколь утомительно ощущать присутствие этих сестриц, когда мы занимаемся, чем хотим! Вот я повелеваю судьбами народов. И в тот самый момент, когда я уже держу мир в своих руках, я слышу у себя за спиной щелканье ножниц. Я оборачиваюсь — там стоит она, эта проклятая Атропо! Но почему ты разъярился, мой иудей, когда я сказал, что хочу стать преемником старого Кирения? Ты подумал, что я хочу обогатиться, разоряя и опустошая Иудею? Пусть так; но ведь так поступит любой римлянин. Почему бы и мне не делать этого?

Иудей замедлил шаг.

— Были и другие пришлые, которые правили Иудеей до римлян, — произнес он, взмахнув рукой. — Но где они теперь, Мессала? Она пережила их всех. То, что было раньше, повторится и теперь.

Мессала вернулся к своему насмешливому тону:

— Не только ессеи верят в парок. Добро пожаловать в нашу веру, иудей!

— Нет, Мессала, не считай меня в их числе. Моя

вера покоится на скале, которую положили в ее основание наши праотцы во времена Авраама, на заветах Господа Бога Израиля.

— Слишком много страсти, мой иудей. Как был бы шокирован мой учитель, если бы я стал с таким жаром что-то доказывать ему! У меня было еще много что сказать тебе, но теперь я даже боюсь делать это.

Пройдя еще несколько метров, римлянин заговорил снова:

— Думаю, теперь ты меня выслушаешь, поскольку то, что я хочу сказать, касается тебя лично. Я помогу тебе, о подобие Ганимеда, я хочу помочь тебе по своей доброй воле. Я люблю тебя — всеми своими силами. Я собираюсь стать воином. Почему бы и тебе не поступить так же? Почему бы тебе не выступить из пределов того круга, который, как я показал, заключает в себе всю ту возвышенную жизнь, которую допускают ваши законы и обычаи?

Иудей ничего не ответил на это.

— Кого можно считать мудрецом наших дней? — продолжал Мессала. — Только не тех, кто проводит свою жизнь в бесплодных спорах о давно почивших вещах, обо всех этих Ваалах, Юпитерах и Иеговах, в философских и религиоз-

ных диспутах. Назови мне хоть одно великое имя, о иудей; не имеет значения, в какой стране ты его найдешь — в Риме, Египте, на Востоке или здесь, в Иерусалиме, — и, клянусь Плутоном, это обязательно будет имя человека, который построил свою судьбу из материала современности. Разве не таким человеком был Ирод? Или Маккавеи? А наши первый и второй цезари? Уподобься им. Начни прямо сейчас.

Иудея била гневная дрожь; и, поскольку ворота были уже близко, он ускорил шаг, явно желая поскорее расстаться со своим спутником.

— О, Рим, Рим! — пробормотал он про себя.

— Будь разумен, — продолжал Мессала. — Отринь глупости Моисея и традиций; взгляни на положение вещей реально. Наберись смелости взглянуть паркам прямо в лицо, и они подтвердят тебе, что Рим и есть мир. Спроси их об Иудее, и они ответят тебе: она то, чем ее пожелает сделать Рим.

Они были уже у ворот. Иудей остановился, мягко снял руку римлянина со своего плеча и повернулся лицом к Мессале. На его ресницах блестели слезы.

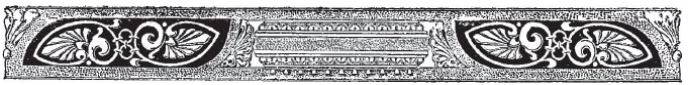
— Я понял тебя, потому что ты римлянин; но тебе не понять меня — я израильтянин. Ты при-

чинил мне сегодня боль, убеждая меня, что мы не сможем быть друзьями, как были когда-то, — не сможем никогда. Здесь наши дороги расходятся. Да пребудет с тобой Бог наших отцов!

Мессала протянул ему руку; иудей пожал ее и вышел из дворцовых ворот. Когда он исчез из виду, римлянин некоторое время оставался недвижим; затем, в свою очередь, вышел из ворот, качая головой и бормоча про себя:

— Да будет так. Эрос мертв, торжествует Марс!

Глава 3
Дом Иудея

Сразу от входа в Святой город, у того места, которое известно ныне как ворота Святого Стефана, начинается улица, ведущая на запад, вдоль северного фасада Антониевой башни. Направляясь было к Тиропеонской долине, которая расположена немного южнее, улица поворачивает и снова уходит на запад, где вскоре после ворот, которые по традиции называются Судными, резко поворачивает на юг и обрывается. Опытный путешественник или историк, знакомый с топографией Святого города, сразу же узнает в этом описании его главную артерию — часть Виа Долороса, которая для каждого христианина, пусть и печальным образом, притягательнее любой другой улицы в целом мире. Исходя из предмета наших интересов, мы не будем уделять внимание всей улице, а отметим для себя только дом, стоящий как раз на углу, после которого

улица уходит на юг. Дом этот, играющий важную роль в нашем повествовании, заслуживает более подробного описания.

Стены выходят на север и запад, каждая стена длиной футов четыреста. Дом, подобно большинству претенциозных зданий Востока, имеет два этажа в высоту и форму правильного квадрата в плане. Проходящая вдоль его западного фасада улица шириной около двенадцати футов, а та, что проходит с севера, — не более десяти; человек, идущий близко к стенам и обративший на них внимание, будет поражен грубой, необработанной и ничем не украшенной их поверхностью: стены сложены из каменных блоков — таких, какими их добыли в каменоломне. Современник назвал бы этот дом построенным в «крепостном» стиле, единство которого нарушали разве что окна, несколько необычно украшенные, да витиеватая резьба на входных дверях. На западном фасаде четыре окна, на северном же только два, все в одну линию на уровне второго этажа, нависая над оживленной улицей. Входы в здание представляют собой просто отверстия в стенах, видимые снаружи на уровне первого этажа; укреплены они железными засовами такой мощи, что невольно приходит на ум; а не

ждут ли хозяева дома осады с применением таранов? Дополнительной защитой служат также карнизы из мрамора довольно изящной работы и изрядной толщины, одним своим видом говорящие, что состоятельные люди, обитающие в этом здании, являются саддукеями по политическим пристрастиям и религиозным верованиям.

Вскоре после того, как юный иудей расстался с римлянином у ворот дворца, он остановился у западного входа в описанный нами дом и постучал в ворота. В них открылась небольшая калитка, и юноша поспешил войти в нее, не ответив на почтительный поклон привратника.

Чтобы получить исчерпывающее представление как о внутреннем устройстве здания, так и о том, что еще случится с юношей, войдем в дом вслед за ним.

Проход, по которому тот направился внутрь здания, напоминал узкий туннель, обшитый деревянными панелями, с осклизлым сводчатым потолком. По обеим его сторонам тянулись скамьи, за многие годы покрывшиеся пятнами и вытертые до блеска. Сделав двенадцать-пятнадцать шагов, юноша оказался во внутреннем дворике прямоугольной формы, со всех сторон, кроме восточной, окруженном строениями

двухэтажного дома; первый этаж был разбит на отсеки, верхний — устроен в виде террасы и обнесен балюстрадой. Вдоль террасы сновали туда и сюда слуги; откуда-то доносился скрежет жерновов; на веревках, протянутых из угла в угол, болталась сохнущая одежда; по двору свободно бродили цыплята и голуби, в отсеках первого этажа содержались козы, коровы, ослы и лошади; массивное корыто с водой, явно поставленное здесь для общего пользования, наглядно свидетельствовало о том, что этот двор является главной хозяйственной заботой владельца дома. В восточной части двора видна была разделительная стена, сквозь которую вел другой проход, во всех деталях напоминающий первый.

Миновав второй проход, молодой человек очутился во втором, более просторном дворике квадратной формы, чистом и свежем, усаженном кустарником и увитом виноградом, которые орошались из бассейна, сооруженного рядом с крытой галереей, тянущейся вдоль северной стены. Отсеки первого этажа здесь были высокими, просторными и затенены от солнца полосатыми навесами из материи в белую и красную полосу. Арочные перекрытия отсеков покоились на собранных в пучки колоннах. Пролет лестницы

на южной стороне двора открывал доступ к террасам второго этажа, над которыми простирался еще больший навес для защиты от солнечных лучей. Пролет другой лестницы вел с террас на крышу, по краю которой, огибая весь двор, тянулся украшенный скульптурами карниз и парапет из ярко-красных шестигранных плит из обожженной на огне глины. В этом жилище все демонстрировало тщательную аккуратность, которая, не оставляя без внимания не то что пыль в углах, но даже увядший листок на кустарнике, вместе со всем остальным обликом дома призвана была производить впечатление на каждого гостя: вдыхая чистый и сладкий воздух, тот еще до представления хозяевам сразу ощущал утонченность и изысканность семьи, в которую был приглашен.

Сделав несколько шагов вглубь второго двора, юноша повернул направо и, выбрав путь сквозь кустарники, часть из которых стояла в цвету, прошел к лестнице и поднялся по ней на террасу — широкий деревянный настил, устланный белыми и коричневыми половиками. Пройдя под тентом к входной двери, ведущей в северную часть дома, он вошел в апартаменты и, опустив за собой полотняный полог, оказался в темноте. Не обращая на нее никакого внимания, юноша прошел по выложенному плиткой полу к дивану и бросился на него ничком, лицом вниз, положив голову на скрещенные руки.

Уже под вечер к двери подошла женщина и позвала его; он ответил, и она вошла в комнату.

— Ужин закончился, на дворе уже вечер. Мой сын не голоден? — спросила она.

— Нет, — кратко ответил он.

— Ты не болен?

— Я сплю.

— Твоя мать спрашивала о тебе.

— Где она?

— В летнем домике на крыше.

Юноша поднялся с дивана и сел.

— Очень хорошо. Принеси мне чего-нибудь поесть.

— Что тебе угодно?

— Все равно, Амра. Я не болен, просто нет настроения. Жизнь не кажется такой приятной, какой она была еще этим утром. Это просто хандра, о моя Амра, и ты, так хорошо знающая меня, обязательно принесешь что-нибудь такое, что поможет мне излечиться.

Вопросы, заданные Амрой, и тон, каким они были произнесены — негромко, сочувственно и заботливо, — свидетельствовали о нежной любви между этими двумя людьми. Женщина положила ладонь на лоб юноши; потом удовлетворенно кивнула и вышла со словами: «Я что-нибудь найду».

Несколько минут спустя она вернулась, неся на деревянном подносе чашу молока, несколько лепешек из пшеничной муки, пшеничную халву, отварную курицу, мед и соль. Кроме этого, на подносе были серебряный кубок с вином и зажженный бронзовый светильник.

В его свете комната преобразилась: стены ее оказались покрыты нежных тонов штукатуркой; мощные дубовые стропила поддерживали потемневший от времени потолок; пол был вымощен белой с голубым плиткой, прочной и долговечной; стояло несколько стульев с резными

ножками в виде львиных лап, приподнятая над полом тахта, обитая голубой материей и частично закрытая полосатым шерстяным покрывалом, — словом, обычная еврейская спальня.

В свете лампы стало возможным рассмотреть и женщину. Придвинув к тахте стул, она поставила на него поднос, а потом опустилась рядом с юношей на колени, готовая к услугам. Ее лицо — лицо женщины лет пятидесяти, с темной кожей и темно-карими глазами — в этот момент отражало почти материнскую заботу о своем питомце. Голова ее была покрыта белым тюрбаном, оставлявшим открытыми лишь мочки ушей, в которых темнели проколы, сделанные толстым шилом, — знак ее положения в доме. Она была рабыней египетского происхождения, не ставшая свободной даже после освященного обычаем своего пятидесятого года жизни — она не приняла этой свободы, поскольку выращенный ею юноша стал всей ее жизнью. Она нянчила его в детстве; ухаживала за ним в годы отрочества и не могла оторваться от него даже сейчас. Для нее он по-прежнему оставался ребенком.

Занявшись едой, он только раз заговорил с ней.

— Ты помнишь, о моя Амра, — произнес он, —

того Мессалу, который бывал здесь у меня в былые годы?

— Я помню его.

— Несколько лет назад он отправился в Рим, а вот теперь вернулся.

Юношу передернуло от отвращения.

— Как я понимаю, что-то произошло, — сказала женщина, явно заинтересованная разговором. — Мне никогда не нравился Мессала. Расскажи мне все.

Но юноша погрузился в раздумья и на повторную просьбу женщины произнес только одну фразу:

— Он очень изменился, и я не хочу иметь с ним никаких дел.

Когда Амра встала, чтобы унести поднос, он тоже встал и поднялся с террасы на плоскую крышу дома.

Полагаем, наш читатель немного знаком с обычаем использования плоских крыш домов на Востоке. Как и повсюду, в основе этого обычая лежит местный климат. Летний день в Сирии загоняет человека, ищущего комфорта, в затемненные помещения; ночь, напротив, уже ранним вечером зовет его наружу, и сумерки, опускающиеся на склоны холмов, кажутся покрывалом,

укутывающим певцов Цирцеи; но они довольно далеко, в то время как крыша дома гораздо ближе, так что достаточно подняться, чтобы вдохнуть прохладу ночного воздуха и оказаться в свете низких звезд. Крыша, таким образом, становится местом отдохновения — игровой площадкой, спальней, женским будуаром, местом, где собирается вся семья, музыкальным салоном, танцзалом, местом беседы, медитации и молитвы.

Те же соображения, что в холодном климате побуждают за любую цену украшать внутренность помещений, здесь, на Востоке, требуют богатой отделки крыш. Парапет, возведенный по заказу Моисея, стал шедевром гончарного искусства; в еще более поздние времена цари и властители увенчивали крыши своих дворцов летними домиками из мрамора и золота. Верхом экстравагантности, непревзойденным шедевром и одним из чудес света стали висячие сады, созданные вавилонянами для своей царицы.

Юноша, за которым мы следуем, медленно прошел по крыше своего дома и приблизился к башенке, возвышающейся на северо-западном углу здания. Будь он пришлецом в этих местах, он наверняка задержал бы свой взор на ней, отметив для себя то, что позволяла различить темнота, — темная масса, низкая, решетчатая, со сводом, опирающимся на столбики. А так — он вошел в дверь, миновав наполовину поднятую завесу. Внутри было темно, лишь в арочные проемы виднелось небо, усыпанное крупными звездами. На фоне одного из этих проемов он увидел фигуру полулежащей на подушках софы женщины, смутно различимую даже под белым покрывалом. При звуках его шагов по полу веер

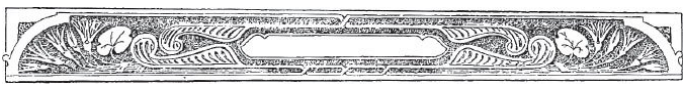
в ее руке прекратил движение и сверкнул светом звезды, преломленным одним из драгоценных камней, которыми он был усыпан. Женщина села на софе и позвала юношу:

— Иуда, сын мой!

— Это я, мама, — отозвался тот, приближаясь к софе.

Подойдя к ней, он опустился на колени. Женщина обеими руками обхватила его за плечи, поцеловала в лоб и прижала голову юноши к своей груди.

Глава 4
Странные вещи, о которых хотел узнать Бен-Гур

Мать снова откинулась на подушки в изголовье софы, а сын присел рядом с ней, положив голову ей на колени. Глядя в проемы, они могли видеть крыши близлежащих домов, черно-голубую полоску там, где, как они знали, высились горы, и небо, в черноте которого бриллиантами горели звезды. В городе царило спокойствие ночи, нарушаемое лишь посвистыванием ветра.

— Амра сказала мне, что с тобой что-то произошло, — сказала мать, погладив рукой сына по щеке. — Когда мой Иуда был ребенком, я хранила его от всех волнений, но теперь он уже мужчина. Он не должен забывать, — голос ее стал очень нежным, — что однажды он станет моим кумиром.

Она произнесла эти слова на языке, почти забытом в стране, который лишь немногие — об-

ладатели древней крови и немалых состояний — хранили в его первозданной чистоте, чтобы тем отличаться от пришлецов; на языке, которым Ребекка и Рахиль пели колыбельные песни Вениамину.

При этих словах юноша снова погрузился было в мучавшие его мысли; но мгновение спустя, однако, поймал руку матери, ласкавшую его, и произнес:

— О моя мать, сегодня мне пришлось задуматься о многих вещах, которые никогда раньше не занимали мои мысли. Но прежде всего скажи, кем мне предстоит стать?

— Разве я не сказала тебе? Ты станешь моим кумиром.

Хотя он не мог видеть ее лица, но знал, что она шутит. Он произнес более серьезно:

— Ты очень добра ко мне, о мама. Никто никогда не будет любить меня так, как ты. — Он покрыл поцелуями ее руку. — Думается мне, я понимаю, почему ты устраняла все проблемы на моем пути, — продолжал он. — Таким образом вся моя жизнь принадлежала только тебе. Но как же нежно и мягко ты опекала меня! Однако я хочу, чтобы этому пришел конец. Так дальше продолжаться не может. По воле Господа нашего

я должен когда-то стать хозяином своей жизни — отделиться от тебя. Я знаю, день этот станет для тебя ужасным днем. Так будем же отважны и разумны. Я буду твоим кумиром, но ты должна указать мне путь. Ты знаешь закон — каждый сын Израиля должен иметь какое-нибудь занятие. Я не исключение, и вот теперь я спрашиваю тебя — должен ли я пасти стада? или пахать землю? плотничать? стать писцом или законником? Кем мне быть? Моя дорогая добрая мама, помоги мне найти ответ.

— Гамалиэль как раз сегодня читал проповедь, — тщательно подбирая слова, сказала она.

— Если так, то я не слышал его.

— Если так, то, значит, тогда ты гулял с Симеоном, который, как мне говорили, унаследовал гений своего отца.

— Нет, я его не видел. Я был на Рыночной площади, а не в Храме, встречался с молодым Мессалой.

Едва уловимая перемена в тоне его голоса не прошла мимо внимания женщины. Предчувствие заставило ее сердце забиться чаще; веер снова остановил свое движение.

— Мессала! — произнесла она. — И что же он мог сказать такого, что так расстроило тебя?

— Он очень изменился.

— Ты хочешь сказать, что назад он вернулся совершенным римлянином.

— Да.

— Римлянин! — снова повторила она как бы про себя. — Во всем мире под этим понимается владыка. И как долго он был в отъезде?

— Пять лет.

Она приподняла голову и всмотрелась в ночную тьму.

— Воздух на Виа Сакра ничуть не отличается от воздуха египетских или вавилонских улиц; но в Иерусалиме — нашем Иерусалиме — пребывает Завет.

И, уйдя в свои думы, она снова откинулась на подушки ложа. Сын первым нарушил наступившее молчание:

— То, что говорил Мессала, о мама, само по себе было достаточно резко; а если вспомнить еще и то, как он говорил, — то и вообще невыносимо.

— Думаю, я понимаю тебя. Рим, его поэты, ораторы, сенаторы, придворные буквально помешаны на том, что они называют сатирой.

— Я полагал, что все великие люди горделивы, — продолжал он, едва обратив внимание на ее замечание, — но гордыня этих людей затмевает все; в последнее же время она так раздулась,

что посягает даже на самих богов.

— Даже на богов! — воскликнула мать. — Многие римляне относятся к богослужению как к своему божественному праву.

— Что ж, в Мессале всегда был силен дух противоречия. Еще когда он был ребенком, я видел, как он дразнит чужестранцев, которых с почетом принимал и сам Ирод; но все же он никогда не касался Иудеи. Сегодня в первый раз в разговоре со мной он позволил себе смеяться над нашими обычаями и Богом. А теперь, дорогая мама, я хочу понять, есть ли у римлян какое-нибудь основание для такого презрения. В чем я ниже его? В чем наш порядок жизни хуже? Почему я должен чувствовать на себе рабские путы? И особенно объясни мне, почему, если у меня есть душа и свобода выбора, почему я не могу искать себе славу и почет на всех поприщах? Почему я не могу взять в руку меч и отдаться страсти войны? Почему я не могу, став поэтом, слагать песни обо всех вещах на свете? Мне можно стать кузнецом, погонщиком стад, купцом, но почему не художником, как любому из греков? Скажи же мне, о мама, — и в этом весь мой основной вопрос, — почему сын Израиля не может делать то, что может римлянин?

Читатель, безусловно, поймет, что все эти вопросы возникли у молодого человека после разговора на Рыночной площади; его мать, вслушиваясь в слова сына со всей чуткостью материнского сердца, по тем признакам, которые ускользнули бы от внимания менее пристрастного собеседника, — по направленности вопросов, по горячности расспросов и тону — пришла к тому же выводу. Она приподнялась на ложе и в тон сыну быстро и резко произнесла:

— Понимаю, понимаю! По кругу своего общения Мессала в юности был почти что иудеем; останься он здесь, он мог бы стать прозелитом, поскольку все мы много перенимаем от окружающих; но годы, проведенные в Риме, чересчур сильно повлияли на него. Я ничуть не удивляюсь таким переменам в нем; но все же, — голос ее стал тише, — он все же мог бы вести себя сдержаннее по крайней мере ради тебя. Только такой жесткий, даже жестокий человек, как он, может забыть все то, чем он жил в юности.

Ее рука осторожно легла на лоб сына, пальцы погрузились в его вьющиеся волосы и принялись ласково их перебирать. Глаза женщины не отрываясь смотрели на высоко стоящую в небе звезду. Ее собственная гордость откликнулась в

нем. Она могла бы ответить ему; но больше всего боялась недостаточности своего ответа — если она даст ему почувствовать свою второсортность, это может ослабить в нем любовь к жизни. Она опасалась не найти достаточной энергии в себе самой.

— Что же до твоих вопросов, о мой Иуда, они не для слабой женщины. Позволь мне отложить их до завтра, и я при мудром Симеоне…

— Только не посылай меня к ректору, — резко прервал ее сын.

— Я попрошу его прийти к нам.

— Нет, я хочу не просто знать, а понять; даже если он может дать мне знание и лучше тебя, о мама, ты можешь дать мне то, на что он не способен. Я должен проанализировать все, ибо анализ и есть суть душа мужчины.

Она на долю секунды подняла взор к небесам, пытаясь представить все возможные повороты их разговора.

— Требуя справедливости в отношении самих себя, неразумно быть несправедливым к другим. Отрицать доблесть врага, который завоевал нас, — значит преуменьшать нашу силу; а если враг оказался достаточно силен, чтобы держать нас загнанными в угол — а это куда больше, чем

просто завоевать, — она заколебалась, но продолжала, — то чувство собственного достоинства обязывает нас найти другое объяснение нашим несчастьям, чем просто приписывать врагу качества несравненно ниже наших собственных.

Произнеся это скорее для самой себя, она начала:

— Мужайся же, о сын мой. Мессала благородного происхождения; его семья знаменита на протяжении многих поколений. В дни республиканского Рима — я даже не могу сообразить, как давно это было, — члены этой семьи снискали славу, кто как воин, кто на гражданской службе. Я могу припомнить не одного консула, который носил это имя; среди них было много сенаторов, их покровительства искали, поскольку они всегда были богаты. Но даже если сегодня твой друг хвастался своими предками, ты можешь посрамить его, припомнив своих. Если он упоминал о древности своего рода или хвалился его деяниями, положением, богатством — хотя такие доводы не являются свидетельством большого ума, — если он упоминал все это как доказательство своего превосходства, то ты мог предложить ему сравнить его происхождение с твоим.

Подумав с минуту, мать продолжала:

— Одна из идей, которые сейчас витают в воздухе, состоит в том, что в нынешние времена требуется знатность рас и семей. Римляне кичатся своим превосходством по сравнению с сынами Израиля на том основании, что мы всегда проигрываем в поисках доказательств нашей древности. Началом их истории было основание Рима; даже самые лучшие из них не могут проследить свое происхождение далее этого события, и лишь очень немногие пытаются сделать это, да и те не находят ничего лучше, как ссылаться на традиции. Мессала уж точно не может сделать этого. Обратимся же теперь к нам самим. Можем ли мы сделать это лучше?

Если бы в помещении было чуть больше света, юноша смог бы заметить тень гордости, скользнувшую по лицу матери при этих словах.

— Представим себе, что римлянин бросил нам вызов. Я бы ответила ему, не испытывая ни сомнения, ни чванства.

Голос ее дрогнул, пришедшая в голову мысль заставила ее изменить форму своих доводов.

— Твой отец, о мой Иуда, пребывает сейчас в покое вместе со своими праотцами, но я помню, как если бы это случилось нынешним вечером, как мы однажды отправились в Храм, чтобы

представить тебя Господу. Мы принесли в жертву голубей, и я назвала жрецу твое имя, которое он и записал в моем присутствии, — «Иуда, сын Итамара, из рода Гура». Имя это было тут же унесено и записано в книгу в разделе записей, отведенном для самых святых семейств.

Я не могу сказать точно, с каких пор пошла традиция регистрации имени подобным образом. Мы знаем, что она существовала еще до исхода нашего племени из Египта. Я слышала, как Энлиль говорил, что начало этому положил сам Авраам, первым записав свое собственное имя, а потом имена своих сыновей, движимый обещанием Господа, который выделил его и их среди всех остальных народов, сделав их высочайшими и благороднейшими, самыми избранными среди всех народов на земле. Завет с Иаковом послужил тому же. «В лице твоего потомства да будут благословенны все народы земли», — было сказано Аврааму. «И ту страну, где вы живете, отдам я тебе и твоему потомству», — сказал сам Господь Иакову, уснувшему в Бетеле по дороге в Харан. После этого мудрецы ожидали день обретения страны Завета; тогда было положено начало Книге Поколений. Обещание же благословения для всех людей на земле от патриархов

дошло до будущих поколений. Было упомянуто одно имя. Благодетелем мог стать даже самый униженный из избранного рода, поскольку для Господа нашего Бога не существует разницы между славным и несчастным, нищим или богачом. Таким образом, с целью сделать свершение этого обещания совершенно явным для тех поколений, кому предстоит узреть его, — и воздать почести тому, кому они должны принадлежать, — и был заведен обычай вести такие записи в строжайшем порядке. Вели ли их должным образом?

Веер в ее руке ходил взад и вперед до тех пор, пока молодой человек, снедаемый нетерпением, не повторил ее вопрос:

— А эти записи абсолютно верны?

— Энлиль сказал, что так оно и есть, а из всех ныне живущих он более кого бы то ни было осведомлен в этом вопросе. Наш народ время от времени мог быть небрежен в отношении какой-либо части наших законов, но только не в этом отношении. Наш знаменитый ректор сам занимался Книгами Поколений в течение трех периодов — от Завета до открытия Храма, затем до Плена Египетского, а после него затем вплоть до наших дней. Лишь однажды ведение этих записей было нарушено, и произошло это как раз

в конце второго периода; но когда наш народ вернулся из долгих скитаний домой, первым делом, исполняя нашу обязанность по отношению к Богу, первосвященник Зеруббабель восстановил ведение этих Книг, дав нам возможность вести родословную еврейского народа на протяжении целых двух тысяч лет. И вот теперь…

Она замолчала, словно давая возможность сыну осознать всю бездну времени, упомянутую ею.

— И вот теперь, — продолжала она, — как выглядят римляне, хвастливо заявляющие, что кровь с годами становится все более драгоценной? По этому признаку сыны Израиля, пасущие стада на холмах Рефаимских, куда благороднее самых благородных отпрысков рода Марсиев.

— А я, мама, согласно этим Книгам, кто я такой?

— Все, что я сказала до сих пор, сын мой, имеет отношение к твоему вопросу. Я отвечу тебе. Если Мессала был бы здесь, он мог бы сказать, как и говорили другие, что истинная линия твоего происхождения была прервана тогда, когда ассирияне взяли Иерусалим и разрушили Храм. Тогда тебе следовало бы вспомнить про набожность Зеруббабеля и возразить ему на это, что вся достоверность римской генеалогии закончилась тогда, когда варвары с Запада штурмом взяли Рим и шесть месяцев стояли лагерем на развалинах города. Хранило ли их правительство фамильные архивы? И если да, то что стало с ними в те ужасные дни? Нет, нет; истина сохранилась лишь в наших Книгах Поколений; и, прослеживая историю нашего рода вплоть до Плена Египетского,

до основания первого Храма, до исхода из Египта, можно с абсолютной уверенностью сказать, что твой род восходит к Гуру, соратнику Иисуса. Полагаю, ты удовлетворен своим происхождением и можешь гордиться им. Хочешь знать его более подробно? Тогда возьми Тору и открой Книгу Чисел. Там в числе семьдесят второго поколения после Адама ты найдешь основателя своего рода.

На несколько минут в комнате наступило молчание.

— Благодарю тебя, о мама, — произнес наконец Иуда, сжимая ее руки в своих ладонях. — Я благодарю тебя от всего сердца. Как же хорошо, что я не слышал призыва нашего доброго ректора; он не смог бы успокоить меня так, как это сделала ты. Но все же — неужели, чтобы сделать род воистину благородным, нужно только время?

— Ах, ты забыл, ты совсем забыл, что наши претензии основываются не только на времени; избранность Богом — вот наша особая гордость.

— Ты сейчас говоришь обо всем нашем народе, а я, мама, имею в виду род — наш род. За годы, прошедшие со дней праотца Авраама, чего он достиг? Что совершил? Какие великие деяния подняли его над другими?

Мать колебалась, думая о том, что все это время

она могла говорить не то, что требовалось. Знания, которых добивался ее сын, могли быть ему необходимы для куда более серьезных вещей, чем просто для удовлетворения уязвленного тщеславия. Юность — не более чем раскрашенная раковина, внутри которой живет, постоянно вырастая, дух мужчины, ожидающий момента своего выхода на свет, у одних более раннего, чем у других. Она трепетала при мысли о том, что у ее сына такой момент наступает именно сейчас; что как новорожденное дитя пытается своими неумелыми руками схватить тени, плача от огорчения, так и его дух может в своей временной слепоте сражаться за овладение своим неосязаемым будущим. Тот, к кому подросток приходит, вопрошая: «Кто я есть и кем мне предстоит стать?» — должен уметь ответить на эти вопросы с величайшим тактом, ибо каждое слово ответа будет подобно прикосновению пальцев скульптора к глине, из которой тот ваяет свою модель.

— У меня такое чувство, о мой Иуда, — сказала она, потрепав рукой по щеке сына, — что все сказанные мной слова были ударами в бою с противником более воображаемым, нежели существующим. Если таким противником является Мессала, то не заставляй меня сражаться с ним в

темноте. Расскажи мне, что он говорил.

Глава 5
Рим и Израиль: сравнение

Молодой израильтянин подробно изложил свой разговор с Мессалой, особо подчеркнув явное презрение последнего к евреям, их обычаям и образу жизни.

Какое-то время мать, опасаясь говорить, молча слушала его рассказ, совершенно ошеломленная услышанным. Иуда отправился к дворцу на Рыночной площади, ведомый любовью к своему другу юности, которого он рассчитывал найти совершенно таким же, каким он был при их расставании несколько лет назад; но человек, которого он увидел перед собой, вместо того чтобы вспоминать былые приключения и спортивные успехи, был полон планами на будущее и говорил о славе, которую предстоит снискать, о богатстве и власти. Ошеломленный услышанным, юноша покинул своего бывшего друга с уязвленной гордостью, но и с взыгравшими в его душе

природными амбициями; но она, исполненная материнской заботы, поняла это и, не зная, куда может привести ее стремление успокоить сына, стала в своем страхе за него истинной еврейкой. Что, если соблазн мирской славы отвратит его от веры отцов и дедов? Это было бы ужасно. Она видела единственный способ избежать этой опасности и взялась за решение задачи с энергией, усиленной любовью к сыну до такой степени, что речь ее приобрела мужскую силу, а временами — и поэтическую страсть.

— Не существовало еще на земле народа, — начала она, — который бы полагал себя по крайней мере равным всем остальным народам. Не было еще такой великой нации, сын мой, которая не считала бы себя выше всех остальных. И когда римляне смотрят сверху вниз на Израиль и смеются над ним, они всего лишь повторяют глупость египтян, ассирийцев и македонян; а так как смех их являет собой вызов Богу, то и результат будет соответствующим. — Голос ее окреп. — Нет способа определить превосходство одного народа над другими, поэтому все претензии на превосходство тщетны, а все споры об этом — бесполезны. Народы рождаются, проходят свой путь и умирают либо сами по себе, или от рук других

народов, которые, унаследовав их могущество, занимают их место на земле, а на памятниках, воздвигнутых своими предшественниками, высекают новые имена; таков, мой сын, ход истории. Если бы мне предложили изобразить символы Бога и человека, я бы начертила прямую линию и круг. Про линию я бы сказала: «Это Бог, потому что он единственный, кто всегда движется прямо вперед», а про круг: «Это человек — таков процесс его развития». Я не хочу сказать, что нет различия в прогрессе народов. Однако это различие, как утверждают некоторые, не в размере того круга, который они очертили вокруг себя, не в величине того пространства, которое они занимают на лоне земли, но в том, что высочайшие из них находятся ближе других к Господу.

Остановиться на этом месте наших рассуждений, сын мой, значило бы оставить предмет нашего обсуждения там, где мы его начали. Пойдем же дальше. Существуют знаки, которые позволяют измерить высоту круга, который прошел каждый народ в ходе своего развития. Сравним же евреев и римлян.

Таким знаком могла бы быть повседневная жизнь людей. Но здесь я скажу одно: Израиль порой забывал Бога, Рим же никогда его не знал;

вследствие этого сравнение невозможно.

Твой друг — или твой бывший друг — считает, если я правильно поняла тебя, что у нас нет поэтов, художников или воинов; на этом основании, я полагаю, он отрицает у нас существование великих личностей — а это следующий знак. Простое размышление о сути этого обвинения требует дать определение исходного положения. Великим человеком, о мой мальчик, считается тот, чья жизнь стала основанием для признания его самим Богом. Перс стал орудием наказания наших трусливых праотцев, и он пленил их; другой перс был избран, чтобы вернуть их детей в Святую землю; но куда более великим, чем любой из них, стал македонец, который отомстил за разорение Иудеи и Храма. Исключительность этих людей состояла в том, что каждый из них был избран Господом для осуществления Божественного замысла, а также в том, что они были язычниками, не знавшими о его славе. Имей же в виду это определение, когда я буду продолжать свою мысль.

Существует мнение, что война есть самое благородное занятие людей и что самые великие плоды славы рождаются на полях сражений. Весь мир усвоил и разделяет эту идею, но не об-

манывайся ею. То, что мы должны поклоняться чему-то, является законом, который действует до тех пор, пока существует нечто, чего мы не можем понять. Молитва варвара — это вопль страха, обращенный к Силе, единственному божественному качеству, которое он может ощутить и понять; отсюда происходит его вера в героев. Кто такой Юпитер, как не римский герой? Греки снискали великую славу потому, что они первыми возвысили Мысль над Силой. В Афинах оратор и философ были куда более уважаемы, чем воин. Возничий колесницы и быстроногий бегун до сих пор остаются кумирами арены; но иммортели все же увенчивают голову самого искусного поэта. За честь считаться родиной одного поэта семь городов спорили между собой. Но были ли эллины первыми в своем отрицании древней варварской веры? Нет. Честь эта, сын мой, принадлежит нам; против варварства наших отцов поднялся сам Бог; в нашем богослужении вопль страха уступил место осанне и псалму. Таким образом, именно евреи и греки выдвинули вперед и поставили превыше всего человечность. Но, увы, правители мира считают войну постоянным условием существования людей; по этой причине римляне и вознесли превыше Мысли и Бога своего цезаря,

поглотителя всей достижимой власти, преграду для всякого иного величия.

Расцвет Греции был золотым веком для гениев. В награду за ту свободу, которая там царила, какое великолепное общество мыслителей подарила им Мысль! В этом обществе торжествовало всякое искусство, и совершенство было столь абсолютным, что во всем, кроме искусства войны, римляне только подражатели. В наши дни греки являются образцом для ораторов, выступающих на Форуме; прислушайся, и в каждой римской песне ты услышишь греческие ритмы; если же римлянин откроет рот, чтобы умно порассуждать о морали, о каких-нибудь абстрактных вещах, о загадках природы, он окажется либо плагиатором, либо же прилежным учеником той или другой школы риторов, основанной греком. Я повторю еще раз — ни в чем, кроме войны, римляне не могут претендовать на самобытность. Их зрелища и представления суть изобретения греков, орошенные кровью, дабы усладить жестокость римской толпы; их религия, если так можно назвать их верования, составлена из обрывков вер других народов; их самые чтимые боги родом с Олимпа — даже их Марс, и именно по этой причине они так превозносят Юпитера. Вот и по-

лучается, сын мой, что во всем мире только наш Израиль может оспаривать превосходство греков и вместе с ними претендовать на пальмовую ветвь первенства в гениальности.

Самовлюбленность римлян не дает им видеть выдающихся качеств других людей, она непроницаема, как кираса их лат. О, эти безжалостные разбойники! Под ударами их солдатских сапог земля дрожит, как пол под ударами цепов. Мы были повержены наряду с другими — увы, сын мой, это так! Они захватили наши самые роскошные жилища, самые святые места, и никто не знает, чем это закончится; но я это знаю — они превратят Иудею в подобие миндаля, расколотого молотком, уничтожат Иерусалим, который сама сладость; и все же слава народа Израиля останется подобной свету в небесах, ни для кого не достижимых, потому что их история есть история Бога, который писал ее их руками, говорил их языком и сам пребывал во всем, что они творили, даже самом малом. Он был тем, кто жил вместе с ними, — законодателем на Синае, вожатым в пустыне, полководцем на войне, царем в правительстве; кто снова и снова задергивал завесы в шатре, который был его жилищем, невыносимо ярким, кто, говоря с людьми как человек, ука-

зывал им добро, дорогу к счастью, и заключил с ними соглашение, в котором ограничил могущество своего всесилия заветами на вечные времена. О сын мой, может ли быть так, что те, с кем жил Иегова, с кем он водил дружбу, ничего бы не переняли от него? что в их жизни и деяниях обычные человеческие качества не перемешались бы и не получили божественные цвета? что их гений не сохранил бы в них, даже по прошествии стольких лет, хоть частицу небес?

Некоторое время было слышно только движение веера.

— Если сводить искусство только к скульптуре и живописи, то он прав, — произнесла она затем. — В Израиле нет художников.

В ее голосе просквозило сожаление — она происходила из саддукеев, вера которых в отличие от фарисеев позволяла любовь к прекрасному во всех формах и безотносительно к их происхождению.

— И все же тот, кто хочет быть справедливым, — продолжала она, — не должен забывать, что искусность наших рук была связана запретом: «Не сотвори себе никакого кумира и никакого искусного подобия кого-либо», который был неправомочно распространен за пределы

его смысла и времени. Не следует забывать и о том, что задолго до появления в Аттике Дедала, который своими деревянными статуями так преобразил искусство ваяния, что сделал возможным появление школ в Коринфе и Эгине и их шедевра Капитолия, — так вот, задолго до эры Дедала два израильтянина, Бецалель и Ахолиаб, создатели первой скинии, были, как говорили про них, «столь искусны во всех умениях», что создали статуи херувимов, установленные на Ковчеге Завета. Херувимы были выкованы из золота, а не изваяны, и в их облике человеческое было слито с божественным. «И да распространят они крыла свои вширь… и лики их да будут обращены друг к другу». Кто посмеет сказать, что они не были прекрасны? или что они не были первыми статуями?

— О, теперь я понимаю, почему греки превзошли нас, — сказал Иуда, в высшей степени заинтригованный ее словами. — И почему Ковчег Завета был проклят вавилонянами, которые разрушили его.

— Нет, Иуда, будь справедлив. Он не был разрушен, но только исчез, надежно спрятанный в какой-нибудь пещере в горах. В один прекрасный день — Энлиль и Шаммай в один голос утвержда-

ют это — однажды, в день славы Господней, он будет найден и явлен народу, и все люди будут танцевать вокруг него и распевать песни, как в стародавние времена. И те, кто увидит лики херувимов, хотя бы он и видел до того лицо вырезанной из слоновой кости Минервы, преклонятся перед гением еврейского народа, дошедшим до него через все эти тысячи лет.

Мать, воодушевленная своими собственными словами, впала в экстаз, знакомый всем ораторам; но тут же, взяв себя в руки, смогла сдержаться и замолчала, закончив свою мысль.

— Ты так добра ко мне, о мама, — благодарно произнес ее сын. — И мне никогда не доводилось слышать ничего подобного. Ни Шаммай, ни Энлиль не смогли бы говорить убедительнее. Теперь я снова истинный сын Израиля.

— Льстец! — ответила она. — Ты просто не знаешь, что я всего лишь повторила доводы Энлиля. Однажды в моем присутствии он вел спор с одним софистом из Рима.

— Пусть так, но твои слова шли от самого сердца.

Но она уже снова была серьезна.

— Так на чем мы остановились? Ах да, я утверждала, что праотцы нашего народа создали

первые статуи. Но величие скульптора, Иуда, даже не в его мастерстве, оно — в грандиозности поставленной перед собой задачи. Я всегда представляла себе великих людей в виде дружеских компаний, шествующих сквозь столетия, разделившись по своим нациям — там индусы, здесь египтяне, а вот тут ассирийцы; над ними гремят трубы и полощутся по ветру знамена; и вокруг, как почтительные зрители, стоят бесчисленные поколения. И я представляла себе, как при виде этой процессии взирающий на нее грек восклицает: «Смотрите! Их возглавляют эллины!» Но ему возражает римлянин: «Замолчи! Ваше место заняли теперь мы и оставили вас, как пыль под ногами». Но весь их путь, и сзади, и далеко впереди, озарен светом, источника которого крикуны не знают; они лишь знают, что он вечно ведет их вперед, — свет Откровения! Но кто же они, те, что несут этот свет? Ах, в их жилах течет древняя иудейская кровь! По этому свету мы и узнаем их. Да будут же трижды благословенны они, наши праотцы, служители Господа, хранители заветов! Им дано быть водителями людей, живых и мертвых. Место в первых рядах принадлежит им, и, даже если бы каждый римлянин был цезарем, ты не должен завидовать этому!

Иуда был глубоко взволнован.

— Молю тебя, не замолкай! — воскликнул он. — Воистину я словно слышу звон кимвальный. Теперь мне остается только ждать Маркам и тех женщин, которые пришли насладиться ее танцами и пением.

Она поняла, что он хочет сказать, и воспользовалась его словами в своей речи.

— Отлично, сын мой. Если ты слышишь кимвалы пророчицы, ты сможешь выполнить то, о чем я хотела просить тебя; призови же на помощь свое воображение и встань рядом со мной, когда избранные Израиля будут шествовать мимо нас во главе этой процессии. Вот они уже поравнялись с нами: впереди патриархи, следом за ними вожди племен. Я почти слышу звон колокольчиков на шеях их верблюдов и мычание их стад. Но кто же человек, одиноко шествующий впереди своих соплеменников? Он уже в возрасте, но взгляд его остер и мышцы его крепки. Он смотрел в лицо самого Господа! Воин, поэт, оратор, законодатель, пророк! Его величие подобно солнцу на восходе, исходящее от него сияние превосходит все подобное, даже свет, изливаемый самыми доблестными цезарями. За ним следуют судьи. Потом идут цари — сын Иессея, герой на войне,

слагатель песен, вечных как море; и его сын, превзошедший всех других царей богатством и мудростью, сделавший пустыню жилым местом и основавший в ней города, не забывая при этом Иерусалим, который Господь избрал местом своего пребывания на земле. Склонись ниже, о сын мой! Те, кто следует за ним, первые и последние в своем роде. Их лица обращены к небу, словно бы они слышат неземные голоса, звучащие с небес, и внимают им. От их одежд исходит запах гробниц и пещер. Прислушайся к голосу женщины, идущей среди них! «Воспой имя Господа, да будет превознесена слава Его!» Скрой лицо свое в дорожной пыли перед ними! Они были глаголами Господа, его слугами, с высоты небес взирающими на нас, и, видя наше будущее далеко вперед, они записали то, что открылось их зрению, и оставили записанное, чтобы со временем оно сбылось. Цари бледнели, приближаясь к ним, и народы трепетали при звуках их голоса. Земные стихии подчинялись им. В их руках дары и кары небесные. Взгляни на Тишбита и слугу его Елиша! Посмотри на печального сына Хилкия и на того, кому было дано узреть видение на реке Чебар. И на трех детей Иуды, которые отвергли идола Вавилонского; и на того, кто на празднике,

в присутствии тысячи владык, поверг в смущение астрологов. А вон там — о сын мой, скорее поцелуй прах у его ног! — там благородный сын Амоса, от которого мир узнал о том, что должен прийти Мессия!

В течение всего этого рассказа веер в руке матери двигался не переставая; но тут вдруг внезапно остановился, и голос ее упал до шепота.

— Но ты устал, — сказала она.

— Нет, — ответил сын, — ведь я внимал новому гимну в честь Израиля.

Мать продолжала рассказ:

— Я постаралась, как могла, провести перед тобой, мой Иуда, всех наших великих людей — патриархов, творцов законов, воинов, певцов, пророков. Обратимся же к лучшим людям Рима. Напротив Моисея поставим Цезаря и Тарквиния против Давида; Суллу против любого из Маккавеев; лучших консулов против наших судей; Августа против Соломона, и дело сделано: на этом сравнение и заканчивается. Но подумай тогда о пророках — величайших из великих. — Она пренебрежительно рассмеялась. — Извини меня. Я вспомнила о предсказателе, предрекшем Юлию Цезарю смерть на мартовские иды, и представила себе его, ищущего дурные знамения во внутрен-

ностях жертвенных животных. От этой картины обратимся к другой — к пророку Элии, сидящему на вершине холма по дороге в Самарию среди дымящихся тел павших воинов и предрекающему сыну Ахаба гнев Божий. О мой Иуда, если говорить о божествах, — как мы можем судить о Иегове и Юпитере, если не по тем делам, которые слуги их творят их именем? А что же до того, чем тебе заняться…

Последнюю фразу она произнесла медленно, дрогнувшим голосом.

— Что же до того, чем тебе заняться, мой мальчик, — служи Господу, Господу Богу Израиля, не Рима. Потомок Авраама может снискать себе славу только на путях Господа, и нет славы выше этой.

— Тогда я могу стать воином? — спросил Иуда.

— Почему бы и нет? Не Моисей ли назвал Бога воином?

На крыше наступило долгое молчание.

— Я смогу дать тебе свое позволение, — произнесла наконец мать, — только если ты станешь служить Господу, а не цезарю.

Он успокоился и сам не заметил, как задремал. Мать тихонько поднялась, подложила ему под голову подушку, укрыла его своим покрывалом и, ласково поцеловав, вышла из беседки.

Глава 6
Происшествие с Гратом

Хорошему человеку, как и плохому, суждено умереть, но, вспомнив уроки нашей веры, мы говорим об этом так: «Не важно, он снова откроет глаза на небесах». В земной жизни подобное событие больше всего напоминает быстрый переход от здорового сна к бодрствованию, полному радости и веселья.

Когда Иуда проснулся, солнце уже поднялось над горными вершинами; повсюду в воздухе уже порхали голуби, наполняя его мельканием белых крыльев; на юго-востоке в небо вздымалась громада Храма, сверкая золотом на лазури неба. Все эти привычные ему картины он удостоил мимолетным взглядом; но на краешке лежанки, рядом с ним, сидела девушка, которой едва ли минуло пятнадцать лет. Держа на коленях небель и грациозно касаясь его струн, она негромко пела. Повернувшись к ней, Иуда вслушался в слова

ее песни:

Не просыпайся, но внемли мне, любимый мой!

Скользя, скользя по морю сна,

Твой дух стремится услышать меня.

Не просыпайся, но внемли мне, любимый мой!

Дар сна, целительный монарх,

И все самые сладкие сны тебе я принесу.

Не просыпайся, но внемли мне, любимый мой!

Из нежных миров сна

Выбери самый божественный.

Так избери же и спи, любимый мой!

Но больше никогда так не поступай,

Лишь только – если захочешь увидеть во сне меня.

Допев, она опустила инструмент и, сложив руки на коленях, посмотрела на Иуду, явно ожидая его приговора. И поскольку наступила необходимость сказать несколько слов о ней, мы воспользуемся случаем и добавим несколько

штрихов к портрету семьи, в чью частную жизнь мы только что вторглись

После смерти Ирода у многих обласканных его милостями остались громадные состояния. Если к тому же некоторые из них вели свое не вызывающее сомнений происхождение от сыновей известных «двенадцати колен Израилевых», в особенности колена Иудина, то счастливчики причислялись к отцам города Иерусалима — отличие, приносившее им почет менее обласканных судьбой сограждан и уважение неиудеев, с которыми их сводили дела или жизненные обстоятельства. Среди этих людей не было более почитаемого в частной или общественной жизни человека, чем отец юноши, с которым мы только что познакомились. Всегда помня о своей национальной принадлежности (а чувство это никогда не изменяло ему), он верно служил своему царю на родине и за ее границами. Некоторые сугубо доверительные задания привели его в Рим, где он привлек к себе внимание Августа и сумел снискать его дружбу. В доме хранилось много подарков, способных насытить даже тщеславие царей, — пурпурных тог, кресел из слоновой кости, золотых патер, материальная ценность которых существенно увеличивалась

от прикосновения императорской руки, их преподнесшей. Такой человек просто не мог не быть богатым; но его богатство зиждилось отнюдь не на щедрости его царственных покровителей. Ему всегда благоволили законы, во всех сферах деятельности; он же, в свою очередь, занимался многими делами. Многие скотоводы, пасшие стада на тучных пастбищах равнин и холмов вплоть до страны Ливанской, считали его своим хозяином. В городах, как приморских, так и лежащих далеко в глубине страны, он основал транспортные предприятия. Корабли его везли серебро из Испании, шахты которой считались самыми богатыми; снаряжаемые им караваны два раза в год привозили из восточных стран шелковые ткани и специи. Он был правоверным иудеем, ревностно соблюдавшим закон и обряды. Его постоянное место в синагоге и в Храме редко пустовало. Священное Писание он знал едва ли не наизусть; в обществе законоучителей его ученостью восхищались; свое почитание Энлиля он довел до степени едва ли не обожания. При этом его нельзя было назвать сепаратистом; в его доме равно гостеприимно привечали людей из всех стран; придирающиеся ко всему фарисеи даже упрекали его за то, что он не единожды принимал

за своим столом самаритян. Родись он неиудеем и останься в живых, мир услышал бы о нем как о достойном сопернике Иродов Аттиков, но он в расцвете лет погиб при кораблекрушении лет за десять до нашей истории и был оплакан повсюду в Иудее. Мы уже познакомились с его вдовой и сыном; еще в семье была дочь — та самая, которую мы застали поющей песню своему брату.

Девушка носила имя Тирца. Лицом и сложением она очень походила на брата и принадлежала к такому же еврейскому типу. Так же как и брат, она очаровывала всех выражением детской невинности на лице. Домашняя обстановка и доверие, которое они с братом питали друг к другу, вполне допускали ту небрежность в одежде, которую Тирца себе позволила сейчас. Легкая сорочка, схваченная застежкой на правом плече, свободно падала вниз по ее спине, проходя под левой рукой и скрывая тело выше талии, но оставляя руки полностью обнаженными. Поясок стягивал складки одеяния, обозначая начало юбки. Головной убор был очень простым, но весьма шел девушке — шелковая шапочка пурпурно-лилового цвета, поверх которой был накинут полосатый шарф из того же материала с богатой вышивкой, обвивавший голову легкими складками так,

чтобы не увеличивать ее зрительно; все это венчалось кисточкой, спадавшей набок с верхушки шапочки. Пальцы и мочки ушей девушки были украшены золотыми кольцами, на запястьях и на лодыжках позвякивали золотые же браслеты; на шее ее красовалось золотое ожерелье, изысканно перевитое целой паутиной цепочек, на которых покачивались жемчужины. Глаза были подведены, ногти на пальцах покрыты краской. Волосы, заплетенные в две косы, спускались по спине. На щеки перед ушами падало по завитому локону. Никто не смог бы устоять перед ее красотой, утонченностью и изяществом.

— Чудесно, моя Тирца, просто чудесно, — с воодушевлением произнес ее брат.

— Песня? — спросила она.

— Да, но и певица тоже. Мотив, полагаю, греческий? Где ты его услышала?

— Помнишь того грека, что выступал в театре прошлым месяцем? Говорят, в свое время он хотел стать певцом при дворе Ирода и его сестры Саломеи. Он выступал сразу после представления борцов, когда шум еще не улегся. Но при первых же звуках его голоса все сразу замолчали, стало так тихо, что я слышала каждое его слово. Так вот, это его песня.

— Но он пел по-гречески.

— А я переложила на иврит.

— Ну что ж, я горжусь моей маленькой сестричкой. У тебя есть еще что-нибудь столь же чудесное?

— И очень много. Но довольно об этом. Амра послала меня сказать тебе, что она принесет завтрак и тебе не надо спускаться вниз. Через пару минут она придет. Она думает, что ты заболел —

какой ужасный случай произошел с тобой вчера! Что же это было? Расскажи мне, и я помогу Амре вылечить тебя. Она знает много всяких снадобий египтян, которые всегда были на редкость глупы по этой части; но у меня есть арабские рецепты…

— А арабы были еще глупее египтян, — закончил он за нее, покачав головой.

— Ты так думаешь? — ответила она, подняв руки к своему левому уху. — Ладно, мы не будем иметь с ними ничего общего. У меня есть кое-что понадежнее и лучше — амулет, который когда-то, очень давно, дал одному из наших людей персидский маг. Вот, посмотри, слова, которые были вырезаны на нем, почти совсем стерлись.

С этими словами она протянула ему серьгу, которую он взял, бросил на нее мимолетный взгляд и тут же вернул сестре.

— Даже если бы я умирал, Тирца, я не смог бы использовать этот талисман. Это ведь пережиток идолопоклонства, запрещенный всякому правоверному сыну и дочери Авраама. Возьми и никогда больше не надевай его.

— «Запрещенный»! А вот и нет, — возразила она. — Мама нашего отца носила его даже не знаю сколько шаббатов за всю свою жизнь. И он уже многих излечил — троих как минимум. К

тому же на него есть разрешение — смотри, вот здесь отметка раввина.

— Но я не верю во все эти амулеты.

Она подняла на него изумленный взор.

— А что сказала бы Амра?

— Отец и мать Амры обслуживают водоподъемное колесо при саде на берегу Нила.

— Но Гамалиэль!

— Он говорит, что это безбожное изобретение неверных.

Тирца, засомневавшись, уставилась на серьгу в своих руках.

— Что же мне с ней теперь делать?

— Носи ее, моя маленькая сестричка. Она принадлежит тебе — и делает тебя еще прекраснее, хотя я думаю, ты вполне хороша и без украшений.

Успокоенная девушка вернула амулет на место как раз в тот момент, когда Амра вошла в комнату, неся на подносе тазик для умывания, воду и салфетки.

Поскольку Иуда не принадлежал к фарисеям, ритуальное омовение было простым и кратким. Затем служанка вышла, предоставив Тирце самой причесывать волосы брата. Когда его локоны были уложены по ее вкусу, девушка достала

небольшое зеркальце полированного серебра, которое по обычаю своих благородных соотечественниц носила за поясом, и протянула ему, чтобы он мог полюбоваться трудами ее рук. Все это время не прекращался разговор.

— Что ты думаешь, Тирца, — ведь я собираюсь уехать.

Удивленная, она на миг прекратила свою работу.

— Уезжаешь? Когда? И куда? Зачем?

Он рассмеялся:

— Столько вопросов, и все на одном дыхании! Какая же ты прелесть!

Он снова стал серьезным.

— Ты же знаешь, закон требует, чтобы я занялся каким-нибудь делом. Наш добрый отец является мне примером. Даже ты стала бы презирать меня, если бы я праздно промотал результаты его трудов. Я собираюсь в Рим.

— О, и я поеду с тобой.

— Ты должна остаться с мамой. Если мы оба уедем, она умрет с тоски.

Оживленное лицо ее тут же стало серьезным.

— Ах да. Но — должен ли ты ехать? Здесь, в Иерусалиме, ты вполне можешь научиться всему, чтобы стать купцом, — если это то, о чем ты

мечтаешь.

— Нет, это отнюдь не то, о чем я думаю. Закон не требует от сына заниматься тем же, что и отец.

— Кем же тогда ты станешь?

— Солдатом, — с оттенком гордости в голосе ответил он.

У девушки на глаза навернулись слезы.

— Но тебя убьют!

— Если такова будет воля Господа. Но, Тирца, не всех же солдат убивают.

Она обвила его шею руками, точно желая удержать при себе.

— Нам так хорошо здесь! Останься же дома, брат мой!

— Дом тоже не будет всегда таким, как сейчас. Да ты и сама довольно скоро покинешь его.

— Никогда!

Он улыбнулся ее серьезности.

— Глава племени Иуды или кто-то другой из вождей скоро придет, заявит права на мою Тирцу и увезет ее из дому туда, где ей предстоит стать хозяйкой другого дома. Что станет тогда со мной?

Она только всхлипнула в ответ на эти слова.

— Война — это серьезная профессия, — продолжал он. — Чтобы как следует изучить ее, надо отправиться в школу, а лучшей школы, чем ла-

герь римской армии, не существует.

— Но ты не будешь сражаться за Рим? — спросила она, затаив дыхание.

— И ты — даже ты ненавидишь его. Весь мир ненавидит Рим. Поэтому, Тирца, пойми правильно то, что я отвечу тебе на это, — да, я буду сражаться за него, если он, в свою очередь, научит меня сражаться, чтобы я мог однажды обратить свое оружие против него самого.

— И когда ты уезжаешь?

На лестнице послышались шаги возвращающейся Амры.

— Тсс! — прошептал он. — Не надо ей знать, о чем я думаю.

Верная служанка вошла в комнату и поставила поднос с завтраком на стул перед братом и сестрой; затем, держа в руках белую салфетку, выпрямилась, готовая служить им. Они ополоснули пальцы в чаше с водой и как раз вытирали их, когда шум внизу привлек их внимание. Прислушавшись, они различили звуки маршевой музыки, доносившейся с северной улицы.

— Солдаты из претория! Я должен на них взглянуть! — воскликнул он, вскакивая с дивана и выбегая из комнаты.

Через минуту он уже свесился через невысокий

парапет, ограждавший дальний северо-восточный угол крыши, так поглощенный зрелищем, что даже не заметил Тирцы, державшейся рукой за его плечо.

Этот наблюдательный пост — крыша их дома возвышалась над всеми другими в округе — господствовал к востоку от неправильных очертаний громады Антониевой башни, которая, как уже упоминалось, служила местопребыванием гарнизона и штаб-квартирой правителя. Над улицей, не более десяти футов в ширину, тут и там были перекинуты мостики, открытые и крытые, на которых уже, как и на крышах, собрались зеваки, привлеченные звуками военной музыки. Слово это, однако, можно применить лишь весьма условно, ибо то, что услышали прибежавшие люди, представляло собой рев труб и пронзительное завывание литусов, столь восхитительное для слуха солдат.

Через несколько минут взору молодых людей предстал весь вооруженный отряд римлян. Сначала появился авангард легковооруженных воинов — пращников и лучников, — маршрующих разомкнутым строем, с большими интервалами между шеренгами и колоннами; затем подразделение тяжеловооруженной пехоты,

несущей щиты и hastoe longoe, длинные копья, подобные тем, которыми пользовались во время сражений под стенами Илиона; за ними группа музыкантов, потом офицер, гарцующий верхом. Почти вплотную за ним следовала конная стража; а потом снова колонны тяжеловооруженных пехотинцев, двигавшихся плотным строем во всю ширину улицы. Казалось, им не будет конца.

Загорелые руки и ноги солдат; мерное покачивание щитов; сверкание бронзы накладок, застежек, кирас и шлемов, начищенных до ослепительного блеска; колыхание плюмажей на гребнях; раскачивающиеся значки на древках и железные наконечники копий; четкий, уверенный шаг в отработанном за годы темпе; суровые и настороженные лица; машинообразная сплоченность двигающейся массы — все это произвело впечатление на Иуду.

Но нечто особое всколыхнуло его чувства. Сначала орел, эмблема легиона — позолоченный значок, вознесенный на высоком древке, распростерший свои крылья так широко, что они почти сомкнулись над его головой. Затем — верховой офицер, в гордом одиночестве гарцующий в середине процессии. Он был в полном защитном облачении, но ехал с непокрытой головой. На

левом бедре офицера красовался короткий меч; в руке он держал жезл, издали напоминавший свиток белой бумаги. Вместо седла под офицером было пурпурное покрывало, которое вместе с уздой, золотым нагрудником и шелковой попоной золотистого цвета, складками ниспадающей едва ли не до земли, составляло убранство его коня.

Хотя до этого человека было еще далеко, Иуда заметил, что одного его присутствия было достаточно, чтобы люди смотрели на него раздраженно и угрюмо. Они свешивались через парапеты своих крыш или дерзко выступали вперед, грозя ему кулаками; с криками бежали за ним; плевали на него, когда он проезжал под перекинутыми с крыши на крышу мостиками; некоторые женщины даже снимали с ног сандалии с явным намерением запустить ими в него. Когда процессия приблизилась, крики стали более отчетливыми: «Грабитель, тиран, римская собака! Долой Ишмаэля! Верни нам нашего Анну!»

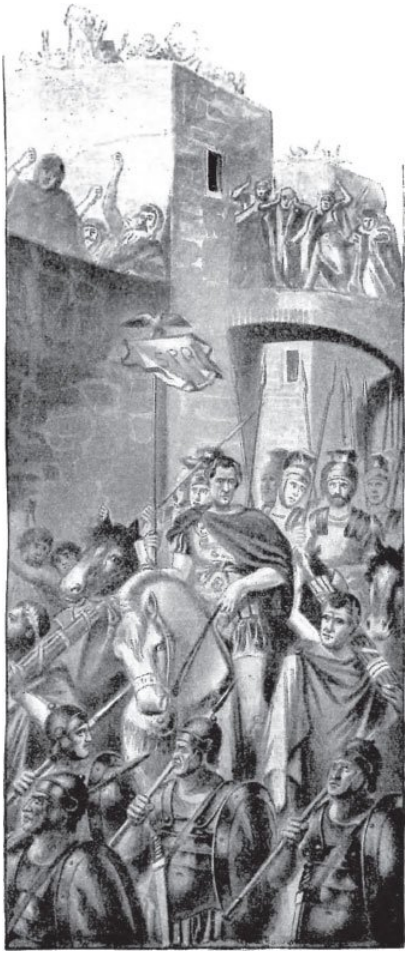
Когда офицер поравнялся с их домом, Иуда обратил внимание, что тот отнюдь не разделял безразличия, которое так искусно было написано на лицах сопровождавших его солдат: лицо офицера было сумрачно и гневно, а взгляды, которые

он время от времени бросал на своих обвинителей, исполнены такой угрозы, что наиболее малодушные отшатывались в сторону.

Только теперь юноша вспомнил об обычае, существовавшем со времен первых цезарей: главнокомандующие, для демонстрации своего положения, показывались на публике только с лавровым венком на голове. По этому признаку он определил, кем был этот офицер — ВАЛЕРИЙ ГРАТ, НОВЫЙ ПРОКУРАТОР ИУДЕИ!

Сказать по правде, поведение римлянина под градом ничем не спровоцированных обвинений заслужило симпатию юного иудея; так что, когда римлянин завернул за угол их дома, юноша перегнулся через парапет. Под его рукой кусок плитки отделился от парапета и заскользил вниз. Ужас охватил юношу. Он быстро выбросил руку вперед, чтобы перехватить падающий кусок. Для стороннего наблюдателя все выглядело так, как если бы он что-то бросил вниз. Его усилие пропало втуне, даже наоборот — его выброшенная вперед рука лишь оттолкнула кусок плитки еще дальше. Он закричал во весь голос. Солдаты стражи взглянули вверх, поднял свой взгляд и новый наместник, и в это мгновение кусок плитки ударил в него, свалив на землю.

Когорта тут же остановилась; солдаты эскорта спешились и поспешили прикрыть наместника своими щитами. С другой стороны, зеваки, видевшие все происшедшее, не усомнились в том, что удар был нанесен намеренно, и принялись приветствовать юношу, до сих пор стоявшего за парапетом у всех на виду, окаменев от содеянного и от предчувствия последствий.

Мятежный дух между тем с неимоверной быстротой охватил всех стоявших на крышах вдоль линии движения процессии, объединил людей и заставил их действовать. В едином порыве они принялись отбивать облицовку своих парапетов, выламывать куски самана, из которого были сложены крыши большинства домов в округе, и в слепой ярости метать их в легионеров, столпившихся внизу. Разгорелось сражение. Но дисциплина и опыт, как и всегда, взяли верх. Мы не будем описывать привычку к сражениям одних и отчаяние других — они в равной мере не играют особой роли для нашего рассказа. Посмотрим лучше на несчастного виновника всего случившегося.

Он отступил на шаг от парапета, лицо его было бледным.

— О, Тирца, Тирца! Что же с нами будет?

Сестра его не видела всего случившегося внизу, но слышала крики и видела, что делают стоявшие на крышах домов люди. Она понимала, что происходит нечто ужасное, но не знала, что именно послужило причиной всего происшедшего и грозит ли опасность ей или ее близким.

— Что случилось? Что все это значит? — охваченная тревогой, спросила она.

— Я убил римского правителя. Плитка упала прямо на него.

Казалось, невидимая рука бросила ей в лицо горсть пепла — так оно посерело. Девушка обхватила брата за шею и, не говоря ни слова, с тоской посмотрела ему в глаза. Его испуг передался ей, а вид сестры придал ему сил.

— Я сделал это не намеренно, Тирца, — это был просто несчастный случай, — уже более спокойно произнес он.

— Что они сделают с нами? — спросила она.

Он бросил взгляд на суматоху, мгновенно возникшую внизу на улице, на крыши домов и подумал о грозном выражении лица Грата. Если бы он не был мертв, то до какого предела простерлась бы его месть? А если он мертв, то во что выльется гнев легионеров, и так уже доведенных толпой до неистовой ярости? Чтобы избежать ответа на эти вопросы, он снова посмотрел вниз через парапет как раз в тот самый момент, когда один из стражников помогал римлянину снова сесть на коня.

— Он жив, он жив, Тирца! Да будет благословен Господь Бог наших отцов!

С этим криком и посветлевшим лицом он отпрянул от парапета и ответил на ее вопрос:

— Не бойся, Тирца. Я объясню, как все это произошло, они вспомнят нашего отца и его службу и не сделают нам ничего плохого.

Он уже вел сестру к летней беседке на крыше, когда крыша дрогнула под ногами, а до слуха их донесся треск выбиваемых дверей, сопровождавшийся воплем страха, раздавшимся во внутреннем дворике. Он остановился и прислушался. Вопль повторился; затем послышался топот множества ног и яростные голоса, смешавшиеся с мольбами; после чего донеслись вопли обезумевших женщин. Солдаты выломали выходившую на север дверь и рассыпались по дому. Ужасное ощущение загнанных зверей охватило брата и сестру. Первым его порывом было убежать; но куда? Спасти их в такой ситуации могли бы только крылья. Тирца, с глазами полными слез, схватила его за руку.

— О, Иуда, что там такое?

Во дворе явно убивали слуг — и его мать! Не ее ли голос он слышал среди других? Собрав все остатки воли, он произнес:

— Оставайся здесь и жди меня, Тирца. Я спущусь вниз, узнаю, что случилось, и вернусь к тебе.

Голос его звучал не так уверенно, как ему бы хотелось. Сестра лишь плотнее прижалась к нему.

Снизу снова донесся животный крик его матери. Теперь в этом не было никаких сомнений. Он больше не колебался.

— Ладно, пойдем посмотрим.

Терраса или галерея, от которой начиналась лестница, была полна солдатами. Другие, с обнаженными мечами в руках, рыскали по комнатам. В одной из них несколько женщин, сбившись в кучку, просили о пощаде и молились. Чуть в стороне другая женщина в разорванной одежде, с растрепанными волосами изо всех сил вырывалась из рук солдата, державшего ее. Ее истошные крики, перекрывая общий шум, были слышны даже на крыше. К ней-то и бросился Иуда — длинными шагами, едва ли не прыжками, — крича: «Мама, мама!» Она протянула к нему руки и почти уже коснулась его, как вдруг сильная рука схватила Иуду и оттащила его в сторону. Он услышал, как кто-то громким голосом произнес:

— Вот он!

Иуда взглянул на говорившего и узнал Мессалу.

— Что, этот и покушался? — произнес высокий человек в защитном облачении легионера, чрезвычайно искусной работы. — Да это же всего лишь мальчишка.

— О боги! — ответил на это Мессала, даже сейчас не отказавшийся от своей манеры разговора. — Вот новая философия! Что бы сказал Сенека о суждении, что человек должен быть достаточно взрослым, чтобы смертельно ненавидеть кого-то? Он у вас в руках, вот это его мать, а там его сестра. Вам попалась вся семейка.

Ради своих родных Иуда забыл недавнюю ссору.

— Помоги им, о мой Мессала! Ради нашего детства — помоги им. Я — Иуда — молю тебя.

Мессала сделал вид, что не слышит его слов.

— Я вам больше не нужен, — произнес он, обращаясь к офицеру. — Зрелище на улице куда забавнее. Эрос низвергнут, да здравствует Марс!

С этими словами он повернулся и вышел на улицу. Иуда понял его и с горечью в сердце вознес

молитву к Небесам.

— В час моей мести, о Боже, — шептал он, — дай мне возложить руку на этого человека.

Собрав всю свою волю, он повернулся и сделал шаг к офицеру.

— Господин, эта женщина, как вы слышали, — моя мать. Пожалейте ее, пожалейте и мою сестру. Господь справедлив, Он отплатит вам добром за добро.

Офицер, похоже, был тронут его словами.

— В башню женщин! — отдал он приказ солдатам. — Но не позволяйте себе ничего. Я спрошу у них, как с ними обращались.

Затем он повернулся к солдатам, державшим Иуду, и приказал:

— Найдите веревку, свяжите ему руки и выведите на улицу. С ним мы еще разберемся.

Мать увели. Юная Тирца в своем домашнем одеянии, оцепенев от страха и внезапности всего случившегося, под присмотром солдата двинулась за ней. Иуда бросил на каждую из них прощальный взгляд и закрыл лицо руками, словно желая навсегда сохранить в памяти эту сцену. Может быть, он и проронил несколько слез, но никто из окружающих этого не заметил.

Затем в душе его произошло то, что по пра-

ву может быть названо чудом. Внимательный читатель нашего рассказа из предыдущего повествования знает уже достаточно, чтобы понять: молодой иудей, о котором идет речь, обладал мягкостью характера, граничащей с женственностью, — что, как правило, свойственно тем, кто любит и любим. Обстоятельства его жизни не требовали пробуждения в нем жесткости и твердости натуры. Временами он ощущал в себе всплески амбиций, но они оставались мечтами ребенка, гуляющего по берегу моря и всматривающегося в величаво проходящие мимо суда. Но теперь, если мы представим себе кумира, привыкшего к обожанию и внезапно сброшенного с алтаря, лежащего среди обломков своего маленького мира любви, то это вполне сравнимо с тем положением, в котором оказался юный Бен-Гур. Но ничто внешне не говорило пока о том, что внутри его произошла перемена. Разве что, когда он гордо вскинул голову и протянул руки солдатам, принявшимся связывать его, детская припухлость губ, напоминавших рот Купидона, исчезла, сменившись жесткой мужской складкой. В это мгновение он отринул свое детство и стал мужчиной.

Со двора раздался звук трубы. Услышав сиг-

нал отбоя, с веранды стали спускаться солдаты, многие из которых, не осмеливаясь появиться в строю с «трофеями», просто бросали их на пол, пока он не оказался весь усеян многими ценными предметами. Когда Иуду свели вниз, солдаты уже стояли в строю.

Мать, дочь и домашнюю прислугу вывели через северные ворота, обломки которых еще болтались на петлях. Вопли челяди, многие из которых родились в этом доме, разрывали душу. Когда же из дома вывели всех лошадей и выгнали скот, Иуда начал осознавать размах мстительности прокуратора. Здание было обречено. Ни одно живое существо не должно было остаться в его стенах. Если в Иудее был кто-то еще, осмелившийся хотя бы задуматься о покушении на римского наместника, гнев, обрушившийся на благороднейшую семью Гур, послужил бы ему предостережением; руины же обиталища должны были служить живым напоминанием о случившемся.

Офицер терпеливо ждал на улице, пока несколько его подчиненных на скорую руку чинили выбитые ворота.

Сражение на улице уже почти прекратилось. Лишь клубы пыли, поднимавшиеся из-за неко-

торых домов, говорили о том, что кое-где схватка продолжается. Когорта уже почти построилась, ее великолепие, как и ее ряды, совершенно не уменьшилось. Не заботясь о своей собственной судьбе, Иуда не смотрел ни на что, кроме группы пленников, тщетно разыскивая среди них взором свою мать и Тирцу.

Внезапно с земли поднялась недвижно лежавшая женщина и бросилась назад, ко входу в дом. Несколько солдат попытались было схватить ее, но она с неожиданной ловкостью увернулась от них. Подбежав к Иуде, она бросилась на землю и обхватила его колени, прижавшись к ним головой. Ее растрепанные черные волосы, перепачканные пылью, упали ей на лицо.

— О, Амра, моя добрая Амра, — сказал юноша, — да поможет тебе Господь, я, увы, бессилен.

Старуха не могла произнести ни слова.

Он нагнулся к ней и прошептал:

— Живи, Амра, ради Тирцы и моей матери. Они вернутся, и тогда…

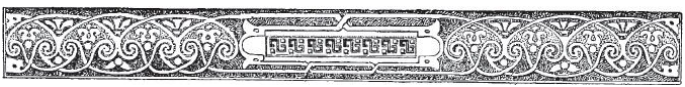
Солдат попытался было оттащить ее, но она вырвалась у него из рук и бросилась сквозь ворота в опустевший двор.

— Да черт с ней, — махнул рукой офицер. — Мы опечатаем дом, и она сдохнет с голоду.

Солдаты продолжили возню с воротами. Закончив работу, они забили их крест-накрест досками и вышли через западный вход, тоже забив его.

Когорта промаршировала обратно в башню, где прокуратор расположился на отдых, заключив под стражу своих пленников. На десятый день после этого события он побывал на Рыночной площади.

Глава 7
Галерный раб

На следующий день отряд легионеров подошел к опустевшему дворцу и, крепко-накрепко заколотив ворота, запечатал их восковыми печатями, прибив на каждом углу здания табличку на латыни: «СОБСТВЕННОСТЬ ИМПЕРАТОРА».

Высокомерные римляне считали, что одного только провозглашения приговора было вполне достаточно. Впрочем, так оно и было.

Еще сутки спустя, около полудня, декурион с командой из десяти всадников вошел в Назарет с юга, по дороге, ведущей из Иерусалима. В те времена это была пригоршня беспорядочно рассыпанных по склону холма домов, с одной только улочкой, скорее похожей на тропу, пробитую входившими и выходившими стадами. К местечку этому с юга подходила большая равнина Эздраэлона, с вершин холмов, возвышавшихся к западу от городка, можно было увидеть и голубую

даль Средиземного моря, и равнины за Иорданом и Хермоном. Долина под городом и земли, лежащие за ней, были отданы под сады, виноградники, огороды и пастбища. Несколько рощиц пальмовых деревьев придавали ландшафту восточный колорит. Домики, в беспорядке разбросанные тут и там, имели весьма непритязательный вид — квадратные одноэтажные строения с плоскими крышами, увитые виноградными лозами. Недостаток влаги, превративший холмы Иудеи в ржавую и безжизненную пустыню, заканчивался у границ Галилеи.

Звук трубы, раздавшийся, когда кавалькада приблизилась к селению, произвел магический эффект на его обитателей. Ворота дворов и двери домов распахнулись, из них выскочили люди, страстно желающие первыми увидеть и встретить необычных гостей.

Назарет, следует помнить, и был под властью Иуды из Гамалы; поэтому нетрудно представить чувства, с которыми были встречены легионеры. Но когда они вступили в город и двинулись по единственной улице, стало понятно порученное им задание. Страх и ненависть сменились любопытством, под влиянием которого люди, зная, что отряд обязательно должен будет сделать привал у

колодца в северо-восточной части города, вышли из своих ворот и дверей и потянулись вслед за процессией.

Внимание толпы привлек заключенный, которого вели под охраной конные стражники. Он двигался пешим, с непокрытой головой, полунагой, со связанными за спиной руками. Ремень, привязанный к его запястьям, был закреплен к упряжи одной из лошадей. Кавалькада в движении поднимала дорожную пыль, которая окутывала ее желтой завесой, а временами всадники даже скрывались в густом облаке пыли. Изнемогающий узник шагал впереди, еле двигая стертыми в кровь ногами. Обитатели поселения видели, что он совсем молод.

Около колодца декурион скомандовал привал и вместе с большинством всадников спешился. Измотанный узник рухнул в дорожную пыль, не издав ни звука: было совершенно ясно, что силы его на исходе. Когда обитатели приблизились, то смогли рассмотреть, что по возрасту он едва ли не мальчик.

Пока солдаты утоляли жажду, передавая друг другу бадью с водой, на дороге, ведущей из Сеппориса, появился человек. Завидев его, одна из женщин закричала:

— Смотрите! Там идет плотник! Теперь мы что-нибудь узнаем.

Человек, которого она имела в виду, обладал весьма почтенной внешностью. Длинные седые волосы падали из-под края его высокого тюрбана, белая борода спускалась на грудь. Он был облачен в длинную серую рубаху и двигался медленно не только в силу своего возраста, но еще и потому, что нес с собой массивные и тяжелые инструменты — топор, пилу и разметочный нож. К тому же было видно, что он прошел довольно большое расстояние без отдыха.

Он остановился неподалеку от собравшихся зевак.

— О, рабби, добрый рабби Иосиф! — воскликнула женщина, подбегая к нему. — Здесь узник, пойдем, спроси солдат про него, потому что мы хотим знать, кто он такой, и что он сделал, и что они хотят сделать с ним.

Лицо рабби осталось невозмутимым. Взглянув на узника, он приблизился к офицеру.

— Да ниспошлет вам Господь мир! — просто приветствовал он пришлецов.

— И тебе того же! — ответствовал декурион.

— Вы идете из Иерусалима.

— Да.

— Ваш узник еще молод.

— Да — годами.

— Могу я спросить, что он сделал?

— Он убийца.

Толпа в изумлении зашепталась, но рабби Иосиф продолжил свои расспросы:

— Он сын Израиля?

— Он еврей, — сухо ответил на это римлянин.

Собравшуюся толпу охватила жалость.

— Я ничего не знаю о ваших племенах, но могу вам сказать о его семье, — продолжал офицер. — Вы, может быть, слышали об одном из отцов города Иерусалима по имени Гур — так вот, его зовут Бен-Гур. Его отец жил во времена Ирода.

— Мне доводилось его знать, — сказал Иосиф.

— Так вот, это его сын.

В толпе раздались крики, и декурион поспешил охладить ее пыл.

— Позавчера, среди бела дня, на улице Иерусалима он едва не убил благородного Грата, бросив ему в голову плитку с крыши дворца — полагаю, отцовского.

В разговоре наступила пауза, во время которой взоры всех назаретян обратились на юного Бен-Гура.

— Он его убил? — спросил рабби.

— Нет.

— Но он все же осужден.

— Да. Каторга на галерах пожизненно.

— Господь да поможет ему! — сказал Иосиф, впервые за это время потеряв свою флегматичность.

Тем временем юноша, пришедший вместе с Иосифом, но стоявший до этого за его спиной, положил на землю топор, который он держал в руках, и, подойдя к большому камню, стоявшему рядом с колодцем, взял с него бадейку с водой. Проделано это было так тихо, что охранники даже не успели ему помешать — юноша уже стоял около узника, протягивая ему воду.

Рука, мягко легшая на его плечо, привела в себя несчастного Иуду. Подняв взор, он увидел лицо, которое невозможно было забыть, — лицо юноши примерно такого же возраста, обрамленное прядями светло-каштановых волос, с лучистыми темно-голубыми глазами, столь нежными, столь призывными, столь исполненными любви и святой цели, что в них словно была сосредоточена вся власть и воля. Дух иудея, ожесточившийся за эти дни и ночи страданий от свершенной над ним несправедливости до такой степени, что мысль о мщении заполнила для него весь мир, растопился под этим взглядом совершенно

незнакомого ему человека и стал мягче воска на солнце. Он припал губами к бадье с водой и стал жадно глотать холодную влагу. Ни он, ни незнакомец не обменялись ни единым словом.

Когда жажда была утолена, рука, которая все это время лежала на плече страдальца, опустилась ему на голову и оставалась на пыльных завитках его волос на время, необходимое для благословения; затем незнакомец поставил бадью на место и, подняв топор, снова ушел за спину рабби Иосифа. Взоры всех собравшихся, в том числе и декуриона, были прикованы к нему.

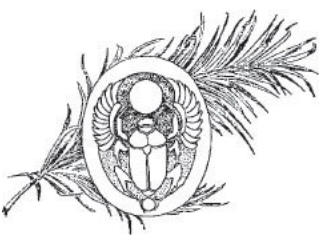
Привал подошел к концу. Когда все солдаты напились и напоили лошадей, декурия снова двинулась в путь. Но декурион уже был не тем человеком, что раньше: он помог узнику подняться из дорожной пыли и подсадил его на круп лошади за спиной одного из солдат. Назаретяне разошлись по своим домам — а вместе с ними рабби Иосиф и его подмастерье.

Так в первый раз встретились — и тут же расстались — Иуда и Сын Марии.

Книга третья

Клеопатра
...Я хочу нагореваться вволю,
Соразмерно огромности удара.
(Внизу появляется Диомед.)
Ты узнал?
Он умер?
Диомед
Он на волосок от смерти,
Но дышит.

***Уильям Шекспир. Антоний и Клеопатра*[21]**

[21] Примечания: 21
Перевод Б. Пастернака.

Глава 1
Морское путешествие Квинта Аррия

Город Мизены[22] получил свое имя по названию мыса в нескольких милях юго-западнее Неаполя, у основания которого был он расположен. До наших дней от него дошли только руины; но в году от рождения нашего Господа двадцать четвертом — в который мы бы и хотели перенести нашего читателя — место это было одним из самых значительных на западном побережье Италии.

В упомянутое время путешественнику, поднявшемуся на городскую стену, открывалась панорама Неаполитанского залива; непревзойденной красоты побережье, курящийся дымом конус Везувия, небо и волны темно-голубого цвета, омывающие острова Иския и Капри. Его взор, блуждая в благоуханном воздухе от одного

---

[22] Примечания: 22

Мизены — мыс и город в Кампании, стоянка римского флота.

острова к другому, наконец — поскольку эта красота столь же утомляла глаз, как сладости язык, — останавливался на зрелище, которого лишен современный турист: под ним располагалась добрая половина римского флота. Принимая во внимание это обстоятельство, Мизены становились более чем подходящим местом для встречи трех владык, желающих на досуге разделить между собой мир.

В старину в городской стене, тянущейся вдоль берега, существовали ворота — пролет, которым заканчивалась улица, переходившая за пределами стены в мол, выступающий в море на несколько стадиев.

Однажды прохладным сентябрьским утром часовой, несший дозор на стене над воротами, встревожился, завидев группу людей, которая спускалась по улице к выходу из города, громко разговаривая между собой. Присмотревшись к ним, он снова погрузился в свою привычную дремоту.

Эта группа состояла человек из тридцати. Рабы несли факелы, которые больше чадили, чем светили, оставляя в воздухе запах индийского нарда. Владыки шли впереди плечом к плечу. Один из них, лет пятидесяти, лысоватый и несший поверх

остатков растительности на голове лавровый венок, был, судя по почтительности, с которой к нему относились, центральным персонажем церемонии. Все трое были облачены в богатые тоги из белой шерстяной ткани с пурпурным подбоем. Дозорному оказалось вполне достаточно одного взгляда, брошенного на них. Незнакомцы принадлежали к элите общества и провожали своего друга на корабль после бурного прощания, затянувшегося на всю ночь. Подробности происходящего мы поймем, если вслушаемся в разговоры действующих лиц.

— Нет, мой Квинт, — говорил один из них, обращаясь к человеку с лавровым венком на голове, — это ошибка Фортуны, так скоро забирающей тебя от нас. Всего лишь вчера ты вернулся морем из-за Столбов. Ты ведь даже толком не почувствовал ногами землю!

— Клянусь Кастором! Если мужчина поклялся женской клятвой, — вторил ему другой, выпивший куда больше, — не будем жаловаться. Наш Квинт наверстает то, что он пропустил прошлой ночью. Играть в кости на качающемся на волнах корабле — не то что играть на суше. Не так ли, Квинт?

— Не стоит ругать Фортуну! — воскликнул

третий. — Она не слепа и не переменчива. При Антии, когда наш Аррий вопрошал ее, она ответила ему кивком головы и на море не оставила его, направляя руль его корабля. Она забрала его от нас, но разве она не возвращала его нам с венцом новой победы?

— Его забрали от нас греки, — возразил первый. — Если уж ругать кого-то, то их, а не богов. Научившись торговать, они забыли искусство войны.

С этими словами компания прошла ворота и вышла на мол, перед которым расстилался залив, казавшийся еще прекраснее в свете раннего утра. Для старого мореплавателя плеск волн прозвучал как приветствие. Он глубоко вдохнул свежий морской воздух и поднял руки над головой.

— Я принес свои дары Фортуне в Пренесте[23], а не у Антия — и посмотрите! Она послала западный ветер. Благодарю тебя, Фортуна!

Его друзья повторили эти слова, а рабы принялись размахивать факелами.

---

[23] Примечания: 23

Пренеста — древний город в Латии, к востоку от Рима, с храмами Фортуны и Юноны.

— А вот и мой корабль — вон там! — продолжал он же, указывая на галеру, приближающуюся к молу. — Моряку не надо другой любовницы. Разве твоя Лукреция может быть грациознее, мой Гай?

Глядя на приближающийся корабль, он чувствовал вполне объяснимую гордость. На невысокой мачте полнился ветром парус, весла в едином ритме опускались в воду, делали гребок, поднимались в воздух, застывали на несколько секунд и снова погружались в воду.

— Да, боги благосклонны к нам, — вновь заговорил старый мореход, не отрывая взгляда от

приближающегося корабля. — Они даровали нам шанс. И наша вина, если мы им не воспользуемся. Что же до греков, то ты забыл, о мой Лентулл, что пираты, которых я собираюсь покарать, именно греки. Одна победа над ними стоит сотни побед над африканцами.

— И поэтому ты и направляешься в Эгейское море?

Моряк по-прежнему смотрел только на приближающийся корабль.

— Какое изящество, какая свобода! Он летит, словно птица! Только посмотрите! — задумчиво произнес он и тут же перебил себя: — Прости меня, мой Лентулл. Да, я направляюсь в Эгейское море и поскольку скоро покину вас, то расскажу причину этого — только держите ее в тайне. Я не хочу, чтобы ты упрекал дуумвира[24], когда увидишься с ним. Он мой друг. Так вот… Торговля между Грецией и Александрией, как ты, может быть, слышал, вряд ли меньше, чем между Александрией и Римом. В этих краях люди

[24] Примечания: 24

Дуумвир — здесь: 1) должностные лица, ведавшие сооружением и оснащением военных кораблей и командовавшие ими, либо 2) носители высшей власти в муниципиях и колониях (председательствующие в сенате и верховном суде).

уже не празднуют Цереалии[25], и Триптолем[26] посылает им урожай, который даже не стоит убирать. Поэтому торговлю зерном нельзя остановить даже на день. Вы, может быть, слышали и про херсонесских пиратов, гнездо которых находится на Понте. Отчаянные ребята, клянусь Вакхом! Вчера в Риме стало известно, что их флот прошел на веслах Босфор, потопил галеры Византии и Калхедона, прошел Пропонтиду[27] и вырвался на просторы Эгейского моря. Торговцы зерном, держащие свои суда в Восточном Средиземноморье, перепуганы. Они дошли до самого императора, так что из Равенны сегодня выходят в море сто галер, а из Мизен… — Он помедлил, поддразнивая любопытство своих друзей, и с пафосом произнес: — Одна.

— Счастливчик Квинт! Поздравляем тебя!

— Да, это изрядное продвижение. Мы салютуем будущему дуумвиру, никак не меньше.

---

[25] Примечания: 25

Цереалия — праздник в честь Цереры (12 апреля), справлявшийся преимущественно плебеями.

[26] Примечания: 26

Триптолем — родом из Элевсины, любимец Цереры, создатель земледелия.

[27] Примечания: 27

Пропонтида (*греч.* «Предморье») — море между Геллеспонтом и Босфором Фракийским (ныне Мраморное море).

— «Дуумвир Квинт Аррий» звучит куда лучше, чем «трибун Квинт Аррий».

И друзья принялись осыпать его поздравлениями.

— Я рад за тебя, — произнес подвыпивший друг, — я очень рад за тебя; но, однако, пока не пойму, поможет ли тебе это продвижение сыграть в кости с судьбой или нет.

— Спасибо, спасибо вам всем, — ответил Аррий. — Хотелось бы мне, чтобы вы были авгурами. Так и быть! Покажу вам, что вы и в самом деле предсказатели божественной воли. Смотрите — и читайте.

Из складок своей тоги он извлек свиток и передал его друзьям со словами:

— Получено, когда мы с вами пировали прошлой ночью, — от Сеяна[28].

Имя это уже гремело во всем римском мире и не пользовалось той дурной репутацией, которую оно впоследствии приобрело.

— Сеян! — воскликнули друзья в один голос и склонились над строками послания.

Сеян – Цецилию Руфусу, дуумвиру

---

[28] Примечания: 28

Сеян Люций Элий (ум. 31 г. н. э.) — римский политик, командир преторианской гвардии и заговорщик в правление императора Тиберия.

Рим, 19-й день до сентябрьских календ

Цезарь получил хорошие отзывы о Квинте Аррии трибуне. В частности, он наслышан о его доблести, проявленной на просторах западных морей; так что он счел необходимым высказать свою волю на то, чтобы Квинт был немедленно переведен служить на Восток.

Далее, в соответствии с волей нашего цезаря, вам предстоит отобрать сто первоклассных трирем с полным снаряжением, которые без промедления должны быть отправлены для действий против пиратов, появившихся на просторах Эгейского моря; Квинту же предстоит вступить в командование этим флотом.

Детали оставляю на твое усмотрение, мой Цецилий.

Дело это весьма спешное, как ты можешь понять, прочитав прилагаемые донесения и сведения об упомянутом Квинте.

Сеян

Аррий почти не обращал внимания на чита-

ющих. По мере того как корабль приближался к молу, он все более и более очаровывался им. Взгляд его казался взглядом влюбленного. Наконец он позволил ветру заиграть распущенными складками своей тоги; в ответ на этот сигнал на аплюстре[29] был поднят алый флаг; несколько матросов, вышедших на палубу, стали выбирать шкоты, держащие антенну, или рей, убирая парус. Нос корабля поплыл в сторону, весла участили свои удары; корабль направился прямо к месту, где стояли Аррий со своими друзьями. Чуткость, с которой он слушался руля, и постоянство, с которым сохранял свой курс, были ценными качествами в предстоящем походе.

— Клянусь нимфами! — произнес один из друзей, возвращая свиток Аррию. — Мы можем больше не твердить о том, что наш друг будет великим человеком; он уже стал великим. Какие сюрпризы ты еще припас для нас?

— Никаких, — ответил Аррий. — То, что вы называете событием, давно не новость в Риме, особенно на пространстве между дворцом и Форумом. Дуумвир скрытен; что мне предстоит сделать, когда я стану во главе флота, он скажет

---

[29] Примечания: 29

Аплюстра — приподнятая и разукрашенная часть корабельной кормы.

только на палубе корабля, где меня ждет запечатанный пакет. Но корабль приближается и скоро пристанет, — произнес он, поворачиваясь к морю. — Интересно, кто им командует? Мне предстоит путешествовать и воевать вместе с ними. Не так-то просто пристать к этому берегу; так что давайте посмотрим и оценим их опыт и выучку.

— Как, ты еще не был на его борту?

— Я вижу этот корабль впервые; что ж, познакомимся в море. Там мы быстро поймем друг друга; любовь, как и ненависть, рождается от неожиданной опасности.

Корабль был того класса, который назывался naves liburnicae, — длинный, узкий, низко сидящий в воде, созданный для быстрого хода и легкого маневрирования. Из-под его скул на ходу вырывались две волны, порой обдававшие брызгами нос, вздымавшийся грациозным изгибом над палубой на высоту в два человеческих роста. С двух сторон под ним покоились фигуры Тритонов, трубящих в раковину. Ниже носа виднелся прикрепленный к килю и выдающийся чуть выше ватерлинии ростр, или клюв, — приспособление из массивного ствола дерева, обитого железом, использовавшееся в бою в качестве та-

рана. Привальный брус проходил по всей длине корабельного корпуса с каждого из бортов, предохраняя от ударов фальшборты; ниже привального бруса в три ряда тянулись отверстия, прикрытые щитками из бычьей кожи, через которые проходили весла — шестьдесят с правого борта и шестьдесят с левого. Высоко вздымавшийся нос был украшен кадуцеем[30]. Два толстых каната, свешивавшиеся с бортов на баке, указывали на места, где были закреплены два якоря.

Простота оснастки говорила о том, что гребные весла были главной надеждой экипажа. Мачта, вынесенная ближе к носу, крепилась растяжками спереди и сзади и вантами, закрепленными за кольца на внутренней поверхности фальшбортов. Для подъема и спуска большого квадратного паруса и рея, к которому он был прикреплен, использовалась система блоков. Поверх фальшбортов просматривалась вся палуба.

За исключением моряков, которые спустили парус и сейчас вязали его к рею, находившиеся на молу видели всего только одного человека, стоявшего на баке, со шлемом на голове и щитом в руках.

---

[30] Примечания: 30

Кадуцей — обвитый двумя змеями жезл Меркурия.

Сто двадцать весельных лопастей, белых и блестящих от чистки пемзой и постоянного пребывания в воде, поднимались и опускались, словно приводимые в движение единой рукой, увлекая галеру вперед со скоростью, которой позавидовали бы иные из современных судов.

Галера приближалась к берегу так быстро и неосторожно, что свита трибуна застыла на месте от страха. Внезапно человек, стоявший на баке, поднял руку, отдавая команду; весла тут же взлетели вверх, застыли в воздухе, а затем, не делая гребка, снова опустились в воду. Вода закипела вокруг лопастей; галера вздрогнула всем корпусом и застыла на месте. Новый жест — и снова весла взлетели в воздух, застыли на мгновение и погрузились в воду, на сей раз сделав с правого борта гребок в противоположную движению сторону, а с левого борта загребая воду, как обычно. Три раза весла поднимались и опускались, гребя в противоположные стороны. В результате галера развернулась на месте; затем порыв утреннего бриза навалил ее бортом на мол.

Во время поворота взорам наблюдателей на берегу предстала корма галеры во всем ее великолепии — украшенная такими же Тритонами, что и нос, с написанным большими светлыми буквами именем судна, с боковым рулевым веслом, с приподнятым настилом, на котором стоял рулевой — исполненный достоинства, в полном вооружении, с рукой на рукояти весла; и, наконец, аплюстра — высокая, позолоченная, резная, нависающая над головой рулевого подобно листу дерева.

В середине разворота на галере коротко взвыла труба, и из-под палубы через отверстия люков на палубу стали выскакивать члены команды, в великолепном снаряжении, в бронзовых шлемах, со сверкающими щитами и дротиками в руках. Боевая команда выстроилась на шканцах, матросы вскарабкались по вантам и рассыпались вдоль рея. Офицеры и музыканты заняли свои места. До берега не донеслось никакого лишнего шума. Когда лопасти весел коснулись мола, с рулевого мостика на берег подали трап. Тогда трибун повернулся к провожавшим его и с серьезностью произнес:

— А теперь, друзья мои, простите — служба. — Сняв с головы венок, он протянул его игроку в

кости. — Возьми этот венок, о несравненный любимец судьбы! — произнес он. — Если я вернусь, я попытаюсь отыграть мои сестерции, если мне не суждено победить, то я не вернусь. Повесь тогда на память обо мне этот венок в своем атриуме.

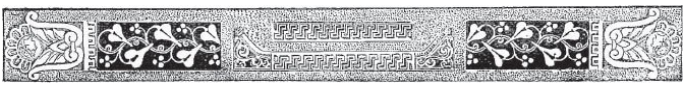
Повернувшись к остальным, он раскрыл им свои объятия, и они по очереди обняли его.

— Да помогут тебе вечные боги, о Квинт! — хором произнесли они.

— До свидания! — ответил он.

Рабы размахивали факелами; он помахал им в ответ рукой и повернулся к кораблю, ожидающему его. Как только нога его ступила на трап, снова взвыли трубы, а над аплюстрой взвился vexillum purpureum — вымпел командующего флотом.

Глава 2
На веслах

Стоя на рулевом мостике с развернутым приказом дуумвира в руках, трибун разговаривал с начальником гребцов:

— Какие силы в вашем распоряжении?

— Гребцов — двести пятьдесят два, десять надсмотрщиков.

— На подмену…

— Восемьдесят четыре.

— Какой у вас порядок?

— Сменяются каждые два часа.

Трибун некоторое время размышлял над услышанным.

— Довольно большая нагрузка, и я это изменю, но не сейчас. Гребля не будет прекращаться ни днем ни ночью.

Затем, обращаясь к штурману, сказал:

— Ветер попутный. Пусть парус поможет гребцам.

Когда эти двое отправились выполнять его приказания, он повернулся к старшему навигатору:

— Сколько лет ты служишь?

— Двадцать три года.

— И в каких морях плавал?

— Между нашим Римом и Востоком.

— Именно такой человек мне и нужен. — Трибун еще раз взглянул на приказ, который он держал в своих руках. — Когда обогнем мыс Кампонеллан, возьмешь курс на Мессину. Пройдя ее, будешь следовать вдоль калабрийского берега, пока слева не окажется Мелита, а потом… Ты знаешь звезды, по которым можно ориентироваться в Ионическом море?

— Хорошо знаю.

— Тогда после Мелиты возьмешь к востоку на Киферу. Если боги будут милостивы к нам, я брошу якорь только у Антемонского залива. Дело очень срочное. Я надеюсь на тебя.

Аррий был весьма рассудительным человеком — и, кроме того, принадлежал к тому типу людей, которые, возлагая дары на алтари храмов в Пренестре и Антиуме, тем не менее считают, что благосклонность богов более зависит от здравого смысла и мер, предпринятых их почитателем, нежели от его даров и обетов. Всю ночь он про-

вел за столом, в возлияниях и играх; но сейчас соленый воздух моря сделал его снова моряком, и он не собирался успокаиваться, пока не узнает свой корабль по-настоящему. Только знание не оставляло никаких шансов для случайностей. Начав знакомство с начальника гребцов, штурмана и старшего навигатора, он вместе с другими офицерами — командиром боевой команды, начальником склада, мастером машин и старшим по камбузу — прошелся по нескольким отсекам корабля. Ничто не укрылось от его взора. Закончив инспекцию тесного мирка, скрытого между бортов корабля, он уже знал практически все о материальном снаряжении для предстоящего путешествия и о возможных случайностях. Сочтя приготовления к походу исчерпывающими, он оставил себе на будущее одну, но зато самую сложную вещь — знакомство с людьми, поступившими под его командование. Эта задача требовала гораздо большего времени, он решил взяться за дело так, как привык.

В полдень того же дня галера разрезала волны на траверзе Пестума. По-прежнему держался западный ветер, наполняя парус и помогая гребцам. Были установлены вахты. На полубаке возвели алтарь, окропили его солью и ячменем, и трибун

перед ним вознес торжественную молитву Юпитеру, Нептуну и Океанидам, а потом, произнеся обет, совершил в их честь возлияние вином и воскурил благовония. И вот теперь, чтобы лучше узнать своих подчиненных, он собрал их в кают-компании корабля.

Кают-компания была центральным помещением галеры — размером шестьдесят пять на тридцать футов, освещаемая солнцем через три широких люка. Ряд пиллерсов проходил из конца в конец ее, поддерживая подволок, ближе к центру помещения виднелось основание мачты, у которого были составлены секиры, копья и дротики. Справа и слева к каждому люку поднимались двойные трапы с крепежными устройствами наверху, позволявшими закреплять поднятые нижние половины трапов к подволоку. Сейчас, когда эти половинки трапов были подняты и закреплены наверху, помещение приобрело вид освещенного сверху зала.

Кают-компания была сердцем галеры, общим домом всех находящихся на ее борту людей — столовой, спальней, гимнастическим залом, местом проведения свободного времени — благодаря правилам, регламентировавшим пребывание в ней до мельчайших деталей и неотвратимым,

как смерть.

В глубине помещения находилась возвышенность, на которую вели несколько ступенек. Там располагался начальник гребцов. Перед ним стояло нечто вроде сделанного из дерева полого барабана, на котором деревянным молотком он отбивал ритм гребли. Справа от него находилась клепсидра — водяные часы, по которым он отслеживал время вахт и смены гребцов. Еще выше был помост, обнесенный позолоченными перилами, местопребывание трибуна, надзирающего за всем происходящим на корабле. Там стояли ложе, стол и кафедра, кресло с мягким сиденьем, опорами для рук и высокой спинкой — вещь, которую имперское руководство позволяло держать для пущей важности.

В этом кресле сейчас и располагался Аррий, покачиваясь в такт движению корабля, облаченный в алый воинский плащ, наброшенный на белоснежную тунику, с мечом у пояса, внимательным взглядом рассматривая своих, столь же внимательно разглядывающих его, подчиненных. Этот требовательный взгляд командующего дольше всего задержался на гребцах. Читатель, без всякого сомнения, поступил бы точно так же; но взгляд его был бы куда более сочувственным;

мысли же трибуна, минуя то, что представало непосредственно его взгляду, устремлялись вперед, требуя результата.

Само по себе зрелище было достаточно непритязательное. Вдоль бортов корабля, накрепко прикрепленное к его остову, располагалось то, что с первого взгляда напоминало три ряда сидений. При более пристальном рассмотрении это сооружение представало конструкцией из возвышающихся одна над другой сидений-банок. В каждой из таких конструкций вторая банка располагалась несколько сзади и выше первой, а третьи были сдвинуты сзади и выше вторых. Чтобы вместить шестьдесят гребцов каждого борта в отведенное для них место, на этом пространстве располагались девятнадцать таких сооружений, отстоящие друг от друга на расстояние примерно в один ярд, а двадцатый блок был установлен так, что верхняя находилась как раз над нижним сиденьем. Такое устройство предоставляло каждому гребцу довольно много места для работы, если он двигался в такт со своими товарищами по несчастью. В общем, все это напоминало строй солдат, идущих в ногу. Блоки сидений можно было умножать, их число ограничивалось только длиной галеры.

Те из гребцов, что занимали первую и вторую банки, гребли сидя. Гребцам третьей банки, работающим с более длинными веслами, приходилось ворочать их стоя, что усугубляло их положение. Вальки[31] весел были залиты внутри свинцом, сами весла подвешены на сыромятных ремнях, проходивших через точку баланса, что делало возможным грести без излишних усилий, но в то же время требовало изрядного умения, поскольку случайная волна могла в любой момент ударить в весло зазевавшегося гребца и вальком сбить его с ног или выбить из сиденья. Каждый из портов для весел представлял собой отверстие, через которое гребцу, сидевшему около него, поступал чистый морской воздух. Свет попадал через решетчатый помост, бывший частью прохода между палубой и фальшбортом. Так что положение этих людей было не самым худшим. Однако трудно сказать, что они наслаждались жизнью. Общаться между собой им не разрешалось. День за днем они проводили на своих скамьях, не произнося ни слова, во время работы даже не видели лиц своих товарищей по несчастью; коротких перерывов в гребле едва

[31] Примечания: 31

Валек — утолщенная часть весла, играющая роль противовеса. Все весло (считая от гребца) состоит из рукояти, валька, веретена, лопасти.

хватало на сон и еду. Они не улыбались; никто никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из них пел. Да и для чего им нужен был дар речи, если стона или вздоха вполне достаточно, чтобы все поняли, какие чувства переживает этот человек? Существование этих несчастных было подобно подземной реке, текущей медленно, выискивая путь наружу.

О Сын Марии! Оружие теперь стало одушевленным! Но это теперь; во дни же, о которых мы повествуем, плен означал только тяжкую и нудную работу на укладке стен, на улицах и в шахтах; галеры же, как военные и торговые, были просто ненасытны. Когда Друилий завоевал своей стране победу в первой морской битве, римляне просто молились на весла, и на долю гребцов выпала слава не меньше, чем на долю моряков. Сиденья гребцов, которые мы с вами сейчас рассматриваем лишь как оборудование корабля, тогда знаменовали собой перемены, пришедшие с завоеваниями, и олицетворяли собой как политику, так и доблесть Рима. На этих сиденьях побывали сыны почти всех наций, выбранные за их силу и выносливость: бритты, ливийцы, киммерийцы. Среди гребцов всегда можно было увидеть скифов, галлов, египтян.

По приговору сюда попадали готы и лангобарды, иудеи, эфиопы и варвары с берегов Меотиды. Потомок эллинов делил сиденье с рыжеволосым гиперборейцем, оливковокожий левантинец — с голубоглазым кимвром.

Работа с веслами не требовала напряжения мысли, она была тяжелой и примитивной. Подавшись корпусом вперед, занести весло для гребка; опустить его лопасть в воду; напрягая все мышцы, сделать гребок — вот и все движения, доведенные многократным повторением до автоматизма. Даже всегдашняя бдительность, необходимая по отношению к морю за бортом, со временем становилась инстинктом, не требующим вмешательства разума. Мало-помалу эти несчастные превращались в животных — терпеливых, вялых, послушных, — с горой мышц и зачаточным сознанием, живущих немногочисленными, но дорогими сердцу воспоминаниями, которые единственно давали им силу выносить страдания.

Часами покачиваясь в своем кресле в такт качке, трибун думал о чем угодно, но только не о рабах, сидящих на банках. Через какое-то время качка эта стала привычной. Тогда трибун стал развлекать себя, наблюдая за рабами. В своей

обычной манере он принялся помечать для себя их недостатки, поскольку среди пиратов, которых он был послан разгромить, можно было найти неплохую замену кое-кому из гребцов.

Никто не знал настоящих имен рабов, отправленных на галеры, как в могилу. Их обычно различали по номерам, написанным краской на тех сиденьях, где им было суждено трудиться. Острый взгляд командующего, переходя с одного из них на другого, остановился было на последней банке левого борта, но потом, притянутый пространством за кормой, перешел на первую скамью первого уровня. Здесь он замедлился и остановился.

Сиденье под номером шестьдесят на пару футов приподнималось над уровнем помоста. Свет, проникающий через решетку, падал на гребца и освещал его фигуру — напряженную, облаченную, как и его товарищи по несчастью, лишь в набедренную повязку. Но он все же чем-то выделялся из остальных. Гребец был очень молод — не старше двадцати лет. Кроме того, Аррий был привержен не только игре в кости. Будучи знатоком и ценителем физического совершенства в людях, он на берегу имел обычай посещать гимназии и наблюдать за упражнениями наиболее

знаменитых атлетов. Эти наблюдения навели его на мысли о том, что если сила в значительной степени определяется количеством и качеством мышц, то превосходство в выполнении тех или иных упражнений требует не только силы, но и ума. Приняв эту доктрину, он, как и большинство людей, имеющих хобби, повсюду искал наглядных подтверждений этому. Однако, несмотря на то что в поисках совершенства трибун довольно часто ощущал позывы остановиться и всмотреться, он редко оставался удовлетворен — и не настолько, как сейчас.

В начале каждого движения весла тело и лицо гребца поворачивались в профиль по отношению к помосту; в конце движения напряженное тело юноши оказывалось почти анфас к трибуну. Простота и изящество движений гребца поначалу вызвали у трибуна сомнения в истинности усилий, прилагаемых для гребка; но вскорости они без следа рассеялись — доказательствами прилагаемой силы послужили устойчивость, с которой весло держалось в руках при его заносе, то, как оно прогибалось при гребке. Эти моменты демонстрировали еще и искусство гребца, что побудило критика, сидящего в большом кресле, усматривать сочетание в рабе силы и ума.

В процессе наблюдения Аррий отметил молодость предмета своего изучения, его совершенное непонимание своей хрупкости. Он также заметил хороший рост юноши, почти совершенную идеальность формы его рук и ног. Руки, возможно, были слегка длинноваты, но этот недостаток прекрасно компенсировали мощные мышцы, бугрившиеся и вздувавшиеся при движениях гребца. На могучем торсе было различимо каждое ребро, но эта худоба смотрелась более здоровой, чем неестественно истощенные тела после тренировок в палестре. В общем, в движениях гребца была совершенная гармония.

Трибун поймал себя на желании более пристально рассмотреть гребца. Голова у того была правильной формы, на мощной, но чрезвычайно гибкой и грациозной шее. Черты лица были явно восточные, тонкость его выражения была явным признаком благородной крови и чувствительной души. Все эти открытия углубили интерес трибуна к объекту своего изучения.

«Клянусь всеми богами, — произнес он про себя, — этот парень произвел на меня впечатление! И я хочу узнать про него все».

В этот момент желание трибуна исполнилось — юноша повернул голову и посмотрел на него.

«Еврей! И совсем мальчишка!»

Под пристальным взглядом, устремленным на него, большие глаза юноши стали еще больше — кровь бросилась ему в лицо — и руки чуть-чуть задержали движение весла. Немедленно кнут хортатора[32] с гневным щелчком опустился на плечи юноши. Тот вздрогнул от боли, отвел взгляд от трибуна и поспешил включиться в общий ритм гребли. Через несколько мгновений он украдкой бросил еще один взгляд на трибуна — и был более чем удивлен, встретив добродушную улыбку.

Галера тем временем вошла в Мессинский пролив, затем, миновав траверз города, давшего название проливу, и пройдя еще какое-то расстояние, повернула к востоку, оставив курящуюся Этну за кормой.

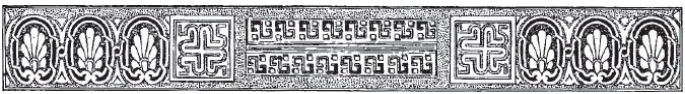
Вернувшись с мостика на свое возвышение в кают-компании, Аррий снова принялся изучать гребца, не переставая повторять про себя: «У парня есть дух. Этот еврей отнюдь не варвар. Я узнаю о нем все».

---

[32] Примечания: 32

Хортатор — начальник гребцов на галере *(лат.).*

Глава 3
Аррий и Бен-Гур на палубе

На четвертый день плавания «Астрея» — такое имя носила галера — шла по волнам Ионического моря. Погода стояла ясная, устойчивый попутный ветер, казалось, нес с собой благословение богов.

Так как представлялось возможным догнать флот до того, как он прибудет к заливу острова Цитера, где была назначена встреча, Аррий, все более нетерпеливый, много времени проводил на палубе. Он делал для себя пометки, касающиеся различных сторон судовой жизни, и, как правило, оставался удовлетворенным. Сидя в кают-компании и покачиваясь в своем большом кресле, он постоянно возвращался в мыслях к гребцу под номером шестьдесят.

— Ты знаешь парня, который только что поднялся с банки? — наконец спросил он у хортатора.

— С номера шестьдесят? — переспросил тот.

— Да.

Надсмотрщик проводил взглядом гребца, в этот момент пробиравшегося вперед.

— Как вы знаете, — ответил он, — корабль спущен на воду всего месяц назад. Я еще не всех знаю.

— Он явно еврей, — заметил Аррий.

— Благородный Квинт наблюдателен, — почтительно поклонился надсмотрщик.

— И очень молод, — продолжал Аррий.

— Тем не менее — наш лучший гребец, — заметил его подчиненный. — Гребет так, что весло едва ли не ломается.

— А как ведет себя?

— Послушен; это все, что я о нем могу сказать. Однажды обращался ко мне с просьбой.

— О чем?

— Просил, чтобы я пересаживал его время от времени с правого борта на левый и обратно.

— Зачем?

— Он заметил, что люди, которые постоянно работают на одном борту, становятся кривобокими. Он еще сказал, что когда-нибудь, в штормовую погоду или во время боя, может внезапно возникнуть необходимость пересадить гребца с одного борта на другой, и тогда такой человек не сможет

грести.

— Perpol! Свежая мысль. Что еще ты замечал за ним?

— Он чище других.

— В этом он римлянин, — одобрительно кивнул головой Аррий. — Ты знаешь, как он здесь очутился?

— Не имею понятия.

Трибун некоторое время задумчиво помолчал, а потом повернулся, направляясь к своему креслу.

— Если я буду на палубе, когда его смена закончится, — на ходу произнес он, — пошли его ко мне. Я хочу поговорить с ним наедине.

Два часа спустя Аррий стоял у аплюстры галеры, пребывая в состоянии человека, который понимает, что судьба стремит его к событию чрезвычайной важности, но может только ждать исхода, — в том состоянии, когда владеющий собой человек остается спокойно-холодным и даже может исполнять свои обязанности. Рулевой держал руку на тросе управления рулевыми веслами. Несколько моряков спали прямо на палубе в тени паруса, на рее устроился дозорный. Взглянув на нос корабля, чтобы проверить курс, Аррий увидел приближающегося гребца.

— Мой начальник назвал тебя благородным

Аррием и сказал, что ты желаешь меня видеть. Я прибыл.

Аррий остановил восхищенный взгляд на юноше — высоком, жилистом, с блестящей на солнце кожей, под которой струилась густая красная кровь, — и представил себе, как бы тот смотрелся на арене. Манера поведения юноши произвела на него впечатление: в голосе гребца чувствовалось, что по крайней мере часть жизни он провел в изысканном обществе; большие чистые глаза смотрели скорее с любопытством, чем с вызовом. Под пристальным, упорным, требовательным взглядом трибуна, устремленным на него, лицо гребца осталось все тем же привлекательным юношеским лицом. Ничто — ни упрек, ни затаенная угроза — не портило это лицо, лишь давно рожденное сожаление наложило на него свой отпечаток, подобный отпечатку времени на поверхности картины. Невольно отражая произведенное на него впечатление, римлянин заговорил с гребцом как старший с младшим, а не как господин со слугой.

— Хортатор сказал мне, что ты его лучший гребец.

— Он чересчур высокого обо мне мнения, — ответил юноша.

— Ты уже долго этим занимаешься?

— Около трех лет.

— И все за веслом?

— Я не припомню дня, проведенного без него.

— Это тяжелая работа; мало кто выносит год, не ломаясь, а ты — ты ведь совсем молод.

— Благородный Аррий забывает, что дух гораздо больше способствует стойкости. С его помощью слабые выживают там, где ломаются сильные.

— Судя по твоей манере говорить, ты еврей.

— Мои предки были евреями задолго до первых римлян.

— Упрямая гордость твоей расы не пропала в тебе.

— Гордость нигде не говорит так громко, как в цепях.

— Но какие у тебя основания для гордости?

— То, что я еврей.

Аррий улыбнулся.

— Мне не довелось бывать в Иерусалиме, — произнес он, — но я слышал о правителях этого города. Я даже знавал одного из них. Он был купцом и плавал по морям. Вот кто воистину был рожден царем! А что выпало на долю тебе?

— Я должен отвечать тебе со скамьи раба. Так что моя доля — доля раба. Мой отец был одним из

правителей Иерусалима и в качестве купца много времени проводил в поездках. Его знали, и ему воздавали почести при дворе великого Августа.

— Его имя?

— Итамар из рода Гуров.

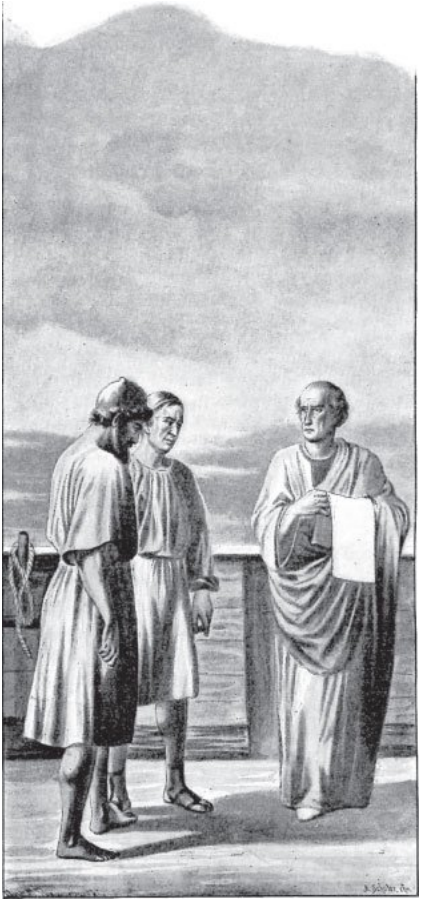
Трибун в удивлении даже взмахнул рукой:

— Ты — сын Гура? — Немного помолчав, он спросил: — Как ты оказался здесь?

Иуда опустил голову, грудь его тяжело вздымалась под наплывом обуревавших его чувств. Справившись с ними, он посмотрел в лицо трибуну и ответил:

— Меня обвинили в попытке покушения на Валерия Грата, прокуратора.

— Тебя! — в еще большем удивлении воскликнул Аррий и даже отступил на шаг назад. — Так это ты! Об этой истории толковал весь Рим. Я услышал ее, когда мой корабль стоял на реке около Лодинума.

Трибун и раб обменялись молчаливыми взглядами.

— Я думал, что род Гуров исчез с лица земли, — первым нарушил молчание Аррий.

Поток милых сердцу воспоминаний унес гордость молодого человека; на глаза его навернулись слезы.

— О мама, мама! И моя маленькая Тирца! Где они? О трибун, благородный трибун, если ты знаешь что-нибудь о них, — юноша молитвенно сложил руки, — скажи мне все, что ты знаешь. Скажи мне, если они живы… если они живы, то где они? Что с ними? Молю тебя, расскажи мне все!

Протягивая к трибуну вытянутые в мольбе руки, он даже коснулся ими складок белоснежной тоги.

— Уже три года я помню этот ужасный день, — продолжал он. — Три года, о трибун, и каждый час был для меня целой жизнью, проведенной в страданиях, — целой жизнью в бездонной бездне со смертью, от которой спасала только работа! И за все это время — ни единого слова от кого бы то ни было, ни слова, ни даже шепота! О, если бы я мог только забыть, я бы непременно забыл! Если бы я только мог забыть эту сцену — как от меня

отрывают мою сестру, последний взгляд моей матери! Меня касалось дыхание чумы; я побывал в сражениях; я слышал, как буря волнует море, и я смеялся, когда все остальные молились: смерть была бы мне облегчением. В тот день, чтобы спастись от погони, я греб так, что весло едва не ломалось. Самая малость могла бы помочь мне. Скажи мне, что они мертвы, если их нет; потому что они не могут быть счастливы, если потеряли меня. Ночами до меня доносились их голоса; я видел, как их тени бродят по волнам. Моя мать так любила меня! А Тирца — ее дыхание было нежнее белых лилий, она была подобна молодому побегу пальмы — так свежа, так нежна, так грациозна и прекрасна! Каждый день рядом с ней был для меня праздником. Она входила и уходила при звуках музыки. Я…

— Ты признал свою вину? — сурово прервал его Аррий.

При этих словах трибуна в юноше произошла удивительная перемена, резкая и мгновенная. Голос его посуровел, пальцы рук сжались в кулаки, все мышцы напряглись, глаза метали молнии.

— Ты наслышан о Боге отцов моих, — сказал он, — о всемогущем Иегове. Клянусь Его правдой и всемогуществом, клянусь любовью, которой Он

одарил Израиль от начала времен, клянусь, что я невиновен!

Трибун был явно тронут словами юноши.

— О благородный римлянин! — продолжал Бен-Гур. — Хоть немного поверь мне и пролей свет в глубину моей тьмы!

Аррий принялся мерить шагами палубу.

— Разве над тобой не было суда? — внезапно остановившись, спросил он.

— Нет!

Римлянин в удивлении вскинул голову:

— Нет суда — нет и обвинения! Кто же принял решение о твоей судьбе?

Римляне, следует помнить, никогда не были столь привержены закону и формам его отправления, как во времена своего упадка.

— Меня связали и бросили в подвал башни. Я никого не видел. Никто со мной не говорил. На следующий день солдаты отвели меня к побережью. С тех пор я и стал галерным рабом.

— У тебя были какие-нибудь доказательства своей невиновности?

— Я был еще мальчишкой, слишком юным для каких-нибудь заговоров. Грат был совершенно незнаком мне. Если бы я хотел убить его, то выбрал бы другое время и место. Стоял самый разгар

дня, он ехал под защитой целого легиона солдат. Я не смог бы убежать. К тому же люди моего класса более других расположены к Риму. Мой отец отличился на службе императору. У нас было что терять, мы владели большим состоянием. Пострадал бы не только я, но и моя мать, и моя сестра. У меня не было причин для злого умысла по всем соображениям: собственность, семья, вся моя жизнь, совесть, закон — а это для сына Израиля больше жизни — удержали бы мою руку, даже если бы шальная мысль и пришла мне в голову. Я же не безумец. Я бы предпочел смерть позору; поверь мне, я до сих пор молю ее прийти ко мне.

— Кто был с тобой, когда был нанесен удар?

— Я стоял на крыше дома — дома моего отца. Со мной была Тирца — совсем рядом со мной, добрая душа. Мы с ней вместе перегнулись через парапет и смотрели, как марширует легион. Под моей рукой от парапета оторвалась плитка и упала на Грата. Мне показалось, что я убил его. Какой же ужас я испытал!

— А где была твоя мать?

— В своей комнате под нами.

— Что с ней стало?

Бен-Гур стиснул руки и еле сдержал готовый вырваться стон.

— Я не знаю. Я видел, как солдаты оттащили ее от меня, — это все, что я знаю. Потом они выгнали всех, кто жил в доме, даже скотину, и опечатали ворота для того, чтобы никто не мог в него вернуться. Я спрашивал про нее. Уж она-то, во всяком случае, невиновна. Я мог бы простить… О, прошу прощения, благородный трибун! Не подобает рабу вроде меня говорить о прощении или о мести. Я обречен ворочать веслом до конца жизни.

Аррий внимательно слушал юношу. Он призывал себе на помощь весь свой опыт обращения с рабами. Если эта история была выдумкой, призванной разжалобить его, то игру следовало признать превосходной; с другой стороны, если это было правдой, то в невиновности еврея не было никаких сомнений; а если он был невиновен, то слепой гнев не делал чести властям. Целая семья поплатилась своим существованием во искупление простой случайности! Мысль эта возмущала его.

В пользу молодого человека говорило много обстоятельств, и над некоторыми из них стоило задуматься. Может быть, Аррий знавал Валерия Грата и не испытывал к нему никакой симпатии. Возможно, ему доводилось знать и старшего Гура. Взывая к трибуну, Иуда спрашивал его об этом

и, как можно заметить, не получил никакого ответа.

Трибун не знал, как ему поступить, и явно колебался. Власть его была велика. На судне он был единоличным властителем. Вся его натура склоняла его к милосердию. Доверие его было завоевано. И все же, сказал он себе, спешить не следовало — по крайней мере до тех пор, пока не придем в Киферу; без лучшего гребца не обойтись; а пока что следовало повременить и узнать как можно больше. Во всяком случае, ему следует убедиться, что это и в самом деле Бен-Гур и все сказанное им — правда. Обычно рабы склонны ко лжи.

— Довольно, — вслух произнес он. — Ступай на свое место.

Бен-Гур поклонился, еще раз взглянул в лицо своего господина, но не увидел в нем ничего, дающего повод к надежде. Помедлив, он произнес:

— Если ты снова вспомнишь обо мне, о трибун, то пусть в твоей памяти всплывет одно: что я молил всего лишь дать мне знать о моей семье — матери и сестре.

С этими словами он направился к своему месту.

Аррий проводил его восхищенным взглядом.

«Perpol! — думал он. — Если его обучить, как бы он смотрелся на арене! Какой бы он был колесничий! Клянусь всеми богами! В такую бы руку да меч!»

— Постой! — бросил он вслед юноше.

Бен-Гур остановился, и трибун подошел к нему.

— Если бы ты был свободен, что бы ты стал делать?

— Благородный Аррий шутит надо мной! — трясущимися губами произнес Иуда.

— Нет, клянусь богами, что не шучу!

— Тогда я охотно отвечу. Я посвятил всего себя, чтобы выполнить свой первейший долг в жизни. Не думал бы ни о чем другом. Не знал бы ни сна, ни отдыха до тех пор, пока моя мать и Тирца не вернулись бы домой. Сделал бы все, чтобы они были счастливы. Они много потеряли, но, клянусь богами своих отцов, я дал бы им куда больше!

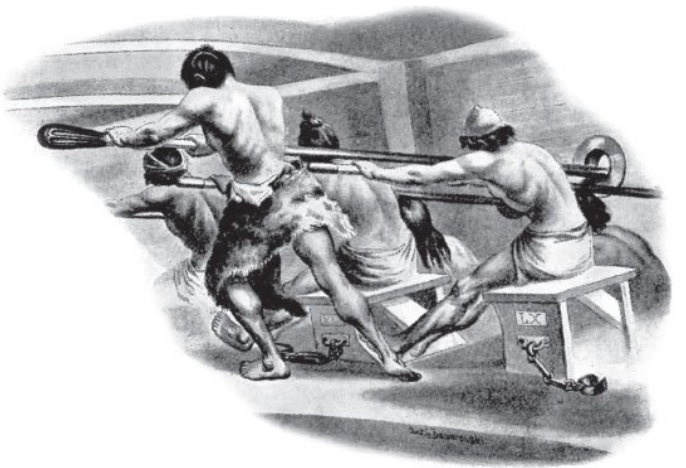
Ответ этот был совершенно неожиданным для римлянина, он даже на мгновение потерял нить разговора.

— Я говорю о твоих жизненных планах, — продолжал он, придя в себя. — Если бы оказалось, что твои мать и сестра умерли или пропали без вести, что бы ты стал делать?

Лицо Бен-Гура заметно побледнело, он отвернулся от трибуна и посмотрел в море. В его душе явно боролись какие-то сильные чувства; совладав с собой, он снова повернулся к трибуну.

— Какое занятие в жизни я бы выбрал? — переспросил он.

— Да.

— Трибун, я отвечу тебе совершенно искренне. Вечером накануне того ужасного дня, о котором я тебе рассказал, я получил разрешение стать солдатом. Я и теперь думаю точно так же; и даже если бы во всем мире была бы одна-единственная военная школа, я бы направился туда.

— Палестра! — воскликнул Аррий.

— Нет, римский лагерь.

Хозяин не может, не рискуя, давать советы рабу. Аррий осознал свою неосторожность и тут же сменил тон и манеру разговора.

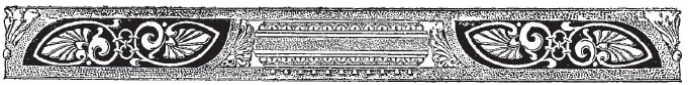
— Теперь ступай на место, — сказал он, — и не думай, что от нашего разговора ты извлек какую-то выгоду. Может быть, тебе всего лишь удалось меня позабавить. Или… — он задумчиво отвел взгляд в сторону, — или, если ты питаешь на это какую-то надежду, сделай выбор между славой гладиатора и солдатской службой. Первое может принести тебе расположение императора, второе же ничего тебе не даст. Ты не римлянин. Ступай!

Через пару минут Бен-Гур снова занял свое место на скамье.

Работа никогда не в тягость мужчине, если на сердце у него легко. Иуда даже не замечал весла в своих руках. В сердце его теплилась надежда. Предупреждение трибуна — «Может быть, тебе

всего лишь удалось меня позабавить» — хотя и всплывало у него в памяти, но тут же забывалось. То, что его призвал к себе могущественный человек, велевший рассказать о себе, было подобно хлебу, которым он питал свою изголодавшуюся душу. Без всякого сомнения, за этим должно было последовать что-то хорошее. Надежда витала над ним, и он молился про себя: «О Боже! Я верный сын Израиля, возлюбленного Тобой! Помоги же мне, молю Тебя!»

Глава 4
Номер шестьдесят

К востоку от Киферы, в заливе Антемона, собралась сотня галер. Одни сутки трибун полностью посвятил их осмотру. Затем флот снова поднял паруса и перебрался к Наксосу, самому большому острову Циклад, лежавшему на полпути между побережьем Греции и Азией подобно большому камню посередине торной дороги. Оттуда флот мог в любое время сняться с якорей и двинуться на пиратов, появись те на просторах Эгейского моря или где-либо в Средиземноморье.

Пока флот в походном порядке двигался к скалистым побережьям острова, с флагмана была замечена галера, шедшая с севера. Аррий скомандовал следовать наперерез ей. Галера оказалась грузовым судном, следующим из Византии, и от ее капитана он получил сведения, в которых чрезвычайно нуждался.

Пиратами были заполнены все дальние берега

Понта Эвксинского[33]. Среди них были даже жители Танаиса[34], города, лежащего в устье реки с тем же названием, которая, как считалось, питает водой Меотийское болото[35]. Они готовились к большому походу. Первые сведения об их действиях поступили, когда пираты появились у Босфора Фракийского, разгромив базировавшийся там флот. После этого все, что стояло на плаву у Геллеспонта, сдалось им на милость. В эскадре насчитывалось до шестидесяти галер, хорошо снаряженных и укомплектованных. Лишь несколько судов были биремами, все остальные мощными триремами[36]. Командовал эскадрой грек, рулевыми почти всех судов тоже были греки, знающие, по слухам, все восточные моря. Трофеи пиратов было невозможно подсчитать. Паника охватила не только плавающих по морям; все прибрежные города заперли свои ворота и выставили на стенах усиленные караулы. Мор-

---

[33] Примечания: 33
Понт Эвксинский — античное название Черного моря.

[34] Примечания: 34
Танаис — античное название реки Дон.

[35] Примечания: 35
Меотийское болото — античное название Азовского моря.

[36] Примечания: 36
Бирема — судно с двумя рядами весел, *трирема* — с тремя рядами.

ская торговля почти прекратилась.

Но где были пираты в настоящий момент?

На этот вопрос, больше всего интересовавший Аррия, он тоже получил ответ.

После разграбления Гефестии, города на северном берегу острова Лемнос, пиратская армада взяла курс на Фессалию и, по последним данным, скрылась в многочисленных бухточках между Эвбеей и Элладой.

Таковы были известия.

Затем жители острова, собравшиеся на вершинах прибрежных холмов, чтобы поглазеть на редкое для них зрелище сотни кораблей, собранных в единую эскадру, увидели, как передовое соединение неожиданно повернуло на север, ведя за собой остальные корабли. Слух о появлении пиратов уже дошел до этих мест, и теперь, провожая взглядом белые паруса, тающие в морской дымке за Спросом, островитяне испытывали облегчение и благодарность. Те области, которые захватывала мощная рука Рима, могли надеяться на ее защиту: в обмен на налоги она обеспечивала их безопасность.

Трибуна более чем устраивали передвижения пиратов; Фортуне же он был благодарен вдвойне. Она, несомненно, проявила свое благоволение к

нему, заманив его врагов в те воды, где их поражение было наиболее вероятно. Он представлял себе, какое опустошение может натворить даже одна-единственная галера на широких морских просторах Средиземного моря и каковы трудности, связанные с ее обнаружением и преследованием. Он также понимал, какую славу принесет ему быстрое обнаружение и сокрушение одним ударом всей пиратской эскадры.

Если читатель возьмет карту Греции и Эгейского моря, он, безусловно, обратит внимание на остров Эвбея, вытянувшийся вдоль побережья подобно крепостному валу, защищающему его от Азии. Остров этот оставляет между собой и континентом пролив ста двадцати миль в длину и едва ли восьми миль шириной. Через северный вход в пролив когда-то вошел флот Ксеркса, теперь же через него ворвались наглые разбойники с просторов Понта. Города вдоль берегов пролива были богаты, нападение на них сулило изрядную добычу. Поэтому, приняв во внимание все эти обстоятельства, Аррий пришел к выводу, что грабители могут быть обнаружены где-нибудь в районе Фермопил. Собираясь воспользоваться столь редкой удачей, он принял решение окружить их с юга и с севера. Для осуществления

этого плана нельзя было терять ни часа; поэтому оставалось лишь послать прощальный привет фруктам, вину и женщинам, которыми славился остров Наксос. Эскадра не останавливаясь шла под парусами и на веслах, пока незадолго до наступления ночи на горизонте не проступил конус горы Охи. Штурман доложил о приближении побережья Эвбеи.

По команде были спущены паруса, и флот стал двигаться только на веслах. Аррий возглавил флотилию из пятидесяти галер, которые он повел вверх по проливу. Другая половина эскадры направила свои ростры в обход Эвбеи, к северному входу в пролив, имея приказ как можно скорее достичь его и двигаться навстречу первой.

Сказать по правде, в таком разделении флота был определенный риск — каждая половина эскадры уступала по численности флотилии пиратов. Но недостаток численности компенсировался многими преимуществами, не последним из которых была строжайшая дисциплина, которой не было и не могло быть в стане разбойников. Кроме того, в пользу трибуна было еще и то обстоятельство, что если бы половина римского флота, первой столкнувшаяся с пиратами, была против ожидания разбита, то в бою она неизбежно нанес-

ла бы изрядный урон противнику, потрепанный флот которого не смог бы устоять против другой половины флота римлян.

Тем временем Бен-Гур продолжал грести, сменяясь каждые шесть часов. Отдых на остановке в заливе Антемона вернул ему силы, так что весло живо ходило в его руках, а надсмотрщик на помосте не имел надобности пускать в ход свой кнут.

Люди обычно не ценят чувства спокойствия, которое дает знание своего местоположения или направления своего движения. Ощущение затерянности в пространстве может свести с ума; но еще хуже человеку, слепо влекомому в неизвестном направлении. Каторжная работа не притупила еще чувства Бен-Гура. Наваливаясь на весло, час за часом, порой несколько дней и ночей подряд, чувствуя легкий бег галеры по морским волнам, он все время жаждал знать, где он находится и куда направляется. Теперь же чувство это еще более обострилось благодаря надежде, рожденной в его сердце после разговора с трибуном. Чем меньше остается в душе терпения, тем страстнее разгорается желание; то же самое происходило сейчас и с Бен-Гуром. Ему казалось, что он слышит каждый звук на борту корабля, и он прислушивался к каждому

звуку, словно это был трубный глас, вещающий ему свыше. Порой он часами не отрывал взора от решетчатого настила над головой и по солнечному свету, малая толика которого доходила до него, старался что-то узнать, неведомо что. Много раз он ловил себя на том, что вот-вот был готов заговорить с надсмотрщиком на помосте, что, конечно, несказанно удивило бы того.

За годы своей работы на галерах, наблюдая положение и передвижение жиденьких лучей солнца по палубному настилу, он научился приблизительно определять, в какую сторону горизонта корабль держит курс. Такое, разумеется, было возможно лишь при ясной погоде, которую судьба милостиво послала сейчас трибуну. Опыт не изменил юноше на всем пути после отбытия от Киферы. Считая, что они направляются к давно оставленной им родине, он был особо чувствителен к каждому изменению курса. Острейшей болью в его душе отозвался поворот корабля на север, произошедший неподалеку от Наксоса. О причине этого он мог строить только догадки — следует помнить, что вместе со своими товарищами по несчастью он не знал ничего о ситуации и не испытывал никакого интереса к плаванию. Место его было у весла, с которым он оставался

неразлучен, вне зависимости от того, шли ли они под парусом или стояли на якоре. Только однажды за все три года ему удалось увидеть море с палубы корабля. Обстоятельства этого мы уже знаем. Он представления не имел о том, что в кильватере корабля, который он приводит в движение своим веслом, в строгом походном порядке следует мощная флотилия. Ничего не знал он и о том, какое дело им предстоит выполнить.

Когда лучи солнца, опускавшегося к горизонту, исчезли с палубного настила, галера по-прежнему двигалась на север. Сгустилась ночная тьма, но Бен-Гур все не чувствовал изменения курса. Еще чуть позже по проходу, разделявшему гребцов правого и левого бортов, с палубы поплыл запах фимиама.

«Трибун служит у алтаря, — подумал он. — Неужели нам предстоит битва?»

Он стал присматриваться еще внимательней.

Бен-Гур уже побывал во многих сражениях, не видев ни одного из них. Со своей скамьи он наслышался звуков боя, идущего сверху и рядом с ним, пока не выучил все его ноты подобно певцу, знающему наизусть исполняемую им песнь. Таким же образом он узнал многое из того, что предшествует сражению. Среди всех приготовле-

ний совершенно неизбежным как среди римлян, так и среди греков было жертвоприношение богам. Эти ритуалы были для юноши грозным предзнаменованием.

Битва, за которой, возможно, ему предстояло наблюдать, имела бы для него и его товарищей по несчастью особое значение, отличное от того, что она значила для моряков и солдат. В случае поражения римлян рабов, если они выживут, ждала бы, возможно, свобода, но уж во всяком случае у них появился бы другой хозяин, который мог оказаться лучше прежнего.

В урочный час, когда были зажжены и повешены у трапа масляные светильники, трибун спустился с палубы. По его приказу солдаты облачились в доспехи. Опять-таки по его приказу были осмотрены боевые машины, а копья, дротики и стрелы, собранные в большие пуки, разложены вдоль бортов вместе с амфорами с легковоспламеняющимся маслом и корзинами с комками ваты, пропитанной воском. А когда Бен-Гур наконец увидел, что трибун поднимается на свой помост, облаченный в кирасу и шлем, со щитом в руках, у него уже не осталось никаких сомнений в предназначении всех этих приготовлений, и он внутренне приготовился снова

пережить последнее унижение перед битвой.

К каждой из скамей было намертво прикреплено одно приспособление — цепь с кандалами для ног. Именно их хортатор и принялся застегивать на лодыжках гребцов, переходя от одного к другому, не оставляя им никакого выбора, кроме как только повиноваться приказам, а в случае крушения — никакого шанса на спасение.

Тут же в воздухе повисла напряженная тишина, нарушаемая только звуками весел, вращающихся на ременных подвесках. Каждый из гребцов, сидящих на скамьях, испытывал в этот момент жгучий стыд, а Бен-Гур переживал это еще острее своих товарищей по несчастью. Он, если бы мог, охотно заплатил любую цену, только чтобы избавиться от такого позора. Звон кандалов возвестил ему, что очередь скоро дойдет и до него. Надсмотрщику оставалось заковать еще двух гребцов; но, может быть, трибун вмешается и избавит его от этого унижения?

Наш читатель вполне может счесть подобную мысль проявлением тщеславия или эгоизма, но именно она в этот момент полностью завладела всем существом Бен-Гура. Он страстно надеялся, что римлянин вмешается; во всяком случае, обстоятельства давали шанс прояснить чувства

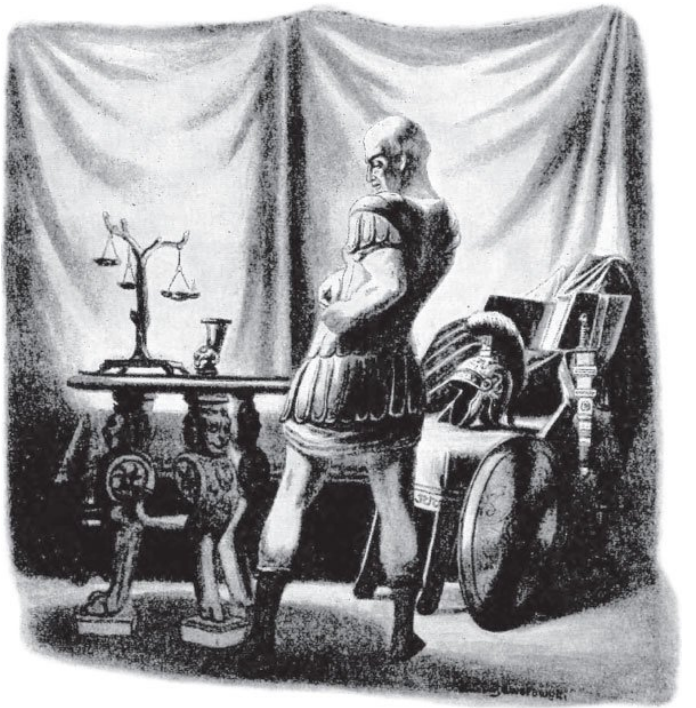
этого человека и его отношение к Бен-Гуру. Если, занятый мыслями о предстоящем сражении, он все-таки уделит внимание ему — это будет доказательством того, что он скрыто возвышен над своими товарищами по несчастью, и подобное доказательство оправдает надежду.

Бен-Гур с нетерпением ждал. Время, казалось, замедлило свой бег. Наваливаясь на весло, он бросал взгляд в сторону трибуна, который, закончив свою подготовку к сражению, вытянулся на лежанке с явным намерением отдохнуть, в то время как номер шестьдесят проклинал себя, угрюмо смеялся над собой и запрещал себе смотреть в ту сторону.

Надсмотрщик приблизился. Он уже возился с гребцом номер один — звон оков был просто ужасен. Но вот хортатор выпрямился и подошел к нему. Сгорая от стыда и отчаяния, Бен-Гур придержал весло и приподнял ногу, протягивая ее надсмотрщику. В этот момент трибун зашевелился, сел на лежанке и сделал знак надсмотрщику подойти к нему.

Надежда охватила иудея. Стоя рядом с надсмотрщиком, вельможа смотрел на него. Бен-Гур не слышал ни слова из тех, которыми обменялись трибун и надсмотрщик. Ему было вполне достаточно того, что цепь, звякнув втуне, свернулась у его скамьи, а хортатор, вернувшись на свое обычное место, принялся бить в деревянный барабан, несколько ускоряя темп гребли. Никогда еще звуки ударов молота не казались ему слаще музыки. Изо всех сил налегая на залитый свинцом валек, он греб с такой силой, что веретено весла сгибалось, едва не ломаясь.

Задав новый темп гребли, хортатор подошел к

трибуну и, улыбаясь, кивнул головой в направлении номера шестьдесят.

— Силен парень! — сказал он.

— И какой характер! — ответил трибун. — Perpol! Без оков он будет еще лучше. Не надевайте их больше на него.

Сказав это, он снова вытянулся на лежанке.

Час за часом корабль разрезал форштевнем воду, слегка волнуемую ветром. Свободные от вахт спали — Аррий на своем возвышении, солдаты прямо на палубе.

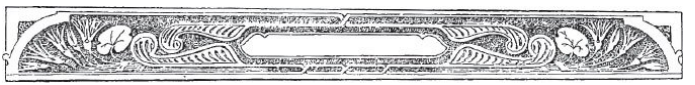
Бен-Гур сменился раз и другой, но сон не шел к нему. Впервые за три года солнечный лучик надежды прорезал мрак его положения. Так потерпевший кораблекрушение вдруг ощущает под своей ногой земную твердь, так мертвые воскресают к новой жизни. В такие часы не до сна. Надежда имеет дело только с будущим; настоящее и прошедшее всего лишь слуги, которые служат ему. Рожденная благосклонностью трибуна надежда унесла его на своих крыльях в необозримую даль будущего. Радость его была столь полной, столь совершенной, что в ней не было места для мести. Мессала, Грат, Рим и все горькие страстные воспоминания, связанные с ними, были всего лишь миазмами земли, над

которой он вольно парил, вслушиваясь в музыку сфер.

Над водами сгустился мрак, особенно плотный перед рассветом, а «Астрея» по-прежнему спокойно разрезала волны, когда человек, спустившийся с палубы, быстро подошел к помосту, на котором на лежанке спал Аррий, и разбудил его. Тот вскочил с ложа, надел на голову шлем, взял меч и щит и подошел к офицеру, командовавшему солдатами.

— Пираты уже близко. Поднимайтесь и будьте готовы! — произнес он и поднялся по трапу, спокойный и уверенный в себе.

Глава 5
Морской бой

Все, кто находился на борту корабля, даже, казалось, сам корабль, встрепенулись. Офицеры разошлись по своим постам. Солдаты разобрали оружие и под предводительством своих офицеров заняли места около бортов. Связки стрел и охапки дротиков были вынесены на палубу. У центральных трапов расставили амфоры с легковоспламеняющимся маслом и корзины с зажигательной ватой. Зажглись дополнительные фонари. Были наполнены водой ведра для тушения возможных пожаров. Смена отдыхающих гребцов под охраной нескольких солдат была размещена перед возвышением для старшего надсмотрщика. Не иначе как благодаря самому Провидению среди них оказался и Бен-Гур. Над своей головой он слышал шум последних приготовлений — матросы свертывали парус, раскладывали сети, раскрепляли боевые маши-

ны, навешивали на борта защитные пластины из буйволовой кожи. Через некоторое время на галере снова воцарилась тишина, но теперь наполненная смутным страхом и ожиданием, что в переводе означало: готовы.

По сигналу, поступившему с палубы и переданному хортатору одним из младших офицеров, стоявшим на трапе, все весла прекратили грести.

Что это значило?

Никто из ста двадцати рабов, прикованных к своим скамьям, не задавал себе этого вопроса. У них просто не было для этого стимула. Патриотизм, честолюбие, чувство долга были для них пустым звуком. Они испытывали ужас людей, беспомощных и слепых, несущихся навстречу неведомой опасности. Даже самый недогадливый из них думал сейчас, держа на весу свое весло, что может произойти со всеми ними, но безо всякой надежды: победа бы только укрепила их узы, если же корабль был обречен морской пучине или огню, то и все они погибли бы с ним.

О противнике они не могли даже спрашивать. Да и кто были их противники? Что, если это их друзья, братья, соплеменники? Читатель сам может судить о надежности тылов римлян по

необходимости ввиду таких ситуаций приковывать беспомощных людей к корабельным банкам.

Но, однако, для подобных рассуждений оставалось не так уж много времени. Слух Бен-Гура привлек звук с кормы, похожий на плеск воды от идущей на веслах галеры, и «Астрея» покачнулась, словно на встречной волне. Он понял, что весь флот, идущий вместе с ними, маневрирует, выстраиваясь для атаки. При одной мысли об этом кровь закипела у него в жилах.

С палубы поступила новая команда. Весла дружно загребли воду, галера двинулась вперед. Ни звука не доносилось снаружи или изнутри корабля, но каждый человек под палубой инстинктивно готовился к удару. Казалось, сам корабль обрел разум и, сдерживая дыхание, потигриному подбирался к врагу.

В подобной ситуации чувство восприятия времени теряется; поэтому Бен-Гур не мог представить себе, какое расстояние прошел корабль. Внезапно сверху, с палубы, донесся звук труб — звучный, ясный, долгий сигнал. Старший надсмотрщик ударил в барабан, гребцы навалились на весла и, глубоко погружая их в воду, мощно загребли, послав корабль вперед всей своей

объединенной энергией. Галера, дрожа каждым своим шпангоутом, рванулась вперед. Другие трубы внесли свою долю в общий шум — все прозвучали с кормы, с носа же донесся только резкий вскрик многих голосов, в суматохе едва услышанный. Затем корабль содрогнулся от мощного удара. Гребцы, собранные перед помостом старшего надсмотрщика, пошатнулись, кое-кто из них упал. Корабль осел на корму, выровнялся и снова рванулся вперед. Крики испуга раздались снова, перекрывая звуки труб, треск и скрежет ломающегося такелажа. Затем из-под ног, из-под киля корабля донеслись треск, скрежет, бульканье. Бен-Гур почувствовал, как что-то тормозит ход судна, а потом уходит вниз. Люди вокруг него в страхе смотрели друг на друга. Победные крики донеслись с палубы — боевой таран римлян вновь принес им победу. Но кто были те, кого поглотила морская пучина? На каком языке они разговаривали, каким молились богам?

Ни заминки, ни остановки! «Астрея» снова рванулась вперед, несколько матросов сбежали по трапам вниз и, окунув ватные комки в масло, передали их своим товарищам наверху. Теперь было нужно только поднести к ним пламя, доба-

вив новые огненные штрихи к ужасам битвы.

Почти тотчас же галера накренилась так, что гребцы на самых верхних банках с трудом смогли удержаться на своих местах. Снова с палубы донеслись победные возгласы римлян и тут же отчаянные крики. Неприятельский корабль, схваченный крюками с большой стрелы, укрепленной на баке, был поднят в воздух, опрокинут и потоплен.

Все усиливающиеся крики слева, справа, сзади и спереди слились в один гул, в котором было не различить отдельных голосов. Время от времени громкий треск судового корпуса, сопровождаемый криками ужаса, возвещал о том, что еще один корабль идет на дно, а его экипаж тонет в затягивающем водовороте.

Несли потери и римляне. То и дело матросы спускали по трапу тела облаченных в доспехи римских солдат и укладывали их, истекающих кровью, а то и умирающих, на настил на дне корабля. Порой в горловины люков порывом ветра заносило клубы дыма, смешанного с паром и отвратительным запахом горелого человеческого мяса, превращавшие полумрак в желтоватый туман. Жадно хватая ртом воздух, Бен-Гур знал, что в этот момент они проходили мимо охва-

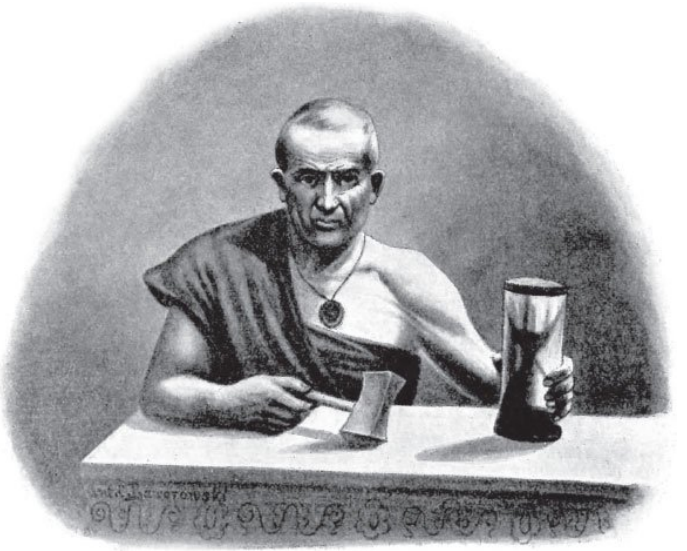
ченного пламенем корабля, гребцы которого, прикованные к своим скамьям, сгорали сейчас вместе с судном.

«Астрея» все время была в движении. Но вдруг она резко остановилась. Весла передних гребцов были выбиты у них из рук, сами гребцы сильным ударом сброшены со своих банок. По палубе затопало множество ног, а от борта донесся скрежещущий звук трения двух судов борт о борт. Впервые за все время стук молотка, отбивающего ритм гребли, потонул в шуме и гаме. Люди в страхе бросились на настил, иные принялись искать, куда бы можно было спрятаться. В разгар паники сквозь отверстие люка по трапу свалился убитый, упав совсем недалеко от Бен-Гура. Юноша всмотрелся в полуобнаженное тело под щитом из плетеного каркаса, обтянутого толстой бычьей кожей, спутанные пряди волос закрывали лицо. Перед ним лежал мертвый варвар белокожего северного народа, которого смерть лишила возможности чинить разбой. Как он оказался здесь? Выходит, «Астрея» взята на абордаж? И римляне сражаются на своей собственной палубе? Страх охватил юного еврея — там, наверху, Аррию приходится сражаться за свою собственную жизнь. Что, если он будет убит? О Бог Авраама!

Те мечты и надежды, родившиеся в его душе совсем недавно, так и останутся только мечтами и надеждами? Мать и сестра, родной дом, Святая земля — он так и не увидит их после всех испытаний? Чувства его всколыхнулись; он оглянулся вокруг: под палубой царил совершенный хаос — гребцы на банках застыли от ужаса, люди бегали взад и вперед, лишь старший надсмотрщик невозмутимо сидел на своем месте, тщетно отбивая ритм гребли и ожидая приказов трибуна, как олицетворение непревзойденной дисциплины, которая завоевала весь мир.

Этот пример произвел впечатление на Бен-Гура. Он собрался и обрел способность мыслить. Честь и долг обязывали римлянина оставаться на своем месте на помосте, но что ему самому до подобных вещей? Скамья гребца не заслуживала ничего другого, как только распрощаться с ней; но в то же время, если он так и погибнет рабом, то кому будет лучше от подобной жертвы? Пусть не честью, но долгом его было остаться в живых. Жизнь его принадлежала его близким. Они как живые предстали перед его взором: он видел их лица, их протянутые к нему руки, слышал их умоляющие голоса. И он доберется до них. Он было рванулся с места, но тут же остановился.

Увы! Над ним довлело римское правосудие. Даже если он и вырвется из этого ада, все будет бесполезно. На всей земле нет места, где бы ему можно было скрыться от карающей руки империи, — ни на суше, ни на море. Единственная его надежда — это отношение к нему трибуна. И вот теперь жизнь его благодетеля в опасности! А мертвый не придет выплатить долг живому. Этого нельзя допустить — Аррий не должен погибнуть! Да и вообще, уж лучше умереть рядом с ним, чем выжить в качестве галерного раба.

Бен-Гур снова оглянулся по сторонам. Над его головой, на палубе, сражение все еще продолжалось, взявший их на абордаж корабль терся о борт «Астреи». На скамьях гребцы пытались избавиться от своих оков и, поняв, что сделать это не

удастся, вопили как безумные. Все надсмотрщики скрылись наверху, дисциплина исчезла, царила только паника. Нет, старший надсмотрщик все так же сидел на своем месте, невозмутимый и безоружный, если не считать молотка в его руке. Бен-Гур бросил на него последний взгляд и бросился к трапу — не для того, чтобы сбежать, но намереваясь отыскать трибуна.

От трапа, ведущего наверх, его отделяло небольшое расстояние. Он покрыл его одним прыжком и уже был на середине трапа, успев увидеть небо, красное от зарева огня, болтающийся рядом корабль, море, покрытое судами и обломками, битву, кипящую на возвышении для рулевого, множество нападающих и горстку обороняющихся — как вдруг опора ушла у него из-под ног, и его бросило назад. Настил на дне корабля, когда он упал на него, казалось, вздыбился и разлетелся на куски, затем в одно мгновение вся кормовая часть корабельного корпуса раскололась, и море, словно все время только и ждавшее этого момента, с шипением и клокотаньем ворвалось внутрь корабля, закрутив и ослепив Бен-Гура.

Нельзя сказать, что юный еврей смог сам спастись в этой ситуации. Помимо его обычной силы, природа наделила его еще и скрытыми

резервами, которые проявлялись именно в такой обстановке; но все же темнота, рев и сила врывающейся в корабль воды ошеломили его. Даже дыхание он задержал совершенно непроизвольно.

Поток воды, закрутив его как щепку, увлек Бен-Гура вглубь трюма, где он скорее всего и утонул бы, но, отразившись от носовой переборки, отхлынул обратно. Уже в нескольких фатомах[37] от поверхности воды тот же поток вытянул его из разломившегося корпуса корабля, и Бен-Гур стал всплывать наверх вместе с обломками судна. На пути к поверхности что-то попалось ему под руку, и он изо всех сил вцепился в этот предмет. Время, проведенное под водой, показалось ему намного дольше, чем было на самом деле; наконец он вынырнул на поверхность, жадно глотая ртом воздух, и, стерев воду с волос и глаз, выбрался на обломок обшивки корабельного корпуса, за который держался. Обретя равновесие, он оглянулся по сторонам.

Пока он был под водой, смерть прошла совсем рядом с ним, но и здесь, на поверхности воды, она тоже поджидала его — во всем разнообразии

---

[37] Примечания: 37

Фатом — морская мера длины, равная 1,82 м.

своих форм.

Над волнами стелился дым — подобие полупрозрачного тумана, сквозь который здесь и там виднелись сияющие сферы. Сначала он пришел было в замешательство, но тут же сообразил, что это были горящие корабли. Бой все еще продолжался; но кто побеждает, понять было совершенно невозможно. Он заметил еще несколько судов, которые маневрировали, пытаясь протаранить друг друга. Откуда-то издалека до него донесся звук столкновения. Но другая опасность была куда реальнее. Как теперь стало ясно, когда «Астрея» затонула, на ее палубе находился ее собственный экипаж и экипажи еще двух галер, атаковавших ее почти одновременно. Все эти люди оказались в воде. Многие из них выбрались на поверхность и теперь по-прежнему сражались на одном и том же обломке какой-нибудь доски, продолжая борьбу, начатую в нескольких фатомах под поверхностью воды. Сплетясь своими нагими телами, они душили и били друг друга то во тьме, то озаряемые бликами огня с горящих кораблей. Бен-Гуру не было никакого дела до их борьбы; все они были его врагами: любой из них убил бы его за тот обломок обшивки, на котором он держался. Он поспешил отплыть подальше

от них.

Но тут до Бен-Гура донесся столь хорошо ему знакомый звук быстро загребающих воду весел. Оглядевшись, он увидел приближающуюся к нему галеру. Ее высоко поднятый нос казался гораздо больше, чем на самом деле, на деревянном Тритоне под ним играли отблески пламени, создавая впечатление, что фигура ожила. Разрезаемые носом волны бурлили и пенились.

Бен-Гур соскользнул в воду и поплыл, толкая перед собой обломок. Была дорога каждая секунда. Изо всех сил убираясь с пути движущейся галеры, он вдруг увидел на расстоянии вытянутой руки от него сквозь воду какое-то сияние. Это оказался сияющий золотом шлем. Потом из-под воды показались две руки с вытянутыми пальцами. Руки были большими и сильными — если кому-то доведется испытать на себе их хватку, то от нее будет не избавиться. Бен-Гур чуть отклонился в сторону, чтобы увернуться от них. Но вот на поверхности воды заблестел шлем, потом две мускулистые руки забили воду судорожными движениями. Голова человека запрокинулась назад, на лицо упал блик зарева. Широко открытый рот хватал воздух, глаза были открыты, но смотрели недвижным взором, лицо

заливала бескровная бледность утопленника — никогда еще Бен-Гуру не приходилось видеть ничего ужаснее! Но все же при виде этого лица он издал вопль радости и, схватив человека за цепочку шлема, подтянул его к себе.

Спасенным был Аррий, трибун.

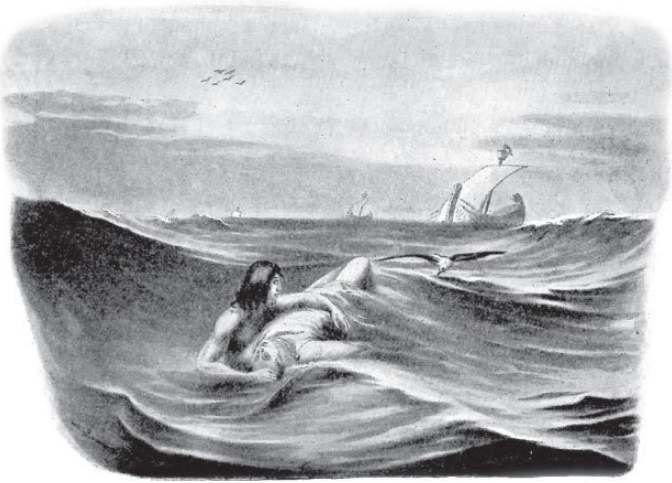
Спустя несколько секунд вода вспенилась и забурлила вокруг них. Бен-Гур изо всех сил вцепился в обломок одной рукой, другой поддерживая над водой голову римлянина. Галера промчалась мимо, едва не задев их своими веслами. Вот она, не задерживаясь, прошла сквозь темную массу держащихся на воде людей, прямо по головам в шлемах и без них — и в кильватерной струе у нее за кормой заиграли только отблески пламени. Приглушенный расстоянием треск, за которым последовал страшный крик, заставил спасителя вскинуть голову от спасенного трибуна. Жестокая радость тронула его сердце — «Астрея» была отмщена.

Сражение стало смещаться куда-то в сторону. Сопротивление сменилось бегством. Но кто оказался победителем? Бен-Гур понимал, что от ответа на этот вопрос зависит его свобода и жизнь трибуна. Он целиком втащил тело трибуна на обломок, и теперь ему оставалось только удерживать его там. Над водой медленно занимался рассвет. Юноша с надеждой смотрел на бледнеющее небо, хотя в душе его гнездился страх. Кто появится с рассветом: римляне или пираты? Если пираты, то для его подопечного все кончено.

Наконец совсем рассвело, на море опустился

полнейший штиль. На горизонте слева от себя Бен-Гур рассмотрел берег, но настолько далеко, что нечего было и думать добраться до него. Вокруг на обломках судов, как и он сам, плавали спасшиеся люди. Темными пятнами на морской лазури проступали сгоревшие и порой еще дымящиеся остовы судов. Несколько поодаль лежала в дрейфе галера с порванным парусом и бессильно полощущимися в воде веслами. Еще дальше, у самого горизонта, он едва различал какие-то движущиеся точки, которые могли быть убегающими или догоняющими кораблями, а то и просто кружащими чайками.

Часы проходили за часами. Беспокойство Бен-Гура все усиливалось. Если помощь не появится в самое ближайшее время, Аррий мог умереть. Порой юноше казалось, что он уже умер, так неподвижно он лежал. Сняв с трибуна шлем и, с большими трудами, кирасу, он прислушался к его сердцу — оно билось. Он воспринял это как добрый знак и устроился поудобнее. Не оставалось ничего другого, как только ждать и, как это было в обычае его народа, молиться.

Глава 6
Аррий усыновляет Бен-Гура

При возвращении к жизни утонувший испытывает еще большую боль, чем уходя под воду. Именно это и пришлось испытать Аррию, но наконец, к восторгу Бен-Гура, он смог говорить.

Постепенно от бессвязных вопросов, где он находится, кто и каким образом спас его, трибун перешел к самой битве. Сомнения в исходе боя лишь способствовали тому, что он совершенно пришел в себя; помог этому и долгий отдых, пусть даже на жестком обломке. Через какое-то время трибун заговорил более осмысленно:

— Наше спасение, как я понимаю, зависит от исхода битвы. Я также понимаю, что ты сделал для меня. Откровенно говоря, ты спас мою жизнь, рискуя своей собственной. Я всецело признателен тебе и, что бы ни случилось, хочу поблагодарить тебя. Более того, если Фортуна будет благосклонна к нам и мы благополучно вы-

беремся из этой переделки, я сделаю для тебя все, что только может сделать римлянин, имеющий власть и возможность выразить свою благодарность. Пока же, коль скоро мне стало ясно, что ты по своей доброй воле совершил для меня… — он помедлил, — я хочу попросить тебя. Пообещай мне оказать величайшую честь, которую человек может оказать другому.

— Если это не запрещено, я охотно сделаю это, — ответил Бен-Гур.

Аррий закрыл глаза, отдыхая.

— Ты и в самом деле сын Гура, иудея? — спросил он через некоторое время.

— Я уже сказал тебе это.

— Мне доводилось знавать твоего отца…

Иуда придвинулся поближе к говорившему — так был слаб голос трибуна — и вслушивался в его слова, надеясь узнать что-нибудь про свой дом.

— Да, я знавал его и полюбил его, — продолжал Аррий.

Последовала новая пауза, во время которой что-то, казалось, переключилось в сознании говорившего.

— Не может быть, — продолжал трибун, — чтобы ты, его сын, не слышал о Катоне или Бруте. Они были великими людьми, и их величие осо-

бенно проявилось в момент их смерти. Умирая, они оставили нам свой закон — римлянин не должен пережить свой высочайший успех. Ты слушаешь меня?

— Я слушаю.

— Среди благородных граждан Рима есть обычай носить перстень. На моей руке тоже есть такой. Возьми его.

Он протянул руку Иуде, который выполнил просьбу трибуна.

— Надень его на палец своей руки.

Бен-Гур исполнил и эту просьбу.

— Эта безделушка имеет свое предназначение, — продолжал Аррий. — Я владею недвижимостью и деньгами. Даже в Риме я считаюсь состоятельным человеком. Семьи у меня нет. Покажешь этот перстень моему вольноотпущеннику, который управляет всем состоянием в мое отсутствие; ты найдешь его на вилле неподалеку от Мизен. Расскажешь ему, как тебе достался этот перстень, и можешь просить его о чем хочешь, он не откажет тебе ни в чем. Если я останусь в живых, я сделаю для тебя еще больше. Я верну тебе свободу и возвращу тебя на твою родину и к твоим родным, либо ты сам выберешь для себя то, что тебя больше устроит. Ты меня слышишь?

— Я не знаю, что сказать, но я слышу.

— Тогда обещай мне. Поклянись всеми богами…

— Но, благородный трибун, я же еврей.

— Тогда поклянись твоим Богом или тем, что является самым святым в твоей вере, — поклянись исполнить то, что я тебе сейчас скажу, и так, как я тебе это скажу; я жду твоего обещания.

— Благородный Аррий, по тому, как ты это говоришь, я думаю, что это будет нечто чрезвычайно важное. Скажи же мне сначала твое желание.

— Но тогда ты пообещаешь мне выполнить его?

— Лучше будет тебе сказать свое желание, и… Клянусь Богом отцов моих! В нашу сторону идет корабль!

— Откуда?

— С севера.

— Ты можешь определить, чей он?

— Нет. Я знаю только весло.

— На нем есть флаг?

— Я не вижу никакого флага.

Аррий несколько минут пребывал в глубоком раздумье.

— Он держит прежний курс? — наконец спросил он.

— Да, прежний.

— Попробуй разобрать, какой на нем флаг.

— Никакого флага нет.

— И никаких других признаков?

— Он идет под парусом, у него три ряда весел, и он быстро приближается — это все, что я могу о нем сказать.

— Римский корабль в случае победы был бы расцвечен множеством флагов. Должно быть, это враги. А теперь послушай, — снова посерьезнел Аррий, — слушай меня, пока я еще могу разговаривать. Если это галера пиратов, твоя жизнь в безопасности. Они могут отпустить тебя на свободу, могут снова засадить за весло, но убивать они не станут. Но что касается меня, то…

Голос трибуна дрогнул.

— Perpol, — справившись с волнением, решительно произнес он. — Я слишком стар, чтобы пережить бесчестье. Пусть в Риме узнают, как Квинт Аррий, будучи римским трибуном, погиб вместе со своим кораблем, окруженный врагами. Вот что я хочу, чтобы ты сделал. Если галера окажется пиратской, сбрось меня в воду, чтобы я утонул. Ты меня слышишь? Поклянись, что сделаешь это.

— Я не поклянусь, — ответил Бен-Гур твердо, —

и я не могу этого сделать. Закон, высший для меня, о трибун, делает меня ответственным за твою жизнь. Возьми свой перстень, — с этими словами он снял с пальца печатку, — возьми его, а вместе с ним и все свои обещания помощи в случае спасения. Правосудие, которое пожизненно приставило меня к веслу, сделало меня рабом; теперь я не раб, но я еще и не свободный человек. Я сын Израиля и по крайней мере сейчас хозяин сам себе. Возьми обратно свой перстень.

Аррий слушал молча, не шелохнувшись.

— Не желаешь? — спросил Иуда. — Тогда не в гневе и не из презрения, но, чтобы освободить себя от ненавистной мне обязанности, я отдаю твой дар морю. Смотри, о трибун!

Широко размахнувшись, он бросил перстень в волны. Аррий услышал всплеск, но даже не пошевелил головой.

— Ты совершил глупый поступок, — произнес он, — для человека в твоем положении. Со своей жизнью я могу свести счеты и без твоей помощи. Нить жизни я могу оборвать и сам, но, если я это сделаю, что станется с тобой? Люди, обреченные на смерть, предпочитают получить ее от рук других по той причине, потому что душа, которая, по мнению Платона, есть у каждого, возмущается

при мысли о самоуничтожении; вот и все. Если это пираты, я покину этот мир. Я это уже решил. Ведь я римлянин. Успех и честь для нас одно и то же. Но я хотел сделать тебе добро, ты же не захотел принять его. Перстень был единственным свидетелем моей воли, доступным мне в этой ситуации. Мы оба обречены. Я умру, сожалея о победе и славе, вырванных у меня из рук; ты же умрешь несколько позже, проклиная долг благочестия, по глупости соблюденный тобой. Мне жаль тебя.

Бен-Гуру предстали последствия его поступка более четко, чем раньше, но он тем не менее не ощутил в своей душе сожаления о сделанном.

— За все три года моей неволи, о трибун, ты первый по-доброму взглянул на меня. Хотя нет! Был еще один человек.

Голос его стал едва слышен, на глазах навернулись слезы, и перед его внутренним взором предстало, как наяву, лицо мальчика, который подал ему воды около древнего колодца в Назарете.

— Во всяком случае, — продолжал он, — ты был первым, кто спросил меня, кто я такой. И когда я вытащил тебя из воды, когда ты в последний раз показался на поверхности, то я тоже думал о том,

что ты можешь помочь мне в моем положении. Все же я сделал это не только из корысти, заклинаю тебя поверить в это. Я предпочитаю лучше умереть вместе с тобой, чем быть твоим убийцей. Я столь же тверд в своем решении, как и ты. Даже если бы ты, о трибун, предложил мне все сокровища Рима, я не стал бы убивать тебя. Твои Катон и Брут — всего лишь младенцы по сравнению с тем, чей закон должен исполнять каждый еврей.

— Но я приказываю тебе. Ты…

— Твоя просьба была более весома, но даже она не заставила меня сделать это. Я сказал.

Оба в молчании ждали приближения судна.

Бен-Гур бросал частые взгляды на приближающийся корабль. Аррий лежал с закрытыми глазами, безучастный ко всему.

— Ты уверен, что это враги? — спросил Бен-Гур.

— Думаю, что это именно так, — прозвучал спокойный ответ.

— Корабль остановился, с борта спускают шлюпку.

— Ты видишь флаг?

— Нет. А есть еще признаки, по которым можно узнать римский корабль?

— Римский корабль должен нести шлем на

мачте.

— Тогда нам повезло. Я вижу шлем.

Но Аррий все еще не был уверен в этом.

— Люди в шлюпке подбирают в нее тех, кто держится на плаву. Пираты вряд ли были бы столь гуманны, — сообщил ему Бен-Гур.

— Возможно, им просто нужны гребцы, — ответил на это Аррий, вспомнив, возможно, как ему самому приходилось спасать людей для этой цели.

Бен-Гур не отрывал взгляда от появившегося судна.

— Корабль уходит, — через некоторое время сообщил он.

— В каком направлении?

— Справа от нас есть галера, которую, как я понимаю, покинул экипаж. Корабль направляется к ней. Вот он встает к ней лагом. Высылает на борт людей.

При этих словах Аррий открыл глаза и стряхнул с себя невозмутимость.

— Возблагодари своего Бога, — сказал он Бен-Гуру, всмотревшись в галеру. — Возблагодари своего Бога, как я возблагодарю своих богов. Пираты не стали бы спасать тот корабль, они просто потопили бы его. По их действиям и по шлему на мачте я теперь уверен, что это римляне. Победа

за нами. Фортуна не отвернулась от меня. Мы спасены. Маши им, кричи, зови их сюда. Я буду дуумвиром, а ты… Я знавал твоего отца и полюбил его. Он был выдающимся человеком. От него я узнал, что еврей отнюдь не варвар. Я возьму тебя с собой. Сделаю тебя своим сыном. Возблагодари же своего Бога и зови сюда шлюпку. Поспеши. Надо продолжать погоню. Ни один бандит не должен ускользнуть. Поспеши!

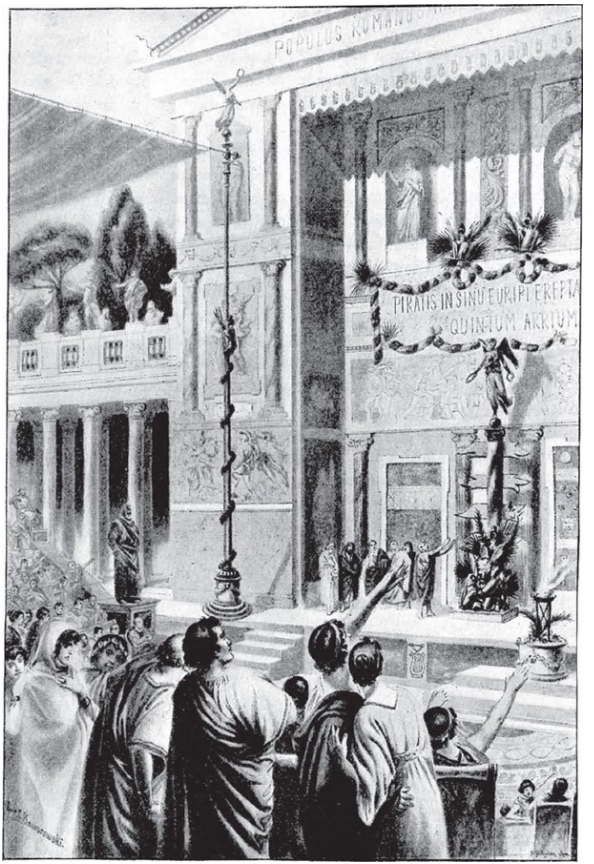
Иуда, приподнявшись на обломке, замахал рукой и стал изо всех сил звать на помощь. Матросы в шлюпке в конце концов заметили его и налегли на весла, спеша к ним на выручку.

Аррия встречали на галере со всеми почестями, положенными герою и фавориту Фортуны. Приходя в себя на лежанке, установленной на палубе судна, он выслушивал доклад обо всех перипетиях боя. Когда все плававшие на воде были спасены, он велел поднять на мачте флаг командующего и взять курс на север, на соединение с остальным флотом, чтобы развить успех и завершить кампанию. Через некоторое время пятьдесят судов, вошедших в пролив с другой стороны, сомкнулись вокруг отступающих пиратов и уничтожили их. Ни один не избежал возмездия. Чтобы отметить славу трибуна, были захвачены

двадцать вражеских судов.

По возвращении из похода Аррию была устроена теплая встреча на молу в Мизенах. Молодой человек, сопровождавший его повсюду, сразу же привлек внимание его тамошних друзей. На вопросы о том, кто это такой, трибун самым восторженным образом поведал им историю своего спасения и представил спасителя, тщательно опуская перипетии его предшествующей жизни. В конце рассказа он подозвал Бен-Гура к себе и произнес, нежно положив руку тому на плечо:

— Друзья мои, это мой сын и наследник, тот, кто получит все мое состояние — если боги позволят мне что-нибудь оставить, — будет известен вам под моим именем. Я заклинаю вас любить его так, как вы любите меня.

POPULUS ROMANU
PIRATIS IN SINU EURIPI EREPTA
QUINTUM ARRIUM

Как только позволили обстоятельства, усыновление было закреплено всеми необходимыми формальностями. Таким образом, отважный римлянин сдержал свое обещание Бен-Гуру и ввел его в мир империи. Месяц спустя после возвращения Аррия в его честь в амфитеатре Скауруса был пышно отпразднован armilustrium. Одна сторона амфитеатра была уставлена воинскими трофеями, среди которых всеобщее внимание привлекали прежде всего двадцать ростров с соответствующими аплюстрами, отпиленными от захваченных пиратских галер. Большое полотнище, повешенное над ними, возвещало восьмидесяти тысячам зрителей, занявших свои места:

ЗАХВАЧЕНЫ В БОЮ С ПИРАТАМИ В ПРОЛИВЕ ЭВРИП КВИНТОМ АРРИЕМ, ДУУМВИРОМ

Книга четвертая

Альба
Но если государь несправедливо
Поступит? Если он на этот раз
Поступит так?
Королева
Тогда я буду ждать,
Пока он станет справедлив. Благо тому,
Кто в том свой выигрыш находит.
***Фридрих Шиллер. Дон Карлос, действие 4, явление 14*[38]**

[38] Примечания: 38
Перевод М. Достоевского.

Глава 1
Бен-Гур возвращается на Восток

Теперь мы с вами перенесемся в месяц июль года 23-го от Рождества Господа нашего, в Антиохию, называвшуюся тогда Королевой Востока, второй после Рима и едва ли не самый многолюдный город в мире.

Существует мнение, что все сумасбродство и безнравственность века зарождались в Риме, после чего распространялись по всей империи; что большие города всего лишь отражали нравы своего владыки, раскинувшегося по обоим берегам Тибра. Мнение это может быть оспорено. Реакция на завоевание, похоже, реализуется в воздействии на мораль завоевателя. В Греции она обернулась волной коррупции; то же самое произошло в Египте. Студент, изучающий этот предмет, захлопнет книги, совершенно уверенный в том, что течение реки, размывающей моральные устои, направлено с востока на запад.

Основной же исток этого гибельного потока, по мнению все того же студента, находился именно в Антиохии, одном из древнейших оплотов ассирийского могущества и роскоши.

Грузовая галера вошла в устье реки Оронт из голубых вод Средиземного моря. Утро было в самом разгаре. Жара стояла изрядная, но все, кто мог себе это позволить, высыпали на палубу галеры. Среди них был и Бен-Гур.

За прошедшие пять лет молодой еврей стал мужчиной в самом расцвете. Хотя одеяние из белой льняной ткани, в которое он был облачен, несколько скрывало его сложение, внешность его впечатляла своей необычайной привлекательностью. За тот час с небольшим, который он провел в кресле, установленном в тени паруса, несколько его попутчиков-евреев пытались вовлечь Бен-Гура в разговор, но безуспешно. На все их вопросы он отвечал кратко, хотя и чрезвычайно вежливо, на великолепной латыни. Безупречность его языка, изысканность манер, его немногословность лишь еще больше возбуждали любопытство спутников. Разглядывая его исподтишка, они поражались несоответствию между его манерами, истинно патрицианскими по своей простоте и изысканности, и некоторы-

ми особенностями его сложения. Так, руки его были непропорционально длинными, а когда он, чтобы сохранить равновесие при особенно сильной волне, хватался за какую-нибудь снасть, размер кистей и их очевидная мощь так и бросались в глаза. Интерес к нему беспрестанно возрастал. Другими словами, атмосферу, царящую вокруг Бен-Гура, лучше всего было описать одним выражением — «этому человеку есть о чем рассказать».

На пути в Антиохию галера зашла в один из портов Кипра, где на борт ее поднялся еврей почтенного вида, молчаливый и замкнутый. Бен-Гур рискнул задать ему несколько вопросов; ответы на них завоевали его доверие, и в конце концов все завершилось продолжительной беседой.

Когда галера, следуя с Кипра, вошла в залив у устья Оронта, два судна, видневшиеся в море, сблизились и вошли в устье реки вместе с галерой. Одновременно были подняты на них небольшие флаги ярко-желтого цвета. Сделано это явно было не случайно. Один из пассажиров галеры решился обратиться к почтенному еврею, спросив его о значении увиденного.

— Да, я знаю, что значат эти флаги, — ответил

тот. — Они не имеют никакого отношения к национальной принадлежности судов. Это знак его владельца.

— У него так много судов?

— Да.

— Вы знаете его?

— Я веду с ним дела.

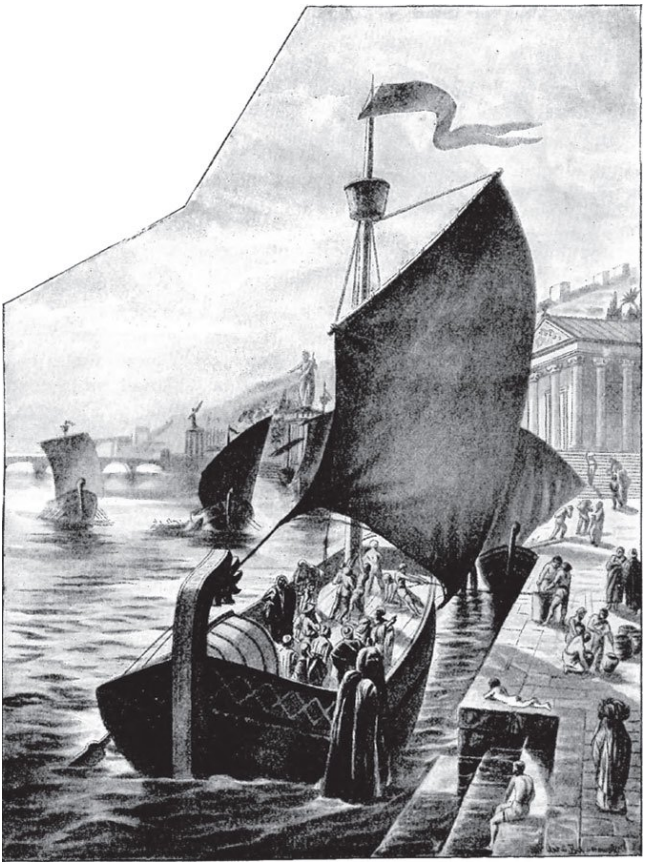
Пассажиры смотрели на говорившего, ожидая продолжения рассказа. Бен-Гур с интересом прислушивался к разговору.

— Он живет в Антиохии, — продолжал еврей в своей немногословной манере. — То обстоятельство, что он несметно богат, привлекает к нему внимание, и молва не всегда справедлива к нему. Некогда в Иерусалиме одним из отцов города был человек, происходивший из очень древнего рода Гуров.

Иуда усилием воли сохранил спокойствие, но сердце его учащенно забилось.

— Человек этот был купцом и гением коммерции. Он создал множество предприятий, некоторые далеко на востоке, другие на западе, во всех крупных городах. Отделением в Антиохии управлял человек, который, как говорят, раньше был домашним слугой, по имени Симонидис — имя греческое, но он сам израильтянин. Во время

одной из поездок его хозяин утонул. Дела, однако, продолжали делаться, хотя прибыль значительно уменьшилась. Но спустя некоторое время на его семейство обрушилось несчастье. Единственный сын старого Гура, еще почти юноша, пытался убить прокуратора Грата в Иерусалиме. По чистой случайности ему не удалось этого сделать, и с тех пор о нем никто ничего не слышал. Гнев римлян обрушился на всю семью — никто из носителей этого имени не остался в живых. Их дом — настоящий дворец — был опечатан и теперь служит гнездовьем для голубей. Все имения были конфискованы, да и вообще все, что принадлежало Гурам, отошло в казну. Прокуратор привык лечить свои раны золотой мазью.

Слушатели рассмеялись.

— Вы хотите сказать, что этому человеку удалось сохранить собственность? — спросил один из них.

— Так говорят, — ответил еврей, — я рассказываю вам так, как сам услышал эту историю. Итак, Симонидис, который был агентом Гура здесь, в Антиохии, через некоторое время открыл свое собственное дело, а еще через какой-то срок вышел в число ведущих предпринимателей этого города. Следуя традициям своего бывшего хозяина, он отправляет караваны в Индию. Из принадлежащих ему галер можно было бы сформировать целый флот. Говорят, ему необыкновенно везет. Если его верблюды и дохнут, то только от старости; суда его никогда не тонут; если он бросает камень в реку, то камень этот возвращается ему золотым самородком.

— И как давно он таким образом процветает?

— Почти десять лет.

— Должно быть, ему повезло в самом начале.

— Да, ходят слухи о том, что прокуратор наложил руку на то имущество старого Гура, которое было перед глазами — на его лошадей, стада, землю, суда, товары. Денег же не нашли. Что сталось с ними — до сих пор загадка.

— Только не для меня, — с презрительной усмешкой бросил один из слушателей.

— Вполне понимаю вас, — ответил еврей. — Так думают многие. Что эти деньги стоят за взлетом старого Симонидиса — общее мнение. Кстати, сам прокуратор того же мнения — или разделял его в прошлом, — поскольку дважды за последние пять лет он приказывал бросить старика в застенок и пытать там.

Иуда со страшной силой сжал руками корабельный шкот, за который держался.

— Говорят также, — продолжал рассказчик, — что в его теле нет ни одной целой кости. Когда я в последний раз видел его, он сидел в кресле,

сгорбившись, весь обложенный подушками.

— Изломан пытками! — в один голос воскликнули несколько слушателей.

— Да, вряд ли причиной этого была болезнь. Но все же муки не сломили его. Все его имущество законно, и он законно его использует — вот и все, чего от него смогли добиться. Теперь, во всяком случае, от него отстали. Его торговая лицензия подписана самим Тиберием.

— Ручаюсь, он щедро за нее заплатил.

— Эти суда принадлежат ему, — продолжал еврей, проигнорировав замечание недоброжелателя. — По обычаю его суда приветствуют друг друга при встрече, поднимая желтые флаги, что значит: «У нас было удачное плавание».

Слушатели поняли, что это конец рассказа.

Когда грузовая галера уже шла по речному фарватеру, Иуда заговорил с евреем:

— Как звали хозяина того купца?

— Бен-Гур, один из отцов города Иерусалима.

— И что стало с его семьей?

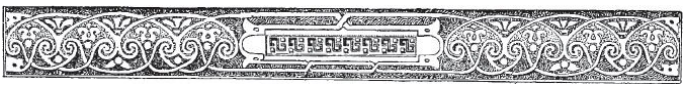
— Сына сослали на галеры. Скорее всего, его уже нет в живых. Обычно больше года человек на галерах не выживает. О вдове его и дочери ничего не слышно; те, кто и знает, что с ними стало, предпочитают помалкивать. Без сомнения, они умерли, брошенные в одну из тюрем, которых в Иудее хватает.

Иуда поднялся на рулевой помост. Он так был захвачен рассказом, что едва замечал берега реки, которые от берега моря до самого города были усажены великолепными садами, где росли лучшие сирийские фрукты и зрел чудесный виноград. Сады перемежались с группами вилл, не уступавшими в богатстве тем, что украшали собой берега Неаполиса. Никакого внимания не обращал он и на бесконечную вереницу судов, спускавшихся и поднимавшихся по реке. Слух его был закрыт для криков и песен матросов, занятых работой или отдыхавших от нее, лежа на палубе. Высоко поднявшееся на небе солнце заливало своими лучами всю землю, но в душе его царил мрак.

Лишь один раз он проявил минутный интерес, когда кто-то из попутчиков показал ему рощу

Дафны, которую открыла им одна из излучин реки.

Глава 2
На Оронте

Когда показался город, все пассажиры столпились у бортов, стараясь ничего не упустить из открывающегося перед ними зрелища. Почтенный еврей, уже знакомый нашему читателю, взял на себя роль экскурсовода.

— Река течет на запад, — стал рассказывать он, отвечая на многочисленные вопросы. — Я помню еще то время, когда она омывала основание городской стены. Но, как это обычно бывает в наши времена, торговля подгребла под себя все; и теперь берега реки заняты верфями и пристанями. Вон там, — показал он рукой, — вы видите гору Касий, которую здешние жители любят называть горами Оронта, — ибо гора наискосок через реку считается ее братом по имени Амн. Между ними простирается Антиохийская равнина. Еще дальше — Черные горы, откуда царские водопроводы доставляют чистейшую воду для утоления

жажды людей и улиц города. Эти горы окружены дикими лесами, даже скорее чащобами, в которых водится множество птиц и зверей.

— А где здешнее озеро? — спросил один из слушателей.

— Вон там, чуть севернее. Если вы хотите на нем побывать, вам придется отправиться туда на лошади. Но лучше добираться на лодке — озеро через протоку соединяется с рекой.

— Роща Дафны! — воскликнул он, отвечая на вопрос еще одного любопытного. — Никто не может толком описать ее, поэтому остерегайтесь! Рощу эту начал устраивать сам Аполлон, он же и закончил ее. Он предпочитает ее Олимпу. Люди идут туда, чтобы бросить на нее хотя бы взгляд — всего лишь один, — и никогда не возвращаются обратно. Есть поговорка, которую знают в этих местах все: «Лучше быть червем и питаться шелковицей Дафны, чем пировать за царским столом».

— Значит, вы советуете мне держаться от нее подальше?

— Только не я! Ступайте, если вам так хочется. Все идут туда — философ-циник, мужающие подростки, женщины и жрецы; идут все. Поэтому я уверен, что вы поступите так, как я позволю

себе вам посоветовать. Не снимайте жилище в городе — это пустая трата времени. Лучше сразу отправляйтесь в селение на краю рощи. Путь туда ведет через сад, под струями фонтанов. Этот город строили любимцы богов, на его стогнах вы сможете увидеть такое, чего не встретите больше нигде. Чего стоит одна только городская стена! Это шедевр Ксеркса, образец крепостной архитектуры.

Взоры слушателей проследовали в направлении пальца рассказчика.

— Эта часть стены была воздвигнута по приказу первого из Селевкидов. За три сотни лет она стала частью скалы, на которой покоится ее основание. Безопасность оправдывает все расходы.

Стена, высокая и мощная, оборудованная множеством бастионов, заворачиваясь, исчезала из виду далеко на юге.

— По ее верху построено четыре сотни башен, в каждой из которых есть цистерна с водой, — продолжал еврей. — За стеной, выше ее края, вы можете видеть два холма, которые, возможно, вам известны под именем противостоящих гребней Сульпия. Здание, которое вы видите на дальнем из холмов, — это крепость, в которой круглый год пребывает римский легион. Оттуда

дорога поднимается к храму Юпитера, а вон там — фасад резиденции легата. Его дворец полон различных служб, но в то же время это и крепость, о которую любая толпа разобьется, как порыв южного ветра.

Матросы начали убирать парус, и в этот момент еврей от всего сердца воскликнул:

— Смотрите! Вы, кто ненавидит море, и вы, те, кто принес обеты богам, готовьте свои проклятия и свои молитвы. Этот мост, через который проходит дорога в Селевкию, знаменует собой конец морского плавания. Грузы здесь разгружаются с судов, дальше их везут верблюды. За мостом начинается остров, на котором Каллиник построил свой новый город, соединенный со старым пятью громадными виадуками, столь прочными, что их не тронуло ни время, ни наводнения, ни землетрясения. О старом же городе, друзья мои, я могу сказать только одно — вы будете всю жизнь радоваться и гордиться, что увидели его.

Как он и сказал, судно развернулось и медленно подошло к пристани у основания городской стены. На берег были поданы швартовы, весла втянуты на борт — путешествие закончилось. Бен-Гур обратился к почтенному еврею:

— Позвольте мне обеспокоить вас еще одним

вопросом, прежде чем попрощаться.

Путешественник в знак согласия склонил голову.

— Ваш рассказ о купце чрезвычайно заинтересовал меня, и я бы хотел увидеть этого героя. Вы назвали его Симонидисом?

— Да. Он еврей, но носит греческое имя.

— Где я мог бы найти его?

Еврей пристально посмотрел на Бен-Гура, прежде чем ответить:

— Могу избавить вас от лишних хлопот. Он не ссужает деньги.

— А я не собираюсь просить у него в долг, — ответил на это Бен-Гур, улыбаясь проницательности собеседника.

Тот вскинул голову и какое-то время разглядывал молодого человека.

— Обычно считают, — произнес он наконец, — что богатейший купец Антиохии должен иметь контору, сравнимую по размеру с его богатством. Но если вы будете искать его, то ступайте по течению реки вон до того моста. Под ним он и ютится в конуре, больше похожей на опору моста. Перед входом целая площадь, заваленная привезенными и увозимыми товарами. Стоящие у берега суда тоже принадлежат ему. Вы не ошибетесь.

— Весьма вам признателен.

— Да пребудет с вами мир, в котором почиют ваши отцы.

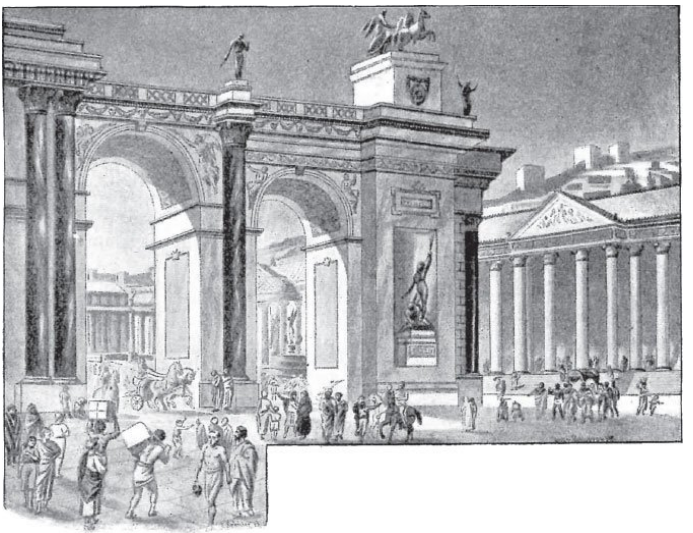
— И с вами тоже.

Поклонившись друг другу, путники расстались.

Два уличных носильщика, подхватив багаж Бен-Гура на пристани, ждали его указаний.

— В крепость, — кратко бросил тот.

Две громадные улицы, пересекаясь под прямым углом, делили город на кварталы. Любопытное и удивительное сооружение, называемое Нимфеум, возвышалось на одной из них, идущей с севера на юг. Когда носильщики вышли на эту улицу и повернули на юг, Бен-Гур, хотя и прибыл сюда из Рима, был поражен величественностью этого проспекта. По сторонам его высились дворцы, а между ними, насколько хватало взгляда, тянулась двойная колоннада, сложенная из мрамора. Под ней шли проходы, отдельные для пешеходов, животных и повозок. Колоннада тонула в тени, струи фонтанов смягчали палящую жару.

Но Бен-Гур не был настроен любоваться этим зрелищем. Мысли его постоянно возвращались к истории Симонидиса. Добравшись до Омфалуса — памятника из четырех арок во всю ширину улицы, воздвигнутого в свою собственную честь Эпифаном, восьмым царем из династии Селевки-

дов[39], он внезапно изменил свои планы.

— Я не пойду сегодня вечером в крепость, — сказал он, обращаясь к носильщикам. — Проводите меня в караван-сарай, ближайший к тому мосту, по которому проходит дорога в Селевкию.

Носильщики хорошо знали город, и через некоторое время он уже устраивался в караван-сарае — простом, но большом здании, находившемся на расстоянии броска камня от моста, под которым обосновался старый Симонидис. Всю ночь Бен-Гур провел без сна на плоской крыше здания. В мозгу его билась одна-единственная мысль: «Наконец-то! Теперь я смогу узнать что-нибудь про свой дом, про мать и мою дорогую маленькую Тирцу. Если они живы, я обязательно их найду».

[39] Примечания: 39

Селевкиды — македонская династия, 312–64 гг. до н. э., правившая империей, которая включала в себя большую часть Малой Азии, Сирию, Персию, Бактрию и Вавилонию.

Глава 3
Претензии к Симонидису

Рано утром на следующий день, даже не осмотрев город, Бен-Гур отправился на поиски конторы Симонидиса. Через проход в городской стене с надвратной башней он вышел к причалам, тянувшимся вдоль реки. Вдоль них он добрался до моста Селевка, под которым и остановился, оглядываясь по сторонам.

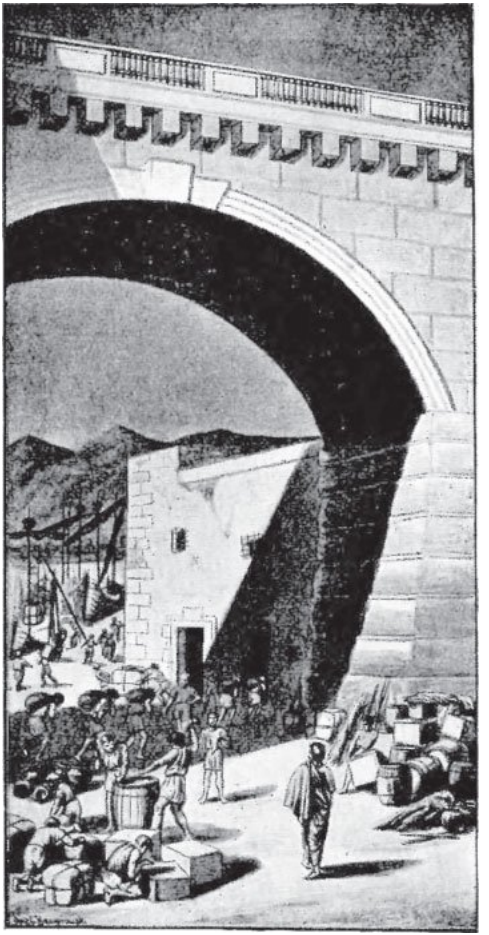
Прямо под мостом располагалась купеческая контора — скорее конура, сложенная из необтесанного серого камня, без признаков какого-либо архитектурного стиля. Посторонний путешественник, глядя на эту контору, скорее описал бы ее как подпорку городской стены. Две громадные двери связывали ее с пристанью. Несколько дыр ближе к крыше, крест-накрест забитых досками, служили, видимо, в качестве окон. Из трещин в стенах росла густая трава, пятна мха тут и там выделялись на голом камне.

Двери были распахнуты настежь. Через одну из них посетители входили, через другую — только выходили. Все они явно спешили, озабоченность сквозила буквально в каждом их движении.

На пристани возвышались штабели товаров в самой разнообразной упаковке. Группы рабов, обнаженных по пояс, сновали вокруг них, как муравьи.

Под мостом у берега стоял целый флот галер, некоторые из них под погрузкой, другие — под выгрузкой. На мачтах развевались желтые флаги. Цепочки рабов, несущих товары, двигались навстречу друг другу с галер на пристань и с судна на судно. Выше по течению реки, за мостом сразу от уреза воды вздымалась городская стена, над которой были видны причудливые карнизы и башенки царского дворца. Но Бен-Гур едва обратил внимание на все это. Найдя указанное место, он еще отчаяннее мечтал узнать о судьбе своих родных — если, конечно, Симонидис и в самом деле был рабом его отца. Но захочет ли он признать эту связь? Это означало бы отказ от богатства и независимости в торговле, столь царственно признанных на пристани и на реке. Более того, такое признание имело бы для купца еще более значительное следствие — тем самым он

бы прервал свою карьеру в самом ее расцвете и добровольно низвел бы себя снова до положения раба. Одна только мысль о подобном требовании была чудовищной наглостью. Попросту говоря, это значило заявить: «Ты мой раб, отдай мне все, что у тебя есть, и в придачу — себя».

Но все же Бен-Гур обрел в себе силы для предстоящего разговора, исходя из неколебимой веры в свою правоту и надежды, которая превосходила все в его сердце. Если услышанная им история — правда, Симонидис принадлежит ему целиком и полностью. Но богатство, дойди дело до суда, ему было совершенно безразлично. Направляясь к двери в контору, он уже сформулировал для себя требование, с которым обратится к купцу: «Пусть он только расскажет мне о матери и Тирце, и я расстанусь с ним с миром».

И он смело вошел в контору.

Изнутри она представляла собой обширный склад, в строгом порядке заставленный разнообразными товарами. Хотя света явно не хватало, а воздух был душным, люди оживленно сновали между тюками и ящиками. По углам помещения Бен-Гур заметил рабочих с пилами и молотками в руках, упаковывавших товары для отгрузки. Он медленно прошел до конца прохода между тюками товаров, спрашивая себя, мог ли человек столь значительного таланта быть в числе рабов его отца? Если да, то к какому классу людей он принадлежал? Если он еврей, то, может быть, был сыном одного из слуг? Или должником или сыном должника? Или же был осужден и продан

в рабство за воровство? Мысли эти, пришедшие в его голову, снова возбудили растущее уважение к купцу, которое крепло в нем с каждой минутой. Своеобразие нашего восхищения другим человеком заключается в том, что оно всегда отыскивает обстоятельства для своего собственного оправдания.

Наконец один из людей заметил Бен-Гура, подошел и обратился к нему:

— Что вам угодно?

— Я хотел бы видеть купца Симонидиса.

— Пожалуйте за мной.

По проходам, оставленным между товарами, они в конце концов вышли к лестнице; поднявшись по ней, Бен-Гур очутился на крыше склада перед строением, которое лучше всего может быть описано как маленькое здание, примостившееся на большем и незаметное с площадки внизу. Это меньшее здание располагалось западнее моста под открытым небом. Крыша его, ограниченная низом стены, напоминала террасу и была, к изумлению Бен-Гура, усажена цветами. На пышном фоне здание казалось приземистым и незамысловатым — простой кубический блок с одной-единственной дверью на фронтоне. Чисто выметенная дорожка вела к этой двери сквозь

кусты усыпанных бутонами персидских роз. Вдыхая благоухающий воздух, он последовал за провожатым.

Пройдя до конца полутемного коридора, они остановились перед наполовину откинутой занавеской. Провожатый громко произнес:

— Посетитель желает видеть хозяина.

Отчетливый голос ответил из-за занавески:

— Пусть войдет, во имя Господа.

Помещение, в которое был препровожден посетитель, римлянин назвал бы атрием. Вдоль стен стояли шкафы; причем каждый разделялся на ячейки, подобно современным офисным картотекам. Каждая такая ячейка хранила в себе по нескольку подписанных на корешках бухгалтерских книг, потрепанных от возраста и частого употребления. Между шкафами, выше и ниже их, проходили деревянные разделители, некогда белые, теперь же от времени пожелтевшие, покрытые искусными резными украшениями. Выше карниза из позолоченных полусфер поднимался шатровый потолок, переходивший в световой купол, ячейки его были выложены лиловатой слюдой, сквозь которую струился успокоительный свет. Пол был закрыт шерстяной тканью, столь толстой и плотной, что ноги

входившего тонули в ней.

В полусвете комнаты выделялись две фигуры — человека, сидевшего в кресле с высокой спинкой и широкими подлокотниками, с мягким сиденьем и опорой для спины; и, слева от него, девушки, уже вошедшей в пору женственности. При взгляде на нее Бен-Гур почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. Поклонившись как для того, чтобы выразить почтение, так и для того, чтобы скрыть смущение, он выпрямился — и вздрогнул: так пронзителен был устремленный на него взгляд сидевшего в кресле человека. Когда он снова осмелился поднять глаза, эти двое пребывали все в той же позе, лишь девушка опустила свою руку на плечо старика. Они не отрывали взгляда от лица Бен-Гура.

— Если ты Симонидис, купец и еврей, — Бен-Гур сразу же запнулся, — то да пребудет с тобой мир Господень нашего отца Авраама — а также и с тобой. — Последние слова были обращены к девушке.

— Я тот самый Симонидис, рожденный евреем, о котором ты говоришь, — звучным и ясным голосом ответил старик. — Я Симонидис и еврей, и я желаю тебе того же, что ты желаешь мне, а также молю сообщить, кто желает говорить со

мной.

Пока он произносил эти слова, Бен-Гур всматривался в говорившего. Но вместо четких очертаний ему виделся лишь бесформенный ком, глубоко потонувший среди подушек и покрытый стеганой рубашкой темного шелка. А над этим комом царила голова поистине царственных пропорций — идеальный череп государственного деятеля или завоевателя, широкий в основании, над которым возносился мощный купол вместилища мозга. Совершенно белые волосы ниспадали тонкими прядями на его лицо, оттеняя черноту глаз, сиявших мрачным светом. В лице не было ни кровинки, оно было покрыто множеством морщин. Другими словами, это было лицо человека, который скорее сам повелевал миром, нежели мир повелевал им, — человека, который дважды двенадцать раз был ломан пыткой, превратившись в бесформенного инвалида, но не издал ни стона и не признался ни в чем; человека, который скорее отказался бы от жизни, но не от своих замыслов и точки зрения; человека, рожденного в латах и уязвимого только в своей любви. К этому-то человеку и простер руки Бен-Гур, ладонями вперед, как бы одновременно и предлагая мир, и в то же время испрашивая его.

— Я Иуда, сын Итамара, последнего главы дома Гуров и отца города Иерусалима.

Правая рука купца лежала поверх одежды — длинная тонкая рука, изуродованная пытками почти до бесформенности. Пальцы ее слегка сжались. Ничем больше старик не выдал своих чувств; ничего, что выражало бы опасение или удивление при звуке этого имени. Лишь спокойный ответ прозвучал в наступившей тишине:

— Отцы Иерусалима, чистейшей крови, всегда будут встречены с почтением в этом доме; добро

пожаловать тебе. Есфирь, подай стул молодому человеку.

Девушка взяла ближайшую оттоманку и поставила ее рядом с Бен-Гуром. Когда она выпрямлялась, их взоры встретились.

— Мир Господа нашего да пребудет с тобой, — скромно потупив взор, произнесла она. — Присядь и отдохни.

Когда она вновь заняла свое место рядом с креслом старика, она явно не угадала его намерения. Сила женщины отнюдь не в этом: когда дело касается таких ее чувств, как жалость, сострадание, сочувствие, она способна открыть в другом многое, но между ней и мужчиной лежит пропасть, которая будет существовать, пока она по самой природе своей открыта к подобным чувствам. Она просто осталась в убеждении, что пришелец хочет исцелить здесь какие-то раны, причиненные ему жизнью.

Не приняв предложенное ему сиденье, Бен-Гур почтительно произнес:

— Я молю доброго хозяина дома не считать меня незваным гостем. Прибыв в ваш город вчера по реке, я услышал, что ты знавал моего отца.

— Я знал князя Гура. Мы с ним были партнерами в некоторых предприятиях, законно созданных

купцами с целью прибыли в странах, лежащих за морем и пустыней. Но молю тебя — присядь. Есфирь, принеси вина молодому человеку. Иеремия упоминает о сыне Гура, который некогда правил половиной Иерусалима; древний род, клянусь честью! Во дни Моисея и Иисуса некоторые члены этого рода даже снискали себе расположение Господа нашего и разделили эту честь с другими избранными. Вряд ли их потомок, прямой их отпрыск, посетивший нас, отвергнет чашу вина лозы, созревшей на южных склонах Хеврона.

Пока звучали его слова, Есфирь поставила перед Бен-Гуром серебряную чашу, наполнив ее из кувшина, стоявшего на столе у кресла. Ставя ее перед Бен-Гуром, она скромно потупила взор. Он мягко коснулся ее руки, отводя чашу в сторону. Их взоры снова встретились; на этот раз он отметил, что она невысока — не достает даже ему до плеча, но очень грациозна, мила лицом, с черными глазами и мягким взором. Она сердечна и прелестна, подумал он, и выглядит так, как выглядела бы Тирца, будь она в живых. Бедная Тирца! Вслух он произнес:

— Нет, твой отец… если он отец тебе? — Он помедлил.

— Я Есфирь, дочь Симонидиса, — с достоин-

ством ответила она.

— Тогда, прекрасная Есфирь, отец твой, услышав мою последующую историю, не станет думать плохо обо мне, если я не поспешу отведать это вино из чудесной лозы; я надеюсь также иметь честь и далее любоваться твоей красотой. Выслушайте же меня с терпением!

Молодые люди одновременно повернулись к купцу.

— Симонидис! — твердо произнес Бен-Гур. — Мой отец до самой своей смерти имел при себе доверенного слугу, и, как мне привелось услышать, ты и есть тот самый человек!

Изуродованное тело под рубахой вздрогнуло, а тонкая рука сжалась.

— Есфирь, Есфирь! — сурово воскликнул старик. — Сюда, не туда, коль скоро ты дитя твоей матери и мое, — сюда, не туда, я сказал!

Девушка перевела взгляд со своего отца на гостя, затем поставила чашу на стол и послушно вернулась к креслу. Ее вид свидетельствовал об удивлении и тревоге.

Симонидис приподнял левую руку и коснулся ею руки девушки, снова вернувшейся на свое место на его плече. Затем он неторопливо произнес:

— Я состарился, имея дела с мужчинами, — задолго до сего дня. Если тот, кто рассказал тебе обо мне, был знаком с моей историей и поведал о ней не сурово, он должен был дать тебе понять, что я менее всего похож на человека, которому нельзя ни в чем верить. Сам Господь Израиля помогает тому, кто на склоне лет удостоен столь многих благ! Я люблю не многое, но все же люблю. Одно из этого немного, — и он поднес к своим губам руку, лежавшую на его плече, — это та душа, что всецело принадлежит мне и, жертвуя собой, скрашивает мои дни. Если ее отнять у меня, то я умру.

Есфирь склонилась и коснулась своей щекой щеки старика.

— Другое же, что я люблю, — память, которая хранит в себе целую семью. Если бы, — голос его задрожал, — если бы я только знал, где они сейчас.

По лицу Бен-Гура заструились слезы. Опережая старика, он воскликнул:

— Моя мать и моя сестра! О, ведь ты говоришь о них!

Услышав его слова, Есфирь вскинула голову, но к Симонидису вернулось спокойствие, и он ответил бесстрастным тоном:

— Выслушай меня до конца. Поскольку я тот, кто я есть, и поскольку те пристрастия, о которых я тебе рассказал, чрезвычайно важны для меня, то, прежде чем я вернусь к твоему требованию, касающемуся моих отношений с семьей князя Гура, — я должен знать, тот ли ты человек, за которого себя выдаешь. Дай же мне доказательства этого. Есть ли у тебя какие-нибудь письменные свидетельства? Или твои свидетели могут предстать предо мной лично?

Требование было высказано недвусмысленно ясно, и оспорить его не было никакой возможности. Бен-Гур покраснел, стиснул руки и бессильно

отвернулся. Симонидис продолжал настаивать.

— Я сказал — доказательства, доказательства! Приведи мне их, положи предо мной свидетельства!

Бен-Гур не находил ответа. Он не предвидел подобного требования. Лишь теперь он осознал, что три года на галерах унесли с собой все свидетельства его личности: его мать и сестра пропали, о его существовании не знал ни один человек. Он был знаком с многими, но это было и все. Если бы здесь сейчас оказался Квинт Аррий, что еще мог бы он рассказать, кроме того, что — да, нашел юного еврея и поверил, что безымянный гребец галеры и есть сын Гура? Но ныне храброго моряка уже не было в живых. Иуда много раз ощущал свое одиночество в этом мире; но лишь теперь оно пронзило его до самой глубины души. В оцепенении он встал, заломив руки и отвернув лицо. Симонидис ждал в молчании, уважая его переживания.

— Почтенный Симонидис, — произнес наконец Бен-Гур. — Я могу только рассказать историю своей жизни, соблаговоли же ее выслушать и не томи меня ожиданием своего решения.

— Говори, — сказал на это Симонидис, поняв, что он овладел ситуацией, — говори, и я тем более

охотно выслушаю тебя, поскольку не отрицал, что ты можешь быть тем человеком, за которого себя выдаешь.

Бен-Гур начал рассказ и поведал слушателям историю своей жизни, но, поскольку мы знаем ее вплоть до победного возвращения с Эгейского моря и высадки с Аррием в Мизенах, то эту часть его излияний мы опустим.

— Мой благодетель был любим и пользовался доверием императора, который по заслугам воздал ему должное. Купцы с Востока собрали средства на великолепные подарки, так что он удвоил свое богатство, и раньше бывшее среди крупнейших состояний Рима. Но разве может еврей забыть свою веру? Или свою родину, если ею была Святая земля его отцов? Этот добрый человек усыновил меня в соответствии со всеми формальными законами, и я полностью исполнил свой долг: ни один сын не был более предан и почтителен со своим отцом, нежели я. Он хотел, чтобы я учился философии, риторике, ораторскому искусству; хотел нанять для меня самых знаменитых педагогов, но я воспротивился его настояниям, поскольку я еврей и не могу позабыть ни Господа Бога, ни славы пророков, ни города на холмах, основанного Давидом и Соломоном.

О, спроси меня, почему я принимал благодеяния римлянина? Я любил его; кроме того, я думал, что смогу с его помощью достичь влияния, которое даст мне возможность когда-нибудь развеять покров тайны над судьбой моей матери и сестры. Ради этого же я познал искусство войны. В палестрах и на аренах цирков этого города я шлифовал свое искусство. Я оттачивал его в воинских лагерях и сделал себе имя, но это не было имя моих отцов. Венки, которые я завоевал, — а на стенах виллы в Мизенах их висит множество — были возложены на меня как на сына Аррия, дуумвира. И только под этим именем я известен среди римлян… Преследуя свою тайную цель, я покинул Рим и отправился в Антиохию, чтобы принять участие в кампании консула Максентия против парфян. Искусно владея всеми видами оружия, я решил овладеть высшим искусством войны — управлением войсками на поле боя. Консул включил меня в число своих полководцев. Но вчера, когда наше судно вошло в устье Оронта, мимо нас под парусами прошли два судна с желтыми флагами. Один из моих попутчиков, мой соотечественник, живущий на Кипре, объяснил, что суда принадлежат Симонидису, крупнейшему купцу в Антиохии. Он поведал

нам, кто таков этот купец; поведал о его чудесном успехе в торговле, о его судах и караванах. Ничего не зная о моем интересе к этой теме, куда большем, чем у других слушателей, он сообщил, что Симонидис был евреем, некогда слугой князя Гура. Не скрыл от нас он ни жестокостей Грата, ни его намерений.

При этом упоминании Симонидис склонил голову, и, словно желая помочь ему скрыть свои чувства, дочь уткнулась лицом ему в шею. Он тут же вскинул голову и все тем же ясным и звучным голосом произнес:

— Я слушаю тебя.

— О добрый Симонидис! — воскликнул Бен-Гур, делая шаг вперед и всем своим видом выражая мольбу. — Я вижу, что не убедил тебя и продолжаю пребывать в тени твоего недоверия.

Лицо купца было подобно бесстрастному мрамору статуи.

— И не менее ясно я понимаю сложность моего положения, — продолжал Бен-Гур. — Я могу доказать все, что касается моей жизни в Риме. Для этого мне надо только обратиться к консулу, который сейчас гостит у губернатора города. Но я ничем не могу доказать справедливость моих требований к тебе. Я не могу доказать того, что

являюсь сыном своего отца. Те, кто мог бы помочь мне в этом, — увы! — мертвы или пропали.

Он закрыл лицо руками. Есфирь поднялась с места и, взяв отвергнутую им чашу, сказала:

— Это вино страны, которую мы все любим. Выпей его, прошу тебя!

Вскинув голову, Бен-Гур увидел слезы на глазах девушки. Осушив чашу, он сказал:

— Дочь Симонидиса, сердце твое исполнено доброты. Да благословит тебя Бог. Благодарю тебя.

И снова обратился к ее отцу:

— Поскольку у меня нет никаких доказательств того, что я сын своего отца, о Симонидис, я не предъявляю никаких претензий к тебе и заверяю, что никогда больше не потревожу тебя. Позволь мне только сказать, что я не помышлял вернуть тебя снова в рабство или лишить тебя твоего благосостояния. В любом случае знай, что все твое богатство, по моему мнению, есть результат твоего труда и гения; да пребудет оно с тобой. Я не нуждаюсь в нем. Когда добрый Квинт, мой второй отец, отправился в путешествие, из которого не вернулся, он сделал меня своим наследником. Что бы ты ни думал обо мне, знай, что единственной целью моего прихода было узнать: что ты

знаешь о моей матери и Тирце, моей сестре? Она столь же прекрасна и добра, как и твоя дочь, — неужели ее нет в живых? О! Неужели даже этого ты не можешь сообщить мне?

Слезы катились по щекам Есфири, но купец был непреклонен. Все тем же четким голосом он произнес:

— Как я уже сказал, я знавал князя Бен-Гура. Помнится мне, до меня доходили слухи о несчастье, постигшем его семью. Помню, с какой горечью я выслушал эту весть. Тот, кто обрушил свой гнев на вдову моего друга, подобным же образом преследовал и меня. Скажу больше — я пытался втайне узнать о судьбе его семьи, но — мне нечем обнадежить тебя. Все они пропали.

Из груди Бен-Гура вырвался глухой стон.

— И еще одна надежда оказалась тщетной, — произнес он, пытаясь овладеть своими чувствами. — Я уже привык к ударам судьбы. Прошу тебя простить мое вторжение. Если я причинил тебе беспокойство, то сделал это ненамеренно. В жизни мне осталась только месть. Прощай.

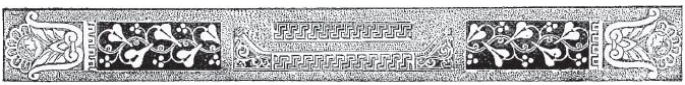
Выходя, у самой занавеси он повернулся и просто произнес:

— Благодарю вас обоих.

— Да пребудешь ты в мире, — ответил купец.

Рыдания не давали Есфири говорить.
На этом они расстались.

Глава 4
Симонидис и Есфирь

Едва Бен-Гур ушел, Симонидис, казалось, словно проснулся: лицо его пылало, тусклые глаза засверкали; он воскликнул:

— Есфирь, позвони — и побыстрее!

Девушка подбежала к столу и позвонила в колокольчик.

Один из шкафов в стене повернулся на петлях, как дверь, впустив в комнату мужчину, который, подойдя к креслу и оказавшись лицом к лицу с купцом, приветствовал его по восточному обычаю.

— Маллух, иди сюда, поближе к креслу, — нетерпеливо поманил его рукой купец. — У меня есть дело для тебя, чрезвычайно важное. Слушай! На склад сейчас по лестнице спускается молодой человек, он хорош собой и одет по-еврейски. Следуй за ним как тень и каждый вечер сообщай мне, где он бывает, что делает, в каком обществе

проводит время. Если тебе удастся, не обнаруживая себя, подслушать его разговоры, сообщи мне их слово в слово. Запоминай, кто ему прислуживает, его привычки, образ жизни. Ты понял? Тогда ступай за ним! Постой, Маллух: если он покинет город, иди за ним — и запомни, Маллух, постарайся познакомиться с ним поближе. Если он разговорится с тобой, уверь его, что при случае ты можешь ему пригодиться. И не проговорись о том, кто послал тебя. Поспеши!

Мужчина склонился в почтительном поклоне и вышел из комнаты.

Тогда Симонидис потер свои иссохшие руки и рассмеялся.

— Что сегодня за день, дочка? — спросил он, не переставая смеяться. — Какой день? Я хочу запомнить его, потому что он принес мне радость. Посмотри на календарь, Есфирь, и скажи мне, смеясь.

Такое настроение отца показалось его дочери неестественным; и, словно возражая ему, она печально ответила на это:

— Горе мне, отец! Горе потому, что я всегда должна помнить этот страшный день!

Руки купца тотчас упали на колени, голова поникла на грудь, подбородок спрятался в складках одеяния.

— Верно, совершенно верно, дочь моя! — сказал он, пряча от нее взгляд. — Да, двадцатое число

четвертого месяца года. В этот день пять лет назад моя Рахиль, твоя мать, лишилась сознания и умерла. О, для меня она была всем в этом мире! Она упокоилась в заветном месте — в гробнице, вырубленной в скале, не деля ее ни с кем! Но все же в темноте ночи после нее для меня остался светлый лучик, который теперь сияет, как утренняя заря. — С этими словами он поднял руку и возложил ее на голову дочери. — О Всемогущий Господь! Благодарю Тебя за то, что оставившая нас Рахиль жива в моей Есфири!

Чуть погодя он вскинул голову и сказал, словно под влиянием внезапно пришедшей мысли:

— На улице хорошая погода?

— Она была такой, когда вошел этот молодой человек.

— Тогда пусть придет Абимелех и поможет мне выйти в сад, потому что я хочу смотреть на реку и суда. А еще я хочу рассказать тебе, почему уста мои смеются, а сердце поет.

На звон колокольчика пришел слуга, по знаку девушки выкативший кресло, оборудованное для этой цели небольшими колесиками, из комнаты на крышу нижнего дома, которую старик называл своим садом. Мимо благоухающих кустов роз и клумбы с разнообразными цветами он прока-

тил кресло к краю крыши, откуда были видны башенки дворца на острове за рекой, далекий мост и ширь реки, на которой в сиянии утреннего солнца покачивались на мелкой волне многочисленные суда. Здесь слуга и оставил старика наедине с дочерью.

Крики грузчиков, работавших внизу, глухой стук ящиков и бочек совершенно не беспокоили старика, так же как и непрерывное шарканье ног пешеходов, идущих по мосту прямо у них над головами: все это было привычно его слуху, как и взору открывающийся перед ним вид, и скользило мимо его сознания, будучи разве что уверенными свидетельствами о будущем.

Есфирь присела на ручку кресла и, покачивая в своих ладонях руку старика, ждала, что он скажет ей. Спустя некоторое время, полностью овладев своими чувствами, он холодно и спокойно произнес:

— Когда этот молодой человек говорил, Есфирь, я, глядя на тебя, подумал, что он завоевал твое доверие.

Девушка отвечала, потупив взор:

— Сказать тебе честно, отец? Я поверила ему.

— Итак, ты считаешь его пропавшим сыном князя Гура?

— Но если это не так… — заколебалась девушка.

— А если это не так, Есфирь?

— Отец, с тех пор как мою мать призвал Господь, я все время была при тебе. Не один раз мне доводилось видеть и слышать, как мудро ты улаживал дела с разными людьми, искавшими прибыли, правой и неправой. Теперь я могу сказать, что если этот молодой человек не тот, за кого себя выдает, то никто еще передо мной так талантливо не разыгрывал представление.

— Клянусь славой Соломона, дочь моя, ты говоришь обдуманно. Так ты веришь тому, что твой отец был рабом его отца?

— Я поняла так, что он передавал слухи, которые дошли до него стороной.

Некоторое время взор Симонидиса блуждал по стоящим на рейде судам.

— Что ж, Есфирь, ты почтительное дитя и обладаешь истинно еврейской проницательностью. Ты уже достаточно взрослая и сильная, чтобы выслушать мою печальную повесть. Так обратись же вся в слух, и я поведаю тебе о себе самом, о твоей матери и о многих вещах, случившихся в прошлом, — тех вещах, которые я скрывал от дотошных римлян, да и от тебя, поскольку ты

должна была расти перед Господом, как былинка под солнцем… Я был рожден в гробнице, вырубленной в скале в долине Химмона, на южном склоне Сионского холма. Мои отец и мать были рабами — евреями, возделывавшими инжир, маслины и виноград в Царском саду. Будучи мальчишкой, я помогал им. Они были обречены пребывать в рабстве всю свою жизнь. Они продали меня князю Гуру, который тогда, в канун царствования Ирода Великого, был богатейшим человеком в Иерусалиме. Когда я подрос, он перевел меня работать из садов на свой склад в Александрии Египетской. Там я служил ему шесть лет, а на седьмой по закону Моисея я получил свободу.

Есфирь радостно всплеснула руками.

— Тогда, значит, ты не раб его отца?

— Нет, дочь моя, послушай дальше. В те дни в Храме было немало законников, которые утверждали, что дети рабов обречены всю жизнь влачить долю своих родителей. Но князь Гур был привержен справедливости во всем и тоже знал законы. Он сказал тогда, что я был в рабстве у еврея в том смысле, какой вложил в это понятие великий законодатель древности. Поэтому он письменно отпустил меня на волю — его грамоту

с печатью я храню и поныне.

— А моя мать? — спросила Есфирь.

— Ты должна выслушать меня до конца, Есфирь, поэтому будь терпелива. Ты должна понимать, что для меня было куда проще забыть себя, чем твою мать. Почти в конце моего рабства я пришел в Иерусалим на праздник Песах. Мой хозяин принял меня у себя во дворце. Я боготворил его и умолял позволить мне и дальше служить ему. Он согласился, и я служил у него еще семь лет, но уже как вольный сын Израиля. Я занимался морскими перевозками, распоряжался караванами, ходившими к востоку от Суз и Персеполя, и вел всю торговлю шелком со странами, лежавшими еще дальше. Все это были рискованные предприятия, дочь моя, но Господь благословлял все, за что я брался. Я заработал для князя немалую прибыль, а сам обрел богатейший опыт, без которого мне не удалось бы вести мои нынешние дела… Однажды я гостил в его доме в Иерусалиме. В комнату вошла рабыня, неся поднос с нарезанным хлебом. Сначала она подошла ко мне. Так я впервые увидел твою мать и влюбился в нее. Через какое-то время я просил князя дать мне ее в жены. Он поведал мне, что она до конца жизни продана в рабство; но, если она пожелает, он даст

ей свободу, чтобы вознаградить меня. Она тоже полюбила меня, но была счастлива своей долей и отвергла свободу. Я молил ее и настаивал снова и снова. Она согласилась выйти за меня замуж, но только в том случае, если я соглашусь разделить с ней ее долю. Отец наш Иаков пребывал в рабстве за свою Рахиль несколько раз по семь лет. Неужели я не сделаю подобное ради своей жены? Но твоя мать сказала, что я должен быть во всем подобен ей и стать рабом на всю жизнь. Я ушел, но вернулся снова. Посмотри, Есфирь, посмотри вот тут. — Он оттянул мочку своего левого уха. — Ты видишь этот шрам от шила?

— Вижу, — ответила девушка, — как вижу и то, сколь сильно ты любил мою мать!

— Да разве мог я не любить ее, Есфирь! Она была для меня больше, чем Суламифь для величайшего из царей, источником, питающим сад, глотком живой воды, потоком с гор Ливанских… Мой хозяин, как я его и просил, поставил меня сначала перед судьями, а потом подвел меня к двери своего дома и шилом пригвоздил ухо мое к двери. Так я стал его рабом до конца жизни. Так я получил свою Рахиль. Любил ли еще кто так, как я?

Есфирь прильнула к отцу и поцеловала его;

несколько минут они молчали, вспоминая умершую.

— Мой хозяин погиб во время кораблекрушения, и это стало первым ударом, обрушившимся

на меня, — продолжал свой рассказ купец. — В его доме в Иерусалиме царил траур, как и в моем доме в Антиохии. А теперь, Есфирь, слушай внимательно! Когда добрый князь погиб, я уже был его доверенным помощником и управлял всем его имуществом. Суди сама, как он любил меня и как мне доверял! Я поспешил в Иерусалим, чтобы дать его вдове отчет во всех средствах. Она сохранила за мной этот пост. Я стал работать с еще большим усердием. Дела шли успешно, оборот увеличивался год от года. Прошло десять лет; затем последовал удар, о котором и рассказал молодой человек, — происшествие, как он его назвал, с прокуратором Гратом. Римлянин представил все это как попытку покушения на него. Под этим предлогом он конфисковал в свою пользу все громадное наследство вдовы и детей. Но на этом он не остановился. Чтобы устранить даже саму возможность опротестовать его действия в суде, он избавился от всех заинтересованных лиц. С того ужасного дня род Гура исчез с лица земли. Его сын, которого я знал с младенчества, был отправлен на галеры. Жену и дочь скорее всего бросили в одну из темниц Иудеи, которые навечно погребают заключенных в своих стенах. Они пропали бесследно, словно их поглотили

морские волны. Никто даже не слышал, как они погибли — если, конечно, они погибли.

Глаза Есфири были полны слез.

— У тебя очень доброе сердце, Есфирь, совсем как у твоей матери. Я молю Бога, чтобы тебе не была уготована обычная судьба добросердечных людей — попасть в ловушку людской зависти и злобы. Но слушай дальше. Я отправился в Иерусалим, чтобы каким-нибудь образом помочь моей благодетельнице. Но у ворот города я был схвачен и брошен в темницу в подземелье Антониевой башни. Я терялся в догадках о причине этого, но тут в темнице появился сам Грат и стал вымогать у меня деньги дома Гура, которые были размещены мною у надежных людей в крупных торговых городах по всему миру. Он требовал от меня, чтобы я переоформил все необходимые бумаги на его имя. Я отказался. Грат наложил руку на дома, земли, товары, суда и все движимое имущество моего хозяина; но ему не заполучить его денег. Я понимал, что если я смогу сохранить благоволение нашего Господа, то буду в состоянии восстановить все имущество моего хозяина. Я отверг все требования тирана. Он отдал меня палачам; но воля моя была тверда, и ему пришлось отпустить меня, ничего не добившись. Вернувшись домой, я

начал все сначала, но уже от имени Симонидиса из Антиохии, а не князя Гура из Иерусалима. Тебе известно, Есфирь, чего я достиг; миллионы князя Гура в моих руках возросли многократно. Но ты знаешь также, что в конце третьего года по дороге в Кесарию я снова был схвачен и во второй раз подвергнут пытке по приказу Грата. Его целью было вырвать у меня признание, что все мои товары и деньги были предметом, на который распространялся его приказ о конфискации. И опять он ничего не добился. Господу нашему Богу было угодно, чтобы я остался в живых. Позднее я добыл охранную грамоту самого императора и лицензию на торговлю по всему миру. Ныне — да будет благословен царствующий на небесах — ныне, Есфирь, то богатство, которое было вручено мне для управления, умножилось многократно и достигло того размера, что могло бы обогатить и самого цезаря.

Произнеся это, старик гордо вскинул голову; взгляд его встретился со взглядом дочери; и каждый из них прочитал мысли другого.

— Что мне делать со всем этим богатством, Есфирь? — спросил старик, не опуская взгляда.

— О, отец, — негромко ответила она, — разве его законный владелец не приходил к тебе сегодня?

Взгляд старика был по-прежнему непреклонен.

— Значит, дитя мое, я оставлю тебя нищей?

— Но, отец, разве я, будучи твоим ребенком, не его раба? И кем было написано: «Сила и честь — ее одежды, и она возликует в час своего прихода»?

Взгляд старика был полон неописуемой любви, когда он произнес:

— Господь был милостив ко мне неоднократно; но ты, Есфирь, ходишь у Него в любимицах. — Он притянул ее к себе и поцеловал несколько раз. — Выслушай же теперь, — сказал он еще более звучным голосом, — выслушай же теперь, почему же я так ликовал нынешним утром. В лице этого молодого человека передо мной предстал его отец в далекой молодости. Душа моя воспряла, приветствуя его. Я ощутил, что дни моих испытаний миновали и окончились мои труды. Я едва не заплакал. Мне хотелось взять его за руку, подвести к моим свиткам, показать ему, сколько я заработал, и сказать: «Смотри — все это твое! Я же твой раб, готовый к тому, что ты прогонишь меня». И я бы так и сделал, Есфирь, но в этот момент три мысли пронеслись в моей голове, сдержав мой порыв. Я удостоверюсь, что он сын моего хозяина, — такова была первая мысль;

а если он и в самом деле сын князя Гура — я должен узнать его характер. Подумай, Есфирь, сколь часто в руках тех, кто не знает цену деньгам, они становятся проклятием…

Он помолчал, стискивая руки, и в голосе его зазвенела страсть.

— Есфирь, представь себе ту боль, которую я испытал в руках римлян; нет, не от одного только Грата: те безжалостные негодяи, которые исполняли его распоряжения и в первый, и во второй раз, тоже были римлянами; все они одинаково смеялись надо мной, вопящим от боли. Подумай о моем изломанном пытками теле, о годах, проведенных в этом кресле, о своей матери, лежащей в гробнице, куда ее свела тревога; подумай о скорби семьи моего хозяина, если она еще жива, или о жестокости их смерти, если они уже давно мертвы; подумай обо всем этом, дочь моя, и со всем благословением небес на тебе скажи мне: разве не должен упасть волос и не должна пролиться кровь во искупление? Но не говори мне, как порой говорят служители Бога, — не говори мне, что отмщение осуществляет только Бог. Разве не карает Он руками своих посланцев? Разве Его воинство не более многочисленно, чем сонм Его пророков? Разве не в Его законе напи-

сано: «око за око и зуб за зуб»? О, все эти годы я мечтал о возмездии, молил и работал на него и, копя золото в своих сокровищницах, мечтал, что в один заветный день с его помощью я смогу покарать своих обидчиков. И когда, говоря о своем мастерстве в обращении с оружием, молодой человек сказал, что оттачивал его для неназываемой цели, я тут же в душе своей произнес ее имя — возмездие! И именно это, Есфирь, и было той третьей мыслью, которая удержала меня от ответа на все его мольбы и исторгла из меня смех радости, когда он ушел.

Есфирь нежно погладила его иссохшиеся руки и сказала, словно опережая его мысли:

— Но он ушел. Придет ли он снова?

— Да, Маллух следует за ним и приведет его ко мне, когда я буду готов.

— И когда это произойдет, отец?

— Скоро, уже скоро. Он думает, что все его свидетели мертвы. Но есть один, тот, кто не преминет опознать его, если он и в самом деле сын моего хозяина.

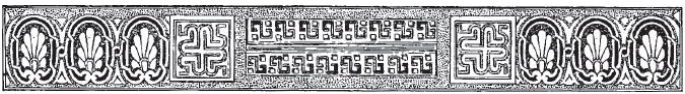
— Его мать?

— Нет, дочка, я устрою им очную ставку; а пока, во имя Господа, займемся обычными делами. Я устал. Позови Абимелеха.

Есфирь позвала слугу, и все вместе они вернулись в дом.

Глава 5
Роща Дафны

Когда Бен-Гур пробирался между груд товаров в большом пакгаузе Симонидиса, в голове его крутилась единственная мысль — вот и еще одна неудача постигла его, еще одна из числах тех, которые ему пришлось испытать, разыскивая своих родных. Он с особой остротой ощущал сейчас свое одиночество в мире, которое в его душе убивало интерес к жизни.

Миновав сновавших грузчиков и кипы товаров, он медленно приблизился к краю пристани, привлеченный прохладной тенью, падавшей от моста на речную гладь. Течение реки, казалось, остановилось и поджидало его. Глядя на воду, Бен-Гур вдруг вспомнил слова своего попутчика: «Лучше быть червем и питаться шелковицей Дафны, чем пировать за царским столом». Повернувшись, он быстрыми шагами пересек причал и направился к караван-сараю.

— Дорога к Дафне? — переспросил служитель караван-сарая в ответ на обращенный к нему вопрос Бен-Гура. — Вы там еще не бывали? Что ж, считайте сегодняшний день самым счастливым днем в вашей жизни. А что касается дороги — то вы не ошибетесь. Первая улица налево, идущая на юг, тянется к холму Сульпия, на вершине которого расположены алтарь Юпитера и амфитеатр. Ступайте по ней до третьего перекрестка, поверните там направо, на улицу, которая называется Колоннадой Ирода, пройдите весь старый город Селевка до бронзовых Эпифановых ворот. Оттуда и начинается дорога к роще Дафны — и да хранят вас боги!

Отдав несколько распоряжений относительно своего багажа, Бен-Гур пустился в путь.

До Колоннады Ирода он добрался достаточно быстро, затем, миновав старый город, вышел из-под мраморного портика бронзовых ворот вместе с толпой, составленной из всех торговых наций света.

Начинался четвертый час дня, когда он ступил на загородную дорогу, оказавшись одним из множества паломников, направляющихся в знаменитую рощу. Дорога состояла из отдельных полос для пешеходов, для всадников и для

экипажей, отдельно для идущих из города и для следующих в город. Полосы были разделены невысокими балюстрадами, перемежающимися с массивными тумбами, на многих из которых возвышались статуи. Слева и справа от дороги тянулись заботливо ухоженные зеленые газоны, время от времени сменявшиеся группами дубов и платанов. В стороне от дороги возвышались увитые виноградом легкие постройки, в которых усталые путники могли отдохнуть на обратном пути. Полосы, предназначенные для пешеходов, были вымощены красноватым камнем; для всадников и повозок — утрамбованным белым песком, чтобы не разбивать лошадиных копыт и глушить звуки колес. Струи множества фонтанов, возведенных на деньги, пожертвованные побывавшими здесь царями, смягчали жару. Вытянувшись на четыре мили, оживленная дорога вела от городских ворот к юго-западной опушке рощи.

Занятый своими мыслями, Бен-Гур едва обращал внимание на царскую роскошь, с которой была сооружена дорога. Не больше внимания уделял он и толпе, идущей рядом с ним. Равнодушным взором провожал он открывающееся перед ним зрелище. По правде говоря, если не

знать, что занимало его мысли, более всего он напоминал самодовольного римлянина, посетившего провинцию и пресыщенного зрелищами, которые изо дня в день развертывались вокруг золотых колонн, возведенных Августом в центре мира. Ни одна из провинций не могла предложить взору римлянина ничего более нового или изысканного. Бен-Гур спешил, в нетерпении своем обгоняя бредущих путников. Но, миновав Гераклею, пригородное селение, лежащее на полпути между городом и рощей, он более или менее успокоился и стал воспринимать окружающую его обстановку. Сначала его внимание привлекла пара коз, которых вела прекрасная женщина, украшенная, как и ее козы, цветными лентами и цветами. Затем он замедлил шаг, чтобы бросить взгляд на могучего снежно-белого быка, увитого свежесрезанными виноградными лозами и несущего на своей широкой спине сидевшего в плетеной корзине нагого мальчугана. Ребенок изображал юного Вакха, выжимавшего в чашу сок созревших гроздей и пившего его с заздравными восклицаниями. Насмотревшись на это зрелище, Бен-Гур возобновил свой путь, размышляя, на чьи алтари будут возложены столь щедрые дары. По соседней полосе проскакала

лошадь, с подрезанной, по моде того времени, гривой. Он улыбнулся, отметив про себя сходство в гордыне между человеком и животным. После этого он часто оборачивался на скрип колес и глухой топот копыт, с интересом присматриваясь к конструкции экипажей и одеждам едущих в них людей. Потом его внимания удостоились и попутчики. Среди них были люди всех возрастов, мужчины, женщины и дети, все в праздничных одеждах. Одна группа была облачена в одежду белых цветов, другая — в темном. Некоторые размахивали цветными флагами, другие несли дымящиеся курильницы. Одни шествовали степенно, распевая гимны; иные приплясывали под звуки флейт и лютен. Если так местные жители посещают рощу в самый обычный день года, то каким же восхитительным зрелищем должна быть эта Дафна! Наконец спереди раздался взрыв аплодисментов и радостные крики. Проследив в направлении, куда многие показывали руками, Бен-Гур увидел на склоне невысокого холма ворота, напоминающие портал храма: вход в священную рощу. Гимны в честь богов зазвучали громче, музыканты ускорили темп игры. Подхваченный течением толпы и невольно разделяя ее пыл, Бен-Гур вошел в ворота и, несмотря на то

что по вкусам был римлянином, ощутил святость этого места.

Миновав сооружение, которым был отмечен вход, — храм в истинно греческом стиле, — он очутился перед широкой эспланадой, мощенной полированным камнем. В воздухе над ним повисла радуга — множество фонтанов наполняли пространство мельчайшими брызгами. Перед ним веером расходились выметенные дорожки, скрываясь на юго-западе в парке, переходившем в лес, окутанный пеленой бледно-голубого тумана. Бен-Гур задумчиво огляделся по сторонам, не представляя себе, куда ему отправиться. В это мгновение неподалеку от него женщина обратилась к своему спутнику:

— Какая красота! Но куда теперь?

Мужчина в лавровом венке засмеялся и ответил:

— О прекрасная дочь варвара! Вопрос этот выдает твои земные страхи. Но разве мы не договорились оставить все их на древней земле Антиохии? Ветерок, овевающий нас здесь, несет с собой дыхание богов. Отдадимся же его дуновению.

— Но если мы заблудимся?

— Трусишка! Еще ни один человек не заблудил-

ся в роще Дафны, не считая тех, за кем ее врата закрылись навсегда.

— Кто же они? — все еще с боязнью в голосе спросила она.

— Те, кто не смог устоять перед очарованием этого места и предпочел его жизни и смерти. Прислушайся! Постоим немного здесь, и я покажу тебе, о ком я говорил.

Послышались звуки множества быстрых шагов по мрамору эспланады. Толпа раздалась, и группа девушек окружила говорившего и его простодушную подругу, распевая песни под аккомпанемент лютен. Испуганная женщина прильнула к своему спутнику, который обнял ее за плечи и с умиротворенным лицом неподвижно застыл, вслушиваясь в чудесные звуки. Волосы танцовщиц плыли в воздухе, нежная кожа рук и ног просвечивала сквозь легкую ткань их туник, почти не скрывавших стройных тел. Человеческие слова не способны передать чувственность их движений. Завершив круг танца, девушки рванулись сквозь расступившуюся толпу и исчезли столь же стремительно, как и появились.

— Ну, что ты о них думаешь? — спросил мужчина у своей спутницы.

— Но кто они? — удивилась та.

— Девадаси[40] — жрицы храма Аполлона. Их много. На празднествах они поют в хоре. Иногда путешествуют по другим городам, а все, что там зарабатывают, приносят сюда, обогащая дом божественных музыкантов. Ну что, теперь пойдем дальше?

---

[40] Примечания: 40

Девадаси — храмовые танцовщицы *(хинд.).*

Через минуту они уже исчезли среди деревьев.

Бен-Гур, успокоенный тем, что в роще Дафны еще никто не потерялся, тоже направился — сам не зная куда.

Первой привлекла его внимание скульптура, возвышавшаяся неподалеку на прекрасном пьедестале. Когда он подошел поближе, оказалось, что это статуя кентавра. Надпись на пьедестале разъясняла, что статуя изображает Хирона[41], любимца Аполлона и Дианы, посвященного ими в тайны охотничьего промысла, целительства, музыки и предсказаний. Надпись также просила посетителей обратить особое внимание на указываемый участок звездного неба, где в определенный час в ясную ночь можно видеть погибшего кентавра живым, вознесенным на небо милостью Юпитера.

Мудрейший из кентавров тем не менее продолжал свое служение человечеству. В руке он держал свиток, на котором по-гречески были высечены пункты извещения:

«О путник!

Ты впервые в этих краях? Вслушайся в журча-

---

[41] Примечания: 41

Хирон — мудрый и ученый кентавр, сын Сатурна и Филиры, воспитатель Эскулапа, Ясона, Ахилла и других; превращен в созвездие Стрельца *(миф.)*.

ние ручья и не страшись струй фонтанов, потому что это наяды[42] пытаются выразить тебе свою любовь. Легкие ветры, веющие в роще Дафны, есть дыхание Зефира[43] и Австра[44]: нежные служители жизни, они навевают тебе прохладу. Когда дует Эвр[45], Диана охотится в своих владениях. Но скройся, когда неистовствует Борей[46], ибо он есть гнев Аполлона. Тени рощи принадлежат тебе днем, но ночью в них царит Пан[47] со своими дриадами[48]. Не тревожь их. Вкушай умеренно лотосы, растущие по берегам ручьев, иначе ты лишишься памяти и станешь сыном этих мест. Стороной обходи паука, ткущего свою сеть, — это Арахна[49] трудится для Минервы[50]. Если же ты вызовешь хоть слезинку Дафны, сорвав самый малый листок с лаврового куста, — ты умрешь.

---

[42] Примечания: 42
Наяда — нимфа источников.

[43] Примечания: 43
Зефир — название западного весеннего ветра *(греч.).*

[44] Примечания: 44
Австр — собственное имя южного ветра *(рим.).*

[45] Примечания: 45
Эвр — восточный ветер *(греч., поэт.).*

[46] Примечания: 46
Борей — северный ветер *(греч.).*

[47] Примечания: 47
Пан — бог лесов, пастухов и скота, сын Меркурия или Юпитера, изоб-

ражавшийся с козлиными копытами, рогами и хвостом, изобретатель пастушеской семиствольной свирели.

[48] Примечания: 48

Дриада — нимфа деревьев.

[49] Примечания: 49

Арахна — лидийская ткачиха, превращенная в паука *(миф.).*

[50] Примечания: 50

Минерва — любимая дочь Юпитера, родившаяся из его головы, девственная богиня — покровительница наук и искусств, городской жизни и войны (отождествлялась с греч. Афиной) *(миф.).*

Внемли же сему!

Пребывай здесь и будь счастлив!»

Бен-Гур оставил столпившихся у него за спиной людей вчитываться в таинственное предупреждение и отошел от статуи в тот миг, когда мимо проводили белого быка. Мальчик по-прежнему сидел в плетеной корзине, за ним следовала целая процессия людей; замыкала ее уже знакомая нам женщина с козами. Чуть отставая, шла группа музыкантов с флейтами и лютнями. Еще несколько человек несли приношения богам.

— Куда они идут? — спросил кто-то из зевак.

Ему ответил другой:

— Бык — жертва отцу нашему Юпитеру, коза…

— Разве не Аполлон некогда сохранил клочок шерсти Адмета?[51]

— Ну да, коза достанется Аполлону!

Рассчитывая на великодушие читателя, мы снова позволим себе прибегнуть к разъяснениям. Определенная легкость к восприятию различных верований дается нам в результате частого общения с людьми различных вер; мало-помалу мы начинаем понимать, что каждое мировоззрение имеет среди своих приверженцев хороших лю-

---

[51] Примечания: 51

Адмет — царь Фер (Фессалия), один из аргонавтов, муж Алкестиды.

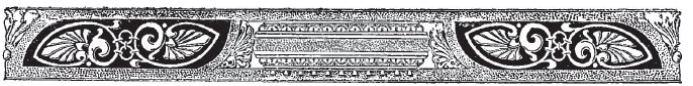
дей, достойных нашего уважения, которых мы не можем уважать, не уважая их ценностей. Именно к такому пониманию со временем пришел и Бен-Гур. Годы, проведенные им на галере и в Риме, нисколько не повлияли на его религиозные убеждения: он по-прежнему оставался иудеем до мозга костей. Но однако ему не казалось зазорным полюбоваться на красоты рощи Дафны.

В обычном состоянии духа Бен-Гур вряд ли бы направился в рощу в одиночку. Он расспросил местных о достопримечательных местах рощи и обеспокоился бы наличием провожатого. Либо заручился рекомендательным письмом к старшему, если б ему вздумалось провести свободное время, одиноко отдыхая в прекрасном уголке. Но это низвело бы его до положения любопытствующего, согласного бродить в общем стаде под присмотром поводыря, а Бен-Гур не испытывал особого любопытства к достопримечательностям рощи. Просто в его нынешнем состоянии, состоянии человека, испытавшего горчайшее разочарование, Бен-Гур плыл по течению, покорившись судьбе и не помышляя бросать ей вызов.

Каждый человек знает подобное состояние сознания, и, надеемся, каждый наш читатель

скажет: для Бен-Гура будет удачей, если прихоть, ныне овладевшая им, окажется всего лишь добродушным клоуном в колпаке с бубенчиками, а не безжалостным злодеем с обнаженным мечом в руках.

Глава 6
Шелковицы Дафны

Вместе с процессией Бен-Гур углубился под кроны деревьев. Не настолько заинтересованный, чтобы спрашивать у своих спутников, куда они все направляются, он смутно осознавал, что все двигаются к храмам, которые и были центром притяжения и средоточием всего самого интересного.

Под завораживающий мотив флейт и прекрасное пение Бен-Гур размышлял над словами, врезавшимися ему в память: «Лучше быть червем и питаться шелковицей Дафны, чем пировать за царским столом». Неужели жизнь в роще была и в самом деле столь приятна? И в чем скрывалось ее очарование? В запутанных ли глубинах философии или где-то на поверхности, легко различимое человеческими чувствами? Каждый год тысячи людей, отказываясь от мира, посвящали себя служению здесь. Почему? Поддаваясь очаро-

ванию здешних мест? Неужели этого очарования достаточно, чтобы, познав его, отрешиться от жизни? как от ее радостей, так и от ее тягот? от надежд, которые сулит ближайшее будущее, от скорбей, порождения прошлого? И если роща так очаровательна для других, почему она не может быть такой же и для него? Он был евреем; но не может же быть так, чтобы великолепие, очевидное для всего мира, было бы скрыто для сынов Авраама? В чем же тогда дело?

Небеса ничем не могли помочь ему в поисках ответа; они просто голубели, отливая синевой.

Затем из-за деревьев справа налетел несильный порыв ветра, принесший сладкий запах роз и каких-то курений. Бен-Гур, как и его спутники, остановился, глядя в ту сторону, откуда прилетел ветерок.

— Там, похоже, сад, — сказал он, обращаясь к мужчине, стоявшему рядом с ним.

— Скорее идет служба — может быть, в честь Дианы, или Пана, или божества здешних лесов.

Это было произнесено на родном языке Бен-Гура. Он удивленно посмотрел на говорившего.

— Еврей? — лаконично спросил он.

С почтительной улыбкой мужчина ответил:

— От моего родного дома было рукой подать до Рыночной площади в Иерусалиме.

Бен-Гур хотел было продолжить разговор, но толпа пришла в движение, оттеснив его на обочину аллеи и унося незнакомца с собой. Ему запомнился только облик — традиционное еврейское одеяние, коричневая накидка на голове, схваченная желтым шнурком, резкий иудейский профиль.

Тропинка, на которой стоял Бен-Гур, уходила вглубь леса, суля желанное укрытие от шумных процессий. Он с удовольствием последовал ее зову.

Углубившись в заросли, выглядевшие совершенно дикими и непроходимыми, Бен-Гур вскоре осознал, что здесь царила рука опытного мастера. Кустарники были либо цветущими, либо плодоносными; земля под склоненными ветвями расцветала разнообразными цветами; надо всем этим простирал свои изящные ветви жасмин. В воздухе витали ароматы сирени и роз, лилий и тюльпанов, цветущего олеандра и земляничного дерева, столь знакомых Бен-Гуру по его прогулкам в аллеях города Давидова.

Множество птиц населяло заросли кустарника,

через которые пробирался наш герой; ворковали голуби и горлицы; черные дрозды словно ожидали его приближения и манили к себе; соловьи бесстрашно сидели на ветках, на расстоянии вытянутой руки от него; перепелка прошмыгнула у самых его ног, свистом маня за собой выводок птенцов. Когда же он приостановился, чтобы дать им дорогу, с ложа из мягких веток приподнялась какая-то фигура, увитая цветущими травами. Бен-Гур в нерешительности остановился. Можно ли ему тревожить своим вторжением сатира? Существо взглянуло на него и обнажило в улыбке зубы, больше напоминающие изогнутые ножи. Бен-Гур улыбнулся своему собственному испугу. Очарование этого места начинало действовать! Покой без страха — вот что царило здесь!

Он опустился на траву под лимонным деревом, распластавшим у него над головой свои ветви. На одной из них, низко склонившейся к журчащей воде, прилепилось гнездо синицы. Крошечное создание выглянуло из летка гнезда и посмотрело прямо в глаза Бен-Гуру. «Воистину я начинаю понимать язык птиц, — подумал он. — Она хочет сказать: „Я не боюсь тебя, поскольку в этом счастливом месте царит закон любви“».

Очарование этого места стало совершенно яс-

но для него; он был счастлив и ничего не имел против того, чтобы стать одним из затерявшихся в роще Дафны. Ухаживать за цветами и кустами, созерцать молчаливую красоту, царящую повсюду, куда падал взор, — разве не может он, подобно только что виденному им существу с зубами, подобными ножам, проводить свои дни здесь, забыв все жизненные тяготы?

Но мало-помалу его еврейская природа дала о себе знать.

Для иных такого очарования могло быть вполне достаточно. Любовь восхитительна — ах, как приятно ощутить себя наследником всего этого великолепия! Но неужели в жизни достаточно только этого? Между ним и теми, кто обрек себя на вечное блаженство здесь, не было ничего общего. У тех не было никакого чувства долга — да они и не хотели иметь его. Но он…

— О Бог Израиля! — воскликнул он. — Мать! Тирца! Будь проклято место, где я поддался соблазну ощутить счастье без вас!

Быстрыми шагами он прошел кустарник и оказался у реки, берега которой были облицованы камнем, с перекинутыми над водой мостиками. Ни один из них не был похож на другой. Под мостиком, на который взошел Бен-Гур, вода об-

разовывала глубокий омут. Ниже по течению широкая струя ниспадала с камней, дальше — новый водопад и снова каскад. Каскады терялись вдали, а журчащая вода рассказывала, как это умеют делать лишенные дара речи существа, что река протекает здесь с разрешения владыки этих мест и именно так, как угодно этому владыке, покорная воле богов.

Перейдя по мосту, он увидел перед собой широкую долину, рощицы и озера вдали. Кое-где рядом с тропинками белели причудливые домики. Дно долины понижалось к горизонту, так что воды реки могли орошать ее в засушливые периоды. Землю покрывал сплошной ковер травы, кое-где уступавшей место цветочным клумбам. На изумрудной зелени белоснежными пятнами выделялись стада овец. Голоса пастухов далеко разносились в воздухе. Словно рассказывая пришельцам о священном предназначении всего, что расстилалось перед ними, многочисленные алтари, возведенные прямо под открытым небом, усеивали долину. Возле каждого виднелась фигура служителя божества, облаченного в белоснежные одежды, а процессии паломников медленно проходили мимо них. Дым курений медленно поднимался над алтарями, сливаясь в

бледно-прозрачное облако, висевшее над этим заповедным местом.

Внезапно на Бен-Гура снизошло озарение — роща Дафны была, в сущности, храмом, широко раскинувшимся храмом без стен!

Никогда еще на свете не было ничего похожего!

Архитектор, создававший этот храм, не ломал голову над стилем колонн и портиков, пропорций или интерьеров, не задавался никакими ограничениями относительно идей, которые он хотел материализовать; он просто выступал в роли служителя природы. Изящный сын Юпитера и Каллисто[52] создал старинную Аркадию; и в этой, как и в той, явил себя гений греков.

Спустившись с мостика, Бен-Гур зашагал по ближайшей аллее. Пасшая овец девушка сделала ему знак рукой: «Идем!»

Тропинка раздваивалась, огибая алтарь — пьедестал из черного гнейса, на котором покоилась искусно увитая зелеными ветвями плита белого мрамора, служившая подножием для курильницы, в которой горел огонь. Сидевшая рядом

---

[52] Примечания: 52

Каллисто — одна из возлюбленных Юпитера, аркадская нимфа, спутница Дианы, превращенная Юноной в медведицу, которую убила Диана *(миф.)*.

с алтарем девушка при виде Бен-Гура приветственно взмахнула ивовой ветвью и окликнула его: «Постой!» Страстная улыбка ее была полна очарования юности.

Далее повстречалась одна из процессий; во главе ее шла группа маленьких девочек, высокими голосками распевавших песнь. Все одеяние их составляли гирлянды цветов на бедрах. За ними следовала группа мальчиков постарше, также обнаженных, их гибкие тела были покрыты темным загаром. Мальчики приплясывали в такт песне девочек. Вслед за ними основные участники процессии — только женщины в свободных белых одеждах — несли к алтарям корзины благовоний и сладостей. Когда Бен-Гур обгонял их, женщины протянули к нему руки, восклицая: «Остановись и следуй с нами!» Одна из них, гречанка, нараспев произнесла несколько строк Анакреона:

Где вино? Долой кручину!
Что за прибыль, если буду
В размышлениях томиться?
Мы грядущего не знаем[53].

---

[53] Примечания: 53
Перевод Г. Церетели.

Бен-Гур, не обращая на них внимания, упорно шел вперед и наконец добрался до самого сердца долины: там буйствовала изумрудная зелень листьев и пейзажи ласкали взор. Чуть утомившись, он поддался искушению отдохнуть на обочине тропинки. Немного постояв, он сквозь густую листву заметил белый блеск мрамора и, поняв, что там стоит какая-то статуя, углубился под прохладную сень деревьев.

Мягкая трава под ногами сверкала изумрудной зеленью. Деревья росли не плотно, так что Бен-Гуру не приходилось продираться сквозь заросли. Здесь были представлены породы, как росшие на Востоке, так и привезенные из дальних стран. Царственные пальмы соседствовали с платанами, темная листва лавров оттеняла свежую зелень дубов. Громадные кедры, словно желая оправдать свое название «царей Ливана», высоко возносили свои кроны, под которыми уютно чувствовали себя шелковицы и терпентинные деревья, столь прекрасные, словно были перенесены сюда из райского сада.

Дафна была изваяна в виде девушки изумительной красоты. У ее пьедестала на разостланной тигровой шкуре спали в объятиях друг друга юноша и девушка. Рядом на земле лежали орудия их

труда — его топор и серп и ее корзина, — небрежно брошенные на охапку увядших роз.

Зрелище это озадачило Бен-Гура. Отступив назад и скрывшись в зарослях благоухающего кустарника, он стал размышлять над увиденным. Чуть ранее он, как ему казалось, понял, что очарование великолепной рощи составлял покой без страха, и уступил ему. Но теперь, увидев этот сон среди бела дня — этот сон у подножия Дафны, — он понял то, что ранее заявляло о себе чуть ясным намеком. Законом этого места была Любовь, но Любовь вне рамок Закона.

Так вот каким был сладкий покой рощи Дафны!

Так вот чему приносили дары цари и князья!

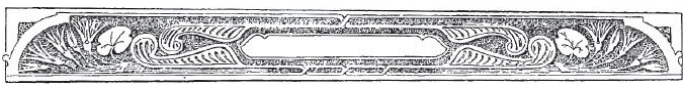
Так вот чему искусные служители культа подчинили природу — ее птиц, ее ручьи, ее лилии, реку, труд множества рук, святость алтарей, животворящую силу солнца!

Приятно отметить, что на обратном пути Бен-Гур, погруженный в подобные рассуждения, испытал нечто вроде сожаления к почитателям этого громадного природного храма; особенно к тем из них, кто трудами своих рук поддерживал его в столь великолепной красоте. Теперь их мотивы, стремления, побуждения были ясны для

него. Некоторых из них, без всякого сомнения, привлекло сюда обещание обрести незыблемый покой в этой священной обители, красоте которой при отсутствии денег они могли пожертвовать свой труд. Но таких, безусловно, среди поклонников этого места было немного. Сети Аполлона широки, но ее ячейки узки. Попадали в них и сибариты со всего света, и приверженцы чувственности, для которых Восток оказался истинной находкой. Находил здесь свое место и популярный певец, и его несчастливая любовница, и философ, которому для высшего наслаждения было необходимо уединение. Добрейший читатель, почему бы и не сказать правды? Почему бы и не открыть глаза на то, что в тот век на всей земле было только два народа — тот, что жил по закону Моисея, и тот, что жил по закону Брамы. Только они могли сказать: «Лучше закон без любви, чем любовь без закона».

Взгляд Бен-Гура, быстрым шагом идущего по роще, стал теперь более прохладным. Губы его временами кривила усмешка. Он сам чуть было не попался в ловушку.

Глава 7
Стадион в роще Дафны

Бен-Гур оказался перед стеной кипарисов, каждый из которых толщиной напоминал колонну храма, а стройностью — корабельную мачту. Войдя под их тень, он услышал донесшийся до него веселый зов трубы и тут же увидел вытянувшегося на траве человека, с которым обменялся парой слов по дороге в рощу. Тот встал и подошел к Бен-Гуру.

— Я снова желаю тебе мира, — с приятной улыбкой произнес он.

— Благодарю, — ответил Бен-Гур и спросил: — Нам по пути?

— Если ты, как и я, направляешься на стадион.

— Стадион?

— Ну да. Именно туда эта труба и призывает соперников померяться силами.

— Мой дорогой, — откровенно сознался Бен-Гур, — должен сказать, что впервые здесь и почти

ничего не знаю о роще; так что, если тебе будет угодно разрешить мне следовать за тобой, я буду чрезвычайно признателен.

— Я буду польщен. Слушай! Я слышу звук колесниц, они занимают места на дорожках.

Бен-Гур несколько секунд прислушивался, а затем, завершая церемонию представления, положил свою ладонь на предплечье мужчины и сказал:

— Я сын Аррия, дуумвира.

— Я Маллух, торговец из Антиохии.

— Что ж, любезный Маллух, звук трубы, скрип колес и возможность увидеть соревнование чрезвычайно заинтересовали меня. У меня есть кое-какой опыт в подобных делах. Мое имя знают в палестрах Рима. Пойдем же туда.

Маллух несколько секунд колебался, но потом все же спросил:

— Дуумвир был римлянином, а его сына я вижу в одежде еврея.

— Благородный Аррий сделал меня своим приемным сыном, — ответил Бен-Гур.

— Я понял и прошу прощения.

Выйдя из кипарисовой рощицы, они оказались на поле, по которому была проложена дорожка для гонок колесниц. Полотно ее было выложено

мягкой землей, смешанной с песком, укатано и обрызгано водой. Вдоль краев дорожки, ограждая ее, тянулись веревки, свободно навитые на воткнутые в землю копья. Для зрителей были сооружены трибуны, затянутые от солнца навесом и оборудованные сиденьями. Вновь прибывшие нашли два свободных места на одной из них.

Бен-Гур считал колесницы по мере того, как они проезжали мимо них, — всего их оказалось девять.

— Молодцы ребята, — сказал он с одобрительным кивком. — Я думал, что здесь, на Востоке, вряд ли кто-то решится на что-то большее, чем двойная запряжка; но они оказались честолюбивы и выставляют поистине королевские четверни.

Восемь четверок миновали трибуны, некоторые обычным шагом, другие рысью; колесничие великолепно правили своими скакунами. Последняя, девятая, колесница пронеслась галопом. Бен-Гур пришел в восторг и не мог сдержать своих чувств.

— Мне приходилось бывать в конюшнях самого императора, Маллух, но, клянусь благословенной памятью отца нашего Авраама, даже там я не видел ничего подобного.

Последняя четверка как раз разворачивалась, чтобы занять свое место. Внезапно постромки перепутались, лошади сбились с шага. Один из зрителей что-то неразборчиво крикнул. Бен-Гур обернулся на звук и увидел, что какой-то старик привстал со своего места в верхнем ряду, размахивая руками. Глаза его страстно сверкали, длинная седая борода трепалась в воздухе. Некоторые из зрителей поближе к нему не могли удержаться от смеха.

— Они должны уважать по крайней мере его возраст. Кто это? — спросил Бен-Гур.

— Могущественный житель пустыни, обитающий где-то за царством Моаб[54], владелец стад верблюдов и табунов лошадей, из рода гонщиков первых фараонов — шейх Илдерим, — ответил Маллух.

Меж тем колесничий прилагал отчаянные и безуспешные старания, чтобы успокоить лошадей. Его тщетные усилия привели шейха в еще большее неистовство.

---

[54] Примечания: 54

Моаб — античное царство к востоку от Мертвого моря, на территории которого ныне находится Иордания *(ист.).*

— Аваддон[55] тебя побери! — яростно кричал патриарх. — Успокойте же их! Бегите туда! Вы слышите меня, дети мои?

Слова эти были обращены к его спутникам, по всей видимости, из того же племени.

— Вы меня слышите? Они же дети пустыни, как и вы. Возьмите их под уздцы — быстрее!

Смятение животных только увеличивалось.

— Проклятый римлянин! — С этими словами шейх погрозил вознице кулаком. — Разве он не клялся, что справится с ними — всем сонмом своих нечестивых римских богов? Нет, руки прочь от меня — прочь, я сказал! Да они летят как птицы — а этому вознице только пасти баранов! Будь он проклят! И будь проклята мать тех лжецов, которые называют его своим сыном! Эти лошади не имеют цены! Пусть он только осмелится хлестнуть их кнутом и… — Остаток фразы потонул в яростном стуке его зубов. — Какой же я был идиот, что доверился этому римлянину!

Бен-Гур, понимавший чувства шейха, испытывал к нему сочувствие. Им владела не только уязвленная гордость собственника — и не только беспокойство за исход гонок. Патриарх, как

---

[55] Примечания: 55

Аваддон — «погибель», ангел бездны *(библ.)*.

сообразил Бен-Гур, зная образ мыслей и чувств подобных людей, испытывал к лошадям самую нежную любовь, граничащую со страстью.

Вся четверка была гнедой масти, без единого пятнышка, все лошади одна в одну, столь пропорционально сложенные, что казались меньше, чем были на самом деле. Изящно вырезанные уши венчали небольшие головы; морды лошадей были широкими, глаза широко расставленными. Внутренности ноздрей были окрашены в такой темно-красный цвет, что казалось, дышали пламенем. Выгнутые дугой шеи венчали гривы столь длинные, что пряди их падали животным на плечи и грудь. Челки лошадей, под стать их гривам, вились нежным шелком. Лошадиные бабки были изысканно сухи, выше колен узлами вздувались мощные мышцы, несшие великолепно сложенные туловища. Копыта напоминали чаши, выточенные из полированного агата, со свистом рассекающие воздух. Глянцево-черные хвосты, толстые и длинные, стелились по воздуху. Шейх назвал лошадей бесценными, и слово было выбрано совершенно верно.

Взглянув на лошадей еще раз, более пристально, Бен-Гур прочел и всю историю их отношений со своим хозяином. Они выросли на его глазах,

под непрерывным присмотром и заботой, буквально были членами его семьи, живя вместе с ним, как его возлюбленные дети, под пологом черного навеса, закрывавшего их от яростного солнца пустыни. Чтобы они добыли ему триумф над надменными и ненавидимыми римлянами, старик привел своих любимцев в этот город, нисколько не сомневаясь в их победе на скачках, если удастся найти умельца, которому под силу справиться с ними, умельца, обладающего не только необходимым опытом, но и пламенным духом. В отличие от холодных людей Запада он не мог не возмущаться неспособностью колесничего справиться с его прекрасными лошадьми; будучи арабом и шейхом, он просто не мог не взорваться.

Не замолкли еще проклятия старика, как дюжина крепких рук схватила лошадей под уздцы и остановила их. Почти тотчас другая колесница появилась на дорожке. В отличие от остальных эта колесница, возница и скакуны выглядели так, словно были участниками финального заезда в самом цирке. По причине, которая вскоре станет понятной, желательно дать нашему читателю более подробное описание этого участника заезда.

Экипаж колесницы представлял собой несущую

площадку с небольшими колесами и мощными осями, на которой был установлен бортик, открытый сзади. Эта достаточно простая конструкция была известна человечеству с незапамятных времен. С течением времени гений конструктора превратил ее в произведение искусства — вполне достойное, например, Авроры, которая не постыдилась бы подняться на нем на небеса, чтобы возвестить утреннюю зарю.

Античные жокеи именовали свои самые скромные по возможностям экипажи двойками, а самые мощные — четвернями; и именно на последних они выступали на Олимпийских играх и прочих празднествах.

Лошадей в подобные экипажи предпочитали запрягать в один ряд. Чтобы различать их, двух ближайших к дышлу животных называли запряжными, а крайних слева и справа — пристяжными. Считалось, что максимальной скорости колесница может достичь в том случае, если лошадям обеспечена наибольшая свобода движений. Поэтому упряжь отличалась чрезвычайной простотой. Она состояла из хомута вокруг шеи животного и постромки, прикрепленной к хомуту, если не считать появившихся со временем поводьев и недоуздка. Чтобы запрячь

лошадей, конюхи вставляли узкое деревянное коромысло или поперечину в отверстие ближе к концу дышла и при помощи ремней, продеваемых через кольца на концах этой поперечины, прикрепляли его к хомуту. Постромки от запряжных они крепили к оси тележки, а от пристяжных — к верхнему краю рамы. Оставалось разобраться с поводьями, которые, судя по современным нам подобным приспособлениям, были не менее курьезной частью всей упряжи. Для этой цели служило большое кольцо у переднего конца дышла. Закрепив сначала поводья за него, создатели упряжи потом разделяли их так, чтобы они шли к каждой из лошадей и уходили к вознице, проходя по отдельности через кольца удил.

Получив общее представление о технической стороне гонок, возвращаемся к нашему повествованию. Итак, последний участник состязаний был встречен достаточно шумно. Еще когда он только направлялся к трибунам, его приближение сопровождалось аплодисментами и приветственными криками. Его запряжные были воронымиями, пристяжные — снежно-белыми. В соответствии с существовавшими тогда канонами римского вкуса хвосты их подрезаны, подстриженные гривы собраны в пучки и перевязаны

красными и желтыми лентами.

Пока вновь прибывший во всем великолепии двигался к месту старта, становилось понятным восхищение трибун. Уже самые колеса экипажа представляли собой чудо конструкции. Прочные полосы полированной бронзы усиливали ступицы; спицы были выпилены из слоновой кости, природным изгибом в сторону движения, что лишь подчеркивало их красоту. Бронзовые шины охватывали ободья колес, выточенные из полированного черного дерева. Торцы оси, гармонируя с колесами, были прикрыты бронзовыми бляшками в виде оскаленных тигриных голов, настил же колесницы был сплетен из позолоченных ивовых ветвей.

Появление прекрасных лошадей и великолепной колесницы заставило Бен-Гура с интересом посмотреть на ее возницу.

Кто этот человек?

Бен-Гур не мог видеть лицо мужчины, но что-то знакомое в облике возничего заставило его напрячься и обратиться памятью к временам давно прошедшим.

Кем же он мог быть?

Колесница приближалась, кони шли рысью. Судя по крикам и воодушевлению толпы, можно

было решить, что возничим был либо официальный фаворит гонок, либо участник благородного звания. Нередко и цари выступали в гонках, соревнуясь за честь получить лавровый венок победителя. В свое время и Нерон[56] и Коммод[57] участвовали в подобных соревнованиях. Бен-Гур встал с места и спустился к самому ограждению, отделявшему первый ряд зрителей от беговой дорожки. Лицо его было серьезно, все тело напряжено, как струна.

В этот момент фигура и лицо возницы оказались на виду. Рядом с ним ехал помощник, в позе Миртила[58], Бен-Гур видел только колесничего, стоявшего во весь рост с поводьями, несколько раз обмотанными вокруг пояса. Статная фигура, едва прикрытая туникой светло-розовой ткани, держащая в правой руке кнут. Другая рука, приподнятая на уровень пояса и слегка вытянутая вперед, сжимала четыре пары поводьев. Поза была явно выбрана благодаря ее картинности.

---

[56] Примечания: 56

Нерон — римский император с 54 по 68 г. н. э.

[57] Примечания: 57

Коммод — сын Марка Аврелия, римский император со 180 по 192 г. н. э.

[58] Примечания: 58

Миртил — сын Меркурия и Клеобулы, вероломный возница Эномая *(миф.).*

Крики и аплодисменты возничий встречал со столь же картинным равнодушием. Память не обманула Бен-Гура — этим колесничим был Мессала!

По великолепию лошадей, роскоши колесницы, по отношению толпы и по его отношению к толпе, но прежде всего по холодному выражению лица, по резкости его орлиных черт Бен-Гур понял, что Мессала ничуть не изменился. Он был все тот же — надменный, самоуверенный и дерзкий, как и прежде, заматеревший в своих амбициях, цинизме и насмешливой беззаботности.

Глава 8
Кастальский ключ

Когда Бен-Гур спускался по ступеням трибун, на нижнюю ступень вскочил араб, воскликнув:

— Люди Востока и Запада — слушайте! Милостивый шейх Илдерим шлет вам свой привет. С четверкой своих лошадей, прямых потомков любимцев Соломона Мудрого, он приехал сюда, чтобы помериться силами с лучшими из лучших. Ему нужен могучий наездник, который мог бы править ими. Тому, кто сможет сделать это так, чтобы шейх остался доволен, он обещает сказочную награду. Пусть повсюду, на улицах и в цирках, расскажут об этом его предложении. Так сказал мой хозяин, шейх Илдерим Щедрый.

Это объявление вызвало оживление среди людей, собравшихся под навесом. Стало понятно, что уже вечером его будут повторять и обсуждать во всех спортивных кругах Антиохии. Бен-Гур, услышав его, остановился и в раздумье уставился

на посланца шейха. Маллух было подумал, что он вот-вот примет это предложение, но испытал облегчение, когда Бен-Гур повернулся к нему и спросил:

— Любезный Маллух, куда мы пойдем теперь?

Тот с достоинством поклонился и, улыбаясь, произнес:

— Поскольку ты, как и многие здесь, посетил рощу впервые в жизни, не угодно ли тебе будет узнать свою судьбу?

— Ты говоришь, узнать судьбу? Хотя такое предложение предполагает некое неверие, что ж, давай пойдем вопрошать богиню.

— Нет, о сын Аррия, поклонники Аполлона придумали нечто более любопытное, чем этот старый трюк. Вместо того чтобы слушать пророчества пифии или сивиллы, они продают чистый лист папируса и просят обмакнуть его в воду некоего ключа. После чего на папирусе проступают стихотворные строки, из которых ты можешь узнать свою судьбу.

Интерес, отразившийся было на лице Бен-Гура, тут же пропал.

— Есть люди, которые не считают нужным тревожиться насчет своего будущего, — мрачно произнес он.

— Тогда ты, наверное, предпочтешь посетить храмы?

— Храмы эти греческие, не правда ли?

— Да, они считаются греческими.

— Эллины были великими знатоками изящных искусств; но в архитектуре они принесли многообразие в жертву простой красоте. Их храмы все похожи один на другой. Как называют этот ключ?

— Кастальским.

— О, это имя известно всему миру. Пойдем туда.

По дороге Маллух осторожно поглядывал на своего спутника. От него не укрылось, что хорошее расположение духа оставило Бен-Гура. Тот не обращал внимания ни на встречавшихся им людей, ни на чудесные творения природы и человеческих рук, мимо которых они проходили. В молчании, даже угрюмо он медленно ступал рядом со своим провожатым.

Появление Мессалы повергло Бен-Гура в глубокое раздумье. Былое снова нахлынуло на него, ему казалось, что всего лишь час назад сильные руки оторвали его от матери, а римский солдат наложил печать на ворота отцовского дома. Он снова вспоминал, как в безнадежном страдании

на галерах, склоняясь над веслом, лелеял мечты о мести главным образом Мессале. Стоило пытаться бежать, убеждал он себя, чтобы отомстить Грату, но ради мести Мессале — никогда! А чтобы укрепиться в этой решимости, он твердил себе снова и снова: «Кто дал нам право быть мстителями?» Но тут же появлялись другие мысли: «Когда я молил его о помощи — не для себя, — кто посмеялся надо мной и со смехом отвернулся от меня?» Всякий раз мечта оканчивалась одним и тем же: «В тот день, когда я встречусь с ним, — о добрый Бог моего народа, помоги мне отыскать самое достойное отмщение!»

И вот такая встреча была готова состояться.

Возможно, если бы Бен-Гур обнаружил, что Мессала пребывает в нищете и страданиях, то чувства его были бы совсем другими. Но дело обстояло не так. Мессала явно процветал.

И то, что Маллух принял за потерю хорошего настроения, было на самом деле рассуждениями о том, когда такая встреча должна состояться и каким образом сделать ее наиболее запоминающейся.

Вскоре они свернули в дубовую аллею. По ней прохаживались группами люди, сновали пешеходы и всадники, рабы несли носилки с

сидящими в них женщинами. Раздавался стук колес экипажей.

В конце аллеи дорога постепенно переходила в низину, с правой стороны которой возвышалась скала серого гранита, а слева расстилался луг, радуя глаз весенней зеленью травы. Затем им открылся вид на знаменитый Кастальский ключ.

Пробравшись сквозь группу паломников, обступивших это место, Бен-Гур увидел струю родниковой воды, бьющую из расщелины в скале и падающую в большую чашу черного мрамора, из которой, бурля и пенясь, она через воронкообразный сток уходила в землю.

Рядом с чашей, под небольшим навесом, вырубленным в скале, сидел жрец — бородатый старик, одетый в балахон с капюшоном, — настоящий отшельник. Судя по поведению людей, все происходящее здесь едва ли можно было считать аттракционом — как ключ, беспрестанно изливающийся, так и жреца, неизменно пребывающего рядом с ним. Он вслушивался в разговоры, наблюдал, находился на всеобщем обозрении, но не произносил ни слова. Очередной посетитель протягивал к жрецу руку с зажатой в пальцах монетой. С хитрой улыбкой во взоре тот брал деньги и давал гостю лист папируса.

Получивший этот лист человек спешил окунуть его в чашу с водой; затем, держа лист на солнце, получал вознаграждение в виде рифмованных строк, проступавших на его поверхности. Молва, ходившая об этом ключе, высоко превозносила поэтические достоинства таких предсказаний. Но еще до того, как Бен-Гур смог оценить пророчество оракула, взору собравшихся предстали новые посетители, направлявшиеся по лугу к знаменитому источнику. Их появление вызвало всеобщее любопытство, и Бен-Гур не был исключением.

Сначала в глаза ему бросился верблюд, очень высокий и необыкновенно белый, медленно ступавший вслед за едущим на лошади всадником. Houdah, навес над помостом на спине животного, был окрашен в карминный цвет и отделан золотом. Еще двое верховых следовали за верблюдом с длинными копьями в руках.

— Какой замечательный верблюд! — произнес один из собравшихся.

— Какой-нибудь князь издалека, — предположил другой.

— Скорее похож на царя.

— Если бы он приехал на слоне, я бы сказал, что это царь.

Третий паломник не согласился с первыми двумя.

— Верблюд — белый верблюд! — авторитетно заявил он. — Клянусь Аполлоном, друзья, те, кто приближается сюда, — а двоих из них вы видите — не цари и не князья, это женщины!

В самый разгар этого обмена мнениями путники приблизились к собравшимся.

Вблизи животное все так же производило впечатление прибывшего издалека. Выше и стройней верблюда не приходилось видеть никому из присутствующих, хотя многие из собравшихся у источника людей добирались сюда тоже из отдаленных местностей. Необычно большие черные глаза; чрезвычайно тонкая шерсть; ступни, сильно сжимающиеся, когда нога отрывалась от земли, и так же раздающиеся, когда она бесшумно опускалась на почву, — никто никогда не видел ровни этому верблюду. И как шли ему шелковое покрывало и украшения в виде золотой бахромы с золотыми кисточками на поводе! Тонкий звон серебряных колокольчиков плыл впереди животного, верблюд двигался легко, словно не обремененный поклажей.

Взоры присутствующих с любопытством устремились на прибывших людей.

Если бы старец, сидевший под навесом, и в самом деле был бы князем или царем, то наверняка присутствующие в толпе философы, увидев худое иссохшее лицо, едва различимое под громадным тюрбаном, кожу цвета мумии, не дававшую представления о национальности ее обладателя, несомненно, получили бы удовлетворение от мысли, что один и тот же срок жизни отмерен как сильным мира сего, так и малым сим. И завидным они нашли бы только покрывало, в которое был закутан этот человек.

Женщина сидела по-восточному, закутанная в покрывала и кружева тончайшей работы. На руках повыше локтей отливали золотом браслеты в виде переплетающихся змей, соединенные с золотыми же браслетами на запястьях. Обнаженные руки пленяли своей грацией, кисти изяществом напоминали кисти ребенка. Одна рука женщины покоилась на борту помоста, позволяя видеть унизанные кольцами пальцы с отливающими розовым перламутром ногтями. На голову женщины было наброшено кружевное покрывало, украшенное коралловыми шариками и золотыми монетами, некоторые из которых, подвешенные на нитках, покоились на ее лбу. С приподнятого сиденья женщина взирала на

стоявших у источника людей спокойно, с милой улыбкой и, по-видимому, представляя, какое впечатление она производит на них. В нарушение всех существовавших здесь обычаев, обязательных для женщин в общественных местах, лицо ее не было ничем прикрыто.

Кожа молодой женщины не блистала белизной, как у гречанки, не переходила в смуглоту, как у римлянки, и не отливала розовым, как у галльской женщины. Скорее всего, солнце Верхнего Нила позолотило своими лучами эту кожу, столь тонкую, что сквозь нее просвечивали жилки на щеках и лбу женщины. Глаза, большие от природы, были слегка подведены темной краской в стиле, с незапамятных времен существовавшем на Востоке. Слегка приоткрытые губы позволяли видеть ослепительно-белые зубы. Ко всему этому следует добавить то ощущение, которое исходило от гордо посаженной небольшой головки женщины, классических очертаний, слегка запрокинутой на высокой шее, — ощущение, которое лучше всего передается словом «царственное».

Словно удовлетворившись осмотром людей и окрестностей, красавица сказала несколько слов погонщику — мускулистому эфиопу, обна-

женному по пояс. Повинуясь команде, погонщик подвел верблюда ближе к источнику и заставил его опуститься на колени, после чего получил из рук женщины чашу и стал наполнять ее водой из источника. В тот же миг скрип колес и топот лошадиных копыт разрушили благоговейную тишину, в которой люди созерцали красоту незнакомки. С криками и шумом толпа раздалась, люди со всех ног бросились в разные стороны.

— Этот римлянин хочет растоптать нас. Посмотри! — крикнул Маллух Бен-Гуру, быстро отступая.

Тот взглянул в направлении источника шума и увидел Мессалу, во весь опор гнавшего свою колесницу прямо на толпу. Теперь его бывший друг был куда ближе и виден совершенно отчетливо.

Расступившаяся толпа открыла верблюда, который хотя и был куда более резв, чем обычно бывают верблюды, но сейчас лежал с поджатыми ногами, прикрыв глаза и пережевывая жвачку, с той безмятежностью, которую долгие годы хорошего отношения явно воспитали в нем. Эфиоп в ужасе заломил руки. В палатке на спине верблюда старик сделал было движение, чтобы спрыгнуть и избежать опасности. Но он был обременен годами и не мог даже перед лицом опасности

предстать перед окружающими в неловком виде — достоинство явно было его второй натурой. У женщины тоже не было времени для спасения. Бен-Гур, стоявший ближе всего к ним, крикнул Мессале:

— Осади лошадей! Ты же собьешь людей! Назад, назад!

Патриций откровенно потешался испугом людей, и, видя, что остался один-единственный шанс на спасение, Бен-Гур бросился навстречу несущимся лошадям и схватил под уздцы левых пристяжную и коренную.

— Ты, римская собака! Тебе не дороги жизни людей? — крикнул он, изо всех сил сдерживая лошадей.

Левая пара попятилась, увлекая за собой и остальных. Поворот дышла развернул колесницу. Мессала едва удержался от падения, его самодовольный Миртил скатился на землю через открытый тыл колесницы, как комок глины. Собравшиеся, поняв, что избежали опасности, разразились саркастическим хохотом.

Невиданная отвага смельчака произвела впечатление даже на римлянина. Размотав поводья со своего тела, он бросил их на борт колесницы, спустился на землю, обошел верблюда, присталь-

но посмотрел на Бен-Гура и обратился к старику и женщине:

— Молю вас простить меня — молю вас обоих. Меня зовут Мессала, и, клянусь богиней земли, я совершенно не видел ни вас, ни вашего верблюда! Что касается этих добрых людей — я чересчур понадеялся на мой опыт. Я хотел посмеяться их испугу — теперь они смеются надо мной. Так что мы квиты!

Добродушная речь римлянина, его беззаботный вид и успокаивающие жесты произвели впечатление на собравшихся. Они замолкли, желая услышать, что он еще скажет. Уверенный в том, что он выпутался из ситуации, Мессала сделал знак своему помощнику отвести колесницу на безопасное расстояние и продолжил свою речь, обращаясь в основном к женщине:

— Будь благосклонна к стоящему перед тобой человеку, который будет искать твоего прощения, если ты не даруешь его сейчас, с еще большим старанием. Ты, как я понимаю, дочь этого странника.

Женщина ничего не ответила.

— Клянусь Аполлоном, ты воистину прекрасна! Хотел бы я знать, в какой стране появилась на свет твоя мать. Только не отворачивайся! Мир,

мир! В твоих глазах играет солнце Индии, но губы твои пили воду Нила. Perpol! Будь же благосклонна к своему рабу и скажи хотя бы, что я прощен.

При этих словах женщина нарушила свое молчание.

— Ты не подойдешь поближе? — спросила она с улыбкой, склоняя голову к Бен-Гуру. — Возьми эту чашу и наполни ее, прошу тебя, — снова попросила она того. — Моего отца томит жажда.

— Я твой самый покорный слуга!

Бен-Гур повернулся было, чтобы исполнить ее просьбу, и оказался лицом к лицу с Мессалой. Их взгляды скрестились — дерзкий Бен-Гура и играющий весельем Мессалы.

— О чужестранка, столь же прекрасная, сколь и жестокая! — воскликнул Мессала, помахав ей рукой. — Если Аполлон не возьмет тебя в свою свиту, мы еще встретимся. Не зная твоей родины, я не знаю, какого бога молить о нашей встрече. Поэтому я доверю свою судьбу всем здешним богам!

Бросив беглый взгляд назад, он увидел, что Миртил привел в порядок четверку лошадей, и направился к колеснице. Женщина проводила его взглядом, который отнюдь не выражал неудовольствия. Приняв от Бен-Гура чашу с водой, она почтительно подала ее отцу, потом поднесла к своим губам, а затем вернула Бен-Гуру. Движения женщины были на редкость изящны и грациозны.

— Мы просим тебя — возьми эту чашу на память о нас. Она полна наших молитв — о тебе!

Верблюд поднялся на ноги и уже готов был двигаться дальше, когда старик неожиданно произнес:

— Подойди сюда поближе.

Бен-Гур почтительно склонился перед ним.

— Ты сегодня спас чужеземцев. Существует только один Бог. Его святым именем я и благодарю тебя. Меня зовут Балтазар, египтянин. В великом Пальмовом саду, что за селением Дафны, в тени пальм раскинул свой шатер шейх Илдерим Щедрый, чьими гостями мы являемся. Ты найдешь нас там. Ты будешь принят там с почетом и сможешь оценить нашу благодарность.

Бен-Гур несколько секунд стоял, словно завороженный звучным голосом старика и его изысканными манерами. Придя в себя, он проводил взглядом уплывавших на верблюде чужестранцев, отметив краем глаза Мессалу, уезжающего таким же, каким он сюда приехал, — довольным собой, равнодушным к происходящему и с насмешливой улыбкой на лице.

Глава 9
Страсти по гонкам колесниц

Как правило, нет лучше способа заслужить неприязнь людей, чем вести себя хорошо в то время, когда они ведут себя плохо. Маллух, однако, оказался счастливым исключением из правил. Происшествие, свидетелем которого он оказался, высоко подняло Бен-Гура в его глазах, поскольку он не мог отрицать его отвагу и ловкость. Если бы Маллуху удалось еще узнать кое-что из прошлого молодого человека, то дневная добыча могла бы стать весьма значительной для Симонидиса.

С этой точки зрения из всего, что он сейчас узнал, два факта были самыми значимыми — предмет его изучения был евреем и сыном знатного римлянина. Еще одно заключение, которое могло оказаться важным, только-только начало складываться в проницательном уме эмиссара: между Мессалой и сыном дуумвира существовала некоего рода связь. Но что это была

за связь и каким образом превратить предположение в уверенность? Пока Маллух ломал над этим голову, Бен-Гур сам пришел ему на помощь. Взяв своего спутника под руку, он вытащил его из толпы, которая уже перенесла свой интерес снова на старого жреца и знаменитый источник.

— Добрый Маллух, — остановившись, спросил он своего нового знакомого, — скажи, может ли человек забыть свою мать?

Вопрос был задан резко, едва ли не грубо и относился к тем, которые приводят спрашиваемого человека в замешательство. Маллух взглянул на Бен-Гура, ожидая хоть некоторой расшифровки вопроса, но увидел только два ярких пятна румянца, горящие на щеках молодого человека, а в его глазах — с трудом скрываемые слезы. Поэтому на заданный вопрос он ответил почти механически:

— Нет! — А затем с пылом страсти добавил: — Никогда!

Затем, несколько мгновений спустя, начиная приходить в себя:

— Если он израильтянин — никогда!

Наконец, окончательно придя в себя, сказал:

— Первое, что я выучил в синагоге, была Ше-

ма[59], а потом — речения сына Сирахова: «Делом и словом почитай отца твоего и мать, чтобы пришло на тебя благословение от них»[60].

Пятна румянца на щеках Бен-Гура заполыхали еще ярче.

— Эти слова возвращают меня снова в мое детство; а еще, Маллух, они доказывают, что ты истинный еврей. Думаю, что могу верить тебе.

Бен-Гур выпустил из пальцев руку Маллуха, за которую держался, запахнул на груди складки своего одеяния и прижал их к груди, словно для того, чтобы утишить боль.

— Мой отец, — сказал он, — носил доброе имя и почитался многими в Иерусалиме, где он жил. Моя мать до самой своей смерти пребывала в расцвете женственности; нечего и говорить, что она была добра и прекрасна; законом ее был закон добра, она молилась за всех встречных и улыбкой приветствовала каждый новый день. У меня еще была младшая сестра, мы жили вместе и были так счастливы, что я по крайней мере никогда не ви-

---

[59] Примечания: 59

Шема — в иудаизме одна из важнейших литургических молитв, читаемая во время утренних и вечерних богослужений, представляющая собой символ веры иудаистов.

[60] Примечания: 60

Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова, 3: 8.

дел причин усомниться в речении старого рабби, говорившего: «Господь не может быть повсюду, поэтому он создал матерей». Однажды произошел несчастный случай со знатным римлянином, как раз тогда, когда он ехал мимо нашего дома во главе когорты солдат. Легионеры взломали ворота нашего дома, ворвались и схватили нас. С тех пор я больше не видел ни сестры, ни матери. Я даже не могу сказать, живы они или мертвы. Ничего не знаю о том, что сталось с ними. Но, Маллух, тот человек в колеснице присутствовал при этом. Он отдал нас в руки наших палачей; он слышал, как наша мать молила за своих детей, и только смеялся, когда ее оттаскивали от нас. Не знаю, что глубже врезалось мне в память — любовь или ненависть. Сегодня я узнал его еще издалека — и, Маллух… — Бен-Гур схватил слушавшего его человека за руку. — Он, Маллух, знает тайну, за которую я готов заплатить жизнью: только он может сказать мне, жива ли моя мать и где она сейчас. Если она — нет, они, — поскольку такие страдания сделали их единым существом, — если же они мертвы, он может рассказать мне, где они умерли и от чего и где их кости ждут, чтобы я их похоронил.

— А если он этого не сделает?

— Да, не сделает.

— Но почему?

— Я еврей, а он римлянин.

— Но у римлян тоже есть языки, а евреи, хоть и всеми презираемы, мастера на всякие хитрости.

— Обвести вокруг пальца такого, как он? Не выйдет; да и, кроме того, это только часть проблемы. Все имущество моего отца было конфисковано.

Маллух медленно кивнул головой скорее в знак того, что он понимает данный довод. Затем он снова спросил:

— Но он тебя не узнал?

— Он не сможет меня узнать. Я получил пожизненный приговор, и меня уже давным-давно считают мертвым.

— Удивительно только, что ты не набросился на него.

— Тогда бы он навечно потерял для меня всякую ценность. Мне пришлось бы убить его, а смерть, как ты знаешь, хранит тайны лучше ненавистного, но живого римлянина.

Человек, который, имея столько поводов для мщения, столь спокойно откладывает месть, должен быть совершенно уверен в своем будущем или иметь наготове что-нибудь получше

обыкновенной мести. Интерес, который питал к молодому человеку Маллух, сменился раздумьями; он уже не ощущал себя эмиссаром, выполняющим поручение. Получилось так, что Бен-Гур на свой страх и риск обратился к нему, Маллуху, за помощью. Другими словами, Маллух был уже готов служить ему от чистого сердца и с искренним восхищением.

Помолчав несколько минут, Бен-Гур снова заговорил:

— Я не хочу покушаться на его жизнь, добрый Маллух; тайна, которую он хранит, служит ему лучшей защитой. Но я все-таки хочу покарать его и, если ты мне поможешь, постараюсь это сделать.

— Он римлянин, — без колебаний ответил Маллух, — а я происхожу из колена Иудина. Я помогу тебе. Если хочешь, я готов принести клятву — самую торжественную клятву.

— Дай мне руку, этого будет вполне достаточно.

После того как они пожали друг другу руки, Бен-Гур с облегчением произнес:

— То, что я хочу поручить тебе, друг мой, не отяготит твою совесть. Пойдем отсюда.

Они двинулись по дорожке, которая вела направо, пересекая тот луг, о котором шла речь в описании Кастальского ключа. Бен-Гур первым

нарушил молчание:

— Знаешь ли ты шейха Илдерима Щедрого?

— Да.

— А где находится этот его Пальмовый сад? Хотя нет, лучше скажи мне, Маллух, как далеко до него от селения Дафны?

При этом вопросе Маллухом овладели некоторые сомнения. Вспомнив красоту женщины, которая у источника явно проявила интерес к его спутнику, он спросил себя: неужели человек, так скорбящий по пропавшей матери, уступит соблазну любви? Однако он все же ответил:

— Пальмовый сад расположен за селением в двух часах езды на лошади или в часе — на быстром верблюде.

— Спасибо, и выручи меня своими познаниями еще раз. Скажи, те игры, о которых ты мне рассказывал, — о них знает много народу? И когда они должны состояться?

Вопросы были несколько неожиданны; и если они и не устранили сомнений Маллуха, то по крайней мере разбудили его любопытство.

— О да, это будет роскошное зрелище! Префект[61] — несметный богач и не хочет потерять

---

[61] Примечания: 61

Префект — административное или военное должностное лицо в Древнем Риме *(ист.).*

свое место. Так что с целью обрести себе друга при дворе он пойдет на любые хлопоты ради консула Максентия, который прибыл сюда, чтобы завершить все приготовления к походу против парфян[62]. Какие деньги бывают вложены в подобные приготовления, жители Антиохии знают по своему опыту — им предлагается поучаствовать в организации приема столь значительного лица. Еще месяц назад глашатаи объявили во всех четырех кварталах города, что в цирке состоится чествование. Само имя префекта служит уже гарантией пышности и разнообразия зрелищ, особенно здесь, на Востоке. Все города и острова пришлют сюда своих представителей и самых знаменитых спортсменов. Обещаны неслыханные награды победителям.

— А ваш цирк — я слышал, он второй по величине и уступает только Колизею?

— Ты имеешь в виду цирк в Риме? Ну, наш вмещает двести тысяч зрителей, ваш на семьдесят пять тысяч больше. Ваш цирк построен из мрамора, как и наш; все оборудование в точности как и у вас.

— И правила те же самые?

---

[62] Примечания: 62
Парфяне — племя на территории современного Ирана.

Маллух улыбнулся этому вопросу.

— Если бы Антиохия осмелилась ввести свои собственные, Рим не был бы владыкой мира. Здесь действуют те же правила, что и в Колизее, за одним лишь исключением: там в одном заезде могут участвовать не более четырех колесниц, а здесь стартуют все, сколько есть.

— Так же водится и у греков, — заметил Бен-Гур.

— Да, Антиохия ближе к Греции, чем к Риму.

— Так что, Маллух, я могу участвовать со своей собственной колесницей?

— Со своей колесницей и со своими лошадьми. Правила это разрешают.

Маллух, не сводивший глаз с лица Бен-Гура, заметил, что озабоченность сменилась на нем выражением удовлетворения.

— Еще одно, Маллух. Когда состоится празднество?

— Ах! Прости, сейчас соображу, — ответил тот. — Завтра и послезавтра состоятся службы богам, и если боги будут милостивы, то консул прибудет. Да, на шестой день от нынешнего откроются игры.

— Времени немного, Маллух, но его может хватить. — Последние слова были произнесены

решительным тоном. — Клянусь пророками нашего древнего Израиля! Придется мне снова взяться за поводья! Погоди! Но будет ли принимать участие в гонках Мессала?

Теперь Маллух стал понимать, что задумал Бен-Гур для посрамления римлянина. Но он бы не был истинным наследником Иакова, если бы не стал тут же взвешивать шансы на победу. Его голос даже вздрагивал, когда он спросил:

— Но тебе доводилось править колесницей?

— Не бойся, друг мой. Победители гонок в Колизее три года назад сложили свои венки к моим ногам. Спроси их — спроси лучших из них. После последних гонок сам император обещал мне свое покровительство, если я возьму в руки поводья его коней и отправлюсь на них к пределам мира.

— Но ты не согласился?

— Я… я все же еврей. И хотя я ношу римское имя, я не хочу профессионально заниматься тем, из-за чего имя моего отца трепали бы во всех закоулках нашего Храма. На песке палестр я освоил искусство, которое, если практиковать его в цирках, вызовет только отвращение. И если я собираюсь участвовать в здешних скачках, то, клянусь тебе, Маллух, отнюдь не ради выигрыша.

— Постой! Не клянись! — воскликнул Мал-

лух. — Приз составляют десять тысяч сестерциев — это безбедная жизнь!

— Хотя бы префект увеличил его в полсотни раз — это не для меня. Я буду участвовать в скачках, чтобы покарать своего врага. Закон позволяет отмщение.

Маллух улыбнулся и закивал головой.

— Верно, верно — поверь мне, еврей всегда поймет еврея. Мессала обязательно будет участвовать, — напрямую подтвердил он. — Он уже много раз заявлял, что будет участвовать в скачках, — в уличных объявлениях, в термах и в театрах, во дворце и в казармах. Его имя стоит на табулах[63], которые имеются на руках у каждого богатого бездельника в Антиохии. Пути назад у него нет.

— На него делают ставки, Маллух?

— Да, ставят; и он каждый день напоказ выезжает на тренировки — да ты и сам это видел.

— Ага! Стало быть, это его собственная колесница и те лошади, с которыми он будет выступать? Спасибо, спасибо тебе, Маллух! Ты отлично послужил мне. Я весьма удовлетворен. Так проводи же теперь меня в Пальмовый сад и представь

[63] Примечания: 63

Табула — покрытая воском гладкая пластинка из кости или дерева, на которой острым стержнем (стило) делались записи в античном мире.

шейху Илдериму Щедрому.

— Когда?

— Сегодня. Завтра лошадей могут отдать другому.

— Значит, они тебе понравились?

Бен-Гур с воодушевлением ответил:

— Я видел их с трибун только мельком, потому что тут же появился Мессала и я уже не мог смотреть ни на что другое. И все-таки я сразу же распознал в них кровь, которая является чудом и славой пустыни. Подобных им я видел разве что в конюшнях цезаря. Но такое не забывается. Встретясь с тобой завтра, Маллух, я все равно узнаю тебя, даже если ты не кивнешь мне головой. Я узнаю тебя по лицу, по фигуре, по твоим движениям. И точно так же я узнал их, я совершенно в этом уверен. И если правда то, что о них говорят, то я…

— …Выиграю сестерции, — смеясь, закончил за него Маллух.

— Нет, — быстро ответил Бен-Гур. — Я сделаю лучшее из того, что может сделать человек из рода Иакова, — я посрамлю моего врага на глазах сотен тысяч людей. Но, — тут же нетерпеливо прибавил он, — мы теряем время. Как быстрее всего мы сможем добраться до шатров шейха?

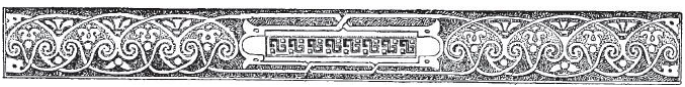
Маллух несколько секунд раздумывал.

— Лучше всего направиться прямо в селение, которое, на счастье, не так уж далеко. Если там удастся нанять двух быстрых верблюдов, то уже через час мы будем на дороге туда.

— Тогда нам лучше поспешить.

Селение представляло собой множество дворцов, рассыпанных в прекрасных садах, перемежающихся с караван-сараями, построенными с царственной роскошью. Путники быстро наняли двух верблюдов и, оседлав их, начали свое путешествие к знаменитому Пальмовому саду.

Глава 10
Бен-Гур узнает о Христе

За пределами селения вся земля, представлявшая собой цепь невысоких холмов, оказалась тщательно возделанной; по сути, это был один огромный огород, плодами которого питалась Антиохия. Ни один клочок земли не пропадал даром. На крутых склонах холмов были устроены террасные поля, даже разделявшие их живые изгороди представляли собой виноградники, манившие путников тенистой прохладой и сиреневатыми гроздьями зреющих ягод. Среди бахчей, абрикосовых и лимонных рощ, зарослей инжира и лаймов[64] виднелись беленые домишки крестьян. Изобилие, веселое дитя мира, на сотню разных ладов возвещало о своем пребывании в этих жилищах, радуя сердца путников. Далее, у самого горизонта, возвышались горные

---

[64] Примечания: 64

Лайм — разновидность лимона, дающего маленькие зеленые плоды.

хребты Тельца и Ливанских гор, между которыми серебряной полоской струил свои воды Оронт.

По дороге к Пальмовой роще друзья ехали вдоль реки, которая повторяла извивы дороги, неся на себе множество судов, бесконечной процессией поднимавшихся и спускавшихся по ней к морю. Затем они добрались до озера, которое через короткую протоку соединялось с рекой. Там, где протока впадала в озеро, на берегу виднелась поросль могучих пальм, при виде которой Маллух захлопал в ладони и воскликнул:

— Смотри, смотри! Это и есть Пальмовый сад!

Открывшуюся им картину можно было увидеть еще разве что в оазисах Аравии или на берегах Нила. Бен-Гур особо отметил для себя плоскую, как стол, равнину, уходящую к самому горизонту. Когда они въехали под сень пальм, под ногами их верблюдов зазеленела свежая трава — чрезвычайно редкое и самое великолепное здесь, в Сирии, украшение почвы. Подняв голову вверх, Бен-Гур увидел сквозь листву образующих крестовые своды ветвей бесчисленных финиковых пальм бледную голубизну неба. Недалекое озеро своими водами питало корни пальм, снабжая их влагой весь их долгий век. Превосходила ли роща Дафны своей красотой этот уголок земли?

И пальмы, словно прочитав мысли Бен-Гура, благодарно склонялись над его головой, когда он проезжал под их сводами, и осеняли его благовонной свежестью.

Дорога, шедшая строго параллельно берегу озера, вскоре привела путников к урезу воды протоки, на другой стороне которой тоже росли только могучие пальмы.

— Взгляни сюда, — сказал Маллух, указывая на одно особенно высокое дерево. — Каждое кольцо на его стволе отмечает один год его жизни. Сосчитай, сколько таких колец расположено от корней до кроны, и ты поймешь — если шейх будет утверждать, что роща была посажена еще до первых Селевкидов, ему вполне можно верить.

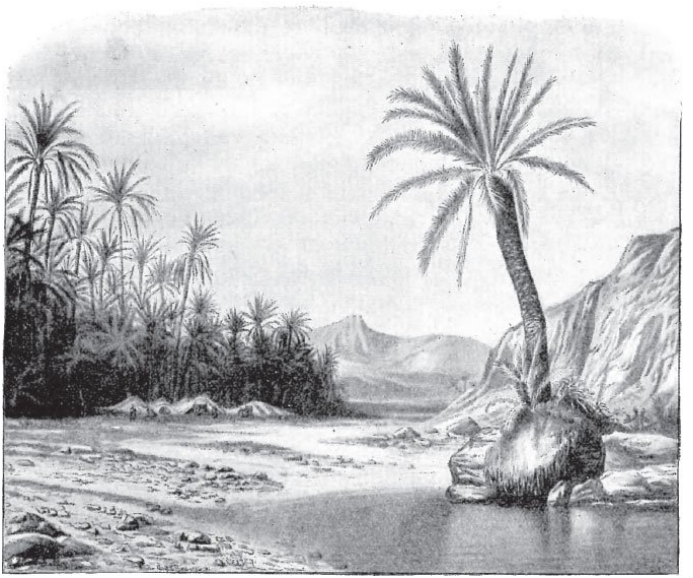
Даже если бы кто-то попытался не смотреть на великолепные пальмы, они одним своим присутствием заставляли обратить на них взгляд и делали смотрящего на них поэтом. Только этим можно было объяснить ту честь, которую воздавали им люди, начиная с художников первых царей, которые на всей земле не нашли более совершенных форм, могущих послужить им моделью для колонн их дворцов и храмов. И, отдавая должное прекрасной роще, Бен-Гур не мог не сказать:

— Когда я увидел его сегодня на трибунах, добрый Маллух, шейх Илдерим показался мне совершенно обыкновенным человеком. Боюсь, раввины Иерусалима смотрели бы на него сверху вниз, как на эдомскую[65] собаку. Каким образом стал он владельцем Пальмового сада? И как

[65] Примечания: 65

Эдом — античное государство, располагавшееся между Мертвым морем и Акабским заливом, граничившее с Древней Палестиной *(ист.).*

удалось ему уберечь его от алчности римских губернаторов?

— Если от древности рода кровь становится благороднее, сын Аррия, то старый Илдерим

благородный человек, хотя он и всего лишь необрезанный эдомит, — ответил на это Маллух и продолжал: — Все его предки по отцовской линии были шейхами. Один из них — я не скажу, когда он жил или какие добрые дела сотворил, — однажды выручил царя, за которым гнались враги с обнаженными мечами. Говорят, что он предоставил в его распоряжение тысячу всадников, которые знали все тропинки и укромные места в дикой местности, как пастухи знают все горные тропы на холмах, где они пасут своих овец. Там они и спрятали царя до поры до времени, а потом своими копьями обратили преследователей в бегство и снова возвели царя на трон. И царь, как говорится в предании, запомнил эту услугу. Чтобы отблагодарить за нее, он привел сына пустыни в это место и упросил его раскинуть здесь свой шатер, привести сюда свою семью и свои стада; и отдал это озеро, и деревья, и все земли от реки до ближайших гор в вечное пользование ему и его детям. И это их право никогда и никем не оспаривалось. Здешние правители сочли за лучшее хранить добрые отношения с этим племенем, которому Господь даровал обилие людей и лошадей, верблюдов и богатства, сделал их хозяевами многих торговых путей между горо-

дами. Племя это могло в любой момент сказать торговым караванам: «Ступайте себе с миром» или «Вы дальше не пойдете», и слово их было твердо. Даже префект в крепости, которая царит над всей Антиохией, счел за благо, что Илдерим, прозванный Щедрым за свои добрые дела, вместе со своими женами и детьми, караванами верблюдов и лошадьми и всем имуществом снялся со своего обжитого места, как наши праотцы Авраам и Иаков, и, оставив свои колодцы с горькой водой, перебрался в этот райский уголок.

— Но как это могло произойти? — спросил Бен-Гур, внимательно слушавший рассказ, не обращая внимания на мерный шаг верблюдов. — Я своими собственными глазами видел, как шейх рвал на себе бороду, проклиная себя, что он доверился римлянину. Если бы его слова услышал цезарь, то мог бы сказать: «Мне не по нраву подобные друзья, уберите его отсюда».

— И это было бы опрометчивое суждение, — ответил, улыбнувшись, Маллух. — Илдерим не расположен к Риму, он обижен на римлян. Три года назад парфяне напали на караван, шедший из Басры в Дамаск, который вез деньги, собранные в качестве налогов в этом районе. Естественно, караван был разграблен, а императорская каз-

на в Риме недосчиталась кругленькой суммы. Когда местные власти вознамерились вторично собрать деньги с населения, чтобы возместить ущерб, то люди пожаловались цезарю, а цезарь возложил выплату денег на Ирода. Ирод же, в свою очередь, наложил лапу на собственность Илдерима, которого он обвинил в преступном пренебрежении своим долгом. Шейх воззвал к справедливости цезаря, а тот дал такой ответ, какой был бы достоин сфинкса. С тех пор на сердце старика лежит тяжесть; он носится со своей обидой и каждый день пестует ее.

— Он ничего не сможет сделать, Маллух.

— Что ж, — ответил Маллух, — тогда мне придется объяснить тебе еще кое-что, когда мы подъедем поближе. Но посмотри! Гостеприимство старого шейха чувствуется уже на дальних подступах к его местам — эти дети обращаются к тебе.

Верблюды остановились, и с их высоты Бен-Гур склонился к маленьким девочкам, которые протягивали ему корзины, полные фиников. Невозможно было огорчить детей, отвергнув свежесорванные плоды. Нагнувшись, Бен-Гур взял их, и, когда он сделал это, мужчина, забравшийся на дерево, возле которого они остановились,

закричал сверху:

— Мир вам и добро пожаловать!

Поблагодарив детей, друзья двинулись дальше, предоставив верблюдам самим выбирать темп.

— Ты должен знать, — продолжал Маллух, время от времени замолкая, чтобы прожевать финик, — что купец Симонидис доверяет мне настолько, что иногда оказывает мне честь, приглашая для помощи советом. Бывая в его доме, я свел там знакомство со многими его друзьями, которые, зная отношение хозяина дома ко мне, совершенно откровенно разговаривали с ним в моем присутствии. Таким образом я стал другом шейха Илдерима.

На несколько секунд внимание Бен-Гура рассеялось. Перед его мысленным взором возник образ чистый, нежный и призывный — образ Есфири, дочери купца. Он увидел скромно потупленный взгляд ее черных глаз с особой еврейской поволокой; снова услышал ее шаги, когда она приближалась к нему, чтобы подать чашу с вином; услышал ее голос, которым она упрашивала его выпить освежающий напиток, — и признался сам себе в том, что она вызвала в нем симпатию, которую невозможно передать словами, потому что самые нежные слова оказались бы слишком

обыденными. Образ этот стоял перед его глазами как живой, но тут же пропал, когда он снова повернулся к Маллуху.

— Несколько недель назад, — продолжал свой рассказ Маллух, — один старый араб зашел к Симонидису. Как мне показалось, он был чем-то озабочен, и из уважения к его сединам я встал, чтобы оставить их наедине. Но он сам остановил меня. «Поскольку ты сын Израиля, — сказал он, — останься, потому что я хочу вам рассказать странный случай». Его слова о том, что я израильтянин, разбудили мое любопытство. Я остался, и вот какую историю он нам рассказал — я передаю тебе ее вкратце. Много лет назад к шатру Илдерима из диких пустынных мест пришли три человека. Все они были жителями далеких стран — индус, грек и египтянин — и прибыли на огромных, совершенно белых верблюдах. Илдерим оказал им гостеприимство и оставил у себя. На следующее утро, сразу после пробуждения, они вознесли Небу молитву, которую шейху ранее никогда не приходилось слышать, — молитву, обращенную к Богу и сыну Его, в которой было еще много загадочного для шейха. Окончив молитву, египтянин рассказал шейху, кто они такие и откуда пришли. Каждый из них видел звезду, из

которой исходил голос, просивший их отправиться в Иерусалим и вопросить там: «Где Тот, Кто рожден Царем Иудейским?» Они повиновались. Из Иерусалима звезда привела их в Вифлеем, где в пещере они нашли новорожденного младенца и поклонились ему. Поклонившись же, они преподнесли ему богатые дары и, неся в душе свидетельство этому, снова сели на верблюдов и без промедления отправились к шейху, потому что если бы Ирод — принимая во внимание его прозвище Великий — смог бы заполучить их в свои руки, то наверняка расправился бы с ними. И, верный своим обычаям, шейх оказал им свое покровительство и целый год скрывал их от посторонних глаз. При расставании он одарил их богатыми дарами, и каждый из них направился в свою сторону.

— И в самом деле, совершенно удивительная история! — воскликнул Бен-Гур, когда Маллух

замолчал. — Как ты сказал, что они должны были спрашивать в Иерусалиме?

— Они должны были спрашивать: «Где Тот, Кто рожден Царем Иудейским?»

— Это все?

— Речь шла еще о каких-то вопросах, но я не могу вспомнить их.

— И они нашли ребенка?

— Да, и поклонились ему.

— Это просто какое-то чудо, Маллух.

— Илдерим — серьезный человек, хотя и легко возбуждается, как и все арабы. Но лгать он не будет.

Последние слова Маллух произнес совершенно уверенно. Вслед за ними о верблюдах забыли напрочь, и они, ответив своим седокам взаимностью, сошли с дороги и принялись за свежайшую траву.

— Приходилось Илдериму еще что-нибудь слышать об этих трех странниках? — спросил Бен-Гур. — Что сталось с ними?

— Да, приходилось, и именно поэтому он в тот день, о котором я рассказываю, пришел к Симонидису. Вечером накануне того дня египтянин снова появился у него.

— Где?

— Да здесь же, прямо у полога того самого шатра, к которому мы едем.

— Как же он узнал этого человека?

— Как ты узнал сегодня лошадей — по виду и повадкам.

— И только?

— Еще он приехал на том же самом белом верблюде и назвался тем же самым именем — Балтазар, египтянин.

— Да это просто чудо Господне! — воскликнул Бен-Гур.

Маллух удивленно спросил:

— Почему?

— Ты говоришь — Балтазар?

— Ну да. Балтазар, египтянин.

— Именно так сегодня назвался нам тот старик у источника.

При этом напоминании Маллуха тоже охватило возбуждение.

— Это верно, — сказал он, — да и верблюд был тот же самый, а ты спас жизнь старика.

— И женщине тоже, — негромко произнес Бен-Гур, словно разговаривая сам с собой. — И эта женщина была его дочь.

И он впал в прострацию, о причине которой читатель вполне может догадаться и сам, — пе-

ред его внутренним взором снова предстал образ женщины, и если на этот раз он был куда более впечатляющим, то не только потому, что на это повлияли обстоятельства их встречи, но…

— Скажи еще раз, — произнес Бен-Гур, возвращаясь к действительности. — Эти трое должны были вопрошать: «Где Тот, Кто есть Царь Иудейский?»

— Не совсем так. Слова вопроса были «Кто рожден Царем Иудейским». Именно их старый шейх запомнил еще с того раза, когда впервые встретил их в пустыне. С тех пор он все еще ожидает пришествия царя, и никто не может поколебать его уверенность в его появлении.

— Что царь придет?

— Да, и принесет погибель Риму — так говорит шейх.

Бен-Гур некоторое время пребывал в молчании, размышляя и собираясь с чувствами.

— Старый шейх один из миллионов, — задумчиво произнес он наконец, — один из многих миллионов людей, которые обуреваемы страстью к отмщению. Эта странная вера, Маллух, питает надежду лучше всякого хлеба и вина; ибо кто может быть царем Иудейским, пока правят римляне? Но вернемся к твоему рассказу. Ты слышал,

что ответил на это шейху Симонидис?

— Если Илдерим серьезный человек, то Симонидис — весьма мудрый человек. Я слышал его ответ. Он сказал… Но прислушайся! Нас кто-то догоняет.

Невнятный шум приближался, пока друзья не разобрали в нем скрип колес, смешанный со стуком конских копыт. Несколькими секундами спустя показался Илдерим верхом на великолепном аргамаке во главе кавалькады всадников, которая замыкалась четверкой темно-гнедых лошадей, запряженных в колесницу. Нижнюю половину лица шейха скрывала длинная седая борода, спускавшаяся ему на грудь. Наши друзья вежливо уступили дорогу кавалькаде, но, заметив их, шейх вскинул голову и придержал коня.

— Мир вам! А, это ты, друг мой Маллух! Только не говори, что ты ехал не ко мне, а попал сюда случайно! Наверное, тебя послал ко мне Симонидис — да продлит его годы Бог его отцов! Что ж, берите в руки поводья, молодые люди, и следуйте за мной! Вас ждут хлеб и кумыс или, если вы предпочитаете, арак и жаркое из молодого козленка. Вперед!

Друзья пристроились к кавалькаде, и, когда та остановилась у большого шатра, старый шейх

уже встречал их у входа, держа в руках поднос с тремя пиалами, которые были тут же наполнены кремового цвета жидкостью из большого бурдюка, висевшего на центральной опоре шатра.

— Выпейте это, — сердечно произнес он, — потому что это истинный напиток сынов пустыни.

Каждый взял по пиале и осушил ее до дна.

— Теперь войдите во имя Божье.

Когда они оказались в шатре, Маллух отвел шейха в сторону и негромко заговорил с ним. Закончив говорить, он подошел к Бен-Гуру:

— Я рассказал шейху про тебя. Он даст тебе завтра утром шанс опробовать лошадей. Он расположен к тебе. Я сделал для тебя все, что от меня зависело, остальное — в твоих собственных руках. Теперь же позволь мне вернуться в Антиохию. Я обещал одному человеку встретиться с ним сегодня вечером. Я должен идти. Вернусь завтра утром, и если все пройдет хорошо, то останусь с тобой до конца игр.

Обменявшись поклонами с хозяином, Маллух отправился в обратный путь.

Глава 11
Мудрый слуга и его дочь

В тот час, когда низкий полумесяц растущей луны повис над зубчатыми отрогами Сульпия, а две трети жителей Антиохии на крышах своих домов наслаждались дуновением вечернего бриза, Симонидис, сидя в своем кресле, которое стало едва ли не частью его самого, с террасы любовался рекой и зрелищем своих судов, покачивающихся на ее глади. Стена, возвышавшаяся у него за спиной, бросала на воды реки широкую тень, достигавшую противоположного берега. Над его головой шуршала подошвами сандалий по мосту нескончаемая толпа. Есфирь держала в руках поднос с ужином — несколько пшеничных печений, легких, как вафли, немного меда и чашу молока, в которое старик обмакивал вафли, предварительно окунув их в мед.

— Сегодня Маллух не очень-то проворен, — произнес он, выказывая, где пребывают его мысли.

— Тебе кажется, что он все-таки придет? — спросила Есфирь.

— Если только ему не пришлось забраться куда-нибудь на берег моря или в пустыню, то он придет, — убежденно ответил старик.

— Он может написать, — предположила девушка.

— Нет, Есфирь. Он прислал бы письмо, если бы дела пошли так, что он не мог бы вернуться. Но поскольку я до сих пор не получил такого письма, я точно знаю, что он придет, и жду этого.

— Я тоже, — негромко произнесла она.

Нечто в тоне ее голоса привлекло внимание отца.

— Так ты хочешь, чтобы он пришел, Есфирь? — спросил он.

— Да, — просто ответила она, поднимая взгляд своих глаз.

— Но почему? Ты можешь рассказать мне об этом? — настойчиво спросил он.

— Потому что… — она поколебалась, но продолжила, — потому что молодой человек… — Тут голос ее дрогнул и прервался.

— Наш хозяин, — закончил он за нее. — Ты это хотела сказать?

— Да.

— И ты по-прежнему считаешь, что я не должен был позволить ему уйти, не предложив явиться

сюда в любое время и забрать нас — и все, что мы имеем, — все, Есфирь, — товары, шекели, суда, рабов, кредиты и то, что для меня превыше всего этого, — успех.

Она ничего не ответила.

— Все это тебя совершенно не трогает? Нет? — с едва заметным оттенком горечи в голосе спросил он. — Что ж, я вывел для себя, Есфирь, что самая страшная действительность никогда не кажется непереносимой, являясь из тумана, сквозь который мы сначала видим только ее темный силуэт. Думаю, что это справедливо и в отношении смерти. И, исходя из этой философии, рабство, в которое мы возвращаемся, должно даже казаться завидной долей. Мне даже доставляет удовольствие думать о том, каким счастливым человеком является наш хозяин. Состояние, унаследованное им, не стоило ему ничего — ни тревог, ни пота, ни даже каких-либо раздумий. Оно пришло к нему непрошеным в самой ранней юности. И еще одно — уж позволь мне потешить свое тщеславие пустыми рассуждениями, — но он получит то, что никогда бы не мог купить на рынке за презренный металл: тебя, мое дитя, моя дорогая, бутон, расцветший на могиле потерянной мной Рахили!

Старик притянул дочь к себе дважды и поцеловал — раз за себя и раз за ее мать.

— Не говори так, — сказала она, когда Симонидис разжал объятия. — Подумай лучше о нем; он знаком со страданием и отпустит нас на волю.

— Я знаю, Есфирь, что ты прекрасно чувствуешь людей, и всегда полагаюсь на твое мнение в сомнительных случаях, когда надо понять, лжет или говорит правду человек, стоящий передо мной… — его голос зазвучал громче и посуровел, — но эти ноги, которые меня больше не держат; это тело, потерявшее после пыток человеческий облик, — это далеко не все мое «я», которое достанется ему. О нет, нет! Ему достанется душа, которая восторжествовала над пытками и угрозами римлян; ему достанется мой разум, способный различить золото на таком расстоянии, что даже суда Соломона не осмелились бы пройти его под парусами; и энергия, которая доставляла его сюда… — Он замолчал, горько улыбаясь, и, покачав головой, продолжал: — И все же я не достанусь ему целиком. Я останусь в других — в капитанах моих судов, которые бороздят волны морские, собирая для меня урожай и принося его мне; останусь в Маллухе, который идет сейчас по следам этого юноши, нашего хозя-

ина, и принесет нам…

Заслышав отдаленные шаги на террасе, он встрепенулся.

— Ну, Есфирь! Разве я тебе не говорил? Скоро мы узнаем все новости. Я молю Господа, который не забыл своих овец из стада Израилева, чтобы эти новости были добрыми для нас. Сейчас мы будем знать, позволит ли он тебе уйти во всем расцвете твоей красоты, а мне — со всеми моими способностями.

Маллух с поклоном приблизился к креслу старца.

— Мир тебе, добрый хозяин, — все так же почтительно склонившись, приветствовал он старика. — Мир и тебе, Есфирь, самая чудесная из дочерей.

После приветствия он распрямился, но поза его все равно была двойственной — она одновременно выражала и рабскую почтительность, и дружеские отношения с сидевшим перед ним человеком. Симонидис сразу же перешел к сути дела:

— Что поделывает наш молодой человек, Маллух?

Эмиссар неторопливо и в немногих словах поведал о событиях дня. Слушая его, Симонидис

ни разу не прервал его и позволил себе разве что едва заметные движения руки. Но по его глазам, широко раскрытым и сверкающим, по учащающемуся порой дыханию можно было судить, что рассказ этот произвел впечатление.

— Благодарю, благодарю тебя, Маллух, — произнес он, когда рассказчик умолк. — Ты все сделал как надо — никто не сделал бы этого лучше. Ну а теперь что ты скажешь о национальности этого молодого человека?

— Он еврей, хозяин, из колена Иудина.

— Ты уверен?

— Совершенно уверен.

— Похоже, что он поведал не так уж много о себе.

— Жизнь научила его быть сдержанным. Я бы назвал его недоверчивым. Он сводил на нет все мои попытки вызвать его на откровенность, пока мы не отправились от Кастальского ключа к селению Дафны.

— Вот отвратительное место! Что его туда потянуло?

— Я бы сказал, прежде всего любопытство, как и многих из тех, кто там бывает. Но странное дело, он не выказал никакого интереса к тому, что там увидел. Что до храма, то он всего лишь спросил

меня, не греческий ли он. Хозяин, похоже, у молодого человека какая-то тяжесть на душе, и он отправился в рощу, я думаю, как мы ходим на кладбище — чтобы похоронить ее там.

— Если это так, то хорошо, — негромко, словно про себя произнес Симонидис и добавил уже громче: — Маллух, проклятие нашего времени есть мотовство. Бедный проматывает свое достояние, желая быть похожим на богача, и лишь истинный богач ведет себя по-княжески. Видел ли ты признаки этой слабости в молодом человеке? Бахвалился ли он деньгами — римскими или израильскими монетами?

— Нет, хозяин.

— Но, Маллух, ведь там было наверняка много соблазнов что-нибудь позволить себе — я хочу сказать, поесть или выпить — и он, наверное, щедро угощал тебя. В его возрасте это более чем естественно, не говоря уже о прочем.

— При мне он ничего не ел и не пил.

— По его словам или поступкам ты можешь определить, какой мыслью он обуреваем?

— Изволь высказаться яснее, хозяин, — попросил озадаченный Маллух.

— Ну, ты знаешь, что мы не говорим и не действуем без какого-либо мотива. Что ты можешь

сказать об этом?

— Что до этого, хозяин, то я могу ответить с совершенной уверенностью. Он прежде всего озабочен мыслью о том, чтобы разыскать свою мать и сестру. Он также лелеет обиду на Рим; а так как Мессала, о котором я вам рассказывал, чем-то досадил ему, то он страстно желает унизить его. Их встреча у источника давала ему такую возможность, но он не воспользовался ею. Видимо, при этом присутствовало недостаточно много свидетелей.

— Мессала — человек влиятельный, — задумчиво протянул Симонидис.

— Да, но в следующий раз они встретятся на арене цирка.

— И что потом?

— Сын Аррия победит.

— Как ты можешь это знать?

— Сужу по тому, что он говорит.

— И это все?

— Нет, еще есть гораздо лучший знак — его дух.

— Ясно… но, Маллух, эта его идея об отмщении — где ее границы? Собирается ли он ограничиться лишь теми немногими, которые причинили ему зло, или готов распространить свое возмездие

на многих? И потом, его чувства всего лишь прихоть чувствительного мальчишки или же нечто большее? Ты знаешь, Маллух, что мстительность, которая пускает свои корни всего лишь в сознании, без остатка развеивается в один прекрасный день, в то время как месть представляет собой сердечный недуг, который постепенно поднимается вверх, к самому мозгу, и прекрасно чувствует себя и там и там.

Задавая эти вопросы, Симонидис в первый раз позволил прорваться своим чувствам — он говорил предельно четко, судорожно сжав руки, со страстью человека, охваченного тем самым недугом, который он и описывал.

— Хорошо, хозяин, — ответствовал Маллух, — но одной из причин, по которым я и поверил в то, что он израильтянин, была сила и глубина его ненависти. Мне было совершенно ясно, что он изо всех сил сдерживает себя, — и это естественно, поскольку он довольно долго жил в атмосфере римской подозрительности; но я все же был свидетелем того, как его дух вырвался на волю — сначала когда он пожелал узнать отношение Илдерима к римской власти и еще когда я рассказал ему историю про шейха и мудреца и произнес вопрос: «Где Тот, Кто рожден Царем

Иудейским?»

Симонидис быстро подался всем телом вперед.

— Ах, Маллух, его слова — как можно точнее передай мне его слова; я хочу понять впечатление, которое эта загадка произвела на него.

— Он пожелал узнать точные слова вопроса. Было ли сказано «рожден Царем» или же «рожден быть Царем»? Похоже на то, что он был ошеломлен, почувствовав разницу в смысле этих двух фраз.

Симонидис откинулся на спинку кресла, снова приняв позу внимающего судьи.

— Затем, — продолжал Маллух, — я поведал ему взгляд Илдерима на эту загадку — что царь может появиться с падением власти Рима. Кровь бросилась в лицо молодого человека, его щеки и лоб порозовели, и он задумчиво произнес: «Кто, кроме Ирода, может быть царем, если Рим падет?»

— Что это может значить?

— Что империя должна быть низвергнута еще до того, как наступит новое правление.

Симонидис довольно долго смотрел на суда и тени от них, медленно покачивающиеся на реке; когда же он снова поднял свой взгляд, стало понятно, что расспросов больше не будет.

— Довольно, Маллух, — произнес он. — Отдохни и подготовься к возвращению в Пальмовый сад; тебе придется помочь молодому человеку в грядущем состязании. Приходи ко мне утром. Я отправлю с тобой письмо Илдериму.

Затем вполголоса, словно бы про себя он добавил:

— Я должен сам побывать в цирке.

Когда Маллух, обменявшись с ним традиционным поклоном, ушел, Симонидис сделал большой глоток молока. Казалось, он пребывает в хорошем расположении духа.

— Убери ужин, Есфирь, — велел он дочери, — я уже поел.

Она повиновалась.

— Иди сюда.

Девушка заняла свое обычное место на ручке его кресла, прижавшись к отцу.

— Господь добр ко мне, очень добр, — страстно заговорил он. — Обычно пути его неисповедимы, но порой он позволяет нам думать, что мы понимаем его. Я стар, дорогая, и скоро должен покинуть этот мир; но сейчас, в мой одиннадцатый час, когда надежда уже стала покидать меня, он послал мне вестника с обещанием, и я воспрянул. Я вижу путь к большому делу при

обстоятельствах самих по себе столь великих, что они равносильны рождению целого мира. И я вижу смысл в том, чтобы принести этому в дар все свое состояние. Воистину, дитя мое, я снова держусь за жизнь.

Есфирь поуютнее устроилась рядом со стариком, словно желая вернуть его мысли из тех горних высот, где они блуждали.

— Царь был рожден, — продолжал он, — и сейчас он должен приближаться к середине своей земной жизни. Балтазар говорит, что он видел его ребенком, лежащим на коленях матери, принес ему дары и поклонился ему; Илдерим же вспоминает, что двадцать лет назад стоял декабрь, когда Балтазар и его товарищи появились у его шатра, прося убежища от Ирода. Поэтому его приход не может быть надолго отложен. Это может произойти со дня на день. Святые отцы Израиля, вот будет радость в ваших душах! Мне кажется, я уже слышу грохот падающих старых стен и шум меняющегося мира — да, и к вящей радости людей, земля расступится и поглотит Рим, и люди устремят взгляды друг на друга, рассмеются и запоют, радуясь, что его нет, а они есть.

Тут он засмеялся сам над собой.

— Почему, Есфирь, ты так меня слушаешь? Ну

да, я чувствую в себе страсть певца, жар в крови и трепет Марии и Давида. В мыслях моих звон цимбал смешивается с напевом арф и голосами людей, во множестве стоящих у подножия заново воздвигнутого трона. Но в сторону эти мысли, дорогая! Когда царь придет, ему нужны будут деньги и люди — он был ребенком, рожденным от женщины, и он, как человек, будет идти земными путями. Что же касается денег, то ему понадобятся их добытчики и хранители, а что касается людей — то ему понадобятся вожди. Именно так! Разве ты не видишь, Есфирь, широкий путь для меня и для молодого человека, нашего хозяина, в конце которого нас обоих ждут слава и отмщение? и…

Он помолчал, смущенный тем, что в его мечте не нашлось места для дочери, и добавил, поцеловав ее:

— И счастье для ребенка твоей матери.

Она сидела тихо, не шевелясь и не говоря ни слова.

— О чем ты думаешь, Есфирь? — уже обычным тоном спросил он ее. — Если мысли твои имеют форму желания, поведай мне его, маленькая, и предоставь мне исполнить его.

Она ответила с совсем детской простотой:

— Пошли за ним, отец. Пошли за ним сегодня же

вечером и не позволяй ему отправиться в цирк.

— Ах! — воскликнул он, несколько продлив свое восклицание, чтобы скрыть чувства.

Взгляд его снова упал на водную гладь реки, где тени кораблей стали еще темнее, поскольку луна спустилась за холм Сульпия, предоставив звездам одним освещать ночной город. Надо ли нам произносить слово, о читатель? Симонидис испытал приступ ревности. Если бы она и в самом деле любила молодого хозяина! Но нет! Этого не может быть, она слишком молода для такого чувства. Но мысль эта уже захватила его сознание. Дочери его было шестнадцать лет. Последний день ее рождения они вместе провели на верфи, где в этот день спускали на воду новую галеру. Он прекрасно помнил, как сам окрестил эту галеру именем своей дочери и на желтом флаге, затрепетавшем на ее мачте, вспыхнуло имя «Есфирь». Но сейчас осознание этого факта как ударом поразило его. Подобное осознание всегда бывает болезненно; особенно в отношении самого себя — то, например, что мы стареем и, самое страшное, что мы должны умереть. Нечто подобное носил и он глубоко в своем сердце. Разве недостаточно было того, что ей придется встретить самую цветущую пору своей юности

рабыней; нет, она должна будет отдать хозяину свою страсть, свою искренность, свою нежность и изысканность, которые он, отец, так хорошо знал. Демоны, чья задача состоит в том, чтобы терзать нас страхами и горькими мыслями, редко когда делают свою работу наполовину. Но все же в этот момент острой душевной боли он громадным усилием совладал со своими чувствами и спокойно спросил:

— Ему не ходить в цирк, Есфирь? Почему, дитя мое?

— Это не место для сына Израиля, отец.

— Так бы мог сказать раввин, Есфирь! Это единственная причина?

Тон его голоса был испытующим и пронзил ее до глубины души, так что она не смогла ответить сразу же, испытывая смущение, новое и странным образом приятное для нее.

— Молодой человек должен получить состояние, — сказал Симонидис, беря дочь за руку. — Он должен получить суда и шекели — все, Есфирь, все. Но я все же не чувствую себя бедняком, потому что со мной остаешься ты и твоя любовь, так похожая на любовь моей дорогой Рахили. Скажи мне, может быть, он получит и ее тоже?

Есфирь склонилась к отцу и прижалась щекой

к его голове.

— Говори же, Есфирь. Я буду сильнее, если узнаю правду. В знании заключена сила.

Она выпрямилась:

— Успокойся, отец. Я никогда не оставлю тебя; и, хотя моя любовь принадлежит ему, я всегда буду твоей служанкой, как и сейчас.

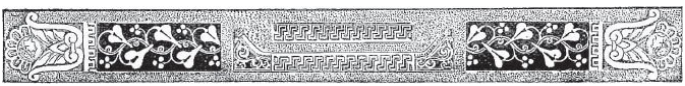
И, склонившись, она поцеловала его.

— И еще, — продолжала она, — облик его мне приятен, и звук его голоса тронул мои чувства, и я трепещу при мысли, что ему грозит опасность. Но все же такая безответная любовь не может быть истинной любовью, так что я буду ждать, помня о том, что я дочь твоя и моей матери.

— Да благословит тебя Господь, Есфирь! Благословит за то, что с твоей любовью я остаюсь богачом, даже потеряв все остальное! И Его святым именем я клянусь, что ты не претерпишь никаких страданий.

Чуть позже, по его звонку, пришел слуга и перекатил кресло в комнату, где Симонидис еще какое-то время сидел, думая о приходе царя. Есфирь же ушла в свою комнату и безмятежно заснула сном ребенка.

Глава 12
Римская оргия

Как уже говорилось, дворец, расположенный неподалеку от дома Симонидиса, был построен знаменитым Эпифаном и представлял собой воплощение всей мыслимой роскоши; вкус его создателя тяготел скорее к громадности, чем к классическим пропорциям. Другими словами, он был в архитектуре подражателем, стоявшим ближе к Персии, чем к Греции.

Стена, окружавшая весь остров и поднимавшаяся прямо от уреза воды, была построена с двойным назначением — служить дамбой от вод реки и защитой от возможного нападения толпы и делала дворец настолько непригодным для постоянного проживания, что легаты терпеть его не могли и перебрались в резиденцию, воздвигнутую для них на западном гребне хребта Сульпия, несколько ниже храма Юпитера. Они, однако, были не из тех людей, кто мог бы просто

отказаться жить в античном здании. С хитрой прозорливостью они утверждали, что истинной причиной переезда легатов было не более здоровое для житья место, но необходимая безопасность, которую гарантировала им близость казарм, именовавшихся благодаря преобладающему стилю крепостью, расположенных над дорогой, проходившей по восточному гребню хребта. Подтверждение подобного мнения демонстрировалось вполне правдоподобно. Что же касается дворца, постоянно подчеркивалось, что дворец содержался в готовности для использования; и когда консул, армейский генерал, царь или путешествующий владыка прибывали в Антиохию, дворец отводился в качестве помещения для их временного проживания.

Так как нам придется иметь дело только с одним помещением в этом громадном старом здании, все остальное мы предоставляем фантазии читателя. Дав ей волю, он может совершить прогулку по садам, купальням, залам и целому лабиринту комнат вплоть до легких строений на крыше, отделанных с такой пышностью, что стали притчей во языцех даже в городе, который оправдывал слова «роскошь Востока» куда больше, чем любой другой город мира.

В наши времена апартаменты, о которых идет речь, назвали бы скорее всего пиршественной залой. Просторное помещение, вымощенное полированными мраморными плитами, освещалось днем через световые люки на крыше; роль стекла играли цветные пластины слюды. Из стен выступали атланты, среди которых не было двух одинаковых, поддерживавшие карниз, украшенный арабесками чрезвычайно изысканных форм, изящными и многоцветными — голубыми, зелеными, пурпурными и золотыми. По периметру комнаты непрерывной линией тянулся диван с покрытием индийского шелка и кашемира. Мебель состояла из столов и стульев египетского стиля, покрытых богатой резьбой. Мы расстались с Симонидисом, сидящим в своем кресле и оттачивающим планы помощи чудесному царю, чье пришествие, по его мнению, было не за горами. Есфирь спит крепким девичьим сном. Теперь оставим их и, пройдя над рекой по мосту, войдем через охраняемые вздыбившимися львами ворота, проследуем через множество зал и внутренних двориков вавилонского стиля и вступим в золотой чертог.

Пять огромных светильников, спускавшихся со свода на блестящих бронзовых цепях — по

одному в каждом углу и один в центре, — пирамидами лампад освещали даже демонические лица атлантов и рисунок карниза. У столов сидели, стояли и непрестанно двигались около сотни людей, к которым мы должны хотя бы на минуту присмотреться повнимательнее.

Все они очень юны, некоторые из них едва вышли из подросткового возраста. Нет никакого сомнения в том, что все они латиняне и большинство из них — римляне. Все разговаривают на безупречной латыни, каждый явился сюда в одежде для помещений, принятой для таких случаев в великой столице на Тибре, — в туниках с короткими рукавами и подолами, одеянии, прекрасно подходящем к климату Антиохии и особенно соответствующем атмосфере залы. На диване вдоль стен яркими пятнами выделяются небрежно брошенные там и здесь тоги[66] и лацерны[67], некоторые с многозначительным кровавым подбоем[68]. Здесь же беззаботно дремлют

[66] Примечания: 66

Тога — римская гражданская верхняя одежда, обычно белая.

[67] Примечания: 67

Лацерна — верхнее (преимущественно дорожное) платье с капюшоном, плащ.

[68] Примечания: 68

Так называемая toga praetexta, одежда детей полноправных римлян и высших сановников.

спящие; не станем же выяснять — повергнуты ли они в сон жарой и заботами трудового дня или побеждены Вакхом.

В помещении стоит нескончаемый и громкий гул голосов. Время от времени его прерывают взрыв смеха или гневный спор; но над всем преобладает непрерывный ровный треск, поначалу озадачивающий всякого человека, не знакомого с подобными сборищами. Но если мы пробьемся поближе к столам, загадка происхождения этого треска разрешится сама собой. Собравшиеся предаются своим любимым играм в кости и подобию современных шашек, треск же производят всего лишь tesser, игральные кубики из слоновой кости, громко перемешиваемые, и hostes, фигуры, передвигаемые по расчерченным на квадраты игральным доскам.

Что же представляют собой собравшиеся здесь гости?

— Дорогой Флавий, — обращается к своему сопернику один из игроков, держа в руке поднятую для передвижения фигуру, — видишь ли ты вон ту лацерну, что лежит на диване прямо перед нами? Она только что куплена в лавке, и у ее ворота красуется застежка из золота шириной с целую ладонь.

— Что ж, — отвечает Флавий, задумавшийся над очередным ходом, — мне приходилось видеть такие и раньше, клянусь поясом Венеры, в этом

нет ничего нового! Что такого ты в ней нашел?

— Ничего. Только я охотно отдал бы ее, чтобы найти человека, который знает все.

— Ха! За куда менее ценную вещь я найду тебе здесь нескольких человек в тогах с красной полосой, которые охотно примут твое предложение. Однако ходи.

— Что ж, мат.

— И в самом деле, клянусь Юпитером. Еще партию?

— Не прочь.

— А ставка?

— Десять тысяч сестерциев.

Каждый из игроков взял свою табличку и стило и сделал для себя пометки; когда фигуры были расставлены, Флавий снова вернулся к прерванному было разговору.

— Человек, который знает все! Клянусь Геркулесом, оракулы умерли бы от зависти. Да и для чего тебе подобное чудовище?

— Чтобы получить ответ на один-единственный вопрос; потом, заверяю тебя, я бы немедленно перерезал ему горло.

— И какой же это вопрос?

— Я попросил бы его назвать мне час — что я говорю: час? — нет, ту минуту, когда завтра в

город прибудет Максентий.

— Отличная партия! На этот раз она будет моей! А почему именно минуту?

— А тебе приходилось когда-нибудь стоять с непокрытой головой под сирийским солнцем на причале, на который он должен выйти? Огонь Весты не так горяч; да и я предпочел бы умереть, если таковое мне суждено, на родине, в Риме. Но ты отвлек меня, мой Флавий, и я проиграл. О Фортуна!

— Еще?

— Я должен отыграть свои сестерции.

— Да будет так.

Игра продолжалась партия за партией, и, когда свет утренней зари, проникший в залу через застекленный потолок, заставил померкнуть огонь светильников, он застал игроков все за тем же столом и за той же игрой. Как и большинство гостей, они входили в состав военной свиты консула и ожидали его прибытия, по мере возможностей развлекая себя.

Между тем во время вышеприведенного разговора в зале появилась еще одна компания. Поначалу незамеченные, вновь прибывшие пробрались между гостями прямо к центральному столу. Выглядели они так, словно только

что сбежали с какой-то пирушки. Некоторые с трудом держались на ногах. На голове их предводителя красовался венок — знак организатора празднества, если не его хозяина. Выпитое вино лишь подчеркнуло его красоту, суровую мужскую красоту истинного римлянина. Его голова была гордо вскинута, кровь окрасила губы и щеки в ярко-алый цвет, глаза блестели. Но в походке, которой он, завернувшись в безупречно белую тогу, собранную многочисленными складками, прошел через залу, было чересчур много имперского для простого участника пирушки. Идя к столу, он прокладывал путь себе и своим присным без особых церемоний и не извиняясь. Когда же он наконец остановился и обвел взглядом пирующих и игроков, все как один повернулись к нему и приветствовали его возгласами.

— Мессала! Мессала! — кричали они.

Сидевшие поодаль, услышав эти возгласы, присоединились к ним. Группы людей тут же распались, игроки забыли про кости и фигуры, все присутствующие потянулись к центру залы.

Мессала встретил эти знаки внимания с подчеркнутым равнодушием и тут же продемонстрировал глубинную основу своей популярности.

— Здоровья тебе, Друз, друг мой, — произнес

он, обращаясь к игроку, сидевшему справа от него, — здоровья и… позволь мне на минуту твою табличку.

Он поднес к лицу покрытую воском пластинку, бросил взгляд на сделанные на ней заметки и швырнул табличку на пол.

— Денарии[69], одни только денарии — монеты извозчиков и мясников! — с презрительной гримасой сказал он. — Клянусь пьяной Семелой, до чего же дошел Рим, если цезарь просиживает целыми ночами, ожидая поворота Фортуны, который не принесет ему ничего, кроме презренных денариев!

Потомок Друзов залился краской стыда, но стоявшие рядом не дали ему ничего сказать, сгрудившись вокруг говорившего с криками: «Мессала! Мессала!»

---

[69] Примечания: 69

Денарий — римская серебряная монета, содержавшая сначала 10, а потом 16 ассов (4 сестерция).

— Люди Тибра, — продолжал Мессала, вырвав стакан с игральными костями из рук оказавшегося поблизости зеваки, — кто больше всего возлюблен богами? Римлянин. Кто дает законы другим народам? Римлянин. Кто же по праву меча властелин вселенной?

— Римлянин, римлянин, — раздалось в ответ.

— Но, но, — неторопливо, давая время вслушаться в его слова, сказал Мессала, — но есть некто лучший, чем даже лучший из римлян.

Запрокинув свою патрицианскую голову, он помедлил, словно разя слушателей своей презрительной усмешкой.

— Вы слышите? — снова спросил он. — Есть некто лучший, чем даже лучший из римлян.

— Да — Геркулес! — воскликнул один.

— Бахус! — предположил какой-то насмешник.

— Юпитер, Юпитер! — загудела толпа.

— Нет, — ответил Мессала, — среди людей.

— Назови нам его имя! — потребовали сразу несколько человек.

— Что ж, назову, — кивнул головой Мессала в ответ на крики. — Это тот, кто к совершенству Рима добавил совершенство Востока; кто к западному оружию победы добавил восточное искусство, необходимое для обладания доминионами.

— Так и есть! И этот человек, в конце концов, тоже римлянин! — воскликнул кто-то.

Слова эти были встречены громким смехом и долгими аплодисментами — признанием того, что преимущество осталось за Мессалой.

— На Востоке, — продолжал тот, — у нас нет

богов, только вино, женщины и удача, и величайшее из всего этого — удача. Поэтому наш девиз — «Кто посмеет то, что посмею я?» — равным образом подходит для сената, для битвы, подходит для того, кто в поисках лучшего бросает вызов дурному.

Тон его голоса стал почти обычным, разговорным, но он уже завладел вниманием всех присутствующих.

— В большой шкатулке там, в крепости, у меня есть пять талантов[70] монетами, которые принимают в этих местах. А вот это — мои расписки на такую сумму. — Из складок тоги он извлек бумажный свиток и, бросив его на стол, продолжал в наступившей тишине: — Эта сумма представляет меру моей смелости. Кто из вас посмеет принять вызов? Вы молчите. Неужели это для вас слишком много? Я исключаю один талант. Что? Вы по-прежнему молчите? Идите, сразитесь со мной, поставив только на эти три таланта — только три; на два; даже на один, — по крайней мере на один — рискните одним талантом ради чести реки, на берегах которой вы родились, — Рим Востока против Рима Запада! Оронт варварский

---

[70] Примечания: 70

Талант — античная мера веса (ок. 26,2 кг) и денежная единица *(ист.).*

против Тибра священного!

Подняв чашу с игральными костями над головой, он тряхнул ею, перемешивая кости, ожидая ответа на свой вызов.

— Оронт против Тибра! — снова с саркастической улыбкой повторил он.

Никто не пошевелился; тогда он бросил чашу с костями на стол и, усмехнувшись, взял расписки.

— Ха-ха-ха! Клянусь Юпитером Олимпийцем, теперь я знаю, что вы пришли в Антиохию только затем, чтобы попытать здесь счастья в игре. Эй, Сесилий!

— Да, Мессала! — отозвался из-за спины у него человек. — Я здесь, погибаю в толпе и выпрашиваю драхму, чтобы договориться с косматым перевозчиком[71]. Но клянусь Плутоном! У этих новых не найдется даже обола![72]

Эта острота вызвала взрыв смеха, долго не умолкавшего под сводами залы. Лишь Мессала по-прежнему хранил серьезность.

---

[71] Примечания: 71

Согласно греческому мифу, умерших переправлял в загробный мир через реку забвения перевозчик по имени Харон, которому полагалось давать в уплату мелкую монету. Покойникам ее клали в рот.

[72] Примечания: 72

Обол — мелкая греческая монета, одна шестая часть драхмы.

— Ступай, — велел он, обращаясь к Сесилию, — в кладовую, через которую мы проходили, и вели слугам принести сюда амфору, чаши и кубки. Если этим нашим соотечественникам, ищущим счастья, боги не даровали объемистых кошельков, то поглядим — может, они наградили их вместительными желудками! Поспеши же!

Затем он повернулся к Друзу и со смехом, разнесшимся по всей зале, произнес:

— Ха-ха, друг мой! Не держи на меня обиды за то, что я упомянул тебя, говоря об этих презренных денариях. Ты же видишь, я сделал это только для того, чтобы напомнить этим молодым о героях старого Рима. Давай же, Друз, давай! — С этими словами он снова взял со стола чашу с костями и потряс ее. — Давай же попытаем счастья на ту сумму, которую ты поставишь!

Сказано это было искренне, сердечно и обаятельно. Друз моментально растаял.

— Клянусь нимфами, да! — со смехом ответил он. — Я сыграю с тобой, Мессала, — на денарий.

Перегнувшись через стол, за сценой наблюдал молодой человек, едва вышедший из подросткового возраста. Мессала неожиданно повернулся к нему.

— Кто ты? — спросил он.

Юноша отпрянул назад.

— Нет, клянусь Кастором, а заодно и его братом! Я не хотел тебя обидеть. Но люди обычно ведут записи своих действий, и не только в игре. Мне нужен будет секретарь. Хочешь ли ты выручить меня?

Молодой человек тут же взял в руки табличку для записей — обаяние Мессалы было совершенно неотразимым.

— Погоди, Мессала, погоди! — воскликнул Друз. — Я понимаю, в игре не место болтовне, но мне в голову пришел вопрос, который я должен тебе задать, а то наверняка забуду.

— Что ж, задай его. Но сначала я сделаю свой ход, чтобы потом не мог упрекнуть тебя в помехе.

Он опрокинул чашу с костями на стол и крепко прижал ее ладонью. Друз же спросил:

— Тебе приходилось когда-нибудь видеть Квинта Аррия?

— Дуумвира?

— Нет, его сына.

— Я не знал, что у него есть сын.

— Это еще что, — меланхолично прибавил Друз, — только, мой Мессала, Поллукс не может быть больше похож на Кастора, чем Аррий похож

на тебя.

Слова эти стали чем-то вроде сигнала: не менее двадцати голосов одновременно воскликнули:

— Точно, точно! Его глаза — и его лицо!

— Этого не может быть, — с презрением возразил кто-то из присутствующих. — Мессала римлянин; а Аррий — еврей.

В обмен репликами вмешался и сам Мессала:

— Что ж, мой Друз, вино никак не принесут, поэтому, чтобы скоротать время, расскажи мне подробнее об Аррии.

— Что ж, будь он еврей или римлянин — и, клянусь великим Паном, я говорю это не из неуважения к твоим чувствам, мой Мессала, — этот Аррий красив, храбр и умен. Император предложил ему свое покровительство, которое он отверг. Его появление скрыто покровом тайны, да и сам он сторонится нас, словно чувствует себя лучше вдали от нас или ощущает себя хуже нас. В палестре ему не было равных; он одолевал голубоглазых гигантов с берегов Рейна или сарматских быков так, словно они были сплетены из лозняка. Дуумвир оставил ему изрядное наследство. У него страсть к сражениям, он думает только о войне. Максентий приблизил его к себе; он должен был плыть на корабле вместе с ним. Мы,

однако, потеряли его в Равенне. Тем не менее он благополучно добрался сюда. Нынешним утром мы о нем уже слышали. Подумать только! Вместо того чтобы явиться во дворец или устроиться в крепости, он забросил свои вещи в караван-сарай и снова исчез.

Поначалу Мессала слушал рассказ своего друга с вежливым безразличием, но постепенно все более внимательно. Под конец повествования он снял ладонь с чаши с игральными костями и воскликнул:

— Эй, мой Гай! Ты слышал?

Юноша, стоявший рядом с ним, — тот, который помогал ему днем управляться с колесницей, — ответил, весьма польщенный проявленным к нему вниманием:

— Я не был бы твоим другом, мой Мессала, если бы не слышал.

— Ты помнишь того человека, из-за которого ты сегодня упал?

— Клянусь Вакхом — если бы я и забыл его, мое разбитое плечо тут же напомнило бы мне о нем!

— Что ж, тогда будь благодарен Фортуне — я нашел своего соперника. Слушай же.

С этими словами Мессала повернулся к Друзу.

— Расскажи же нам все, что ты знаешь об этом

еврее и в то же время римлянине, — клянусь Фебом, такому сочетанию не позавидует и кентавр! Какую одежду носит он, о мой Друз?

— Какую носят все евреи.

— Ты слышишь, Гай? — снова спросил Мессала. — Этот парень молод — раз; он выглядит как римлянин — два; он предпочитает еврейские тряпки — три; судя по его успехам в палестре, он способен, если надо, остановить четверку коней — это четыре. Друз, помоги моему другу еще вот в чем. Без сомнения, у этого Аррия здорово подвешен язык, иначе он бы не мог так ловко прикидываться — сегодня он римлянин, завтра еврей; но столь же свободно он владеет и благородным языком Афин?

— Столь свободно и чисто, что мог бы спорить с Сократом.

— Ты слышишь, Гай? — сказал Мессала. — Этот парень просто создан, чтобы говорить комплименты женщинам — а то и самой Аристомахе[73] — по-гречески. Если я правильно считаю — это уже пять. Что скажешь?

— Ты уже нашел его, мой Мессала, — ответил на это Гай, — или я не я.

— Прошу прощения, мой Друз, — и прошу прощения у вас всех — за то, что говорю загадками, — весело произнес Мессала. — Но не буду испытывать ваше терпение. Помнится, ты что-то говорил про тайну в связи с появлением сына Аррия. Расскажи мне про это подробнее.

— Да нет здесь ничего особенного, Мессала, совершенно ничего, — ответил Друз, — так, просто детская болтовня. Когда Аррий, его отец, под парусами пустился преследовать пиратов, у него не было ни жены, ни семьи. Но домой он вернулся с юношей — тем, о котором мы говорим, — и на следующий день усыновил его.

— Усыновил его? — повторил Мессала. — Клянусь всеми богами, Друз, ты и в самом деле

---

[73] Примечания: 73

Аристомаха — третья жена тирана Сиракуз, Дионисия Старшего.

заинтриговал меня! Где же дуумвир нашел этого парня? И кто он такой?

— Кто может ответить на этот вопрос, Мессала? Разве что сам молодой Аррий. Кстати! Во время сражения дуумвир — тогда еще трибун — потерял галеру. Проходивший мимо корабль обнаружил его и еще одного человека — единственных спасшихся — на каком-то обломке судна. Тогда ходили слухи, что этим вторым человеком был еврей…

— Еврей! — эхом отозвался Мессала.

— …и раб.

— Как ты сказал, Друз? Раб?

— Когда их подняли на борт, дуумвир был в доспехе трибуна, а другой в рубахе гребца.

Мессала, слушавший рассказчика, подавшись всем телом вперед, медленно выпрямился.

— Галера, — повторил он поразившее его слово и впервые обвел залу растерянным взглядом.

Но тут в залу вступила процессия рабов. Некоторые из них несли в руках большие амфоры с вином, другие — корзины с фруктами и сладостями, чаши и кувшины, большей частью из серебра. При виде их Мессала вскочил на стул.

— Люди Тибра, — громким и ясным голосом произнес он, обращаясь к гостям. — Давайте же

обратим это ожидание нашего командующего в празднество в честь Вакха. Кого вы выберете вашим предводителем на нем?

Из-за стола поднялся Друз.

— Кто может быть предводителем, если не хозяин пиршества? — спросил он. — Ответьте же, римляне.

Присутствующие в один голос подтвердили его слова.

Мессала снял венок со своей головы и протянул его Друзу. Последний, забравшись на стол, вполне серьезно возложил его снова на голову Мессалы, сделав его таким образом предводителем празднества.

— Вместе со мной сюда пришли несколько моих друзей, — сказал он, — только что вставших из-за другого стола. Чтобы наше празднество было освящено старинным обычаем, приведите сюда того из них, кто более всех был сражен вином.

Хор голосов тут же воскликнул в ответ:

— Вот он, вот он!

Тут же в дальнем углу с пола был поднят юноша столь женственный, что вполне бы мог подойти для роли самого бога виноделия — хотя ему сейчас вряд ли удалось бы удержать на голове венок, а в руке — тирс.

— Поднимите его на стол, — повелел предводитель празднества.

Увы, юноша был не в силах даже сидеть.

— Помоги ему, Друз, — кивнул головой Мессала.

Друз обхватил неумелого выпивоху за плечи.

Обращаясь к обвисшей фигуре, Мессала произнес в наступившей тишине:

— О Вакх, величайший из богов! Будь благосклонен к нам нынешним вечером! От своего собственного имени и от имени этих твоих приверженцев я возлагаю сей венок… — сняв венок со своей головы, он благоговейно поднял его вверх, — я возлагаю сей венок на твой алтарь в роще Дафны.

Склонив голову, он возложил венок на голову юноши, а затем нагнулся, снял с игральных костей до сих пор закрывавшую их чашу и со смехом произнес:

— Погляди, мой Друз! Клянусь ослом Силена[74], денарий все-таки мой!

Ответом ему были возгласы гостей, столь громкие, что пол заходил у всех под ногами, а суровые

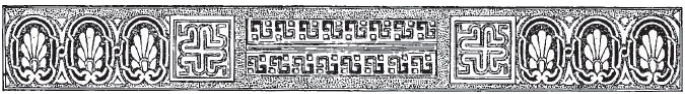
---

[74] Примечания: 74

Силен — сын Меркурия или Пана, воспитатель и постоянный спутник Вакха, веселый, вечно пьяный, тучный курносый старик. Традиционно изображался в свите Вакха верхом на осле *(миф.)*.

атланты у стен, казалось, пустились в пляс. Оргия началась.

Глава 13
Колесничий для скакунов Илдерима

Шейх Илдерим был слишком важной персоной, чтобы выходить куда-либо без соответствующей его положению свиты. Он имел репутацию человека, старающегося всегда находиться в окружении людей своего племени, вождем и патриархом которого был, — племени, слывшего самым большим в пустыне к востоку от Сирии. Среди горожан у него была несколько другая репутация — богатейшего человека среди некоронованных особ Востока. Располагая и в самом деле изрядным богатством, которое заключалось не только в деньгах, но и в слугах, верблюдах, лошадях, стадах скота, — он получал удовольствие от своего положения, которое не только подчеркивало его достоинство в глазах незнакомцев, но и способствовало его личной гордости. Поэтому читатель не должен обманываться частым упоминанием его шатра в Пальмовом саду.

Это было во всех отношениях респектабельное становище; строго говоря, там было три больших шатра — в одном он жил сам, в другом принимал гостей, в третьем обитала его любимая жена со своими прислужницами; шесть или даже восемь меньших шатров были предоставлены в распоряжение его слуг и приближенных из его племени, которые всегда находились при нем в качестве телохранителей, — силачей испытанной храбрости, опытных в обращении с луком, копьем и лошадьми.

Сказать по правде, его собственности любого вида в Пальмовом саду не угрожала никакая опасность, но так как всегда неразумно ослаблять узы дисциплины, то все становище было переполнено коровами, верблюдами и козами, да и всяким другим добром, которое могло бы ввести в искушение льва или простого вора.

Умея прекрасно повелевать людьми, Илдерим в полной мере хранил верность всем обычаям своего народа, даже самым незначительным. В результате этого его жизнь в саду была продолжением его жизни в пустыне, воспроизведением старых патриархальных обычаев — истинно пастушеской жизни исконного Израиля.

Гарцуя во главе каравана, вернувшегося утром

в сад, он остановил коня и сказал:

— Здесь, ставьте здесь, — втыкая в землю копье. — Дверь на юг, чтобы видно было озеро. Дети пустыни будут сидеть здесь, любуясь закатом солнца.

С последними словами он подошел к растущим неподалеку трем громадным пальмам и похлопал одну из них по стволу так, как мог бы потрепать по шее своего коня или самого любимого из своих сыновей.

Кто, кроме самого шейха, по праву мог бы сказать каравану «Стой!» или о шатре «Раскиньте его здесь»? Воткнутое в землю копье слегка покачивалось; углубление в дерне, сделанное им, станет ямкой, куда опустится основание первого шеста, поддерживающего свод шатра и обозначающего центр первой двери. Неподалеку было вкопано еще восемь других — всего три ряда опор, по три в каждом ряду. Затем, по его же зову, явились женщины и дети, которые стали извлекать из верблюжьей поклажи широкие полосы кошмы. Кто был вправе заниматься этим, кроме женщин? Разве не они в свое время состригли ножницами шерсть коричневых коз? Не они ли сплели эту шерсть в длинные нити? И не они — соткали из нитей широкие полотнища? А потом сшили эти

полотнища между собой, соорудив таким образом великолепный настил на шатер на самом деле темно-коричневого цвета, но издалека кажущийся черным, как шатры по берегам Кедрона? И наконец, с веселыми шутками и смехом, все вместе, толкаясь, они протянули полотнища от шеста к шесту, вбивая в землю колышки и закрепляя за них растяжки. Когда же наконец были установлены наружные стены, сплетенные из камыша, — заключительный аккорд строительства по методу жителей пустыни — с каким напряженным волнением стали они ждать одобрения их работе от своего владыки! Войдя и выйдя из шатра, шейх обошел его снаружи, оглядел на фоне солнца, деревьев и озера и произнес, потирая руки:

— Отлично сделано! Раскиньте же и весь стан

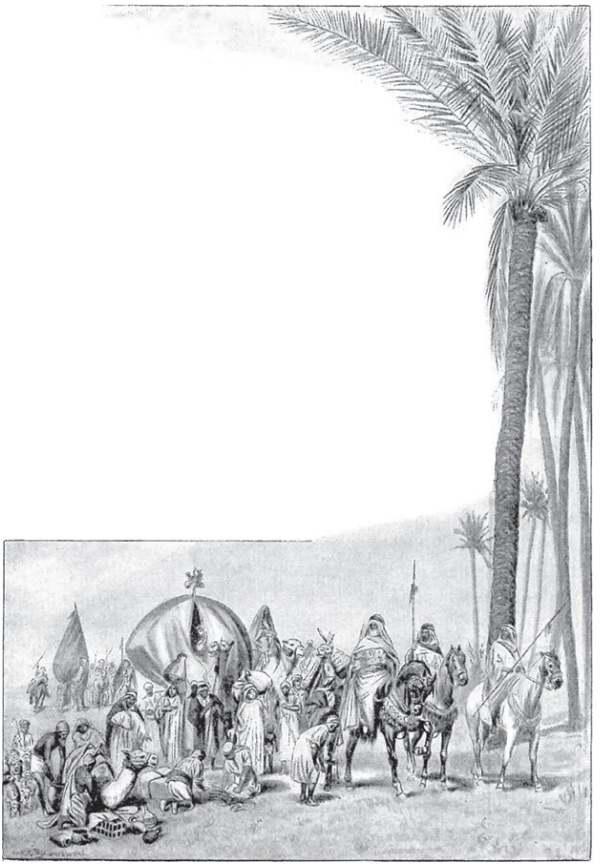
так, как вы умеете, а вечером мы усластим наш хлеб араком, а молоко — медом, и у каждого костра будут играть дети. С нами Бог! Нам не придется мечтать о сладкой воде, поскольку нашим источником будет озеро. И не придется нашим стадам питаться колючками, потому что поблизости вдоволь сладкой травы. Да будет с вами Бог, дети мои! Ступайте с миром!

И люди с веселыми криками бросились устраивать свои собственные жилища. Немногие же оставшиеся продолжили обустраивать шатер шейха: его слуги повесили матерчатую перегородку на центральный ряд шестов, разделив шатер на две половины. Правая часть шатра была предназначена для самого Илдерима, левая — для его бесценных коней, которых он собственноручно ввел туда под уздцы, поцеловав каждого и потрепав по шее. Затем у центрального шеста слуги соорудили стойку для оружия — дротиков и копий, луков, стрел и щитов. Надо всем этим они повесили саблю самого хозяина, изогнутую как серп молодого месяца, блеск клинка которой соперничал с блеском драгоценных камней, украшавших ее рукоять. С одной стороны стойки была развешана лошадиная упряжь, пестрая, как ливреи царской челяди; с другой — одежды шей-

ха: длинные рубахи из полотна и тонкой шерсти, туники и штаны, а также множество головных платков разного цвета.

Тем временем женщины достали и собрали оттоманку, не менее необходимую для шейха, чем его борода, белоснежной волной спускающаяся ему на грудь. Они собрали вместе три части ее основания в виде квадрата, открытой стороной обращенного к двери; застелили ее коврами и поверх них набросали подушки, снова дождавшись одобрения своего хозяина. Теперь им оставалось только принести воды из озера и наполнить ею кувшины, а также развесить вдоль оттоманки бурдюки с араком. Когда все было закончено, Илдерим был доволен, как только может быть доволен араб — в своем шатре на берегу озера, под кронами деревьев Пальмового сада.

Таков был шатер, у входа в который мы расстались с Бен-Гуром.

Слуги уже ждали приказаний своего повелителя. Один из них снял с ног сандалии шейха, другой расшнуровал армейские калиги Бен-Гура, еще двое сняли с прибывших их пропыленную одежду, облачив в свежие рубахи из белого полотна.

— Войди во имя Господа и обрети покой, — сердечно пригласил хозяин своего гостя, обратившись к нему на разговорном диалекте улиц и площадей Иерусалима, и, полуобняв, подвел его к оттоманке. — Я сяду здесь, — сказал он, указав пальцем, — а здесь расположится мой гость.

Слова эти относились к женщине — в былые времена ее назвали бы служанкой, — которая кивнула головой и проворно набросала подушек и валиков, на которые было принято опираться спиной. После того как мужчины сели, она, принеся свежей воды из озера, омыла им ноги и вытерла их полотенцем.

— Мы в пустыне говорим, — начал Илдерим, поглаживая свою белоснежную бороду и раскладывая ее на груди тонкими пальцами, — что хороший аппетит является залогом долгой жизни. Обладаешь ли ты таким?

— Что ж, согласно этому, я проживу сотню лет, дорогой шейх, — ответил Бен-Гур. — Я голоден,

точно волк у твоего порога.

— Но в отличие от волка ты не будешь прогнан от него. Ты отведаешь лучшие блюда, приготовленные руками наших женщин.

Илдерим хлопнул в ладоши.

— Ступай к страннику, что живет в шатре для гостей, и скажи ему, что я, Илдерим, желаю ему мира и спокойствия.

Стоящий у входа слуга склонился в поклоне.

— Скажи ему также, — продолжал Илдерим, — что я вернулся с гостем, который почтил меня, согласившись преломить со мной хлеб. И если мудрейший Балтазар захочет разделить нашу трапезу, угощения хватит на троих, да и птицам еще достанется немало.

Выслушав приказание, слуга отправился выполнять его.

— А теперь мы вкусим сладость отдыха.

Произнеся это, Илдерим устроился на оттоманке, как и в наши дни сидят на своих ковриках торговцы на базарах Дамаска. Оставив в покое свою бороду, он торжественно промолвил:

— Поскольку ты мой гость, испивший моего вина и готовящийся вот-вот отведать моего хлеба, не осерчай на меня за мой вопрос: кто ты есть?

— Почтенный шейх, — склонил голову Бен-Гур,

спокойно выдержав пронизывающий взгляд старика, — молю тебя не считать невежливым, что я отвечаю вопросом на вопрос, но разве не было в твоей жизни такого времени, когда ответить на подобного рода вопрос значило бы совершить преступление против себя самого?

— Клянусь блеском Соломона, да! — ответил Илдерим. — Предательство самого себя столь же подло, как и предательство своего рода.

— Благодарю, благодарю тебя, дорогой шейх! — воскликнул Бен-Гур. — Никакого другого ответа мне и не надо. Теперь я точно знаю, что у тебя нет других мыслей, кроме как обрести уверенность в истине, которую я пришел просить, и что такая

уверенность значит для тебя куда больше, чем моя бедная жизнь.

Шейх, в свою очередь, склонил голову, и Бен-Гур поспешил развить свой успех.

— Я почту за честь сообщить тебе, — сказал он, — что я, во-первых, не римлянин, как тебе могло бы показаться по имени, которое я ношу.

Илдерим провел рукой по бороде и бросил на гостя пронзительный взгляд из-под кустистых сдвинутых бровей.

— Должен также сказать тебе, — продолжал Бен-Гур, — что я израильтянин из племени Иуды.

Шейх слегка двинул одной бровью.

— Это еще не все. Шейх, я еврей, носящий в душе такую обиду на Рим, по сравнению с которой твоя — не более чем детский каприз.

Старик нервным жестом расправил бороду и свел брови так, что из-под них стало совершенно не видно его глаз.

— И еще: клянусь тебе, шейх Илдерим, клянусь тем заветом, который Господь заключил с моими отцами, — что если ты поможешь мне в мести, которой я ищу, то деньги и славу победителя гонок я уступаю тебе.

Сдвинутые брови Илдерима разошлись, он

вскинул голову, лицо его посветлело. На нем явно читалось облегчение, охватившее этого человека.

— Довольно! — произнес он. — Если под твоим языком змеей свернулась ложь, то и сам Соломон не смог бы распознать ее. Я верю в то, что ты не римлянин, что ты еврей, носящий в душе обиду на Рим; и довольно об этом. Поговорим о твоем мастерстве. Есть ли у тебя опыт колесничих гонок? Умеешь ли ты обращаться с лошадьми — сможешь ли ты сделать их покорными исполнителями твоей воли? Сможешь ли заставить их выложиться во время гонки до последнего дыхания? Искусство это дается не всем, сын мой. Клянусь величием Господним! Мне доводилось знавать царя, который правил миллионами подданных, но не смог завоевать уважение своего коня. Заметь — я говорю не о тупых животных, таких же рабах, как и те, что правят ими, — но о тех, которые здесь со мной. Они тоже цари в своем роду, который восходит к первым фараонам; они мои друзья, которые делят этот шатер со мной. Благодаря долгому общению со мной они стали мне ровней; их инстинкты облагорожены нашим разумом; их чувства обострены нашей душой, так что теперь они понимают все, когда мы говорим

о честолюбии, любви, ненависти и презрении. На войне они герои и в своих привязанностях искренни, как женщины. Эй, кто там!

Рядом с ними возник слуга.

— Приведи моих скакунов!

Слуга с поклоном отодвинул в сторону завесу, делившую шатер пополам, открыв вид на лошадей, которые застыли на месте, словно желая удостовериться в приглашении.

— Идите сюда! — обратился к ним Илдерим. — Почему вы не двигаетесь с места? Разве у меня есть что-нибудь, что не принадлежит и вам? Идите, говорю вам!

Кони медленно вошли.

— О сын Израиля, — обратился к Бен-Гуру шейх, — Моисей был могущественным человеком, — но — ха-ха-ха — я не могу удержаться от смеха, когда думаю о том, что он разрешил нашим праотцам владеть работящими волами и глупыми медлительными ослами, но запретил иметь в собственности лошадей. Ха-ха-ха! Неужели он сделал бы это, если бы увидел такого красавца — или такого — или вот этого?

С этими словами он гладил морды подходивших к нему коней и трепал их по выгнутым шеям с бесконечной лаской и нежностью.

— Да, здесь он был явно не прав, шейх, совершенно не прав, — с теплотой в голосе произнес Бен-Гур, тоже любуясь конями. — Моисей был воин и законодатель, возлюбленный Богом; но следовал путем войны — а на пути этом нет места любви ко всем живым созданиям, в том числе и таким.

Голова великолепных статей — с большими глазами, нежными, как у лани, наполовину скрытыми за густой челкой волос, и маленькими ушами, заостренными на концах и прядающими вперед, — уткнулась ему в грудь, раздувая ноздри и двигая верхней губой. «Кто ты такой?» — вопрос этот читался совершенно ясно, словно произнесенный человеческим языком. Бен-Гур узнал одну из беговых лошадей, которых он видел на скачках, и протянул ладонь к великолепному животному.

— Тебе будут говорить эти богохульники — да сократятся их дни под солнцем! — шейх заговорил с жаром, словно отвергая клевету в свой собственный адрес, — тебе будут рассказывать, что наши лучшие кони ведут свой род с Несейских пастбищ Персии. Господь дал первому арабу бесконечные пространства песка, безлесные горы да колодцы с горькой водой и сказал ему: «Вла-

дей своей страной!» Когда же бедняга возроптал, Всемогущий сжалился над ним и снова сказал: «Возрадуйся, поскольку я вдвойне благословил тебя по сравнению с прочими людьми». Араб, услышав это, возблагодарил Его и, исполненный веры, отправился на поиски этого благословения. Сначала он обошел все границы своей страны и ничего не нашел; затем направился в пустыню, он все шел и шел — и в самом сердце пустыни нашел радующий глаз островок зелени, на котором паслось стадо верблюдов и стадо лошадей! С радостью в сердце он стал пасти эти стада, лелеять и холить их, потому что именно они были самыми лучшими дарами Господа. И с этого зеленого островка пошли все лошади земли; они добрались даже до пастбищ Несеи и до ужасных северных ущелий, все время терзаемых вихрями, прилетающими с моря Холодных Ветров. Не сомневайся в моем рассказе. Впрочем, я могу доказать тебе его истинность.

Он снова хлопнул в ладоши.

— Принеси мне бумаги племени, — велел он возникшему перед ним слуге.

Ожидая, он играл с конями, ласкал их, похлопывал по шеям, гладил по щекам, расчесывал пальцами густые челки, оказывая каждому из

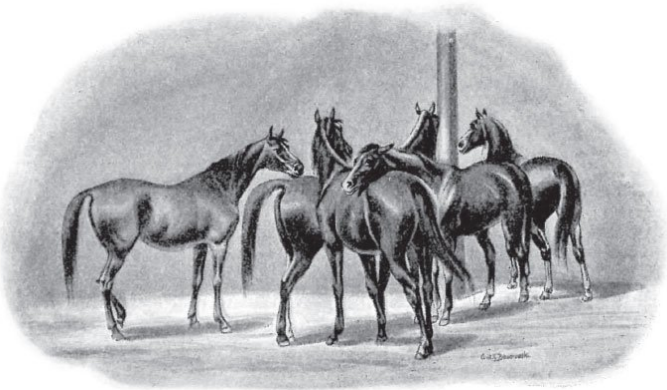
них знаки внимания. Через некоторое время полог шатра откинулся, и шестеро слуг внесли сундук из кедровых досок, окованный для прочности бронзовыми полосами и с бронзовыми же петлями и замком.

— Да нет же, — сказал Илдерим, когда сундук был поставлен на ковер перед оттоманкой. — Я имел в виду не все документы — только касающиеся лошадей. Достаньте их и унесите все остальное.

Сундук открылся, явив взорам множество табличек из слоновой кости, нанизанных на кольца из серебряной проволоки. Поскольку таблички эти были куда тоньше вафель, их на каждом таком кольце помещалось не меньше нескольких сотен.

— Я знаю, — произнес Илдерим, захватив рукой несколько колец, — я знаю, с каким усердием писцы Храма в Святом городе записывают в свои книги имена новорожденных, чтобы каждый сын Израиля мог проследить свою родословную вплоть до самого начала, до времени патриархов. Мои предки — да будет благословенна память о них! — не посчитали святотатством позаимствовать эту идею и применить ее к своим лишенным дара речи слугам. Взгляни на эти таблички!

Бен-Гур взял в руки одну связку и, поднеся к глазам табличку, увидел, что поверхность ее покрыта арабской вязью, довольно грубо выжженной на поверхности таблички острым кончиком раскаленного металлического инструмента.

— Сможешь ли ты прочитать это, о сын Израиля?

— Нет. Тебе придется поведать мне их значе-

ние.

— Тогда знай, что на каждой табличке начертано имя жеребенка чистых кровей, который был рожден для моих праотцев за многие сотни прошедших лет; а также имена его матери и отца. Взгляни на них и обрати внимание на их возраст, тогда ты скорее поверишь в сказанное мной.

Некоторые из табличек были так истерты, что скорее напоминали листики. Все пожелтели от времени.

— В этом сундуке, теперь я могу сказать тебе это, я храню настоящую историю; настоящую потому, что она снабжена свидетельствами: от какого племени происходит каждый скакун, кто их родители, все самое важное о каждом из них. Так что я знаю все о тех, кто сейчас делит этот кров со мной, кто берет свою меру ячменя у меня с рук, с кем я разговариваю, как со своими детьми, с теми, которые целуют меня, как дети, поскольку им не дано дара речи. Теперь же, о сын Израиля, ты должен поверить всему, что я тебе рассказал, — и, если я властелин пустыни, всмотрись в моих приближенных! Стоит их отобрать у меня, и я превращусь в оставленного караваном больного старца, обреченного на смерть. Благодаря им я не испытываю груза лет, когда добираюсь

караванным путем из одного города в другой. Так будет до тех пор, пока у меня хватит сил ступать рядом с ними. Ха-ха! Я мог бы поведать тебе о дивных делах, которые осуществили их предки. В свое время я непременно так и сделаю, но пока достаточно сказать то, что они, клянусь мечом Соломона, ни разу не были побеждены в гонках и никогда не подвели в погоне! Так было, заметь себе, на песках пустынь и под седлом; но теперь — даже не знаю сам — я впервые не уверен в них, поскольку им еще ни разу не приходилось бегать впряженными в колесницу. А для победы в таких гонках надо очень многое. У них есть гордость, скорость и надежность. Если я найду им такого колесничего, кому они подчинятся, они выиграют гонки. Сын Израиля! Если ты именно такой человек, клянусь тебе, я буду благословлять тот день, когда ты появился у моего порога. Поведай же теперь мне о себе.

— Теперь я знаю, — сказал Бен-Гур, — что по любви у арабов лошади следуют сразу же за детьми. Еще я знаю, почему арабские лошади лучшие во всем мире. Но, почтенный шейх, я молю тебя не судить обо мне по одним лишь словам, поскольку, как тебе известно, люди порой не оправдывают своих обещаний. Позволь мне ис-

пробовать твою четверню на здешних равнинах и вручи мне их узду завтра утром.

Лицо Илдерима снова прояснилось, и он хотел было что-то сказать.

— Минуту, почтенный шейх, еще одну минуту! — воскликнул Бен-Гур. — Позволь же мне еще кое-что добавить. Случилось так, что в Риме мне довелось узнать много про искусство конных ристалищ, хотя я никогда не думал, что это так пригодится в жизни. Я хочу сказать, что эти сыны пустыни, каждый из которых обладает скоростью орла и выносливостью льва, могут и не победить, если не привыкнут бегать все вместе в одной запряжке. В каждой четверне есть кто-то самый быстрый и самый медленный; и, если скорость зависит от самого медленного, неприятности всегда случаются с самым быстрым из коней. Так было и сегодня, колесничий не мог чуть попридержать самого ретивого из них, чтобы согласовать его движения с самым слабым. Возможно, этого не удастся сделать и мне во время пробного заезда. Тогда я честно скажу тебе об этом, даю тебе в том слово. Если же я смогу заставить их бежать как одно целое и, не поступившись своим духом, подчиниться моей воле, то тогда ты получишь сестерции и венок победителя, а я осуществлю

свою месть. Что скажешь?

Илдерим внимательно слушал, машинально поглаживая бороду. Когда Бен-Гур закончил, он, усмехнувшись, произнес:

— Я думаю о тебе лучше, о сын Израиля. У нас в пустыне говорят: «Если ты умеешь готовить пищу из слов, то я посулю тебе целый океан масла». Завтра утром ты получишь лошадей.

Вслед за этими словами у противоположного входа в шатер послышалось какое-то движение.

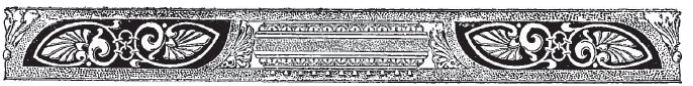
— А вот и ужин готов! Кстати, сюда идет мой друг Балтазар, с которым ты непременно должен познакомиться. Он рассказывает одну историю, которая не может наскучить истинному израильтянину.

Вошедшим слугам шейх приказал:

— Унесите записи на место и отведите мои сокровища в их апартаменты.

Поклонившись, слуги бросились выполнять приказ.

Глава 14
Становище в Пальмовом саду

Если наш читатель оживит сейчас в памяти трапезу мудрецов во время их встречи в пустыне, он поймет все те приготовления, которые свершались для ужина в шатре Илдерима. Случайные различия были обусловлены лишь более изобильной едой и лучшим обслуживанием.

На ковре перед оттоманкой были расстелены три покрывала, установлен невысокий, не более фута, столик, покрытый чистым холстом. С одной стороны была поставлена переносная глиняная печурка под присмотром женщины, которой предстояло снабжать компанию пирующих хлебом или, точнее, горячими лепешками. Муку мололи в соседнем шатре другие женщины на ручных мельничках.

Тем временем Балтазара под руки подвели к оттоманке, где его приветствовали почтительно вставшие при его приближении Илдерим и Бен-

Гур. Мудрец был облачен в свободную темную рубаху; шагал он нетвердо, все его движения выказывали телесную слабость человека, давно уже привыкшего к длинному посоху и надежным рукам сопровождающего.

— Мир тебе, друг мой, — почтительно произнес Илдерим. — Мир тебе и добро пожаловать.

Египтянин поднял голову и ответил:

— Мир и вам всем, да пребудет с вами благословение единого Господа, истинного и любящего.

Манеры его, мягкие и набожные, поразили Бен-Гура, внушив ему нечто вроде благоговейного страха. Поскольку благословение относилось частично и к нему, глаза старца, запавшие, но сверкающие, при этих словах остановились на лице Бен-Гура, пробудив в душе того целую бурю чувств, новых и загадочных для него. Чувства эти были настолько сильны, что во время застолья он исподтишка снова и снова рассматривал покрытое морщинами бескровное лицо гостя, пытаясь разобраться в их значении. Но на лице египтянина блуждала только спокойная, ничего не выражающая улыбка, а глаза взирали на окружающих с доверчивостью ребенка. Несколько позже Бен-Гур понял, что это было обычное состояние гостя.

— Вот этот человек, о Балтазар, — сказал шейх, кладя руку на плечо Бен-Гура, — преломит с нами хлеб сегодня вечером.

Египтянин поднял взгляд на молодого человека, полный удивления и сомнения; заметив это, шейх продолжал:

— Я обещал дать ему попробовать завтра проехаться с моими лошадьми. Если он сможет справиться с ними, то будет править колесницей в цирке.

Балтазар продолжал пристально изучать Бен-Гура.

— Он пришел сюда с наилучшими рекомендациями, — настаивал Илдерим, немало удивленный. — Возможно, ты знаешь его как сына Аррия, который был римским мореходом благородного рода, хотя…

Шейх помедлил и со смехом закончил:

— …хотя он утверждает, что является израильтянином, из колена Иудина, и, клянусь величием Господа, я верю тому, что он рассказал мне!

Теперь заговорил и Балтазар:

— Сегодня, о щедрейший из шейхов, жизнь моя была в опасности, и я бы лишился ее, если бы не этот юноша, который — если, конечно, глаза не лгут мне — вмешался в события, когда все остальные разбежались, и спас меня.

Затем он обратился к Бен-Гуру с прямым вопросом:

— Не ты ли был тот самый юноша?

— Я не стал бы отвечать в таких словах, — с почтительным поклоном произнес Бен-Гур. — Я всего лишь тот, кто остановил лошадей наглого римлянина, когда они неслись на вашего верблюда у Кастальского источника. Ваша дочь подарила мне чашу.

Из-за пазухи своей рубахи он достал серебряную чашу и протянул ее Балтазару.

Иссохшиеся черты лица старца осветились изнутри.

— Господь послал тебя мне сегодня у фонтана, — произнес он дрожащим голосом, протягивая руки к юноше, — и вновь посылает тебя мне сейчас. Я вознесу Ему слова благодарности, потому что в Своей неизреченной милости Он направил меня сюда, давая возможность отблагодарить тебя, что я и сделаю. Чаша эта твоя, оставь ее себе.

Бен-Гур принял подарок обратно, и Балтазар, видя недоумение на лице Илдерима, в нескольких словах рассказал ему о происшествии у источника.

— Как! — воскликнул шейх, обращаясь к Бен-Гуру. — Ты ни слова не рассказал мне об этом, что стало бы лучшей рекомендацией тебе. Разве я не араб и не шейх моего племени в десять тысяч человек? Разве он не мой гость? И если моему гостю творят добро или зло, то разве не мне творят их? Куда еще ты должен был бы идти за наградой, если не ко мне? И разве какая-нибудь другая рука вправе дать ее тебе?

К концу этой тирады голос его уже гремел на весь шатер.

— Молю тебя, помилосердствуй, почтенный шейх. Я пришел отнюдь не за наградой, большой или малой; и если я буду заподозрен в таком намерении, то в свое оправдание могу сказать, что то, что я сделал для столь замечательного человека, я сделал бы для ничтожнейшего из твоих слуг.

— Но он мой друг, мой гость — а не мой слуга. Неужели ты не видишь в этой разнице руку Фортуны?

Обращаясь к Балтазару, шейх добавил:

— Ах, клянусь величием Господним! Снова говорю тебе, что он не римлянин.

С этими словами он повернулся к слугам, которые почти уже закончили приготовления к ужину.

Читатель, который вспомнит историю Балтазара, рассказанную им самим во время встречи в пустыне, поймет всю весомость впечатления, произведенного заявлением Бен-Гура о его незаинтересованности в вознаграждении. Для Балтазара заявление Бен-Гура звучало как эхо его собственной души. Он сделал шаг в сторону Бен-Гура и заговорил с ним в своей обычной, доверчивой манере:

— Как шейх представил тебя? Думаю, это было

римское имя.

— Аррий, сын Аррия.

— Но ведь ты не римлянин?

— Все мои близкие были евреями.

— Были, ты говоришь? Так их уже нет в живых?

Вопрос был одновременно и коварным, и простым. Илдерим избавил Бен-Гура от ответа на него.

— Займите ваши места, — обратился он к своим гостям. — Ужин подан.

Бен-Гур подал руку Балтазару и помог ему подойти к столу, у которого все они вскоре и устроились, усевшись по-восточному каждый на своем коврике. Подали чаши для омовений. Затем по знаку шейха слуги застыли на месте, а все помещение шатра заполнил голос египтянина, дрожащий от святого чувства:

— О Господь, Властелин всего сущего! Все, что у нас есть, дано Тобой. Прими же нашу благодарность и благослови нас, дабы мы могли и впредь творить Твою волю.

Это были слова молитвы, произнесенной добрым человеком одновременно с греком Гаспаром и индусом Мелхиором, сказанные ими на разных языках, после которой произошло чудо, свиде-

тельствующее о снисхождении Божественного Присутствия на яства в пустыне много лет назад.

Стол, бывший поводом для этой молитвы, ломился от даров природы и деликатесов, любимых на Востоке: хлеба только что из печки; овощей, лишь несколько минут назад собранных с грядок; мяса, различных кушаний из овощей с мясом; молока коров, меда и масла. Все это, следует заметить, елось и пилось без всяких современных приспособлений — ножей, вилок, ложек, чаш и тарелок. На этом этапе пиршества говорили мало, поскольку все участники застолья были изрядно голодны. Но когда наступило время десерта, все изменилось. Они снова вымыли руки, стряхнули разложенные на коленях куски холста. Голод был утолен, и, когда слуги снова накрыли стол, наступило время неторопливой и обстоятельной беседы.

В такой компании, состоявшей из араба, еврея и египтянина, верующих в единого Господа, в те времена не могло быть иной темы для разговоров. Из всех же троих кто иной мог начать беседу, как не тот человек, который собственными глазами созерцал Бога; кто видел Его в образе звезды; кто слышал Его голос; кто был ведом столь далеко и столь чудесно Его Духом? И о ком же еще мог

говорить этот человек, как не о Том, свидетельствовать о Котором он был призван?

Глава 15
Балтазар поражает Бен-Гура

Тень от гор, накрывшая Пальмовый сад, сгущалась по мере того, как солнце опускалось за горную цепь, не оставляя места для романтичного времени сумерек. Стремительная южная ночь властно вступила в свои права; и, чтобы рассеять ее мрак, заполнивший шатер, слуги внесли четыре напольных канделябра, отлитых из бронзы, и установили их у каждого из углов стола. Каждый из канделябров раскидывал в стороны четыре стилизованные древесные ветви, на которых висели серебряные лампады и резервуар с оливковым маслом. В их ярком свете собеседники, наслаждаясь десертом, продолжали свою беседу, разговаривая на сирийском диалекте, знакомом всем и каждому в этой части света.

Египтянин поведал уже знакомую нам историю о встрече в пустыне трех человек и согласился с шейхом, что это случилось в декабре, двадцать

семь лет назад, когда он и его друзья, спасающиеся бегством от козней Ирода, появились у шатра шейха, моля его об убежище. Рассказ этот был выслушан с напряженным интересом; даже слуги намеренно задерживались в шатре, чтобы услышать хоть несколько слов этой истории. Бен-Гур воспринял поведанное как человек, внимающий глубочайшему из откровений для всего человечества, которое особенно важно было для народа Израиля. В его сознании, как мы это впоследствии увидим, уже рождалась идея, которой предстояло изменить течение всей его жизни.

По мере того, как развертывалось повествование, усиливалось и впечатление, производимое Балтазаром на Бен-Гура. Чувства, с которыми рассказчик излагал события, были слишком глубокими и искренними, чтобы допустить сомнение в их истинности.

А теперь необходимо дать разъяснение, необходимость которого для особо проницательного читателя была очевидной уже и раньше и которое нельзя долее откладывать. Повесть наша начинается по времени сразу после того момента, как было явлено пастырство Сына Марии, которого мы с тем же самым Балтазаром видели лишь однажды, благоговейно оставив Его лежащим на

коленях своей матери в пещере в окрестностях Вифлеема. С тех пор и до самого конца чудесный Младенец будет предметом постоянных упоминаний; и медленно, хотя и неизбежно, течение событий, развертывающихся перед нами, будет все больше и больше приближать нас к нему. В конце же концов мы увидим Его уже взрослым человеком — мы хотели бы добавить, если возведенная предубеждением преграда не помешает нам сделать это, — человеком, без которого мир не мог бы состояться. Из такого заявления, простота которого не вызывает никакого сомнения, проницательный ум, вдохновленный верой, может понять многое — и в добрый час. До этого момента, да и позже, существовали люди, необходимые тому или иному народу в тот или иной момент времени; но необходимость для всего человечества и на все времена — это призвание уникальное, исключительное, божественное.

Для шейха Илдерима рассказ этот был далеко не нов. Впервые он услышал его от всех трех мудрецов при обстоятельствах, которые исключали сомнения в их правдивости. Сейчас один из этих троих снова сидел за его столом, будучи желанным гостем и уважаемым другом. Шейх Илдерим верил каждому слову своего гостя; но все же

центральное событие его рассказа не могло быть воспринято им с такой силой и захватить все его существо, как было оно воспринято и захватило Бен-Гура. Шейх был арабом, чей интерес к описываемым событиям был всего лишь общим; Бен-Гур же был израильтянином и евреем с особым интересом — да простится нам неуклюжесть этой фразы — к истине об этом событии. Истинно еврейская душа его сразу же почувствовала важность и значение происшедшего.

Следует напомнить читателю, что, еще лежа в своей младенческой колыбельке, Бен-Гур уже слышал о Мессии; во время своего ученичества он познакомился со всем, что было известно об этом Существе и вместе с тем надежде, страхе и исключительной славе избранного народа. Все пророки, от самого первого в их героической родословной и до последнего, предсказывали Его появление. Приход Его был темой бесконечного числа споров раввинов — в синагогах, в школах, в Храме, в будни и праздники, на публике и наедине. Учителя нации толковали и перетолковывали это грядущее событие и добились того, что все дети Авраама, куда бы их ни забросила судьба, всей душой ждали этого события и в ожидании его с железной суровостью строили

свои жизни.

Без всякого сомнения, и среди евреев были различные мнения относительно Мессии; но все споры были ограничены обсуждением одного-единственного вопроса — когда Он явится?

Изыскания являются уделом священников; тогда как читатель всего только внимает рассказываемой ему истории, и поэтому он не может отвлекаться от ее персонажа. Пояснение, которое было дано, касается прежде всего Мессии, о котором в среде избранного народа существовало на редкость единое мнение: Ему суждено быть, когда Он явится, ЦАРЕМ ИУДЕЙСКИМ — их политическим Царем, их Цезарем. При их поддержке он должен будет завоевать землю, а потом к их выгоде и во имя Бога удержать ее на вечные времена. Во имя этой веры, дорогой читатель, фарисеи и сепаратисты — последнее определение является всего лишь политическим ярлыком — в монастырях и в самом Храме возвели здание надежды, намного превосходящее своею высотой здание мечты Александра Македонского. Тот всего лишь хотел воцариться на земле; но их амбиции распространялись равно на землю и небеса; в их безудержной, не имеющей границ фантазии всемогущий Господь был, так сказать,

пригвожден ухом к еврейской двери в знак вечного рабства.

Возвращаясь к нашему Бен-Гуру, следует упомянуть, что в его жизни были два обстоятельства, в результате действия которых он оказался относительно свободен от влияния и воздействия оголтелой веры своих соплеменников-сепаратистов.

Во-первых, его отец был последователем веры саддукеев, которая в общем может быть определена как либерализм своего времени. Да, у них было довольно странное обыкновение отрицать существование души. Они были приверженцами незыблемых правил поведения в быту и до последней запятой соблюдали законы Моисея; но они же высмеивали необъятные тома толкований этих законов, написанных схоластами-раввинами. Они, без всякого сомнения, были сектой; но все же их религия была в большей мере философией, нежели вероисповеданием. Они отнюдь не отрицали для себя наслаждения жизнью и видели много достойных восхищения примеров среди нееврейской части населения. В политике же они были активными оппонентами сепаратистов. Согласно природному порядку вещей, все эти обстоятельства и положения, мне-

ния и особенности передавались от отца к сыну столь же определенно, как и любая другая часть имущества; и, как мы видели, он и в самом деле усваивал их, когда другое событие обрушилось на него.

Мышление и темперамент Бен-Гура во время его обеспеченной жизни в Риме испытали изрядное влияние того обстоятельства, что громадный город был полон людей из разных стран — озабоченных как политикой и коммерцией, так и поиском наслаждений без каких-либо пределов. Вокруг позолоченного камня на Форуме, отмечавшего нулевую милю, днем и ночью не прекращалось коловращение самых разных идей. Все лучшее впитала в себя душа Бен-Гура. Если бы отточенность манер, утонченность общества, широта интеллекта и слова свершений не произвели на него впечатления, как бы мог он, сын Аррия, проделать день за днем такой путь в течение пяти лет — от великолепной виллы близ Мизен до приемной цезаря — и совершенно не обращать внимания на то, что ему приходилось там видеть: как цари, принцы, послы, заложники, соискатели должностей из всех известных стран — все они скромно ждали слов «да» или «нет», которые могли вознести или уничтожить

их? Бен-Гуру порой приходила в голову мысль, что, возможно, на земле есть отдельные народы, которые заслуживают более пристрастного Божественного уважения, если не жалости, хотя бы они были и не обрезаны, как избранный народ.

То, что подобные думы посещали его, было вполне естественно, и мы хотим признать, что когда эти рассуждения возникали в его голове и когда он позволял себе логически продолжить их, то не мог закрывать глаза на определенные различия. Обездоленность масс и полная безнадежность их положения не имели какого бы то ни было отношения к религии — роптали не против старых богов, стенали не от желания обрести новых. В дубовых рощах Британии друиды[75] собирали толпы приверженцев; Фрейе и Одину[76] возносились молитвы в Галлии, Германии и во мгле гиперборейских стран; Египет довольствовался своими крокодилами и Ануби-

[75] Примечания: 75

Друиды — служители дохристианского культа, распространенного в античные времена среди кельтского населения Галлии, Британии и Ирландии *(ист.).*

[76] Примечания: 76

Один — верховный бог скандинавского пантеона, *Фрейя* — его супруга.

сом[77]; персы по-прежнему хранили верность Ормузду и Ариману[78], равным образом почитая обоих; индусы, в чаянии обрести нирвану, все так же следовали сумрачными путями Брамы; блистательное мышление греков в перерывах между философскими мудрствованиями все еще воспевало героических богов Гомера; в то время как в Риме не было ничего более расхожего и дешевого, чем боги. Подчиняясь своему капризу, повелители мира — ибо они и в самом деле были его повелителями — одинаково равнодушно творили службы и возлагали жертвоприношения на самые различные алтари. Беспокойство они испытывали разве что от количества богов; поэтому, позаимствовав себе божеств из самых разных уголков земли, в конце концов они решили обожествлять и своих цезарей, стали возводить в их честь алтари и служить им службы. Нет, несчастья людей проистекали не от их верований, а от дурного управления, незаконных захватов власти и бесчисленных тираний. Мир адовых страданий, в который были ввергнуты

---

[77] Примечания: 77

Анубис — египетский бог гробниц, взвешивавший сердца покойников; изображался в виде существа с телом человека и головой шакала.

[78] Примечания: 78

Ариман — в зороастризме: злой дух, противостоящий Ахурамазде.

люди и об избавлении от которого они молились, был ужасен, но политически существенен. Моления — одинаковые повсюду, в Лодинуме, Александрии, Афинах, Иерусалиме, — были направлены к царю, повелевающему страной, а не к Богу, царящему на небесах.

Изучая ситуацию спустя две тысячи лет, мы можем сказать, что ни одна из религий не привнесла порядок во вселенскую неразбериху, за исключением того, что некий Бог явил себя как истинного Бога, который пришел людям на помощь. Но люди того времени, даже самые проницательные и склонные к рассуждениям, не усмотрели в этом никакой надежды для себя, кроме разве что крушения Рима. После этого облегчение могло наступить в результате восстановления природного порядка вещей и всяческих реорганизаций, поэтому люди молились, злоумышляли, бунтовали, сражались и умирали, орошая почву кровью и слезами, — и все с прежним результатом.

Остается лишь добавить, что в тот момент Бен-Гур испытывал чувства, аналогичные тем, которые питали большинство людей того века, за исключением римлян. Пятилетнее пребывание в столице империи позволило ему увидеть и постичь страдания порабощенного римлянами

мира, а также понять, что зло, учинившее это, исходило из политики. Избавления же от этого зла можно было добиться лишь силой оружия, поэтому он готовил себя к тому благословенному дню, когда это освобождение начнется. Бен-Гур владел оружием, как идеальный солдат; но война имеет и законы более высокого уровня, для постижения которых надо знать куда больше, чем то, как наносить удары копьем и как отражать щитом направленные на тебя удары. Это уже дело генералов, ибо генерал есть воин, вооруженный армией. К такой программе жизни Бен-Гура привело убеждение, что возмездие, о котором он мечтал на основании своих личных заблуждений, может быть скорее достигнуто военными, нежели мирными методами.

Так что чувства, с которыми он сейчас слушал Балтазара, вполне можно было понять. Рассказ старика затронул два самых чувствительных места в его душе, и отзвуки этих чувств продолжали звучать в нем. Сердце его учащенно билось — и забилось еще более часто, когда, заглянув себе в душу, он не обнаружил там ни тени сомнения в том, что рассказ этот — истина до последней, самой мелкой детали, и в том, что Младенец, найденный столь удивительным образом, и есть

Мессия. Удивляясь тому, что до сих пор Израиль столь безучастно отнесся к откровению, а также и тому, что он сам лишь сейчас услышал об этом, Бен-Гур задался двумя вопросами, которые, по его мнению, необходимо было выяснить прежде всего.

Где затем пребывал Младенец?

И в чем заключалась Его миссия?

Извинившись, он принялся выяснять мнение на этот счет Балтазара, который был готов поведать его.

Глава 16
Христос появляется. Балтазар

— Если бы я мог ответить на твой вопрос, — произнес Балтазар, — о, если бы я знал, где он сейчас, с какой быстротой я бы направился прямо к нему! Ни моря, ни горы меня бы не остановили.

— Значит, ты пытался его найти? — спросил Бен-Гур.

Улыбка скользнула по лицу египтянина.

— Самая первая задача, которую я поставил перед собой, выйдя из укрытия, — Балтазар отвесил благодарный поклон Илдериму, — было узнать, что случилось с Младенцем. Но прошел целый год, и я все не осмеливался появиться в Иудее, поскольку там царствовал тот же Ирод, по-прежнему помешанный на крови. Возвратившись в Египет, я нашел нескольких друзей, которые поверили в те удивительные вещи, которые мне довелось видеть и слышать и о которых я им рассказал, — тех немногих, кто возрадовался вме-

сте со мной рождению Спасителя. Некоторые из них решили отправиться вместо меня на поиски Ребенка. Сначала они побывали в Вифлееме и нашли там караван-сарай и пещеру; но служитель — тот, что сидел у входа в ночь рождения и в тот вечер, когда мы пришли вслед за звездой, — пропал. Его забрали по приказу царя, и никто никогда его больше не видел.

— Но они, без всякого сомнения, нашли свидетельства всего произошедшего тогда, — страстно произнес Бен-Гур.

— Да, свидетельства, написанные кровью, — селения в трауре и матерей, оплакивающих своих детей. Ты должен знать, что, когда Ирод узнал о нашем бегстве, он послал своих людей и приказал перебить всех новорожденных младенцев в Вифлееме. Не спасся ни один из них. Честность моих посланцев была вне сомнения; но они вернулись ко мне с известием, что Младенец предан смерти вместе с другими невинными жертвами.

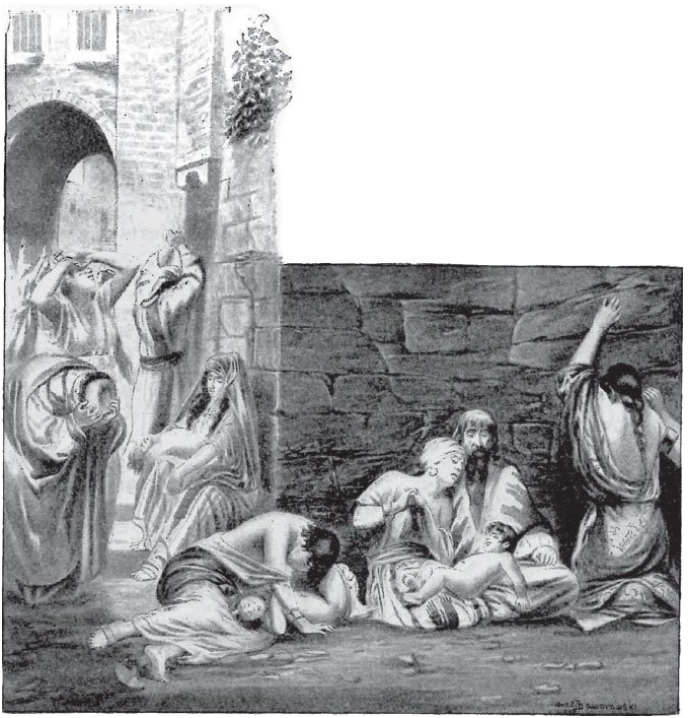
— Мертв! — в ужасе воскликнул Бен-Гур. — Ты сказал — мертв?

— Нет, сын мой, я этого не говорил. Я сказал лишь, что мои посланцы принесли мне весть о смерти Ребенка. Тогда я не поверил этому известию; я и сейчас не верю в него.

— Понимаю… тебе определенно что-то стало известно.

— Нет, нет, — отвечал Балтазар, потупив взгляд. — Святой Дух сопровождал нас только до дома Младенца. Когда же мы вышли из пещеры, принеся наши дары Младенцу и увидев Его, мы первым делом снова хотели увидеть звезду; но она уже исчезла, и мы поняли, что предоставлены нашей собственной судьбе. Последняя воля Святого Духа проявилась в том, что Он направил нас к Илдериму.

— Да, — кивнул головой шейх, взволнованно поглаживая пальцами бороду. — Тогда ты сказал мне, что послан ко мне Духом, — я запомнил это.

— До меня не доходили никакие слухи, — про-

должал Балтазар, видя огорчение, отразившееся на лице Бен-Гура, — но, сын мой, мне пришлось много думать — будучи подвигнутым на то истиной, которая, заверяю тебя, призывая Бога в свидетели, столь же сильна во мне сейчас, как и в тот час, когда я услышал Святого Духа, воззвавшего ко мне на берегу озера. Если тебе угодно выслушать меня, я поведаю тебе, почему я верю в то, что Младенец остался в живых.

И Илдерим, и Бен-Гур обратились в слух. Интерес захватил даже слуг, которые приблизились к оттоманке и слушали стоя. В шатре воцарилась совершенная тишина.

— Все мы трое верим в Господа. — Произнеся это, Балтазар склонил голову. — И Господь есть Истина, — продолжал он. — Слово Его есть сам Господь. Горы могут рассыпаться пылью, а моря испариться до самого дна, но Его слово будет неколебимо, ибо оно есть Истина. — Слова эти были произнесены в высшей степени благоговейно. — Глас, бывший Его голосом, обращаясь ко мне на берегу озера, сказал: «Благословен будь, сын Мицраима! Спаситель грядет. Вместе с двумя другими людьми из отдаленнейших углов земли ты должен узреть Спасителя». И я видел Спасителя — будь благословенно Его имя! — но

Спасение, обещанное свыше, еще только должно исполниться. Теперь вы понимаете? Если Младенец мертв, то некому принести в мир Спасение, и слово Господа — ничто, а Господь… нет, я не осмелюсь даже произнести это! — И он в ужасе воздел обе руки в воздух. — Именно ради Спасения и был рожден Младенец; и пока обещание пребывает в силе, даже смерть не может освободить Его от исполнения этой задачи. Считайте это основанием моей веры и подарите мне еще немного вашего внимания. — Балтазар замолчал, переводя дух.

— Нет ли у тебя желания отведать вина? Оно рядом с тобой — только протяни руку, — почтительно предложил Илдерим.

Балтазар сделал несколько глотков и, заметно освеженный вином, продолжал:

— Я видел, что Спаситель был рожден от женщины, по природе подобной нашим женщинам. Следовательно, Он подвержен всем нашим недугам — и самой смерти. Запомним пока это первое предположение. Рассмотрим теперь то, что Ему предстоит совершить, отдельно от Его личности. Не кажется ли вам, что сделать такое по плечу только мужчине? Мужу мудрому, твердому в намерениях, осмотрительному — мужчине, а не ребенку? Чтобы стать таковым, Он должен выраc-

ти и возмужать, как выросли и мы сами. А теперь подумайте об опасностях, подстерегающих Его на этом пути — на долгом пути от младенчества к зрелости. Нынешние власти предержащие — враги Его; Его врагом был Ирод; а чем другим был Ему Рим? Что до Израиля — то, что Он не должен был быть принят Израилем, и послужило мотивом для Его устранения. Теперь вы видите? Можно ли было сохранить Его жизнь в тот период, когда ребенок не может защитить сам себя, если не погрузить его во мрак безвестности? Поэтому я сказал себе и своей вере, которая всегда алкала любви, — я говорю, что Он не мертв, но скрыт от нас; и, поскольку Его труды не свершены, Он снова явится нам. Теперь вы знаете, на чем покоится моя вера. Разве эти доводы не убедили вас?

Небольшие арабские глаза Илдерима светились совершенным пониманием, и Бен-Гур, справившись со своей тоской, от всего сердца произнес:

— Я по крайней мере не могу опровергнуть их. Но молю тебя сказать, что же дальше?

— Тебе недостаточно того, что ты услышал? Что ж, — снова начал он, уже более спокойным тоном, — увидев, что мои выводы основательны, — проще говоря, увидев, что Господня воля

состоит в том, чтобы Младенца не обнаружили, — я сконцентрировал свою волю на том, чтобы быть терпеливым, и начал ждать. — Он воздел к небу взор, исполненный святой веры, и продолжал: — Ныне я пребываю в ожидании. Он живет между нами, надежно храня свою тайну. Что в том, что я не могу отправиться к Нему или назвать по имени холм или долину, служащие Ему прибежищем? Но Он жив — может быть, сейчас Он только наливается жизненной силой, как завязь на дереве; а может быть, Он уже созрел; но уверен, что в этом промысел Божий и что Он живет на земле.

Благоговейный ужас охватил Бен-Гура — ужас того, что все его прежние сомнения рассеяны.

— Где, как ты думаешь, Он сейчас? — почти шепотом спросил он Балтазара и тут же замолк, словно на уста его легла печать священного молчания.

Балтазар тепло взглянул на него:

— Несколько недель я сидел, размышляя, в своем доме у Нила — доме, который стоит почти у самой воды, так что проплывающие мимо путники в лодках могут видеть его и в то же самое время свое отражение в воде. Человек в возрасте тридцати лет, сказал я себе, должен уже

засевать свое поле жизни, и засевать его хорошо, поскольку за этим последует лето жизни, когда надо будет растить посеянное. Младенец, сказал я далее себе, сейчас уже мужчина двадцати семи лет — ему самое время засевать свое поле. И я спросил себя, как сейчас ты спрашиваешь меня, сын мой, и ответил себе, что то место, где Он пребывает, должно быть рядом с родиной его отцов. Где еще может Он явиться миру, как не в Иудее? В каком городе должен Он начать свои труды, если не в Иерусалиме? Кто будет первым, получившим то благословение, которое Он должен принести, как не дети Авраама, Исаака и Иакова, дети возлюбленного Господом народа? Если бы мне предложили отправиться на Его поиски, я отправился бы бродить по деревням и поселкам, ютящимся на склонах холмов Галилеи и Иудеи, спускающихся в долину Иордана. Сейчас Он там. Стоя в дверях своего дома или на вершине холма, сегодняшним вечером Он провожал взглядом солнце, которое еще на один день приблизило то время, когда Он сам станет светочем мира.

Балтазар смолк, простерев перед собой руку с указующим в сторону Иудеи перстом. Всем его слушателям, даже слугам, передалась его страсть; они словно бы ощутили в шатре чье-то

царственное присутствие. И это ощущение не исчезло сразу: сидевшие за столом еще какое-то время хранили молчание, обдумывая сказанное. Тишину в шатре нарушил Бен-Гур.

— Я понимаю, добрый Балтазар, — сказал он, — что ты был высоко и необычно отмечен свыше. И также я понимаю, что ты в высшей степени мудрый человек. У меня не хватает слов, чтобы выразить мою благодарность за все то, что ты мне поведал. Я получил весть о больших грядущих событиях и позаимствовал часть вашей веры. Но я молю тебя закончить свое повествование, рассказав нам о миссии Того, Кого ты ждешь и Кого я с этого вечера тоже буду ждать, как подобает верующему сыну Иуды. Ты сказал, что Он должен стать Спасителем, но разве Он не станет еще и Царем Иудейским?

— Сын мой, — произнес Балтазар в своей обычной доброжелательной манере, — до сих пор миссия Его в руке Господней. Все, что я думаю о ней, лишь мои выводы из слов того Гласа, который был мне слышен в ответ на мои моления. Угодно ли тебе вновь услышать об этом?

— Ты же наш учитель.

— Причиной моего смятения, — невозмутимо начал Балтазар, — которое подвигло меня стать

проповедником в Александрии и в селениях на Ниле, побудило погрузиться в отшельничество, где меня и нашел Святой Дух, — причиной этого было падение людских нравов, происшедшее, как я считал, от утраты общения с Богом. Я скорбел скорбями ближних моих — не только равных мне, но всех моих ближних. Так низко пали они во тьму безверия, думалось мне, что Спасение для них недостижимо, если только сам Господь не возьмется за эту работу. И я молил Его прийти и сделать так, чтобы я мог узреть Его. «Труды твои не пропадут втуне. Спасение грядет, и ты узришь Спасителя» — такой был мне Глас, и, возликовав, я отправился в Иерусалим. Но кому же суждено Спасение? Всем людям мира. И каким образом обрести его? Крепи свою веру, сын мой! Я знаю, люди говорят, что счастья не обрести до тех пор, когда Рим не будет низвергнут со своих холмов. Говоря другими словами, беды нашего времени происходят не от неведения людьми Бога, как я считал, но от дурного управления. Надо ли говорить, что людское управление никогда не свершалось во имя религии. Много ли царей из тех, о которых ты слышал, были лучше своих подданных? О нет, нет! Спасение не может осуществиться ради политических целей — ради

того, чтобы свергнуть правителей и власти предержащие и занять их места, а потом владеть и править. Если бы это было единственным смыслом Спасения, мудрость Господня пресекла бы его. Говорю вам, пусть даже это будет разговор слепого со слепыми, что Тот, Который грядет, должен будет стать Спасителем душ; а само же Спасение знаменует то, что Господь сам появился на земле.

Разочарование охватило Бен-Гура — голова его поникла; но, даже не будучи убежден, он в это мгновение не имел сил оспорить мнение египтянина.

— Клянусь великолепием Господним! — порывисто воскликнул Илдерим. — Суд Божий покончит со всеми обычаями. Пути мира предначертаны и не могут быть изменены. В каждом сообществе людей должен быть предводитель, облеченный властью, иначе ничто не может быть свершено.

Балтазар отнесся к этой вспышке собеседника вполне серьезно.

— Твоя мудрость, почтенный шейх, есть мудрость от мира сего; но ты забываешь, что именно от мира сего мы и должны быть спасены. Человек есть предмет честолюбивых замыслов царей;

душа же человека есть предмет вожделения Господа.

Илдерим, не имея что возразить на это, лишь задумчиво покачал головой, явно не желая поверить в сказанное. Бен-Гур нашел аргумент в его пользу.

— Отче — с твоего позволения я хотел бы так называть тебя, — спросил он, — о ком вы должны были вопрошать у врат Иерусалима?

Шейх послал Бен-Гуру благодарный взгляд.

— Я должен был вопрошать людей, — спокойно ответил Балтазар, — «Где Тот, Кто рожден Царем Иудейским?»

— И вы видели Его в пещере под Вифлеемом?

— Мы узрели Его, и поклонились Ему, и принесли Ему наши дары: Мелхиор — золото, Гаспар — ладан, а я — мирру.

— Когда ты говоришь о фактах, отче, слышать тебя все равно что верить, — почтительно произнес Бен-Гур, — но, когда ты произносишь свои суждения, я не могу понять, какого рода царем ты хочешь представить Младенца — я не могу отделить правителя от его власти и долга.

— Сын мой, — ответил на это Балтазар, — мы имеем обыкновение самым пристальным образом рассматривать то, что лежит у самых

наших ног, в то же время удостаивать лишь мимолетного взгляда куда более крупные предметы, пребывающие вдали от нас. Вот и сейчас ты видишь лишь титул — Царь Иудейский; так подними же взгляд свой до той тайны, которая скрывается за ним, и ты сможешь узреть истину. Титул всего только слово. Израиль знавал лучшие дни — дни, когда Господь называл его людей возлюбленными своими детьми и общался с ними через пророков. Теперь же, если в те дни Он обещал им Спасителя, Которого я видел, — пообещал им как Царя Иудейского, — образ Его должен быть в соответствии с обещанием, хотя бы ради только одного слова. Ах, ты понял смысл моего вопроса у врат! — ты понял, и я больше не буду останавливаться на этом. Может быть, тебя заботит достоинство Младенца; если это так, то обдумай, что значит считаться преемником Ирода — в рамках принятых во всем мире мерил чести? Разве не мог Господь выше вознести возлюбленного Им? Да если земные титулы играли для нашего Отца Небесного какое-нибудь значение, почему Он не отправил меня вопрошать о Цезаре? Попробуй взглянуть шире на сущность того, о чем мы сейчас говорим, молю тебя! Спроси лучше о том, царем чего должен стать Тот, Кото-

рого мы ждем; потому что именно это, уверяю тебя, и является ключом к загадке, которую ни один человек не сможет разгадать, не имея этого ключа. — И Балтазар благочестиво возвел очи горе. — На земле существует царство, хотя и не принадлежащее ей, — царство с границами куда шире земных, шире всех морей и земель. Его существование — такой же неопровержимый факт, как и существование наших сердец; и мы путешествуем по этому царству от рождения и до самой смерти, даже не замечая его. Ни одному человеку не дано увидеть его до тех пор, пока он не познает свою собственную душу; ибо царство это не для него, но для его души. И в его пределах обретается слава, которую не может себе представить наше воображение.

— То, что ты поведал нам, отец, сплошная загадка для меня, — сказал Бен-Гур. — Я ничего не слышал о подобном царстве.

— Как и я, — согласно кивнул головой Илдерим.

— Увы, я не могу больше говорить о нем, — скромно потупил взор Балтазар. — Что оно собой представляет, для чего оно существует, как его достигнуть — этого не узнает никто вплоть до того времени, когда Младенец придет обрести его как

собственное достояние. Он принесет с собой ключ от невидимых ворот, которые откроет для возлюбленных Им. Среди них будут все те, которые возлюбили Его, ибо только они будут спасены.

После этих слов наступило долгое молчание, которое Балтазар посчитал окончанием беседы.

— Дорогой шейх, — своим спокойным голосом произнес он, — завтра или послезавтра я собираюсь на какое-то время посетить город. Дочь моя хотела бы увидеть приготовления к играм. Я назову тебе точное время нашей поездки. А тебя, сын мой, надеюсь еще увидеть. Мир вам и спокойной ночи.

Все трое поднялись из-за стола. Шейх и Бен-Гур провожали взглядом египтянина, пока он не вышел из шатра.

— Шейх Илдерим, — вслед за тем произнес Бен-Гур, — я услышал этим вечером много непонятного мне. Позволь мне, молю тебя, покинуть этот гостеприимный кров и погулять по берегу озера, чтобы все хорошо обдумать.

— Ступай, я тоже пойду к себе.

Они еще раз сполоснули руки, после чего слуга по знаку своего хозяина принес Бен-Гуру его сандалии. Обувшись, юноша вышел из шатра.

Глава 17
Царство духовное или земное?

Недалеко за оградой становища росли рядом несколько пальм, бросавших тень своих листьев частью на воду, а частью на берег. Сидевший на ветвях соловей оглашал вечерний воздух своим пением. Бен-Гур остановился и прислушался. В другое время птичий голос заставил бы его задуматься о былом; но рассказанная египтянином история чудесным грузом легла на его плечи, и, как и для любого носильщика, даже самая сладкая в мире музыка звучала не для него, поскольку сознание его, как и тело, просило отдыха.

Все вокруг тонуло в тишине ночи. Ни единое дуновение ветерка не вздымало ряби на зеркальной поверхности озера. Все древние звезды высыпали на небо, каждая на предназначенном ей месте. Повсюду чувствовалось дыхание лета — на земле, на поверхности озера, в небесах.

Воображение Бен-Гура было распалено, чув-

ства возбуждены, душа его не находила покоя. Поэтому пальмы, небо и воздух представились ему далекой южной землей, куда Балтазара много лет назад направило отчаяние; недвижная поверхность озера обернулась водами Нила, на берегу которого этот добрый старик молился в тот момент, когда Святой Дух явился ему в своем блистающем обличье. Сама ли собой вся эта обстановка чуда окружила Бен-Гура? Или это он был перенесен куда-то? А что, если чудо повторится — и уже с ним? Он трепетал от одной этой мысли и, объятый священным страхом, все же желал этого и даже ждал повторения видения. Когда же наконец лихорадочное возбуждение сменилось спокойствием, к нему вернулась и способность рассуждать.

Рисунок его жизни получил свое объяснение. До сих пор, когда Бен-Гур принимался рассуждать о ней, то всегда обнаруживал некую зияющую пустоту, которую он не был способен заполнить или перескочить, — пустоту столь огромную, что лишь неясно различались ее противоположные края. Получив образование капитана и солдата, в какой области он мог найти применение своим знаниям? Бен-Гур, разумеется, подумывал о революции; а процесс революционных преоб-

разований всегда один и тот же. Чтобы вести за собой людей, всегда было необходимо следующее: во-первых, причина или предлог, чтобы найти себе приверженцев; во-вторых, конечная цель устремлений. Как правило, успешно сражается тот, кто имеет какие-то слабые места, которые он не способен устранить или замаскировать. Но гораздо успешнее сражается тот, кто, имея слабые места, тем не менее питает надежды на блестящее будущее — будущее, в котором он мог бы обрести бальзам для своих ран, воздаяние своему героизму, память и благодарность в случае смерти.

Чтобы решить для себя — успех светит ему или поражение, Бен-Гур должен был тщательно изу-

чить своих приверженцев, тех людей, на кого он мог бы рассчитывать, когда все будет готово к началу действия. Естественно, что такими людьми были его земляки. Зло, творимое Израилю, было злом для каждого из сынов Авраама, и каждый из них имел свою причину сражаться — святую или земную.

Итак, причина имелась; но что считать конечной целью?

Часы и дни, которые он провел в рассуждениях на эту тему, не поддавались исчислению, но приводили все к одному и тому же заключению: ею могла стать только весьма общая, смутная и неопределенная идея национального освобождения. Было ли этого достаточно? Он не мог сказать «нет», потому что это обозначало бы конец всем его надеждам; он не мог заставить себя сказать «да», потому что его мудрость говорила ему совсем другое. Он даже не мог убедить себя, что Израиль в одиночку способен успешно сражаться с Римом. Он знал возможности своего великого противника; знал он и то, что его искусство войны, политики и управления было даже значительнее его материальных возможностей. Лишь всемирная коалиция могла бы совладать с Римом, но — увы! — на такое не приходилось

рассчитывать. Была еще одна возможность — и сколь долго и напряженно над этой возможностью он размышлял! Нужен был герой, который возникнет в одном из угнетенных народов и, подняв боевое знамя, завоюет весь мир! Какую славу могла бы обрести Иудея, став новой Македонией под водительством нового Александра! Но еще раз, увы! Во главе с раввинами вполне возможна отвага, но только не дисциплина. А затем — язвительная усмешка Мессалы в саду Ирода Великого: «Все, что вы завоевываете за шесть дней, вы теряете на седьмой».

В своих размышлениях он никогда не приближался к краю этой зияющей пропасти. Словно какая-то сила отталкивала его прочь. Столь часто повторялись эти безуспешные попытки, что он уже готов был сдаться, уповая только на удачу. Гипотетический герой может появиться и при его, Бен-Гура, жизни, а может прийти позднее. Один лишь Господь ведает об этом. В таком состоянии духа не потребовалось слишком много времени, чтобы краткий пересказ Маллухом истории Балтазара произвел на него впечатление. Теперь он выслушал рассказ самого участника событий о появившемся наконец чаемом герое, сыне Израиля и Царе Иудейском! За спиной же

этого героя — вы видите! — стоит весь мир с оружием в руках.

Царь подразумевает наличие царства; он должен быть воином, славой равным Давиду; правителем, мудростью и великолепием равным Соломону; царству же его предстояло стать утесом, о мощь которого разобьется сила Рима. В перспективе же была колоссальная война, сменяющаяся агониями жизни и смерти, — а затем мир, означавший, разумеется, владычество Иудеи на вечные времена.

Сердце Бен-Гура отчаянно колотилось — казалось, он уже видел Иерусалим, ставший столицей мира, и Сион с возвышающимся на нем троном Владыки Вселенной.

Восторженному молодому человеку представилось редкостной удачей, что он оказался в шатре, который посетил человек, воочию видевший этого Царя. Он, Бен-Гур, мог лицезреть этого очевидца, слышать его, узнать от него все, что тот знал о грядущих переменах и особенно о времени, когда они должны были произойти. Если совсем близко, то про военную кампанию во главе с Максентием можно было забыть — в этом случае ему следовало направиться в родные пределы и начать собирать, организовывать и

вооружать племена, чтобы Израиль был готов, когда придет день возрождения.

Как мы видим, Бен-Гур нынешним вечером выслушал всю историю из уст самого Балтазара. Был ли он удовлетворен?

Душу его омрачала тень, куда более плотная, чем та, которую отбрасывали сейчас на землю кроны пальм, — тень неуверенности, которая — обрати на это внимание, о читатель! — относилась больше к царству, нежели к царю.

«Что же это за царство? И каким оно должно быть?» — мысленно задавал себе вопрос Бен-Гур.

Так впервые были сформулированы вопросы, которые сопровождали Младенца до конца Его земного пути — непостижимые в Его время и спорные ныне, — настоящая загадка для всех, кто не хочет или не способен понять, что каждый человек представляет собой двуединство бессмертной Души и смертного Тела.

— Каким оно должно быть? — снова спросил себя Бен-Гур.

Нам, о читатель, Младенец сам ответил на этот вопрос, но для Бен-Гура существовали только слова Балтазара: «На земле, но не от нее самой — не для людей, но для их душ, — владение, исполненное невообразимой славы».

И разве удивительно, что несчастный юноша нашел эту фразу лишь усугубляющей загадку?

— Не руки человека создавали его, — в отчаянии рассуждал он. — У царя подобного царства нет нужды ни в подданных, ни в работниках, ни в советниках, ни в солдатах. Земля может погибнуть и возродиться вновь, а правительство может найти новые принципы для своего правления, нечто такое, что займет место Силы. Но что бы это могло быть?

Вот опять, о читатель!

То, что нам не дано увидеть, не мог прозреть и он. Мысль о том, что в Любви заключена величайшая сила, и сейчас дошла не до всех; тем более не каждый человек сможет внятно сформулировать, что для правительства и его задач — поддержания мира и порядка — Любовь куда лучше и действеннее, чем Сила.

В самый разгар его раздумий на плечо его легла рука.

— Мне надо кое-что сказать тебе, о сын Аррия, — произнес Илдерим, останавливаясь рядом. — Одно только слово, а затем я должен вернуться к себе, потому что час уже поздний.

— Я весь внимание, шейх.

— Что до вещей, о которых ты сегодня услы-

шал, — почти без паузы продолжал Илдерим, — то поверь всему, кроме того, что касается сущности царства, которое установит Младенец, когда воцарится на земле. И не рассуждай об этом, пока не услышишь слов купца Симонидиса — этот добрый человек живет здесь, в Антиохии, и я познакомлю тебя с ним. Египтянин образно изложил тебе свои мечты, которые слишком хороши для грешной земли. Но Симонидис мудрее, он напомнит тебе слова ваших пророков, укажет даже книгу и страницу в ней, так что ты не сможешь отрицать, что Младенец воистину будет Царем Иерусалимским — да, клянусь великолепием Господним! — таким же царем, каким был Ирод, но только лучше и куда более могущественным. И тогда, вот увидишь, ты вкусишь радость отмщения. Я сказал. Мир тебе!

— Постой, шейх!

Если Илдерим и услышал его оклик, то не остановился.

— Опять этот Симонидис! — горько пробурчал Бен-Гур. — Симонидис здесь, Симонидис там; от кого только я не слышу о нем. Славно, однако, обложил меня этот слуга моего отца, который по крайней мере знает, как поскорее ухватить то, что на самом деле принадлежит мне. Неудиви-

тельно, что он если не мудрее, то побогаче этого египтянина. Клянусь Заветом! Не дело, когда неверующий пускается в путь, чтобы найти веру, которую он будет хранить, — и я этого не сделаю. Но что это? Поют… женский голос… или ангельский? Звук идет оттуда…

По озеру к становищу, что-то напевая, приближалась женщина. Голос ее разносился над гладкой как зеркало водой подобно напеву флейты, с каждой секундой все громче и громче. Вот послышались равномерные удары весел; несколько позже стали различимы слова песни — слова на чистейшем греческом языке, самом лучшем из всех существовавших тогда языков для выражения страстной печали.

ЭЛЕГИЯ (Из египетской лирики)

Я тоскую, когда пою о заветной стране,

Лежащей за Сирийским морем.

Душистые ветры горючих песков

Несут жизнь ко мне.

Они колышут кроны раскидистых пальм,

Увы! уже не для меня;

И Нил в Мемфисе играет своей волной
Тоже не для меня.
О Нил! Ты по-прежнему бог для моей ослабевшей души!
Твой образ тревожит сны мои;
И в снах я играю чашей твоего лотоса
И пою тебе песни былых времен.
Мемнонского колосса я слышу стон,
Моления из храмов Симбела,
И просыпаюсь, охваченный печалью и болью,
Потому что когда-то сказал – прощай!

Допевая последние слова песни, девушка миновала группу пальм, у которой стоял Бен-Гур. Последнее слово — прощай! — легло на душу Бен-Гура всей сладкой тяжестью разлуки. Через несколько секунд лодка без следа растворилась в густой темноте южной ночи.

Бен-Гур испустил протяжный вздох, почти неотличимый от стона.

— Я узнал ее — это дочь Балтазара! Какую прекрасную песнь она пела! И как прекрасна она сама!

Перед его мысленным взором всплыли ее большие миндалевидные глаза, чуть прикрытые опущенными веками, нежные розовые щеки, пухлые губы с ямочками в уголках и изящная гибкая фигура.

— Как же она прекрасна! — повторил он.

Сердце его страстно забилось в груди.

И вслед за этим образом другое лицо всплыло из глубин его памяти, более молодое и почти столь же прекрасное — пусть не столь страстное, с еще неизгладившимися следами детства, но еще нежнее.

— Есфирь! — улыбаясь, произнес он. — Как я и пожелал, мне была послана звезда.

Он повернулся и медленными шагами направился к своему шатру.

Его жизнь была переполнена горечью и планами отмщения — в ней не было места для любви. Стал ли этот миг началом счастливой перемены?

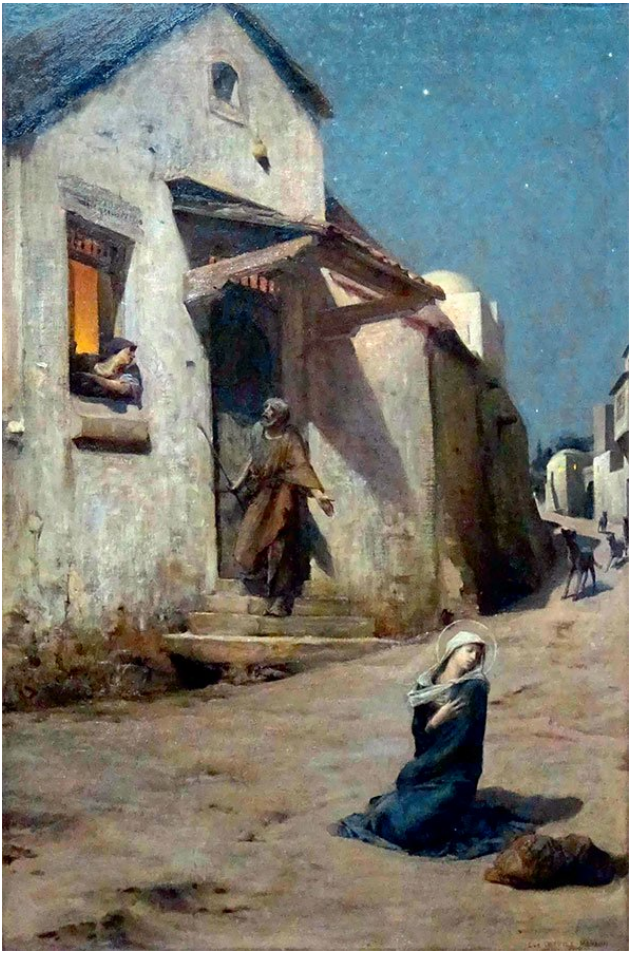
И если в душе человека, вошедшего в шатер, что-то начало меняться, то чье влияние он испытывал?

Есфирь дала ему чашу.

То же самое сделала и египтянка.

И обе они явились ему в одно и то же время под кронами пальм.

Которая же?

Люк-Оливье Мерсон. Прибытие Святого семейства в Вифлеем

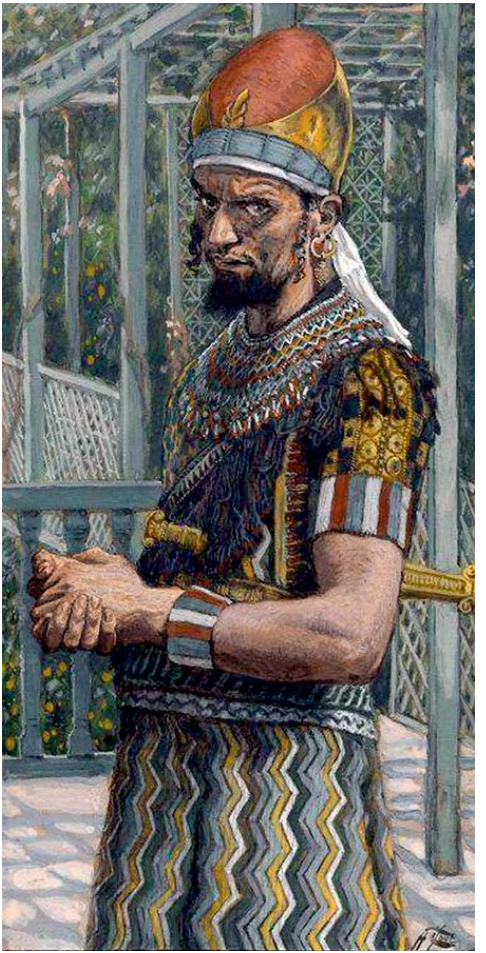
Джеймс Тиссо. Путешествие волхвов

Джеймс Тиссо. Волхвы в доме Ирода

Поль-Гюстав Доре. Избиение младенцев

Джеймс Тиссо. Царь Ирод

Дэвид Робертс. Осада Иерусалима

Дэвид Робертс. Закат в Египте

Рембрандт Харменс ван Рейн. Поклонение пастухов

Дэвид Робертс. Виды Святой земли

Вифлеем

Крепость Иерусалима

Масличная гора

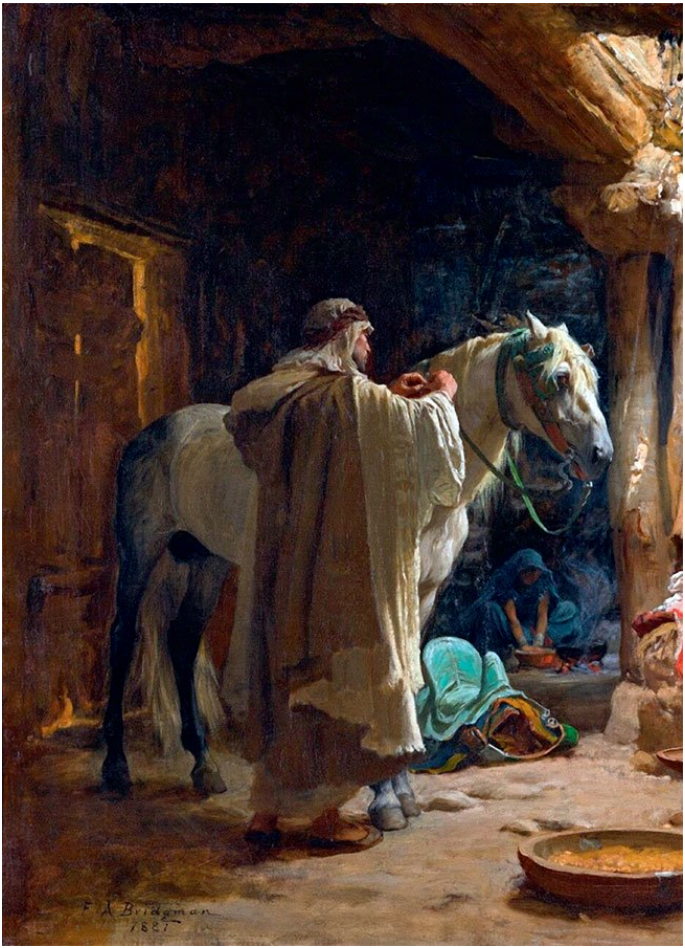
Море Галилейское

Сесар Альварес Дюмон. Галерные рабы

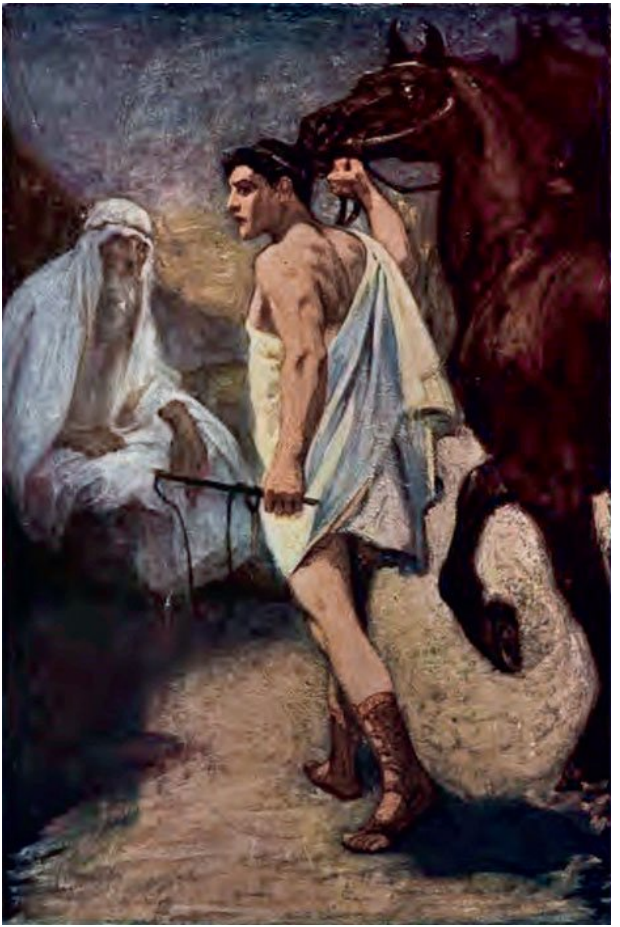

Этторе Форте. Сценка на улице

F. A. Bridgman
1887

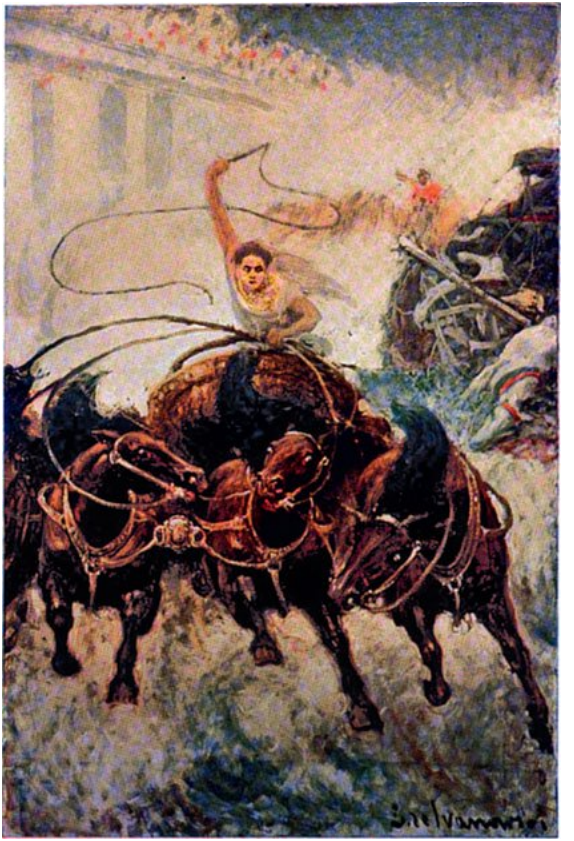
Фредерик Бриджмен. Дом в Бискре (фрагмент)

Сигизмунд Ивановски. Иллюстрации к «Бен-Гуру»

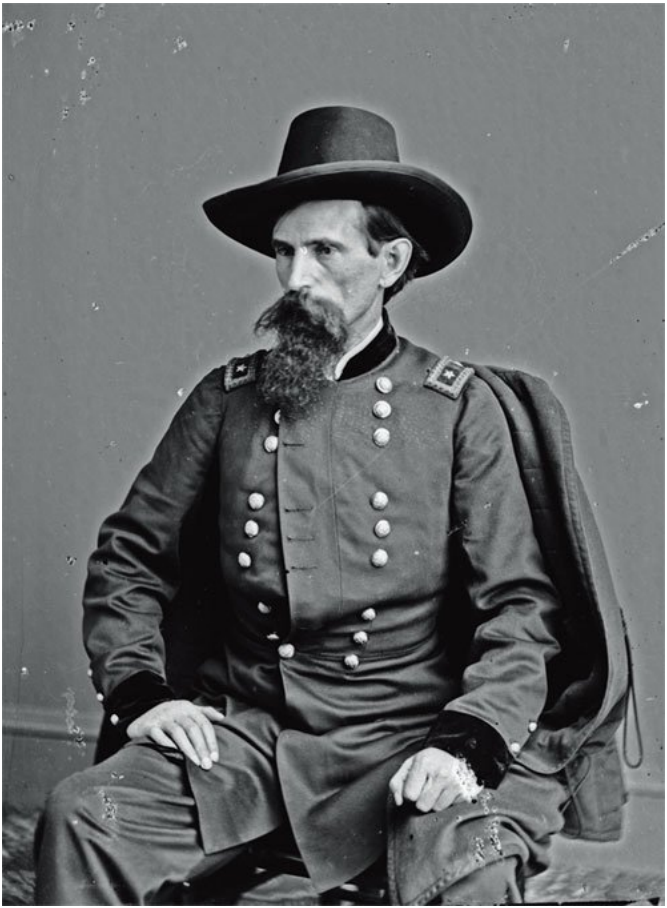

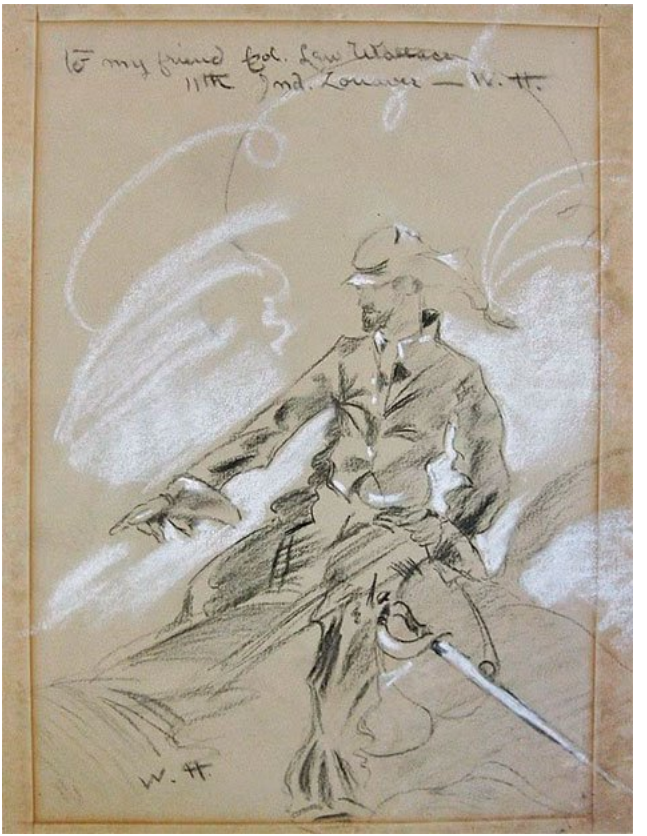
Ульпиано Чека. Участники гонки

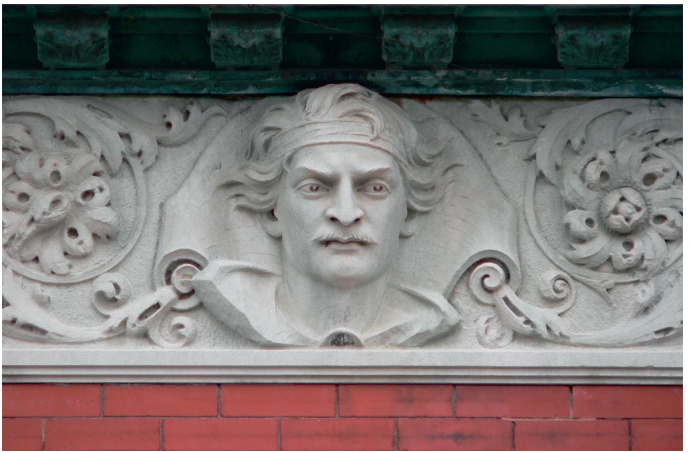
Александр фон Вагнер. Гонки на колесницах

Автор «Бен-Гура», генерал Лью Уоллес (1862). Фотограф Мэтью Брэди

Лью Уоллес на рисунке Уинслоу Хомера

Фриз на доме Лью Уоллеса с портретом Бен-Гура в представлении автора

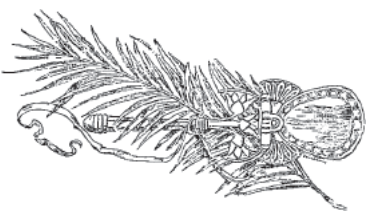
Книга пятая

Лишь праведные дела благоухают,
Как цветок в уличной пыли.

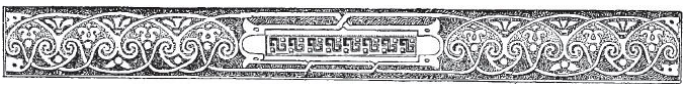
Джеймс Ширли

И даже в пылу борьбы держись закона,
Рожденного бесстрастьем, чтобы видеть то,
Что может произойти.

Уильям Вордсворд

Глава 1
Мессала открывает лицо

На следующее утро после вакханалии в дворцовой зале все оттоманки были усеяны телами молодых патрициев. Максентий мог приходить; все жители города могли приветствовать его; легион мог спускаться с холма Сульпия во всем блеске оружия и доспехов; от Нимфеума до Омфалуса могли разворачиваться церемонии, способные затмить все, о чем до сих пор слыхали на блестящем Востоке; но многие из тех, кому полагалось бы участвовать во всех этих мероприятиях, недвижно распластались на диванах там, где рухнули накануне или куда были небрежно перенесены равнодушными рабами. Они были способны принять участие в намечаемой встрече не больше, чем высеченные из камня скульптуры в мастерской современного художника — подняться и пуститься в вихре вальса.

Но не все из участников оргии пребывали в

столь постыдном состоянии. Когда лучи рассвета стали проникать сквозь стеклянные фонари в крыше залы, Мессала поднялся со своего места и снял венок с головы в знак окончания веселья. Приведя в порядок свою одежду, он бросил последний взгляд на сцену оргии и, не произнеся ни слова, отправился к себе домой. Сам Цицерон не мог бы с большим достоинством покинуть затянувшееся за полночь заседание сената, чем Мессала — залу разнузданного пьяного буйства.

Три часа спустя два гонца вошли в его комнату. Каждый получил из рук Мессалы запечатанное послание в двух экземплярах, представлявшее собой письмо Валерию Грату, прокуратору, по-прежнему имевшему своей резиденцией Цезарею. Гонцам было велено непременно и как можно скорее доставить это послание адресату. Один из гонцов должен был отправиться сушей, другой — морем; оба они должны были двигаться со всей возможной скоростью.

Поскольку нашему читателю крайне важно знать информацию, содержавшуюся в упомянутом послании, ниже мы приводим его текст полностью.

Антиохия, XII день до июльских календ Мессала – Грату

О мой Мидас!

Молю тебя не считать оскорблением подобное обращение, но увидеть в нем мою любовь и благодарность, а также признание того, что ты человек, неизмеримо более прочих осыпанный дарами судьбы. Что же до твоих ушей, которыми наделила тебя твоя матушка, то они всего лишь соответствуют всем твоим достоинствам.

О мой Мидас!

Я должен поведать тебе об удивительном событии, которое, хотя до сих пор окутано покровом тайны и являет собой поле для всяческих догадок и предположений, тем не менее заслуживает, я в этом не сомневаюсь, твоего самого пристального внимания.

Но сперва позволь мне освежить твою

память. Припомни, как много лет назад в Иерусалиме существовала семья одного из правителей города, невероятно древняя и несметно богатая, – по имени Бен-Гур. Если память твоя не сохранила этого имени, то, если я не ошибаюсь, рана на твоей голове поможет тебе вспомнить все обстоятельства связанных с этой семьей событий.

Затем я хочу пробудить в тебе интерес к моему посланию. В качестве наказания за попытку покушения на твою жизнь – да помогут все боги стереть в памяти людской, что это была всего лишь случайность, – семья эта была схвачена и исчезла без следа, а имущество ее конфисковано. Так как подобные действия, о мой Мидас, были одобрены нашим цезарем, который столь же справедлив, сколь и мудр, – да лежат цветы на его алтаре вечно! – то не стоит нам стыдиться упоминания тех сумм, которые достались нам соответственно нашему участию в деле, и я не перестаю возносить тебе благодарность за возможность по сию пору непрерывно наслаждаться жизнью

на ту долю, которая досталась мне.

В доказательство твоей мудрости – качество, за которое, как мне сказали, сын Гордия[79]*, с которым я столь отважно сравниваю тебя, никогда не был отмечен среди людей или богов, – я позволю себе далее припомнить, что, когда ты принимал меры в отношении семьи Бен-Гура, мы оба разработали план, который представлялся нам наиболее эффективным для осуществления преследуемых нами целей, поскольку обеспечивал молчание и вел к неизбежной, но естественной смерти. Ты, безусловно, припомнишь, что ты повелел сделать с матерью и сестрой злоумышленника; и если бы я ныне все-таки пожелал узнать, живы ли они или мертвы, то прекрасно понимаю, зная твое природное добросердечие, что был бы избавлен тобою от смерти лишь благодаря этому твоему качеству.*

Но для сути моего нынешнего сообщения гораздо более существенно то, что,

[79] Примечания: 79

Гордий — отец Мидаса, ставший из бедного сельского жителя царем Фригии; в благодарность за это он посвятил Юпитеру свою повозку, на ярме которой был скручен сложный узел.

как я позволю себе напомнить, истинный преступник был сослан на галеры в качестве раба до конца жизни – так гласило предписание; и это придает событию, о котором я повествую тебе, еще более удивительный оттенок, потому что я сам видел и читал донесение о передаче преступника, подписанное трибуном, командовавшим галерой.

Полагаю, ты начинаешь теперь уделять гораздо больше внимания моему сообщению, о мой самый выдающийся из римлян!

Поскольку срок жизни человека при весле весьма недолог, то преступник, столь справедливо наказанный, должен был уже быть мертв, или, лучше сказать, одна из трех тысяч Океанид[80] *должна была бы отнести его к своему мужу лет пять назад. А если ты простишь мне минутную слабость, о самый добродетельный и нежный из людей, то я скажу, поскольку я любил его в детстве и также потому, что он очень красив – порой, очарованный*

[80] Примечания: 80
Океанида — дочь Океана, морская нимфа *(миф.).*

этой красотой, я величал его своим Ганимедом, – что он вправе попасть в объятия самой очаровательной из всех дочерей этого семейства. Полагая, однако, что он, безусловно, мертв, я целых пять лет провел в совершенном спокойствии, невинно наслаждаясь своим счастьем, в значительной доле обязанным ему. Делая признание в своей задолженности ему, я этим ни в малейшей мере не хочу уменьшить мой долг по отношению к тебе.

Ну а теперь я приступаю к изложению самого интересного.

Прошлым вечером, выступая в качестве хозяина торжества, даваемого в честь группы приезжих из Рима – их чрезвычайная молодость и неопытность привлекла мое сострадание, – я услышал странную историю. Максентий, консул, как ты знаешь, прибывает сегодня, чтобы возглавить военную кампанию против парфян. Среди его честолюбивых приближенных есть некий молодой человек, сын недавно умершего дуумвира Квинта Аррия. Мне представилась возможность более подробно расспросить об этом мо-

лодом человеке. Когда старший Аррий отправился в погоню за пиратами, разгром которых принес ему заслуженные почести, семьи у него не было. Вернувшись же из своего победоносного похода, он привел с собой наследника. А теперь соберись с силами, как подобает обладателю столь многих дарований вкупе с живыми сестерциями! Сын и наследник, о котором я повествую, – тот самый человек, которого ты в свое время отправил на галеры, тот самый Бен-Гур, который должен был умереть за веслом лет пять назад. Ныне же он вернулся, обладая несметным состоянием и званием, в качестве римского гражданина. Что ж, ты пребываешь столь высоко, о мой Мидас, что можешь позволить себе не тревожиться. Я же оказался в явной опасности – нет необходимости говорить тебе об этом. Да и кому об этом знать, как не тебе?

Скажешь ли ты по поводу всего этого: «Ну подумаешь»?

Когда Аррий, приемный отец этого призрака, вырвавшегося из объятий самой

прекрасной из Океанид (смотри выше мои рассуждения, какой она должна была бы быть), вступил в битву с пиратами, его корабль был потоплен, а из всего экипажа остались в живых только двое – сам Аррий и этот его наследник.

Офицеры корабля, снявшие их с обломка, за который те держались, поведали, что спутник трибуна был молодым человеком, который, когда его подняли на палубу, был одет в рубище галерного раба.

Это должно звучать убедительно, но если ты против ожидания снова скажешь: «Ну подумаешь», то я должен сообщить тебе, о мой Мидас, что не далее как вчера мне представился случай – за что я благодарен Фортуне – встретиться с этим таинственным сыном Аррия лицом к лицу. И вот теперь я свидетельствую лично, что, хотя тогда я и не узнал его, это тот самый Бен-Гур, который многие годы был моим другом детства; тот самый Бен-Гур, который, будь он даже обыкновеннейшим из смертных, в этот самый момент думает о возмездии –

потому что я на его месте думал бы о нем, – о возмездии, которое не ограничилось бы укорочением жизненного пути, но явилось бы возмездием за свою страну, мать, сестру, самого себя и – я называю это последним, хотя ты, возможно, считаешь, что это должно было бы быть упомянуто прежде всего, – за потерю состояния.

Теперь же, о мой добрейший благодетель и друг, мой Грат, подумай об опасности, грозящей твоим сестерциям, поскольку лишиться их было бы худшим из того, что судьба может послать нам, и заметь, что я перестал величать тебя именем этого старого дурака, царя Фригии, поскольку теперь, я верю (уж если ты дочитал мою писанину до этого места), ты перестал твердить свое «Ну подумаешь» и готов начать думать о том, что следует предпринять ввиду столь исключительных обстоятельств.

Было бы чересчур пошло спрашивать тебя, что следует предпринять. Лучше позволь сказать мне, что я являюсь

твоим клиентом[81] *или, лучше сказать, что ты – мой Улисс, чьей обязанностью является указать мне правильное направление.*

Мне доставляет наслаждение представлять себе, как ты берешь это письмо в руки, как ты читаешь его, как серьезность твоего лица сменяется временами улыбкой; как, отбросив колебания, ты приходишь к единственно верному решению. О, я знаю, что здравым смыслом ты подобен Меркурию, а расторопностью – нашему цезарю.

Солнце уже показалось из-за горизонта. Час спустя два гонца отправятся от дверей моего дома, каждый из них будет иметь при себе скрепленную печатью копию настоящего письма. Один из них отправится к тебе по земле, другой – морем. Я придаю столь высокую важность своему сообщению, поскольку считаю, что ты должен быть как можно раньше и подробнее информирован о появлении

---

[81] Примечания: 81

Клиент — в античном мире лицо, находящееся в зависимости от богатого или влиятельного лица («патрона») и пользующееся его покровительством *(ист.).*

нашего общего врага в этой части римского мира.

Я буду пребывать здесь, ожидая твоего ответа.

Все передвижения Бен-Гура будут определяться, разумеется, его начальником, консулом, который, даже пребывая в трудах день и ночь без отдыха, не сможет выступить раньше чем через месяц. Ты представляешь себе, каких трудов стоит собрать и снарядить армию, которой предстоит действовать в пустынной и малонаселенной местности.

Я встретил вчера иудея в роще Дафны, и даже если он сейчас и не там, то несомненно в ближайших окрестностях, что облегчает мою задачу – не упускать его из виду. Если бы ты спросил меня, где он обретается в настоящий момент, я ответил бы тебе с совершенной уверенностью, что его сейчас можно найти в Пальмовом саду, в шатре у предателя Илдерима, который недолго сможет избегать нашей карающей руки. Не удивлюсь, если Максентий в качестве одной из первых мер посадит этого араба на

корабль для отправки его в Рим.

Я столь уверенно говорю о местопребывании этого иудея, потому что это будет чрезвычайно важно для тебя, о прославленный, когда ты начнешь размышлять над тем, что следует предпринять; поскольку я уже знаю (и в свете этого знания я льщу себе, ощущая себя все более мудрым), что каждый план, включающий в себя человеческие действия, должен учитывать три обстоятельства – время, место и средство.

Если же ты скажешь мне, что считаешь место вполне устраивающим тебя, то можешь, не колеблясь, поручить все это дело своему лучшему другу, а также и самому прилежному из твоих учеников.

Мессала

Глава 2
Арабские скакуны Илдерима в упряжке

Примерно в то время, когда гонцы отправились в путь, неся с собой послание Мессалы (стояло все еще раннее утро), в шатер Илдерима вошел Бен-Гур. Он уже успел окунуться в озере и позавтракать, а в шатре появился облаченным в нижнюю тунику без рукавов, подол которой едва достигал ему до колен. С оттоманки его приветствовал шейх.

— Мир тебе, сын Аррия, — восхищенно произнес он, поскольку ему воистину еще не приходилось видеть столь совершенное воплощение блестящей, сильной и уверенной в себе мужественности. — Мир тебе и добро пожаловать. Лошади уже готовы, готов и я. А как ты?

— Мир и тебе, мой благородный шейх. Благодарю тебя за добрые пожелания. Я готов.

Илдерим хлопнул в ладоши:

— Я велю привести лошадей. А пока присаживайся.

— Они уже запряжены?

— Нет.

— Тогда позволь мне сделать это самому, — сказал Бен-Гур. — Мне нужно как можно лучше познакомиться с твоими скакунами. Я должен узнать их имена, о шейх, чтобы говорить с каждым из них в отдельности; должен понять их характер, потому что они как люди — слишком резвого придется осаживать, а робкого поощрять и ободрять. Вели слугам принести мне их упряжь.

— И колесницу? — спросил шейх.

— С твоего позволения, я осмотрю ее отдельно сегодня днем. Вместо нее я хотел бы попросить у тебя пятую лошадь, если это возможно; но она должна быть не оседлана и столь же быстра, как и остальные.

Илдерим не мог скрыть своего удивления, но тут же послал слугу с поручением.

— Вели конюхам принести упряжь для четырех лошадей, — распорядился он, — упряжь для четырех и узду для Сириуса.

Отпустив слугу, он повернулся к Бен-Гуру:

— Сириус — мой любимец, а я — его, о сын Ар-

рия. Мы с ним знаем друг друга уже двадцать лет — побывали вместе и в шатре, и в битве, и во всех уголках пустыни. Сейчас я вас познакомлю.

Подойдя к разделяющему шатер пологу, он поднял его и придержал для Бен-Гура. Лошади осторожно приблизились к людям. Одна из них, с небольшой головой, блестящими глазами, с выгнутой как натянутый лук шеей и широкой мощной грудью, на которую падала густая длинная грива, ткнулась мордой в грудь хозяина.

— Хороший ты мой, хороший, — растроганно произнес шейх, похлопывая коня по темно-коричневой щеке. — Ну, доброе тебе утро.

Повернувшись к Бен-Гуру, он прибавил:

— Это Сириус, отец тех четверых. Мира, их мать, дожидается нашего возвращения, поскольку она слишком драгоценна, чтобы рисковать ею, — в дороге может случиться всякое. Но больше всего я беспокоюсь о том, — и при этих словах он усмехнулся, — я беспокоюсь о том, о сын Аррия, сможет ли наше племя перенести ее отсутствие. Она наша гордость и слава; люди просто боготворят ее. Когда она пускается галопом, все смеются от радости. Десять тысяч наездников, сынов пустыни, начнут сегодняшний день с вопроса: «Что слышно о Мире?» И когда им ответят: «Она

чувствует себя хорошо», они воскликнут: «Сколь милостив к нам Господь!»

— Мира и Сириус — ведь это же имена звезд, не так ли, о шейх? — спросил Бен-Гур, подходя к каждому из четверых и к их отцу и здороваясь с ними.

— Почему бы и нет? — ответил Илдерим. — Тебе приходилось бывать ночью в пустыне?

— Нет.

— Тогда тебе трудно представить, до какой степени мы, арабы, зависим от звезд. Мы заимствуем их имена из благодарности и даем их тем, кого мы любим. У каждого из моих праотцев была своя Мира, как у меня есть моя; их дети тоже носят имена звезд. Смотри, вон там — это Ригель, а там Антарес, вот этого зовут Альтаиром, а тот, к которому ты сейчас подходишь, — это Альдебаран, самый молодой из всех, но отнюдь не самый последний — о нет, нет! Он понесет тебя так, что только ветер будет свистеть у тебя в ушах; и он унесет тебя туда, куда ты ему скажешь, о сын Аррия, — да, клянусь славой Соломона!

Слуги принесли упряжь. Бен-Гур собственноручно запряг лошадей, сам вывел под уздцы из шатра и сам пристегнул поводья.

— Приведите мне Сириуса, — велел он слугам.

Ни один араб не смог бы легче его одним прыжком взлететь на спину лошади.

— А теперь подайте мне поводья.

Когда слуги исполнили его приказание, он тщательно разобрал поводья.

— О шейх, — обратился он к Илдериму, — я готов. Вели кому-нибудь из слуг скакать впереди, показывая мне дорогу, и пошли нескольких человек за водой для лошадей.

Вся четверка послушно двинулась в путь. Кони не пугались нового возничего — между ним и лошадьми уже возникло молчаливое понимание, поскольку возничий выполнял свою роль с уверенностью, всегда рождающей ответную уверенность. Порядок следования был тот же, что и на настоящих скачках, разве что Бен-Гур скакал верхом на Сириусе, а не стоял в коляске, влекомый четверней. Илдерим воспрянул духом. Поглаживая бороду, он довольно улыбался, бормоча про себя: «Да, это не тот римлянин, нет, клянусь славой Господней!» Он пешком последовал за Бен-Гуром, а вслед за шейхом высыпали и все остальные обитатели становища — мужчины, женщины и дети, готовые разделить заботы своего предводителя, если не его уверенность.

Поле, на которое выехал Бен-Гур, оказалось

просторным и подходящим для тренировок, к которым молодой человек тут же и приступил, пустив четверку сначала медленно и по прямой, а затем широкими кругами. Постепенно ускоряя темп, он перевел лошадей сначала на рысь, потом, все ускоряя, пустил их галопом. Под конец, сделав несколько кругов, он стал гонять их, все время меняя направление, то вправо, то влево, взад и вперед без перерыва. Все это заняло у него около часа. Сбавив темп до шага, он подъехал к Илдериму.

— Дело сделано, теперь надо только тренироваться, — сказал он. — Я радуюсь, о шейх, что у тебя такие друзья. Посмотри только, — продолжал он, спешиваясь и подходя к лошадям, — на их блестящей шкуре нет ни капли мыла; дыхание их такое же, как и вначале. Я получил громадное наслаждение, и вряд ли нам сможет что-либо помешать обрести победу и…

Он внезапно оборвал себя на полуслове, покраснел и опустил голову. Только сейчас он заметил Балтазара, стоящего чуть поодаль от шейха, опираясь на своих слуг, и двух женщин, закутанных в одежды с ног до головы. В одну из женщин он вгляделся повнимательнее и, почувствовав, как заколотилось его сердце, сказал себе: «Это она, эта египтянка!» Илдерим же мысленно закончил оборванную Бен-Гуром фразу: «…обрести победу и отомстить!»

Затем он произнес вслух:

— Я не боюсь, и я рад. Сын Аррия, ты настоящий мужчина. Если все завершится так, как началось, ты узнаешь, сколь щедра рука араба.

— Благодарю тебя, о добрейший, — скромно поклонился Бен-Гур. — Но вели своим слугам принести воды для лошадей.

Когда те появились с бурдюками воды, он собственноручно напоил всю четверку.

Снова оседлав Сириуса, он продолжил тренировку. Как и раньше, все увеличивая темп, он перешел с рыси на галоп, а потом пустил лошадей во весь опор. Зрелище было впечатляющим; зрители аплодисментами наградили его искусство работы с вожжами — четверка лошадей двигалась как единое существо, летя вперед по прямой или выписывая различные фигуры по полю. Движения животных были полны слаженности, энергии, грации; чувствовалось, что они испытывают радость, двигаясь без всяких видимых усилий.

В самый разгар тренировки, когда взгляды зрителей были прикованы к лошадям, к шейху неслышно подошел Маллух.

— У меня послание для тебя, о шейх, — произнес он, улучив подходящий момент, — послание от Симонидиса, купца.

— От Симонидиса! — воскликнул араб. — Это хорошо. Да унесет Аваддон всех его врагов.

— Он поручил мне сперва передать тебе его пожелание всяческого мира и благополучия, — продолжал Маллух, — а потом и это послание вместе с просьбой сразу же прочитать эти строки.

Илдерим, не сходя с места, сломал сургучную печать на поданном ему свертке и извлек из тонкой шелковой ткани два письма, которые и принялся читать.

Симонидис – шейху Илдериму

О друг мой!

Прежде всего заверяю тебя в том, что ты всегда пребываешь в моем сердце.

Затем – в твоем становище сейчас гостит молодой человек, называющий себя сыном Аррия, и он таковым и является – по праву усыновления.

Юноша этот весьма дорог мне.

История его жизни достойна удивления, и я ее тебе при случае расскажу. Посети меня сегодня или завтра, чтобы я мог поведать тебе ее и получить твой совет.

А пока – будь так добр выполнить все его просьбы, если они, конечно, не задевают твоего достоинства. Если это потребует каких-либо расходов, то я, разумеется, тебе их возмещу.

Прошу также тебя никому не говорить о моем интересе к этому молодому человеку.

Напомни обо мне твоему другому гостю. Его, его дочь, тебя самого и всех, кого ты сочтешь достойным быть в нашем обществе, я буду рад видеть в цирке в день открытия игр. О местах для нас я уже позаботился.

Мир тебе и всем твоим близким.

Заверяю тебя в своей преданности и дружбе.

Симонидис

Симонидис – шейху Илдериму

О друг мой!

Располагая значительным опытом, я позволю себе предостеречь тебя.

Есть сведения, которые все неримляне, а также те, кто имеет средства или товары, могущие быть конфискованными, расценили как предостережение, а именно – о прибытии в город для вступления в должность высокого римского вельможи, облеченного немалыми полномочиями.

Сегодня в город прибывает консул Максентий.

Будь же настороже!

Еще один совет.

Заговор против тебя, чтобы быть успешным, должен включать приверженцев Ирода; в их владениях у тебя большие предприятия.

Так что будь начеку.

Пошли же утром своих самых доверенных людей по дорогам, ведущим к югу от Антиохии, и вели им досматривать каждого курьера, въезжающего или выезжающего из города. Если при них будут

обнаружены частные послания, касающиеся тебя и твоих дел, то ты должен знать их.

Это послание тебе следовало бы получить еще вчера; хотя еще не поздно, если ты поспешишь.

Курьеры, возможно, выехали из Антиохии нынешним утром, но твои люди, я уверен, знают тайные тропы и смогут перехватить их, прежде чем тем удастся выполнить поручения.

Не сомневайся и не медли.

Сожги это послание, когда прочтешь его.

Тебе шлет свою дружбу твой друг

Симонидис

Дважды перечитав письмо, шейх снова завернул его в лоскут и спрятал себе за пазуху.

Тренировка в поле продолжалась на этот раз несколько дольше — около двух часов. Наконец Бен-Гур пустил лошадей шагом и подъехал к Илдериму.

— С твоего позволения, о шейх, — сказал он, — я верну твоих скакунов в шатер, а после обеда снова займусь с ними.

Илдерим подошел к молодому человеку, сидевшему верхом на Сириусе, и сказал:

— Я даю тебе позволение, о сын Аррия, делать с ними все, что тебе угодно, вплоть до окончания игр. Ты сделал с ними за два часа столько, сколько римлянин — да обглодают шакалы его кости — не смог сделать за несколько недель. Мы выиграем — клянусь славой Господней, — мы непременно выиграем!

Бен-Гур побыл с лошадьми в шатре до тех пор, пока они не остыли; затем, окунувшись в озере и выпив с шейхом по пиале арака, он снова переоделся в свой еврейский наряд и отправился на прогулку по Пальмовому саду в сопровождении Маллуха.

На прогулке они много разговаривали о разных вещах, далеко не всегда важных. Но одну часть их разговора мы считаем необходимым передать нашему читателю.

— Я буду просить тебя, — начал Бен-Гур, — позаботиться о моих вещах, оставленных в караван-сарае, что стоит на берегу реки у моста Селевкидов. Если ты можешь, принеси их мне сегодня. А еще, добрый Маллух, — если только я не загружаю тебя сверх меры…

Маллух помотал головой, выражая всяческую готовность служить своему новому товарищу.

— Благодарю тебя, Маллух, — продолжал Бен-Гур. — Я верю тебе на слово, памятуя о том, что мы оба соплеменники и что наши враги — римляне. Поэтому, во-первых, поскольку ты человек дела,

а шейх Илдерим, боюсь, нет…

— Арабы редко бывают деловыми людьми, — с серьезным видом кивнул головой Маллух.

— Нет, я не могу пожаловаться на их проницательность, Маллух, но лучше все же присмотреть за ними. Чтобы избежать всех оплошностей и неувязок, связанных с гонками, ты весьма меня обяжешь, если зайдешь в контору цирка и проверишь, выполнил ли он все необходимое, что предусмотрено правилами. Будет совсем хорошо, если ты сможешь раздобыть для меня экземпляр этих правил. Я хотел бы знать цвета, которые должен иметь, и особенно номер отделения, которое я буду занимать перед стартом. Если оно рядом с отделением Мессалы, это просто отлично, а если нет, то попытайся поменять его так, чтобы я оказался рядом с римлянином. У тебя хорошая память, Маллух?

— Пока она меня не подводила, сын Аррия.

— Тогда я позволю обратиться к тебе еще с одной просьбой. Я заметил вчера, что Мессала очень гордится своей колесницей, и не зря — у самого цезаря нет лучшей. Не можешь ли ты под предлогом того, что восхищаешься ею, узнать — легка она или тяжела? Мне надо бы знать ее точные вес и размеры — и, Маллух, даже если

тебе не удастся сделать ничего другого, узнай мне точную высоту осей ее колес над землей. Ты понял, Маллух? Я не хочу давать ему ни малейшего преимущества передо мной. Мне нет никакого дела до ее роскоши: если я обойду его, тем сильнее будет его поражение, а мой триумф — более полон.

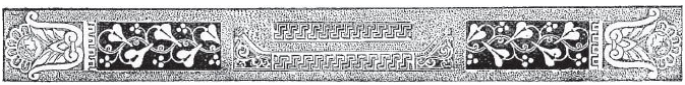
— Я понял, понял! — воскликнул Маллух. — Тебе нужно, чтобы я смерил веревкой высоту от земли до центров осей.

— Именно так, Маллух, и это последняя моя просьба. А теперь давай вернемся в становище.

У входа в шатер их уже ждал слуга с запотевшими сосудами свежевзбитого кумыса. Освежившись и немного отдохнув, Маллух отправился в город.

Во время их прогулки из становища отправился верховой с поручениями, сделанными в соответствии с рекомендациями Симонидиса. Гонец был арабом и не имел при себе ни клочка бумаги с текстом.

Глава 3
Искусства Клеопатры

— Айрас, дочь Балтазара, послала меня с приветствием и сообщением, — с поклоном сказал слуга Бен-Гуру, отдыхавшему в шатре.

— Передай мне ее слова.

— Не угодно ли вам будет составить ей компанию на прогулке по озеру?

— Ответ я сообщу ей сам. Так и передай своей госпоже.

Сборы заняли несколько минут, и Бен-Гур вышел из шатра, одетым как египтянин. Тьма наступающей ночи сгущалась над Пальмовым садом. Откуда-то из-за дальних деревьев доносилось бряканье колокольчиков на шеях овец и голоса пастухов, гонящих стадо домой. Жизнь в Пальмовом саду, как помнит читатель, была во всех отношениях подобна пасторальной жизни на скудных лугах пустыни.

Шейх Илдерим сам проследил за всеми по-

слеобеденными хлопотами, бывшими точным повторением хлопот утренних, после чего отправился в город к Симонидису. Вернуться шейх мог только к вечеру, хотя этого вряд ли следовало ожидать, если принять во внимание, сколь многое ему предстояло обсудить со своим другом. Поэтому Бен-Гур был предоставлен сам себе. Он заглянул к лошадям, чтобы проверить, ухожены ли они, выкупался в озере; сменил рабочую одежду на свое обычное одеяние из белоснежных тканей, как положено саддукею; и благодаря энергии молодости ощутил себя совершенно отдохнувшим после изнурительных утренних тренировок.

Неразумно и некорректно преуменьшать значение красоты как свойства человеческой натуры. Утонченная душа не может быть безразлична к ее влиянию. История Пигмалиона[82] и его статуи столь же естественна, сколь и поэтична.

Египтянка была восхитительно прекрасна. В его мыслях она всегда являлась ему такой, какой он впервые увидел ее у Кастальского ключа; голос

---

[82] Примечания: 82

Пигмалион — внук кипрского царя Агенора, ваятель, влюбившийся в созданную им самим статую девушки и упросивший Венеру вдохнуть в нее жизнь.

ее звучал в его воспоминаниях еще сладостнее оттого, что был преисполнен благодарности к нему. И в такие мгновения в душе его вскипала вся Песнь песней Соломона. Обуреваемый такими чувствами, он мечтал познать, соответствовала ли эта девушка рожденному ей образу. Вряд ли это можно было назвать любовью, скорее, смесью обожания и любопытства, которые являются предвестниками любви.

Пристань на озере представляла собой весьма примитивное сооружение из короткой лестницы и небольших мостков с несколькими светильниками; но все же у первых ступенек лестницы он остановился, захваченный открывшейся его взору картиной.

На недвижной глади озера у помоста стояла легкая, как пушинка, лодочка. Эфиоп — тот самый погонщик верблюда, которого Бен-Гур уже видел у Кастальского ключа, — сидел на месте гребца; чернота его кожи подчеркивалась рубахой из белоснежной материи. Корма лодки была уложена подушками и забрана тканью, блиставшей тирским пурпуром. Рулевое весло держала в руках сама египтянка, закутанная в индийскую шаль и одежды тончайшего шелка. Руки ее были обнажены до плеч. Хотя теперь было видно, что

они не безупречны по форме, от них все же было невозможно оторвать глаза — столь привлекательны они были; кисти рук и каждый палец в отдельности казались произведением искусства. Плечи и шея были защищены от вечерней прохлады большим шарфом, не скрывающим, однако, изящных очертаний.

Но, взглянув на нее, Бен-Гур не стал задумываться о деталях. Египтянка целиком и полностью захватила его сознание, и в нем не осталось места для холодного анализа. Как лента алая губы твои, и уста твои любезны; как половинки гранатового яблока — ланиты твои под кудрями твоими[83]. Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди! Вот зима уже прошла, дождь миновал, перестал; цветы показались на земле; время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей[84] — такими словами можно было бы передать впечатление, произведенное ею на Бен-Гура.

— Иди сюда, — сказала она, заметив, что он остановился. — Иди же, а то я подумаю, что ты плохой моряк.

---

[83] Примечания: 83
Песн. 2: 10–11.

[84] Примечания: 84
Песн. 4: 3.

Румянец на его щеках стал гуще. Неужели она что-то знает о его морском прошлом? Справившись с собой, он сошел на помост.

— Я было испугался, — сказал он, занимая свободное место рядом с ней.

— Чего же?

— Что потоплю лодку, — улыбаясь, ответил он.

— Подожди до того, как мы выйдем на глубину, — произнесла она, кивнув головой эфиопу, который тут же опустил весла в воду, и лодка отошла от помоста.

Если любовь и Бен-Гур были бы врагами, то можно было бы сказать, что любовь никогда не была более безжалостной к юноше. Египтянка сидела так, что он не мог не смотреть на нее, ту, которая уже поглотила все его сознание как идеальная Шуламита[85]. Свет ее глаз, казалось, затмевал звезды; взгляд ее рассеивал мрак самой темной ночи. К тому же, как всем известно, сочетание молодости и близости женщины, тихих вод и усыпанного звездами неба в ночи, дышащей теплом лета, производит странный эффект на мужчин — они проще простого переносятся из обычной обстановки в идеальную.

---

[85] Примечания: 85

Шуламита — библейская Суламифь, возлюбленная царя Соломона (см. Ветхий Завет, Песнь песней Соломона).

— Дай мне руль, — попросил Бен-Гур.

— Нет, — ответила она, — потому что это переменило бы наши отношения. Я же не просила тебя отправиться со мной верхом? Я обязана тебе и хотела бы прямо сейчас начать уплату долга. Ты можешь говорить, а я буду слушать, или я буду говорить, а ты будешь слушать: выбирать тебе, но я буду решать, куда мы направимся и каким путем.

— И куда же мы двинемся?

— Ну вот, ты снова волнуешься.

— О египтянка, я задал всего лишь самый естественный вопрос любого похищенного.

— Зови меня Египет.

— Я бы предпочел называть тебя Айрас.

— Ты можешь называть меня так в своих мыслях, но обращайся ко мне: Египет.

— Но Египет — это страна, а в ней живет множество народа.

— Да, да! И что это за страна!

— Понимаю, мы с тобой направляемся именно в Египет.

— Если бы это было так! Я была бы просто счастлива.

Произнеся эти слова, она вздохнула.

— Тебе безразлично, хочу ли туда я, — сказал

он.

— Ах, насколько я знаю, ты никогда там не бывал.

— Никогда.

— О, это страна, где нет несчастливых людей, предмет вожделения всего остального мира, родина всех богов и поэтому самая благословенная страна. В ней, о сын Аррия, счастливый человек будет еще более счастлив, а несчастливый, придя туда и испив сладких вод священной реки, засмеется и запоет, возрадуясь как ребенок.

— И там нет бедных, как повсюду?

— Самые бедные в Египте те, кто примитивен в своих желаниях и образе жизни, — ответила она. — Они не мечтают ни о чем, кроме самого необходимого, а как это мало, грек или римлянин даже не может себе представить.

— Но я не грек и не римлянин.

Она усмехнулась:

— У меня есть розарий, а в самом центре его растет куст, на котором цветут самые роскошные цветы. Откуда он, как ты думаешь?

— Из Персии, с родины роз.

— Нет.

— Тогда из Индии.

— Тоже нет.

— Ах, он, наверное, с одного из греческих островов.

— Я подскажу тебе, — сказала она. — Путник нашел его погибающим на обочине одной из дорог на равнине Рефаим.

— О, в Иудее!

— Я посадила его в плодородный ил, оставленный после разлива Нилом, его холил южный ветер, пролетавший над пустыней, а солнечные лучи ласкали его, так что ему не оставалось ничего другого, как вырасти и зацвести. Теперь я часто стою в его тени, а он благодарит меня своим прекрасным ароматом. Как это происходит с розами, так бывает и с мужчинами Израиля. Где еще они могут достичь совершенства, если не в Египте?

— Моисей был всего лишь одним из миллионов.

— Нет, был еще и чтец мыслей. Ты забыл про него?

— Но расположенные к нам фараоны давно уже мертвы.

— Ах да! Река, на берегах которой они обитали, шумом своих волн хранит их сон в их гробницах; но все-таки то же солнце согревает своими лучами воздух для все тех же людей.

— Но Александрия сейчас римский город.

— Она всего лишь сменила знаки своего величия. Цезарь отобрал у нее ее меч, но оставил ее ученость. Пойдем со мной в Брухейум, и я покажу тебе университет, в котором трудятся ученые многих наций; или в Серапейон, где ты увидишь шедевр архитектуры; в библиотеку, где сможешь прочитать бессмертные книги; в театр, где актеры представят тебе сказания о героях греков и индусов; на набережной ты приценишься к товарам со всего света. Пройдись со мной по ее улицам, о сын Аррия, и вечером, когда философы покинут их, уйдут искусные умельцы с изделиями рук своих, а верующие отправятся в храмы возносить молитвы, ты услышишь там рассказы, которые удивляли людей от самого начала времен, и песни, которые никогда не умрут.

Внимая ее словам, Бен-Гур мысленно перенесся в иерусалимскую ночь, когда в домике на крыше его мать в таком же приливе патриотизма воспевала ему утраченную славу Израиля.

— Теперь я понимаю, почему ты хочешь, чтобы тебя называли Египтом. Не споешь ли ты мне песнь, если я буду звать тебя так? Ту песнь, которую ты пела прошлой ночью.

— Это был гимн Нилу, — ответила она, — элегия, которую я пою, когда хочу ощутить дыхание

пустыни, услышать плеск волн милой сердцу реки. Но взамен нее позволь мне познакомить тебя с творением индийского духа. Когда мы с тобой окажемся в Александрии, я отведу тебя на перекресток улиц, где ты сможешь услышать эту песнь из уст дочери Ганга, которая и научила меня ей. Капила был одним из самых почитаемых в Индии мудрецов.

И она запела.

КАПИЛА

Капила, Капила, столь молодой и знающий,

Я стремлюсь к славе, подобной твоей,

И после битвы приветствую тебя, чтобы снова спросить —

Смогу ли когда-нибудь стать отвагою равным тебе?

Капила воззрился на вопрошателя,

И никогда еще герой не был столь серьезным.

«Тот, кто возлюбил все живое, не боится ничего.

Это любовь делает меня столь отважным.

Некогда женщина наделила меня душою.

Душа же моей души существовала всегда;

И именно так дана была мне моя отвага.

Поступай же и ты так – ступай и поймешь».

Капила, Капила, ты стар и сед,

Царица призывает меня;

Но прежде чем отправиться на ее зов, я хочу услышать от тебя,

Как ты обрел мудрость свою.

Капила остановился при входе в свой храм,

Принц в рубище отшельника:

«Я обрел ее не так, как люди обретают познания свои,

То вера сделала меня мудрым.

Некогда женщина наделила меня моим сердцем.

Сердце же моего сердца существовало всегда;

Именно так была мне дана моя мудрость.

Поступай же и ты так – ступай и пой-мешь».

Не успел Бен-Гур поблагодарить девушку за услышанную песню, как под килем лодки заскрипел песок, и тут же она ткнулась носом в берег.

— Что, мы уже прибыли, о Египет? — воскликнул он.

— Это всего лишь краткая остановка! — ответила она, и тут же чернокожий гребец сильным толчком весла снова вывел лодку в озеро.

— Лучше бы ты позволила мне править лодкой.

— О нет, — смеясь, возразила она. — Тебе — колесница, а лодка — мне. Мы просто добрались до противоположного берега озера, и это мне урок — не надо больше петь. А теперь, побывав в Египте, давай отправимся в рощу Дафны.

— В молчании, без песни в пути? — разочарованно произнес он.

— Расскажи мне что-нибудь о римлянине, от которого ты нас вчера спас, — попросила она.

Вопрос этот неприятно поразил Бен-Гура.

— Хотел бы я, чтобы это был Нил, — уклончиво

сказал он. — И чтобы цари и царицы, спящие в своих гробницах, восстали и плыли бы сейчас с нами.

— Но они были колоссами и потопили бы нашу лодку. Уж лучше бы они были пигмеями. Но расскажи мне о римлянине. Он очень злой, не так ли?

— Не могу сказать.

— Он благородного происхождения и богат?

— Я не могу говорить о его богатстве.

— Но какие же чудесные у него лошади! И площадка его колесницы из чистого золота, а колеса из слоновой кости. А как он дерзок! Зеваки смеялись, когда он уезжал; те, кто едва не попал под его колеса! — И она рассмеялась, снова вспомнив происшествие.

— Это просто сброд, — с горечью произнес Бен-Гур.

— Он, должно быть, одно из тех чудовищ, которые, как говорят, вырастают в Риме, — Аполлон, прожорливый, как Цербер[86]. А живет он в Антиохии?

— Он откуда-то с Востока.

— Египет подошел бы ему куда больше Сирии.

---

[86] Примечания: 86

Цербер (Кербер) — сын Тифона и Эхидны, трехголовый пес, охранявший вход в подземное царство *(миф.)*.

— Едва ли, — заметил на это Бен-Гур. — Клеопатры ведь давно нет в живых.

Через мгновение они увидели светильники, горевшие у входа в шатер.

— Вот и становище! — воскликнула она.

— А мы так и не побывали в Египте. И мне не довелось увидеть ни Карнака, ни Фив[87], ни Абидоса[88]. Эти воды — не Нил. Мне только довелось услышать песнь Индии да погрузиться в мечту.

— Да, Фивы, Карнак... Но тебе следует больше жалеть о том, что ты не видел Рамзеса в Абу-Симбеле[89], при взгляде на который сами собой приходят мысли о Боге, творце неба и земли. Но почему тебе вообще надо жалеть о чем-то? Давай снова отправимся в плавание по водам реки, и если мне уж нельзя петь, — со смехом произнес-

---

[87] Примечания: 87

Фивы — древнеегипетский город, политический, религиозный и культурный центр. Со времени фараонов XI династии (XXII–XX вв. до н. э.) — столица Египта. Археологические раскопки с первой половины XIX в. (храмы в Луксоре, Карнаке и др.).

[88] Примечания: 88

Абидос — город в Верхнем Египте (совр. Арабет-эль-Мадфунах), религиозный центр, место почитания богов загробного мира, особенно Осириса.

[89] Примечания: 89

Абу-Симбел — местность на западном берегу Нила. Два скальных древнеегипетских храма первой половины XIII в. до н. э. На фасаде главного храма четыре сидящих колосса Рамзеса II.

ла она, — то я могу рассказывать тебе предания моей страны.

— Давай! Да, пока не настанет утро, а за ним вечер и новое утро! — страстно произнес он.

— О чем же мне тебе рассказать? О математиках?

— Ну уж нет!

— О философах?

— Нет, нет.

— О чародеях и джиннах?

— Если тебе угодно.

— О войнах?

— Да.

— О любви?

— Да.

— Я расскажу тебе о лекарстве от любви. Это история о древней царице. Отнесись к ней с почтением. Папирус, из которого жрецы в Фивах узнали эту историю, был взят из рук самой ее героини. Он написан древним языком и должен быть истинным.

НЕ-НЕ-ХОФРА

Нет параллелей в жизнях человеческих.

Ни одна жизнь не проходит по прямой.

Самая совершенная жизнь идет по кругу, закан-

чивается у своего начала, и невозможно сказать: «Вот начало ее, а вот ее конец».

Совершенные жизни представляют собой сокровище Бога, в значительные дни он надевает их, как перстень, на палец своей ближайшей к сердцу руки.

Не-не-хофра обитала в доме неподалеку от Асуана, но еще ближе к первому порогу Нила, причем так близко, что шум вечной битвы между рекой и скалами был частью этой местности. Она росла, окруженная красотой, и про нее говорили, как про маки в саду ее отца: «Какая красота будет явлена миру, когда наступит пора ее цветения!»

Каждый год ее жизни был подобен началу новой песни, которая еще восхитительнее, чем прежние.

В детстве она была подобна ребенку, родившемуся от брака между Севером, который омывался морем, и Югом, несшим в себе горячее дыхание пустыни; один из этих родителей дал ей страсть, а другой гений — так что когда они взирали на нее, то радостно смеялись, причем каждый говорил не «Она вся в меня», но «Ха-ха! Она вся в нас».

Все великолепие природы воплотилось в ее совершенстве. Когда она приходила или уходила, птицы вздымали крылья, приветствуя ее; буйные

ветры смиряли свой нрав, утишаясь до нежных зефиров; белые лотосы всплывали из речных глубин, чтобы взглянуть на нее; река замедляла свой бег рядом с ней; высокие пальмы склоняли свои вершины и кронами навевали на нее прохладу; и все они, казалось, говорили — один: «Я дал ей свое изящество», другой: «Я одарил ее своим великолепием», третий: «Я наделил ее своей чистотой», и каждый из них дал ей свое достоинство.

Когда ей исполнилось двенадцать лет, Не-не-хофра стала очарованием всего Асуана, к шестнадцати годам о красоте ее узнала вся страна, а в двадцать лет в ее жизни не было дня, чтобы у дверей ее дома не появлялись принцы пустыни на белых верблюдах и властители Египта на золоченых барках. Когда же, безутешные, они возвращались назад, то говорили повсюду: «Я видел ее своими собственными глазами — и это не женщина, но сама Хатор»[90].

Среди трехсот тридцати преемников доброго царя Менеса было восемнадцать эфиопов, один из которых, Оратес, дожил до ста десяти лет. Он правил уже семьдесят шесть лет. При нем народ

---

[90] Примечания: 90

Хатор — древнеегипетская богиня любви и наслаждения.

благоденствовал, страна тучнела и процветала. Правил он мудро, потому что много повидал на свете за свой век. Жил он в Мемфисе, где находился его главный дворец, его арсенал и его сокровищница. Часто он посещал Бутос, чтобы поговорить с Латоной.

Супруга фараона умерла. Была она слишком стара, чтобы тело ее могло быть забальзамировано, как того требовал обычай. Но фараон любил ее и, оплакивая ее кончину, был безутешен. Видя это, Латона однажды пожелала поговорить с ним.

— О Оратес, дивлюсь я, что столь мудрый и великий человек не знает, как излечить подобную печаль.

— Назови же мне лекарство от нее, — молвил царь.

Латона три раза поцеловала пол перед великим царем и затем сказала, зная, что мертвые не могут слышать живых:

— В Асуане живет Не-не-хофра, прекрасная, как Хатор. Пошли за ней. Она отказала всем властителям страны, и принцам пустыни, и не знаю уж скольким царям, но кто сможет отказать Оратесу?

Не-не-хофра спустилась по Нилу в барке более

роскошной, чем кто-либо когда-нибудь видел; сопровождала ее целая флотилия других барок, каждая из которых уступала в роскоши ее барке. Вся Нубия и Египет, мириады людей из Либии, а также орды троглодитов и немалое число макробилов, живущих за Лунными горами, стояли по берегам реки, чтобы поглядеть на кортеж, овеваемый ароматными ветрами и сверкающий золочеными веслами.

Вдоль аллеи сфинксов и двукрылых львов прошествовала Не-не-хофра и предстала перед Оратесом, сидевшим на троне, специально воздвигнутом рядом с изукрашенным рельефами пилоном дворца. Он приветствовал ее, усадил рядом с собой на троне, надел ей на руку браслет в виде священного урея[91] и поцеловал ее. Таким образом, Не-не-хофра стала царицей всех цариц.

Но этого было недостаточно для мудрого Оратеса; он хотел любви, которая бы сделала царицу счастливой. Поэтому он был с ней очень нежен, показал ей все свои владения, города, дворцы, подданных; свои армии, свои корабли, и своими руками он ввел ее в свою сокровищницу, говоря: «О Не-не-хофра! Только поцелуй меня, любя, и все

---

[91] Примечания: 91

Урей — изображение кобры, символ власти фараонов.

это станет твоим».

И, думая, что она может быть счастливой, она поцеловала его раз, два и три — трижды поцеловала его, несмотря на его сто и десять лет жизни.

Весь первый год она была счастлива, и год этот пролетел очень быстро; но на третий год она чувствовала себя несчастной, и год этот тянулся очень долго; и тут ее постигло просветление: то, что она принимала за свою любовь к Оратесу, представляло собой всего лишь изумление его властью. Как же хорошо, что она смогла понять это! Она поникла духом; теперь она постоянно проливала слезы, и ее прислужницы не могли припомнить, когда они слышали смех царицы. Розовый цвет ее щек сменился пепельным, она чахла и таяла буквально на глазах. Некоторые говорили, что ее преследуют Эринии[92] за жестокость к любимому; другие утверждали, что она поражена неким богом, завидующим Оратесу. Какой бы ни была причина ее увядания, все заклинания магов не могли восстановить ее здоровье и красоту, и все рецепты докторов не приносили облегчения. Не-не-хофру явно ждала смерть.

---

[92] Примечания: 92

Эринии — богини мести *(рим. миф.).*

Оратес повелел истесать крипту для нее рядом с гробницами других цариц. Призвав в свой дворец лучших скульпторов и художников Мемфиса, он велел им украсить эту гробницу так, как еще не была украшена ни одна гробница умерших царей.

— О, ты прекрасна, как сама Хатор, моя царица! — говорил царь, чей любовный пыл не уменьшили даже его сто тринадцать лет. — Назови же мне причину твоего нездоровья, которым ты страдаешь.

— Ты не будешь больше любить меня, если я тебе скажу, — в сомнении и со страхом отвечала она.

— Не любить тебя! Да я буду любить тебя еще больше! Клянусь тебе очами Осириса, возлюбленная моя! Говори же! — воскликнул он, страстно, как любовник, и повелительно, как царь.

— Выслушай меня, — сказала она. — В пещере неподалеку от Асуана живет отшельник, самый старый и самый уважаемый среди своих собратьев. Его зовут Менофа. Он был моим наставником и защитником. Пошли за ним, о Оратес, и он откроет тебе то, что ты хочешь знать; и еще он поможет тебе найти лекарство от моей болезни.

Обрадованный Оратес воспрянул духом и вы-

шел из залы лет на сто моложе, чем в нее вошел.

— Говори! — велел Оратес Менофе, которого привели во дворец в Мемфисе.

И Менофа ответил:

— О могущественнейший из царей, если бы ты был молод, я бы не ответил тебе; сейчас же я скажу тебе, что царица, как и всякая другая смертная женщина, несет кару за свое преступление.

— Преступление! — сердито воскликнул Оратес.

В знак подтверждения Менофа низко склонил голову.

— Да, преступление перед ней самой.

— Мне не доставляет удовольствия слушать загадки, — сказал царь.

— То, что я сказал, это не загадка. Не-не-хофра росла у меня на глазах и рассказывала мне обо всем, что случалось в ее жизни. Так, в свое время она поведала мне о любви, которую она питала к сыну садовника своего отца, юноше по имени Барбек.

При этих словах Оратес нахмурился, начиная понимать.

— С этой любовью в сердце, о царь, она пришла к тебе, и из-за этой любви она сейчас умирает.

— И где сейчас этот сын садовника? — спросил

Оратес.

— В Асуане.

Царь вышел из залы и отдал два повеления. Одному из своих приближенных он сказал:

— Ступай в Асуан и приведи сюда молодого человека по имени Барбек. Ты найдешь его в саду отца царицы.

Другому приближенному он сказал:

— Собери рабочих, инструменты и материалы, вообще все необходимое и сооруди для меня на озере Хеммис остров, который бы плавал по озеру, гонимый ветрами, неся на себе храм, дворец и сад со всеми видами деревьев и виноградников. Сооруди этот остров, и пусть он будет полностью оснащен всем необходимым к тому времени, когда луна начнет убывать.

Затем, зайдя в покои царицы, он сказал:

— Возвеселись, о царица. Я знаю все и уже послал за Барбеком.

Не-не-хофра поцеловала его руки.

— Ты будешь принадлежать ему, а он тебе, и никто в течение целого года не помешает вашей любви.

Она поцеловала его ноги, но он поднял ее и поцеловал в ответ. И розы опять расцвели на ее щеках, губы окрасились алым, и смех вернулся в

сердце царицы.

Целый год прожили царица и садовник Барбек на острове Хеммис, который стал одним из чудес света. Не существовало более прекрасного храма любви во всем мире. Целый год царица и садовник не видели никого больше и существовали только друг для друга. Когда же год этот закончился, царица вернулась во дворец в Мемфисе.

— Так кто же теперь любит тебя больше? — спросил царь.

Царица поцеловала его в щеку и сказала:

— Прими меня обратно, о царь, ибо я излечилась от любви.

Оратес рассмеялся, словно юноша, несмотря на свои сто четырнадцать лет.

— Похоже, Менофа был прав, сказав мне, что лекарством от любви служит только любовь.

Внезапно лицо царя помрачнело, и взор его стал страшен.

— Но я так не считаю, — произнес он.

Царица испуганно вздрогнула.

— Ты виновна! — продолжал царь. — Ты нанесла оскорбление человеку Оратесу, которое он тебе простил, но за твое оскорбление царя Оратеса ты должна быть наказана.

Царица вскочила на ноги.

— Успокойся! — воскликнул царь. — Ибо ты уже мертва.

Он хлопнул в ладони, и в царские покои вошла ужасная процессия — процессия парасхитов, бальзамировщиков умерших, каждый из которых нес в руках инструменты или материалы для своего ремесла.

Обратившись к ним, царь указал на Не-не-хофру:

— Она мертва. Делайте свое дело.

Прекрасная Не-не-хофра через семьдесят два дня была помещена в гробницу, вырубленную для нее год назад, и уложена там вместе со своими царственными предшественницами, однако без всякой торжественной церемонии.

* * *

Слушая рассказ, Бен-Гур сидел у ног египтянки, и рука его покоилась поверх руки ее, сжимавшей рулевое весло.

— Менофа был не прав, — сказал он.

— В чем?

— Любовь живет только любовью.

— И от нее нет никакого лекарства?

— Есть. Оратес нашел его.

— Что же это за лекарство?

— Смерть.

— Ты хороший слушатель, о сын Аррия.

Так в разговорах они провели еще несколько часов. Сходя на берег, девушка сказала:

— Завтра мы собираемся в город.

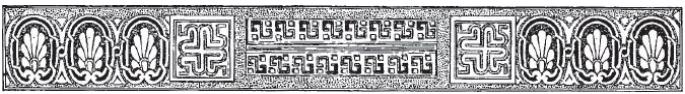
— Но вы будете на играх? — спросил он.

— О да.

— Я пришлю тебе мои цвета.

На этом они расстались.

Глава 4
Мессала настороже

Илдерим возвратился в свое становище около трех часов на следующий день. Когда он спускался из седла на землю, к нему подошел человек — Илдерим вспомнил, что когда-то видел его в своем собственном племени, — и произнес:

— О шейх, меня попросили передать тебе этот пакет с просьбой сразу прочитать его. Если ты захочешь послать ответ, я всецело в твоем распоряжении.

Илдерим тут же принялся изучать пакет. Печать на нем уже была сломана. Сверху красовалась надпись «Валерию Грату в Цезарее».

— Да возьмет его Аваддон! — пробурчал шейх, обнаружив, что письмо написано на латыни

Если бы послание было на греческом или арабском языке, он тут же прочитал бы его; а так он смог разобрать только подпись, сделанную печатными латинскими буквами, — МЕССАЛА, —

которая тут же привлекла его внимание.

— Где сейчас молодой еврей? — спросил он у слуги.

— В поле, занимается с лошадьми, — ответил тот.

Шейх вложил папирус в пакет и, спрятав за пазуху, снова поднялся в седло. В этот момент к шатру приблизился незнакомец, прибывший, по всей видимости, из города.

— Я ищу шейха Илдерима, именуемого также Щедрым, — произнес он.

Его язык и облик выдавали в нем римлянина.

Хотя араб не умел читать на латыни, но говорить на ней он мог, поэтому он с достоинством произнес:

— Я шейх Илдерим.

Прибывший потупил взор и с притворным смирением произнес:

— Я слышал, что тебе нужен возница для гонок.

Губы Илдерима под седыми усами презрительно скривились.

— Ступай своей дорогой, — ответил он. — У меня уже есть возница.

Он было повернул коня, готовясь ускакать, но прибывший просительно произнес:

— О шейх, я так люблю лошадей, а твои, как мне сказали, самые красивые в мире.

Старый араб был тронут; он натянул поводья, словно колеблясь, и после секундной паузы ответил:

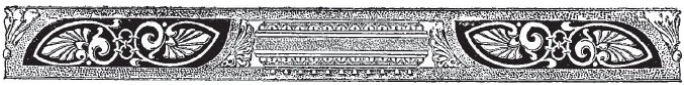
— Не сегодня, только не сегодня; как-нибудь в другой раз я тебе их обязательно покажу. Сейчас я очень занят.

Дав шпоры коню, он направил его в поле. Незнакомец же, улыбаясь, пустился в обратный путь. Он выполнил свою миссию.

Так несколько дней до открытия игр в становище шейха в Пальмовом саду появлялись незнакомцы порой даже по двое и трое в день, — заявляя, что они хотят получить место возницы.

Таким образом Мессала следил за Бен-Гуром.

Глава 5
Илдерим и Бен-Гур предаются размышлениям

Шейх ждал, весьма удовлетворенный, пока Бен-Гур уведет своих лошадей с утренней тренировки. Весьма же удовлетворен он был потому, что видел их бег во весь опор: нельзя было сказать, какая из лошадей самая быстрая, а какая — самая медленная; короче говоря, вся четверка шла как один.

— Сегодня после обеда, о шейх, я верну тебе Сириуса, — сказал Бен-Гур, потрепав вороного красавца по шее. — Я возвращаю его и ставлю вместо него колесницу.

— Уже? — удивленно переспросил Илдерим.

— С такими лошадьми вполне хватит и одного дня. Они не пугливы, сообразительны, совсем как люди, и любят заниматься. Вот этот, — и он указал на самого молодого коня из четверки, — тот, которого ты зовешь Альдебараном, — самый

быстрый, в одном заезде на стадий[93] он обойдет всех остальных минимум на три корпуса.

Илдерим разгладил бороду и с хитрецой во взгляде спросил:

— Альдебаран самый быстрый, но кто из них самый медленный?

— Вот этот. — И Бен-Гур указал на Антареса. — Да, он самый медленный, но он одержит победу, о шейх, потому что может бежать весь день — целый день от зари до зари; так что, когда солнце зайдет, он догонит самого быстрого.

— Опять-таки правильно, — кивнул головой Илдерим.

— Я боюсь только одного, о шейх.

Шейх тут же посерьезнел.

— В своей жажде триумфа римлянин способен на самые грязные уловки. Во время игр — заметь, любых игр — римляне неистощимы на всякие трюки; а уж на гонках колесниц их жульничество не имеет пределов, они идут на все — и могут проделать что угодно с лошадьми, их хозяевами или возницами. Поэтому, шейх, как следует присматривай за всем, чем ты обладаешь; с этого момента и до окончания гонок не позволяй

---

[93] Примечания: 93

Стадий (олимпийский) — греческая мера длины, принятая в античном мире, составляла 125 римских passus, или 625 футов = 185 м.

незнакомцам глазеть на твоих лошадей. А чтобы быть в совершенной безопасности, пойди на большее — установи вооруженную охрану, которая должна будет день и ночь охранять их. Тогда я уже ничего не буду бояться.

У входа в шатер они спешились.

— Я обязательно приму меры, о которых ты сказал. Клянусь славой Господней, ни одна рука не коснется моих лошадей, кроме рук моих близких. Сегодня же вечером их начнут охранять. Но, сын Аррия, — и с этими словами Илдерим достал из-за пазухи пакет и медленно открыл его, опускаясь между тем на оттоманку, — взгляни сюда и помоги мне разобраться с этой чертовой латынью.

И он протянул послание Бен-Гуру.

— Вот, прочитай — и прочитай вслух, памятуя, что латынь — язык твоих отцов. Для меня же этот язык — сущее наказание.

Бен-Гур был в хорошем настроении и начал читать совершенно беззаботно. Но уже первые слова «Мессала — Грату» заставили его запнуться, нехорошее предчувствие сжало его сердце. Илдерим заметил его волнение.

— Ну что же ты, я жду.

Бен-Гур поспешил извиниться и стал переводить послание, которое оказалось одним из

писем, с такими предосторожностями отправленных Мессалой Грату на следующее утро после пирушки во дворце.

Первые строки письма были интересны лишь как свидетельство того, что его автор не избавился от своей привычки насмешничать надо всем и вся; но когда Бен-Гур стал передавать ту часть письма, которая должна была оживить память Грата, голос его задрожал, и он снова был вынужден прерваться, чтобы успокоиться. Сделав над собой видимое усилие, он возобновил чтение.

— «Я позволю себе далее припомнить, — читал он, — что, когда ты принимал меры в отношении семьи Бен-Гура, — здесь молодой человек был вынужден снова остановиться и сделать глубокий вдох, — мы оба разработали план, который представлялся нам наиболее эффективным для осуществления преследуемых нами целей, поскольку обеспечивал молчание и вел к неизбежной, но естественной смерти».

Голос Бен-Гура прервался. Лист папируса выпал из его рук, он закрыл ладонями лицо.

— Они мертвы — все мертвы. В живых остался один только я.

Шейх некоторое время молчал, сочувствуя горю юноши. Затем он поднялся и произнес:

— Сын Аррия, мне следует попросить у тебя прощения. Прочитай это послание наедине. Когда же ты обретешь силы пересказать его мне, дай знать, и я вернусь.

С этими словами он вышел из шатра. Это был один из лучших поступков в его жизни.

Бен-Гур бросился на оттоманку и дал волю своим чувствам. Когда они несколько успокоились, он сообразил, что часть письма осталась непрочитанной, и, подняв папирус с земли, продолжил чтение. «Ты, безусловно, припомнишь, — гласило далее послание, — что ты повелел сделать с матерью и сестрой злоумышленника; и если бы я ныне все-таки пожелал узнать, живы ли они или мертвы…» На этих словах Бен-Гур остановился, перечитал их снова и снова и затем воскликнул:

— Он не знает, мертвы ли они; он этого не знает! Будь же благословенно имя Господа! Надежда еще не потеряна!

Он снова перечитал предложение и, подкрепленный надеждой, дочитал письмо до конца.

— Они не мертвы, — произнес он после некоторого раздумья. — Они не мертвы, иначе бы он знал об этом.

Вновь перечитав письмо с начала до конца, на этот раз куда более внимательно, он еще больше

укрепился в этом мнении. Тогда он послал за шейхом.

— Когда я впервые вошел в твой гостеприимный шатер, о шейх, — уже совершенно успокоившись, сказал он, — у меня не было намерения рассказывать о себе что-либо, разве только убедить тебя в том, что у меня достаточно опыта, чтобы ты мог доверить мне своих лошадей. Я не хотел поведать тебе свою историю. Но воля судьбы, которая послала мне в руки это письмо и дала возможность прочитать его, столь необычна, что я чувствую себя обязанным довериться тебе до конца. Более всего меня убеждает в этом то, что нам обоим, как оказалось, угрожает один и тот же враг, против которого нам лучше выступать заодно. Я прочту тебе письмо со своими пояснениями, и тебе станет понятно, почему оно произвело на меня такое сильное впечатление. Если ты счел мое поведение недостойным мужчины, то сможешь понять и простить меня.

Шейх внимательно слушал Бен-Гура, который принялся переводить ему каждый абзац письма, особо выделив при этом строки: «Я встретил вчера иудея в роще Дафны, и даже если он сейчас и не там, то, несомненно, в ближайших окрестностях, что облегчает мою задачу — не упускать его из виду. Если бы ты спросил меня, где он обретается в настоящий момент, я ответил бы тебе с совершенной уверенностью, что его сейчас можно

найти в Пальмовом саду».

— Ах! — стиснув в кулаке бороду, воскликнул Илдерим таким тоном, что любой знающий его человек сказал бы, что шейх скорее удивлен, чем разгневан.

— «В старом Пальмовом саду, — продолжал переводить Бен-Гур, — в шатре предателя Илдерима».

— Предателя?! — воскликнул старик в страшном гневе. На лбу и шее у него вздулись жилы.

— Минуту терпения, о шейх, — умоляюще произнес Бен-Гур. — Это мнение о тебе Мессалы. Выслушай же его доводы.

И он продолжал чтение:

— «…в шатре у предателя Илдерима, который недолго сможет избегать нашей карающей руки. Не удивлюсь, если Максентий в качестве одной из первых мер посадит этого араба на корабль для отправки его в Рим».

— В Рим! Меня, Илдерима, шейха десяти тысяч всадников с копьями в руках, — меня в Рим!

Он прыжком вскочил с оттоманки, раскинув руки в стороны. Пальцы его рук подогнулись, как когти птицы, глаза блестели, как у змеи.

— О Боже! Нет, все боги, кроме римских! Когда же прекратится это оскорбление? Я свободный

человек, мой народ тоже свободен. Неужели нам суждено умереть рабами? Или, еще хуже, неужели мне придется жить подобно собаке, ползающей у ног своего хозяина? И лизать руку с плеткой? Мое достояние уже не мое; и сам я не принадлежу себе; целиком и полностью я должен принадлежать Риму. О, если бы я мог снова стать молодым! Ах, если бы мне сбросить с плеч лет двадцать… или десять… или хотя бы пять!

Стиснув зубы, он воздел руки к небу; затем под влиянием какой-то пришедшей в голову мысли быстро подошел к молодому человеку и сильными руками крепко схватил его за плечи.

— Если бы я был на твоем месте, сын Аррия, — таким же молодым, крепким, опытным в искусстве войны; если бы у меня были такие, как у тебя, причины для мести… Но к черту всю маскировку, твою и мою! Сын Гура, сын Гура, говорю тебе…

При этом имени кровь Бен-Гура застыла в жилах; изумленный, он посмотрел в глаза араба, устремленные ему в лицо и сверкающие.

— Сын Гура, если бы я был на твоем месте, перенес все, что пришлось испытать тебе, я бы не знал покоя. — Не останавливаясь, старик продолжал говорить, слова лились из него стремительным потоком. — Ко всем моим обидам я бы прибавил

и твои и посвятил бы свою жизнь отмщению. Страну за страной я поднял бы на борьбу. Не было бы такой священной борьбы за свободу, в которой я не принял бы участия; ни одна битва против Рима не обошлась бы без меня. Я бы взбунтовал всю Парфию[94], если бы даже не смог сделать ничего лучше. Даже если бы люди не пошли за мной, я бы все равно не сложил оружия! Клянусь славой Господней! Я бы примкнул к волчьим стаям, подружился бы со львами и тиграми в надежде повести их на общего врага. Я бы обратил против Рима все доступное мне оружие. Предал бы огню все римское, предал бы мечу каждого встретившегося мне римлянина! День и ночь молил бы я богов, добрых и злых, дать мне их оружие — бури, засухи, жару, холод, все те безымянные яды, которые они порой растворяют в воздухе, все те сотни причин, от которых люди умирают на суше и на море. О, я бы не знал ни сна, ни отдыха. Я… я…

Шейх замолк, хватая ртом воздух и заламывая руки. Сказать по правде, из всего этого страстного взрыва в памяти у Бен-Гура осталось только вы-

---

[94] Примечания: 94

Парфия — азиатское царство античности, расположенное к югу от Каспийского моря, которое с 250 г. до н. э. по 230 г. н. э. существовало на пространстве от Евфрата до Инда, со столицей в Экбатане. Парфянская культура представляла собой смесь греческих и иранских элементов. Парфяне были великолепными наездниками и опытными воинами.

ражение его горящих огнем глаз, пронзительный голос и ярость старика, которую невозможно передать словами.

В первый раз за много лет безутешный юноша услышал, как к нему обращаются по его истинному имени. Значит, хоть один человек знает, кто он такой на самом деле, и признает это, не задавая никаких вопросов. И человек этот — араб!

Но как он узнал это? Из письма? Нет. Из письма можно было узнать о жестокостях, которые претерпела его семья; о превратностях его собственной судьбы. Но из письма не следовало, что он и был той самой жертвой, которая избежала судьбы, уготованной ему безжалостным автором послания. Он отметил для себя это обстоятельство, которое шейху потребуется разъяснить, когда будет покончено с чтением письма.

— О шейх, будь добр рассказать мне, как тебе попало в руки это письмо.

— Мои люди охраняют пути между городами, — ответил Илдерим. — Они взяли это письмо

у курьера.

— И их знают как твоих людей?

— Нет. Для всего мира они разбойники, которых я должен поймать и казнить.

— И еще, шейх. Ты назвал меня сыном Гура — по имени моего отца. Я считал, что мое происхождение не знает ни один человек на земле. Откуда ты получил эти сведения?

Илдерим поколебался и, глубоко вздохнув, ответил:

— Я знаю, кто ты, но не могу сказать тебе большего.

— Тебя кто-то или что-то сдерживает?

Шейх сжал губы и, повернувшись, сделал несколько шагов; но, увидев разочарование Бен-Гура, приблизился к нему и сказал:

— Давай не будем больше говорить об этом. Я собираюсь в город; когда я вернусь, то, думаю, смогу говорить с тобой совершенно откровенно. Дай мне письмо.

Илдерим аккуратно сложил папирус и вложил его в пакет.

— Что ты скажешь? — спросил он юношу, прогуливаясь в ожидании коня и свиты. — Я сказал, что бы я делал на твоем месте, но ты мне ничего не ответил.

— Я собирался ответить, и я сделаю это, — произнес Бен-Гур дрогнувшим от нахлынувших чувств голосом. — Все, что ты сказал, я сделаю — по крайней мере то, что в силах человеческих. Уже давно я посвятил свою жизнь отмщению. Пять прошедших лет я жил только этим, не зная ни часа передышки. Я не знавал наслаждений юности. Обольщения Рима были не для меня. В столице я искал только одного — знаний для отмщения. Я постигал мудрость самых знаменитых профессоров и знатоков — но не учителей риторики: увы! у меня не было времени для них. Я постигал знание искусств, необходимых воину. Моими учителями были гладиаторы и победители цирковых арен. Ветераны многих войн, тренирующие солдат в лагерях, брали меня в ученики и гордились моими успехами. О шейх, я солдат, но то, о чем я мечтаю, требует от меня познаний полководца. С этой затаенной мечтой я собирался принять участие в кампании против парфян; когда же она закончится, тогда, если Господь сохранит мне жизнь и силы, тогда, — с этими словами он воздел вверх стиснутые руки, — тогда я стану врагом Рима, познавшим все его слабые места. Вот мой ответ, шейх.

Илдерим обнял юношу, поцеловал его и страст-

но произнес:

— Если твой Бог не поможет тебе, сын Гура, то только потому, что Он мертв. Возьми же все необходимое у меня — ты получишь все, что у меня есть: людей, коней, верблюдов и всю пустыню для подготовки. Клянусь тебе в этом. Но довольно на сегодня. Еще до наступления ночи я дам тебе о себе знать.

Резко развернувшись, шейх вскочил на поданного ему коня и во весь опор помчался по дороге, ведущей в город.

Глава 6
Подготовка к скачкам

В перехваченном письме было несколько моментов, весьма заинтересовавших Бен-Гура. Оно говорило, что его автор был участником устранения семьи; что именно он санкционировал план, специально для этого разработанный; что он получил в качестве вознаграждения за свои труды часть конфискованных средств, а также и известное моральное удовлетворение; что он опасался неожиданного появления того, кого называл главным преступником и воспринимал как основную угрозу; что он продумывал такие свои дальнейшие действия, которые обеспечили бы ему спокойную жизнь в будущем, и готов был осуществить все, что посоветует ему его соучастник в Цезарее.

Теперь, когда письмо это попало в руки того, о ком шла речь, оно превратилось в предупреждение о грозящей опасности и признание вины.

Поэтому, когда Илдерим вышел из шатра, Бен-Гур принялся размышлять о том, что ему необходимо предпринять как можно быстрее. Враги его были сильны и изворотливы. Если они его боялись, то у него были еще более весомые причины опасаться их. Он постарался как можно хладнокровнее рассмотреть складывающуюся ситуацию, но не преуспел в этом — столь сильные чувства переполняли его душу. Во многом их можно определить как радость от сознания того, что его мать и сестра живы; радость эту не уменьшало даже то, что опиралась она на догадку. Надо признать, что все надежды Бен-Гура оставались на уровне чувств; но эти чувства базировались на некоем сверхъестественном ощущении, что Бог вот-вот выскажет свою волю в его пользу, и вера в это событие властно повелевала ему хранить спокойствие.

Размышляя над последними событиями и известиями, он то и дело вспоминал слова Илдерима и все не мог понять, от кого араб получил сведения относительно его. Во всяком случае, их сообщил Илдериму не Маллух; Симонидис, чьи интересы были прямо противоположны, тоже должен был бы держать язык за зубами. Возможно ли, что сведения были доставлены Мессалой? Тоже

вряд ли; здесь его могли узнать в лицо, и тогда римлянину было бы несдобровать. В конце концов Бен-Гур решил, что строить предположения бессмысленно. Оставалось быть терпеливым и ждать. Возможно, поездка шейха в город была вызвана необходимостью повидаться с кем-то, имеющим влияние на него.

Размышляя обо всем этом, он дошел до въезда в рощу, где несли дозор выставленные шейхом часовые. У последних оказалось достаточно свободного времени, чтобы угостить его фруктами и поболтать с ним о лошадях.

Выйдя затем к озеру, он задержался здесь подольше. При виде весело играющих волн воспоминания его с неизбежностью вернулись к египтянке. Перед его мысленным взором снова прошла их вчерашняя прогулка по озеру на лодке, расцвеченная ее пением и рассказами; он снова вспомнил очарование Айрас, ее смех; теплоту маленькой ручки, лежавшей на румпеле руля. Потом воспоминания его перешли к Балтазару и к тем странным вещам, свидетелем которых он был. Затем мысли его перекочевали к Царю Иудейскому, близкое пришествие Которого обещал этот добрый человек. И вот здесь-то бег его мыслей остановился, обретя в загадках этого

персонажа, как это ни странно, вполне удовлетворительный ответ на большинство из своих запросов. Поскольку нет ничего более простого, как с ходу отвергнуть идею, неприемлемую для наших желаний, то он и отверг определение, данное Балтазаром царству того царя, который явится создать его. Царство духовное, хотя и не возмущало основ саддукейской веры, все же выглядело некой абстракцией. Иудейское же царство было куда понятней: оно некогда уже существовало и хотя бы по одной этой причине могло снова появиться. Гордости Бен-Гура льстила одна только мысль о том, что это новое царство будет более обширным, более могущественным и куда более блестящим, чем старое; что новый царь будет мудрее и могущественнее самого Соломона — новый царь, при котором он, Бен-Гур, сможет обрести свое место в обществе и свершить отмщение. В таком настроении он вернулся в становище.

Неторопливо пообедав, скорее для того, чтобы чем-то себя занять, Бен-Гур велел выкатить колесницу и принялся тщательно изучать ее. Ни малейшая деталь не ускользнула от цепкого взгляда молодого человека. С удовлетворением, причина которого станет нам понятной

по ходу повествования, он отметил, что она греческой конструкции, по его мнению, более предпочтительной, чем римская. Она была шире римской, более низкой и прочной. Основной ее недостаток — больший вес — компенсировался выносливостью его арабских лошадей. Вообще говоря, римские мастера, делавшие колесницы, создавали их почти исключительно для конных ристалищ, принося безопасность в жертву красоте, а надежность — изяществу, в то время как колесницы Ахилла и «царя людей», сконструированные для войны с ее предельно жесткими требованиями, по-прежнему отражали вкусы тех, кто стяжал лавровые венки славы Олимпийских и Истмийских игр.

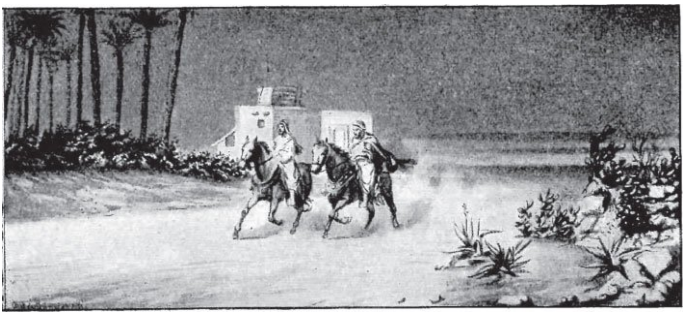
Бен-Гур вывел лошадей и, запрягши их в колесницу, выехал в поле. Там час за часом он стал тренировать их в беге в запряжке. Под вечер он вернулся в становище, обретя свое обычное состояние духа и приняв решение повременить со всеми действиями в отношении Мессалы до тех пор, пока гонки не будут выиграны или проиграны. Он не мог отказать себе в удовольствии встретиться со своим противником в присутствии всего Востока. Мысль о том, что, кроме Мессалы, в скачках могут принимать участие и

другие серьезные соперники, казалось, совсем не занимала его думы. Его уверенность в исходе борьбы была абсолютной; никакого сомнения в своем мастерстве он не испытывал; что же до четверки лошадей, то они стали его могучими соратниками в этой блистательной игре.

— Взглянул бы он только на этих красавцев, только взглянул бы! Ха, это ты, Альдебаран, а вот и ты, Антарес! Неужели это ты, почтенный Ригель? Не ты ли это, Альтаир, король рысаков? Разве ему не следует поостеречься нас? Ха-ха, милые мои!

Отдыхая, он бродил среди рысаков, от одного к другому, разговаривая с ними не как их хозяин, но как старший из братьев.

После захода солнца Бен-Гур сидел у входа в шатер, поджидая Илдерима, все еще не вернувшегося из города. После удачной тренировки, купания в прохладной воде озера, съеденного с большим аппетитом ужина молодой человек пребывал в умиротворенном состоянии духа. Он ощущал себя в руках Провидения, которое перестало быть ему врагом. Послышался приближающийся стук конских копыт, и через несколько секунд к шатру подскакал Маллух.

— Сын Аррия, — произнес он, поклонившись Бен-Гуру. — Приветствую тебя от имени шейха Илдерима, который просит тебя сесть на коня и отправиться в город. Он ждет тебя там.

Не задавая никаких вопросов, Бен-Гур отправился к лошадям, которым незадолго до этого как раз задали вечерний корм. Подняв голову от яслей, к нему подошел Альдебаран, словно предлагая свои услуги. Юноша нежно потрепал его, но прошел дальше и выбрал другого скакуна, не из своей четверки. Вскоре двое всадников вылетели на дорогу, ведущую в город.

Несколько ниже моста Селевка они на пароме переправились на другой берег реки и проехали некоторое расстояние по правому берегу Оронта. Снова переправившись через реку на другом пароме, они въехали в город с запада. Крюк получился изрядный, но Бен-Гур понял, что этому были какие-то веские причины.

Всадники вылетели на площадку перед домом Симонидиса, и здесь, у входа в контору купца, Маллух натянул поводья.

— Мы на месте, — сказал он. — Спешься.

Бен-Гур узнал это памятное ему место.

— Но где же шейх? — спросил он.

— Ступай за мной. Я проведу тебя к нему.

Привратник у входа взял поводья их коней и, начиная узнавать Бен-Гура, произнес те же самые слова, которые юноше уже доводилось выслушать у входа в этот дом:

— Во имя Божье — входите!

Глава 7
Симонидис возвращает долги

Маллух остался у входа; Бен-Гур вошел в дом один.

Помещение, в которое его провели, оказалось той самой комнатой, где он несколько дней назад так настойчиво расспрашивал Симонидиса. Новым в комнате была лишь стойка из полированной бронзы, водруженная на широкую деревянную подставку, поднимавшаяся выше головы рослого мужчины и несшая на выдвижных держателях зажженные серебряные светильники. Яркий свет падал на обшивку стен, на карниз с фризом из позолоченных шаров и на тускло поблескивающий слюдяными пластинками свод комнаты.

Сделав несколько шагов по комнате, Бен-Гур остановился.

Трое людей, находившихся в комнате, пристально смотрели на него — Симонидис, Илдерим

и Есфирь.

Молодой человек быстро прошелся взглядом по лицам этих троих, словно пытаясь найти ответ на сформулированный его сознанием вопрос: «О чем они хотят говорить со мной?» Он внешне остался спокойным, но все чувства его были напряжены, потому что вопрос этот с неизбежностью вызывал и другой: «Друзья они мне или враги?»

Наконец взгляд его остановился на Есфири.

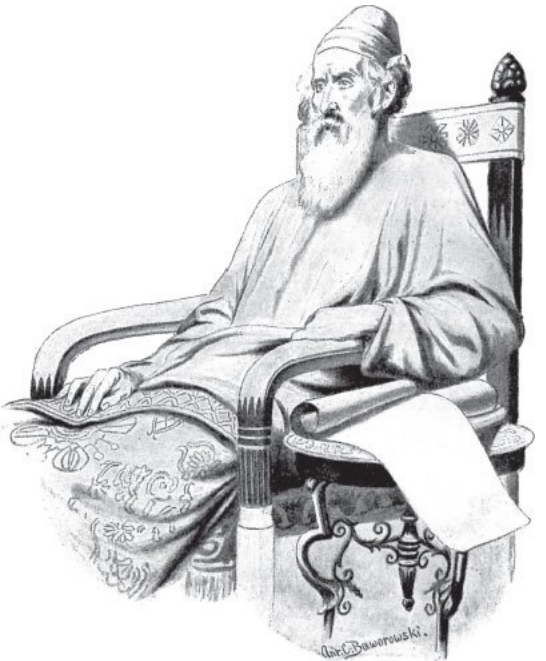
Мужчины смотрели на него доброжелательно; во взгляде же девушки он прочел нечто большее, чем простая доброжелательность, — слишком возвышенное, чтобы это можно было определить словами, но и без такого определения проникшее до глубины его души.

— Сын Гура…

Вновь прибывший взглянул на произнесшего эти слова.

— Сын Гура, — медленно повторил свое обращение Симонидис, тоном голоса выделив эти слова, словно желая вложить в них значение, столь важное для того, к кому слова эти были обращены. — Мир тебе, сын Гура, мир Господа отцов наших желаю тебе я. — Помолчав, он прибавил: — А вместе со мной желают тебе этого и мои близкие.

Старик сидел в своем кресле, царственно запрокинув голову. Бескровное лицо его выражало такую уверенность в себе, что все присутствующие забыли про изломанное пытками тело этого человека. Большие черные глаза под седыми бровями смотрели внимательно, но не сурово. Так длилось мгновение, после чего он прижал к груди скрещенные руки.

В значении этого жеста, воспринятого Бен-Гуром как приветствие, усомниться было совершенно невозможно.

— Симонидис, — ответил Бен-Гур, весьма тронутый словами старика, — священный мир, пожалованный тобою, я принимаю от всего сердца. И как это делает сын по отношению к отцу,

желаю того же и тебе. Да будет с этого самого момента царить между нами совершенное понимание друг друга.

Столь деликатным образом он постарался устранить отношения хозяина и слуги.

Симонидис опустил руки и, повернув голову к Есфири, произнес:

— Дочь, принеси стул для хозяина.

Девушка поспешно встала и, подойдя к дверям, принесла оттуда стул. Держа его в руках, она со смущенным лицом остановилась, не зная, куда его поставить, и глядя то на Симонидиса, то на Бен-Гура. Те же молчали, испытывая подсознательное нежелание сидеть друг напротив друга. Когда же затянувшееся молчание стало уже неприличным, Бен-Гур осторожно взял стул из рук девушки и, подойдя к креслу старика, поставил стул у ног купца.

— Я буду сидеть здесь, — сказал он.

Он встретился взглядом с девушкой — всего лишь на какое-то мгновение; но обоим этого оказалось достаточно. В ее взгляде он прочел благодарность; она в его — благородство и терпимость.

Симонидис склонил голову в знак согласия.

— Есфирь, дитя мое, принеси мне бумаги, — со

вздохом облегчения произнес он.

Девушка подошла к шкафу, открыла один из его ящиков, достала оттуда свиток папируса и, подойдя к креслу, подала его отцу.

— Ты сказал хорошие слова, сын Гура, — начал Симонидис, разворачивая листы папируса. — Нам следует правильно понимать друг друга. Поэтому, предчувствуя твои требования — которые, как я понимаю, ты решил временно не поднимать, — я подготовил список, в котором содержатся все необходимые сведения для обсуждения. Со своей стороны, я полагаю, что мы будем говорить только о двух вещах — во-первых, о собственности и, во-вторых, о наших взаимоотношениях. Не будешь ли ты так добр прочитать его?

Бен-Гур взял протянутый ему папирус, но посмотрел на Илдерима.

— Нет, — сказал Симонидис, заметив этот взгляд, — не смущайся присутствием шейха. Само содержание этого подсчета — ты увидишь это — требует присутствия свидетеля. В конце его, в специально отведенном для этого месте, вписано имя свидетеля — Илдерим, шейх. Он посвящен во все. Он твой друг. Всем, чем он был для меня, он станет и для тебя.

Симонидис, закончив фразу, посмотрел на араба, вопросительно кивнув головой; и тот с серьезным видом тоже кивнул со словами: «Ты сказал все».

Бен-Гур ответил на это:

— Я уже знаком со всем великолепием его дружбы и тревожусь только о том, как доказать, что я достоин ее.

Сразу после этого он перешел к делу:

— Позже, о Симонидис, я внимательно прочту эти бумаги; сейчас же, будь добр, возьми их и, если тебе не трудно, изложи мне кратко их суть.

Симонидис взял протянутый ему свиток.

— Есфирь, стань рядом со мной и принимай от меня листы так, чтобы они не перепутались.

Она подошла к его креслу и положила правую руку на плечо старика, так что, когда он стал передавать Бен-Гуру содержание документа, слова его словно исходили от них обоих.

— Это, — сказал Симонидис, вытягивая из пачки первый лист, — перечень тех сумм, которые я получил от твоего отца. Это средства, которые удалось спасти от римлян. Движимое и недвижимое имущество спасти не удалось, от этих разбойников удалось скрыть только деньги, благодаря нашему еврейскому обычаю заемных

писем[95]. Спасенные суммы, которые я получил из Рима, Александрии, Дамаска, Карфагена и других городов, где он вел дела, составили сто двадцать талантов иудейскими деньгами.

Он передал лист папируса Есфири и взял в руки другой.

— Эту сумму — сто двадцать талантов — я записал как свой долг. Выслушай же теперь, сколько я заработал. Я употребил это слово вместо того, чтобы говорить, сколько я выручил, пустив полученные средства в оборот.

Беря в руки отдельные листы, он стал называть итоговые суммы, которые, если опустить частности, сводились к следующему.

— К указанным суммам, то есть к пятистам пятидесяти трем талантам прибыли, следует прибавить первоначальный капитал, который я получил от твоего отца, так что ты имеешь ныне шестьсот семьдесят три таланта! Сумму, которая делает тебя, о сын Гура, богатейшим человеком в мире.

---

[95] Примечания: 95

Заемное письмо — документ, который позволял торговцам древности, при отсутствии банковской системы, избегать перевозок значительных сумм наличными деньгами, что было небезопасно в поездках, заменяя их двух- и трехсторонними расчетами между собой. Заемное письмо стало прообразом векселя и его разновидности — тратты (переводного векселя).

Он взял папирусы из рук Есфири и, отложив один из них, свернул остальные и протянул их Бен-Гуру. Гордость, которая сквозила во всех его жестах, была не оскорбительна; скорее это была гордость за хорошо проделанную работу.

— Нет ничего на свете, — прибавил он, понизив голос, но не опуская взгляда, — чего бы ты не мог сделать с такими средствами.

Все присутствующие в комнате были захвачены торжественностью момента. Симонидис снова скрестил руки на груди; взгляд Есфири был полон тревоги; Илдерим явно нервничал.

Взяв в руки свиток, Бен-Гур встал, борясь с нахлынувшими на него чувствами.

— Все это для меня подобно свету с небес, пролившемуся, чтобы разогнать мрак ночи, которая длилась столь долго, что казалось, не закончится никогда, — хриплым от волнения голосом произнес он. — Прежде всего я должен возблагодарить Господа, который не покинул меня; а потом тебя, о Симонидис. Твоя преданность перевесила жестокость других и делает честь нашей человеческой природе. «Нет ничего такого, что я не мог бы сделать», — сказал ты, что ж — да будет так. В эти минуты радости моего сердца я хочу быть щедрым, как никто другой. Будь же ты свидетелем всему сказанному мной, о шейх Илдерим. Услышь слова, которые я произнесу сегодня, — услышь и запомни их. И ты, Есфирь, добрый ангел этого доброго человека, тоже услышь их.

Он протянул руку, в которой держал свиток, к Симонидису.

— Все то, что перечислено в этой бумаге, — суда, дома, товары, верблюды, лошади, деньги — все, как большое, так и самое малое, я возвращаю тебе, о Симонидис, и передаю в собственность тебе, отныне и навсегда.

Есфирь улыбалась сквозь слезы; Илдерим терзал свою бороду; спокойным остался лишь Симонидис.

— Я передаю это тебе в собственность отныне и навсегда, — уже спокойнее продолжал Бен-Гур, справившись с нахлынувшими на него чувствами, — за одним лишь исключением и при одном условии.

Все присутствующие в комнате затаили дыхание.

— Сто двадцать талантов, которые принадлежали моему отцу, ты вернешь мне.

Лицо Илдерима прояснилось.

— И ты должен принять участие в поисках моей матери и сестры, не жалея средств для оплаты всех издержек, как я не пожалею для этого всего своего состояния.

Симонидис был растроган. Он протянул руку и произнес:

— Мне открылась твоя душа, сын Гура, и я благодарен Господу за то, что он послал мне в жизни встречу с тобой. Поскольку я верно служил твоему отцу при жизни, а затем — его памяти, то не опасайся того, что я откажусь сделать то же самое для его родных. Все же я должен сказать, что это исключение не может иметь место. — Взяв отложенный лист папируса, он продолжал: — Ты получил неполный отчет. Возьми это и прочитай — прочитай про себя.

Бен-Гур взял папирус и пробежал его глазами.

«ПЕРЕЧЕНЬ РАБОВ ГУРА, ПЕРЕДАННЫХ СИМОНИДИСУ, УПРАВЛЯЮЩЕМУ ИМУЩЕСТВОМ

Амра, египтянка, хранительница дворца в Иерусалиме.

Симонидис, управляющий, в Антиохии.

Есфирь, дочь Симонидиса».

Только сейчас до Бен-Гура дошло, что, размышляя о Симонидисе, он совершенно упустил из виду: по закону его дочь пребывала в состоянии своих родителей. В его мыслях нежная обликом Есфирь всегда присутствовала как соперница египтянки и возможная возлюбленная. Он поежился и взглянул на покрасневшее лицо девушки; она же опустила свой взгляд. Затем он произнес, держа в руке сам собой свертывающийся папирус:

— Человек, обладающий шестью сотнями талантов, воистину богат и может делать все, что захочет. Но куда реже, чем такие деньги, и куда бесценнее богатства — есть разум, который создает такое богатство, и сердце, которое не

разъедается таким богатством. О Симонидис — и ты, милая Есфирь, — не бойтесь ничего. Шейх Илдерим будет свидетелем того, что в тот самый момент, когда вы объявили себя моими рабами, я объявляю вас свободными; и то, что я сейчас говорю, я готов подтвердить письменно. Достаточно ли этого? Или я должен сделать нечто большее?

— Сын Гура, — сказал Симонидис, — воистину ты сделал рабство наше необременительным. Но есть вещи, которые ты не можешь сделать. Согласно закону, ты не можешь дать нам свободу. Я твой раб на веки вечные, поскольку однажды я пришел к двери твоего отца, и он пригвоздил мое ухо к ней.

— Мой отец так поступил?

— Не осуждай его, — поспешил сказать Симонидис. — Он сделал меня своим рабом пожизненно потому, что я его об этом просил. Такова была цена, которую я заплатил за Рахиль, мать моего ребенка; а она отказывалась быть моей женой, пока я не стану тем, чем была тогда она.

— А она была тогда рабыней пожизненно?

— Да.

Испытывая боль от своего бессилия, Бен-Гур сделал несколько шагов взад и вперед.

— Я был богат и до этого, — сказал он, внезапно остановившись. — Я был богат благодаря щедрости Аррия; ныне же ко мне пришло еще большее богатство, и я должен осознать это. Разве нет во всем этом промысла Господа? Дай же мне совет, о Симонидис! Помоги мне найти верный путь и следовать им. Помоги мне быть достойным моего имени, и я стану для тебя воистину тем, кем ты

доводишься мне в глазах закона.

Лицо Симонидиса просветлело.

— О сын моего покойного хозяина! Я не просто помогу тебе, я сделаю лучше; я буду служить тебе всеми силами моего ума и сердца. Служить тебе телом я не могу, его у меня почти уже нет, но умом и сердцем я тебе еще послужу. Клянусь тебе в том алтарем нашего Господа и дарами на этом алтаре! Лишь сделай меня формально тем, кем я до этого был.

— Назови же это, — просто произнес Бен-Гур.

— Своим управляющим, распоряжающимся твоей собственностью.

— Так считай же это положение своим. Или ты хочешь моего письменного свидетельства?

— Твоего слова мне вполне достаточно; так у нас повелось с твоим отцом, и я не стану требовать другого от сына. А теперь, если мы вполне понимаем друг друга… — И Симонидис приостановился.

— Продолжай, — произнес Бен-Гур.

— Скажи свое слово и ты, дочь Рахили! — велел Симонидис, снимая руку дочери со своего плеча.

Есфирь, будучи предоставлена таким образом самой себе, постояла несколько минут в смущении; затем приблизилась к Бен-Гуру и просто

сказала:

— Я плоть от плоти моей матери и, поскольку она умерла, молю тебя, о мой хозяин, позволь мне заботиться о моем отце.

Бен-Гур взял ее за руку и, подведя обратно к креслу, сказал:

— Ты преданная дочь. Да исполнится же твоя воля.

Симонидис вернул руку дочери снова себе на плечо. На несколько мгновений в комнате воцарилась торжественная тишина.

Глава 8
Духовное или земное? Доводы Симонидиса

Несколько мгновений спустя Симонидис обратился к дочери.

— Есфирь, — негромко произнес он, — ночь вот-вот наступит, и чтобы нам хватило сил на то, что предстоит, вели принести чего-нибудь поесть.

Девушка позвонила в колокольчик. Несколько минут спустя в комнату вошел слуга с вином и хлебом на подносе. Есфирь обнесла всех присутствующих.

— Понимания между нами, мой добрый хозяин, — продолжил Симонидис, когда все насытились, — еще недостаточно, по моему разумению. Отныне наши жизни будут идти рядом друг с другом, подобно тому как реки сливаются и смешивают свои воды. Думается мне, что течь они будут еще лучше, если ветер прогонит с небес над ними все облака. В прошлый раз ты вышел

из дверей моего дома, получив то, что выглядело как отказ в претензиях, которые я только что самым щедрым образом удовлетворил. На самом же деле все было несколько иначе. Есфирь свидетель тому, что я сразу же узнал тебя. А то, что я не терял тебя из виду, может подтвердить Маллух.

— Маллух? — недоуменно воскликнул Бен-Гур.

— У человека, не встающего с этого кресла, должно быть много длинных рук и быстрых ног, если только он не хочет отрешиться от мира, который так жестоко обошелся с ним. Вот и у меня много таких рук и ног, и Маллух — один из лучших среди них. А порой, — тут он бросил благодарный взгляд на шейха, — я заимствую их у других, добрых сердцем людей, подобных Илдериму Щедрому. Он может подтвердить, что я не терял тебя из виду.

Бен-Гур взглянул на араба.

— Так это он, добрый Илдерим, рассказал тебе обо мне?

Глаза Илдерима лучились смехом, когда он склонил голову в ответ.

— Но каким же образом, о мой хозяин, — сказал Симонидис, — мы можем сказать, что представляет собой человек, не испытав его? Я знаю тебя; я увидел в тебе черты твоего отца; но я не мог

знать, что ты представляешь собой как человек. Есть много людей, для которых богатство есть проклятие. Вдруг ты из таких? Я отправил Маллуха выяснить это и быть какое-то время моими глазами и ушами. Не сердись на него за это. Он сообщил мне сведения, в высшей степени для тебя лестные.

— Я не сержусь, — искренне ответил Бен-Гур. — Твоими устами говорит сама мудрость.

— Я рад слышать твои слова, — с чувством произнес купец, — весьма рад. Мои страхи относительно непонимания оказались пустыми. Так пусть же отныне реки текут туда, куда ведет их Господь.

Передохнув, он продолжил свою речь:

— Теперь же я хочу начать поиск истины. Ткачиха ткет полотно, челнок летает у нее в руках, полотна становится все больше и больше, и дело ее не мешает ей размышлять о том, что происходит вокруг. Так же и со мной — богатство само шло мне в руки, мне оставалось лишь удивляться той скорости, с которой оно росло, да все время спрашивать себя об этом. В успехе тех предприятий, которые я основывал, я усматривал некую волю помимо моей собственной. Самумы, которые обрушивались в пустыне на

других, затихали над моими караванами. Морские штормы, усеивавшие побережья обломками иных судов, оказывались попутными для моих, которые лишь скорее прибывали в порт. И самое странное было в том, что я, столь зависимый от других, прикованный к этому креслу, никогда не был обманут моими помощниками — ни разу. Стихии земные служили мне, и все мои слуги были верны мне.

— Это очень странно, — задумчиво произнес Бен-Гур.

— Так я сказал и всегда буду говорить это. Наконец, о хозяин, я пришел к выводу, что во всем этом воля Господа, — и, подобно тебе, я спросил себя: «В чем же состоит Его промысел?» Я носил этот вопрос в душе и все эти годы искал ответ на него. Я был уверен, что если это воля Господа, то в некий день, в избранное Им время, выбранным Им способом Он откроет мне Свое намерение, явит его столь же явно, как белый дом, венчающий вершину холма. И я теперь уверен в том, что Он сделал это.

Бен-Гур слушал старика с напряженным вниманием.

— Много лет назад, вместе с моими родителями — со мной была твоя мать, Есфирь, прекрасная,

как утреннее солнце над масличным садом, — я сидел на обочине дороги к северу от Иерусалима, неподалеку от Царских гробниц, и мимо нас проехали три человека верхом на громадных белых верблюдах, подобных которым никто никогда не видел в Святом городе. Всадники были пришельцами и явно из далеких стран. Первый из них остановился и задал мне вопрос: «Где Тот, Кто рожден Царем Иудейским?» И словно для того, чтобы уменьшить мое удивление, он тут же продолжил: «Мы узрели Его звезду на востоке и пришли сюда поклониться Ему». Я не понял его, но побежал за ним вслед, до Дамасских ворот. И каждому встречному — даже страже у ворот — они задавали этот же вопрос. Все, у кого они спрашивали это, приходили в удивление, точно так же, как и я. Со временем я забыл про эту встречу, хотя в те времена она наделала шуму — о ней говорили как о предзнаменовании прихода Мессии. Увы, увы! сколь наивными мы бываем порой, даже самые мудрые из нас! Когда Господь ступает по земле, шаги Его разделяют столетия. Ты видел Балтазара?

— И слышал его рассказ, — подтвердил Бен-Гур.

— О, чудо! Чудо из чудес! — воскликнул Симо-

нидис. — Когда он рассказал это мне, мой добрый хозяин, я решил было, что услышал ответ, которого так долго ждал, и мне открылся промысел Божий. Ничтожнейшей из тварей земных будет Царь, когда явится в этот мир — бедным и одиноким; не будет у Него ни последователей, ни армий, ни городов с крепостями. Он создаст царство, и Рим поникнет и затмится перед Ним. Пойми же, о мой хозяин! Ты полон сил, ты искусен в обращении с оружием, ты наделен богатством; узри же возможность того, что Господь послал именно тебя! Разве не можешь ты быть Его избранником? Может ли человек быть рожден для более великой славы?

В этот страстный призыв Симонидис постарался вложить всю свою силу убеждения.

— Но царство, царство! — нетерпеливо воскликнул Бен-Гур. — Балтазар сказал ведь, что это царство будет создано для душ.

Еврейская гордыня была сильна в Симонидисе, поэтому он несколько пренебрежительно скривил губы, прежде чем ответить на этот вопрос.

— Балтазар был свидетелем чудесных вещей, истинных чудес, о мой господин, и, когда он говорит о них, я склоняюсь перед ним, исполненный веры в его слова, поскольку он видел и

слышал все сам. Но он все же сын Мицраима[96] и даже не прозелит[97]. Вряд ли на нем почиет такая благодать Божия, благодаря которой мы должны преклоняться и перед его суждениями касательно отношений Господа с Израилем. На пророков откровение снизошло непосредственно с небес, и я должен верить им. Принеси мне Тору[98], Есфирь.

Не дожидаясь возвращения дочери, он продолжал:

— Может ли свидетельство целого народа быть отвергнуто, мой хозяин? На всем своем пути от Тира[99], лежащего у моря на севере, вплоть до Эдама, заносимого песками южных пустынь, ты не найдешь никого, кто не сказал бы тебе, что царство, которое построит грядущий Царь для детей Завета, будет земным, как и то, что построил отец наш Давид. Ты спросишь, где они обрели эту

---

[96] Примечания: 96

Здесь: еврей восточного происхождения.

[97] Примечания: 97

Прозелит — новообращенный в иудаизм.

[98] Примечания: 98

Тора — евр. «поучение» или «указание»; в позднейшем иудаизме Пятикнижие Моисея, пять первых книг Ветхого Завета (Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие), считается письменным вариантом Торы.

[99] Примечания: 99

Тир — античный морской порт и торговый центр Финикии, был расположен на месте современного Сура.

веру? Сейчас мы это увидим.

Есфирь возвратилась, неся в руках несколько свитков, тщательно завернутых в темно-коричневую ткань, на которой были написаны золотом изящные буквы.

— Держи их при себе, дочь моя, и давай мне тот из них, который я тебя попрошу, — произнес ее отец тем ласковым тоном, которым он всегда разговаривал с ней, и продолжал свою речь: — Было бы слишком долго, мой добрый хозяин, называть тебе имена тех святых людей, которые провидением Господним стали преемниками пророков. Их было множество — провидцев, которые записывали события, и проповедников, наставлявших народ наш со дней Пленения. Свой свет они получили от светильника Малахии, последнего из плеяды пророков. Их великие имена не перестают повторять в коллегиях Энлиль и Шаммай. Не спросить ли нам их об этом Царстве? Тогда Господь агнцев в Книге Еноха — кто же он? Кто, как не Царь, о котором мы сейчас говорим? Именно Ему уготован трон, Он сотрясает всю землю, и другие цари сверзаются со своих тронов, и беды Израиля сгорают в геенне огненной. То же говорит нам и певец строками псалмов: «Узри же, Господи, и пошли Израилю

его царя, сына Давидова, во время, Тебе известное, о Боже, чтобы Он правил Израилем, сынами Твоими… И Он приведет народ язычников под ярмо Свое служить Ему… И будет Он законным царем, поставленным от Бога… и будет править Он всей землею по слову уст Своих до скончания веков». Слышал об этом и Ездра, наш второй Моисей, в своих ночных видениях. Так спроси же его, кто этот лев с человеческим лицом, сказавший орлу — олицетворению Рима: «Ты возлюбил лжецов, и поверг во прах города тружеников, и разрушил стены их, хотя они не сотворили тебе вреда. Поэтому ступай же прочь, потому что земля может быть очищена от скверны, и обрети себя, и уповай на справедливость и милость Того, Кто сотворил ее». С тех пор орла больше не видели. Воистину, о мой хозяин, свидетельств более чем достаточно! Но источник мудрости открыт. Мы еще обратимся и к нему. Дай нам еще вина, Есфирь, а потом подай Тору.

— Неужели ты не веришь пророкам, хозяин? — спросил он, отпив немного вина. — Я знаю, что веришь, поскольку такой была вера всех твоих родных. Есфирь, дай нам книгу, в которой повест-

вуется о видениях Исайи[100].

Он взял свиток, который аккуратно развернула дочь, и прочитал:

— «Люди, бредущие во мраке, узрели великий свет: они обретались в земле, где царила тень смерти, и вот над ними воссиял свет… Среди нас есть рожденное Дитя, и среди нас дарованный нам Сын: на плечи Его ляжет груз правления… И росту правления Его и миру Его не будет границ, и царству Его, что укрепит Он справедливостью и правом отныне и навеки…» Так веришь ли ты пророкам, о мой хозяин? А теперь, Есфирь, подай мне слово Господа, явившегося Михею[101].

Дочь протянула ему просимый им свиток.

— «Но ты, — снова начал читать он, — но ты, Вифлеем, хотя и ничтожен среди тысяч городов Иудеи, из стен твоих явится предо мною Тот, Кто станет править Израилем». Это был Он, то самое дитя, которое видел в пещере Балтазар и которому он поклонился. Веришь ли ты пророкам, о мой

---

[100] Примечания: 100

Исайя — один из так называемых великих пророков, живший в VIII в. до н. э. Автор ветхозаветной Книги пророка Исаии.

[101] Примечания: 101

Михей — один из так называемых малых пророков, живший в Палестине в VIII в. до н. э. Автор Книги пророка Михея.

хозяин? Дай мне, Есфирь, слова Иеремии[102].

Получив из рук дочери и этот свиток, он прочел:

— «Узри, вот пришли дни, сказал Господь, когда Я высоко вознесусь в роду Давидовом, и Царь будет править и процветать, и установит Он справедливость и право по всей земле. Во дни Его Иудея будет спасена, а Израиль обретет спокойствие». Он будет править как царь — как царь, о мой хозяин! Веришь ли ты пророкам? А теперь, дочь моя, дай мне свиток со словами того сына Иудеи, на котором нет ни единого темного пятна.

Есфирь подала ему Книгу пророка Даниила[103].

— Слушай же, мой хозяин, — начал старик. — «Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий… И Ему дана была власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится». Веришь

---

[102] Примечания: 102

Иеремия — один из великих пророков, живший в конце VII в. — начале VI в. до н. э. Его авторству приписывается ряд книг Ветхого Завета: Книга пророка Иеремии, Плач Иеремии и Послание Иеремии.

[103] Примечания: 103

Даниил — еврейский пророк времени Вавилонского пленения. Автор ветхозаветной Книги пророка Даниила.

ли ты пророкам, о мой хозяин?

— Довольно, я верю, — воскликнул Бен-Гур.

— Что же тогда? — спросил Симонидис. — Если Царь явится нищ, то разве мой хозяин от избытка своего не поможет Ему?

— Помочь Ему? Да, вплоть до последнего шекеля и до последнего вздоха. Но почему мы говорим, что Он явится нищ?

— Дай мне, Есфирь, слово Господа нашего, когда Он явился Захарии[104], — велел Симонидис.

Дочь снова протянула ему один из свитков.

— Слушай же о том, как Царь вошел в Иерусалим.

Произнеся это, старик принялся читать:

— «Ликуй от радости, дщерь Сиона… се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной».

Бен-Гур отвел взор от старика.

— Что ты увидел при этих словах, о мой хозяин?

— Рим! — сумрачно ответил тот. — Рим с его легионами. Я жил вместе с ними в их военных лагерях. Я знаю их.

---

[104] Примечания: 104

Захария — малый пророк VI в. до н. э., автор ветхозаветной Книги пророка Захарии.

— Ах! — воскликнул Симонидис. — Ты станешь командовать легионами Царя, и миллионы воинов будут у тебя под началом.

— Миллионы? — переспросил Бен-Гур.

Симонидис несколько мгновений сидел, размышляя.

— Вопрос мощи не должен беспокоить тебя, — наконец произнес он.

Бен-Гур вопросительно посмотрел на него.

— Тебе было видение кроткого Царя, вступавшего в столицу, — отвечал Симонидис, — бывшего по правую руку от тебя, а по левую руку стояли закованные в бронзу легионы Цезаря, и ты спрашивал себя: «Что он может сделать?»

— Именно это я и думал.

— О мой хозяин! — продолжал Симонидис. — Ты не знаешь, сколь силен наш Израиль. Ты считаешь его жалким стариком, рыдающим на берегах рек вавилонских. Но ступай в Иерусалим во время праздника Песах и встань на Ксистусе или на улице Менял, и ты увидишь, каков он есть. Завет Господа нашего, данный Им отцу нашему Иакову, оставался законом для нашего народа, и по завету этому сыны Израиля не переставали множиться — даже во время пленения. Они росли числом под пятой египтян, стиснутые

римским кулаком, они спокойно множились и крепли; ныне же они воистину стали «народом и сборищем народов». Но это еще не все, мой хозяин. Чтобы правильно оценить силу Израиля — а сделать это надо, чтобы понять, что может сделать Царь, — ты не должен уповать только на природный рост народа нашего. Я имею в виду распространение веры, которая может унести тебя до самого края ведомой нам земли. Еще в обычае нашем есть, я знаю это, думать и говорить об Иерусалиме как о Израиле. Обычай этот можно сравнить с тем, как если бы мы нашли кусок вышитой материи и считали бы ее церемониальным одеянием цезаря. Иерусалим есть только краеугольный камень Храма или подобен сердцу в теле человека. Перестань взирать на легионы, хоть и сильны они силою своею. Обрати взгляд свой и сочти воинство верных тех, кто лишь ждет старинного клича: «К шатрам твоим, о Израиль!» Сочти братьев наших в Персии, детей тех, кто не вернулся из пленения; сочти тех, коими кишат стогны Египта и берега Африки; сочти еврейских колонистов, ищущих долю свою на Западе — в Лодинуме[105] и в торговых городах Испании.

---

[105] Примечания: 105

Лодинум — античное название Лондона.

Сочти чистых кровью и прозелитов в Греции и на морских островах, на берегах Понта и здесь, в Антиохии; тех, кто по этой же причине живет в городах, лежащих в нечистой тени стен самого Рима. Сочти поклоняющихся Господу нашему в шатрах пустынь, лежащих вокруг нас, и в пустынях вдоль Нила; и в просторах степей вокруг Каспия. Не забудь и тех, что живут в пределах вплоть до древних стран Гога и Магога[106], тех, кто, отдаленные от нас неисчислимыми расстояниями, каждый год посылают дары Святому Храму в знак благодарения Богу — пусть они и далеко от нас, но мы можем рассчитывать и на них. Когда же ты сочтешь их, смотри! мой хозяин: вот сколько вооруженных рук ждет, чтобы ты принял их под свое начало; смотри! вот целое царство создано для Того, Кто грядет восстановить «справедливость и правосудие по всей земле» — и в Риме не в меньшей степени, чем в Сионе. Вот и ответ на твой вопрос: «Что может сделать Израиль, то может сделать и Царь».

Картина эта была нарисована молчаливым слушателям со всем жаром сердца старика.

На Илдерима слова Симонидиса произвели

[106] Примечания: 106

Гог и *Магог* — упоминаемые в Откровении Иоанна Богослова (Откр. 20: 7) народы, ведомые сатаной в Армагеддон против царства Божия.

действие, подобное звуку боевой трубы.

— О, если бы я мог снова стать молодым! — воскликнул он, вскочив на ноги.

Бен-Гур же не двинулся с места. Все сказанное, он понимал это, было приглашением посвятить всю свою жизнь и состояние загадочному Существу, которое было в центре величайших надежд как Симонидиса, так и благочестивого египтянина. Идея, как мы видели, время от времени уже представала перед ним — впервые, когда он слушал Маллуха в роще Дафны; затем, более определенно, когда Балтазар излагал перед ним свою концепцию, чем должно быть грядущее царство; еще позднее, во время прогулки по старому Пальмовому саду, она едва не сменилась решимостью. Но всякий раз она являлась и уходила только как идея, сопровождаемая более или менее острым чувством. Не так обстояло дело теперь. Ее выносил в своей душе знаток людей, он проработал все ее частности и преподнес слушателям как дело блестящее по своим возможностям и, безусловно, святое. Все это было похоже на то, словно доселе невидимая дверь вдруг отворилась, залив Бен-Гура светом и открыв ему доступ к поприщу, бывшему его единственной мечтой, — поприщу, чреватому блестящим будущим, великолепным

воздаянием за труды и удовлетворением его амбиций. Достаточно было лишь одного прикосновения.

— Что ж, давайте допустим все, что ты нам сказал, о Симонидис, — произнес Бен-Гур. — Что явится Царь и Царство Его будет столь же славно, как и царство Соломона; допустим также, что я готов отдать свою жизнь и все, что я имею, Ему и Его делу. Более того, предположим, что я признаю, что столь быстрое и неожиданное обретение мною громадного состояния является промыслом Господним для Его целей; но что тогда? Должны ли мы начинать труды наши подобно слепцам, строящим здание? Или мы должны дождаться явления Царя в мире? Или дождаться того, когда Он пошлет за мной? У вас есть возраст и опыт. Ответьте же мне.

Симонидис оказался готов к этому.

— Выхода у нас так и так нет. Это послание, — и при этих словах он взмахнул письмом Мессалы, — это послание является сигналом к началу действий. Мы недостаточно сильны, чтобы противостоять альянсу Мессалы и Грата; у нас нет ни влияния в Риме, ни достаточных сил здесь. Если мы будем ожидать, нас просто уничтожат. Сколь милосердны эти люди, ты можешь судить,

глядя на меня. — Он передернул плечами при воспоминаниях о пережитом. — Мой добрый хозяин, — продолжил он, овладев собой, — сколь ты стоек в своей цели?

Бен-Гур вопросительно посмотрел на старика — вопрос был ему непонятен.

— Я еще помню, сколь сладки соблазны мира для юноши, — пояснил Симонидис.

— Да, — кивнул головой Бен-Гур. — Но ведь ты оказался способен на самопожертвование.

— Да, во имя любви.

— Разве не может жизнь побудить других к столь же великому?

Симонидис в раздумье покачал головой:

— Это честолюбие.

— Но честолюбие запрещено сыну Израиля.

— Тогда что же — месть?

Под серым пеплом блеснул огонь; глаза старика сверкнули, пальцы задрожали, и он быстро ответил:

— Месть — законное право евреев; так гласит закон.

— И верблюд, и собака помнят причиненные им обиды! — воскликнул Илдерим.

Симонидис тут же подхватил оборванную было нить своих размышлений:

— Есть работа, работа для Царя, которая должна быть сделана еще до Его прихода. Мы можем не сомневаться, что Израиль будет Его правой рукой; но, увы, это рука мирная, не искусная в делах военных. Среди миллионов Его сынов нет ни отряда воинов, ни их предводителя. Наемников Ирода я не считаю, потому что их держат, чтобы при случае послать против нас же. Именно так все и было задумано римлянами; их политика хорошо послужила тирании; но настало время перемен, когда пастырь должен облачиться в броню, взять в руку копье и меч, а пасомые им стада превратиться в сражающихся львов. Кто-то, сын мой, должен занять место рядом с Царем по правую руку от него. Кто это должен быть, как не ты, хорошо знающий это ремесло?

Лицо Бен-Гура вспыхнуло румянцем при мысли о подобном будущем. Вслух же он произнес:

— Я понял, но говори все же проще. Одно дело — то, что надо сделать; но как это сделать — вот в чем вопрос.

Симонидис сделал глоток вина, принесенного Есфирью, и ответил:

— Шейх и ты, мой господин, — вы станете главными организаторами. У каждого из вас будет своя часть работы. Я останусь здесь, продолжая

вести дела, как и сейчас, и буду следить за тем, чтобы источник средств не пересыхал. Вам же предстоит отправиться в Иерусалим и оттуда и вплоть до пустыни начать пересчитывать людей, способных и готовых сражаться, разбивать их на десятки и сотни, выбирать для них офицеров, а потом в тайных местах готовить армии, для которых я буду поставлять припасы. Начав с Переи[107], вы затем перейдете в Галилею, откуда всего лишь один шаг до Иерусалима. В Перее за вашей спиной будет пустыня, откуда рукой подать до владений Илдерима. Он будет контролировать все пути, и ничто не сможет ускользнуть от вашего внимания. Он станет твоим помощником во многих вопросах. Вплоть до того, как придет время, никто не узнает, к чему все эти приготовления. Я же буду заниматься обеспечением всего. Я уже говорил об этом с Илдеримом. Что скажешь на все это ты?

Бен-Гур взглянул на шейха.

— Все обстоит именно так, как он тебе сказал, сын Гура, — ответил на его безмолвный вопрос араб. — Я дал слово, и он удовольствовался им; но ты должен будешь тоже принять мою клятву,

---

[107] Примечания: 107

Перея — местность в античной Палестине восточнее реки Иордан. Вместе с Галилией входила в тетрархию Ирода Антипы *(ист.).*

которая свяжет меня, и тогда в твоем распоряжении будут руки людей моего племени и все то, чем я смогу быть тебе полезным.

Все трое — Симонидис, Илдерим и Есфирь — не отрываясь смотрели на Бен-Гура.

— Каждый человек, — произнес он в ответ, поначалу с горечью в голосе, — имеет свою чашу удовольствий, наполненную для него, и рано или поздно он получает ее в свои руки и пьет из нее — любой человек, кроме меня. Я прекрасно понимаю, Симонидис, и ты, о щедрый шейх! — я понимаю, к чему приведет меня это предложение. Если я приму его и вступлю на этот путь, то позабуду мир и покой, а также все, что с этим связано. Двери спокойной жизни будут закрыты у меня за спиной и никогда больше не откроются, поскольку они в руках Рима; его загонщики и его охотники будут преследовать меня; я смогу найти приют и съесть свой хлеб только в гробницах вокруг городов и в забытых всеми пещерах далеких гор.

Слова эти были прерваны всхлипом. Все взгляды обратились на Есфирь, которая спрятала лицо, уткнувшись в плечо отца.

— Я не подумал о тебе, Есфирь, — мягко произнес Симонидис, сам глубоко тронутый.

— Все в порядке, Симонидис, — сказал Бен-Гур. — Человек должен делать свой выбор, зная, что ему предстоит. Позвольте же мне продолжить.

Все присутствующие снова обратились в слух.

— Я хотел только сказать, — продолжал он, — что у меня нет выбора, как только принять долю, которую вы мне уготовили; поскольку остаться здесь — значит встретить позорную смерть. Лучше уж погибнуть за нечто стоящее.

— Занесем ли мы все это на бумагу? — спросил Симонидис, возвращаясь к привычной ему роли дельца.

— Я полагаюсь на ваше слово, — ответил на это Бен-Гур.

— Я тоже, — склонил голову и Илдерим.

Вот так и было заключено соглашение, которое изменило жизнь Бен-Гура. Сам же он завершил все это словами:

— Ну вот, дело и сделано.

— Да поможет нам Бог Авраама! — возвел очи горе Симонидис.

— Еще одно слово, друзья мои, — сказал Бен-Гур на этот раз более веселым тоном. — После вашего ухода я останусь сам по себе вплоть до начала игр. Маловероятно, что Мессала станет

предпринимать что-нибудь против меня, пока не получит ответ прокуратора; а это вряд ли случится ранее дней семи с момента отправки его письма. Ради встречи с ним в цирке я готов рискнуть буквально всем.

Илдерим, обрадованный таким решением, с готовностью одобрил его. Даже Симонидис, более сосредоточенный на сути дела, добавил:

— Неплохо, о мой хозяин, такая отсрочка даст мне время сделать кое-что для тебя. Как я понял по твоим словам, у тебя есть некое наследство от Аррия. Оно заключено в недвижимости?

— Вилла неподалеку от Мизен и дома в Риме.

— Тогда я предлагаю продать эту собственность и приберечь средства для нашего дела. Дай мне оценку этой недвижимости, и тогда я урегулирую отношения с властями и отправлю доверенного человека заниматься продажей. Мы должны опередить имперских грабителей по крайней мере в этом отношении.

— Такой список ты получишь завтра.

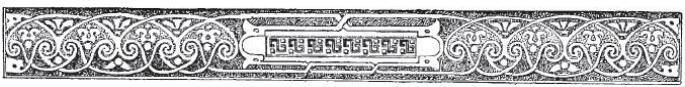
— Тогда, если ни у кого больше нет вопросов, на сегодня все, — подвел итог Симонидис и добавил: — Принеси нам еще хлеба и вина, Есфирь. Шейх Илдерим почтит наш дом, оставшись у нас до утра или сколько ему будет угодно, а ты, о мой

хозяин…

— Вели привести лошадей, — ответил Бен-Гур. — Я возвращусь в Пальмовый сад. В темноте ночной враги наши не смогут узнать меня, если я отправлюсь прямо сейчас, и, — здесь он бросил взгляд на Илдерима, — четверо моих подопечных будут рады увидеть меня.

Заря едва занималась на небе, когда он и Маллух спешились у входа в шатер.

Глава 9
Есфирь и Бен-Гур

На следующий день, около восьми часов вечера, Бен-Гур стоял с Есфирью на террасе большого склада. Под ними, на площадке перед входом на склад, еще кипела работа: сновали люди, перетаскивая с места на место тюки и ящики с товарами. Их полуобнаженные тела в колеблющемся свете факелов блестели от пота, наводя на воспоминания о трудолюбивых джиннах из арабских сказок. Товары в спешке грузились на галеры, которые были готовы тут же сняться с якорей и отправиться в путь. Симонидис все еще оставался в своей конторе, давая последние указания капитану галеры: без всяких промежуточных заходов в порты следовать в Остию[108], высадить там пассажира и уже не так спешно направиться

[108] Примечания: 108
Остия — портовый город в устье Тибра.

в Валентию[109] на побережье Испании.

Пассажиром этим был доверенный агент Симонидиса, которому предстояло распорядиться имуществом, полученным Бен-Гуром в наследство от дуумвира. Стоя на террасе, молодой человек думал о том, что, когда мачты судна скроются из виду, он уже не сможет отказаться от участия в том предприятии, которое они втроем задумали накануне. Если же он решит разорвать соглашение с Илдеримом, то у него остается совсем немного времени, чтобы известить об этом старого араба. Он остается хозяином, и достаточно одного его слова.

Вокруг этого и крутились сейчас его мысли. Он стоял у парапета, скрестив на груди руки, глядя на разворачивающуюся перед ним картину с видом человека, спорящего с самим собой. Молодой, красивый, богатый, из высших патрицианских кругов римского общества, он вполне мог рассчитывать на наслаждение всеми прелестями окружающего его мира, вместо того чтобы обрекать себя на исполнение тяжкого долга или идти навстречу опасностям, рискуя оказаться вне закона. Мы можем лишь догадываться о тех

---

[109] Примечания: 109
Современная Валенсия.

аргументах, которыми он убеждал себя: безнадежность соперничества с Цезарем; плотный покров неопределенности на всем, связанном с Царем и Его приходом; ясное и почетное положение в обществе, покупаемое подобно товарам на рынке; и сильнее всего — только что обретенное чувство своего дома, которое делали еще больше восхитительным его новые друзья.

Скажем и от себя: окружающий мир всегда манит слабого своими прелестями, всегда нашептывает ему: «Отдохни, расслабься, не принимай окружающее так близко к сердцу».

— Ты когда-нибудь бывала в Риме? — спросил Бен-Гур.

— Никогда, — ответила Есфирь.

— А хотела бы там побывать?

— Думаю, что нет.

— Почему?

— Я боюсь Рима, — ответила она с заметной дрожью в голосе.

Он взглянул на нее — или, скорее, взглянул сверху вниз, потому что рядом с ним она казалась лишь немногим выше подростка. В царившем полумраке невозможно было разглядеть ее лицо; только нежный овал слабо белел в полутьме. И снова он вспомнил о Тирце — словно бы пропав-

шая сестра стояла сейчас рядом с ним на крыше их дома в то ужасное утро происшествия с Гратом. Бедная Тирца! Где-то она сейчас?

Есфирь давно вызывала в Бен-Гуре нежные чувства. Пусть не как на сестру; но он не мог смотреть на нее как на свою рабыню; а то обстоятельство, что она на самом деле была его рабыней, побуждало его быть как можно заботливее и нежнее по отношению к ней.

— Я не могу думать о Риме, — продолжала она, справившись со своими чувствами, — я не могу думать о Риме как о городе дворцов и храмов, населенном множеством людей. Для меня это чудовище, завладевшее одной из красивейших стран и завлекающее туда людей им на погибель; чудовище, с которым невозможно справиться; прожорливый зверь, питающийся плотью и кровью людской. Но почему…

Голос ее прервался, она потупила взор и остановилась.

— Продолжай, — ободряюще попросил он.

Она придвинулась ближе к нему, снова взгля-

нула ему в лицо и сказала:

— Но почему тебе надо враждовать с ним? Почему бы не заключить с ним мир и жить спокойно? Тебе пришлось испытать много тягот и преодолеть их; ты избежал ловушек, расставленных тебе врагами. Дни твоей юности были исполнены горя, так почему бы теперь тебе не жить в тиши и довольстве?

Девичье лицо под его взглядом побледнело, будто бы она молила его о чем-то. Он тоже остановился и мягко спросил:

— Что бы ты хотела, чтобы я сделал, Есфирь?

Несколько секунд она колебалась, потом, в свою очередь, спросила:

— У тебя есть вилла вблизи Рима?

— Да.

— И красивая?

— Просто великолепная — настоящий дворец в глубине сада с аллеями; повсюду фонтаны; в тени деревьев белеют статуи; все холмы вокруг покрыты виноградом. Холм, на котором стоит дворец, так высок, что с него видны Неаполь и Везувий вдалеке, а внизу играет темно-фиолетовыми волнами море, усеянное бесчисленными парусами. Совсем неподалеку от меня поместье цезаря, но в Риме говорят, что вилла старого Аррия куда

изысканнее.

— А как там жизнь — спокойная?

— Как нельзя более спокойная и тихая что в летний день, что в лунную ночь, если только не нагрянут гости. Теперь, когда прежний ее владелец покинул этот мир и на ней поселился я, ничто не нарушает тишины и спокойствия этого места — разве что шепот рабов, или пение счастливых птиц, или тихий плеск фонтанов. На ней все неизменно, только старые цветы поникают и вянут, а новые расцветают и благоухают; да еще солнечные лучи порой уступают место легкой тени от проплывающего облака. Но жизнь там, Есфирь, была слишком тихой для меня. Мне не давала покоя мысль, что я, который должен был так много сделать, погряз в безделье, дал связать себя шелковыми цепями и скоро — достаточно скоро — так и умру, ничего не сделав.

Она отвела взгляд.

— Но почему ты спросила об этом? — произнес он.

— Видишь ли, хозяин…

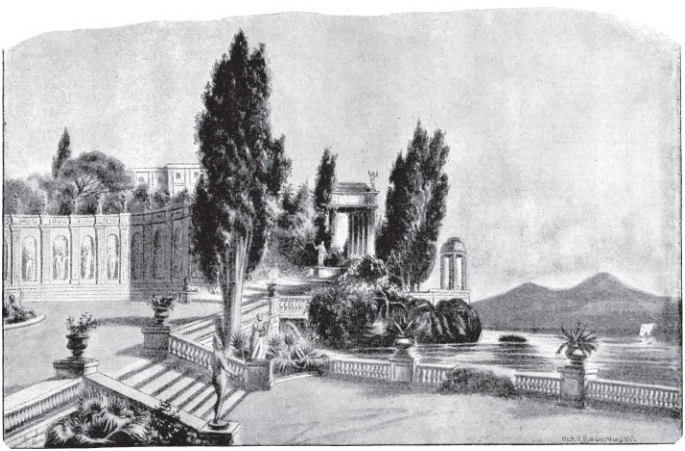
— Нет-нет, Есфирь, не надо так. Зови меня другом, если хочешь — братом; но я не твой хозяин и никогда им не буду. Зови меня своим братом.

Ему не дано было заметить радостную улыбку

девушки, ее порозовевших щек и заблестевших глаз.

— Я не могу понять, — сказала она, — почему ты предпочитаешь ту жизнь, которую сейчас ведешь, жизни… жизни…

— …Полной жестокости, а может быть, и крови, — закончил он за нее.

— Да, — кивнула она головой, — не могу по-

нять, как ты можешь предпочесть такую жизнь той жизни, которой бы мог жить на своей прекрасной вилле.

— Есфирь, ты ошибаешься. Это отнюдь не предпочтение. Увы! Рим вовсе не так уж великолепен. Я иду на это по необходимости. Остаться здесь — значит умереть; но если я возвращусь в Рим, конец будет таким же: от чаши с ядом, ножа наемного убийцы или по приговору судьи, вынесенному на основании лжесвидетельства. Богатство Мессалы и прокуратора Грата добыто грабежом состояния моего отца; и для них необходимо сохранить то, что они когда-то заполучили. Решить дело миром для нас невозможно, потому что мы разных вероисповеданий. А потом… потом… Ах, Есфирь, если бы даже я мог купить их, я бы не стал этого делать. Я не верю, что для меня возможен мир с ними; нет, он невозможен даже в дремотной тени и сладком воздухе моей старой виллы — и не важно, кто разделит ее со мной, чтобы помочь мне нести бремя этих дней. Да и покой невозможен для меня, пока мои родные пребывают в неизвестности, потому что я обязан сделать все возможное, чтобы найти их. Но если я найду их изнемогающими в страданиях, разве не должен виновник этого понести достойное

наказание? А если их уже нет в живых, разве могут убийцы ускользнуть от моей мести? О, я не могу дремать и грезить! Даже самая святая любовь не сможет заставить меня отказаться от этих планов.

— Неужели все так плохо? — спросила Есфирь дрожащим от нахлынувших чувств голосом. — И ничего, совсем ничего нельзя сделать?

Бен-Гур взял ее за руку.

— Ты так беспокоишься обо мне?

— Да, — просто ответила она.

Рука девушки, маленькая и теплая, утонула в его ладони. Он ощутил дрожь ее пальцев. И тут опять перед ним возник образ египтянки, во всем отличающейся от этой девушки, — высокой, дерзкой, искусной льстицы, с живым умом, восхитительной красотой и очаровательными манерами. Он прижался к руке губами и разжал пальцы.

— Ты должна заменить мне Тирцу, Есфирь.

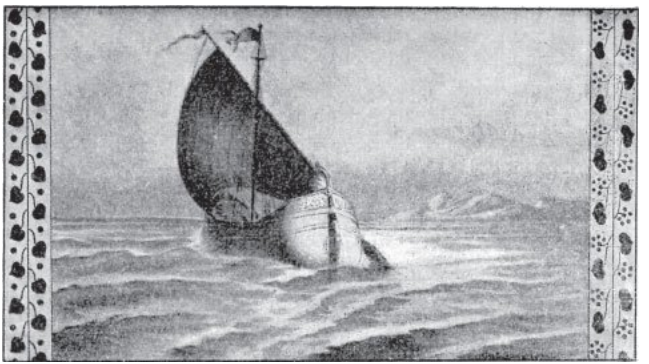
— А кто такая Тирца?

— Моя младшая сестра, которую римляне похитили у меня и которую я должен найти, иначе мне не будет ни сна, ни покоя.

На террасу упал луч света из открывшейся двери и осветил их. Обернувшись, они увидели

слугу, выкатившего из двери кресло с Симонидисом. Бен-Гур и Есфирь приблизились к купцу, и разговор перешел в другое русло.

Очертания галеры стали исчезать во мраке. Совершив разворот, в дымном свете факелов и под крики матросов она устремилась в открытое море — оставив Бен-Гура предаваться раздумьям о Царе, Которому суждено явиться.

Глава 10
Заявлены для участия в скачках

За сутки до начала соревнований, во второй половине дня, все необходимое для скачек было перевезено из становища Илдерима в город и размещено в помещениях у цирка. Наряду с оборудованием шейх велел захватить и много чего еще; так что караван с рабами, лошадьми, груженными телегами и ревущими верблюдами больше напоминал переселение племени из Пальмового сада на новое место. Зеваки на обочинах дороги не могли удержаться от смеха, глядя на это зрелище; но надо заметить, что при всей его вспыльчивости старый араб нимало не был задет их грубостью. Если за ним велась слежка, как он имел все основания полагать, то соглядатай смог бы довести до сведения своих римских хозяев лишь картину кочевья орды варваров. Римляне, конечно, от души посмеются, горожане позлословят, но какое ему дело до всего

этого? На следующее утро этот караван будет далеко на дороге в пустыню, и с ним уйдет все, что хоть сколько-нибудь ценно для племени — за исключением того, что существенно необходимо для скачек и триумфа его четверки. По существу, он отправлялся к себе домой — все шатры были свернуты, становища уже не существовало; так что те, кому это угодно, могли ловить их с таким же успехом, как и ветер в поле. В наибольшей безопасности человек находится тогда, когда над ним смеются; и старый умный араб прекрасно знал это.

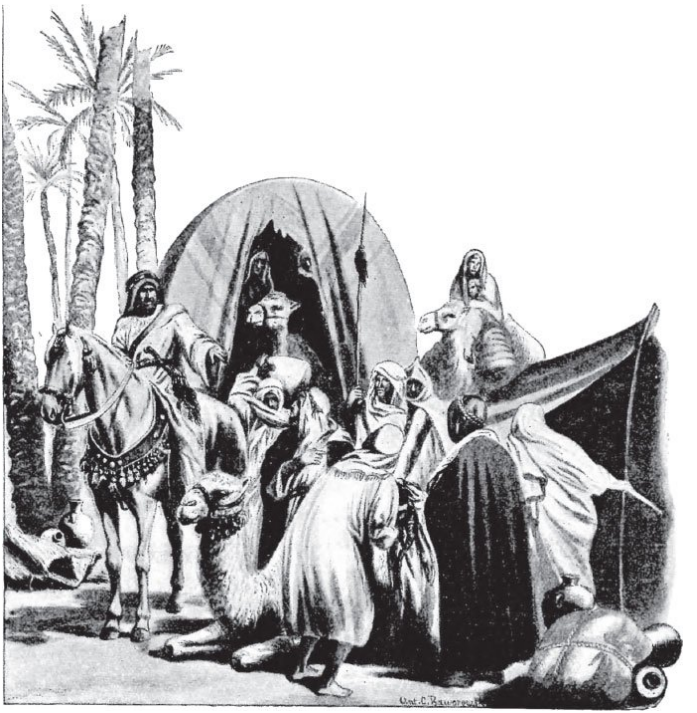
Ни он, ни Бен-Гур не переоценивали влияния Мессалы; по их расчетам, он не станет предпринимать против них никаких действий до тех пор, пока они не встретятся на арене цирка. Если же Мессала потерпит там поражение, и в особенности от Бен-Гура, то тогда нужно ждать от него самого плохого; он скорее всего не будет даже дожидаться совета от Грата. Исходя из этого, они спланировали свои действия и были готовы держаться подальше от возможной опасности. Сейчас они скакали рядом, в хорошем расположении духа, исполненные уверенности в победе на завтрашних скачках.

По дороге они заметили поджидавшего их

Маллуха. Верный их товарищ ни единым знаком не показал, что знает об отношениях, которые с недавнего времени связывали Бен-Гура и Симонидиса, или о соглашении между ними и Илдеримом. Он поприветствовал их и протянул шейху несколько бумаг:

— Мне удалось достать бумагу от устроителей игр, только что вышедшую, в которой вы сможете найти список всех участников и их лошадей. Там вы прочитаете и расписание тренировок. Не дожидаясь результатов, дорогой шейх, я заранее поздравляю вас с победой в гонках.

С этими словами он оставил почтенного шейха изучать бумаги и повернулся к Бен-Гуру.

— Мои поздравления и тебе, сын Аррия. Теперь

уже ничто не помешает тебе встретиться с Мессалой. Мы выполнили все условия, необходимые для участия в играх. Сам устроитель игр заверил меня, что все в порядке.

— Благодарю тебя, Маллух, — с чувством произнес Бен-Гур.

Маллух продолжал свой доклад:

— Твой цвет — белый, у Мессалы цвета смешанные, алый и золотой. Добрый знак такого выбора виден уже повсюду. Мальчишки уже сейчас развешивают по всем улицам белые ленты; завтра каждый араб и каждый еврей в городе будут носить их на своей одежде. В цирке же ты увидишь, что все галереи будут украшены пополам белым и красным.

— Да, галереи, но не трибуны для именитых зрителей.

— Да, там будут царить алый и золотой. Но если мы выиграем скачки, — Маллух улыбнулся при одной только мысли об этом, — если мы выиграем, как будут беситься эти надутые индюки! Ведь они делают ставки на пари, исходя из своего презрения ко всему неримскому — два, три, пять к одному на Мессалу, поскольку он римлянин.

Понизив голос, он добавил:

— Становится плохо при одной только мысли

о том, что некий еврей с высоким положением в Храме собирается поставить свои деньги по таким ставкам; но у меня есть друг в кругах, близких к консулу, и я приватно попросил его принять пари по любым ставкам — три, пять или десять к одному, как бы высоко они ни взлетели, пусть это даже и совершенное безумие. На эти цели я предоставил в его распоряжение шесть тысяч шекелей.

— Нет, Маллух, — покачал головой Бен-Гур. — Римлянин будет делать ставки только римской монетой. Найди-ка ты вечером своего друга и замени шекели сестерциями на ту же сумму. И еще, Маллух, попроси его заключить пари с Мессалой и его приверженцами: четверка Илдерима против лошадей Мессалы.

Маллух несколько секунд размышлял.

— Это станет главным событием вашего заезда.

— Именно этого я и добиваюсь, Маллух.

— Понятно, понятно.

— Ах, Маллух, помоги мне как следует! Я хочу привлечь все взоры к нашему заезду с Мессалой.

— Это вполне можно устроить.

— Так сделай же это, — попросил Бен-Гур. — Сумма ставок привлечет всеобщее внимание;

а если такое пари будет принято, то еще лучше.

Маллух вопросительно посмотрел на Бен-Гура.

— Разве не должен я получить часть украденных у меня денег в качестве компенсации? — спросил Бен-Гур, словно разговаривая сам с собой. — Другой такой возможности может и не представиться. Если бы я смог не только уязвить его гордость, но и его состояние! Отец наш Иаков вряд ли усмотрел бы в этом какой проступок.

Убежденность в своей правоте придавала особую значительность его словам.

— Что ж, да будет так! Послушай, Маллух! Не скупись, предлагая сестерции. Если кто-нибудь рискнет на такие ставки, то ставь талантами. Пять, десять, двадцать талантов; да пусть даже пятьдесят, если будет ставить сам Мессала.

— Это огромная сумма, — сказал Маллух. — Я должен подстраховаться.

— Безусловно. Ступай к Симонидису и скажи ему, что я хочу так поступить. Скажи, что я ожесточился сердцем и намерен уничтожить моих врагов, что судьба дает мне великолепный шанс сделать это. С нами Бог отцов наших! Ступай, Маллух, и не упусти этого шанса.

И Маллух, восхищенный обрисовавшейся возможностью, распрощался с друзьями и уже

развернул было своего коня, но тут же возвратился.

— Прошу прощения, — обратился он к Бен-Гуру. — Есть еще одно дело. Я сам не смог подобраться к колеснице Мессалы, но по моему поручению ее обмерили. Так вот: те, кто сделал это, уверяют, что ступицы ее колес на целую ладонь выше от земли, чем у твоей.

— На целую ладонь! Так много? — радостно воскликнул Бен-Гур. Затем он склонился с седла к Маллуху: — Поскольку ты верный сын Иудеи, Маллух, и предан своим сородичам, то займи место на галерее над Триумфальными воротами, поближе к балкону, который расположен перед столбами, и внимательно следи, когда мы будем делать поворот. Следи как следует, потому что, если мне повезет, я буду… Нет, Маллух, не буду говорить об этом, чтобы не сглазить! Но ты обязательно займи там место и смотри во все глаза.

В этот момент Илдерим удивленно вскрикнул:

— Ха! Клянусь славой Господней! Что это такое?

Он приблизился к Бен-Гуру, указывая пальцем на одну из строк объявления о скачках.

— Читай, — попросил его Бен-Гур.

— Нет, лучше уж ты.

Бен-Гур взял в руки бумагу, которая, будучи подписанной префектом провинции, объявляла для всеобщего сведения программу предстоящих празднеств. Сначала должна была пройти процессия необычайной пышности, затем состояться служба в честь бога Консуса, после чего игры считались открытыми. Дальше в бумаге расписывались соревнования по бегу, прыжкам, борьбе и кулачному бою — здесь назывались имена участников, их национальность, тренерские школы, виды соревнований, в которых они принимали участие, завоеванные ими награды, а также награды в состязаниях нынешних. Несколько ниже большими цифрами объявлялись суммы денег, причитающиеся победителям игр, возвещая о навсегда канувших в Лету временах, когда победители считали для себя вполне достаточным простой пальмовый или лавровый венок, жаждали славы и сражались за нее, а не ради денег.

Бен-Гур быстро пробежал глазами эту часть программы и нашел объявление о конных скачках. Здесь он принялся читать куда медленнее. Любители этого героического вида спорта были убеждены, что Орестейские состязания такого рода, проводимые в Антиохии, не имеют себе подобных во всем мире. Город предлагал в честь

консула великолепное зрелище. В качестве приза победителю называлась сумма в сто тысяч сестерциев и лавровый венок. Затем следовали детали. В шести заездах участвовали только колесницы, запряженные четверками лошадей; затем победители заездов, к вящему интересу зрителей, должны были соревноваться между собой. Еще ниже приводились данные по каждой из участвующих в гонках четверок:

«I. Четверка Лисиппа Коринфянина — два серых, гнедой и вороной; впервые участвовали в состязаниях в Александрии в прошлом году и в Коринфе, где взяли приз. Колесничий — Лисипп. Цвет желтый. Четверка Мессалы из Рима — два белых, два вороных; победители Цирценсианских скачек, состоявшихся в прошлом году в Колизее. Колесничий — Мессала. Цвета алый и золотой. Четверка Клеонта Афинянина — три серых, один гнедой; победители Истмийских игр прошлого года. Колесничий — Клеонт. Цвет серый. Четверка Диксоса Византийца — два вороных, один серый, один гнедой; победители игр прошлого года в Византии. Колесничий — Диксос. Цвет черный. Четверка Адмета Сидонянина — все серые. Трижды выступали в Кесарии и трижды выигрывали гонки. Колесничий — Адмет. Цвет

голубой. Четверка Илдерима, шейха Пустыни. Все четверо гнедые; на гонках выступают впервые. Колесничий — еврей Бен-Гур. Цвет — белый».

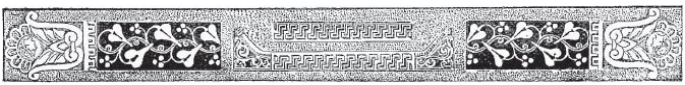
Колесничий — еврей Бен-Гур!

Но почему Бен-Гур, а не Аррий?

Бен-Гур поднял взгляд на Илдерима. Он понял, почему араб издал недоуменный вскрик. Оба друга пришли к одному и тому же выводу.

Это было дело рук Мессалы!

Глава 11
Ставки на скачках

На Антиохию едва начал опускаться вечер, когда из Омфалуса, квартала неподалеку от центра города, во все стороны потянулись толпы народа. Наступали часы, отведенные по обычаю Вакху и Аполлону.

Больше всего праздных гуляк направлялось к Нимфеуму и Колоннаде Ирода. Да и, сказать по правде, невозможно было представить себе ничего более приспособленного для такого времяпрепровождения, чем эти широкие, крытые сверху улицы с тянущимися на целые мили галереями, вырубленными из мрамора, отполированного до последней степени совершенства. Вечерняя тьма еще не успела сгуститься над городом, а эти галереи и улицы уже наполнились пением, смехом и веселыми криками. Звуки, смешиваясь и отражаясь от стен, более всего напоминали шум потоков, бегущих сквозь вереницу гротов,

порождавших громкое эхо под их сводами.

Множество людей самых различных национальностей, иные из которых своим видом могли изрядно озадачить непривычного к такому зрелищу приезжего, не было исключительной особенностью одной только Антиохии. Громадная империя, преследуя свои цели и решая свои задачи, вовлекала в этот процесс людей различных наций, по ходу дела знакомя их друг с другом, с одеждами, обычаями, наречиями и богами всех стран обитаемого мира. Порой такой конгломерат народов оседал в том или ином месте надолго — тогда там начиналась торговля, шли дела, строились здания и возводились алтари самых различных богов.

Тем не менее были и особенности, на которые нам необходимо обратить внимание, говоря об этом вечере в Антиохии. Едва ли не каждый прохожий имел в своей одежде цвета того или иного из колесничих, заявленных для участия в завтрашних гонках. Порой это был шарф соответствующей расцветки, порой какая-то эмблема; очень часто в такой роли выступали лента или перо, обозначая пристрастия их владельца. Так, зеленый цвет обозначал друга Клеонта Афинянина, а черный — приверженца византийца. Все это

было проявлением обычая, восходившего, вероятно, еще ко дням Орестейских гонок, — обычая, кстати, вполне достойного изучения как факта истории, наглядно демонстрирующего всю абсурдность крайностей, когда человек, лелеющий свои прихоти, даже не замечает, что эти прихоти завладевают им целиком.

Зритель, приехавший в Антиохию по случаю здешних игр и познакомившийся с обычаем

ношения цветов соревнующихся на арене, очень скоро решил бы, что на улицах преобладают три цвета — зеленый, белый и алый с золотом. Но покинем улицы города и войдем под своды стоящего на острове дворца.

Залу ярко освещали пять громадных люстр, в которых совсем недавно были зажжены свечи. Собравшиеся в зале напоминали то общество, которое недавно предстало нашему читателю, когда он впервые попал в этот дворец. Оттоманки вдоль стен несли свой всегдашний груз спящих тел и сброшенных одеяний; от столов доносился сухой треск игральных костей. Но бóльшая часть компании не занималась вообще ничем. Они бесцельно бродили по зале, постоянно зевая, да время от времени, останавливаясь, обменивались ничего не значащими словами. Будет ли завтра хорошая погода? Закончены ли все приготовления к играм? Отличаются ли правила цирка в Антиохии от правил римского цирка? По правде сказать, все эти молодые люди отчаянно страдали от скуки. Они уже сделали то, зачем пришли сюда; поэтому мы можем, никем не замеченные, взглянуть на их табулы с записями, покрытые строками с письменными пари на завтрашние игры — пари на каждый из видов

соревнований: в беге, борьбе, в кулачных боях; на все виды состязаний, кроме гонок колесниц.

Почему пари на гонки не заключались?

Любезный читатель, ты просто не смог бы найти здесь такого человека, который рискнул бы поставить хотя бы один денарий против Мессалы.

Все присутствовавшие в зале носили на своей одежде только его цвета.

Никто не допускал даже мысли о возможности его поражения.

Разве он не готовился на тренировках самым лучшим образом? Разве не окончил он целый курс наук у самого императорского ланисты?[110] Разве его лошади не стали победителями Цирценсианских игр в Колизее? А потом — ведь он же римлянин!

В одном из углов залы на оттоманке непринужденно расположился сам Мессала. Перед ним стояли и сидели, донимая его расспросами, многочисленные почитатели. Естественно, разговор крутился вокруг предстоящих гонок.

В зале появились Друз и Цецилий.

— Ах! — воскликнул юный патриций, бросаясь

---

[110] Примечания: 110

Ланиста — тренер и начальник гладиаторов; владелец школы гладиаторов *(лат.).*

на оттоманку рядом с Мессалой. — Ах, клянусь Вакхом, я так устал!

— Куда направляешься? — спросил его Мессала.

— Да хочу просто прогуляться по улицам, может быть, загляну в Омфалус или еще куда-нибудь, кто знает? Везде пропасть народу, такого в городе еще не было. Говорят, завтра в цирке можно будет увидеть людей со всех концов земли.

Мессала презрительно рассмеялся:

— Идиоты! Те, кто так говорит, не видели Цирценсианских игр, которые устраивал сам цезарь. Но, мой Друз, что ты заметил?

— Да ничего особенного.

— О! Ты просто забыл! — заметил Цецилий.

— Что именно? — спросил Друз.

— Целую процессию белого цвета.

— Mirabile![111] — воскликнул Друз, едва не вскочив с дивана. — Нам встретилась целая группа приверженцев белого цвета, да к тому же под белым флагом! Но… ха-ха-ха! — С этими словами он вяло откинулся на спинку дивана.

— Друз, ты жесток. Но можешь не продолжать, если не хочешь, — сказал Мессала.

---

[111] Примечания: 111
О чудо! *(лат.).*

— Да это была просто какая-то мразь пустыни, мой Мессала, или оборванцы из храма Иакова в Иерусалиме. Что я должен был сделать с ними?

— Нет, — возразил Цецилий, — Друз просто боится, что его поднимут на смех, но я ничего не боюсь, мой Мессала.

— Ну тогда скажи ты.

— Что ж, мы остановили эту процессию, и…

— Предложили им пари, — прервал его Друз, снова беря нить разговора в свои руки. — И… ха-ха-ха! один из этих оборванцев вышел вперед и… ха-ха-ха!.. согласился. Я достал свои табулы. «Как твое имя?» — спросил я. «Бен-Гур, еврей», — ответил он. Тогда я: «Сколько ты ставишь? Какую сумму?» Он ответил… Но прости меня, Мессала, я не могу удержаться от смеха! Ха-ха-ха!

Слушатели подались вперед.

Мессала взглянул на Цецилия.

— Один шекель, — сказал тот.

— Шекель! Один шекель!

Все присутствующие разразились презрительным смехом.

— И как же поступил Друз?

Смех, гремевший в зале, перекрыл громкий голос:

— Благородный Друз принял это условие и —

проиграл целый шекель!

— Белый! Белый!

— Давайте их сюда!

— Сюда! Сюда!

Эти восклицания заполнили всю залу, заглушив остальные разговоры. Игроки в кости прервали свое занятие; спавшие на диванах стали просыпаться и, протирая глаза, достали свои табулы и поспешили к толпе, собравшейся вокруг Мессалы и его друзей.

— Я предлагаю…

— А я…

— Я…

Человеком, столь тепло встреченным присутствующими, оказался почтенный иудей, который был спутником Бен-Гура во время плавания с Кипра. Он вошел в залу — серьезный, спокойный и все замечающий. Снежную белизну его одеяния не нарушало ни единое пятнышко. Столь же безупречной белизной сверкала ткань его тюрбана. Раскланиваясь по сторонам и улыбаясь, он прошел к центральному столу. Оказавшись у стола, он полным достоинства движением приподнял полу своего одеяния, сел на стул и приветственным жестом помахал рукой присутствующим. Блеск бриллианта на его пальце не в последней

степени помог тому, что в зале установилась относительная тишина.

— Римляне, самые благородные из римлян, — я приветствую вас! — произнес он.

— Кто это такой? — спросил у Мессалы Друз.

— Израильская собака — зовут его Санбаллат — поставщик армии, дворца и Рима; несметно богат; сделал свое состояние на перепродажах. Но подойдем к нему — обычно он не бросает слов на ветер.

Говоря это, Мессала встал и вместе с Друзом присоединился к толпе, собравшейся вокруг поставщика.

— Еще когда я шел сюда, на улице мне уже сказали, — произнес еврей, доставая свои табулы и раскладывая их на столе с деловым видом, — что во дворце вызвало большое беспокойство то обстоятельство, что предложения пари на Мессалу остаются без ответа. Боги, как вы знаете, должны получать свои приношения, вот почему я здесь. Вы видите мой цвет, так что можно переходить к делу. Сначала ставки, а потом суммы. Какие шансы вы мне предложите?

Слушатели ошеломленно молчали.

— Поспешите! — поторопил их поставщик. — У меня скоро встреча с консулом.

Намек возымел действие.

— Два к одному, — раздалось тут же с полдюжины голосов.

— Как! — возмущенно воскликнул поставщик. — Только два к одному, и это предлагаете вы, римляне!

— Тогда три.

— Вы предлагаете три — всего только три, и это мне, еврейской собаке! Скажите уж — четыре.

— Так и быть, четыре, — не выдержав укора, произнес один из молодых людей.

— Пять — дайте мне пять! — тут же воскликнул поставщик.

Озадаченные слушатели притихли.

— Консул — ваш и мой хозяин — ждет меня.

Молчание становилось для многих уже мучительным.

— Дайте мне пять — ведь это же во славу Рима, всего только пять.

— Пусть будет пять, — ответил одинокий голос, и присутствующие разом вскрикнули от удивления.

Раздвинув ряды собравшихся, вперед вышел сам Мессала.

— Пусть будет пять, — повторил он.

Санбаллат улыбнулся и приготовился записать сказанное.

— Если цезарь вдруг завтра умрет, — заметил он, — то Рим не осиротеет. Есть по крайней мере один человек, которому под стать занять его место. Но предложи мне шесть.

— Пусть будет шесть, — кивнул головой Мессала.

Слова эти были встречены новым единодушным вскриком, еще громче первого.

— Пусть будет шесть, — повторил Мессала. — Шесть к одному — вот разница между римлянином и евреем. А теперь, установив это, о не приемлющий свинины, давай продолжим. Назови сумму — и побыстрее. За тобой может послать консул, и я останусь без соперника.

Санбаллат ничем не ответил на эту насмешку, склонился к табуле и через мгновение протянул написанное Мессале.

— Прочитать, прочитать вслух! — потребовали все вокруг.

И Мессала прочитал:

— «Мемо. Гонки колесниц. Мессала из Рима держит пари с Санбаллатом, тоже из Рима, утверждая, что он победит Бен-Гура, еврея. Сумма пари — двадцать талантов. Ставка Санбаллата — шесть к одному.

Свидетель: Санбаллат».

Окружающие замерли, не произнося ни звука. Мессала, широко раскрыв глаза, уставился на меморандум, а все, в свою очередь, уставились на него самого. Оказавшись в центре всеобщего внимания, он принялся лихорадочно соображать. Совсем недавно он стоял на том же самом месте и точно таким же образом бросал вызов собравшимся вокруг него соотечественникам.

Они наверняка запомнили это. Если он откажется подписать условия пари, его героический образ померкнет. Но и подписать такие условия было невозможно: все его состояние не составляло ста талантов; оно не составляло даже пятой части этой суммы. Ум его отказывался работать; язык не повиновался ему; лицо его побелело. Но вдруг одна спасительная мысль пришла ему в голову, и это было облегчение.

— Ты, еврей, — обратился он к своему сопернику, — а у тебя есть эти двадцать талантов? Покажи-ка мне их.

Улыбка на лице Санбаллата стала еще шире.

— Прошу, — ответил он, протягивая Месале клочок пергамента.

— Прочитать, прочитать, — снова закричали все вокруг.

И Мессала прочитал:

В Антиохии, 16-й день месяца таммуз

Податель сего, Санбаллат из Рима, может располагать по своему усмотрению кредитом в пятьдесят талантов, которые я предоставлю ему в монетах цезаря.

Симонидис

— Пятьдесят талантов, пятьдесят талантов, — пронеслось по зале.

На выручку Мессале пришел Друз.

— Клянусь Геркулесом! — воскликнул он. — Эта бумага врет, и еврей тоже врет. Кто, кроме цезаря, может истребовать себе кредит в пятьдесят талантов? Долой наглых белых!

В ответ на его гневный крик раздались столь же гневные голоса; но Санбаллат сохранил полнейшее спокойствие, а улыбка на его лице становилась тем шире, чем дольше он ожидал ответа Мессалы. Наконец тот заговорил:

— Тихо! Мои соотечественники, дайте нам поговорить напрямую — ради любви к нашему древнему римскому имени.

Вовремя взятая на себя инициатива восстано-

вила влияние Мессалы на собравшихся.

— Ты, собака обрезанная, — продолжал он, обращаясь к Санбаллату, — я ведь пошел тебе навстречу и дал тебе шесть к одному, разве не так?

— Так, — спокойно кивнул головой еврей.

— А если так, то позволь назначить сумму ставки мне.

— Если это не будет какой-нибудь пустяк, то пожалуйста, — ответил Санбаллат.

— Тогда замени цифру «двадцать» на «пять».

— Ты располагаешь такой суммой?

— Клянусь матерью богов, я покажу тебе расписки.

— О нет, слова такого римлянина, как ты, вполне достаточно. Только пусть эта сумма будет четной — шесть талантов, и я ее тут же впишу.

— Хорошо, впиши ее.

Вслед за этим они тут же обменялись расписками.

Санбаллат сразу же встал и обвел взглядом присутствующих; улыбка на его лице сменилась презрительной усмешкой. Никто лучше его не знал тех, с кем он имел дело.

— Римляне, — произнес он, — еще одно пари, если вы осмелитесь его принять! Пять талантов против ваших пяти за то, что белый цвет победит.

Я вызываю вас всех.

И опять присутствующие пришли в изумление.

— Как! — возвысил он голос. — Неужели завтра в цирке только и будет разговоров, что израильская собака посетила дворец, полный благородных римлян — а среди них был и отпрыск самого цезаря, выложила перед ними на кон пять талантов, но ни у кого не хватило смелости принять вызов?

Вынести такое оскорбление было невозможно.

— Принимаю, о презренный! — крикнул Друз. — Напиши условия и оставь на столе; а завтра, если мы выясним, что у тебя и в самом деле есть такая куча денег, которые ты готов выбросить впустую, я, Друз, даю тебе слово, что подпишу их.

Санбаллат снова принялся писать, затем, встав, произнес все так же бесстрастно, как и раньше:

— Здесь, Друз, я оставляю предложение пари для тебя. Когда оно будет подписано, пришли мне его в любое время до начала гонок. Меня можно будет найти в ложе консула. Мир тебе и мир всем вам.

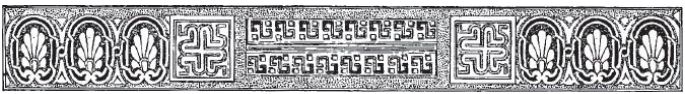
Поклонившись, он вышел из залы, не обращая никакого внимания на оскорбительные крики,

которыми золотая молодежь проводила его до двери.

К вечеру слухи о громадном пари уже расползлись по всему городу. Дошли они и до Бен-Гура, оставшегося ночевать вместе со своей четверкой. Молодой человек понял, что Мессала рискнул всем своим состоянием.

Еще ни разу в жизни он не спал столь крепко.

Глава 12
Цирк в Антиохии

Цирк Антиохии располагался на южном берегу реки, почти напротив острова, похожий на любое другое сооружение подобного рода.

В общественном плане игры представляли собой подарок населению города; поэтому любой горожанин или приезжий мог присутствовать на них. Всякий, однако, опасался, что, как бы громадно ни было это сооружение, ему может не достаться места; поэтому уже вечером накануне дня открытия множество желающих оккупировали все свободное пространство поблизости от стадиона.

В полночь входы в цирк были открыты, и чернь ворвалась внутрь, заняв предназначенные для нее трибуны, откуда теперь их могло выгнать лишь землетрясение или армейские копейщики. Всю ночь они провели, дремля на трибунах, там же и позавтракали; и даже в день закрытия игр

они выглядели столь же терпеливыми и жадными до зрелищ, как и накануне их открытия.

Народ почище, располагающий заранее зарезервированными местами, стал подтягиваться к цирку в первые утренние часы. Среди этой публики то там, то тут можно было видеть паланкины особо знатных и богатых вельмож, сопровождаемые целой свитой лакеев.

Еще через час народ повалил из города нескончаемым потоком.

Как только тень гномона городских солнечных часов на башне крепости коснулась отметки второго утреннего часа, римский легион, в полном вооружении и доспехах, с поднятыми штандартами спустился с холма Сульпия. Когда мерный шаг последней из когорт растаял за мостом, Антиохия, похоже, совершенно вымерла — все ее жители собрались в цирке.

Толпа, теснившаяся на берегу реки, стала свидетелем того, как консул отбыл от острова на борту правительственного баркаса. Когда этот великий человек ступил на берег и легион отдал ему честь, то это воинственное зрелище на краткий момент отвлекло внимание толпы от цирка.

К концу третьего утреннего часа аудитория наконец-то собралась полностью; трубные звуки

букцин[112] призвали зрителей к тишине; взоры более чем ста тысяч человек обратились к высокому сооружению в восточном секторе.

На его приподнятом основании, посередине, находился широкий арочный проход, называемый Porta Pompea — вратами Почета. Прямо над этим проходом располагалась выдвинутая несколько вперед трибуна, роскошно украшенная эмблемами власти и штандартами легиона — почетное место для консула. По обеим сторонам от прохода находились несколько отделений, называвшихся carceres, в каждое из которых вели массивные двери, прикрепленные к высоким пилястрам. Над этими помещениями проходил карниз, украшенный низкой балюстрадой, за которой располагались амфитеатром ряды сидений, занятых знатными горожанами в роскошных одеяниях. Все это сооружение вздымалось на высоту цирка и с обеих его сторон обрамлялось башнями, которые не только тешили тщеславие архитекторов, но и служили креплениями для velaria, пурпурового цвета навеса, растянутого между ними и бросавшего благословенную тень на весь этот сектор, что было особенно приятно в

[112] Примечания: 112
Букцина (буцина, буксина) — военная труба для подачи сигналов.

такой жаркий день.

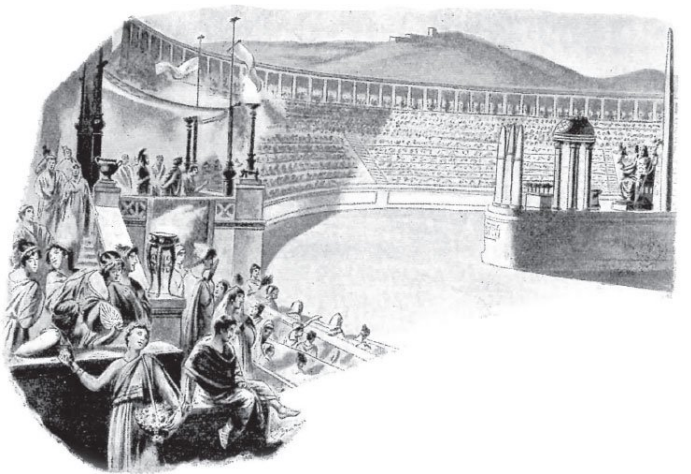
Столь подробное описание этого сооружения приведено нами затем, чтобы помочь нашему читателю представить себя сидящим на трибуне рядом с консулом, лицом на запад, где все происходящее доступно его взору.

Справа и слева от себя он видит два главных входа в цирк, очень широких, с воротами, створки которых крепятся к массивным петлям на боковых стенах башен.

Внизу под ним находится арена — громадное ровное пространство, засыпанное мелким белым песком. Именно здесь и будут происходить все состязания, за исключением соревнований по бегу.

Если проследить взглядом за дальнюю границу этой песчаной арены, то несколько западнее находится мраморный помост, на котором возвышаются три невысоких конуса из серого камня, покрытые богатой резьбой. Сегодня многие тысячи глаз будут всматриваться в эти конусы, поскольку они представляют собой первую мету и отмечают старт и финиш гонок квадриг. За помостом, оставляя проход и пространство для алтаря, тянется стена десяти-двенадцати футов в ширину и пяти-шести футов в высоту, протянувшаяся ровно на две сотни ярдов, что составляет

один олимпийский стадий. У дальней западной ее оконечности находится второй помост с конусами, который представляет собой вторую мету.

Гонщики начинают заезд справа от первой меты, двигаясь таким образом, что стена всегда остается слева от них. Старт и финиш состязаний находятся через арену прямо напротив ложи

консула, поэтому это место представляет собой предмет зависти всех зрителей в цирке.

Если теперь читатель, который, как предполагается, все еще сидит в ложе консула над вратами Почета, поднимет свой взгляд от расположенных на уровне земли стартовых отметок, то первое, что привлечет его внимание, будет мета внешней границы пространства гонок — гладкая массивная стена пятнадцати или двадцати футов в высоту, увенчанная балюстрадой подобно той, что находится над carceres, или стойлами, на востоке. Этот балкон, если пройти по нему вдоль дистанции гонок, прерывается в трех местах, открывая доступ для входа и выхода. Два таких места расположены на севере, одно — на западе. Этот западный вход богато украшен и именуется Триумфальными вратами, поскольку именно через него, когда соревнования окончены, и появляются победители, увенчанные венками, в сопровождении почетного эскорта и с соответствующими церемониями.

На западном торце стены балкон замыкает дистанцию гонок в форме полукруга и устроен так, что здесь он поддерживает две большие галереи.

Сразу же за балюстрадой вдоль выступа балкона находится первый ряд сидений, за которым

амфитеатром расположены скамьи, причем каждый ряд выше предшествующего. Такое устройство трибуны открывает прекрасный обзор всех находящихся на них людей, коричневатую массу загорелых человеческих тел, блестящих от пота лиц, богатых цветастых облачений.

Публика попроще занимает места в западных секторах, начинающихся там, где оканчивается тень от навеса над ложей консула, и доходящих до мест, отведенных зрителям из высших слоев общества.

Имея перед глазами все пространство цирка в тот момент, когда раздались трубные звуки букцин, пусть наш читатель представит себе множество пребывающего в цирке народа, который погружается в тишину и застывает на своих местах в этот момент торжества.

От врат Почета раздался звук — гармоничная смесь поющих голосов и музыкальных инструментов. Это выступил хор певцов, возглавляющий процессию, которой по традиции открываются игры. За хором следовали главный распорядитель игр и высшие гражданские чиновники города, от лица которых давались игры. Все они были облачены в тоги и несли гирлянды цветов на шеях. Затем следовали боги — некото-

рых из них несли на платформах люди, других катили на больших колесных тележках, богато украшенных. После богов выступали участники состязаний этого дня игр. Каждый из них шел в том костюме, в котором ему предстояло бегать, бороться, прыгать, боксировать или управлять квадригой.

Медленно пересекая арену по диаметру, процессия сделала круг почета по трассе гонок. Зрелище было великолепным и впечатляющим. Приветственные крики вскипали при приближении процессии подобно тому, как морские волны вздымаются и плещут о борт двигающегося судна. Статуи богов никак не реагировали на эти знаки внимания, чего никак нельзя было сказать о главном распорядителе игр и его свите.

Прохождение спортсменов вызвало еще больший восторг, поскольку среди присутствующих не было, пожалуй, ни одного человека, который бы не поставил на того или другого из них хотя бы четверть сестерция. Примечательным было то, что уже сейчас выделились фавориты публики: их имена громче всего звучали с трибун, их осыпали цветами и гирляндами с балкона.

Если у нашего читателя и были вопросы о степени популярности состязаний по тем или иным

видам спорта, то при появлении квадриг они сразу бы исчезли. К великолепию своих колесниц и превосходящей всякое воображение красоте лошадей колесничие присовокупили еще и блеск своих одеяний. Их туники, короткие и без рукавов, были сшиты из ткани самой тонкой выделки, причем цвет этой ткани соответствовал цветам, под которыми выступал данный участник. Каждого колесничего сопровождал помощник — всех, кроме Бен-Гура, который по какой-то причине, возможно из недоверчивости, решил выступать в одиночестве. Точно так же все, кроме него, имели на головах шлемы военного образца. При приближении квадриг зрители вскочили на скамьи и разразились громкими приветствиями, в шуме которых внимательный наблюдатель мог различить звуки дудок, в которые гудели присутствовавшие здесь же женщины и дети. Когда же квадриги поравнялись со зрителями, с балкона на них обрушились потоки цветов, грозя завалить колесницы. Даже лошади получили свою долю оваций, хотя следует заметить, что они оказались менее чувствительными к воздаваемым им почестям, чем их хозяева.

Очень скоро и здесь стало совершенно ясно, что некоторые из колесничих более популярны у

зрителей, чем другие. Выяснилось и то, что почти каждый из зрителей на скамьях, как мужчины, так и женщины и даже дети, имел на себе цвета своего фаворита: чаще всего это была цветная лента, нашитая на грудь или вплетенная в волосы, — здесь серая, там желтая или голубая. Но если всмотреться в массу людей на трибунах, становилось ясно, что в ней преобладали белый и алый с золотом цвета.

На современных нам подобных спортивных соревнованиях, особенно тогда, когда на их исход заключены пари на значительные суммы, зрители отдают свои предпочтения в зависимости от беговых качеств лошадей. Здесь же, однако, для зрителей имела значение прежде всего национальность выступавших. Если византиец и сидонянин явно не пользовались поддержкой публики, то лишь потому, что среди зрителей было слишком мало жителей этих городов. С другой стороны, греки, немалое число которых жило в Антиохии, разделили свои симпатии примерно пополам между афинянином и коринфянином, поэтому серый или желтый цвет местами преобладал на трибунах. Алый же с золотом цвет Мессалы встречался куда чаще благодаря тому, что многие приезжие из солидарности приняли

цвета римского фаворита. Но оставались еще сельские жители, в большинстве сирийцы, евреи и арабы. Они, будучи восторженными почитателями лошадей шейха и ненавидя римлян, поражение которых — пусть хоть на арене — они мечтали увидеть, украсили себя белым цветом, став самой шумной и, пожалуй, самой многочисленной группой болельщиков.

Когда квадриги двинулись по трассе будущих гонок, восторг зрителей достиг апогея. У второй меты, где преобладал белый цвет, особенно на галереях, они обрушили на спортсменов буквально водопад цветов и огласили воздух именами своих фаворитов.

— Мессала! Мессала!

— Бен-Гур! Бен-Гур!

После прохождения процессии зрители снова опустились на скамьи и продолжили прерванные было разговоры.

— Клянусь Вакхом! Разве он не прекрасен? —

восклицает женщина, о приверженности которой римлянину свидетельствуют вплетенные в ее прическу алые и золотые ленты.

— А какая великолепная колесница! — подхватывает ее соседка тех же пристрастий. — Вся из золота и слоновой кости! Юпитер обязательно поможет ему выиграть!

А на скамье у них за спиной идут совсем другие разговоры.

— Сто шекелей на еврея!

Голос говорящего высок и пронзителен.

— Нет, не спеши, — шепотом урезонивает азартного болельщика его более осторожный друг. — Дети Иакова не слишком искусны в обращении с лошадьми, поскольку считают этот спорт греховным в глазах Господа.

— Это так, но ты когда-нибудь видел более хладнокровного и уверенного в себе колесничего? А какие у него мощные руки!

— А какие лошади! — добавляет третий.

— А еще говорят, — вносит свою лепту в разговор четвертый, — что он знает все трюки римлян.

Женщина подводит конец спору:

— Да к тому же он куда красивее римлянина.

Ободренный мнением друзей, игрок снова

возглашает:

— Ставлю сто шекелей на еврея!

— Да ты просто болван! — кричит ему антиохиец со скамьи на балконе. — Разве ты не знаешь, что против него уже поставили на кон пятьдесят талантов, по шесть к одному, в пользу Мессалы? Спрячь свои шекели, а не то Авраам воскреснет и покарает тебя!

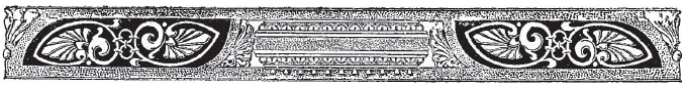
— Ха-ха! Да ты просто осел антиохийский! Ничего не соображаешь, что ли? Разве не знаешь, что это сам Мессала поставил на себя?

Такие страсти кипят среди зрителей.

Когда же шествие закончилось и врата Почета приняли обратно всех его участников, Бен-Гур понял, что пришло его время.

Все взоры Востока были обращены на его поединок с Мессалой.

Глава 13
Старт

Около трех часов дня, по современному счету времени, вся программа соревнований была выполнена, кроме гонок квадриг. Распорядитель игр, мудро рассудив, что зрителям тоже надо передохнуть, объявил о перерыве в состязаниях. Привратники открыли настежь vomitoria, и все желающие поспешили к портику, опоясывавшему цирк снаружи, где уже устроились продавцы съестного. Те же, кто остался на своих местах, скучали, позевывали, разговаривали между собой, сплетничали, разбирались в своих записях. Похоже было, что все различия на время забылись и остались только две категории зрителей — выигравших в пари и наслаждавшихся своим успехом и проигравших, понуро сидевших с поникшей головой.

Вскоре обнаружилось, что есть и третья категория зрителей, состоящая из тех, что желали

присутствовать лишь при гонках квадриг и появились к самому концу соревнований, заняв заранее зарезервированные для них места. Среди них оказался и Симонидис со своей компанией, для которого были оставлены места поблизости от главного входа с северной стороны, прямо напротив ложи консула.

Когда четверо дюжих рабов внесли купца в его кресле по проходу между рядами, любопытство окружающих достигло предела. Кто-то из них шепотом произнес его имя. Оно тут же побежало по рядам, вплоть до самых западных скамей; сидящие на них стали привставать и подаваться вперед, чтобы бросить взгляд на человека, о котором ходило столько небылиц.

Зрители узнали и Илдерима, тепло поприветствовав владельца одной из выступающих четверок лошадей; но никому, однако, не был знаком ни Балтазар, как и ни одна из двух сопровождавших его и закутанных в тонкую ткань женщин.

Женщинами этими были Айрас и Есфирь.

Последняя, заняв свое место, бросила испуганный взгляд на переполненные зрителями трибуны цирка и поглубже спрятала лицо в тонкую ткань, в которую была закутана. Египтянка, напротив, спустила головной платок себе на плечи, открыв лицо взорам всех присутствующих, и обвела гордым взглядом трибуны, явно не смущаясь всеобщим вниманием, что у женщины тех времен могло быть только результатом давней привычки.

На арену выбежали несколько служителей и

принялись через всю арену натягивать до балкона для первого заезда натертый мелом канат. В то же время шесть человек вышли из врат Почета и, сопровождаемые протяжным гулом голосов зрителей, встали каждый на свое место перед одним из стойл, занятых участниками заезда.

— Смотрите, смотрите! серый идет к четвертому справа, там, стало быть, афинянин.

— А Мессала — да, он во втором номере.

— Коринфянин…

— Смотрите на белого! Вот он идет… остановился… номер первый — он первый слева.

— Нет, там остался черный, а белый у второго номера.

— Да, в самом деле так.

Привратники, как уже понял наш читатель, были облачены в туники тех же цветов, что и участники гонок квадриг; так что, когда они заняли свои места, каждый из присутствующих знал, какое стойло занимает сейчас его фаворит.

— Ты когда-нибудь видела Мессалу? — спросила египтянка у Есфири.

В ответ та пожала плечами и отрицательно помотала головой. Римлянин был врагом если не ее отца, то Бен-Гура.

— Он прекрасен, как Аполлон.

Эти слова Айрас произнесла с горящими глазами, обмахиваясь своим украшенным драгоценными камнями веером. Есфирь посмотрела на нее, думая про себя: «Неужели он красивее Бен-Гура?» В следующую секунду она услышала, как Илдерим сказал ее отцу:

— Да, его стойло второе слева от врат Почета.

Думая, что он говорит о Бен-Гуре, девушка

взглянула в том направлении. Но, бросив взгляд на закрывавшие стойло створки ворот, она спрятала лицо в складки платка и прошептала краткую молитву.

К Симонидису приблизился Санбаллат.

— Я только что был у него в стойле, о шейх, — произнес он, склонившись к Илдериму, который начал уже теребить свою бороду. — Лошади в отличной форме.

Илдерим лишь просто ответил на это:

— Если их сегодня обойдут, я молю Бога, чтобы это был не Мессала.

Повернувшись затем к Симонидису, Санбаллат достал из складок одежды табулу и сказал:

— Я принес кое-что интересное и для тебя. Как ты помнишь, я уже сообщал о пари, которое прошлым вечером заключил с Мессалой. Еще я говорил, что оставил предложение на другое пари, которое, если оно будет принято, мне вернут подписанным сегодня до начала гонок. Вот и оно.

Симонидис взял табулу и внимательно прочитал текст меморандума.

— Да, — кивнул он головой, — их посланцы уже подходили ко мне с вопросом, можешь ли ты получить у меня такой кредит. Что ж, храни

ее получше. Если ты проиграешь, то знаешь, где меня найти; если же выиграешь, — при этих словах лицо его закаменело, — если ты выиграешь… Смотри, чтобы тот, кто принял это пари, не ускользнул от тебя; вытряси из него все до последнего шекеля! Именно так они поступят и с нами, если победа достанется им.

— Положись на меня, — ответил Санбаллат.

— Ты не останешься с нами? — спросил Симонидис.

— Ты очень любезен, — склонил голову его собеседник, — но если я покину консула, то этот молодой римлянин может раскипятиться. Мир тебе; мир вам всем.

Наконец перерыв подошел к концу.

Под трубный рев букцин последние из зрителей, дожевывая еду, пробирались на свои места. На арене появилось несколько служителей, которые, поднявшись на разделительную стенку, прошли по ней до антаблемента рядом со второй метой. Они установили на ней семь деревянных шаров; затем вернулись к первой мете и на ее антаблементе установили семь других деревянных знаков, вырезанных в форме дельфинов.

— Что они будут делать с этими шарами и рыбами, о шейх? — спросил Балтазар.

— Ты что, никогда не бывал на гонках? — удивился Илдерим.

— Никогда в жизни, да и сейчас не совсем понимаю, зачем я здесь.

— Видишь ли, им необходимо вести счет. К концу каждого заезда они должны сбросить на землю один шар и одну рыбину.

Приготовления были закончены, и рядом с распорядителем игр выстроились трубачи, готовые по его знаку протрубить сигнал к началу соревнований. Движение на трибунах и шум затихли. Лица зрителей были обращены к западу, все взоры устремлены на закрытые пока двери стойл.

Румянец на лице Симонидиса свидетельствовал о том, что он тоже попал под власть всеобщего возбуждения. Илдерим же куда яростнее обыкновенного теребил свою бороду.

— Сейчас мы увидим римлянина, — шепнула прекрасная египтянка Есфири, но та не слышала ее — с бьющимся сердцем она ждала появления Бен-Гура.

Строение, в котором находились стойла, имело форму сегмента, смещенного вправо таким образом, что его центральная точка была выдвинута вперед и находилась на середине скакового круга, со стартовой стороны от первой меты. Каждое

стойло отстояло на равном расстоянии от линии старта или побеленного мелом каната, о котором мы уже упомянули.

Букцины взвыли резко и кратко. Повинуясь их сигналу, из-за меты быстро вышли ассистенты, по одному на каждую квадригу, готовые оказать помощь, если вдруг лошади откажутся повиноваться возницам.

Снова взвыли букцины, и стоявшие у ворот стойл служители распахнули их створки.

Первыми появились, верхом на лошадях, личные помощники колесничих, общим числом пять человек, поскольку Бен-Гур отказался от помощи. Беленый канат опустился и пропустил их, затем снова поднялся, преграждая путь квадригам. Помощники великолепно держались в седлах, но на них мало кто обращал внимание, поскольку за их спинами из стойл доносились голоса колесничих и все взоры были устремлены именно туда.

Беленый канат снова поднялся, служители у стойл дали знак колесничим; и в тот же момент церемониймейстеры на балконе замахали руками и во всю мощь своего голоса воззвали: «Вперед! Вперед!»

Цирк встретил их громом трибун.

Из стойл, подобно ядрам, выпущенным из

катапульт, вырвались шесть квадриг; зрители вскочили с мест, приветствуя их криками. Эта была та самая минута, которую они столь терпеливо ждали, лелея ее в своих мечтах и коротая время в разговорах с самого дня объявления об играх.

— Вот он, смотри же, смотри! — воскликнула Айрас, показывая на Мессалу.

— Я вижу его, — отвечала ей Есфирь, глядя на Бен-Гура.

Она откинула с лица покрывало. В этот момент маленькая еврейка не испытывала страха. Сейчас она осознала, какое наслаждение можно получать, совершая героическое деяние под взорами множества устремленных на тебя глаз, и поняла раз и навсегда мужчин, которые в такие моменты смеются над смертью и забывают о ней.

Квадриги и их возничие были видны теперь с каждого места в цирке, но гонки еще не начались, их участники должны были занять свое место на линии старта.

Линия эта была предназначена для того, чтобы во время старта участники заезда — кони и люди — не сбились в кучу, распутать которую было бы нелегко. Была здесь и еще одна тонкость, за которую все боролись, — преимущество получал тот из участников, которому удавалось занять

самое выгодное место — рядом с разделительной стенкой на внутренней линии маршрута гонок.

Зрители прекрасно знали всю важность этого первого испытания, его опасности и последствия; и если справедливым было мнение старого Нестора[113], сказавшего в тот момент, когда он вручал поводья своему сыну: «Не силой, но искусством достигается в гонке победа, и много меньше здесь значит скорость, нежели мудрость», — то все зрители на трибунах затаили дыхание, ожидая, кто проявит сейчас максимум сноровки и умения.

Каждый из колесничих старался прежде всего достичь каната, а уж потом — занять выгодное место на внутреннем кругу. Таким образом, все шесть квадриг рвались к одной и той же точке, все быстрее и быстрее, столкновение казалось неминуемым. Что, если распорядитель игр, в самый последний момент, посчитав старт неудовлетворительным, не даст сигнал, по которому канат должны будут опустить? Или даст его не вовремя?

Ширина беговой трассы составляла двести пятьдесят футов. Так положись на свой глазомер, колесничий, пусть будет тверда твоя рука и ве-

[113] Примечания: 113

Нестор — старейший и самый мудрый из греков участник Троянской войны.

рен глаз! Не дай бог кому-нибудь из участников в такой момент отвести взгляд в сторону! или позволить себе подумать о чем-то другом! или дать поводьям слабину! Какое тогда зрелище предстанет перед тысячами устремленных с балкона глаз! Стоит только поддаться любопытству или тщеславию и бросить взгляд — один только взгляд — на трибуны, как можно распрощаться не только со всеми шансами на победу, но и с самой жизнью.

Последний штрих, которым божество придает завершенность прекрасному творению, есть вдохновение. Если мы согласимся с этим мнением, то поймем, что дни, проводимые горожанами в уже надоевших развлечениях, не могут сравниться по яркости переживаний с тем зрелищем, которое являли собой шестеро участников этого заезда. Так пусть же читатель постарается представить себе их; пусть он бросит взгляд вниз, на арену, туда, где отливает темно-серым блеском гранитная стена; пусть он вообразит себе несущиеся по арене колесницы, легкие в своем беге, изящные и украшенные в меру и без меры; пусть он увидит колесничих, напряженными телами напоминающих статуи, невозмутимых и спокойных, несмотря на бешеный бег колесниц.

Колесничие стремились занять самую выгодную позицию как можно ближе к стене. Уступить ее другому значило проиграть гонку, а кто хочет проигрывать? Крики зрителей, подбадривающих их с балкона, слились в один протяжный рев, в котором было невозможно разобрать отдельные слова.

Все шесть квадриг приближались к канату почти одновременно. Трубачи по знаку распорядителя игр протрубили сигнал. Футов за двадцать его не было уже слышно, но, поняв все по их движениям, судьи опустили канат. Увы, сделано это было на какую-то долю секунды позднее, чем необходимо. Копыто одной из лошадей Мессалы зацепило падающий канат. Ничуть не обескураженный этим, римлянин взмахнул своим длинным кнутом, чуть отпустил поводья, подался вперед и с триумфальным криком занял вожделенную линию трассы у самой стены.

— Юпитер! Юпитер с нами! — возопили приверженцы римлянина.

Когда Мессала заворачивал свою квадригу, бронзовая львиная голова, укрепленная на торце оси колеса, задела переднюю ногу правой пристяжной лошади афинянина, отчего животное метнулось влево, толкнув своего сотоварища по

квадриге. Обе лошади потеряли ритм, запутались и сбились с направления. Тысячи зрителей от ужаса затаили дыхание; из ложи консула послышались крики.

— С нами Юпитер! — неистово вопил Друз.

— Он побеждает! Юпитер за нас! — подхватил его друг, видя, что Мессала набирает скорость.

Держа в руках табулы, Санбаллат повернулся к ним; но треск от столкновения внизу на арене не дал ему произнести ни слова. Он не мог отвести взгляд от происходящего там.

Квадрига Мессалы начала уходить вперед, и единственным соперником справа от афинянина был коринфянин. Именно вправо афинянин и стал поворачивать четверку своих сбоивших лошадей. Однако несчастья сегодня не переставали преследовать его — колесница византийца, поджимавшего слева, зацепила своим колесом задок его повозки, отчего афинянин потерял опору под ногами. Снова раздался глухой стук, за которым тут же последовал вопль ярости и боли, и несчастливый Клеонт рухнул под копыта своих лошадей: ужасное зрелище, заставившее Есфирь закрыть глаза.

Огибая его квадригу, пронеслись коринфянин, за ним византиец, затем сидонянин.

Санбаллат взглянул на квадригу Бен-Гура и повернулся к Друзу и его присным.

— Ставлю сто сестерциев на еврея! — крикнул он.

— Принимаю! — ответил Друз.

— Еще сотня на еврея! — продолжал Санбаллат.

На этот раз никто ему не ответил. Он крикнул снова; но ситуация на арене была чересчур захватывающей, приверженцы римлянина, не обращая ни на что внимания, кричали во все горло:

— Мессала! Мессала! Юпитер с нами!

Когда еврейка осмелилась снова посмотреть на арену, группа служителей ловила лошадей и под уздцы уводила их с арены. Несколько человек собирали обломки колесницы, другие уносили неподвижное тело. Над каждой скамьей, где сидели греки, витали ругательства и молитвы об отмщении. Внезапно она стиснула руки: Бен-Гур, невредимый, мчался в колеснице впереди, корпус в корпус с римлянином! За ними, чуть отстав, следовали сидонянин, коринфянин и византиец.

Гонка началась; души колесничих стремились к победе; над ними витали страсти зрителей.

Глава 14
Гонка

Когда началась борьба за самое выгодное место на дистанции, Бен-Гур оказался на самом краю слева. На какой-то миг, как и остальные, он полуослеп от сияния арены; но ему все же удалось определить, где находятся его соперники, и угадать их намерения. Когда его глаза привыкли к свету, он попристальнее всмотрелся в Мессалу, который для него был больше, нежели просто соперником. Выражение бесстрастного высокомерия, столь характерное для этого тонкого патрицианского лица, было знакомо Бен-Гуру еще по давним временам, как и его италийская красота. Но было в этом лице и нечто новое — выражение прихотливого каприза, которое, возможно, придавала ему тень, падавшая на лицо от шлема. Все же израильтянин подумал, что он рассмотрел подлинную душу этого человека: жестокую, коварную, отчаянную; не столько

возбужденную, но непреклонную в своей решимости, — душу, напрягшуюся в бдительности и отчаянной решительности.

И за ничтожное время, пока он разворачивал свою квадригу, Бен-Гур ощутил, что и его собственная душа налилась твердой как сталь решимостью. Чего бы это ему ни стоило, но он посрамит сегодня своего соперника! Награда, друзья, ставки, слава — все это поглотило одно-единственное желание. Это не было какой-то безрассудной страстью; горячая кровь не бросилась ему в голову, ослепив его; не пытался он и бросать вызов Фортуне: он не верил в Фортуну. У него был свой собственный план, и, веря в себя, он аккуратно взялся за его исполнение. Самый воздух вокруг него, казалось, словно засветился в обновленной и совершенной прозрачности.

Еще не достигнув середины арены, он понял, что бросок Мессалы позволит ему, если не произойдет столкновения и канат будет вовремя опущен, занять вожделенную позицию у самой стены. В мгновенном озарении понял он и то, что Мессала знает — канат обязательно будет опущен, но в самый последний момент (не так уж сложно римлянину было договориться об этом с распорядителем игр и выиграть это первое

преимущество). Распорядитель игр наверняка сочувствовал своему соплеменнику. Не могло быть другого объяснения тому, что Мессала столь безоглядно стремил свою квадригу вперед, тогда как другие благоразумно придерживали коней перед препятствием.

Одно дело видеть необходимость того или иного поступка, и совсем другое — действовать ради него. На время Бен-Гур решил не ввязываться в борьбу за место у стены.

Канат упал, и четверо, погоняя лошадей криками и ударами кнутов, ринулись вперед по трассе гонки. Бен-Гур же, повернув голову направо, во весь опор своих лошадей стрелой помчался наискосок к направлению их движения, двигаясь под таким углом, чтобы потерять как можно меньше времени и достичь максимально возможного преимущества. И пока зрители переживали неудачу афинянина, а сидонянин, византиец и коринфянин, прилагая все свое умение, старались избежать столкновения, Бен-Гур просто обогнул их и занял место корпус в корпус с Мессалой, с наружной стороны от него. Великолепно исполненный маневр смены места с крайнего левого ряда направо без какой-либо существенной потери времени и скорости не ускользнул от острого

взгляда сидящих на скамьях знатоков: весь цирк взорвался оглушительными аплодисментами. Есфирь захлопала в ладоши; Санбаллат, улыбаясь, снова предложил пари в тысячу сестерциев (которое снова, уже во второй раз, никто не принял); а там призадумались уже и римляне — похоже было на то, что Мессала обрел себе достойного соперника в лице этого израильтянина!

И так, несясь плечо в плечо, разделенные узким пространством, две квадриги приближались ко второй мете.

Основание, на котором возвышались три конусовидных столба, представляло собой каменную стену полукруглой формы, вдоль которой, повторяя ее очертания, проходила трасса гонок и балкон по другую сторону этой трассы. Вписаться в этот поворот считалось во всех отношениях самым трудным делом, в котором проявлялось все искусство колесничего; именно этого в свое время не удалось сделать Оресту[114]. Когда лидеры гонок приблизились к повороту, зрители непроизвольно затаили дыхание; в цирке воцарилась тишина, и впервые за время гонок стали отчет-

[114] Примечания: 114

Орест — сын Агамемнона и Клитемнестры, который вместе со своей сестрой отомстил за смерть своего отца, убив мать и ее любовника Эгиста *(греч. миф.).*

ливо слышны стук и лязг несущихся колесниц. В этот момент, похоже, Мессала увидел Бен-Гура и узнал его; и тут же отвага и дерзость этого человека проявились поразительным образом.

— Долой Эроса, торжествует Марс! — воскликнул он, взмахнув зажатым в руке длинным кнутом. — Долой Эроса, торжествует Марс! — повторил он и, размахнувшись, вытянул ровно идущую четверку лошадей Бен-Гура кнутом с такой силой, какую им еще ни разу не приходилось ощущать на себе.

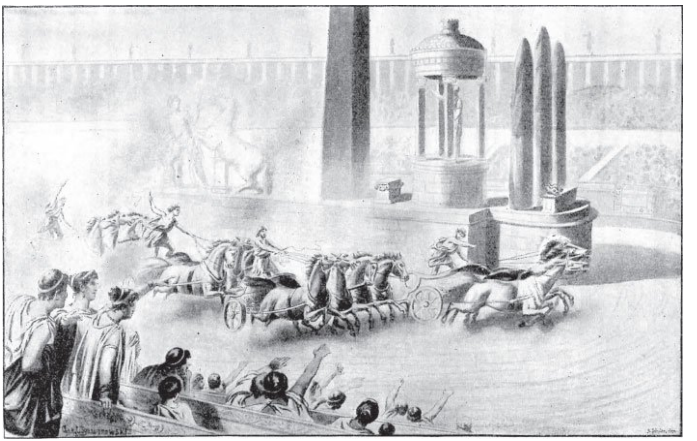
Испуганные кони изо всех сил рванулись вперед. Раньше к ним прикасались только любящие руки; всю жизнь их пестовали с лаской; они выросли и возмужали, во всем доверяя окружающим их людям. Что еще оставалось делать столь деликатным существам, как не нестись вперед, словно спасаясь от смерти?

Итак, четверка коней рванулась вперед, увлекая за собой и колесницу. Вне всякого сомнения, любой жизненный опыт может сослужить нам добрую службу. Где же обрел Бен-Гур такую силу рук и такую мощную хватку, которые так выручили его в этот момент? Где, как не у весла, которым он столь долго лопатил воды моря? А где, как не на постоянно уходящей из-под ног

палубе корабля, бросаемого волнами, научился он сохранять равновесие? Поэтому он устоял на своем месте и чуть отпустил поводья. Давая волю лошадям, он постарался голосом успокоить их, вписывая свою квадригу в опасный поворот. Еще до того, как немногие из зрителей, осознав, что происходит, начали успокаиваться, он вновь обрел контроль над квадригой. Но не только: пройдя первую мету, он вновь оказался корпус в корпус с Мессалой, завоевав симпатии и восхищение всех зрителей, кроме римлян. И это стало так явно для всех присутствующих, что даже Мессала, при всем своем бесстрашии, ощутил, что шутить дальше небезопасно для него.

Когда бешено несущиеся квадриги огибали мету, Есфирь на долю секунды увидела лицо Бен-Гура — немного бледное, чуть больше, чем обычно, вскинутое вверх, но в остальном все такое же невозмутимое.

Когда все квадриги прошли поворот, на антаблемент на западном конце разделительной стены вскарабкался человек и сбросил на землю один из конических деревянных шаров. В этот же миг за ним последовал и дельфин на восточном антаблементе.

Немного погодя исчезли и вторые шар и дельфин.

И еще чуть спустя — третий шар и третий дельфин.

Три круга гонки подвели итог: Мессала все так же занимал внутреннюю дорожку, Бен-Гур все так же шел корпус в корпус с ним; остальные участники все так же двигались за ними сплоченной группой. Состязание стало приобретать

вид одной из тех двойных гонок, которые стали столь популярными в Риме к концу императорского периода его истории, — Мессала и Бен-Гур впереди, коринфянин, сидонянин и византиец за ними. Тем временем служители цирка мало-помалу возвращали зрителей на их места, хотя конец каждого круга они по-прежнему встречали шумом и криками.

На пятом круге сидонянин занял было место рядом с Бен-Гуром, но тут же отстал.

Шестой круг гонщики начали в той же позиции.

Скорость квадриг стала нарастать — кровь в жилах участников уже начинала закипать от всех этих страстей. Похоже, и люди и лошади чувствовали, что близится завершающий рывок и пришло время для победителя заявить о себе.

Интерес зрителей, который с самого начала был сосредоточен на борьбе между римлянином и евреем, причем основные симпатии были на стороне последнего, стал быстро сменяться беспокойством. На всех скамьях зрители замерли неподвижно, подавшись вперед, лишь взглядами следя за движением состязающихся. Илдерим прекратил терзать свою бороду, Есфирь забыла все свои страхи.

— Сто сестерциев на еврея! — воскликнул Санбаллат, обращаясь к римлянам, сидящим в ложе консула.

Ответом ему было молчание.

— Талант — или пять талантов, или десять; выбирайте сами!

И он отчаянно размахивал перед ними своими табулами.

— Я принимаю на твои сестерции, — ответил молодой римлянин, протягивая руку, чтобы подписать пари.

— Не делай этого, — вмешался его друг.

— Почему?

— Мессала уже идет на предельной скорости. Посмотри — он уже перегнулся через бортик, а поводья болтаются в воздухе. И сравни его с евреем.

Первый из говоривших всмотрелся в летящие квадриги.

— Клянусь Геркулесом! — воскликнул он. — Стоит как влитой! Я понял, понял! Если боги не помогут нашему другу, израильтянин обойдет его. Хотя нет! Смотри! Юпитер с нами!

Рев, подхваченный каждым из римлян, потряс velaria над головой консула.

Если было верно сказано, что Мессала достиг

предельной скорости, зрелище все же произвело впечатление на зрителей. Медленно, но непреклонно он стал отрываться от соперника. Лошади его неслись, пригнув головы; с балкона казалось, что их тела стелются над самой землей. Ноздри их раздувались, налившись кроваво-красным цветом, глаза едва не вылезали из орбит. Бедные животные выкладывались до последнего! Как долго они смогут еще выдерживать такой темп? Это было всего только начало шестого круга. Бен-Гур держался за колесницей соперника.

Радость болельщиков Мессалы была неописуема: они кричали и вопили, размахивая в воздухе своими цветными лентами; Санбаллат едва успевал заполнять табулы со ставками на их фаворита.

Маллух, сидевший в нижней галерее над Триумфальными воротами, едва сдерживал свое разочарование. Он все еще тешил в своей душе слабую надежду, памятуя о словах Бен-Гура — что произойдет нечто, когда они обогнут западную мету. Заканчивался пятый круг, и до сих пор ничего не произошло. Он твердил самому себе — это должно случиться на шестом круге; но — увы! — Бен-Гур едва удерживал свое место в хвосте за колесницей соперника.

В восточном секторе группа людей с Симонидисом во главе хранила молчание. Сам купец сидел с низко опущенной головой. Илдерим, нахмурив брови, снова терзал свою бороду. Есфирь едва дышала. Одна только Айрас выглядела довольной.

На финальном участке — шестом круге — лидировал Мессала, за ним, совсем близко, шел Бен-Гур. Поэт древности как-то уже описал нечто подобное:

Первым летел Эвмел[115] на конях феретийских,

На тросских конях его Диомед настигал;

Прямо в затылок Эвмелу те кони дышали

И в колесницу его своим дышлом толкали.

В таком порядке они прошли всю трассу до первого поворота и обогнули мету. Мессала, боясь потерять свое место, держался на опасно малом расстоянии от каменной стены; подайся он на один фут влево — и его колесница разлетится на куски. Но все же, когда оба соперника завершили

---

[115] Примечания: 115

Эвмел — троянец, один из спутников Энея.

поворот, никто в цирке не смог бы сказать, глядя на следы от колес их колесниц, где Мессала, а где Бен-Гур. За ними тянулся один-единственный след.

И снова на повороте Есфири удалось на один краткий миг рассмотреть лицо Бен-Гура. Оно было бледнее, чем ранее.

Симонидис, еще более Есфири огорченный всем происходящим, сказал Илдериму в тот момент, когда соперники вышли на прямую:

— Я не смогу осудить Бен-Гура, добрый мой шейх, если ему не удастся выполнить свой замысел. Ты видел его лицо?

На что Илдерим ответил:

— А ты видел, что кони не в мыле и полны сил? Клянусь славой Господней, они еще и не начинали бежать! А теперь смотри во все глаза!

На антаблементе остались только один шар и один дельфин. Все зрители затаили дыхание — начинался заключительный круг.

Первым принялся нахлестывать свою четверку лошадей сидонянин. Обезумев от боли и страха, они отчаянно рванулись вперед. На краткий миг зрителям показалось, что его квадрига сможет вырваться вперед. Но рывок этот закончился ничем. Вслед за ним предприняли попытки вы-

рваться вперед византиец и коринфянин — с тем же результатом. После этого их можно было уже не считать соперниками. Все болельщики, кроме римлян, возложили свои надежды на Бен-Гура и открыто провозгласили их.

— Бен-Гур! Бен-Гур! — кричали они, и в этом всеобщем реве потонули голоса сторонников римлянина.

Когда он поравнялся с трибунами, их голоса обрушились на него ревущей лавиной:

— Гони, еврей!

— Встань ближе к стене!

— Дай волю четверке! Подхлестни их!

— Теперь или никогда!

На балконе люди перегибались через балюстраду, протягивая к нему руки.

Но он то ли не слышал их, то ли не мог последовать их советам, но заканчивалась уже половина финального круга, а он по-прежнему занимал второе место. Что, если ничего не изменится и до второй меты?

И вот, делая поворот, Мессала стал осаживать своих идущих слева лошадей, что неизбежно должно было привести к некоторой потере скорости. Он торжествовал; римский гений еще раз подтвердил свое превосходство. На трех колон-

нах всего лишь в шести сотнях футов впереди покоились его слава, богатство и триумф, неописуемо приятно приправленные удовлетворенной ненавистью, и это все для него! Именно в этот момент Маллух со своей галереи увидел, как Бен-Гур подался вперед, к своим арабским лошадям, и, ослабив поводья, дал им волю. В воздух взлетел длинный кнут, крутясь и со свистом рассекая воздух над спинами рванувшихся вперед лошадей, но не опустившись на них. Лицо Бен-Гура напряглось, покраснело, глаза сверкали, он, казалось, послал впереди себя вдоль поводьев свою волю. И вся четверка, как один, отозвалась на это рывком, который вывел их вровень с колесницей римлянина. На самом опасном месте трассы Мессала не мог позволить себе взглянуть вбок, чтобы увидеть, что происходит. Не мог он понять этого и по реакции зрителей. Все звуки гонок перекрыл один голос, и это был голос самого Бен-Гура. На древнем арамейском языке он воззвал к своим лошадям:

— Давай, Альтаир! Давай же, Ригель! Ну что ты отстаешь, Антарес! Хорошая лошадка — поднажми, Альдебаран! Я слышу, как вам поют в шатрах. Я слышал, как поют дети и как поют женщины — они воспевают звезды, вас, Альтаир,

Ригель, Антарес и Альдебаран, вашу победу! — и песне этой никогда не будет конца. Завтра вы вернетесь домой, в ваш черный шатер — домой! — подумать только! Давай, Антарес! Там ждет вас ваше племя, и ваш хозяин тоже ждет вас. Так, так, Антарес! Ха-ха! Мы повергнем его гордыню. Победа будет за нами!

Зрителям в цирке еще никогда не приходилось слышать ничего более простого; не приходилось и видеть им столь же внезапного результата простых слов.

В момент, выбранный Бен-Гуром для рывка, Мессала двигался по полуокружности, огибая мету. Чтобы обойти его, Бен-Гур должен был пересечь его колею и вырваться вперед; что значило двигаться по такой же полуокружности, но большего радиуса, на пределе возможного. Тысячи зрителей на своих скамьях все мгновенно поняли: они сразу же распознали данный им сигнал — реакция их была мгновенной. Четверо коней Бен-Гура впритирку прошли мимо внешнего, противоположного от стены, колеса Мессалы; ближайшее к стене колесо Бен-Гура едва не коснулось заднего среза колесницы его соперника — все это зрители видели. Затем они услышали треск, столь громкий, что весь цирк

замер от ужаса; и тут же над трассой взметнулся фонтан сияющих белых и желтых обломков. Чуть правее этого фонтана на песок вылетел помост колесницы римлянина. Поврежденная ось сделала несколько прыжков, отскакивая от земли; колесница Мессалы разлетелась на мелкие обломки, а сам римлянин, запутавшийся в поводьях, вылетел головой вперед.

Сидонянин, колесница которого шла вдоль стены, чуть отставая от первых двух, не успевал ни остановить ее, ни отвернуть в сторону. На полной скорости он врезался в обломки и пролетел над телом Мессалы. Затем четверка его лошадей перемешалась с лошадьми Мессалы и наконец-то остановилась. Поднятый колесницами и животными столб пыли и песка скрыл от глаз зрителей все происходящее. Но коринфянин и византиец сумели обогнуть его и устремились вслед за Бен-Гуром, который мчался впереди, не снижая скорости.

Весь цирк взорвался ликованием, люди вскакивали на скамьи, крича что-то неразборчивое и размахивая руками. Те, кто смотрел на облако пыли, временами могли различить тело Мессалы, то под копытами сбившихся в один клубок лошадей, то под обломками колесниц. Он не шевелился; зрители решили, что он мертв, и обратили все свое внимание на победный финиш Бен-Гура. Они даже не заметили его искусный маневр, когда, легко натянув поводья слева, он коснулся колеса Мессалы концом окованной железом оси своей колесницы и сокрушил его. Но они увидели преображение этого человека, почувствовали торжество его духа, его героическую решимость, сумасшедшую энергию, когда он взглядом, словом и жестом столь внезапно вдохновил свою четверку лошадей на этот отчаянный рывок. И какой рывок! Скорее он был похож на длинный прыжок львов, запряженных в неуклюжую повозку; казалось, что они летят, распластавшись над землей. Когда византиец и коринфянин едва достигли середины стены, Бен-Гур уже огибал первую мету.

Гонка была выиграна!

Консул поднялся со своего места; зрители уже охрипли от своих собственных криков; распо-

рядитель игр сошел вниз и увенчал лаврами победителей.

Среди кулачных бойцов удача улыбнулась низколобому и рыжеволосому саксу[116] со столь устрашающим лицом, что он привлек к себе внимание Бен-Гура, признавшего в нем тренера, готовившего его в Риме к кулачным боям. Отведя взгляд от сакса, Бен-Гур посмотрел наверх, на балкон, где сидел Симонидис со своими гостями. Все они приветственно махали ему руками. Есфирь сидела на своем месте; но Айрас поднялась, улыбнулась ему и помахала своим сложенным веером — честь, столь же пьянящая, как и только что одержанная им победа. Ибо мы знаем, о читатель, что в случае победы Мессалы все эти знаки внимания достались бы ему.

Победители состязаний построились в колонну и под приветственные крики тысяч зрителей прошли сквозь Триумфальные ворота.

Игры завершились.

---

[116] Примечания: 116

Саксы — группа германских племен, живших между нижним течением Рейна и Эльбы.

Глава 15
Приглашение Айрас

Бен-Гур переправлялся через реку с Илдеримом; в полночь, как было условлено, они должны были уйти по той же дороге, по которой за тридцать часов до них уже отправился караван племени.

Шейх был счастлив; его предложения даров были воистину царскими; но Бен-Гур отверг все, говоря, что он доволен посрамлением своего врага. Однако щедрый шейх все не унимался.

— Подумай, — настаивал он, — о том, что ты для меня сделал. В каждом шатре вплоть до Акабы[117] и далее до самого океана, за водами Евфрата и до скифских морей пройдет слава о моей Мире и ее детях; те, кто будет воспевать ее, возвеличат меня. Люди забудут, что жизнь моя уже клонится к закату, все те воины, что сейчас пребывают без

---

[117] Примечания: 117

Акаба — морской порт на юго-востоке Иордании, расположен у северной оконечности Акабского залива Красного моря.

дела и без покровителя, придут ко мне, и будет их без счета. Ты не знаешь, что такое быть известным в пустыне, как я теперь известен. Говорю тебе, в торговле это даст неисчислимые выгоды и сделает меня неуязвимым для царей. О, клянусь мечом Соломона! Мои посланцы будут приняты самим цезарем и обретут его благосклонность. Так как — все равно ничего?

Бен-Гур ответил на это:

— О шейх, разве я не принадлежу тебе сердцем и душой? Так пусть же приумножится власть и влияние Царя, Который грядет. Кто может сказать, что эта победа не была послана нам ради Него? На том поприще, на которое я сейчас намерен вступить, мне может понадобиться куда больше. И сейчас отказ от твоих милостей даст мне возможность в будущем просить тебя о гораздо большем.

Они еще продолжали говорить в подобном роде, когда появились два посланца — Маллух и незнакомый Бен-Гуру человек. Первым в шатер был допущен Маллух.

Добрый малый не пытался скрыть свой восторг по поводу всего случившегося сегодня.

— Но перейдем к тому, что было мне поручено, — сказал он наконец. — Симонидис отправил

меня передать тебе, что по завершении игр представители римской группировки поспешили заявить протест против выплаты денежного приза.

При этих словах Илдерим вскочил с места, воскликнув:

— Клянусь славой Господней! Весь Восток видел, что гонка была выиграна честно.

— Но, добрый шейх, — сказал Маллух, — деньги должен платить распорядитель игр.

— Это верно.

— Когда они заявили, что Бен-Гур зацепил колесо Мессалы, распорядитель рассмеялся и напомнил им об ударе по лошадям на повороте.

— А что с афинянином?

— Он умер.

— Умер! — воскликнул Бен-Гур.

— Умер! — повторил эхом Илдерим. — Какие же чудовища эти римляне! А Мессала выжил!

— Да, о шейх, он остался в живых, но кара его не миновала. Лекари говорят, что он будет жить, но никогда уже не сможет ходить.

Бен-Гур молча возвел очи горе. Перед его глазами предстало зрелище: Мессала, прикованный к креслу, подобно Симонидису, и, подобно ему же, передвигающийся повсюду только с помощью

слуги. Однако купец принял свою судьбу со смирением. А что будет делать Мессала со своими гордостью и амбициями?

— Симонидис еще велел передать, — продолжал Маллух, — что есть проблемы и у Санбаллата. Друз вкупе с теми, кто принял пари вместе с ним, передал вопрос о выплате пяти талантов, которые они проиграли, на усмотрение консула Максентия, а тот переправил дело еще выше, к самому цезарю. Мессала тоже отказывается платить свой проигрыш, и Санбаллат, как и Друз, тоже обратился к консулу, который еще рассматривает вопрос. Лучшие из римлян говорят, что протесты проигравших не могут быть удовлетворены, и все остальные согласны с ними. В городе пахнет изрядным скандалом.

— А что говорит Симонидис? — спросил Бен-Гур.

— Он только смеется и очень всем доволен. Если римлянин заплатит, он разорен; если же он откажется платить, то будет обесчещен. Дело это будет зависеть от имперской политики. Восстановить против себя весь Восток — плохое начало в свете парфянской кампании; задеть Илдерима — значит испортить отношения с пустыней, через которую проходят все коммуникации Мак-

сентия. Поэтому Симонидис просил меня сказать, чтобы вы не беспокоились, Мессала обязательно заплатит.

К Илдериму вернулось хорошее расположение духа.

— Ладно, нам пора отправляться в путь, — сказал он, потирая руки. — Все дела предстоит улаживать Симонидису. Нам же принадлежит вся слава. Я прикажу подавать лошадей.

— Погоди, — остановил его Маллух. — Тебя ждет снаружи еще один посланец. Ты примешь его?

— О боже! Я совсем забыл про него.

Маллух откланялся, и на его месте возник юноша с учтивыми манерами и изящной наружности. Посланец преклонил колено и произнес:

— Айрас, дочь Балтазара, хорошо знакомого шейху доброму Илдериму, велела мне передать шейху, что он весьма обяжет ее, приняв ее поздравления по поводу победы его лошадей на гонках.

— Дочь моего друга весьма любезна, — ответил Илдерим с заблестевшими глазами. — Будь добр передать ей этот камень в знак того, что я весьма тронут ее посланием. — Говоря это, он снял с пальца перстень с драгоценным камнем.

— Я передам ей твои слова, о шейх, — ответил

посланец и продолжал: — Дочь египтянина дала мне еще одно поручение. Она просит доброго шейха передать молодому Бен-Гуру, что ее отец некоторое время жил во дворце Айдерне, где она и примет молодого человека завтра во второй половине дня. Если же шейх Илдерим почтит ее своим присутствием, она будет рада еще больше.

Шейх посмотрел на Бен-Гура, лицо которого порозовело от удовольствия.

— Что ты решаешь? — спросил он.

— После твоего отъезда, о шейх, я навещу прекрасную египтянку.

Илдерим усмехнулся и произнес:

— Дело молодых — наслаждаться своей молодостью.

Бен-Гур повернулся к посланнику:

— Скажи той, что послала тебя: я, Бен-Гур, навещу ее во дворце Айдерне, завтра после обеда.

Посланец поднялся и, молча поклонившись, вышел из шатра.

В полночь Илдерим отправился в путь, пообещав оставить лошадь и провожатого для Бен-Гура, которому предстояло догонять шейха.

Глава 16
Во дворце Айдерне

Отправившись на следующий день на встречу с Айрас, Бен-Гур свернул от Омфалуса, расположенного в центре города, в Колоннаду Ирода и оттуда кратчайшим путем прошел к дворцу Айдерне.

С улицы он вошел в вестибюль, по обеим сторонам которого крытые лестницы поднимались к портику. Крылатые львы сидели по сторонам лестниц, посередине между ними громадная статуя ибиса орошала водой пол вестибюля. Львы, ибис, стены и пол — все напоминало о Египте: все, даже балюстрады вдоль лестниц были высечены из плотного серого гранита. Портик над вестибюлем, закрывавший площадку, на которую выходили лестницы, представлял собой изящную колоннаду. Вся из снежно-белого мрамора, она больше всего напоминала лилию, упавшую на громадную нагую скалу.

Поднявшись по лестнице, Бен-Гур задержался в тени портика, наслаждаясь работой безвестного мастера и белизной мрамора; затем вошел во дворец. Громадные двери входа были гостеприимно распахнуты — его ждали. В высоком, узком коридоре пол был вымощен красной плиткой, стены своим цветом гармонировали с полом. Изысканная простота дворца была предзнаменованием чего-то еще более прекрасного.

Он медленно двинулся вперед, предвкушая предстоящее свидание. Через несколько минут он увидит Айрас; она ждет его; она встретит его песней, новым рассказом, дружеским подшучиванием — блестящая, причудливая, капризная. Она уже посылала за ним, приглашая на прогулку в лодке по озеру; послала за ним и теперь; и вот теперь он направляется к ней в прекрасный дворец Айдерне. Мечтательный и счастливый, он совсем забыл об осторожности.

Коридор привел его к закрытой двери. Едва он остановился перед ней, как ее створки стали сами собой растворяться, без малейшего звука или скрипа. Впрочем, он тут же забыл про них, ошеломленный открывшимся ему зрелищем.

Стоя в полутьме неосвещенного коридора и глядя сквозь дверной проем, он вглядывался в

атрий[118] римского дома, просторный и изысканно богатый.

Невозможно было сказать, сколь велико это помещение, ибо построено оно было в виде анфилады, что скрадывало истинные размеры. Подобного, однако, нельзя было сказать о внутреннем убранстве. Когда он, сделав несколько шагов вперед, остановился, чтобы осмотреться, оказалось, что он стоит на одной из грудей Леды[119], ласкающей лебедя. Весь пол помещения был выложен мозаикой, изображающей мифологические сюжеты. Каждый стул и каждое кресло были истинным произведением искусства; столы были покрыты богатой резьбой. Предметы мебели, стоявшие вдоль стен, повторяли выложенные мозаикой на полу, словно отражаясь в спокойной воде. Фреска, которой был расписан сводчатый потолок, тоже повторялась в напольной мозаике. Через отверстие в центре потолочного свода солнечные лучи лились внутрь помещения. Находившийся прямо под этим от-

---

[118] Примечания: 118

Атрий — центральное, самое большое помещение в римском доме.

[119] Примечания: 119

Леда — царица Спарты, возлюбленная Зевса, который принял вид лебедя, чтобы овладеть ею *(греч. миф.).*

верстием имплювий[120] был обнесен бронзовым ограждением. Стоявшие по его углам золоченые колонны поддерживали свод и пламенели под лучами солнца, их отражения в воде имплювия, казалось, уходили в неизмеримую его глубину. Стояли вдоль стен и напольные канделябры со светильниками, изящными и причудливыми, и многочисленные статуи, и вазы. Весь этот интерьер как нельзя лучше подошел бы для того дома на Палатине[121], который Цицерон купил у Красса, или же для другого, еще более знаменитого своей экстравагантностью — тускуланской[122] виллы Скавра[123].

Все еще погруженный в свои мечты, Бен-Гур сделал несколько медленных шагов, очарованный тем, что предстало его взгляду, и остановился в ожидании. Его ничуть не смущала задержка; вероятно, когда Айрас будет готова видеть его,

---

[120] Примечания: 120

Имплювий — традиционный бассейн для сбора дождевой воды в центре атрия, ранее служил подсобным резервуаром воды, позднее просто был украшением помещения.

[121] Примечания: 121

Палатин — один из семи холмов, на которых, по преданию, был построен Рим.

[122] Примечания: 122

Тускул — древний город Латия (ныне Фраскати).

[123] Примечания: 123

Скавр — фамильное имя в родах Эмилиев и Аврелиев.

она появится сама или пришлет за ним слугу. В каждом добропорядочном римском доме атрий был также и гостиной для посетителей.

Два или три раза он обошел все помещение, остановился под отверстием в потолке, полюбовался на голубую глубину неба; потом оперся на колонну, разглядывая игру света и тени в атрии. Никто, однако, не появлялся. Это уже стало действовать ему на нервы; он попытался сообразить, почему Айрас заставляет так долго ждать себя. Не преуспев в этом, он снова принялся рассматривать мозаику, покрывавшую пол, но уже без того восхищения, что в первый раз. Меряя шагами пол, Бен-Гур то и дело останавливался, прислушиваясь: нетерпение заставило его начать беспокоиться. Он осознал всю глубину тишины, царившей в доме, и это породило в нем новое беспокойство. Он попытался было посмеяться над своим беспокойством: «О, она всего лишь наводит последние штрихи на свое лицо; через пару минут она появится, еще более прекрасная, чем раньше!» Присев на одно из лож, юноша стал рассматривать восхитивший его канделябр — бронзовый цоколь на роликах; покрытая филигранной резьбой стойка; даже одни только держатели для светильников в виде

пальмовых листьев, свисавшие на изящных цепочках, представляли истинное чудо ювелирного искусства. Но окружающая тишина давила: он прислушивался, разглядывая этот шедевр, — но до него не доносилось ни звука. Во дворце царила могильная тишина.

Возможно, произошла какая-нибудь ошибка? Нет, посыльный был прислан египтянкой, и это был дворец Айдерне. Тут Бен-Гур вспомнил, как загадочно раскрылась перед ним дверь: совершенно беззвучно, словно сама по себе. Он должен проверить!

Быстрыми шагами Бен-Гур подошел к двери. Хотя он ступал легко, звук шагов по полу отдался громким эхом в атрии, заставив его вздрогнуть. Он нервничал все больше и больше. Громоздкий римский замок не поддался первому нажиму его руки; он нажал снова, сильнее — и кровь застыла у него в жилах. Опять, уже изо всех сил, он навалился на ручку замка, но напрасно — дверь даже не дрогнула. Страх охватил его, несколько мгновений он стоял, не зная, что предпринять.

Кто в Антиохии мог бы желать ему зла?

Мессала!

Да и разве это дворец Айдерне? Он видел египетские статуи в вестибюле; совершенно греческий

портик белейшего мрамора; но здесь, в атрии, царил Рим; все вокруг него выказывало, что хозяином этого помещения был римлянин. Да, здание стояло на одной из самых оживленных улиц города; казалось, было совершенным безумием замышлять злодеяние в таком месте; но именно поэтому оно как нельзя лучше соответствовало дерзкому гению его врага. Атрий, при всей своей элегантности и красоте, был ловушкой. Мрачные предчувствия всегда бывают окрашены в черные цвета.

Мысль эта возмутила Бен-Гура.

По правой и левой сторонам атрия было много дверей, ведших, без сомнения, в спальни. Бен-Гур попробовал открыть каждую по очереди, но тщетно. Стучать и кричать было стыдно, так что он подошел к одному из лож и опустился на него, пытаясь сообразить, как ему следует поступить.

Понятно, что он превратился в пленника; но для чего это было сделано? и кто это сделал?

Неужели это работа Мессалы? Он огляделся по сторонам и дерзко улыбнулся. Каждый стол являлся оружием. Только птицы умирают от голода в золотых клетках — с ним этот номер не пройдет. Каждое из лож может превратиться в таран; у него хватит сил, а гнев и ярость удесятерят их!

Сам Мессала прийти не сможет. Он никогда уже не сможет ходить — он стал инвалидом, подобно Симонидису, но он может двигать другими. Но где скрываются эти «те», движимые им? Бен-Гур встал и снова попробовал открыть двери. Один раз он даже крикнул; атрий ответил таким звучным эхом, что он вздрогнул. Как можно спокойнее обдумав свое положение, он решил все же подождать еще какое-то время, прежде чем начать пробивать себе путь наружу.

В подобной ситуации на сознание человека набегают волны беспокойства, сменяющиеся периодами относительного спокойствия. В конце концов — сколько прошло при этом времени, сказать бы он наверняка не смог — Бен-Гур решил, что все происшедшее результат случайности или ошибки. Дворец, без сомнения, кому-то да принадлежит; в нем должны быть слуги, кто-то из них обязательно должен появиться, тем более когда наступит вечер или ночь. Так что следует просто запастись терпением!

Приняв такое решение, он стал ждать.

Примерно через полчаса — хотя для Бен-Гура они показались несколькими часами — дверь, через которую он вошел, снова открылась и закрылась совершенно бесшумно, так, что он этого

даже не заметил.

В этот момент он сидел на ложе в дальнем углу атрия. Звук шагов привлек его внимание.

Наконец-то она пришла, подумал он с облегчением и надеждой, вставая с ложа.

Тяжелые шаги приближались, сопровождаемые шарканьем и стуком грубых сандалий. Между ним и дверями находились золоченые колонны. Осторожно приблизившись, он выглянул из-за одной из них. До него донесся звук мужских голосов. Слов он разобрать не мог, поскольку язык, на котором они были произнесены, не был в ходу на востоке и юге Европы.

Осмотрев помещение, незнакомцы сделали несколько шагов влево и попали в поле зрения Бен-Гура — двое мужчин, причем один очень плотного сложения, оба высокие и одеты в короткие туники. По виду их нельзя было сказать, что они являются хозяевами дома или принадлежат к домашним. Обстановка явно приводила их в удивление, они несколько раз останавливались, трогая заинтересовавшие их предметы мебели руками. Это была пара простолюдинов. Их присутствие здесь, казалось, оскорбляло атрий. Но в то же время их свободные манеры и уверенность, с которой они двигались, указывали на то, что

они находятся здесь по некоему праву или пришли по делу. Если по делу, то по какому?

Перекидываясь словами на своем странном наречии, они неторопливо прохаживались по атрию и в конце концов приблизились к колонне, за которой скрывался Бен-Гур. Чуть в стороне, там, где на мозаичный пол падал солнечный луч, стояла статуя, которая привлекла их внимание. Рассматривая ее, они остановились в луче света.

Когда Бен-Гур узнал в высоком, атлетически сложенном незнакомце того самого Норманна, который накануне был увенчан в цирке венком за победу в состязаниях кулачных бойцов; когда увидел лицо этого человека, покрытое шрамами, памятью многочисленных сражений, носящее следы жестоких страстей; когда скользнул взором по его обнаженным рукам, по плечам Геркулесовой ширины, мысль о смертельной опасности заставила похолодеть его кровь. Инстинкт подсказывал ему, что возможность для убийства слишком уж хороша, чтобы счесть ее случайной: рядом с ним были мирмидоняне[124], превосходно владеющие своим ремеслом. Он взглянул на

[124] Примечания: 124

Мирмидоняне — ахейское племя на острове Эгина и в Южной Фессалии, участники осады Трои. Их вождями были последовательно Пелей, Ахилл и Неоптолем. В переносном значении великолепные воины.

спутника Норманна — молодого, черноглазого, черноволосого, совершенного еврея на вид. Заметил он и то, что оба пришельца были одеты именно так, как обычно одеваются профессионалы их класса, выступая на арене. Сопоставив все эти обстоятельства, Бен-Гур понял: во дворец его заманили специально. Здесь ему не получить никакой помощи; он был обречен умереть!

Не зная, как ему поступить, он переводил взгляд с одного мужчины на другого. Перед его внутренним взором промелькнула вся его жизнь, так, словно это была жизнь не его, но какого-то другого человека. Из каких-то скрытых глубин его памяти, словно извлеченная неведомой рукой, в голову его пришла мысль: ныне он вступает в новую жизнь, отличную от той, которую вел ранее. В той, прежней жизни он был жертвой жестокости, проявленной к нему. Теперь же ему суждено было стать агрессором. Не далее как вчера он уже нашел свою первую жертву! Для истинно христианской натуры осознание этого было бы чревато угрызениями совести, ослабляющими человека. Не таков был Бен-Гур; дух его был воспитан на заветах первого из законодателей Израиля. Он уже покарал Мессалу. По воле Господа он восторжествовал над своим врагом и, поняв это, обрел

веру — ту самую веру, которая является основой всякого разумного сопротивления, в особенности сопротивления угрозе.

Но не только эта мысль воодушевляла его. Новая жизнь подвигла его на поприще, столь же святое, как свят был тот Царь, Которому суждено было явиться миру, столь же бесспорное, как бесспорен был приход Царя, — поприще, на котором сила была законна только тогда, когда ее применение было неизбежно. Может ли он, на самом пороге столь высокого деяния, испытывать страх?

Он быстро размотал кушак, которым был подпоясан, и, скинув с головы и отбросив в сторону свой иудейский покров, выступил вперед, в одной полутунике, приготовившись к схватке. Скрестив руки на груди, он прислонился спиной к колонне и принялся спокойно ждать.

Осмотр статуи занял не много времени. Норманн повернулся первый, сказав что-то своему спутнику все на том же языке. Затем оба увидели Бен-Гура и двинулись к нему.

— Кто вы такие? — спросил Бен-Гур на латыни.

Норманн выдавил улыбку, которая, впрочем, не сделала его лицо более привлекательным, и ответил:

— Варвары.

— Это дворец Айдерне. Кого вы здесь ищете? Остановитесь и отвечайте.

Последние слова были произнесены со всей серьезностью. Незнакомцы остановились, и Норманн, в свою очередь, спросил:

— А кто ты?

— Римлянин.

Гигант запрокинул голову и расхохотался:

— Ха-ха-ха! Мне приходилось слышать, что некогда бог появился из коровы, лизавшей кусок соли, но даже бог не сможет превратить еврея в римлянина.

Оборвав смех, он снова обменялся несколькими словами со своим спутником, и оба двинулись на Бен-Гура.

— Погодите! — воскликнул Бен-Гур, скрываясь за колонной. — Только одно слово!

Незнакомцы остановились.

— Одно слово! — повторил за Бен-Гуром сакс, сложив руки на груди. — Одно только слово! Говори!

— Ведь ты — Тор Норманн.

Гигант от удивления округлил свои голубые глаза.

— Ты был lanista в Риме.

Тор кивнул головой.

— А я был твоим учеником.

— Нет, — возразил Тор, помотав головой. — Клянусь бородой Одина, я никогда не тренировал ни одного еврея для сражений на арене.

— Но я могу доказать свои слова.

— Как?

— Ты пришел сюда, чтобы убить меня.

— Верно.

— Пусть твой спутник померяется со мной силами один на один, и его труп подтвердит мои слова.

Тень усмешки промелькнула по лицу Норманна. Он обменялся несколькими словами со своим спутником и ответил с наивностью избалованного ребенка:

— Подождите моей команды.

Несколькими толчками ноги он подогнал одно из лож к стене, опустил на него свое мощное тело и, спокойно развалившись, произнес:

— Вот теперь начинайте.

Не суетясь, Бен-Гур приблизился к своему противнику.

— Защищайся, — предупредил он.

Тот охотно принял борцовскую стойку.

Для стороннего наблюдателя занявшие оди-

наковую стойку мирмидонянин и еврей были похожи, как братья. На самоуверенную улыбку противника Бен-Гур ответил серьезностью, которая, будь тому известно его боевое искусство, стала бы вполне ясным намеком на грозящую опасность. Оба понимали, что им предстоит смертельная схватка.

Бен-Гур сделал ложный выпад правой рукой. Незнакомец парировал его, слегка выставив вперед левую руку. Прежде чем он успел снова принять защитную позу, Бен-Гур сжал его запястье — годы, проведенные у весла, превратили его пальцы в железные тиски. Ошеломленный противник не успел ничего понять. Бросок Бен-Гура вперед, захват правого плеча противника, разворот налево к себе и удар левой рукой по шее чуть ниже уха слились в одно движение. Второго удара не понадобилось. Мирмидонянин тяжело рухнул, не издав ни звука, и остался недвижим.

Следующим движением Бен-Гур повернулся к Тору.

— Ну и дела! Клянусь бородой Одина! — воскликнул тот в удивлении, не вставая с ложа, и рассмеялся. — Ха-ха-ха! Я сам не проделал бы этого лучше. — Он смерил взглядом Бен-Гура с головы до ног и, встав, подошел к нему с нескры-

ваемым восхищением на лице. — Это был мой прием — прием, который я преподавал десять лет в школах Рима. Ты не еврей. Но кто же ты?

— Ты ведь знавал дуумвира Аррия.

— Квинта Аррия? Да, он был моим патроном.

— У него был сын.

— Да, — кивнул головой Тор с довольно глупым видом. — Я знал парня, он мог бы стать первым среди гладиаторов. Ему предложил свое покровительство сам цезарь. Я обучил его этому самому приему, который ты показал сегодня, — приему, годному только для того, у кого руки не слабее моих. Этот прием меня много раз выручал.

— Я тот самый сын Аррия.

Тор подошел поближе и внимательно всмотрелся в лицо Бен-Гура; затем глаза его осветились искренней радостью, и он, рассмеявшись, протянул руку:

— Ха-ха-ха! А он сказал мне, что я встречу здесь еврея — еврейскую собаку, — убить которую — значит совершить богоугодное дело.

— Кто это тебе сказал? — спросил Бен-Гур, пожимая руку.

— Да этот… Мессала… ха-ха-ха!

— И когда?

— Прошлым вечером.

— Мне казалось, он ранен.

— Он уже никогда не будет ходить. Он сказал мне это сквозь стоны, лежа в кровати.

Этими немногими словами Норманн обрисовал всю силу ненависти, горящей в искалеченном теле врага Бен-Гура. Тот понял, что римлянин, пока жив, будет не переставая преследовать его. Месть останется единственным, что будет скрашивать его разрушенную жизнь, а сожаление о состоянии, проигранном в пари с Санбаллатом, не даст гневу угаснуть. Бен-Гур прошелся взад и вперед и, поразмыслив, понял, что его враг сумеет тем или иным образом помешать делу, которое предстоит Бен-Гуру в связи с предстоящим приходом Царя. Но почему бы и ему не прибегнуть к методам римлянина? Человек, который был подкуплен, чтобы убить его, вполне может быть и перекуплен, чтобы нанести ответный удар. А ему, Бен-Гуру, нетрудно предложить куда большую сумму. Искушение было чересчур сильным, и, уже наполовину поддавшись ему, Бен-Гур случайно взглянул на своего недавнего врага, лежавшего на полу с побелевшим, обращенным вверх лицом. Вот так лежать предстояло ему самому. Помотав головой, он отогнал видение и спросил:

— Тор, сколько тебе обещал Мессала за то, чтобы ты убил меня?

— Тысячу сестерциев.

— Ты их получишь; а если теперь сделаешь то, что скажу тебе я, то получишь еще три тысячи.

Гигант возразил:

— Вчера я выиграл пять тысяч в цирке; от римлянина получу еще одну — всего это шесть. Заплати мне четыре, добрый Аррий, — еще четыре, — и ты сможешь положиться на меня, пусть даже старик Тор, в честь кого я назван, ударит меня своим молотом. За четыре тысячи я придушу этого патриция, если ты повелишь. Мне достаточно всего лишь зажать ему рот рукой — вот так.

И он наглядно продемонстрировал свои слова, положив руку себе на рот.

— Понимаю, — сказал Бен-Гур, — десять тысяч сестерциев — вполне приличная сумма, которая позволит тебе вернуться в Рим, открыть там винный погребок около Колизея и жить так, как подобает первому из lanista.

Покрытое шрамами лицо гиганта расплылось в улыбке, когда воображение нарисовало ему такую райскую жизнь.

— Хорошо, сойдемся на четырех тысячах, — продолжал Бен-Гур, — к тому же то, что ты должен

будешь сделать за эти деньги, не замарает тебе руки кровью, Тор. Послушай меня. Разве не суждено мне было бы лежать сейчас так, как лежит твой друг?

— Я бы сказал, что он — яблоко с того же самого дерева.

— Что ж, если я надену его тунику, а его переоденем в мою одежду и мы с тобой уйдем отсюда вдвоем, оставив его здесь, разве ты не сможешь получить свои сестерции от Мессалы? Тебе надо будет всего лишь убедить его, что я мертв.

Тор расхохотался до слез.

— Ха-ха-ха! Никогда еще десять тысяч сестерциев не доставались мне так просто. А винный погребок около Колизея! И все это за невинную ложь, без всякой крови! Ха-ха-ха! Дай мне пожать твою руку, о сын Аррия! За дело, и — ха-ха-ха! — если ты когда-нибудь попадешь в Рим, не забудь заглянуть в погребок Тора Норманна. Клянусь бородой Одина, я угощу тебя самым лучшим вином, даже если бы мне пришлось до этого подсунуть цезарю какое-нибудь пойло!

Они снова пожали друг другу руки и принялись переодевать мертвеца. Затем договорились, что четыре тысячи сестерциев будут доставлены Тору этим вечером. Когда все было закончено, гигант

постучал в дверь, которая тут же распахнулась на его стук. Выйдя из атрия, он завернул с Бен-Гуром в одну из комнат, где молодой человек завершил свое превращение, надев одежду мертвого кулачного бойца. Они расстались в Омфалусе.

— Обязательно загляни в мой погребок у Колизея, о сын Аррия! Ха-ха-ха! Клянусь бородой Одина, никогда еще богатство не доставалось так легко! Да хранят тебя боги!

Выходя из атрия, Бен-Гур бросил последний взгляд на мирмидонянина, лежавшего в еврейском одеянии, и остался удовлетворен. Сходство было потрясающим. Если Тор сделает все так, как они договорились, то тайна будет погребена навечно.

Вечером в доме Симонидиса Бен-Гур рассказал купцу обо всем, что произошло во дворце Айдерне. Они решили, что спустя несколько дней купец заявит об исчезновении сына Аррия и инициирует его розыски. Одновременно об этом будет доведено до сведения Максентия. Затем, если тайна не раскроется, было решено оставить Мессалу и Грата в покое, с тем чтобы Бен-Гур смог, ничего не опасаясь, перебраться в Иерусалим и начать поиски своих пропавших родных.

Прощаясь с Бен-Гуром, Симонидис в кресле выехал на террасу над рекой и там по-отечески пожелал счастливого пути и благословил молодого человека. Есфирь проводила его до лестницы.

— Если я найду свою мать, Есфирь, тебе надо будет перебраться к ней в Иерусалим и стать сестрой Тирце.

С этими словами он поцеловал ее.

Был ли это просто прощальный поцелуй?

Переправившись через реку там, где было обу-

словлено с Илдеримом, он нашел в условленном месте араба, который должен был служить ему проводником. Рядом паслись оседланные кони.

— Вот этот — твой, — сказал араб.

Бен-Гур всмотрелся и узнал Альдебарана, самого быстрого и красивого из сыновей Миры. Вспомнив, что после Сириуса это был любимый конь старого шейха, он понял все значение этого подарка.

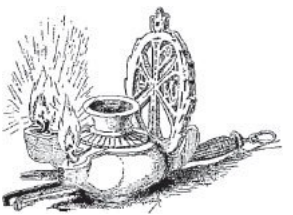
Лежавший в атрии труп был обнаружен и похоронен на следующий день. А уже в полдень из города отправился гонец с письмом, в котором Мессала извещал Грата, что Бен-Гур мертв — на этот раз уже без всяких сомнений.

Некоторое время спустя неподалеку от Колизея открылся винный погребок, вывеска на двери которого гласила: «ТОР НОРМАНН».

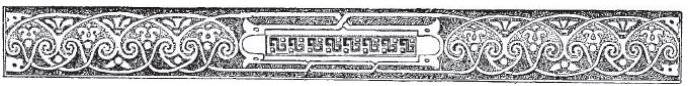
Книга шестая

И это Смерть? А кто те двое?
Подруга этой леди – Смерть?
Кожа ее бела, как проказа,
Ночному кошмару подобна она,
От вида ее стынет кровь в жилах.

Сэмюэль Кольридж

Глава 1
Антониева башня. Камера № VI

Наш рассказ уносится теперь на тридцать дней вперед с того вечера, когда Бен-Гур покинул Антиохию и отправился в пустыню с шейхом Илдеримом.

С тех пор произошла огромная перемена — огромная по крайней мере для судьбы нашего героя. Преемником Валерия Грата стал Понтий Пилат!

Надо заметить, что смещение это стоило Симонидису пять талантов римскими монетами, переданными из рук в руки Сеяну, императорскому фавориту, который тогда был в зените своего влияния. Проделано это было с целью помочь Бен-Гуру в его поисках родных в Иерусалиме и его окрестностях, а именно — отвлечь от него возможное внимание чересчур хорошо осведомленного о нем прокуратора. На эти цели верный слуга пустил суммы, выигранные у Друза и его

присных, которые, проигравшись в пух и прах, сразу же стали заклятыми врагами Мессалы, чей отказ от уплаты своего проигрыша все еще обсуждался в Риме.

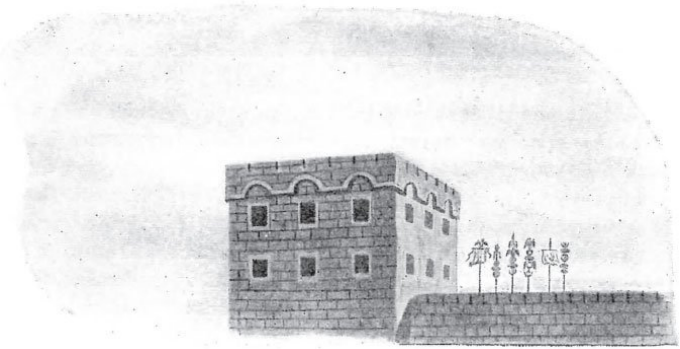
Прошло сравнительно немного времени, но евреи уже поняли, что смена правителей не принесла им ничего хорошего.

Когорты, посланные на укрепление гарнизона, расквартированного в Антониевой башне, вступили в город поздно вечером. На следующее утро первым, что увидели жители окружавших башню кварталов, были военные значки, вывешенные на стенах древней крепости, перемежающиеся с бюстами императора и римскими орлами. Множество народу тут же бросились в Кесарею, где находилась резиденция Пилата, и принялись заклинать его убрать подальше эти отвратительные изображения. Пять дней и ночей они толпились у ворот его дворца; наконец он согласился встретиться с ними в цирке. Когда все собрались, римские солдаты окружили их. Вместо того чтобы оказать сопротивление, евреи выразили готовность пожертвовать своими жизнями и этим победили. Пилат велел вернуть все символы имперской власти обратно в Кесарею, где более осторожный Грат хранил их все один-

надцать лет своего правления.

Самые худшие из людей иногда меняют гнев на милость; так однажды поступил и Пилат. Он приказал провести проверку тюрем Иудеи и составить списки людей, находящихся в заключении, с перечнем тех преступлений, которые они совершили. Без всякого сомнения, двигало им то же соображение, что и всяким только что назначенным чиновником, — страх принять на себя ответственность за возможные несправедливости своего предшественника. Но народ воспринял эту меру с надеждой на лучшее, и страсти временно улеглись. Однако в результате открылись ужасные вещи. Из темниц вышли сотни людей, против которых не было выдвинуто вообще никаких обвинений; увидели свет множество тех, кого долгие годы считали умершими; но еще более удивительным оказалось то, что обнаружились тюрьмы, не только неизвестные населению, но забытые и самими властями. С одним таким случаем, происшедшим, странно сказать, в Иерусалиме, нам и предстоит познакомиться.

Антониева башня, занимавшая две трети священной территории холма Мориа, была построена македонянами в качестве замка. Впоследствии Иоанн Гирканец превратил замок в крепость, прикрывающую Храм, считавшуюся в его дни совершенно неприступной. Тем не менее во времена правления Ирода стены крепости были дополнительно укреплены, а внутри возведены строения, необходимые для управления, которое, по его мнению, должно было стать вечным: различные службы, казармы, арсеналы, лавки, цистерны для воды и, наконец, тюрьмы всех режимов. Он велел стесать часть скалы, слу-

жившей основанием холма, и, вырубив в граните углубления, возвел великолепную колоннаду, соединив ею весь комплекс строений с Храмом. Стоя у подножия этой колоннады, можно было обозревать как на ладони все внутренние дворы и дворики священного здания. В таком состоянии башня и перешла в конце концов из рук Ирода в руки римлян, которые сразу же оценили мощь и преимущества ее расположения и не преминули ими воспользоваться. В годы правления Грата она служила в качестве гарнизонной крепости и подземной тюрьмы, одно упоминание о которой наводило ужас на всех заговорщиков. Горе, когда римские когорты выходили из ее ворот подавлять непокорных! Горе тем, кого вводили в ее ворота солдаты с копьями в руках!

Сделав это пояснение, мы поспешим вернуться к нашему рассказу.

Указ нового прокуратора с требованием доклада о всех лицах, находящихся в заключении, был получен в Антониевой башне и исполнен ее работниками весьма оперативно. С того дня, как последний из несчастных предстал перед ними для обследования, прошло двое суток. Занесенный на табулу список, готовый для подачи «наверх», уже лежал на столе трибуна, чьему

попечению были вверены заключенные. Через несколько минут списку предстояло отправиться к Пилату, расположившемуся во дворце на Сионском холме.

Трибун сидел за столом в своем кабинете, просторном и прохладном, обставленном так, как и подобает столь высокому во всех отношениях должностному лицу. Стоявший напротив него офицер в седьмом часу дня выглядел усталым и с трудом скрывал свое нетерпение: сразу же после отправки списка он собирался присесть где-нибудь в укромном уголке у основания колоннады, чтобы спокойно подышать воздухом и отдохнуть, наблюдая за евреями, снующими во внутренних двориках Храма. Его подчиненные и клерки вполне разделяли нетерпение своего начальника.

Во время затянувшегося ожидания в проеме двери, ведущей в соседнюю комнату, появился человек. Он встряхнул связкой ключей, каждый из которых был весом с молоток, и звоном их привлек внимание своего шефа.

— А, это ты, Гесий! Заходи, — велел ему трибун.

Когда вновь прибывший подошел к столу, за которым в простом кресле сидел его начальник,

все присутствующие, увидев на его лице выражение тревоги и досады, затаили дыхание, чтобы не пропустить ни слова из того, что сейчас будет сказано.

— О трибун! — начал тот, низко поклонившись. — Я боюсь сказать тебе то, с чем я пришел.

— Еще одна ошибка — так, Гесий?

— Если бы я мог убедить сам себя, что это всего лишь ошибка, я бы так не боялся.

— Тогда, значит, это преступление — или, еще хуже, недосмотр по службе. Ты можешь посмеяться над цезарем или проклясть богов — и остаться в живых; но если ты посягнешь на долг службы — ты сам знаешь, что будет с тобой, Гесий. Так говори!

— Прошло уже около восьми лет, как Валерий Грат назначил меня надсмотрщиком за заключенными здесь, в Антониевой башне, — неторопливо произнес человек. — Я помню тот день, когда я приступил к своим обязанностям. Накануне на улицах вспыхнул бунт, произошло целое сражение. Мы усмирили евреев, но и нашим тоже досталось. Как тогда болтали, все началось из-за попытки покушения на Грата, который был сбит с лошади плиткой, брошенной с крыши. Я впервые увидел его сидящим на твоем

месте, о трибун, голова его была вся в бинтах. Он сообщил мне о моем назначении и дал мне эти ключи, числом по количеству камер. «Они являются символом твоей службы», — сказал он мне и прибавил, что я никогда не должен с ними расставаться. На столе перед ним лежал свиток пергамента. Подозвав меня к столу, он развернул свиток. «Это планы камер, — сказал Грат. Там было три плана. — Вот это, — продолжал он, — расположение камер верхнего уровня; второй план показывает камеры, лежащие ниже. А третий план изображает камеры самого нижнего уровня. Я вручаю их тебе». Я взял эти планы у него из рук, а затем он сказал еще: «Теперь у тебя есть ключи и планы, ступай и познакомься со своим новым хозяйством. Зайди в каждую камеру, посмотри, в каком она состоянии. Если тебе понадобится дополнительно что-нибудь, чтобы гарантировать надежность пребывания там заключенных, дай мне знать, ибо теперь твоим начальником являюсь только я, и никто другой».

Я отдал ему честь и было повернулся, чтобы уйти, но он остановил меня. «Ах, я и забыл, — сказал он. — Дай мне план самого нижнего уровня». Я протянул ему пергамент, и он расстелил его на столе. «Здесь, Гесий, — сказал он, — взгляни

на эту камеру. — Он показал пальцем на камеру под номером пять. — В ней находятся трое заключенных, отчаянные типы, оказавшиеся посвященными в государственную тайну и пострадавшие за свое любопытство, которое, — тут он строго взглянул на меня, — в некотором отношении хуже преступления. Поэтому они были ослеплены, лишены языков и осуждены пребывать там пожизненно. Их следует только кормить и поить, подавая все это через отверстие в стене, закрытое задвижкой. Ты слышишь, Гесий?» Я кивнул в ответ. «И еще одно, что ты не должен забывать, или… — и он угрожающе посмотрел на меня. — Дверь их камеры, камеры номер пять, — вот эта, Гесий, — и он снова указал на нее пальцем, — никогда не должна открываться, никто не должен ни входить, ни выходить из камеры; это касается и тебя тоже». — «Но если они умрут?» — спросил я. «Если они умрут, — ответил он, — камера станет их могилой. Они посажены туда, чтобы умереть и быть забытыми. Это камера прокаженных. Ты меня понял?»

Гесий прервал свой рассказ и вынул из-за пазухи своей туники три пергамента, пожелтевшие от времени и частого использования. Выбрав один из них, он расстелил его на столе перед

трибуном и просто произнес:

— Вот это план нижнего уровня.

Все бывшие в кабинете воззрились на план.

— Вот этот самый план, о трибун, я и получил от Грата. Посмотри, вот это камера номер пять, — сказал Гесий.

— Понятно, — кивнул головой трибун. — Но продолжай. Как он сказал тебе, эта камера предназначалась для прокаженных.

— Я бы хотел задать тебе вопрос, — скромно произнес надсмотрщик.

Трибун кивком головы позволил ему говорить.

— Разве я был не прав, что в тех обстоятельствах не усомнился в том, что план верен?

— Разумеется.

— Что ж, как оказалось, он неверен.

Трибун удивленно вскинул голову.

— План на самом деле неверен, — продолжал надсмотрщик. — На нем изображено, что на этом уровне находятся пять камер, тогда как их шесть.

— Ты говоришь — шесть?

— Я покажу тебе, как обстоят дела на самом деле — или как я себе это представляю.

На одной из чистых табул Гесий нарисовал нижеприведенную схему и протянул ее трибуну.

— Ты поступил правильно, — сказал трибун, рассматривая план. — Я исправлю план, или, лучше, прикажу сделать его заново и вручу тебе.

Зайди за ним завтра утром. — Сказав это, он поднялся из-за стола.

— Но молю тебя выслушать меня до конца, о трибун.

— Завтра, Гесий, завтра.

— То, что я хочу сказать тебе, не может ждать до завтра.

Трибун добродушно опустился в кресло.

— Я не слишком задержу тебя, — скромно потупился надсмотрщик. — Только позволь мне задать еще один вопрос. Разве не должен был я верить Грату во всем, что касалось заключенных в камере номер пять?

— Разумеется, ты должен был считать, что в этой камере содержатся три преступника — государственных преступника, — слепые и с вырванными языками.

— Так вот, — сказал надсмотрщик, — это тоже оказалось неправдой.

— Как?! — с новым интересом воскликнул трибун.

— Выслушай и суди сам, о трибун! Как и было положено, я осмотрел все камеры, начиная с камер верхнего уровня и заканчивая камерами в самом низу. В соответствии с приказом я никогда не открывал дверь номера пять; хотя все эти

восемь лет три раза в день туда через отверстие в двери подавались еда и питье на трех человек. Вчера же я подошел к этой двери, желая все же взглянуть на этих несчастных, которые вопреки всем ожиданиям прожили так долго. Замок в двери заржавел так, что ключ не открывал его. Мы нажали на дверь, и она упала внутрь, потому что петли насквозь проржавели. Войдя, я обнаружил там одного человека, слепого старика с вырванным языком, совершенно нагого. Волосы на его голове и лице свалялись в сплошную массу. Кожа его напоминала этот пергамент. Он развел руки в сторону, и я увидел, что его отросшие ногти свернулись, как когти у птицы. Я спросил его, где его сокамерники. Он только отрицательно тряс головой. Желая обнаружить остальных, мы обыскали всю камеру. На полу ничего не было, как и на стенах. Если там были заключены трое человек и двое за это время умерли, то должны были бы остаться хотя бы их кости.

— Стало быть, ты считаешь…

— Я полагаю, о трибун, что все восемь лет там был только один заключенный.

Трибун грозно взглянул на надсмотрщика и произнес:

— Остерегись; ты как нельзя более ясно обви-

няешь Валерия в том, что он солгал тебе.

Гесий согласно склонил голову и ответил:

— Он мог ошибаться.

— Нет, он был прав, — уже обычным тоном произнес трибун. — Да ты и сам подтвердил это. Ведь, по твоим словам, все эти восемь лет в камеру подавалась еда и питье для троих человек?

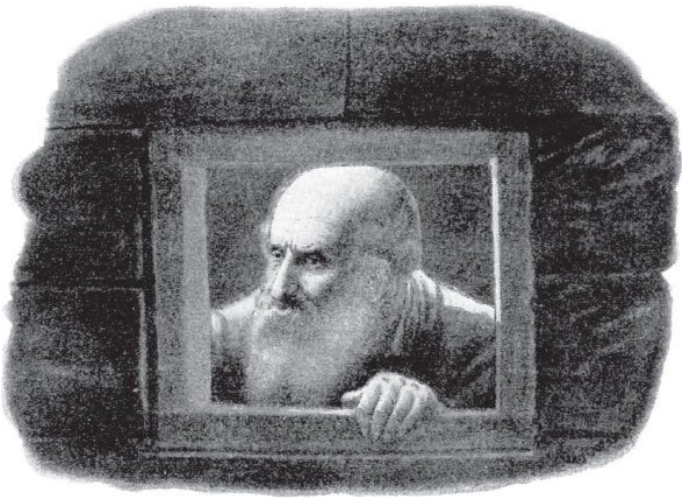
Присутствующие в комнате безмолвно закивали, отмечая проницательность своего шефа; однако Гесий не казался смущенным.

— Ты выслушал только половину моего рассказа, о трибун. Когда ты узнаешь все, ты согласишься со мной. Так вот что я сделал с этим человеком: я отправил его в баню, одел и обул его, подвел его ко входу в башню и отпустил на все четыре стороны. Но сегодня он сам вернулся и его привели ко мне. Заплакав, он знаками дал мне понять, что хочет вернуться в свою камеру. Я не возражал. Когда охрана повела его назад, он стал целовать мне ноги, а потом знаками стал показывать, чтобы я пошел с ним. Я так и сделал. Меня все терзала загадка трех человек, я никак не мог понять, что же произошло. Теперь я рад, что согласился на его просьбу.

Все слушатели затаили дыхание.

— Когда мы снова вошли в камеру и заключен-

ному сказали об этом, он схватил меня за руку и подвел к отверстию, похожему на то, через которое мы подавали ему еду. Хотя оно было размером с твой шлем, накануне мы его не заметили. Держа меня за руку, он прижался лицом к отверстию и издал звероподобный рык. Ответом ему был какой-то звук. Удивившись, я отстранил его и позвал: «Эй, там!» Сначала никто не ответил. Я позвал снова и услышал слова: «Хвала тебе, о Господи!» Еще более удивительным было то, что голос был женский. Я спросил: «Кто ты?» — и получил ответ: «Женщина Израиля, замурована здесь со своей дочерью. Помоги нам, или мы умрем». Я постарался ободрить их и поспешил сюда, чтобы узнать твою волю.

Трибун вскочил на ноги.

— Ты был прав, Гесий, — сказал он, — и я теперь это понимаю. План был ложью, как и сказка о трех заключенных. Там был заключен человек получше Валерия Грата.

— Да уж, — кивнул надсмотрщик. — Как я понял этого заключенного, он все восемь лет

передавал женщинам часть воды и еды, которые получал от нас.

— Это говорит в его пользу, — ответил трибун и, обведя взглядом своих подчиненных, сообразил, что в таких обстоятельствах совсем не помешают свидетели. Мотнув головой, он добавил: — Пошли спасать женщин. Все за мной.

Гесий явно был доволен.

— Нам придется ломать стену, — сказал он. — Я обнаружил место, где раньше была дверь, но потом ее заложили камнями на известковом растворе.

Трибун задержался всего на мгновение, отдав приказ одному из писцов:

— Найди и отправь за мной рабочих с инструментом. Поторопись; но не отправляй доклад, я должен сообщить все как есть.

Спустя несколько минут в кабинете никого не было.

Глава 2
Прокаженные

«Женщина Израиля, замурована здесь со своей дочерью. Помоги нам, или мы умрем».

Такой ответ получил надсмотрщик Гесий из камеры, отмеченной на дополненном плане номером VI. Читатель уже понял, кто были эти несчастные, и, без всякого сомнения, сказал себе: «Наконец-то стало что-то известно про мать Бен-Гура и Тирцу, его сестру!»

Так оно и было.

В утро их ареста, восемь лет назад, они были доставлены в башню, где Грат решил скрыть их от всего мира. Он выбрал башню как место заключения, подчинявшееся непосредственно ему, и камеру № VI потому, что, во-первых, она располагалась более скрытно, чем все остальные, и, во-вторых, потому, что в ней ранее содержались прокаженные. Таким образом, брошенные туда женщины были не только самым надежным

образом скрыты от всего мира, но и обречены на медленную смерть. Поздно ночью, когда никто не мог видеть творящегося беззакония, рабы отвели мать и дочь в эту камеру. Затем те же рабы замуровали дверь, ведшую в камеру, после чего о рабах тоже никто ничего не слышал. Вместо того чтобы начать обычный процесс обвинения, Грат предпочел скрыть свои жертвы там, где их ждала верная, хотя и нескорая, естественная смерть. Так как их существование могло затянуться, он выбрал осужденного, который был ослеплен и лишен языка, и поместил его в единственную сообщающуюся с ними камеру, чтобы тот мог передавать им воду и еду. Этот несчастный никоим образом не смог бы узнать личность своих товарищей по несчастью и причину, по которой они оказались тут, а также имя того, по чьему указанию это было сделано. Таким образом, частично благодаря пронырливости и злобному уму Мессалы, наместник Рима под благовидным предлогом наказания семьи покушавшегося произвел конфискацию имущества Гуров, из которого ни малейшей части не попало в государственную казну.

Завершая свое злодеяние, Грат без промедления перевел на другую службу прежнего

надсмотрщика тюрьмы, однако не потому, что тот был посвящен в его деяния, — тот остался в блаженном неведении, — но потому, что, зная подземное хозяйство тюрьмы как свои пять пальцев, без сомнения, обнаружил бы произведенные переделки. Затем с мастерским хитроумием прокуратор приказал вычертить новые планы для вручения новому надсмотрщику, опустив, как мы только что видели, всякое упоминание о камере VI. Инструкции последнему вкупе с новыми планами тюрьмы довершили дело — камера и ее несчастные обитатели исчезли с лица земли.

То, что представляла собой жизнь матери и дочери в течение восьми лет, имело непосредственное отношение к их культуре и приобретенному складу характера. Условия, в которых мы пребываем, могут казаться нам приятными или ужасными в зависимости от нашей восприимчивости. Не будет крайностью сказать, что если бы во всем мире исчезли его обитатели, то небеса, согласно христианской идее, отнюдь не стали бы небесами для большинства; с другой стороны, далеко не все бы равным образом страдали и в так

называемом Тофете[125]. Совершенствование человека создает в нем противовесы. Когда его способность мыслить обостряется, способность души к чистому наслаждению соответственно возрастает. Если же такой человек попадает в стесненные обстоятельства, то его способность к наслаждениям в этом случае становится мерилом его способности сопротивляться страданию.

Итак, повторимся: чтобы правильно понять всю глубину страданий, которые пришлось вынести матери Бен-Гура, читатель должен иметь в виду ее высокий строй души и восприимчивость, а также, и даже в большей степени, условия их заточения. Вопрос заключается даже не в том, что представляли собой эти условия, но в том, как они действовали на ее душу и тело. Да будет нам позволено сказать теперь, что именно в ожидании этой мысли мы столь подробно изобразили сцену в летнем домике на крыше дома семьи Гур, которая была приведена в Книге второй нашего повествования. По той же причине мы рискнули подробнейшим образом привести описание дворца Гуров.

---

[125] Примечания: 125

Тофет — место вблизи Иерусалима, в долине Енномовой, где в былые времена приносились младенцы в жертву Ваалу и Молоху (Иер. 7: 31) *(библ.).*

Другими словами, пусть наш читатель вспомнит безмятежную, счастливую, роскошную жизнь и противопоставит ей существование в каменном мешке нижнего яруса Антониевой башни. Если же затем читатель, пытаясь осознать страдания женщины, сопоставит с ее

физическими страданиями страдания душевные, то нисколько не ошибется: если он любит своих родных, нежен сердцем, то просто преисполнится сочувствия к несчастной. Но пусть он сделает еще один шаг — пусть он не просто испытает сочувствие к ней, пусть он разделит страдания ее сознания и духа, пусть он попытается хотя бы измерить всю глубину этой муки. Пусть он вспомнит ее во время беседы со своим сыном о Боге, о нации и ее героях; она предстанет перед ним в один момент философом, а в другой учителем, но в каждый из них матерью.

Чтобы как можно сильнее уязвить мужчину, надо нанести удар по его самолюбию, чтобы уязвить женщину — по ее привязанностям.

Оживив в своей памяти воспоминания об этих несчастных — воспоминания о том, что они собой представляли, — спустимся же в тюремные застенки и взглянем на них в их теперешнем положении.

Камера VI имела ту самую форму, которую изобразил Гесий на своем плане. О ее размерах можно сказать немногое, разве что она была довольно просторной, со стенами и полом из тесаного камня.

В начале строительства место, на котором впо-

следствии возвели Македонский замок, было отделено от Храма узкой, но глубокой расщелиной клиновидного профиля. Рабочие, желая вырубить несколько помещений, вгрызлись своими инструментами в северный край расщелины и прорубили сначала довольно длинный проход, вытесав в природном камне сводчатый потолок. Далее они вырубили камеры V, IV, III, II, I, которые сообщались с номером VI только через номер V. Подобным же образом они соорудили коридор и лестницы, ведущие на верхние уровни. Так были сооружены и Царские гробницы, которые в наши дни можно видеть неподалеку от северной окраины Иерусалима. Лишь когда вся работа была закончена, в камере IV из больших каменных блоков была выложена внешняя стена. В ней для вентиляции пробили несколько отверстий небольшого диаметра, напоминающих современные судовые иллюминаторы. Когда же в Храме и замке воцарился Ирод, он повелел еще больше нарастить внешнюю стену в толщину и замуровать все отверстия, кроме одного, сквозь которое в камеру проникало немного живительного воздуха и тонкий солнечный луч, не способный, впрочем, сколько-нибудь развеять мрак темницы.

Такова была камера VI.

А теперь постарайтесь не пугаться!

Внешность слепого и лишенного языка узника, только что освобожденного из камеры V, была описана в основном для того, чтобы приуготовить читателя к ужасу того, что ему предстоит увидеть.

Две женщины прильнули к отверстию в стене; одна из них сидит, другая наполовину склонилась над первой; ничто не отделяет их от голой скалы. Свет, проникающий через отверстие над их головой, делает их похожими на привидения, и мы не можем не заметить, что на них нет ни клочка одежды. Они обнимают друг друга. Богатство их развеялось как дым, уют остался в далеком прошлом, надежда зачахла, но любовь осталась при них. Любовь — это Бог.

В том углу, где две женщины прильнули друг к другу, пол отполирован до зеркального сияния. Кто может сказать, сколько времени за эти восемь лет они провели на этом месте перед отверстием в стене, лелея надежду на спасение под этим робким, но все же дружественным им лучом света? Когда лучик света крепчал, они знали, что наступает утро; когда он тускнел, понимали, что мир погружается во тьму ночи, которая нигде в

мире не была столь длинна и столь темна, как в их узилище. Сквозь эту расщелину они мысленно выходили в мир и, изнывая от усталости и нетерпения, брели по нему, спрашивая встречных: одна о том, где ее сын, другая о том, где ее брат. Они искали его в дальних морях и на островах этих морей; нынче он был в одном городе, а завтра они видели его уже в другом. Но каждое из этих мест было ему лишь кратковременным пристанищем, потому что как они жили лишь надеждой увидеть его, так и он жил лишь ради того, чтобы увидеть их. Как часто в своих мыслях они встречались друг с другом и, трепеща, говорили: «Если он жив, мы не будем забыты; а пока он про нас помнит, еще есть надежда!» Даже малая надежда дает силы человеку.

Наша память о том, чем они были в былые годы, предписывает нам быть исполненными уважения; их страдания облекают их в покровы святости. На почтительном расстоянии, с противоположной стороны камеры мы видим, как они изменились внешне, причем эти изменения — результат не только времени или долгого заключения. Мать была некогда прекрасна красотой зрелой женщины, а дочь — девичьей красотой; но теперь даже любовь не может утверждать, что

это так. Отросшие волосы их длинны, спутаны и приобрели какой-то странный белесый оттенок; нас начинает бить дрожь от неопределенного чувства отвращения. Либо это может быть вызвано световым эффектом, преображающим все в призраков, либо тем, что женщины страдают от голода и жажды с тех пор, как их сосед по заключению был уведен из своей камеры.

Тирца, прильнув к матери, жалобно стонет.

— Успокойся, Тирца. Они придут за нами. Бог добр. Мы всегда помнили о Нем и не забывали возносить Ему молитвы всякий раз, когда над Храмом раздавался трубный звук. Свет, как ты видишь, еще ярок; солнце находится на юге, и вряд ли сейчас больше чем седьмой час. Кто-нибудь да придет к нам. Не будем терять веру. Бог есть добро.

Так говорит мать. Слова ее просты, но достигают своей цели, хотя спустя восемь лет с того дня, как мы впервые увидели ее тринадцатилетней, Тирца уже не ребенок.

— Я постараюсь быть сильной, мама, — отвечает она. — Ты страдаешь, должно быть, еще больше меня; и я сделаю это, потому что мне надо жить ради тебя и моего брата! Но язык мой горит, и губы мои запеклись. Как я хочу знать,

где он сейчас и сможет ли он хоть когда-нибудь найти нас!

Что-то в голосе ее поражает нас своей странностью — некий неожиданный тон, резкий, сухой, металлический, неестественный.

Мать покрепче обнимает дочь:

— Он приснился мне этой ночью, я видела его совсем как тебя, Тирца. Мы должны верить нашим снам, поскольку, как ты знаешь, в них верили и наши отцы. Часто Господь говорил таким образом с ними. Мне снилось, что мы были во Дворе женщин у Врат Прекрасных; вместе с нами было еще много женщин; и тут появился он и встал в тени Врат, глядя по сторонам. Сердце мое забилось. Я знала, что он ищет нас, и протянула к нему свои руки и побежала к нему, зовя его, но он не узнал меня. Через мгновение его уже не было.

— Если бы мы на самом деле встретились с ним, разве все было бы не так же, мама? Мы ведь так изменились.

— Может быть, но… — Мать поникла головой, лицо ее исказилось мукой, но, справившись с собой, она продолжала: — Но мы все-таки должны дать ему о себе знать.

Тирца вскинула руки и снова застонала:

— Воды, мама, хоть каплю воды.

Мать оглянулась по сторонам в совершенной беспомощности. Она так часто поминала имя Господне и так часто обещала от Его имени, что повторение прозвучало бы сейчас фальшиво. Какое-то случайное облачко затмило луч света над их головами, и она бросилась ничком на каменный пол, решив, что их смерть уже близка, что она ждет лишь того, как иссякнет ее вера. Едва понимая, что она делает, она бесцельно произнесла в пространство, ощущая лишь, что должна что-то сказать, и снова повторила:

— Потерпи, Тирца, они придут — они уже здесь.

Ей показалось, что она слышит какой-то звук за стеной в соседней камере, которая была их единственной связью со всем остальным миром. И она не ошиблась. Через мгновение камеру огласил крик их соседа-заключенного. Тирца тоже не могла не услышать этот крик. Женщины вскочили на ноги, по-прежнему держа друг друга в объятиях.

— Да будет благословен Господь на веки вечные! — воскликнула мать, которую била лихорадочная дрожь нахлынувшей надежды и веры.

— Эй, там! — услышали они затем новый голос. — Кто вы такие?

Голос был им незнаком. Это были первые и единственные слова, обращенные к ним за все восемь лет. Переход от смерти к жизни произошел слишком неожиданно и так вовремя!

— Женщина Израиля, замурована здесь со своей дочерью. Помоги нам, или мы умрем.

— Держитесь. Я сейчас вернусь.

Женщины зарыдали в голос. Помощь была на подходе. Надежда металась в их душе, как бабочка над цветами. Они найдены; они обретут свободу. А затем последует восполнение всех лишений — дома, общества, собственности, сына и брата! Скудный свет вещал им о славе дня, отгоняя прочь боль, жажду, голод, угрозу смерти. Женщины распростерлись на полу и рыдали, продолжая обнимать друг друга.

В этот день им не пришлось долго ждать. Гесий, тюремщик, во всех подробностях изложил свою историю трибуну. Трибун же не заставил себя ждать.

— Эй, там! — крикнул он сквозь отверстие в стене.

— Мы здесь! — отозвалась, поднявшись с пола, мать.

Тут же она услышала еще звук в другой стороне камеры — звук ударов в стену, быстрых и звонких ударов, наносившихся стальными инструментами. Она не произнесла больше ни слова, как и Тирца, но они слушали, прекрасно понимая, что это значит — для них пробивают путь к свободе. Так люди, заваленные в глубокой шахте, заслышав пробивающихся к ним спасателей, удары заступа и кирки, отвечают им благодарным биением сердца, не сводя взгляда с того места, откуда доносятся эти звуки; они не могут оторвать взгляда оттуда, понимая, что если эти звуки прекратятся, то они погрузятся в бездну отчаяния.

Но мышцы работающих были сильны, руки их искусны, сами они горели желанием поскорее пробиться к несчастным. Каждый новый удар звучал все более отчетливо; от стены начали отлетать осколки; свобода была все ближе и ближе. Женщины уже могли разбирать слова переговаривающихся между собой рабочих. И — о, счастье! Сквозь пробитую стену они увидели

красный свет факелов. В царившей темноте он был для них подобен ослепительному сиянию, прекрасному, как свет утра.

— Это он, мама, это он! Наконец-то он нашел нас! — с юношеской наивностью воскликнула Тирца.

Но мать лишь мягко произнесла в ответ:

— Господь есть добро!

Один из каменных блоков упал внутрь камеры, за ним другой — а затем рухнуло несколько блоков вместе, и дверной проем оказался свободен. Человек, весь покрытый крошкой известкового раствора и каменной пылью, шагнул в образовавшееся отверстие и остановился, держа факел над головой. Вслед за ним вошли еще двое или трое людей с факелами и расступились, давая проход для трибуна.

Скромность для женщин является не только привычкой, она есть доказательство их истинной природы. Трибун остановился, потому что они отпрянули от него — не из-за страха, но, как было сказано, от стыда; хотя, о читатель, не от одного только стыда! Из мрака, который частично скрыл их наготу, до него донеслись слова, горчайшие, ужаснейшие в мире слова, самые отчаяннейшие из слов, произносимых человеческим языком:

— Не приближайся к нам — мы нечисты, нечисты!

Люди, державшие в руках факелы, переглянулись между собой.

— Нечисты, нечисты! — снова донесся из мрака скорбный, полный муки стон.

Такой стон могла бы издать душа, изгнанная от райских врат, которой предстояло вернуться в тяжкую земную юдоль.

Так вдова и мать исполнила свой долг, поняв в этот момент, что та свобода, о которой она молила и мечтала, тот маячивший впереди золотой и алый плод обернулся яблоком Содома в ее руке.

Она и Тирца были прокаженными!

Возможно, читатель совершенно не представляет себе, что тогда значили эти слова. Чтобы он мог понять это, мы приведем слова закона того времени, лишь в слегка измененном виде действующего и в наши дни.

«Те же четверо почитаются равно мертвецам — это слепой, прокаженный, нищий и бездетный». Так гласил Талмуд[126].

Это значило, что к прокаженному относились

---

[126] Примечания: 126

Талмуд (*др. — евр.* «изучение») — собрание догматических, религиозно-этических и правовых положений иудаизма, сложившихся в IV в. до н. э. — V в. н. э.

как к мертвецу — он должен был удалиться из города; мог разговаривать даже с любимыми людьми на определенном расстоянии; селиться он должен был только с такими же прокаженными; ему выказывалось всяческое неуважение; был возбранен доступ в Храм и в синагоги; ходить он должен был только в рванине и с повязкой на рту, давая знать о себе словами «Нечист, нечист!»; жить он мог только под открытым небом и в заброшенных гробницах, моля Небо послать ему смерть.

Однажды — она не могла вспомнить день или год, когда это произошло, ибо в глубине их заточения не существовало даже времени, — мать ощутила какой-то сухой налет на своей правой руке, нечто вроде перхоти, которую попыталась смыть со своей кожи. Эта напасть постоянно напоминала о себе; но мать почти не обращала

на нее внимания до тех пор, пока Тирца не пожаловалась ей, что ощущает нечто похожее. Их водный паек был весьма скуп, и им пришлось ограничить себя в питье, чтобы использовать сэкономленную влагу в качестве лекарства. Но ничто не помогало, и через некоторое время таким налетом покрылись уже все руки; кожа потрескалась, ногти выпали из лунок. Все это почти не сопровождалось болью, причиняя лишь усиливавшееся неудобство. Еще через некоторое время их губы высохли и потрескались. Однажды мать, которая была чистоплотна до благочестия и сражалась с грязью их темницы всеми ухищрениями своего ума, размышляя о том, что за напасть поразила кожу Тирцы, подвела дочь к лучику света и, всмотревшись в ее лицо, застыла в смертельном ужасе — брови девушки были белы как снег.

О, сколь тяжким бывает груз знания!

Мать бессильно опустилась на пол темницы. Потеряв дар речи, недвижимая, она могла думать только об одном — проказа, проказа!

Когда к ней снова вернулась способность думать, то первая ее мысль была не о себе, но, истинно по-матерински, о дочери. Природная ее нежность обернулась смелостью, и она решила

совершить последнюю жертву в своей жизни, исполненную истинного героизма. Она скрыла знание в глубине своего сердца; бессильная что-либо сделать, она удвоила свою преданность Тирце и с воистину удивительным искусством — удивительным главным образом своей неистощимой изобретательностью — продолжала держать свою дочь в неведении относительно болезни, которая поразила их, выдавая ее за нечто не слишком существенное. Она применяла все известные уловки и находила новые, в который уже раз повторяла рассказы из своей прежней жизни, с новым чувством слушала песни, которые напевала ей Тирца. В ее пораженных болезнью устах творения царя-псалмопевца[127] их народа приносили им умиротворение, даруя забвение и в то же время поддерживая в них обеих память о Боге.

Медленно, но неуклонно, с ужасающим постоянством болезнь прогрессировала. Через какое-то время она убелила сединой их головы, покрыла язвами их губы и веки, усыпала чешуйками их тела; затем проникла в горло, сделав их голоса визгливо-резкими, и в их суставы, затруднив

[127] Примечания: 127

Имеется в виду царь Давид, которому приписывается авторство Псалтыри, одной из книг Ветхого Завета.

им движения. Мать, к сожалению, прекрасно знала, что со временем болезнь, от которой нет спасения, достигнет легких, кровеносных сосудов и костей, с каждой новой победой делая их страдания все более и более ужасными. И процесс этот будет продолжаться вплоть до самой смерти, которая одна сможет освободить их от этих страданий, но которой им придется дожидаться еще долгие годы.

Наконец наступил еще один ужасный день — тот день, когда мать, движимая своим долгом, все-таки сообщила Тирце название поразившей их болезни. В тот день обе женщины, преклонив колена, в отчаянии вознесли молитвы Богу, умоляя Его побыстрее послать им смерть.

Но со временем они так устали от своего недуга, что решили не говорить о нем между собой, молча воспринимая все ужасные перемены в своих телах. В пику болезни они стали держаться за существование. Теперь одно лишь связывало их с миром за стенами их темницы: забывая о своем собственном одиночестве, они поддерживали свой дух разговорами и мечтами о Бен-Гуре. В этих мечтах он воссоединялся и с матерью, и с сестрой, поскольку был равно предан им обеим и равным образом радовался бы встрече с

каждой из них. Свивая и переплетая эту тонкую нить воспоминаний, они обретали силу продолжать существование. Именно в этот момент мы и застали их, когда голос Гесия проник к ним в темницу, где они уже двенадцать часов страдали от голода и жажды.

Свет факелов окрасил темницу в дымно-красный цвет, и в этом свете явилась им свобода. «Господь добр», — воскликнула вдова, имея в виду не то, что было, а то, что произошло сейчас. Не может быть лучшей благодарности за сиюминутное благодеяние, чем забвение прошлого зла.

Трибун твердым шагом вошел в камеру; но тут из угла, в который забились обе женщины, до него донесся крик, исторгнутый чувством долга из груди старшей:

— Нечисты, нечисты!

Каких мук стоило матери исполнение этого долга! Даже радость избавления не смогла заставить ее забыть о последствиях освобождения, которое было уже близко. Прежняя счастливая жизнь стала для них навеки невозможной. Если она приблизится к дворцу, который был ее домом, она должна будет остановиться у входа и прокричать: «Нечиста, нечиста!» Ее сын, о встрече с которым она грезила все эти годы, должен

будет, встретив ее, держаться подальше. Если же он, простерев руки, бросится к ней, чтобы обнять, она ради своей любви к нему должна будет ответить: «Нечиста, нечиста!» Да, о читатель, мужественная женщина отважно приняла свою судьбу, прокричав те слова, которыми ей теперь суждено приветствовать всех вокруг: «Нечиста, нечиста!»

Трибун содрогнулся всем телом, услышав их, но не отступил ни на шаг.

— Кто вы? — спросил он.

— Две женщины, умирающие от голода и жажды. И все же, — нашла в себе силы произнести мать, — не подходи к нам и не прикасайся к полу или стенам. Мы нечисты, нечисты!

— Поведай мне о себе, женщина, — твое имя, когда вы были заключены сюда, кем и за что.

— Когда-то в городе Иерусалиме жил князь Бен-Гур, друг всех благородных римлян. Его дарил дружбой сам цезарь. Я его вдова, а эта девушка со мной — его дочь. Как я могу сказать тебе, за что нас сюда бросили, если этого не знаю? Думаю, только за то, что мы были богаты. Валерий Грат может сказать тебе, кто был нашим врагом и когда началось наше заключение. Я же не могу этого сделать. Посмотри, во что мы преврати-

лись, — посмотри и сжалься над нами!

В камере было почти нечем дышать от каменной пыли и дыма факелов, но римлянин все же подозвал к себе одного из факелоносцев, который и записал этот ответ слово в слово. В этих немногих словах, кратких и емких, было все: их судьба, обвинение и молитва. Рядовой человек не мог бы сделать этого, и трибун не испытывал ничего, кроме жалости и доверия.

— Вы выйдете на свободу, женщина, — сказал он, складывая табулы. — Я пришлю тебе еды и питья.

— И какой-нибудь одежды, и воды, чтобы омыться. Мы будем молиться за тебя, о благородный римлянин!

— Как вам угодно, — ответил он.

— Господь добр, — сказала, всхлипывая, вдова. — Да пребудет Он с тобой!

— И еще, — продолжал трибун. — Я больше не смогу вас увидеть. Соберитесь, сегодня вечером я прикажу вывести вас к воротам башни и отпустить на волю. Ты знаешь закон. Прощайте.

Отдав приказание своим спутникам, он вышел из камеры.

Спустя некоторое время в камеру пришли несколько рабов с большой корчагой воды, та-

зиком и полотенцами, подносом с нарезанным хлебом и мясом и женской одеждой. Сложив все это на пол, они вышли из камеры.

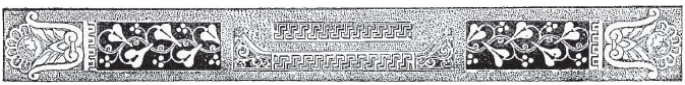
В середине первой стражи[128] солдаты вывели двух женщин из ворот башни и оставили их посреди улицы. Таким образом, римская власть сняла с себя всякую ответственность за них, и в городе их отцов несчастные снова обрели свободу.

Подняв взоры к звездам, которые, как и в доброе старое время, добродушно подмигивали им с небес, женщины задали себе единственный вопрос: «Что дальше? Куда направиться?»

[128] Примечания: 128

В военном лагере римлян ночь делилась на четыре стражи по три римских часа в каждой.

Глава 3
Снова в Иерусалиме

Примерно в то время, когда Гесий, надсмотрщик, появился на пороге кабинета трибуна в Антониевой башне, по северному склону Масличной горы[129] поднимался пеший путник. По обеим сторонам тропы, неровной и пыльной, кое-где виднелись сожженные солнцем кустики травы, поскольку в Иудее наступило сухое время года. К счастью для путника, он был молод и силен, к тому же облачен в просторное льняное одеяние, которое холодило его тело.

Он поднимался медленно, часто бросая взгляды вправо и влево; но не как человек, не уверенный в своей дороге, а скорее как странник, давно покинувший эти места и теперь радующийся новой встрече с ними. Он словно бы давал понять: «Я так рад снова встретиться с вами; позвольте же

---

[129] Примечания: 129

Масличная (Елеонская) *гора* — холм к востоку от Иерусалима, у его подножия располагается Гефсиманский сад и проходит долина Кедрона.

мне понять, как вы изменились».

По мере того как путник поднимался все выше и выше, он время от времени останавливался, чтобы насладиться открывающимся перед ним видом, ограниченным возвышающимися на горизонте горами Моав[130]. Но, приблизившись наконец к вершине, путник ускорил шаги, не обращая внимания на усталость. Теперь он шагал, не останавливаясь и не озираясь по сторонам. На вершине же — чтобы подняться на нее, ему пришлось сойти с тропы — он резко остановился, словно задержанный чьей-то сильной рукой. Случись здесь посторонний, он мог бы заметить, что глаза путника расширились, щеки его разгорелись, дыхание участилось. Все это было следствием взгляда на ту картину, которая расстилалась перед ним.

Путник этот, добрый наш читатель, был не кто другой, как Бен-Гур, перед которым открылся вид на Иерусалим.

Это был не Святой град наших дней, но тот Святой город, который оставил после себя Ирод, — Святой город Христа. Если до сих пор прекрасен он при взгляде с Масличной горы, каким же чу-

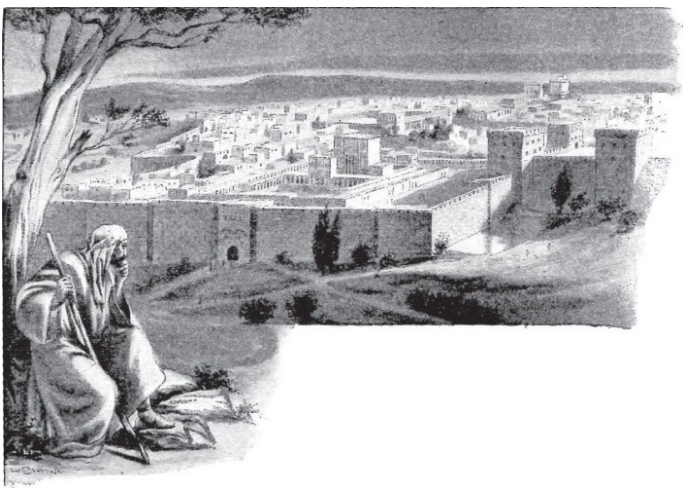
---

[130] Примечания: 130

Моав — возвышенное плато, расположенное к востоку от Мертвого моря.

дом должен он был быть в те времена?

Увидев неподалеку большой плоский камень, Бен-Гур присел на него и, стянув белую наголовную накидку, служившую ему защитой от безжалостного солнца, осмотрелся по сторонам.

С тех пор именно так поступали множество

путников, волею судеб оказавшихся в этих местах, — среди них были сын Веспасиана[131], мусульмане, крестоносцы, которым суждено было одолеть верующих в Магомета; пилигримы Нового Света, открывшие для себя эти места спустя пятнадцать веков со времени нашего повествования; но из всего этого великого множества людей не было, вероятно, ни одного, который бы взирал на открывшийся ему вид с большей горечью, с большей любовью и большей гордостью, чем Бен-Гур. В душе его всплывали воспоминания о его соотечественниках, их триумфах и превратностях их судеб, о их истории, которая была в то же самое время и историей Господа. Город этот был не только скоплением их жилищ, но и наглядным свидетельством преступлений и благочестия его обитателей, их слабостей и их гения, их религиозности и их неверия. Хотя в жизни ему довелось близко познакомиться с Римом, он испытывал благодарность судьбе: вид Иерусалима наполнил душу гордостью, которая могла бы быть тщеславной, если бы не мысль, что город этот уже не принадлежал его соотечественникам; что службы в Храме совершались с позволения

[131] Примечания: 131

Веспасиан Тит Флавий (9–79 гг. н. э.) — римский император (69–79 гг. н. э.).

пришельцев; что на холме, где когда-то обитал Давид, и в его дворце избранный Богом народ мог лишь арендовать себе конторы за презренный металл. Хотя такие же чувства радости, печали и патриотизма испытывал тогда каждый из жителей Израиля, Бен-Гур принес с собой еще и свою личную боль, которую надо будет принимать во внимание при любом рассуждении.

Холмистая страна, лежавшая перед ним, изменилась совсем немного; там же, где холмы сменялись скалами, она не изменилась вообще. Наш читатель может увидеть такую же картину, какой она предстала и Бен-Гуру, за исключением самого города. Лишь вмешательство человеческих рук, не всегда удачное, изменило ее.

Лучи солнца более милостиво обходились с западным склоном Масличной горы, поэтому люди больше предпочитали эту сторону горы. Виноградники, которыми частично был покрыт склон, несколько рощиц, в основном инжирных и старых оливковых деревьев, были не так сожжены солнечными лучами и кое-где сохранили свою зелень. Ниже по склону, в долине Кедрона, зелень росла еще гуще, радуя глаз. Там, где заканчивалась Масличная гора, начинался холм Мориа — почти вертикальная стена из белого как

снег камня, начатая Соломоном и законченная Иродом. Глаз смотрящего скользил по ней все выше и выше, переходя на массивную скалу, выраставшую из стены, — и останавливался на Храме Соломона, бывшем как бы пьедесталом памятника, цоколем которого служил холм. Задержавшись там на несколько мгновений, взгляд поднимался еще выше — через Двор инородцев, затем к Двору израильтян, потом к Двору женщин и Двору жрецов; каждый из которых представлял собой окруженный колоннами ярус, сложенный из белого мрамора, спускающийся террасами по склону. Все это венчал безгранично святой, невыразимо прекрасный, царственно величественный, сверкающий золотом купол Скинии, Святая Святых. Ковчег Завета находился не в ней, но там был Иегова — как было известно каждому ребенку в Израиле.

Но взор Бен-Гура скользил выше и выше — поверх купола Храма, по склону Сионского холма, освященному памятью о миропомазанных царях. Он знал, что между Сионским холмом и холмом Мориа проходит глубокая долина Торговцев Сыром, застроенная дворцами вельмож и засаженная садами; его мысли воспаряли к группе зданий

на этом царственном холме — домам Каиафы[132], Центральной синагоге, римскому Преторию[133] и, наконец, скорбной и величественной громаде кенотафов[134] Фазелия и Мариамна. А за всеми этими строениями едва видимый в дымке темнел дворец Ирода, при виде которого Бен-Гур мог думать только о Царе, Который грядет, Которому он посвятил всего себя и тропу для Которого он взял на себя труд расчистить. И мысль его уже забежала вперед, к тому дню, когда новый Царь явится, чтобы заявить свои права и стать обладателем всего этого — Мориа с его Храмом; Сиона с его башнями и дворцами; Антония, чья темная громада возвышалась чуть правее Храма; нового, не обнесенного стеной района Безета; миллионов сынов Израиля, которые придут к Нему с пальмовыми ветвями в руках, чтобы воспеть славу новому Царю, покорившему весь мир и давшему этот мир им.

Люди обычно считают мечту детищем ночи и

---

[132] Примечания: 132

Каиафа — зять и преемник Анны, верховного жреца Иерусалима.

[133] Примечания: 133

Преторий — здесь: резиденция наместника в провинции.

[134] Примечания: 134

Кенотаф — «пустая гробница», возводившаяся в честь тех, чьи тела не были найдены.

сна. Они должны были бы быть лучше осведомлены об истине. Все, чего мы добиваемся, является воплощением в жизнь наших мечтаний. Мечта служит подспорьем в наших трудах, тем вином, которое поддерживает нас в наших деяниях. Мы учимся любить наш труд не ради него самого, а за возможность с его помощью осуществить наши мечтания, уносящие нас от монотонности обыденной жизни. Жить — значит мечтать. Лишь в могиле прекращаются все мечты. Так пусть же никто не посмеется над Бен-Гуром за те мечты, которые пришли к нему тогда, на холме.

Солнце уже спустилось к горизонту. На несколько минут пылающий жаром диск задержался над далекими горными вершинами, залив небо над городом, его стены и башни жидким золотом. Еще немного спустя солнце словно рывком исчезло за зубчатой стеной гор. Наступивший покой обратил мысли Бен-Гура к родному дому. Взор его устремился к некой точке на небе, лежавшей чуть севернее бесподобного купола Святая Святых: там был расположен его отчий дом, если он еще существовал.

Умиротворенность вечера изменила бег его мыслей. Отстранив на время свои амбиции, он стал думать о том долге, который привел его

в Иерусалим.

Воссоединившись в пустыне с Илдеримом, они вместе занялись изучением возможных будущих укрепленных мест. Так солдат проводит рекогносцировку местности, где ему предстоит сражаться. Однажды вечером их разыскал гонец, принесший сообщение, что Грат смещен, а его место занял Понтий Пилат.

Искалеченный Мессала был заперт в четырех стенах и считал его мертвым; Грат лишен власти и отбыл в Рим; мог ли Бен-Гур откладывать поиски своей матери и сестры? Теперь ему нечего было бояться. Если он и лишен возможности осматривать темницы Иудеи, то мог сделать это силами других. Если ему удастся обнаружить своих родных — у Пилата нет никаких причин держать их в заключении. Вырвав родных из темницы, он мог бы скрыть их в безопасном месте, а потом со спокойной совестью и холодным рассудком посвятить себя главному делу — подготовке пришествия грядущего Царя. Размышлял он недолго. Той же ночью он посовещался с Илдеримом и получил его согласие. Трое арабов проводили Бен-Гура до Иерихона, где он оставил их и лошадей ждать его, а сам отправился в Иерусалим один и пешком. Маллух должен был ждать

его в Святом городе.

План Бен-Гура, если всмотреться в него пристальнее, грешил неопределенностью.

В видах на будущее Бен-Гуру следовало держаться подальше от всех представителей власти, в особенности римлян. Контакты с ними вполне можно было доверить Маллуху: он уже доказал свою сообразительность и надежность.

Прежде всего надо было решить, откуда начинать поиски. У Бен-Гура не было никаких зацепок. Поэтому он решил начать с Антониевой башни. Слухи об ее подземных узилищах наводили на иудеев страх едва ли не больший, чем римский гарнизон города. Вряд ли можно было найти место, более пригодное для того, чтобы заживо погрести человека, что скорее всего и сделали с его родными. Кроме этого соображения, было еще одно: Бен-Гур не мог забыть, что, бросив последний взгляд на своих любимых, он увидел, как римский солдат ведет их по улице по направлению к башне. Даже если они в данный момент и не находятся там, то должны были остаться какие-нибудь записи об их пребывании там, какая-нибудь путеводная нить, могущая привести его к конечной цели.

Кроме этого соображения, существовала еще

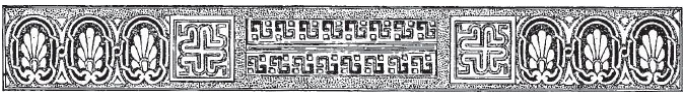
одна надежда, от которой он не мог отказаться. От Симонидиса он знал, что Амра, египетская нянька, была еще жива. Читатель, без всякого сомнения, помнит, что это преданное существо в тот день, когда на семейство Гур обрушилось несчастье, вырвалась из рук стражников и укрылась во дворце, где и была опечатана вместе со всем остальным имуществом. В последовавшие за этим годы Симонидис тайно снабжал женщину продуктами; так что теперь она по-прежнему оставалась во дворце единственной обитательницей этого громадного дома, который Грат, несмотря на все свои усилия, так и не смог продать. Рассказы о его законных владельцах заставляли держаться подальше от этого дома всех возможных покупателей и арендаторов. Прохожие, минуя заброшенный дом, понижали голос. Ходили слухи, что в доме живут привидения. Этому способствовала и бедная старая Амра, которая иногда мелькала то на крыше, то в забранных деревянными решетками окнах здания. Бен-Гур лелеял надежду, что она, если удастся добраться до нее, сможет помочь ему. Во всяком случае, встреча с ней в этом месте, овеянном сладкими воспоминаниями детства и юности, стала бы радостью, больше которой могла бы стать для

него только встреча с матерью и сестрой.

Итак, прежде всего он должен был побывать у своего старого дома и повидать Амру.

Приняв такое решение, вскоре после захода солнца он поднялся с камня, на котором сидел, и стал спускаться с холма по тропинке, которая вела к северо-востоку. Оказавшись у подножия холма, в долине Кедрона, он проследовал до пересечения тропы с дорогой, уходившей на юг, к селению Силоам и к пруду, носящему то же самое название. Здесь он повстречал пастуха, гнавшего на рынок отару овец. Обменявшись с ним несколькими словами, Бен-Гур получил позволение примкнуть к пастуху. В его обществе он миновал Гефсиманию и вошел в город через Рыбные ворота.

Глава 4
Бен-Гур на пороге отчего дома

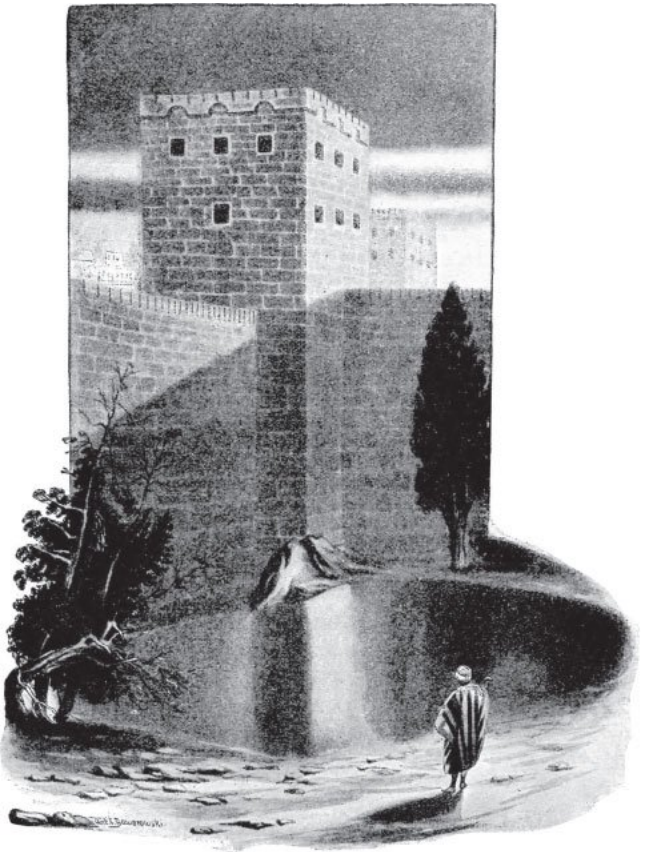

Уже стемнело, когда, простившись у городских ворот со своим спутником, Бен-Гур свернул в узкий переулок, уходивший к югу. Лишь кое-кто из прохожих, встреченных им по дороге, приветствовал его. Неровная мостовая заставляла постоянно смотреть под ноги. Невысокие и темные дома, казалось, мрачно наблюдали за пришельцем. Двери были заперты, с крыш порой доносились женские голоса, поющие колыбельные детям. Одиночество в родном городе, ночь, неясность цели его стремлений — все нагоняло на Бен-Гура тоску. Все более и более грустнея, он приблизился к водоему, известному ныне как купальня Вифезда[135], в неподвижной воде которого отражалось раскинувшееся над городом

[135] Примечания: 135

Вифезда — купальня у Овечьих ворот Иерусалима, где Иисус исцелил в субботу парализованного (Ин., 5: 9) *(библ.).*

небо. Взглянув вверх, он увидел северную стену Антониевой башни, черную мрачную громаду, вздымающуюся в сумеречное серо-стальное небо.

Башня возносилась так высоко, казалась такой

громадной, такой незыблемо покоящейся на своем основании, что он задумался о ее мощи. Если там была заживо погребена его мать, что он сможет сделать для нее? Голыми руками, разумеется, ничего. Целая армия могла бы ломиться в ворота, обстреливая их из баллисты и колотя тараном, под веселый смех защитников башни. Одна юго-восточная площадка для баллист казалась сравнимой по размерам с целым холмом. Глядя на нее, он невольно подумал: Господь, последняя надежда слабых, порой слишком медлит применить свою силу!

Исполненный сомнений и дурных предчувствий, он свернул на улицу, начинающуюся от входа в башню, и медленно побрел по ней на запад.

Бен-Гур знал, что неподалеку от Вифезды был когда-то караван-сарай, и намеревался там остановиться на все время своего пребывания в городе; но сейчас он не мог преодолеть искушение взглянуть на свой родной дом. Сердце властно вело его в ту сторону.

Древнее традиционное приветствие, которое донеслось до него от кучки случайных гуляк, прозвучало для его слуха сладостной песней. В этот момент высокие облака на восточном небосклоне

осветились последними лучами заходящего солнца, и в их серебристом свете стали видны здания на западе, ранее неразличимые, — в основном высокие башни на Сионском холме, которые, казалось, плыли в воздухе над невидимой землей.

Он решительно направил шаги к отчему дому.

Некоторые из тех, кто читает эти строки, уже готовы предугадать его чувства. Для этих читателей родной дом в их юные годы был оазисом счастья, вне зависимости от того, сколь давно это было, — именно от этого дома всегда начинали разматываться их воспоминания; этот райский уголок они покидали в слезах, уходя во взрослую жизнь, и в него они хотели бы вернуться, если это было бы возможно, снова став малыми детьми; обитель смеха и пения, с которой не могли сравниться любой или даже все их триумфы в последующей жизни.

У ворот на северной стене своего старого дома Бен-Гур остановился. Воск, использованный римскими солдатами в качестве печатей, был все еще отчетливо виден, а наискосок створок была прибита доска с надписью:

«СОБСТВЕННОСТЬ ИМПЕРАТОРА».

Ни один человек не вошел и не вышел из ворот

этого дома с того самого ужасного дня, когда Бен-Гур был разлучен с семьей. Не постучать ли ему в ворота, как во время оно? Это было бесполезно, он знал, но не мог устоять перед искушением. Амра могла бы услышать его стук и выглянуть в одно из окон. Взяв в руки камень, он поднялся на широкую каменную ступеньку и постучал три раза. Ответом ему было только гулкое эхо. Выждав несколько минут, он сделал еще одну попытку, на этот раз громче, чем в первый раз; потом снова, каждый раз делая паузу и прислушиваясь. Но царившая в доме тишина словно насмехалась над ним. Отступив на улицу, он всмотрелся в окна, но в них не было и признака жизни. Парапет, которым была обнесена плоская крыша, четко вырисовывался на фоне еще слегка светлого неба; если бы кто-нибудь был там, Бен-Гур обязательно увидел бы его. Но никакого движения, однако, не наблюдалось.

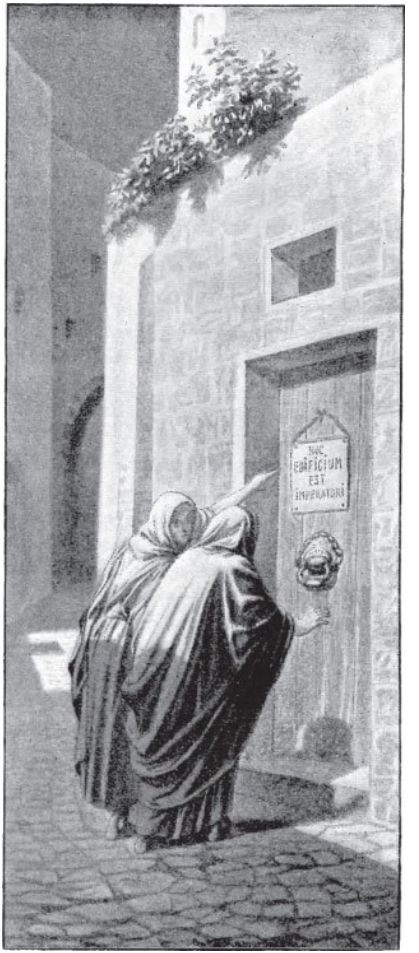
От северной стороны дома он перешел к западной, где было четыре окна, в которые он долго и внимательно всматривался без какого-либо успеха. Временами сердце его замирало от тщетной надежды, иногда его начинала бить дрожь от обуревавших его чувств. Но Амры нигде не было видно — даже в образе бесплотного духа.

Отчаявшись вызвать ее, он обогнул дом и приблизился к его южному фасаду. Здешние ворота тоже были опечатаны и несли на себе такую же надпись. Мягкий свет августовской луны, поднявшейся над Масличной горой, высветил римские письмена на доске, прибитой к воротам. Он прочел их, и душа его наполнилась гневом. Но все, что он мог сделать, это сорвать доску со створок ворот и бросить ее в кювет. Затем он опустился на ступеньку и вознес молитву новому Царю, моля Его ускорить свой приход. Когда чувства его успокоились, усталость после долгой дороги под жарким солнцем взяла свое. Он прилег на ступеньку и в конце концов уснул.

Две женщины, спускавшиеся по этой же улице по направлению от Антониевой башни, приблизились ко дворцу Гуров. Они двигались с опаской, робкими шагами, часто останавливаясь, чтобы прислушаться. Подойдя к углу дворца, одна из них произнесла полушепотом, обращаясь к другой:

— Вот он, Тирца!

И Тирца, бросив быстрый взгляд на дом, схватила руку матери и беззвучно зарыдала, уткнувшись лицом ей в плечо.

HIC
FABRICIUM
EST
IMPERATORI

— Но пойдем же отсюда, дитя мое, потому что, — мать, помедлив, продолжала, справившись со своими чувствами, — потому что, когда рассветет, нас изгонят из городских ворот — и возврата нам не будет.

Тирца почти без чувств рухнула на камни мостовой.

— Ах да! — захлебываясь рыданиями, простонала она. — И я забыла. Мне было показалось, что я пришла к себе домой. Но ведь мы прокаженные, и у нас нет дома. Мы словно мертвые!

Мать наклонилась и нежно подняла ее, говоря:

— Нам нечего бояться. Пойдем же.

И в самом деле, воздев к небу свои лишенные ногтей руки, они могли бы обратить в бегство целый легион.

Прижавшись к грубой каменной стене, они пошли вдоль нее, скользя словно два привидения. Дойдя до ворот, женщины остановились и, увидев доску на воротах, прочитали, привстав на камень, все ту же надпись:

«СОБСТВЕННОСТЬ ИМПЕРАТОРА».

Тут мать всплеснула руками и, воздев очи горе, простонала в невыразимом страдании.

— Что еще, мама? Ты меня пугаешь!

В ответ ей прозвучали исполненные горя слова:

— О Тирца, он беден! Он мертв!

— Кто, мама?

— Твой брат! У него отобрали все — абсолютно все, — и даже этот дом!

— Беден! — рассеянно произнесла Тирца.

— Он никогда не сможет помочь нам.

— Так что же мы будем делать, мама?

— Завтра — завтра, дитя мое, нам придется сесть где-нибудь на обочине дороги и просить милостыню, как это делают все прокаженные; просить подаяние или…

Тирца снова прильнула к ней и прошептала:

— Нам лучше всего умереть!

— Нет! — твердо ответила мать. — Наши дни отмерены самим Господом, а мы верим в Него. Так будем же уповать на Него даже такими. Пойдем отсюда!

Сказав это, она схватила Тирцу за руку и увлекла ее к западному углу дома. Оглядевшись и никого не увидев, они пробрались к следующему углу. Здесь их едва не ослепил лунный свет, заливавший своим сиянием весь южный фасад и часть улицы. Воля матери была непреклонна. Бросив всего один взгляд на окна западного фаса-

да, она сделала шаг вперед, на залитую лунным сиянием улицу, ведя Тирцу за собой. В серебристом лунном свете стали видны зловещие знаки поразившей их болезни — на их губах и щеках, во взоре их близоруких глаз, в их скрюченных руках; но особенно явственно они проступали в длинных спутанных космах мертвенно-белых волос, склеенных в колтуны выступившим из язв гноем. Увидев их, никто не мог бы сказать, что это были мать и дочь: обе женщины выглядели старыми ведьмами.

— Пст! — вдруг произнесла мать. — Там кто-то лежит на ступеньках — какой-то мужчина. Давай обойдем его.

Они поспешили перейти на другую сторону улицы и, прячась в тени от домов, пробрались до уровня ворот, где и застыли на месте.

— Он спит, Тирца!

Мужчина на ступенях не шевелился.

— Стой здесь, а я попробую открыть ворота.

Сказав так, мать неслышно пересекла улицу и попыталась открыть калитку. Она так никогда и не узнала, поддалась та ее напору или нет, потому что в этот момент спящий мужчина вздохнул и, перевернувшись во сне, обратил свое лицо к небу. Наголовная накидка сползла с его лица, и

лунный свет осветил его черты. Мать взглянула на него и замерла на месте; потом всмотрелась пристальнее, слегка наклонившись. Затем, выпрямившись, она молитвенно сжала руки на груди и вознесла взор к небесам в немой молитве. Несколько секунд, и она быстро вернулась назад к ожидавшей ее Тирце.

— Возблагодарим Господа! Этот человек — твой брат! — прошептала она на ухо девушке.

— Мой брат? Иуда?

Мать изо всех сил сжала ее запястье.

— Пойдем! — все тем же страстным шепотом продолжала она. — Давай вместе взглянем на него — еще раз — только разок, — а потом да поможет Господь своим слугам!

Рука об руку, напоминая двух привидений и двигаясь неслышно, подобно привидениям, они пересекли улицу. Когда их тени коснулись спящего, женщины остановились. Одна из его рук лежала на каменной ступеньке ладонью вверх. Тирца упала на колени и хотела было поцеловать ее, но мать отдернула ее назад.

— Никогда в жизни, никогда в жизни не делай этого! Мы нечисты, нечисты! — прошептала она.

Тирца отшатнулась от брата, словно прокаженным был он.

Спящий поражал своей строгой мужской красотой. Его лоб и щеки были покрыты коричневым загаром пустыни; под короткими усами розовели губы чувственного рта и поблескивали белизной зубы; мягкая бородка не скрывала нежную округлость подбородка и начала шеи. Сколь же прекрасен он был для исстрадавшегося материнского взора! И как страстно мечтала она обнять своего давно не виденного сына, прижать его голову к своей груди и поцеловать его, как целовала его в далеком детстве! Как только она смогла найти в себе силы удержаться от этого! Силы эти, о читатель, дала ей любовь — ее материнская любовь, которая, если тебе дано это увидеть, именно этим и отличается от всякой другой любви: нежная к объекту любви, она может быть тиранична к самой себе, являя всю силу самопожертвования. Мать опустилась на колени и, склонившись до земли, коснулась губами подошвы одной из его сандалий, желтой от уличной пыли, — и коснулась ее снова и снова, вкладывая в эти поцелуи всю свою душу.

Бен-Гур шевельнулся и разметался во сне. Мать и дочь отшатнулись, но услышали, как он пробормотал в полусне:

— Мама! Амра! А где же…

Тирца беспокойно шевельнулась. Мать уткнулась лицом в уличную пыль, чтобы заглушить рвущийся из груди стон.

Ее сын спрашивал о ней, он не забыл ее, даже во сне он думал о ней. Разве этого не достаточно?

Мать кивнула головой Тирце. Женщины встали и, бросив на спящего еще один взгляд, словно навсегда запечатлевая его в своей памяти, рука об руку перешли на противоположную сторону улицы. Скрывшись в тени глиняной стены, они остановились и опустились на колени, глядя на спящего, ожидая его пробуждения — ожидая сами не зная чего. Никто не может назвать меру терпения женщины.

Вскоре около угла дома появилась еще одна женская фигура. Неразличимые в тени женщины видели ее в лунном свете; небольшая фигурка, согнутая годами, темнокожая, седовласая, опрятно одетая в изношенные одежды служанки, несла в руках корзину, полную овощей.

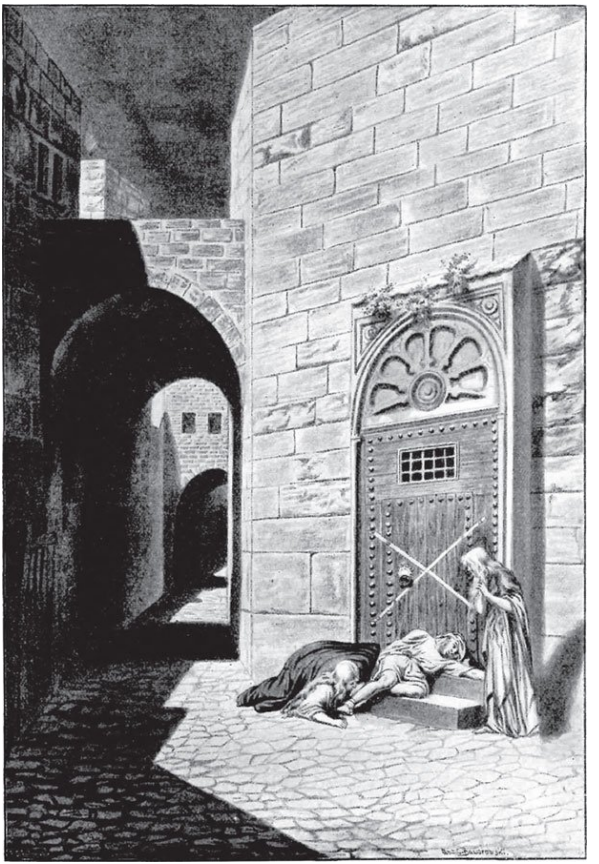
Увидев спящего на ступеньках человека, женщина остановилась; затем, словно приняв решение, снова двинулась вперед и, осторожно ступая, приблизилась к спящему. Обойдя его, она подошла к воротам, тихонько отодвинула щеколду калитки и просунула руку в образовав-

шуюся щель. Одна из широких створок ворот бесшумно повернулась на левой петле. Женщина протолкнула корзину внутрь и уже готова была сама последовать за ней, однако скорее всего из любопытства помедлила, чтобы бросить взгляд на спящего незнакомца.

Скрывающиеся в тени на другой стороне улицы женщины услышали приглушенное восклицание и увидели, как женщина протерла глаза, словно не веря им, затем склонилась, всплеснула руками, оглянулась по сторонам и, не спуская взгляда со спящего, взяла его откинутую в сторону руку и любовно поцеловала ее — как то желали сделать стоящие в тени женщины, но не посмели.

Разбуженный этим движением Бен-Гур инстинктивно отдернул руку, и его взгляд встретился со взглядом смотрящей на него женщины.

— Амра! О Амра, неужели это ты? — произнес он.

Доброе создание ничего не ответило словами, но припало к его груди, рыдая от радости.

Он осторожно развел стиснутые у него на шее руки и, приподняв за подбородок ее лицо, мокрое от слез, поцеловал ее с не меньшей радостью, чем она. И тут же стоящие через улицу услышали его вопрос:

— Мама… Тирца… О Амра, скажи мне, что с ними? Говори, говори, молю тебя!

В ответ Амра только снова зарыдала в голос.

— Ты видела их, Амра. Ты знаешь, где они; скажи же мне, что они в доме.

Тирца было подалась вперед, но мать, угадав ее намерения, крепко схватила ее за руку и прошептала:

— Не смей — ни за что в жизни. Мы нечисты, нечисты!

Ее любовь была тиранической. Хотя сердце разрывалось от желания дать знать о себе, их сын и брат не должен был знать, что с ними случилось. И она победила.

Тем временем Амра, не в силах справиться с собой, продолжала рыдать.

— Ты хотела войти? — спросил он, увидев приоткрытую створку ворот. — Тогда войдем. Я хочу войти с тобой.

Произнеся это, он поднялся со ступеньки, на которой спал.

— Римляне — да будут они прокляты их богами! — просто лгут. Этот дом принадлежит мне. Вставай, Амра, и давай войдем.

Через минуту они уже скрылись из виду, оставив женщин с горечью смотреть на закрывшиеся ворота — те ворота, войти в которые им уже было не суждено. Сжимая в объятиях друг друга, они без сил осели в уличную пыль.

Они выполнили свой долг.

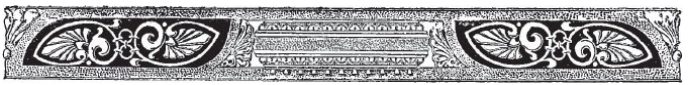
И доказали свою любовь.

Когда наступило утро, жители города обнаружили их и выпроводили из городских ворот градом камней.

— Ступайте отсюда! Вы все равно что мертвы, так и ступайте к мертвецам!

Провожаемые этими криками, они побрели прочь.

Глава 5
Гробница за Царскими садами

В наши дни путешествующие по Святой земле паломники, желающие посетить знаменитое место с чудесным названием Царские сады, должны спуститься в долину Кедрона или проследовать вдоль уходящей к Мертвому морю долины Еномовой вплоть до старого доброго водоема Эн-рогель, сделать там глоток журчащей у их ног воды и остановиться, поскольку ничего интересного дальше не будет. Им останется только поглядеть на громадные глыбы, которыми выложен водоем, поинтересоваться у провожатого его глубиной да пожалеть тех несчастных, которые ворочали эти глыбы. Затем если путешественники обведут взором окрестности, то, без сомнения, будут захвачены суровой красотой холмов Мориа и Сион, спускающихся к ним террасами с севера. Один из них заканчивается, упираясь в Офель, другой — в то, что ныне известно под названием

города Давидова. Вдали на фоне неба видны эти святые места: здесь Храм с его грациозным куполом; там грандиозные развалины Гиппикуса, впечатляющего даже тем, что от него осталось. Вдоволь налюбовавшись на эту картину, пробуждающую в них память о событиях начала христианства, паломники переводят взгляд на гору Соблазна, строгий массив которой возвышается по правую руку от них; а потом на холм Совета Нечестивых слева, который может стать для них главной достопримечательностью этих мест, если они сильны в библейской истории и если смогут превозмочь сверхъестественный ужас, исходящий от него.

Можно было бы долго рассказывать обо всем, что находится возле этого холма; достаточно упомянуть только о том, что его основание расположено как раз над общепризнанным Адом — Адом кипящей серы и огня, — тем самым, который ранее называли Геенной. Надо еще сказать и о том, что сейчас, как и во времена Христа, крутой склон, высящийся к югу и юго-востоку от города, изборожден многочисленными норами и землянками, с незапамятных времен дающими приют прокаженным. Они, избегаемые всеми как проклятые Богом, настолько многочисленны,

что основали город и заселили его, организовали собственное общество и даже создали свое правительство.

На следующее утро после событий, описанных в предыдущей главе, Амра появилась у водоема Эн-рогель и присела на камень. Житель Иерусалима, взглянув на нее, принял бы ее за служанку из какой-нибудь благополучной семьи. При ней были кувшин с водой и корзина, содержимое которой покрывала белоснежная салфетка. Поставив кувшин и корзину на землю рядом с собой, она развязала платок, покрывавший ее голову, сложила руки на коленях и спокойно устремила свой взор туда, где склоны холма сходили вниз к Акелдаме[136], «земле горшечника».

Стояло раннее утро, и она была первым человеком, появившимся у водоема. Вскоре, однако, подошел мужчина, принесший с собой веревку и кожаное ведро. Кивнув головой темнолицей женщине, он размотал веревку, прикрепил к ней ведро и принялся дожидаться клиентов. Скупые доставали из водоема воду сами, он же был профессионалом в своем деле и мог наполнить водой

[136] Примечания: 136

Акелдама (*арам.* «земля крови») — участок земли (бывшая «земля горшечника»), который первосвященники израильские приобрели за возвращенные Иудой тридцать сребреников. См. Мф. 27: 3.

самый большой кувшин за gerah.

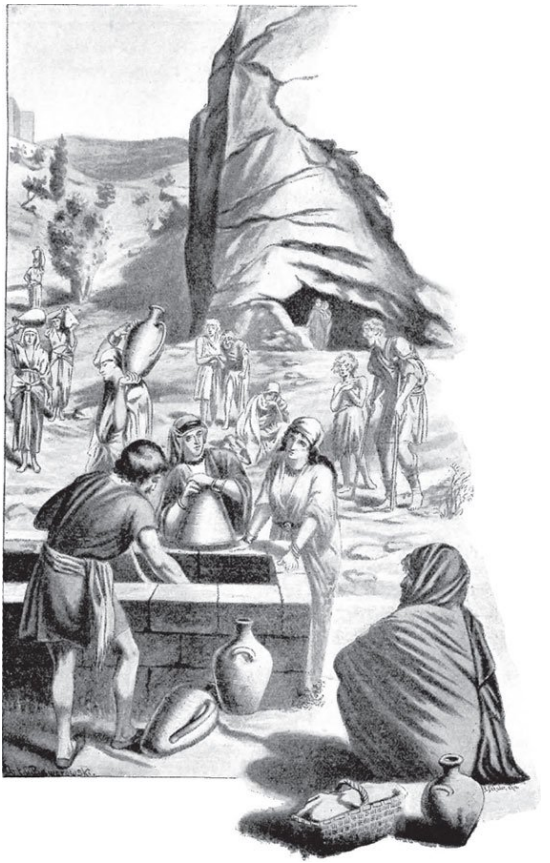
Амра спокойно сидела и молчала. Увидев кувшин у ее ног, мужчина с ведром спросил, не хочет ли она его наполнить. Она вежливо ответила: «Попозже», после чего он оставил ее в покое. Когда небо над Масличной горой стало совсем светлым, появились клиенты, и он целиком переключился на их обслуживание. Все это время она продолжала сидеть, пристально глядя на холм.

Взошло солнце, но она все сидела и ждала. Пока ожидание продолжается, мы попробуем понять ее намерения.

У нее вошло в привычку выходить на рынок за покупками после наступления темноты. Незаметно выбравшись из дворца Гуров, она шла в лавки Тиропейона или к продавцам у Рыбных ворот, покупала мясо и овощи, возвращалась и снова закрывалась одна во всем доме.

Радость, которую она испытала, встретив у порога дома Бен-Гура, не поддается описанию. Она не могла ничего сообщить ему о своей госпоже или о Тирце — она ничего не знала. Он предложил ей перебраться куда-нибудь, где ей не будет так одиноко; но она отказалась. В свою очередь, она предложила ему снова занять его прежнюю комнату, которую она хранила такой,

какой он оставил ее; но страх перед тем, что его обнаружат, удержал Бен-Гура от такого решения. Они договорились, что Бен-Гур будет навещать ее как можно чаще. Появляясь ночью, он ночью же будет и уходить. Амра была вынуждена удовлетвориться этим и целиком предалась заботам, как порадовать своего любимца. Вспомнив, что из ее блюд он любил больше всего, она следующим вечером выбралась наружу и отправилась на рынок у Рыбных ворот. Переходя от лавки к лавке и выискивая лучший мед, она получила случай услышать краем уха рассказ одного из покупателей.

О чем — наш читатель может догадаться, если узнает, что рассказчик был один из тех, кто освещал факелами путь коменданта Антониевой башни, когда он спустился в камеру VI и обнаружил там мать и дочь Гур. Он подробно описал все происшедшее, не забыв упомянуть имена заключенных и краткую историю вдовы, поведанную ею о себе.

Мы можем представить себе, какие чувства испытала преданная Амра, услышав этот рассказ. Она сделала покупки и вернулась домой как во сне. Какую радость она припасет для своего мальчика! Она нашла его мать и сестру!

Но, опустив корзину на пол своей комнаты, она задумалась. Известие о том, что мать и сестра больны проказой, может убить его. Он способен отправиться в город проклятых на склонах холма Совета Нечестивых — и переходить от одной пораженной проказой землянки к другой, без устали расспрашивая о своих родных. Не дай бог, если зараза коснется его и их судьба станет его судьбой! Амра в отчаянии заломила руки. Как ей лучше поступить?

Как и на многих, в таком состоянии на нее снизошло вдохновение, если не мудрость, и ей было дано прийти к единственно возможному

решению.

Она знала, что прокаженные выбираются по утрам из своих мрачных землянок и глинобитных укрытий на холме и спускаются к источнику Эн-рогель, чтобы запастись водой на целый день. Принеся к источнику свои кувшины, они ставят их на землю и ждут, стоя в отдалении, пока они не будут наполнены. К этому источнику должны были прийти и ее госпожа вместе с Тирцей.

Поэтому Амра решила не передавать Бен-Гуру услышанный на рынке рассказ, но самой отправиться к источнику и подождать там. Голод и жажда должны согнать несчастных вниз. Она верила, что сможет узнать их; если же нет, то, возможно, они смогут узнать ее.

Тем временем ее навестил Бен-Гур, и они многое рассказали друг другу. Завтра в Иерусалим прибывал Маллух; с его помощью можно было начинать поиски. Бен-Гур горел нетерпением приступить к ним. Чтобы скоротать время, он хотел посетить святые места в окрестностях. Тайна, скрываемая преданной служанкой, висела на ней тяжким грузом, но она пересилила себя.

Когда Бен-Гур ушел, Амра занялась приготовлением пищи. Ближе к утру, когда на предрассветном небе стали гаснуть звезды, она уложила

в корзину еду, выбрала кувшин побольше, выбралась из дворца и отправилась к источнику Эн-рогель, выйдя из города через Рыбные ворота, которые открывались в городской стене первыми.

Вскоре после восхода солнца, когда у источника уже вовсю кипела работа и носильщик воды едва успевал поворачиваться, обслуживая многочисленных клиентов, спешащих вернуться домой до той минуты, когда утренняя прохлада сменится дневным жаром, обитатели холма тоже начали выбираться из дверей своих убогих жилищ и спускаться вниз за дневным рационом воды.

Со своего места у источника Амра следила взглядом за группами несчастных, словно призраки скользивших по склону. Она почти не двигалась. Не однажды ей казалось, что узнала тех, кого ждала. Она не сомневалась, что они обитают где-то на холме; знала и то, что они должны спуститься вниз и подойти к источнику: когда все здоровые наберут воду, наступит очередь больных.

Почти у подножия склона находился склеп, который уже не единожды привлекал внимание Амры своим широким входом. Рядом с этим входом был привален к склону большой обтесанный

камень. Ближе к полудню лучи высоко поднявшегося солнца должны были залить внутренность склепа жаром, поэтому там вряд ли могло обитать что-либо живое, кроме разве что одичавших собак, забегавших отдохнуть туда, к подножию Геенны, после своих трудов на городских свалках. Однако именно оттуда, к величайшему удивлению терпеливой египтянки, появились две женские фигуры, одна из которых то ли поддерживала, то ли вела другую. У обеих развевались по воздуху длинные белые космы волос; обе выглядели старухами; они осматривались по сторонам, словно все здесь было им в новинку. Смотрящей на них египтянке показалось, что их пугает окружающая толпа несчастных, частью которой они сами являются. Какая-то подспудная догадка заставила сердце ее забиться чаще и во все глаза смотреть только на них.

Две женщины какое-то время постояли у привалённого к склону камня, затем, очень медленно и явно испытывая боль от передвижения, двинулись вперед, к источнику. Сердитые голоса потребовали остановиться; они, однако, продолжали свое движение. Носильщик воды подобрал с земли несколько голышей и приготовился отогнать их камнями. Собравшиеся у источника

люди стали проклинать несчастных. Со склона холма послышались крики: «Нечисты, нечисты!»

«Воистину, — подумала Амра, глядя на две ковыляющие женские фигурки, — они еще не знают, как должны вести себя прокаженные».

Она поднялась с камня, на котором сидела, и двинулась навстречу бредущим фигурам, не забыв прихватить кувшин и корзину. Тревога у источника тут же сошла на нет.

— Что за дура, — сказала со смехом одна из женщин у водоема, — что за дура отдает хорошую еду этим живым трупам!

— И только подумать, в какую даль она пришла, — подхватила другая. — Я бы дожидалась их у городских ворот.

Но Амра продолжала свой путь. Если бы ей было дано ошибиться! Сердце старой преданной служанки подступало к горлу. Но чем дальше она шла, тем все больше преисполнялась сомнений и смущения. За четыре или пять ярдов от того места, где они остановились, поджидая ее, остановилась и Амра.

Неужели это ее хозяйка, которую она так любила! чьи руки она так часто благодарно целовала! чей величавый образ хозяйки дома она так преданно лелеяла в своей памяти! И неужели это

ее Тирца, выросшая на ее руках! чьи детские болячки она пестовала, с которой играла в ее детские игры! та самая веселая, нежная, всегда что-то напевающая Тирца, звонкий колокольчик целого дома, грядущее утешение в ее старости! Ее хозяйка, ее любимая Тирца — неужели это они? Открывшееся женщине зрелище повергло ее душу в уныние.

«Это же две старухи, — сказала она себе. — Я никогда их не видела. Вернусь обратно».

И она начала было поворачиваться к ним спиной.

— Амра, — произнесла одна из прокаженных.

Египтянка, едва не уронив кувшин и дрожа всем телом, всмотрелась в них.

— Кто зовет меня? — спросила она.

— Амра.

Взгляд служанки приковался к лицу говорящей.

— Кто ты? — воскликнула она.

— Мы те, кого ты ищешь.

Амра опустилась на колени:

— О госпожа, о моя госпожа! Да будет благословен Господь, который привел меня к тебе!

И так же, на коленях, бедное обескураженное создание двинулось вперед.

— Амра, остановись! Не приближайся к нам! Нечисты, нечисты!

Предупреждение подействовало. Амра пала ниц и зарыдала в голос, так что собравшиеся к источнику люди услышали ее рыдания. Внезапно она выпрямилась и поднялась на ноги.

— О моя госпожа, но где же Тирца?

— Здесь, я здесь, Амра! Ты не принесешь нам немного воды?

Служанка почувствовала себя в привычном ей качестве и несколько успокоилась. Откинув упавшие на лицо пряди волос, Амра наклонилась и сняла салфетку с корзины.

— Посмотрите, — сказала она. — Здесь хлеб и еда для вас.

Она хотела было расстелить салфетку прямо на земле, но ее хозяйка заговорила снова:

— Не делай этого, Амра. Те люди могут побить тебя камнями и не дадут набрать воды. Оставь корзинку, мы возьмем ее сами. Наполни кувшин водой и тоже принеси сюда. Мы унесем все это в склеп. Сегодня это все, что ты можешь сделать в соответствии с обычаем. Поспеши, Амра.

Люди, перед чьими глазами все это происходи-

ло, расступились, давая дорогу служанке, и даже помогли ей наполнить кувшин — столь великую скорбь излучала вся ее внешность.

— Кто они тебе? — спросила одна из женщин.

Амра кротко ответила:

— Они были так добры ко мне.

Подняв наполненный водой кувшин на плечо, она поспешила обратно. Забывшись, она едва не приблизилась вплотную к ним, но возглас «Нечисты, нечисты! Осторожно!» заставил ее замереть на месте. Поставив кувшин рядом с корзиной, она сделала несколько шагов назад и там остановилась.

— Благодарю тебя, Амра, — сказала ее госпожа, склоняясь к оставленным служанкой предметам. — Ты очень добра к нам.

— Что еще я могу сделать для вас? — спросила Амра.

Хотя рука терзаемой жаждой женщины уже касалась кувшина с водой, она выпрямилась и твердо произнесла:

— Я знаю, что Иуда был дома. Я видела его у ворот позапрошлой ночью спящим на ступенях. И я видела, как ты разбудила его.

Амра всплеснула руками:

— О моя госпожа! Ты все видела и не подошла!

— Подойти значило убить его. Я больше никогда не смогу обнять его. И никогда уже его не поцелую. О Амра, Амра, я знаю, ты любишь его!

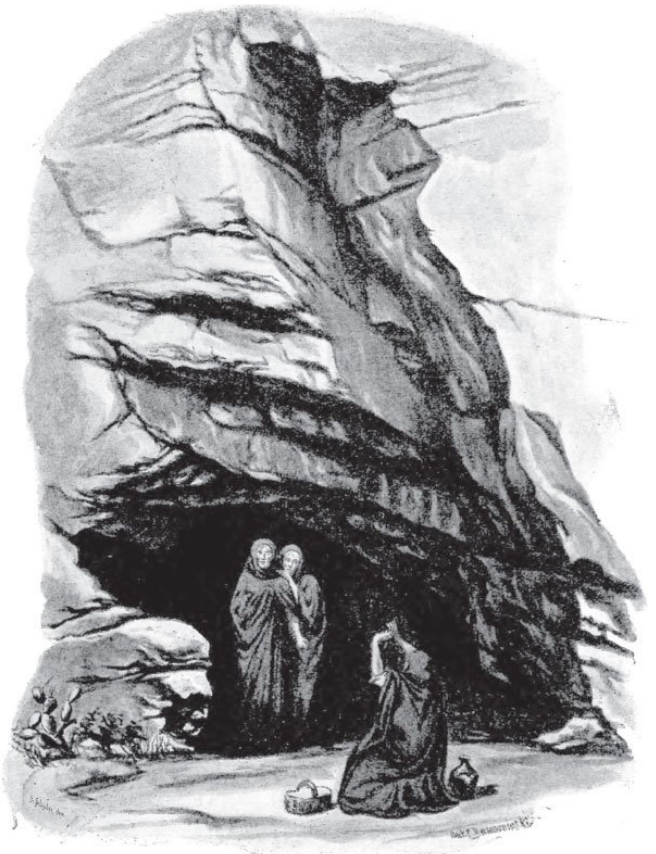
— Да, — сказало преданное существо, снова заливаясь слезами и падая на колени. — Я готова умереть ради него.

— Докажи эти слова, Амра.

— Я готова.

— Тогда ты не должна говорить ему, где мы и что ты видела нас, — вот и все, Амра.

— Но он разыскивает вас. Он пришел сюда издалека, чтобы отыскать вас.

— Он не должен найти нас. Иначе он станет таким же, как мы. Послушай, Амра. Служи нам так же, как послужила сегодня. Приноси нам то немногое, в чем мы нуждаемся, — теперь уже недолго, совсем недолго. Приходи сюда каждое утро и каждый вечер и… и… — голос ее задрожал, но воля превозмогла секундную слабость, — рассказывай нам о нем, Амра; но ты не должна произнести ему ни слова о нас. Ты слышишь?

— О, мне будет так трудно слышать, как он говорит о вас, и знать, что он разыскивает вас, — видеть его любовь и не произнести ни слова о том, что вы живы!

И служанка закрыла лицо руками.

— Нет, — продолжала мать. — Примем на себя обет молчания. А теперь ступай и приходи вечером. Мы будем тебя ждать. А пока что — до свидания.

— Бремя мое будет тяжко, о моя госпожа, но я его вынесу, — сказала Амра, склоняясь перед ней.

— Подумай о том, сколь тяжелее будет видеть его таким же, как мы, — сказала мать, передавая корзину с едой Тирце. — Так приходи же вечером, — повторила она, поднимая на плечо себе кувшин с водой и направляясь к склепу.

Коленопреклоненная Амра проводила их взгля-

дом, пока они не скрылись в отверстии гробницы; затем печально пустилась в обратный путь.

Вечером она появилась снова; с этих пор у нее вошло в обычай появляться у источника утром и вечером, так что несчастные ни в чем не испытывали нужды. Гробница с голыми каменными стенами была все же менее мрачна, чем камера в башне. Им светило солнце, вокруг них расстилался прекрасный Божий мир. Исполненные веры, они могли под открытым небом ждать смерти.

Глава 6
Хитрость Пилата. Поединок

Утром первого дня седьмого месяца — на иврите тишри, иными словами, в октябре — Бен-Гур поднялся со своей кровати в караван-сарае, недовольный всем миром.

После прибытия Маллуха они не теряли время. Верный помощник уже начал розыски в Антониевой башне, начал бесцеремонно, обратившись с прямым запросом к трибуну, выполнявшему обязанности коменданта тюрьмы. Он изложил офицеру историю семьи Гур и все подробности случившегося с Гратом, представив все происшедшее как чистую случайность, без какого-либо злого умысла. Теперь же он разыскивал, объяснил он офицеру, оставшихся в живых членов несчастной семьи, чтобы от их имени повергнуть к стопам цезаря прошение о возврате конфискованной собственности и восстановлении в гражданских правах. Таковое прошение, без

сомнения, будет удовлетворено в результате расследования по повелению императора, начала которого друзья семьи ничуть не опасались.

В ответ трибун поведал об обнаружении в башне двух заключенных там женщин, дал Маллуху прочитать составленный им меморандум и даже позволил переписать его.

После этого Маллух поспешил к Бен-Гуру.

Бесполезно описывать эффект, который эта ужасная история произвела на молодого человека. Ни слезы, ни даже страстные рыдания не могли облегчить его. Бен-Гур долгое время сидел с побелевшим лицом и стесненным сердцем. Не замечая никого вокруг, он, уставясь в одну точку, повторял:

— Прокаженные, прокаженные! Моя мать и Тирца — прокаженные! О Боже!

Наконец он пришел в себя и поднялся.

— Я должен найти их. Возможно, они умирают.

— Где ты будешь их искать? — спросил Маллух.

— Есть только одно место, куда они могли направиться.

Но Маллуху удалось отговорить Бен-Гура от такого намерения и настоять на другом способе действий. Вдвоем они отправились к городским воротам, находившимся напротив холма Со-

вета Нечестивых. С незапамятных времен там собирались прокаженные, прося подаяние у милосердных жителей города. Они целый день раздавали милостыню и расспрашивали о двух женщинах, за любое известие о которых обещали щедрое вознаграждение. Так они провели день за днем весь остаток пятого месяца и целиком шестой месяц. Увы, обитатели города мертвых крепко хранили свои тайны. Лишь ныне, утром первого дня седьмого месяца, до них дошли смутные слухи о том, что не так давно две прокаженные женщины были изгнаны властями из Рыбных ворот города. Сравнив сроки, Бен-Гур и Маллух пришли к неутешительному выводу, что несчастные были членами семьи Гур. Мучивший же их вопрос ничуть не прояснился. Где они сейчас обитают? И что станется с ними?

— Словно еще мало того, что мои родные стали прокаженными, — то и дело повторял сын с той горечью, которую читатель может себе вообразить, — словно этого еще недостаточно. О нет! Их еще прогнали градом камней из их родного города! Моя мать мертва! Она скиталась без крова над головой! Она мертва! Тирца мертва! Я остался совсем один! А за что? И сколько еще, о Боже, Ты, Господь Бог отцов моих, Ты заставишь нас

терпеть все это от римлян?

Кипя гневом, с опустошенной душой, пылая местью, он вышел во двор караван-сарая, полный людьми, нашедшими здесь пристанище прошлым вечером и ночью. Наскоро завтракая, он прислушивался к разговорам вокруг. Одна группа приезжих особо привлекла его внимание. Это были в основном молодые, крепкие, подвижные парни, речь и манеры которых выдавали провинциалов. Их облик — какая-то необъяснимая аура, посадка головы, блеск глаз — отличал их от выходцев из нижних слоев Иерусалима. Они выглядели скорее людьми, выросшими где-то в горах, где в людях еще не выветрился дух врожденной свободы. Спустя некоторое время Бен-Гур удостоверился, что они были галилеянами, пришедшими в город по различным надобностям, в основном же для того, чтобы принять участие в празднике Куш, который приходился на сегодняшний день. Они привлекли его внимание тем, что происходили из региона, в котором он надеялся найти живейшую поддержку своим планам.

Незаметно наблюдая за ними, он мысленно представлял себе, чего мог бы добиться легион подобных парней, прошедших закалку в духе

строгой римской дисциплины. В этот момент во дворе появился мужчина, щеки которого пылали, а глаза блестели от возбуждения.

— Что вы здесь сидите? — набросился он на галилеян. — Раввины и старейшины уже выходят из Храма и направляются к Пилату. Собирайтесь и поспешите, надо успеть вместе с ними!

В одно мгновение он оказался окруженным парнями.

— К Пилату? Зачем?

— Открылся тайный сговор. За новый акведук, построенный Пилатом, уплачено деньгами Храма.

— Что? Священной десятиной?

Пылая негодованием, они, не веря своим ушам, переспрашивали друг друга.

— Но это же священные деньги. Они принадлежат Господу. Пусть только Пилат осмелится тронуть из них хоть шекель!

— Пошли! — воскликнул тем временем принесший эту весть. — Процессия уже на мосту. К ней примкнул весь город. Мы тоже можем пригодиться. Поспешите же!

Верно говорят, что мысль и дело — одно и то же. Парни быстро сбросили с себя все ненужные в такой ситуации одеяния и остались с обнаженны-

ми головами и в нижних туниках-безрукавках. В этом наряде они привычно выходили в поле убирать урожай или гребли в лодках по озерам — ничто не мешало им в этой свободной одежде карабкаться по горным склонам за стадами или собирать созревшие виноградные гроздья, не обращая внимания на беспощадные лучи солнца. Затягивая пояса, они обратились к своему предводителю со словами:

— Мы готовы.

И тут с ними заговорил Бен-Гур.

— Люди Галилеи, — произнес он, — я сын Иудеи. Не возьмете ли вы меня в свою компанию?

— Может быть, нам придется сражаться, — последовал ответ.

— Что ж, тогда я наверняка не буду первым, кто решит отступить.

Они оценили его юмор, и их предводитель кивнул головой:

— Ты выглядишь довольно крепким. Ступай с нами.

Бен-Гур тоже сбросил верхнее одеяние.

— Вы думаете, что может произойти сражение? — негромко спросил он, затягивая пояс.

— Да.

— С кем?

— Со стражей.

— С легионерами?

— Кому же еще доверяют охрану римляне?

— И чем же вы думаете с ними биться?

Они молча уставились на него.

— Что ж, — продолжал он, — мы сделаем все, что сможем; но не лучше ли будет выбрать себе предводителя? Легионерами командует офицер, и нам тоже надо иметь командира.

Галилеяне еще более удивленно воззрились на него, словно такая простая мысль даже не приходила им в голову.

— Ладно, тогда по крайней мере давайте держаться все вместе, — сказал он. — Я тоже готов, и теперь мы можем идти.

— Да, мы идем.

Караван-сарай, как помнит читатель, был расположен в Вифезде, Новом городе. Чтобы добраться до Претория, как теперь римляне называли дворец Ирода на Сионском холме, галилеянам и Бен-Гуру предстояло пересечь низину к северу и западу от Храма. Узкими улочками они быстро обогнули район Акры и подошли к Мариамнской башне, откуда было уже рукой подать до больших ворот в обнесенном стеной холме. По дороге им встретилось немало людей, поднятых на

ноги вестями о готовящемся святотатстве. Когда же они наконец добрались до ворот Претория, то увидели процессию старейшин и раввинов, которая входила в здание, оставив во дворе Претория куда большую числом возмущенную толпу.

У входа во дворец нес стражу пехотный манипул под командованием центуриона. Воины были выстроены цепью под нависавшей над ни-

ми прекрасной зубчатой стеной, выложенной из мрамора. Солнце било солдатам в лицо, заставляя ослепительно сверкать их шлемы и начищенные умбоны[137] на щитах. Они стояли подобно статуям, не обращая внимания на жару и крики толпы. В широко открытые бронзовые ворота все прибывали и прибывали люди.

— Что там происходит? — спросил один из галилеян выходившего человека.

— Да ничего особенного, — последовал ответ. — Раввины стоят у внутренних дверей, просят встречи с Пилатом. Он отказался выйти к ним. Тогда они отправили одного из них сказать Пилату, что не уйдут, пока он их не выслушает. Так что они до сих пор ждут ответа.

— Давайте войдем внутрь, — предложил Бен-Гур, видя, что его спутники не решаются этого сделать.

За воротами росли ряды покрытых листьями деревьев, в тени развесистых крон которых стояли длинные лавки. Люди, как входящие в ворота, так и выходящие из них, старательно избегали прохладной тени, падавшей на белую,

[137] Примечания: 137

Умбон — остроконечная бляха, навершие щита, расположенная на перекрестии железных полос, проходивших по диагоналям щита (скутума).

тщательно выметенную мостовую. Иностранцу это показалось бы странным, но существовало установленное раввинами правило, согласно которому в пределах стен Иерусалима не должны были высаживаться зеленые растения. Как говорили, даже мудрый царь, пожелавший разбить сад для своей невесты-египтянки, был вынужден найти для него место только за городскими стенами, в долине за источником Эн-рогель.

Над кронами деревьев были видны фронтоны дворца. Повернув направо, Бен-Гур и галилеяне вскоре оказались на просторной площади, с западной стороны которой возвышалась резиденция правителя. Возбужденная толпа народа заполняла площадь. Все лица были повернуты к портику, которым завершался широкий вход, сейчас наглухо закрытый. Под портиком выстроилось в шеренгу еще одно подразделение легионеров.

Народу было так много, что друзья не могли бы пробиться сколько-нибудь далеко вперед. Поэтому они предпочли остаться в задних рядах, наблюдая, как развиваются события. Перед портиком, за линией солдат, им были видны высокие тюрбаны раввинов. Их владельцы проявляли порой такое же нетерпение, что и простые горо-

жане у них за спинами. Из толпы раздавались крики: «Пилат, если ты правитель, то выйди, выйди к нам!»

Сквозь толпу проталкивался человек с раскрасневшимся от гнева лицом.

— Израиль здесь не в чести, — громко возглашал он в пространство, ни к кому не обращаясь. — На этой святой земле мы ничуть не лучше римских собак.

— Так ты думаешь, он не выйдет к нам?

— Выйдет? Да он уже три раза отказался сделать это.

— Что же будут делать раввины?

— То же, что в Цезарее, — будут здесь ждать до тех пор, пока он их не выслушает.

— Но ведь он не осмелится тронуть священные деньги? — спросил один из галилеян.

— Да кто может сказать? Разве не римляне осквернили Святая Святых? И вообще, разве есть для римлян хоть что-то святое?

Прошло около часа, и хотя Пилат не соблаговолил удостоить их ответом, раввины и толпа продолжали стоять на площади. Наступил полдень, принесший с собой краткий ливень, но ситуация по-прежнему не менялась, за исключением разве того, что толпа стала больше и

шумнее, а страсти определенно накалились. Почти непрерывно раздавались крики: «Выходи, выходи к нам!», порой с унизительными дополнениями. Тем временем Бен-Гур удерживал своих галилеян сплоченной группой вокруг себя. По его предположениям, терпение римлян должно было вот-вот истощиться, так что вскоре можно было ожидать развязки. Пилат вряд ли снисходительно отнесется к толпе, которая сама дает ему в руки предлог для применения силы.

И вот наконец развязка наступила. Из самой гущи собравшихся донеслись звуки ударов, за которыми тут же последовали крики боли и ярости. Толпа всколыхнулась. Почтенные старцы во главе ее, стоявшие у портика, стали оборачиваться назад, ошеломленные происходящим. Толпа сначала подалась вперед; но люди в центре ее попытались выбраться наружу; и в скором времени возникла давка. Все спрашивали, что же происходит, но никто не мог дать вразумительного ответа, и удивление быстро перешло в панику.

Бен-Гур сохранил присутствие духа.

— Ты ничего там не видишь? — спросил он одного из галилеян.

— Ничего.

— Я подниму тебя повыше.

Он обхватил мужчину за талию и легко поднял его в воздух.

— Что там происходит?

— Теперь я вижу, — ответил тот. — Там несколько человек с дубинками, они лупят собравшихся. На них вроде как еврейская одежда.

— Но кто же они?

— Да римляне, как Бог свят! Переодетые римляне. Работают палками вовсю! Вот сбили на землю раввина — совсем старика! Не щадят никого!

Бен-Гур опустил галилеянина на землю.

— Люди Галилеи, — сказал он, — это хитрость Пилата. А теперь, если вы будете делать то, что я вам скажу, мы сможем потягаться даже с этими парнями с дубинками.

Галилейские парни воспрянули духом.

— Отступайте к деревьям у ворот. Эти посадки Ирода, хотя и незаконные, нам пригодятся. Пошли!

Подбежав к деревьям, они, разом подпрыгнув и повиснув на одном суку, общим весом своих тел оторвали его от ствола. Повторив это несколько раз, они заполучили в свое распоряжение пусть примитивное, но все же оружие. Возвращаясь, на углу площади они столкнулись с обезумевшей

толпой, которая сломя голову неслась к воротам. Потасовка у них за спиной продолжалась, крики, стоны и проклятия не смолкали.

— К стене! — скомандовал своим приверженцам Бен-Гур. — К стене! Пропустите толпу!

И, прижавшись к каменной стене справа от них, они избежали опасности быть сбитыми с ног и растоптанными, а потом мало-помалу стали продвигаться вперед, пока не добрались до площади.

— Держитесь плотнее друг к другу и следуйте за мной!

К этому моменту Бен-Гур как предводитель был признан всеми. Выстроив всю группу за собой тупым клином, он направился навстречу римлянам. Те, колотя бегущих палками и радуясь, когда им удавалось сбить кого-либо с ног, в свою очередь несказанно удивились, обнаружив перед собой группу крепких парней, вооруженных тем же оружием, что и они, и готовых к отпору. Закипела схватка, скоротечная и яростная, сопровождающаяся криками, стуком палок и воплями боли. Бен-Гур превосходил мастерством остальных. Он умел не только наносить удары и отражать направленные на него, но и побеждать каждого из тех, кто осмеливался схватиться с ним. В одно и то же время он был и сражающимся и предводителем. Палица, длинная и увесистая, была словно продолжением его руки, одного удара ее хватало, чтобы повергнуть врага на землю. В то же время казалось, что он видит каждого из

своих приверженцев и обладает способностью оказываться именно там, где в этот момент он более всего нужен. Его боевой клич воодушевлял его соплеменников и вводил в смятение врагов. Столкнувшись с сопротивлением, римляне поначалу отступили, продолжая сражаться, но потом не выдержали, повернулись кругом и устремились к портику. Разгоряченные схваткой галилеяне готовы были преследовать их до ступеней, но Бен-Гур остановил их.

— Остановитесь, ребята! — воскликнул он. — Сюда направляется центурион со стражей. У них мечи и щиты, мы не сможем тягаться с ними. Мы сделали свое дело; отходим назад к воротам и прорываемся наружу, пока есть возможность.

Они повиновались ему, хотя и медленно, потому что на пути к воротам им приходилось перешагивать через тела соплеменников: некоторые корчились в стонах, другие молили о помощи, но большинство лежали как мертвые. Однако среди поверженных были не только евреи, и это служило хоть небольшим, но утешением.

Центурион, поняв, что этих ребят ему не догнать, крикнул что-то им вслед. Бен-Гур, замыкавший отход, презрительно рассмеялся и ответил тому на его родном языке:

— Если мы еврейские собаки, то вы римские шакалы. Дожидайся нас здесь, мы скоро вернемся.

За воротами оказалось такое множество собравшегося народа, какого Бен-Гуру не приходилось видеть даже в цирке Антиохии. Плоские крыши домов, улицы, склоны холма были покрыты плотной массой причитающих и молящихся людей. Воздух полнили крики и проклятия.

Наружная стража беспрепятственно выпустила группу Бен-Гура за ворота. Но как только они сделали несколько шагов от ворот, в них показался центурион, командовавший стражей у портика, и крикнул Бен-Гуру:

— Эй ты, нахал! Ты римлянин или еврей?

Бен-Гур ответил:

— Я сын Иудеи и родился в этом городе. Что тебе от меня надо?

— Остановись и сразись со мной.

— Один на один?

— Как пожелаешь.

Бен-Гур презрительно рассмеялся:

— О храбрый римлянин! Ты воистину достойный сын своего Юпитера! У меня же нет оружия.

— Можешь воспользоваться моим, — ответил центурион. — А я позаимствую у солдат.

И он кивнул головой на цепь стражников.

Слышавшие этот разговор окружающие потеряли дар речи; потом понемногу пришли в себя и стали передавать суть разговора другим, тем, которые не слышали его. Бен-Гур быстро соображал: после его победы над римлянином в цирке на виду всей Антиохии он уже стал знаменитостью; если же ему сейчас удастся победить еще одного римлянина на глазах половины Иерусалима, слава, которую он стяжает, может быть весьма полезна делу грядущего Царя. Он не колебался ни мгновения. Твердым шагом приблизившись к центуриону, он сказал:

— Я согласен. Одолжи мне свой меч и щит.

— А шлем и нагрудник? — спросил римлянин.

— Оставь их себе. Они мне не подойдут.

Центурион протянул оружие Бен-Гуру и изготовился к бою. Все это время солдаты, несшие стражу у ворот, не двигались и только молча слушали разговор своего командира с Бен-Гуром. Когда противники стали сходиться, люди в толпе принялись спрашивать друг у друга: «Кто он такой?» На этот вопрос никто не мог ответить.

В те времена римское воинское превосходство покоилось на трех составляющих: строжайшей дисциплине в бою, боевом построении легионов и особом применении короткого римского меча

— гладиуса. В сражении легионеры никогда не наносили рубящих ударов, с начала и до конца битвы они наносили только колющие удары — они наступали, коля, и отступали, тоже коля, причем метили прежде всего в лицо неприятеля. Все это было прекрасно известно Бен-Гуру. Когда они уже почти сошлись с центурионом, он сказал:

— Я сообщил тебе, что я сын Иудеи; но я не сказал, что моим учителем был ланиста. Защищайся!

С последними словами он вплотную сошелся со своим противником. Мгновение они всматривались в глаза друг друга поверх тяжелых щитов. Затем римлянин подался вперед и сделал ложный выпад, направляя удар снизу вверх. Бен-Гур только рассмеялся. Тут же со стороны римлянина последовал выпад, направленный в лицо. Движение было быстрым, но еще более быстрым движением молодой человек уклонился влево. Под удар меча он подставил свой щит, меч с грохотом обрушился на его верхнюю часть. Еще один легкий шаг, на этот раз вперед и влево, — и вся правая часть туловища римлянина оказалась открытой для удара. Последовал почти незаметный взгляду выпад. Центурион замер на мгновение

на месте, а потом тяжело рухнул лицом вперед на землю. Поставив ногу на спину поверженного противника, Бен-Гур вскинул над головой руку со щитом по гладиаторскому обычаю, приветствуя невозмутимых солдат у ворот.

Когда горожане поняли, что победа осталась за молодым человеком, они, казалось, обезумели от радости. На крышах домов вплоть до самого Ксистуса[138] люди кричали и размахивали головными повязками и платками, приветствуя победителя. Если бы они знали, что его имя Бен-Гур, то пронесли бы его по улицам на руках.

Младшему по рангу офицеру, вышедшему из дворцовых ворот, он сказал:

— Твой товарищ погиб как солдат. Увы, я не могу достойно погрести его. Но его меч и щит принадлежат мне по праву.

С этими словами он направился прочь. Немного отойдя от места сражения, он сказал последовавшим за ним галилеянам:

— Братья, вы вели себя достойно. Но теперь нам надо расстаться, чтобы нас не выследили. Найдите меня сегодня вечером в караван-сарае в Вифинии. Я хочу поговорить с вами и предло-

---

[138] Примечания: 138

Ксистус — здание в Иерусалиме, окруженное портиком и использовавшееся для общественных собраний.

жить нечто такое, что будет на благо Израилю.

— Но кто ты такой? — спросили его галилеяне.

— Сын Иудеи, — просто ответил он.

Вокруг них уже толпились люди, желающие посмотреть на героя.

— А вы придете в Вифинию? — спросил он.

— Да, обязательно придем, — был ответ.

— Тогда принесите с собой этот меч и щит, чтобы я мог узнать вас.

Протолкавшись сквозь все прибывавшую толпу, он растворился в лабиринте городских улиц.

По настоянию Пилата ко дворцу пришли горожане и унесли убитых и раненых. Вечером по всему городу оплакивали погибших, но горе по ним было просветлено гордостью за победу неизвестного храбреца над ненавистным римлянином. Дух нации воспрял в людях, и на улицах и даже в самом Храме вновь старики рассказывали молодым предания о подвигах Маккавеев. Вновь и вновь люди задумчиво качали головами, шепча друг другу:

— Еще немного, совсем немного, братья, и Израиль вновь обретет свое былое величие. Будем же верить в Господа и терпеливо ждать этого часа.

Таким образом Бен-Гур обрел для себя Галилею и вступил на путь служения Царю, Который

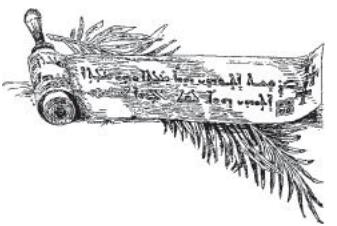
грядет.

О его свершениях на этом поприще нам предстоит узнать.

Книга седьмая

И, вспрянув ото сна, узрел я ее,
Дремлющую в волнах моря,
Гибкую и обольстительную сирену.
Запястья ее украшали браслеты из трав морских
И сквозь пряди темных волос сверкали янтарные бусы.

Томас Олдриг

Глава 1
Иерусалим встречает пророка

Как и было договорено, встреча состоялась в караван-сарае в Вифинии. Оттуда Бен-Гур направился вместе с галилеянами на их родину. Слухи о его деяниях на старой Рыночной площади Иерусалима принесли ему славу и влияние. Еще до наступления зимы ему удалось собрать три легиона повстанцев и организовать их по римскому образцу. Можно было навербовать еще больше, поскольку боевой дух этого отважного народа никогда не дремал. Но все приготовления приходилось держать в строжайшей тайне, чтобы о них не прознали как Рим, так и Ирод Антипа. Решив пока ограничиться тремя уже созданными легионами, Бен-Гур целиком посвятил себя их обучению и тренировкам. С этой целью он собрал будущих офицеров на лавовых полях

Трахонитиды[139] и несколько недель обучал их там обращению с оружием, в частности с копьем и мечом, и маневрам подразделений легиона, после чего распустил их по домам в качестве учителей. Скоро подобные тренировки стали любимым времяпрепровождением жителей этих мест.

Такая работа требовала терпения, опыта, усердия, веры и преданности — качеств, которые в высшей степени были присущи Бен-Гуру. Как он работал! Вплоть до полного самоотвержения! Но даже он не мог бы справиться с такой колоссальной работой, если бы не поддержка Симонидиса, снабжавшего его оружием и деньгами, и помощь Илдерима, обеспечивавшего безопасность и бесперебойное снабжение всем необходимым. Самой же большой поддержкой была одаренность галилеян.

Под этим именем были объединены четыре племени — Ашер, Зебулон, Иссахар и Нафтали — и районы, которые они населяли. Евреи, рожденные вокруг Храма, с презрением относились к своим северным соплеменникам; но даже в Талмуде было сказано: «Галилеянин любит честь, а

---

[139] Примечания: 139
Трахонитида — область в Северной Палестине.

еврей деньги».

Ненавидя римлян с такой же пылкостью, с какой любили свою родину, во время всякого бунта галилеяне первыми вступали в битву и последними покидали ее. Сто пятьдесят тысяч галилейских юношей пали во время последней войны с Римом. По большим праздникам они, подобно армиям, пешком приходили в Иерусалим и разбивали лагеря в его окрестностях. Они свободно выражали свои мнения и даже терпимо относились к язычеству, гордились прекрасными городами, основанными Иродом, и, хотя те во всех отношениях были совершенно римскими, оказывали полную лояльность в их строительстве. Во всех частях света у них находились бывшие соплеменники, с которыми они жили в мире. В общую копилку славы еврейской нации они привнесли таких поэтов, как певец Песни песней[140], и таких пророков, как Осия[141].

Этот народ — скорый на подъем, гордый, храбрый, преданный и впечатлительный — весть о приходе Царя захватила целиком и полностью.

---

[140] Примечания: 140

Имеется в виду царь Соломон, которому приписывается авторство библейской Песни песней.

[141] Примечания: 141

Осия — один из так называемых малых пророков VIII в. до н. э., автор ветхозаветной Книги пророка Осии.

Одного того, что Он должен был повергнуть во прах ненавистный Рим, было вполне достаточно, чтобы привлечь их на свою сторону и обеспечить Бен-Гуру постоянный приток добровольцев. Когда же они поняли, что грядущий Царь будет править миром, могуществом превзойдет Цезаря, великолепием — Соломона, что правление Его будет длиться до скончания веков, то все население этих мест присягнуло грядущему Царю душой и телом.

Бен-Гур провел всю зиму в трудах, готовя приход грядущего Царя. Наступила весна, принесшая живительную влагу с западного моря. К этому времени Бен-Гур сделал так много, что вполне мог сказать себе и своим приверженцам: «Пусть явится в мир наш добрый Царь. Ему надо будет только сказать нам, где Он хочет воздвигнуть свой трон. У нас довольно сил, чтобы водрузить его».

Те люди, которые за это время имели дело с ним, знали его как сына Иудеи и только под этим именем.

Однажды вечером в Трахонитиде, когда Бен-Гур сидел с галилеянами у входа в пещеру, служившую им пристанищем, к нему подскакал араб, протянувший запечатанное послание. Открыв

его, Бен-Гур прочитал:

Иерусалим, нисан IV

Появился пророк, которого люди называют Элиа. Многие годы он пребывал в пустыне и предстал нашему взору как пророк. Пророчествует же он о том, что скоро явится тот, кто намного превосходит величием его самого и кого он сейчас ожидает на восточном берегу реки Иордан. Я сам видел и слышал его, и тот, кого он ждет, воистину Тот Царь, пришествия в мир Которого мы ожидаем. Приди и суди сам.

Весь Иерусалим встречает пророка, и множество народа на берегу, ожидающего его прихода, напоминает склоны Масличной горы в последние дни праздника Песах.

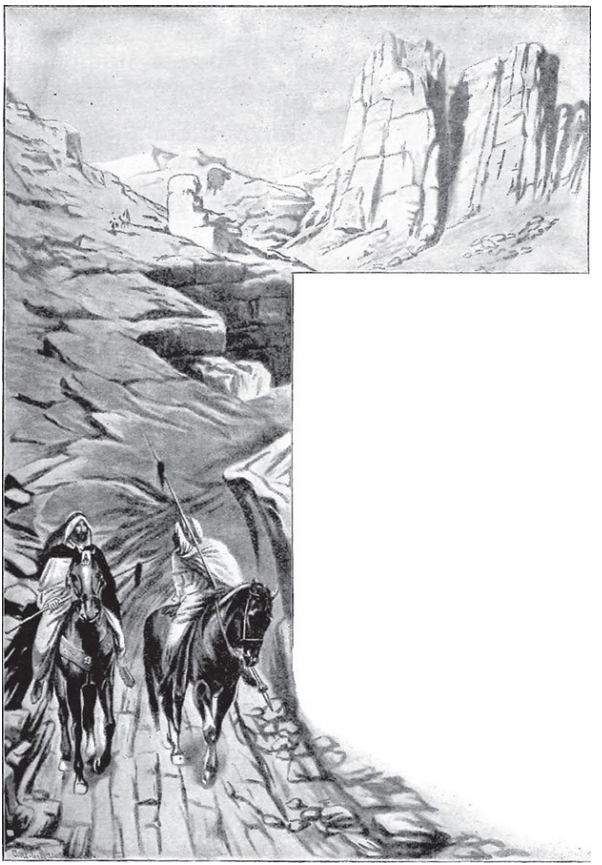
Маллух

Лицо Бен-Гура осветилось радостью.

— По этим словам, о друзья мои, — произнес он, — судя по этим словам, нашему ожиданию пришел конец. Появился вестник Царя и пророчествует о Нем.

Выслушав слова Маллуха, которые тут же прочитал им Бен-Гур, приверженцы разделили его радость.

— Что ж, надо собираться, — добавил Бен-Гур, — и рано поутру вы отправитесь в свои родные места. Прибыв туда, вы свяжетесь со своими и велите быть готовыми собраться по моей команде. Что касается меня, то я отправлюсь узнать, в самом ли деле приход Царя близок, и дам вам знать. А пока будем надеяться.

Вернувшись в пещеру, он написал письма Ильдериму и Симонидису, извещая их о полученных известиях и о своем намерении немедленно направиться в Иерусалим. Письма эти он отправил с гонцами. Когда спустилась ночь и стало возможным ориентироваться по звездам, Бен-Гур сел в седло и вместе с проводником-арабом направился к Иордану, намереваясь присоединиться к какому-нибудь каравану.

Проводник знал дорогу, Альдебаран по-прежнему был легок на скаку, и к полуночи двое всадников спустились с лавового поля, держа путь на юг.

Глава 2
Отдых у источника. Айрас

Ближе к рассвету Бен-Гур намеревался свернуть с дороги, чтобы найти укромное место, в котором можно было бы отдохнуть и переждать полуденный жар; но рассвет застал его на открытом пространстве пустыни, и он продолжал свой путь, положившись на обещание проводника привести его в скором времени в долину между высоких скал, где бьет холодный ключ, растут шелковицы, а зеленой травы вполне хватит для лошадей.

Пока он скакал, размышляя о чудесных событиях, которые должны были произойти в самом скором будущем, о переменах, которые они принесут в жизни людей и стран, его проводник бдительно поглядывал по сторонам. Его внимание привлекло какое-то движение у них за спинами. Вокруг них расстилалась покрытая песчаными барханами пустыня, медленно жел-

теющая в лучах рассвета, без единого зеленого пятнышка в виду. По левую руку, но почти на пределе видимости можно было различить низкую горную гряду.

— Верблюд с седоками, — произнес проводник, всмотревшись.

— А за ним есть другие? — спросил Бен-Гур.

— Он один. Нет, за ним еще человек верхом на лошади.

Несколько минут спустя Бен-Гур уже и сам смог различить верблюда, белого и необычно большого, напомнившего ему то чудесное животное, которое принесло Балтазара и Айрас к источнику в роще Дафны. Второго такого не могло быть. Представив прекрасную египтянку, он невольно замедлял шаги Альдебарана, пока не смог различить возвышающуюся на спине верблюда закрытую легкими тканями палатку с двумя сидящими в ней людьми. Если бы это были Балтазар и Айрас! Но вряд ли: вокруг расстилалась пустыня — а они путешествовали в одиночку.

Пока он рассуждал над этими вопросами, белый верблюд большими шагами приблизился к ним. Бен-Гур различил нежное позвякивание колокольчиков и рассмотрел богатое убранство палатки на спине верблюда. Узнал он и темноко-

жего эфиопа, повсюду сопровождавшего египтян. Высокое животное остановилось неподалеку от его лошади, и Бен-Гур увидел лицо Айрас за отдернутой завесой. Большие глубокие глаза смотрели на него с удивлением и немым вопросом.

— Да пребудет на тебе благословение истинного Бога! — услышал он дребезжащий голос Балтазара.

— Да ниспошлет Господь вам мир и покой! — ответил Бен-Гур.

— Взор мой с годами ослаб, — продолжал Балтазар, — но я все же узнал того самого сына Гура, который был почетным гостем в шатре Илдерима Щедрого.

— А ты тот самый Балтазар, мудрый египтянин, чьи речи о чудесных вещах, которые произойдут в самом ближайшем будущем, имеют самое прямое отношение к моему пребыванию в этих местах. Что же привело вас сюда?

— Никто не бывает одинок там, где пребывает Господь, — а Господь пребывает повсюду, — внушительно произнес Балтазар. — Что же до твоего вопроса, то неподалеку отсюда шествует караван, направляющийся в Александрию, а поскольку на своем пути он должен миновать Иерусалим, то я счел за лучшее примкнуть к нему, чтобы до-

браться до Святого города. Нынешним же утром, раздосадованные его медленным шагом — а медлен он потому, что вместе с караваном следует римская когорта, — мы выступили в путь раньше их и порядком их обогнали. Что же до возможных разбойников на нашем пути, то я их не боюсь, поскольку имею при себе грамоту шейха Илдерима; от хищных же зверей самой надежной защитой служит нам Господь.

Бен-Гур склонил голову, соглашаясь с ним.

— Однако, — сказала Айрас с улыбкой, глядя на юношу, глаза которого несколько раз останавливались на ее лице даже во время разговора с Балтазаром, — мы тем не менее голодны и страдаем от жажды. И если ты и в самом деле тот Бен-Гур, о котором говорил мой отец и которого я тоже имела счастье и удовольствие знать, ты, я уверена, почтешь за доброе дело показать нам тропинку к какому-нибудь источнику, чтобы мы могли запить холодной водой наш завтрак в этой пустыне.

Бен-Гур поспешил ей ответить:

— Прекрасная египтянка, я вполне тебе сочувствую. Если ты потерпишь еще немного, мы найдем тот источник, о котором ты говоришь, и я обещаю тебе, что воды его будут столь же

сладки и прохладны, как и воды гораздо более знаменитой Касталии. Так поспешим же направиться к ним.

— Я благодарю тебя со всем пылом жаждущего, — склонила голову египтянка. — И надеюсь, что ты разделишь с нами хлеб, испеченный в городских печах, и масло, приготовленное на покрытых росой пастбищах неподалеку от Дамаска.

— Польщен вашей щедростью. Но поспешим отправиться в путь.

С этими словами Бен-Гур тронул коня и вместе со своим проводником занял место во главе. Одним из неудобств путешествия с верблюдами была необходимость поддерживать разговоры в подобном выспреннем тоне.

Вскоре перед путешественниками открылась узкая лощина, спустившись в которую проводник принял несколько вправо. Почва под ногами была влажной от недавних дождей. Вскоре лощина расширилась, но стены ее стали почти отвесными скалами, в которых вода, стекая, проделала заметные промоины. Наконец, через узкий проход в скалах, путники проникли в узкую долину. Прелестная для взгляда, неожиданно сменившая желтую, монотонную, без единого зеленого пят-

нышка пустыню, долина была подобна только что возникшему раю. Русла ручейков вились здесь и там, окаймляя зеленые лужайки и питая многочисленные кустарники. Олеандровые кусты наполняли воздух долины благоуханием своих бутонов. Громадная пальма возвышалась в царственном одиночестве. По скальным склонам, окаймляющим долину, вились виноградные лозы. Слева от входа в долину раскинулась роща шелковиц и доносилось журчание источника, к которому и стремились путники. Туда и повел их проводник.

Сильная струя била из расселины в скале, которую чья-то искусная рука расширила и придала ей форму арочного грота. Над входом в грот было выбито в граните слово «Бог» на иврите. Неведомый мастер явно жил здесь долго, пил из этого источника и в долговечной форме воздал свою благодарность этому творению природы. Излившись из арки, струя воды журчала по слою дерна, покрытому ярко-зеленым мхом, потом падала в небольшой водоем. Из водоема вытекал уже ручей, который, сделав несколько поворотов в поросших густой травой берегах и напитав корни шелковиц, еще через несколько футов бесследно исчезал в ненасытном песке. На берегах водо-

ема можно было рассмотреть несколько узких звериных тропок, но сами берега были покрыты нетронутой травой. Тщательно осмотрев ее в поисках следов, проводник объявил, что здесь нужно расположиться на отдых, не опасаясь появления людей. Кони были тут же расседланы, эфиоп помог Балтазару и Айрас сойти с опустившегося на колени верблюда. Почтенный старец, едва ступив на зеленую траву, сразу же обернулся лицом к востоку, сложил руки на груди и вознес молитву Небесам.

— Дай же мне чашу, — нетерпеливым тоном произнесла Айрас.

Из палатки на спине верблюда раб извлек хрустальную чашу. Девушка сказала Бен-Гуру:

— Я буду служить тебе у источника.

Вместе они подошли к водоему. Он хотел было нагнуться и зачерпнуть ей чашей воды, но девушка отрицательно покачала головой, опустилась на колени, наполнила чашу водой от падающей в водоем струи и протянула ее юноше, предлагая первым утолить жажду.

— Нет, — возразил он, ласково отводя в сторону грациозную руку и видя перед собой только бездонные глаза под арками высоко вздернутых бровей, — нет, молю тебя, позволь мне служить

тебе.

Но девушка снова отрицательно покачала головой:

— На моей родине, о сын Гура, говорят: «Лучше быть слугой у любимца Фортуны, чем кравчим при царском столе».

— «Любимца Фортуны»? — переспросил он.

В тоне его голоса и в выражении лица были удивление и вопрос. Заметив это, она произнесла:

— Боги посылают нам успех как знак того, что они на нашей стороне. Разве ты не выиграл в цирке?

Щеки юноши порозовели.

— Это был один знак. Затем был явлен и другой. В поединке на мечах ты превзошел римлянина.

Румянец на щеках юноши стал еще гуще — не столько от упоминания его побед, но от осознания того, что она следила за перипетиями его судьбы. Но вслед за удовольствием пришло и сомнение. Его единоборство с центурионом, как он знал, стало широко известно на Востоке, но имя победителя знали немногие — Маллух, Илдерим и Симонидис. Неужели кто-то из них поделился известной ему тайной с этой женщиной? Смущение проявилось на его лице. Видя это,

она поднялась с колен и произнесла, держа чашу над водоемом:

— О боги Египта! Я возношу благодарность обретенному герою — благодарность за то, что падшие от его руки во дворце Айдерне люди были не моими соотечественниками. И в честь этого, о святые боги, я испиваю эту влагу.

Плеснув часть содержимого чаши в водоем, она

выпила остальное. Опустив хрусталь от своих губ, она улыбнулась юноше:

— О сын Гура, разве может храбрец так просто уступать женщине? Возьми же теперь эту чашу и покажи, что ты сможешь найти в ней столь же счастливые слова для меня.

Он взял чашу из ее рук и, нагнувшись, наполнил ее.

— У сына Израиля нет богов, которым он мог бы принести возлияние, — сказал он, окуная чашу в воду и болтая там ею, чтобы скрыть свое изумление, еще более сильное, чем прежде. Что еще эта египтянка знает о нем? Неужели она посвящена в их отношения с Симонидисом? А с Илдеримом — знает ли она и об этом? Юноша был охвачен сомнением. Кто-то выдал все его тайны, а это было достаточно серьезно. И кроме этого, он направлялся в Иерусалим, в то место, где подобная информация, стань она достоянием его врагов, могла бы превратиться в смертельную опасность для него самого, его соратников и их общего дела. Но была ли девушка в стане его врагов? Хорошо нам — читая эти строки, мы можем выстраивать цепочку рассуждений. Юноше же приходилось принимать решения едва ли не мгновенно. Как следует охладив чашу под струей текущей воды,

он наполнил ее и выпрямился, говоря с хорошо разыгранным бесстрастием:

— Совершенно искренне, будь я египтянином, греком или римлянином, я хотел бы сказать следующее. — И он вознес ввысь кубок при этих словах. — О благие боги! Я благодарен вам за то, что вы, наполнив мир злом и страданиями, все же оставили ему очарование красоты и утешение любви. И я пью за ту, кто лучшим образом воплощает в себе все это, — за Айрас, прекраснейшую из дочерей Нила!

Нежная рука мягко легла ему на плечо.

— Ты нарушил закон. Боги, за которых ты пил, — это ложные боги. Почему бы мне не пожаловаться на тебя раввинам?

— О! — смеясь, ответил он. — Рассказать об этом — такая мелочь для того, кто знает обо мне гораздо более важное.

— Я пойду дальше — вплоть до маленькой еврейки, которая растит розы в доме одного богатого купца в Антиохии. Перед раввинами я обвиню тебя в нераскаянности, а перед ней…

— Ну а перед ней?

— Я просто повторю ей сказанное тобой с чашей в руках, когда ты призывал богов в свидетели.

Несколько секунд он не шевелился, словно ожи-

дая, не скажет ли египтянка что-то еще. Перед его внутренним взором предстала Есфирь — рядом со своим отцом, слушающая сообщения, отправленные им, а порой и читающая их отцу. При ней он рассказывал Симонидису все, что произошло с ним во дворце Айдерне. Она и Айрас были знакомы, хитроумной и разговорчивой египтянке ничего не стоило выведать все известное бесхитростной и любящей Есфири. Симонидис бы не нарушил клятвы — как и Илдерим — даже не из соображений чести, но хотя бы потому, что последствия этого для них самих оказались бы еще серьезнее, чем для него, Бен-Гура. Неужели именно Есфирь поведала все это египтянке? Он не обвинял ее; но все же подозрение закралось в его душу. Подозрение же, как нам известно, для души то же, что бурьян в поле — чем меньше обращаешь на него внимание, тем быстрее он растет. Не успел он ничего ответить на упоминание о маленькой еврейке, как к водоему приблизился Балтазар.

— Мы весьма обязаны тебе, сын Гура, — в своей обычной серьезной манере произнес он. — Эта долина на редкость прекрасна; ее трава, деревья и тень — все манит нас остаться и отдохнуть здесь. А этот источник искрится подобно бриллиантам,

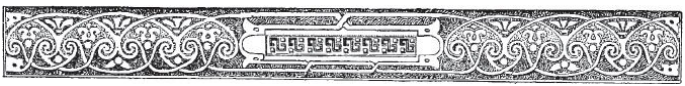
и голос его мне напоминает голос любящего Бога. Нет слов, чтобы достойно отблагодарить тебя за обретенное нами блаженство; поэтому просто раздели с нами наш хлеб.

— Позвольте мне сперва услужить вам.

С этими словами Бен-Гур наполнил кубок и протянул его Балтазару, возведшему очи горе в немой молитве.

Эфиоп уже расстилал чистый холст. Омыв руки и осушив их, все трое расположились, скрестив ноги по-восточному, под тем же самым навесом, под которым многие годы назад сидели и трое мудрецов, встретившихся в пустыне. И с таким же аппетитом они воздали должное яствам, которые слуга достал из переметных сум на спине верблюда.

Глава 3
Жизнь души

Навес был уютно раскинут в тени большого дерева, слух сидящих под ним ласкало журчание ручья. Над их головами в недвижимом воздухе застыли широкие зеленые листья; сквозь утреннюю дымку просвечивали стройные побеги камыша; порой в тень навеса залетала, гудя, возвращающаяся домой пчела; да еще тишину утра нарушала иногда пробегающая мимо куропатка, свистом подзывающая своих птенцов. Покой укромной долины, прохлада воздуха, красота раскинувшегося вокруг сада, блаженная тишина — все это, похоже, повлияло на расположение духа египтянина. Его голос, жесты, все поведение стали необычно кроткими; и часто, когда он опускал долу взгляд своих глаз, наблюдая украдкой за Бен-Гуром, разговаривающим с Айрас, взгляд этот был полон сострадания.

— Когда мы догнали тебя, сын Гура, — спросил

он, покончив с едой, — лицо твое, как мне кажется, было тоже обращено к Иерусалиму. Не сочти меня назойливым, но мог бы я спросить, не туда ли ты направлялся?

— Я направляюсь именно в Святой город.

— Мне надо бы побыстрее очутиться там. Могу ли я спросить тебя — имеется ли более короткий путь туда, кроме как через Раббат-Аммон?

— Более трудный, но и более короткий путь лежит через Гиресу и Раббат-Гилеад. Именно им я и собираюсь следовать.

— Я в нетерпении, — сказал Балтазар. — Недавно мне был сон — или, скорее, видение, повторившееся несколько раз. Некий голос — и ничего больше — произнес, обращаясь ко мне: «Поспеши — поднимайся! Тот, Кого ты ждал так долго, уже близок».

— Ты хочешь сказать — Тот, Кто должен стать Царем Иудейским? — спросил Бен-Гур, в изумлении уставившись на старца.

— Именно так.

— Значит, ты ничего про Него не слышал?

— Ничего, кроме того, что мне сказал голос во сне.

— Тогда тебе следует узнать вести, которые столь же обрадуют тебя, как они обрадовали меня.

Из складок своей одежды Бен-Гур извлек пись-

мо, полученное им от Маллуха. Рука египтянина, принявшая этот клочок бумаги, заметно дрожала. Он прочел письмо вслух, и по мере чтения дрожь руки и в его голосе усиливалась. От волнения на шее старца вздулись вены. Закончив читать, он вознес горе повлажневшие глаза в немом благодарении и не задал ни единого вопроса, ибо ни на мгновение не усомнился.

— Ты всю жизнь был очень добр ко мне, о Боже, — произнес он. — Так позволь же мне, молю Тебя, снова узреть Спасителя и поклониться Ему, и Твой слуга будет готов упокоиться в мире.

Слова, поведение, сама личность этого кроткого богомольца пронзили сердце Бен-Гура новым, еще неизведанным чувством. Никогда еще присутствие Божие не ощущалось им столь реально и близко. Казалось, Господь склонился над ними или сел рядом — как близкий друг, которого без всяких церемоний можно попросить обо всем; как любящий отец, для которого все дети равно любимы; отец, одинаково любящий как евреев, так и неевреев; как небесный отец, которому не нужны ни посредники, ни раввины, ни жрецы и ни теологи. Мысль о том, что именно такой Господь и может ниспослать человечеству Спасителя, а не Царя, пришла в голову Бен-Гуру не

как озарение, но как нечто настолько очевидное, что он смог даже осознать как насущную необходимость такого дара, так и соответствие его с природой такого божества. Поэтому он и не смог удержаться от вопроса:

— Теперь, когда Он является нам, о Балтазар, ты по-прежнему думаешь, что Он грядет нашим Спасителем, а не Царем?

Балтазар поднял на юношу взгляд, столь же пристальный, сколь и нежный.

— Как мне понять тебя? — вопросом на вопрос ответил он. — Тот Дух, который был звездой, что вела меня в былые годы, не являлся мне с тех самых пор, когда я встретил тебя в шатре нашего доброго шейха. Я, так сказать, не видел и не слышал его так, как ранее. Но я верю, что глас, который был мне в моем сне, это он; что до остального, то я не могу и не хочу гадать.

— Я напомню о разнице между нами, — почтительно произнес Бен-Гур. — Ты склонялся к мнению, что он должен стать царем, но не таким, как Цезарь; ты считал, что его суверенность будет духовной, не от мира сего.

— О да, — склонил голову египтянин, подтверждая слова юноши, — и я и сейчас того же мнения. Я вижу несходство в нашей вере. Ты го-

тов встретить царя людей, а я — Спасителя Душ.

Он замолчал, и на лице его появилось выражение, которое бывает у людей, пытающихся, уйдя в себя, распутать пришедшую им в голову мысль, которая либо слишком высока для мгновенного понимания, либо чересчур сложна для простого ее выражения.

— Но все же я попытаюсь объяснить тебе, о сын Гура, — наконец заговорил он, — и надеюсь, ты сможешь понять суть моей веры. Возможно, ты, увидев, что царство духа, которое, как я жду, Он воздвигнет, может быть куда как великолепнее в любом смысле всего величия цезаря, лучше поймешь причину моего интереса, который я проявляю к той загадочной личности, которую мы направляемся приветствовать.

Я не могу сказать, когда появилась идея Души, присущей каждому из живущих. Скорее всего первые на свете родители вынесли ее с собой из того сада, в котором они первоначально обитали. Мы все знаем тем не менее, что идея эта всегда обитала в глубинах нашего сознания. Некоторые люди отвращались от этой идеи, порой она притуплялась и блекла, в другие периоды истории погребалась под сомнениями; но в своей великой доброте Господь время от времени все слал и слал

нам могучие умы, которые снова и снова в своих учениях возрождали ее для веры и надежды.

Почему же в каждом из живущих должна существовать Душа? Смотри, о сын Гура, — на один момент прими необходимость существования такой сущности. Лечь и умереть и не существовать больше — во веки веков, — не было еще такого момента, когда бы человек пожелал для себя такого конца. И не существовало человека, который бы не желал для себя чего-то лучшего. Все памятники, воздвигнутые народами земли, есть не что другое, как протесты против небытия после смерти. То же самое статуи и надписи; да и сама история, по существу, является именно этим. Величайший из наших египетских царей повелел высечь свою статую, обтесав скалу прочнейшего гранита. Изо дня в день он приезжал в колеснице, окруженный свитой, посмотреть, как идет работа. Когда же она была закончена, то взорам всех предстала статуя столь грандиозная и столь прочная, что второй такой не существовало. Она во всем была похожа на него, верно передавая даже выражение его лица. Разве теперь мы не можем представить себе его, говорящего в минуту гордости: «Пусть приходит смерть, для меня есть еще и жизнь после смерти!» Его мечта исполнилась.

Статуя существует до сих пор.

Но что представляет собой эта жизнь после смерти, которую он себе обеспечил? Всего лишь воспоминание людей — слава столь же невесомая, как лунный свет, упавший на склон этой скалы, рассказ, воплощенный в камне, — и ничего более. Между прочим, что еще осталось от этого царя? Набальзамированное тело, покоящееся в царственной гробнице, которая некогда принадлежала ему, — между прочим, куда менее похожее на него живого, чем высящаяся в пустыне статуя. Но где, о сын Гура, где же сам царь? Растворился ли он в небытии? Две тысячи лет прошло с тех пор, как он был живым человеком из плоти и крови, подобным нам с тобой. Стал ли его последний вздох концом жизни этого человека?

Согласиться с этим значило бы обвинить Господа. Так уж лучше нам принять уготованный им куда более привлекательный план существования для нас жизни после смерти — настоящей жизни, хочу я сказать, не только в памяти смертных; но жизни с приходами и уходами, с ощущениями, с познаниями, с возможностями — словом, во всех ее проявлениях; жизни вечной во времени, хотя, может быть, с некоторыми

изменениями в положении.

Ты спросишь, в чем же состоит Божественный план? Это дар Души каждому из нас при рождении, вкупе с этим простым законом — нет другого бессмертия, кроме как бессмертия Души. В этом законе видна необходимость того, о чем я говорю.

А теперь отрешимся от необходимости. Посмотрим, насколько приятнее думать, что в каждом из нас есть Душа. Прежде всего это лишает смерть того ужаса, при котором умирание является залогом изменений к лучшему, а погребение — посевом семян, из которых взойдет новая жизнь. Затем… взгляните на меня, такого, как я есть, — слабого, усталого, старого, немощного телом, некрасивого; взгляните на мое морщинистое лицо, подумайте об изменяющих мне чувствах, прислушайтесь к моему скрипучему голосу. Ах! Какое счастье для меня содержится в обещании того, что, когда разверзнется гробница, предо мной откроются невидимые ныне взору врата вселенной, которая является дворцом Господа, и во врата эти войдет освобожденная от уз плоти моя бессмертная Душа!

Как бы я хотел выразить весь тот восторг, который содержит в себе эта грядущая жизнь! Не

говори, что я ничего не знаю о ней. Того немногого, что я знаю, уж вполне достаточно для меня — бытие Души предполагает условия Божественного превосходства. В таком бытии нет грязи, оно чище воздуха горных вершин, неощутимее света, лишено всего ненужного, как самая чистая эссенция. Это жизнь в своей абсолютной чистоте.

Что же теперь, о сын Гура? Зная столь многое, буду ли я спорить с собой или тобой о несущественном — о форме моей Души? Или о том, где она пребывает? Или о том, что она ест и пьет? Нет. Гораздо более достойно положиться здесь на свою веру в Господа. Вся красота этого мира есть творение его рук, и она свидетельствует о совершенности его вкуса; он творец всех форм; он придает совершенную форму цветку лилии; он окрашивает в чудные цвета розу и дает чистоту капле росы; он слагает музыку природы. В миру он организует нас для нашей земной жизни и определяет ее условия, и они таковы, что, доверчивый как малый ребенок, я оставляю ему и организацию моей Души, как и всех условий жизни после смерти. Я знаю, что он любит меня.

Старик замолк и отпил глоток воды. Рука его, подносившая чашу к губам, дрожала. Бен-Гур и Айрас, которым передались его чувства, мол-

чали. Молодой человек испытал нечто вроде просветления. Ему ясно, как никогда ранее, предстало, что царство духа может быть куда более важным и нужным для людей, чем любое земное царство; Спаситель же и в самом деле окажется в гораздо большей степени Божьим даром, чем величайший из царей.

— А теперь я бы мог спросить тебя, — продолжал Балтазар, — не следует ли предпочесть нашей земной жизни, такой краткой и полной невзгод, великолепную и вечную жизнь, уготованную для Души? Но попробуй задаться вопросом и обдумай его для себя в такой формулировке: допустив, что обе эти жизни равно исполнены счастья, не привлекательнее ли порой один час, чем целый год? Обдумав вопрос таким образом, сын Гура, ты осознаешь значение факта, который я теперь представлю тебе, ибо для меня он удивительнее всех событий и по своему воздействию самый печальный: сама идея о жизни Души почти изгнана из нашего мира. Порой можно найти философов, которые говорят с тобой о Душе, сводя ее к принципу; но поскольку философы ничего не принимают на веру, они не заходят так далеко, чтобы допустить Душу как сущность, и именно поэтому их цели покрыты для них мраком.

Все живое имеет сознание, соизмеримое с его желаниями. Тебя ни о чем не заставляет задуматься то обстоятельство, что в полном объеме способностью размышлять о будущем наделен только человек? Я понимаю это так: этим знаком Господь дает нам возможность познать, что мы созданы им для другой и лучшей жизни; это существо — человек — воистину в высочайшей степени необходимо для нашего мира. Но, увы, народы не желают понимать этого! Они живут одним днем, словно настоящее воплощает в себе абсолютно все, и твердят: «После смерти уже ничего не будет; а если даже что-то там и есть, то, поскольку мы об этом ничего не знаем, нечего об этом и думать». Поэтому, когда смерть призывает их к себе, они не могут насладиться великолепием жизни после смерти, поскольку не соответствуют ей. Я бы сказал так: высшее наслаждение, доступное человеку, есть вечная жизнь в обществе Господа. Увы, сын Гура, но я должен сказать, что в этом обществе вон тот дремлющий верблюд ничем не хуже святейших жрецов нынешнего дня, служащих у высочайших алтарей самых великолепных храмов. Так много людей привязаны к этой низкой земной жизни! Они почти забыли, что за ней должна прийти

другая жизнь!

Что касается меня, то говорю вам совершенно откровенно — я бы не променял одного часа жизни Души на тысячу лет жизни человека.

После этих слов египтянин словно отрешился от окружающих его людей и погрузился в задумчивость.

— В этой жизни свои проблемы, — молвил он, — и есть люди, которые тратят все свое время, пытаясь решить их. Но что эти проблемы по сравнению с теми, которые ждут их потом? Что они по сравнению с познанием Бога? Не свиток с перечнем тайн, но сами тайны раскрылись бы передо мною в этот час; даже самые сокровенные и ужасные — те, о которых мы ныне даже боимся задумываться, — которые кладут берегами предел пустоте, освещают собой темноту и из ничего создают вселенную. Все пределы стали бы для меня доступными. Я бы исполнился божественным знанием; узрел бы всю славу мира; познал бы вкус всех наслаждений и наслаждался бы ими всю жизнь. А когда бы наступил конец этого часа и Господь в своей неизреченной милости сказал бы мне: «Ты будешь служить мне вечно», то исполнились бы мои самые сокровенные желания и все удовольствия прошлой жизни показались

бы мне тихим звоном далеких колоколов.

Балтазар замолк, словно приходя в себя от наплыва нахлынувших на него чувств, а Бен-Гура вдруг посетило ощущение, что сама Душа в этот момент заговорила о себе.

— Молю простить меня, сын Гура, — с поклоном продолжал почтенный старец. — Я хотел передать тебе жизнь Души, ее условия, ее восторги и великолепие. И сладость этих дум заставила меня быть многословным. Таким образом, пусть даже в некоторой степени, я старался выразить основы моей веры. И меня удручает несовершенство слов. Но постарайся сам привести себя к этой вере. Обдумай прежде всего великолепие того существования, которое обеспечено нам после смерти, и постарайся прислушаться к тем чувствам и порывам, которые, без всякого сомнения, родятся в твоей душе, — прислушайся к ним, говорю тебе, поскольку они являют собой движение твоей собственной Души, делающей то, что надо, чтобы побудить тебя двигаться верным путем. Прими затем во внимание, что понятие послежизни было так затемнено, что совершенно справедливо назвать его утерянным светом. Если же ты обретешь веру, возрадуйся, о сын Гура, — возрадуйся, как возрадовался я,

несмотря на нищету слов. Поняв все это, ты, кроме величайшего дара, сбереженного для нас, обретешь необходимость Спасителя, причем куда более насущно, чем необходимость Царя. И Тот, встречать Которого мы идем, обретет в твоей надежде место, но не как воин с мечом и не как монарх со скипетром.

Здесь сам собой возникает один практический вопрос — как мы узнаем Его внешне? Если ты будешь последователен в своей вере относительно Его сути — то есть будешь считать, что Он явится царем, таким, как был Ирод, — то, конечно, ты будешь ожидать человека, облеченного в пурпур, со скипетром в руке. Я же, напротив, жду бедняка, скромного, незаметного — человека, по своему обличью ничем не отличающегося от других; и знак, по которому я узнаю Его, будет совсем не прост. Он даст узреть мне и всему человечеству путь к жизни вечной; прекрасной чистой Жизни Души.

Все присутствующие несколько мгновений молчали; тишину снова нарушил Балтазар.

— Время собираться, — сказал он, — время собираться и снова пускаться в путь. Все, что я сейчас сказал, меня побудило сказать нетерпение увидеть Его, Того, Кто всегда пребывал в моих

мыслях. И если тебе кажется, что я тороплю вас — тебя, о сын Гура, и тебя, дочь моя, — то, надеюсь, вы простите мне.

По его знаку раб принес вино в бурдюке и разлил его по чашам. Выпив его, они стряхнули с расстеленных на коленях холстов крошки и стали подниматься.

Пока слуга свертывал навес, убирал еду и приборы в переметные сумы и приводил лошадей, все трое ополоснулись в водоеме.

Еще через несколько минут они уже были в пути, направляясь по своим собственным следам к выходу из лощины, чтобы успеть присоединиться к каравану, следующему в Иерусалим.

Глава 4
Ночной дозор

Вытянувшийся в пустыне караван представлял собой весьма живописное зрелище; в движении он казался стороннему наблюдателю ленивой змеей. Вскоре его медленное движение стало раздражать даже такого терпеливого человека, как Балтазар; поэтому, посовещавшись со своими спутниками, он сообщил караванщику, что они отправятся дальше на свой страх и риск.

Если наш читатель молод или сохранил в памяти воспоминания о романтизме своей юности, то он вполне сможет оценить наслаждение, с которым Бен-Гур, следуя рядом с верблюдом египтян, бросил последний взгляд на голову каравана, уже едва различимого на желтом фоне пустыни.

Если говорить совершенно определенно, следует заметить, что Бен-Гур находил некоторое обаяние в присутствии Айрас. Когда она с высоты своего помоста бросала в его сторону взгляд, он

тут же спешил приблизиться к ней; если же она обращалась к нему с какими-нибудь словами, сердце его начинало биться чаще, чем обычно. Желание понравиться ей горело в его груди. Все то обыденное и давно известное, что встречалось им по пути, становилось сразу же интересным, как только она обращала на это свое внимание. Когда под лучами солнца в складках тускло-желтого песка вдруг вспыхивал искрой обломок кварца или блестка слюды — не успевала она произнести и слова, как он стремглав бросался туда, чтобы принести заинтересовавшую ее вещь, не думая о хлопотах, связанных с этим. Если же она, рассмотрев, разочарованно отбрасывала ее в сторону, он чувствовал себя виноватым, что принес такую ерунду, и во все глаза смотрел по сторонам в поисках чего-нибудь более стоящего — рубина или, может быть, алмаза. Даже пурпур далеких гор становился глубже и богаче, если с уст ее срывались слова восторга. И что могло спасти юношу от тех сладких опасностей, которые подстерегали его во время столь тесного путешествия с египтянами, в которое он оказался вовлечен?

А поскольку в любви нет логики, то кажется естественным, что она своими руками создала обстановку, которая и привела к неизбежному

результату.

Чтобы подтвердить это, мы должны сказать: были совершенно ясные знаки того, что девушка прекрасно понимала, какое впечатление она производит на Бен-Гура. Из какого-то укромного места в их палатке она в то же утро достала замшевый мешочек с золотыми дирхемами и прикрепила монеты к сверкающей бахроме, спускавшейся ей на лоб и щеки и перевивавшейся с волнами ее иссиня-черных волос. Из того же тайника она извлекла несколько золотых украшений — колец для пальцев и для ушей, браслетов, жемчужное ожерелье, а также шаль, шитую тонкой золотой нитью. Сияние всего этого она искусно приглушила покрывалом из индийских кружев, которое своими складками легло на ее шею и плечи. Представ Бен-Гуру в таком виде, она засыпала его бесчисленными кокетливыми взглядами и словами, то и дело улыбалась ему, не сводила с него взгляда — то нежно тающего, то ярко блистающего. Из-за подобной игры Ан-

тоний[142] отказался от всемирной славы; хотя та, которая побудила его к этому, не была столь прекрасна, как эта ее соотечественница.

Прошло время полуденного отдыха. Наступил вечер.

Когда солнечный диск стал опускаться за далекую гряду гор, путники остановились у небольшого озерца с чистой водой, собравшейся здесь после дождей. Раскинув навес, они поужинали и стали готовиться ко сну.

Нести вторую стражу выпало Бен-Гуру. С копьем в руке, стоя рядом с дремлющим верблюдом, он поглядывал то на небо, то на полускрытую дымкой землю. Стояла совершенная тишина, в воздухе едва ощущалось тонкое дуновение теплого ветерка, совершенно не мешавшее ему вспоминать, как он занимал египтянку во время переходов, думать о ее очаровании, строить догадки о том, как она могла узнать про его тайны, как она может ими распорядиться и как ему следует себя с ней вести в дальнейшем. И все это

---

[142] Примечания: 142

Имеется в виду римский полководец Марк Антоний (ок. 83–30 гг. до н. э.), получивший в 42 г. до н. э. в управление восточные области римской державы. Сблизившись с египетской царицей Клеопатрой, после объявления сенатом войны Клеопатре и поражения египетского флота у мыса Акций (когда он после бегства царицы бросился на своем корабле вдогонку за ней, оставив флот) в 30 г. до н. э. покончил жизнь самоубийством.

время в его сознании незримо присутствовала Любовь, хотя и несколько в стороне, — сильное искушение, тем более сильное, что за ним присутствовал отблеск политики. И в тот самый момент, когда он уже решил было поддаться искушению, нежнейшая в мире рука мягко легла ему на плечо. Прикосновение это заставило его обернуться — и оказаться лицом к лицу с египтянкой.

— Я думал, ты спишь, — только и смог произнести он.

— По ночам спят старики да маленькие дети. Я же вышла посмотреть на моих друзей — звезды юга, — которые сейчас держат покров полуночи над Нилом. Но сознайся, что я застала тебя врасплох!

Он взял ее за руку, которая уже было скользнула с его плеча, и сказал:

— Ну а если бы это был враг?

— О нет! Быть врагом значит ненавидеть, а ненависть — это болезнь, которую Исида никогда не подпустит ко мне. Ты должен знать, что она поцеловала меня в сердце, когда я была ребенком.

— Твои слова не похожи на слова твоего отца. Ты не разделяешь его веры?

— Может быть, я и верила бы… — она негромко засмеялась, — может быть, и поверила, если бы

видела то, что довелось увидеть ему. Может быть, я разделю эту веру, когда стану годами такой, как он. Молодым не нужна религия, для них должны существовать только поэзия и философия, да и поэзия только та, что вдохновляется весельем, вином и любовью; а философия не должна рассуждать о всяких занудных вещах. Бог моего отца слишком величествен для меня. Я не смогла обнаружить Его в роще Дафны. И никогда не слышала о Нем во дворцах Рима. Но, сын Гура, у меня есть желание.

— Желание? Разве есть такой человек, что смог бы отказать тебе?

— И с ним я обращаюсь к тебе.

— Тогда скажи его.

— Оно очень простое. Я хочу помочь тебе.

Сказав это, она придвинулась к нему почти вплотную.

Он рассмеялся и беспечно ответил:

— О Египет! — я чуть было не сказал: дорогой Египет! — разве сфинкс живет не в твоей стране?

— Итак?

— Ты — одна из его загадок. Будь же милосердна и помоги мне понять тебя правильно. В чем мне надо помогать? И как ты можешь помочь мне?

Она вырвала свою ладонь из его руки и, повер-

нувшись к верблюду, заговорила:

— О ты, самый быстрый и самый величественный из зверей Иова! Порой даже ты идешь, спотыкаясь, потому что дорога твоя ухабиста, а груз тяжел. Как же ты можешь знать силу слова и отвечать любезно, когда тебе предлагает помощь женщина? Я поцелую тебя, царственное животное, — тут она подалась вперед и коснулась губами лба животного, — потому что не подозреваю тебя ни в чем!

И Бен-Гур, сдержав себя, холодно произнес:

— Упрек твой попал в цель, о Египет! Я отвечал тебе отказом; но я не мог бы ответить по-другому, поскольку связан словом чести, и мое молчание является залогом жизни и судеб других людей.

— Может быть! — быстро ответила она. — Пусть будет так.

Он шагнул к ней и спросил резким от удивления голосом:

— Что еще ты знаешь?

Усмехнувшись, она ответила:

— Почему мужчины не хотят признавать, что женщины куда более проницательны, чем они? Весь день я наблюдала за твоим лицом. На нем было совершенно ясно написано, что тебя тяготят какие-то думы, причем ты не просто вспоми-

наешь о спорах с моим отцом. Сын Гура! — Она заговорила тише и, подойдя почти вплотную, обдала его жаром своего дыхания. — Сын Гура! Ты хочешь найти Того, Кто станет Царем Иерусалимским, не правда ли?

Сердце его забилось сильно и быстро.

— Царя Иерусалимского, подобного Ироду, но более великого, — продолжала она.

Он отвел взгляд в сторону — в ночное небо, но потом снова посмотрел ей в глаза и уже не мог отвести взгляд от них. Ее жаркое дыхание обжигало его губы.

— С самого утра, — продолжала она, — нам являются видения. Если я расскажу тебе о том, что было дано узреть мне, будешь ли также служить и мне? Как! Ты по-прежнему молчишь?

Она оттолкнула его и повернулась было, чтобы уйти; но он схватил ее за руку и умоляюще произнес:

— Останься! Останься и говори!

Она повернулась и прильнула к нему. Он обнял ее, привлек к себе, и в этом объятии был ответ на ее вопрос.

— Говори и расскажи мне свои видения, о Египет, дорогая Египет! Пророк — нет, Тишбет и даже сам Моисей не мог бы отказаться выслушать тебя.

Но я покорен твоей воле. Будь же милосердна, молю тебя.

Мольба его осталась неуслышанной, поскольку, прильнув к его груди, она медленно произнесла:

— Видение, которое преследовало меня, было видением великой войны — войны на суше и на море — под звон мечей и крики воинов, словно в мир снова явились Цезарь и Помпей, Октавий и Антоний. Пелена пыли и пепла закрыла весь мир, и Рима больше не существовало; власть его снова перешла к Востоку; и из этого облака пыли восстала раса героев и новые сатрапии и царства, куда более великолепные, чем ранее. А после того как видение это исчезло, о сын Гура, я спросила себя: «Почему бы ему не стать первым и лучшим слугой Царя?»

Бен-Гур снова отпрянул назад. Вопрос этот был тем самым вопросом, который он задавал себе весь день. Внезапно он почувствовал, что ему дан тот самый ключ, который он искал.

— Да, — сказал он, — теперь я тебя понял. Сатрапии и царства — это то, ради чего ты готова мне помочь. Понимаю, я понимаю! Никогда еще не было царицы, какой стала бы ты, столь умной, столь прекрасной, столь царственной — никогда! Но, увы, дорогая Египет, в этом твоем видении

ценой всего этого является война, ты же всего лишь женщина, хотя Исида и поцеловала тебя в сердце. А царства — это звездные дары, помочь в достижении их ты не в силах, если, конечно, не знаешь к ним другой дороги, чем путем меча. Если же знаешь, о Египет, то покажи мне ее, и мы пойдем по ней даже только ради тебя.

Выскользнув из его объятий, она сказала:

— Брось на песок свою накидку, чтобы я могла сесть, опершись на верблюда. Я сяду, чтобы поведать тебе одну историю, которую принесли по Нилу в Александрию, где я ее и узнала.

Бен-Гур сделал, как она просила, но сначала воткнул в песок копье острием вверх.

— А что делать мне? — печально спросил он, когда она опустилась на расстеленный плащ. — Как положено в Александрии слушать — стоя или сидя?

Удобно привалясь к теплому боку верблюда, она со смехом ответила:

— Слушателям предоставлено право выбирать самим.

Он опустился на песок и почувствовал, как нежная рука легла ему на шею.

— Я весь внимание, — сказал он.

И она начала свой рассказ.

КАК ПРЕКРАСНАЯ ПРИШЛА НА ЗЕМЛЮ

Ты должен узнать прежде всего, что Исида была — а коли на то пошло, то, может быть, есть и сейчас — самой прекрасной из богинь; так что Осирис, ее муж, несмотря на всю свою мудрость и могущество, порой ревновал ее, ибо в любви боги подобны нам, смертным.

Дворец Божественной супруги был из серебра и венчал собой высочайшую из гор на Луне. Прекрасная часто выходила из него прямо на Солнце, в самой глубине которого, в сердце вечного света, располагался дворец Осириса, сделанный из золота, блеска которого не мог выдержать никто из людей.

Однажды — ибо боги не знают времени, — когда она весело проводила с ним время на плоской крыше золотого дворца, то бросила случайный взгляд вдаль, и там, на самом краю вселенной, узрела она Индру во главе армии обезьян, все они неслись, сидя на спинах летящих орлов. Он, Друг Живых Существ — так с любовью называли Индру, — возвращался с решающей битвы с отвратительным Ракшакасом — возвращался победителем; а вместе с ним возвращались герой

Рама[143] и его невеста Зита, которая красотой своей лишь немногим уступала самой Исиде. Тогда Исида встала, сняла с себя свой пояс из звезд и помахала им Зите — запомни, именно Зите, — приветствуя ее. И тут же между возвращающимся воинством и двумя супругами на крыше золотого дворца пало нечто вроде ночной тьмы, скрывшей от их взора войско; но это была не ночь — это нахмурил брови Осирис.

Случилось так, что предметом его речей в этот момент было то, о чем они думали; и поднялся он и величественно произнес: «Ступай домой. Я сам все сделаю. Чтобы сотворить совершенно счастливое существо, мне не нужна твоя помощь. Ступай к себе домой».

Глаза у Исиды стали большими, как у священной белой коровы, которая ест сладкую траву из рук верующих в храме, пока те возносят к небу свои молитвы; и глаза эти были такого же цвета и столь же нежные. Она тоже поднялась со своего места и сказала, улыбаясь, так что ее лик стал похож на лик луны на вечернем небе в месяц уборки урожая: «Прощай, мой дорогой господин. Вскоре ты снова призовешь меня к се-

---

[143] Примечания: 143

Рама — главный герой индийского эпоса «Рамаяна» и «Махабхарата», образ мудрого добродетельного царя-героя.

бе. Я это знаю наверняка, потому что без меня ты не сможешь сотворить совершенно счастливое создание, о котором думаешь. Более того, — здесь она помедлила, улыбаясь, потому что знала, сколь справедливы ее слова, — более того, мой господин, ты и сам не сможешь быть совершенно счастлив без меня». — «Мы это увидим», — ответил он.

И она вернулась к себе домой, взяла спицы и кресло и уселась на крыше своего серебряного дворца, держа в руках вязанье и наблюдая.

И такова была сила Осириса, клокотавшая в могучей груди его, что напоминала шум мельниц, которые разом вращают все остальные боги, от звука ее затряслись даже звезды на небе, как горошины в сухом стручке, и многие сорвались со своих мест и пропали. Но даже когда звук этот рос и креп, она все продолжала вязать, не потеряв ни одной петли.

Вскоре в пространстве над солнцем возникла точка; она все росла и росла, пока не стала размером с луну, и тут Прекрасная поняла, что это был создан мир. Когда же, все увеличиваясь и увеличиваясь в размере, он наконец поглотил собой всю ее планету, кроме того места, где находилась она сама, она поняла, сколь велик был

его гнев; но все равно продолжала свое вязание, уверенная, что будет так, как она сказала.

Так была сотворена земля, и поначалу она представляла собой просто серую массу, неподвижно висящую в пустоте. Позднее она увидела, как эта масса разделилась: на ней возникли равнины, моря, горы, но все это было однообразного серого цвета, без единого цветного пятна. Вдруг на берегу одной из рек она различила какое-то движение и от удивления даже перестала вязать. Нечто встало с земли и воздело руки к солнцу в знак того, что знает, кто дал ему существование. И этот Первый Человек был прекрасен на вид. Вокруг же него находились создания, которых мы называем природой, — трава, деревья, птицы, звери, а также насекомые и рептилии.

Некоторое время человек был счастлив своей жизнью: даже простому взгляду было ясно, как он доволен. И в утихшем было неистовстве творящей воли Исида услышала презрительный смех и различила слова, несущиеся со стороны солнца: «Вот еще, твоя помощь! Взгляни же на существо, воистину счастливое!»

И Исида продолжила вязание, поскольку она была столь же терпелива, сколь силен был Осирис; и если он мог работать и работать, то она

могла ждать и ждать. Так что она и стала ждать, прекрасно зная, что порой целой жизни может не хватить на подобный спор.

Так и случилось. Прошло не так уж много времени, и Божественная Супруга заметила изменения в человеке. Он стал неподвижен, все время проводил на одном и том же месте у реки, почти не поднимал взгляда к небу, и лицо его выражало грусть. Интерес к жизни в нем исчез. И когда она точно удостоверилась в этом и даже сказала себе: «Существо устало от своего существования», то услышала грохот созидающей воли, снова продолжившей свои труды. И тусклое мерцание земли, где все созданное было одного и того же холодного серого цвета, запламенело красками; горы окрасились в пурпур, поросшие травой равнины и деревья покрылись зеленью, моря заиграли голубизной, а облака стали непрерывно менять цвета. И человек вскочил на ноги и захлопал в ладоши от счастья, сразу же выздоровев и став снова счастливым.

Но Исида улыбнулась и продолжала вязать, сказав про себя: «Это было здорово придумано, и еще какое-то время продлится; но новой красоты мира недостаточно для такого существа. Мой господин должен придумать еще что-нибудь».

Едва успела она додумать эту мысль до конца, как гром созидающей воли сотряс луну, и, подняв взгляд, Исида уронила вязанье и захлопала в ладоши; так как до этого момента все на земле, кроме самого человека, оставалось на месте, отведенном им раз и навсегда. Ныне же все живые существа и даже многое из неживого получило дар Движения. Птицы радостно запорхали в воздухе; большие и малые звери пробегали туда и сюда, каждый в свойственной только ему манере; деревья склоняли свои ветви под набегающим ветром; реки катили свои воды к морям; моря же вздымали волны и бросали их на прибрежные скалы, покрывая их пятнами белой пены; а надо всем этим величаво плыли облака, напоминая снявшиеся с якорей корабли.

И человек плясал от радости, как ребенок; и сам Осирис был так рад, что воскликнул: «Ха-ха! Посмотри, как чудесно я все устроил без твоей помощи!»

Но его супруга подняла вязанье и спокойно ответила: «Это здорово придумано, мой господин, — даже более чем хорошо — и какое-то время еще поможет продержаться».

И снова произошло так, как она предсказала. Вид всего окружающего его в движении приску-

чил человеку. Порхающие птицы, текущие реки, волнующиеся моря перестали радовать его, и он стал чахнуть еще хуже, чем раньше.

Исида ждала.

И, словно услышав ее мысли, Осирис воспрял от отдыха, и от звука его созидающей воли содрогнулась вселенная; лишь солнце удержалось на своем месте. Огляделась Исида и увидела, что вокруг все изменилось. Она улыбнулась тому, что новая придумка ее супруга была столь быстрой, и увидела она, что создание склоняет голову, прислушиваясь. Лицо его осветилось радостью, и он захлопал руками от радости, потому что в первый раз раздались на земле Звуки; звуки гармоничные и звуки негармоничные. Ветер шелестел листьями деревьев; птицы распевали каждая свою песнь; ручьи, текущие к рекам, журчали, словно играя на серебряных струнах арф; реки, текущие к морю, гудели торжественным басом; а сами моря разбивали о прибрежные скалы волны с громовым ревом. Весь мир был напоен музыкой, и музыка эта звучала не переставая; так что человек не мог не быть счастлив.

Тут Исида погрузилась в размышления о том, как чудесно сделал ее супруг; но чуть спустя она покачала головой: Цвет, Движение, Звук — все это

было лишь не главными элементами красоты, главными же были Форма и Свет, и именно для них была рождена земля. Что ж, Осирис сделал то, на что он был способен, и, если и теперь существо снова будет несчастно, необходима станет ее помощь.

Человек на этот раз был счастлив довольно долго — дольше, чем раньше; создавалось даже впечатление, что он никогда не устанет наслаждаться миром. Но Исида знала лучше; она все ждала и ждала, не обращая внимания на то, что с солнца доносится смешок за смешком; она терпеливо ждала и вот увидела предвестия конца. Звуки жизни — от щебета птиц до раскатов грома — уже были привычны человеку. Он слабел и чах и вернулся на свое место у реки и остался там недвижим.

Только тогда Исида, исполненная жалости, заговорила: «Мой господин, — сказала она, — твое создание умирает».

Но Осирис, хотя и видел все это, не сдвинулся с места; он больше ничего не мог сделать.

«Могу ли я помочь тебе?» — спросила Исида.

Осирис был чересчур горд, чтобы ответить согласием.

Тогда Исида связала последнюю петлю и, рас-

цветив свою работу великолепным сиянием, бросила ее на землю — так, чтобы она упала рядом с человеком. И он, услышав звук от падения рядом с собой, поднял свой взгляд, и вот! — Женщина — Первая Женщина — приблизилась к нему, чтобы помочь ему! Она протянула руку к лежащему; он сжал ее и встал на ноги: и с тех пор никогда не был печален, но всегда был счастлив.

— Таково, о сын Гура, происхождение красоты, как об этом рассказывают у нас на Ниле. — Она помолчала.

— Чудесная сказка, — не стал скрывать он, — но она не закончена. Что сделал после этого Осирис?

— О да, — ответила она. — Он снова призвал Божественную супругу к себе, и они снова стали жить в любви и согласии, во всем помогая друг другу.

— Но если я не поступлю так, как поступил первый человек?

Он снял ее руку со своего затылка и положил себе на губы.

— Люблю, люблю! — произнес он.

Голова его медленно опустилась на ее колени.

— Ты найдешь Царя, — заговорила она, лаская другой рукой его лицо. — Ты отправишься в путь,

и найдешь Царя, и будешь служить Ему. Своим мечом ты заслужишь самые щедрые Его дары, и Его лучший солдат станет моим избранником.

Он поднял лицо и взглянул на нее. И не было для него в мире более яркого светила, чем ее глаза в этот момент. Он выпрямился и сел, обнял ее за плечи и страстно поцеловал, говоря:

— О Египет, Египет! Если дары Царя будут царствами, то одно из них будет моим, и я положу его к твоим ногам! Ты будешь моей царицей — только моей, — и не будет в мире более прекрасной царицы! И мы будем счастливы навек!

— И ты расскажешь мне все и позволишь мне помогать тебе во всем? — спросила она, тоже целуя его.

Вопрос этот остудил его страсть.

— Разве недостаточно того, что я люблю тебя? — спросил он.

— Истинная любовь предполагает и совершенное доверие, — ответила она. — Но ничего страшного — ты со временем лучше узнаешь меня.

Убрав руку с его лица, она встала.

— Ты жестока, — сказал он.

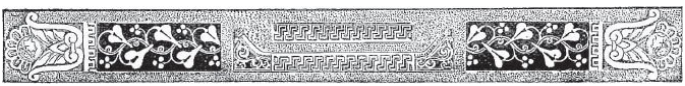
Сделав несколько шагов, она остановилась около лежавшего на песке верблюда и коснулась

губами его лба.

— О ты, благороднейший из своего рода! Ибо нет подозрений в твоей любви.

И в ту же секунду ее уже не было.

Глава 5
В Вифаваре[144]

На третий день путешествия путники остановились на обед у реки Иавок[145], у костра, где расположились около сотни людей и их животных. Едва они сошли на землю, как к ним подошел мужчина с кувшином и чашей, предложивший им утолить жажду. Когда они с благодарностью приняли его услуги, он сказал, глядя на их верблюда:

— Я возвращаюсь с Иордана, где сейчас собралось много народу из самых дальних уголков страны, как и вы, друзья мои. Но ни у кого из них нет ничего подобного вашему верблюду. Весьма благородное животное. Могу я поинтересоваться его происхождением?

---

[144] Примечания: 144

Вифавара — место на берегу Иордана, где крестил израильтян апостол Иоанн (Ин. 1: 28).

[145] Примечания: 145

Иавок — приток Иордана, место борьбы Иакова с Богом (Быт. 32: 22).

Балтазар ответил и сразу же прилег отдохнуть; но Бен-Гур, более любопытный, разговорился с этим человеком.

— И в каком месте на реке собрались эти люди? — спросил он.

— В Вифаваре.

— Знаю его, там есть довольно малолюдный брод через реку, — заметил Бен-Гур. — Не могу понять, что их туда привело.

— Понятно, — кивнул головой незнакомец. — Вы тоже издалека и не слышали добрых вестей.

— Каких вестей?

— Не так давно из пустыни явился отшельник — святой человек — и изрекает странные слова, которые озадачивают всех, кто их слышит. Он называет себя Иоанном Назореем[146], сыном Захарии, и говорит, что он — вестник, посланный возвестить приход Мессии.

Даже Айрас, забыв обо всем, вслушивалась в слова незнакомца.

— Про этого Иоанна говорят, что всю жизнь с самого рождения он провел в пещере недалеко

---

[146] Примечания: 146

Назореи — аскеты, члены религиозной секты, которые должны были воздерживаться от опьянения, не стригли волосы и избегали соприкосновения с трупами. Обличали моральное падение общества. Членом этой секты был Иоанн Креститель.

от Ен-джеди, в постоянной молитве, и вел жизнь более строгую, чем даже ессеи. Множество людей приходят слушать его пророчества. Я там тоже был вместе с остальными.

— Так что, все эти люди, твои друзья, были там?

— Большинство идут туда, а некоторые воз-

вращаются.

— И что же он проповедует?

— Новое учение — такого, по общему мнению, еще не было в Израиле. Он называет это покаянием и крещением. Раввины не знают, что с ним делать; не знаем и мы. Некоторые спрашивают его, не Христос ли он; другие — не он ли Илия; но всем им он отвечает: «Я глас вопиющего в пустыне: исправьте путь Господу!»

Здесь незнакомца позвали его друзья. Когда он повернулся, чтобы уйти, Балтазар остановил его.

— Добрый человек! — дрожащим голосом произнес он. — Назови нам то место, где мы могли бы найти этого проповедника.

— Да в Вифаваре.

— Кто же этот Назорей, — спросил Бен-Гур у Айрас, — если не вестник о нашем Царе?

За столь краткое время он стал считать дочь более заинтересованной в загадочной личности, которую они разыскивали, чем ее престарелый отец! Тем не менее девушка приподнялась и со странным блеском своих томных глаз сказала:

— Нам надо поспешить. Я совершенно не устала.

Но уже темнело, и они стали устраиваться на ночлег.

— Давай завтра встанем пораньше, сын Гура, — сказал старик. — Спаситель может явиться в мир, а нас там не будет.

— Царь не может быть вдалеке от своего вестника, — прошептала Айрас Бен-Гуру, готовясь занять свое место под навесом.

— Завтра будет видно! — ответит тот, целуя ей руку.

На следующий день в третьем часу, свернув с привычной дороги и обогнув подножие горы Джилад, они двинулись по бесплодным землям восточнее священной реки. Наконец перед ними замаячила оконечность древних пальмовых равнин Иерихона, протянувшихся вплоть до холмов Иудеи. Сердце Бен-Гура забилось чаще — он понял, что до брода Иордан совсем уже недалеко.

— Возрадуйся, дорогой Балтазар, — сказал он, — ибо мы уже почти на месте.

Погонщик подхлестнул верблюда, и животное прибавило шаг. Скоро путники уже смогли различить навесы, палатки и пасущихся около них животных. За ними, ближе к берегу реки, виднелось множество народа и такая же толпа на западном берегу. Поняв, что проповедник сейчас как раз обращается к народу с проповедью, они убыстрили шаг; но все же, приблизившись почти

вплотную, увидели, что люди стали расходиться.

Они опоздали!

— Давай подождем здесь, — сказал Бен-Гур Балтазару, в отчаянии ломавшему руки. — Назорей может пройти мимо нас.

Расходившиеся люди были слишком погружены в раздумья о том, что им довелось услышать, чтобы обращать внимание на вновь прибывших. Когда мимо них прошло несколько сотен человек и вероятность увидеть Назорея была потеряна, на берегу реки они увидели человека, направляющегося в их сторону. Наружность его была такова, что они забыли все на свете.

Внешне человек выглядел грубым и неуклюжим, совершенным дикарем. Иссушенное постом и солнцем лицо наполовину скрывали буйные космы нестриженых волос, падавших на плечи и спускавшихся ниже пояса, образуя своеобразную защиту пергаментно-сухой, сожженной солнцем кожи. Глаза его горели огнем неистовой веры. Вся правая половина тела, почти обнаженная, имела один цвет с его лицом и выглядела столь же изможденной. Накидка из самого грубого верблюжьего волоса — столь же грубая, как и ткань на шатре бедуина, — длиной до колен составляла все одеяние отшельника и была схвачена на

бедрах широким поясом сыромятной кожи. На этом же поясе болталась сума, сделанная тоже из сыромятной кожи. Ступая, отшельник опирался на сучковатый посох. Шаг его был быстрым, уверенным и удивительно осторожным. Он часто отбрасывал с лица падавшие ему на глаза космы нестриженых волос и оглядывался по сторонам, словно ища кого-то взглядом.

Прекрасная египтянка посмотрела на сына пустыни с удивлением и едва ли не с отвращением. Откинув полог навеса, она обратилась к Бен-Гуру, ехавшему на своей лошади рядом с верблюдом:

— И это вестник Царя?

— Это Назорей, — ответил он, не поднимая на нее взгляда.

По правде говоря, он и сам был разочарован. Несмотря на знакомство с отшельниками Ен-джеди — зная их манеру одеваться, их равнодушие к мнению окружающих, их приверженность обетам, требующим всех возможных форм умерщвления плоти, отделявшие их от своих соплеменников в такой степени, словно они были рождены не им подобными, — и несмотря на то, что он был предупрежден об облике Назорея, который сам именовал себя гласом вопиющего в пустыне, — все же Бен-Гур, лелея в своих мечтах

образ великого Царя, расцветил его в своем воображении такими красками, что подсознательно ожидал: даже Его предвестник будет нести некую печать или символ красоты и царственности Того, о Ком он послан провозгласить. Рассматривая дикарского вида фигуру перед собой, он мысленно представлял себе длинные ряды придворных, которые ему приходилось наблюдать в термах и коридорах имперских дворцов Рима, и это невольное сравнение приводило его в смятение. Подавленный, смущенный, сбитый с толку, он только и смог ответить:

— Это Назорей.

С Балтазаром же все было по-другому. Пути Господни, он знал, для людей неисповедимы. Он уже видел Спасителя в пещере ребенком и был своей верой подготовлен к простоте и даже грубости Его нового появления в мире. Поэтому он остался на своем месте под навесом и лишь скрестил руки на груди, шевеля губами в немой молитве. Он отнюдь не ждал увидеть царственный лик.

Пока вновь прибывшие рассматривали проповедника, остановившись посреди двигавшейся им навстречу толпы, другой человек, сидевший на камне на берегу реки, был погружен в раздумья, — возможно, о проповеди, которую он

только что услышал. Неспешно встав с камня, он стал медленно подниматься по прибрежному склону от реки. Он шел несколько под углом к направлению, которым следовал Назорей, и путь этот привел его к стоявшему на месте верблюду.

Каждый из них — проповедник и незнакомец — следовал своим путем, пока не оказались: первый в двадцати, а второй в десяти ярдах от животного. В этот момент проповедник остано-

вился и, отбросив с глаз мешавшие ему волосы, взглянул на незнакомца. Всмотревшись в его лицо, проповедник вознес руки к небу, и по этому его знаку все, кто его увидел, тоже остановились, застыв в позе слушающих. Когда же установилась полная тишина, посох в правой руке Назорея медленно опустился, указывая на незнакомца.

И все, кто до этого был только слушателем, стали еще и очевидцами происходящего.

В тот миг, повинуясь одному и тому же импульсу, Балтазар и Бен-Гур, всмотревшись в человека, на которого указывал посох проповедника, испытали одно и то же чувство. Незнакомец был чуть выше среднего роста и стройного, даже изящного сложения. Движения его были спокойными и неторопливыми, они казались привычными для человека, большую часть времени погруженного в раздумья над серьезными вещами. Просто и изысканно был и одет этот человек: носимый под верхней накидкой хитон с длинными рукавами закрывал его колени. Еще на нем была верхняя рубаха, называемая талифом; на левой руке незнакомец нес обычную в этих местах наголовную накидку. Красная лента, которой эта повязка удерживалась на голове, спускалась вдоль его бока. Эта лента, да еще узенькая голубая полоска

по нижнему краю талифа были единственными цветными пятнами в одежде незнакомца; все остальное его одеяние было сшито из простой холстины, сейчас покрытой желтоватой пылью пустыни. Сандалии на ногах странника были самого простого вида. У него не было ни сумы, ни пояса, ни посоха.

Но все это трое путников заметили лишь мельком и скорее как частности, гармонирующие с внешностью и чертами лица человека, которые заставили всех остановившихся по знаку проповедника устремить на него свои взоры.

Голова незнакомца была открыта свету, изливающемуся на него с безоблачного неба. Длинные и слегка вьющиеся волосы, разделенные пробором посередине и окаймлявшие его лицо, слегка отливали темным золотом там, где их касались отвесно падавшие лучи солнца. Под высоким лбом и черными, высоко выгнутыми бровями горели темно-голубым светом большие глаза. Длинные ресницы, иногда встречающиеся у детей, но редко у взрослых мужчин, несколько приглушали этот блеск, придавая взгляду незнакомца выражение чрезвычайной нежности. Что касается других черт его лица, то трудно сказать, были ли они греческими или еврейскими. Утон-

ченность выреза ноздрей и очертания рта были несколько необычны для семитского типа лица. Если же принять во внимание нежное выражение глаз, хрупкость сложения, шелковистость волос и мягкость бороды, курчавившейся на его лице, то ни один солдат не посмеялся бы над ним при случайной встрече, не нашлось бы такой женщины, которая бы с первого взгляда не испытала безотчетного доверия к нему, не нашлось бы такого ребенка, который бы не протянул тут же руку этому незнакомцу и безыскусно не поверил ему; никто и никогда не назвал бы его иначе как прекрасным.

Еще надо сказать, что эти черты лица имели выражение, которое, по мнению смотрящих на него, можно было определить в равной степени как понимание, любовь, сострадание или печаль; хотя, точнее говоря, это было смешение всех этих чувств — выражение, которое было бы вернее всего определить как знак безгрешной души, обреченной видеть и понимать крайнюю греховность тех, среди которых человек жил. Тем не менее никому из вглядывающихся в лицо этого человека не пришла бы в голову мысль о его слабости. Во всяком случае, они чувствовали, что эти качества — любовь, сострадание, печаль

— были результатом осознания своей силы нести страдание, а не причинять его: таковыми были мученики и адепты веры, святые, записанные в мартирологи. Та же аура исходила и от этого человека.

Неспешным шагом он приближался к трем путникам.

Теперь скорее Бен-Гур, сидевший в седле с ко-

пьем в руке, мог бы привлечь внимание Царя; но все же взгляд приближающегося человека был направлен не на него — и даже не на Айрас, — но на старого Балтазара.

Царила абсолютная тишина.

Внезапно Назорей, по-прежнему державший в руках указующий на незнакомца посох, громко воскликнул:

— Узрите Агнца Господня, который возьмет на себя грехи мира!

Люди в толпе стояли тихо, застыв на месте при словах проповедника, странных для них и за пределами их понимания. На Балтазара же слова эти произвели действие чрезвычайное. Судьба дала ему еще одну возможность увидеть Спасителя людей. Вера, которая много лет назад привела его к пещере под Вифлеемом, по-прежнему обитала в его сердце; и если ныне вера дала ему видение куда более ясное, чем у окружавших его людей, — способность видеть и понимать, на кого он сейчас смотрит, — то эту способность он заслужил всей своей жизнью. Идеал его веры был сейчас прямо перед ним; совершенный лицом, обличьем, одеянием, возрастом; он был видим Балтазаром и узнан им. Ах, сейчас должно было случиться нечто такое, что совершенно ясно, без

всяких сомнений, укажет собравшимся, кто этот незнакомец!

И это случилось.

Именно в этот момент, словно отвечая на невысказанную просьбу трепещущего египтянина, Назорей повторил свои слова:

— Узрите Агнца Господня, который возьмет на себя грехи мира!

Балтазар упал на колени. Ему не нужны были никакие объяснения. И, словно сознавая это, Назорей обратился лицом к смотревшим на него в удивлении людям и продолжал:

— Это Тот, о Котором я говорил: «Идущий позади меня идет впереди меня», потому что Он передо мною. И я не знал Его, но он должен быть явлен Израилю, поэтому я был послан крестить водой. Я видел, как сошел с небес Дух Святой, подобный голубю, и увенчал Его. И я не знал Его, но Тот, Кто послал меня крестить водой, произнес в душе моей: «На кого снизойдет Дух Святой и увенчает Его, есть Тот, Кто будет крестить Духом Святым». И я видел это и свидетельствую, что это… — он замолк на несколько секунд, по-прежнему указывая посохом на незнакомца в белых одеждах, словно для того, чтобы придать совершенную достоверность своим словам и

действиям, — я свидетельствую, что это есть Сын Божий!

— Это Он, это Он! — воскликнул и Балтазар, обратив к небу полные слез глаза.

В следующее мгновение он упал без сознания.

Бен-Гур в этот момент всматривался в лицо незнакомца, хотя интерес его был совершенно другого порядка. Он не остался невосприимчивым к чистоте черт его лица, к его задумчивости, хрупкости, скромности и святости, но все же в сознании его билась одна только мысль: кто этот человек? И что он такое? Мессия или царь? Вряд ли можно было представить себе человека более нецарственного вида. Наоборот, при виде его спокойной, мягкой внешности сама идея о войне и завоеваниях, о страсти повелевать развеивалась подобно утреннему туману. Совершенно искренне Бен-Гур был вынужден признаться самому себе: должно быть, прав Балтазар, а не Симонидис. Этот человек пришел не для того, чтобы снова возвести трон, подобный Соломонову; он не обладает ни характером, ни государственным гением Ирода; он вполне может быть царем, но владеть ему дано царством иным, куда более великим, чем Рим.

Все это было отнюдь не логическим выводом,

сделанным Бен-Гуром, но всего только впечатлением, произведенным на него обликом незнакомца. Но когда оно еще только складывалось в его сознании, из глубин памяти всплыло нечто подобное. «Совершенно точно, — сказал он про себя, — я уже видел этого человека; но где и когда?» Этот взгляд, тихий, сочувственный и исполненный любви, когда-то в прошлом уже обращался к нему, как сейчас он обращался к Балтазару. Сначала смутно, а потом абсолютно четко в памяти его всплыла площадь у источника в Назарете, когда римские стражники вели его на галеры, и Бен-Гур содрогнулся всем своим существом. Эти руки помогли ему, когда он терял последние силы. Это лицо, склонившееся тогда над ним, он с тех пор не забыл. И в потоке нахлынувших на него чувств он не разобрал объяснения проповедника и расслышал лишь его последние слова — слова столь чудесные, что до сих пор они звучат в мире:

— …это есть Сын Божий!

Бен-Гур соскочил с коня на землю, чтобы воздать дань уважения своему благодетелю; но в этот момент Айрас воскликнула, обращаясь к нему:

— Помоги, сын Гура, или мой отец умрет!

Он застыл на месте, оглянулся и поспешил к

ней на помощь. Девушка протянула ему чашу, и, велев слуге заставить верблюда опуститься на колени, он бросился к реке за водой. Когда же он вернулся с полной чашей, незнакомца уже не было.

Сознание наконец-то вернулось к Балтазару. Вытянув вперед дрожащие руки, он спросил слабым еще голосом:

— Где же он?

— Кто? — переспросила Айрас.

Лицо старика тут же осветилось изнутри, словно его последняя воля оказалась исполненной, и он ответил:

— Он — Спаситель — Сын Божий, которого мне было дано узреть снова.

— Ты этому веришь? — негромко спросила Айрас у Бен-Гура.

— Мир полон чудес, нам остается только ждать, — смог лишь ответить он ей.

На следующий день, когда все трое слушали проповедь Назорея, он вдруг прервал свою речь на полуслове и благоговейно произнес:

— Узрите Агнца Господня!

Переведя взоры туда, куда он указывал своим посохом, они снова увидели незнакомца. И, всматриваясь в стройную фигуру и в испол-

ненные святости прекрасные черты его лица, Бен-Гур поразился новой мысли, пришедшей ему в голову в этот момент: «Балтазар прав — но прав и Симонидис. Разве не может Спаситель быть также и Царем?»

И он спросил, обращаясь к одному из стоявших рядом с ним в толпе слушателей:

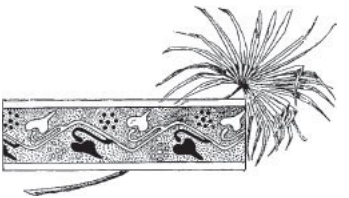
— Кто этот человек, идущий там?

Тот, к кому был обращен его вопрос, усмехнулся и ответил:

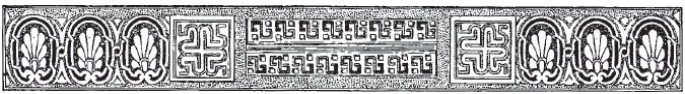
— Да это сын одного плотника из Назарета.

Книга восьмая

Я есть Воскресение и Жизнь.
Ин. 11: 25

Глава 1
Гости в доме Гура

— Есфирь! Есфирь! Вели слуге принести мне чашку воды!

— Может быть, лучше чашу вина, отец?

— Пусть принесет и то и другое.

Этот разговор происходил в легкой постройке на крыше старого дворца Гуров в Иерусалиме. Склонясь через парапет во внутренний двор, Есфирь позвала ожидавшего внизу ее приказаний слугу; и в тот же самый момент другой слуга вышел на крышу и почтительно склонился перед девушкой.

— Послание для хозяина, — сказал он, передавая ей перевязанное накрест и запечатанное сургучом письмо, завернутое в лоскут холста.

Тут мы прервемся на мгновение, чтобы сообщить нашему читателю, что все это происходило 21 марта, спустя примерно три года после появления Христа в Вифаваре.

За это время Маллух, действуя по указаниям Бен-Гура, который не мог дольше переносить пустоту и упадок своего отчего дома, купил его у Понтия Пилата. Затем он отремонтировал дом, частью заменив, а частью восстановив ворота, дворы, спальни, лестницы, террасы, комнаты и крышу; так что в нем не осталось и следа от трагедии, которая постигла семью. Внутренность дворца стала даже еще богаче, чем до нее. Но буквально на каждом шагу посетитель видел свидетельства тонкого вкуса нынешнего хозяина дворца, приобретенного им за годы пребывания на вилле в Мизенах и в римской столице.

Но не следует считать, что Бен-Гур считался официальным владельцем этой собственности. По его мнению, час для этого еще не настал. Также не принимал он и своего настоящего имени. Проводя все время в трудах по подготовке в Галилее, он терпеливо ожидал действий Назаретянина, который изо дня в день становился все большей и большей загадкой для него. Множество знамений, порой случавшихся у него на глазах, приводили Бен-Гура в недоумение относительно Его характера и миссии. Иногда он возвращался в Святой город, останавливаясь в отцовском доме; но всегда, однако, как пришелец и гость.

Эти посещения Бен-Гура, надо заметить, были не только отдыхом от работы. В его отчем доме теперь постоянно жили Балтазар и Айрас; и очарование египтянки не утратило для него своей свежести. Ее же отец, хотя и заметно одряхлевший, не уставал внимать его рассказам о бродячем чудотворце, которого все они так ждали.

Что касается Симонидиса и Есфири, то они приехали из Антиохии всего лишь за несколько

дней до очередного появления Бен-Гура — довольно трудное путешествие для купца, который проделал его в паланкине, раскачивающемся как маятник, будучи подвешенным меж двух верблюдов, далеко не всегда шедших в ногу. Но, оказавшись в Иерусалиме, почтенный старец не мог вдоволь наглядеться на свою родину. Он проводил большую часть дня в летней постройке на крыше, сидя в кресле, точной копии того, что осталось ждать его в кабинете склада на берегу Оронта. Сидя в тени под крышей летнего домика, он не мог надышаться воздухом, омывавшим столь знакомые ему с детства холмы. Всегда находившаяся рядом Есфирь возрождала в его памяти образ другой Есфири, его юношеской любви, печаль по которой с годами только росла. Но он не забывал и о делах. Каждый день очередной гонец доставлял ему послания от Санбаллата, управлявшего в отсутствие хозяина всеми делами; и каждый же день гонец отправлялся в обратный путь, увозя письмо с четкими и недвусмысленными указаниями.

Когда Есфирь повернулась, направляясь обратно в летний домик, солнечный свет, падавший на чисто выметенную крышу, обрисовал нам ее теперь уже по-новому, более женственной, —

невысокую, грациозную, с гармоничными и тонкими чертами лица, привлекательную не только обликом, но и умом.

Поворачиваясь, она взглянула на пакет, помедлила, взглянула снова, на этот раз внимательнее, чем в первый; щеки ее порозовели от прилива крови — пакет был запечатан печатью Бен-Гура. Она поспешила к отцу.

Симонидис подержал пакет в руках, разглядывая печать. Сломав ее, он достал из пакета бумажный свиток.

— Читай, — велел он дочери.

На его лице было озабоченное выражение. Он не сводил с нее глаз.

— Я вижу, ты уже знаешь, от кого это письмо, Есфирь.

— Да, от… нашего хозяина.

Хотя она произнесла эти слова дрогнувшим голосом, но не опустила взор под его испытующим взглядом. Старик медленно склонил голову.

— Ты любишь его, Есфирь? — негромко спросил он.

— Да, — ответила она.

— Ты хорошо подумала над тем, что ты делаешь?

— Я пыталась думать о нем, отец, только как о

хозяине, которому я принадлежу по закону. Это было достаточно трудно.

— Ты во всем напоминаешь свою мать, — прошептал он, погружаясь в воспоминания, из которых она вывела его, зашуршав разворачиваемой бумагой. — Да простит мне Господь, но… но твоя любовь могла бы быть не напрасно послана тебе, держи я крепко в руках все то, что имел, как я и намеревался это сделать, — такую силу имеют эти деньги!

— Мне было бы гораздо хуже, если бы ты поступил так, — он бы не удостоил меня ни взглядом, а ты не сохранил бы чести. Так мне читать?

— Погоди минуту, — остановил ее отец. — Позволь предостеречь тебя ради твоего же блага. Будет лучше, если тебе сообщу об этом я. Его сердце, Есфирь, уже занято.

— Я знаю это, — спокойно произнесла она.

— Египтянка оплела его своей сетью, — продолжал старик. — Коварство ее народа вкупе с ее красотой помогают ей; но в ней нет, опять-таки как в ее народе, доброго сердца. Дочь, которая презирает своего отца, принесет своему мужу только горе.

— Презирает?

Симонидис продолжал:

— Балтазар мудрый человек, на редкость мудрый для нееврея, и мудрость эту дала ему его вера. Но она смеется над этим. Вчера я услышал, как она произнесла, говоря о нем: «Безрассудство юности вполне простительно; в пожилом же человеке нет ничего замечательного, кроме мудрости, и, если бы это до них дошло, они сами предпочли бы умереть». Жестокая речь, вполне достойная римлян. Я принял это на свой счет, зная, что немощность ее отца не минует и меня — она уже не за горами. Но ты, Есфирь, никогда бы не сказала обо мне: «Было бы лучше, чтобы он умер». Нет, твоя мать была истинной дочерью Иудеи.

Со слезами на глазах девушка поцеловала отца и сказала:

— А я истинная дочь своей матери.

— Да, а также и моя дочь — моя дочь, которая значит для меня то же, что Храм для Соломона.

Немного помолчав, он положил руку ей на плечо и подвел итог:

— Когда он возьмет египтянку в жены, Есфирь, он будет вспоминать о тебе с сожалением и раскаянием; потому что в конце концов он очнется от ее чар и обнаружит, что стал всего лишь прислужником ее дурных амбиций. В центре всех ее

мечтаний находится Рим. Он для нее — сын дуумвира Аррия, но не сын Гура, одного из правителей Иерусалима.

Есфирь даже не попыталась скрыть тот эффект, который произвели на нее эти слова.

— Спаси его, отец! Еще не поздно! — умоляюще произнесла она.

Он ответил с неопределенной улыбкой на лице:

— Можно спасти утопающего, но не влюбленного мужчину.

— Но ты имеешь на него влияние. Он один в целом мире. Покажи опасность, которая его подстерегает. Открой ему глаза на то, что представляет собой эта женщина.

— Таким образом я мог бы спасти его от нее. Но приведет ли это его к тебе, Есфирь? Нет, — ответил он сам себе, нахмурив брови. — Я всего лишь раб, какими были и мои отцы в нескольких поколениях; я не могу сказать ему: «Взгляни, о хозяин, на мою дочь! Она куда прекраснее египтянки, да и любит тебя куда больше». Я слишком много усвоил за те годы, когда был свободен и правил людьми и делами. Такие слова замрут у меня на языке. Камни вон на том холме перевернутся от стыда, если я их произнесу. Нет, Есфирь, я бы скорее предпочел лечь в могилу, где спит твоя мать!

Лицо Есфири горело ярким румянцем.

— Я вовсе не хотела бы, отец, чтобы ты сказал ему все это. Я беспокоилась только о нем одном — хотела счастья для него, не для себя. Поскольку я осмелилась полюбить его, я должна быть достойной его уважения; только так я могу объяснить свое поведение. А теперь позволь мне прочитать письмо.

— Да, читай.

Она облегченно стала читать, торопясь поскорее уйти от неприятной темы.

Нисан, 8-го дня
На дороге из Галилеи в Иерусалим

Назаретянин тоже в пути. Вместе с ним, не ставя его в известность, идет полный легион моих людей. Некоторое время спустя за ними последует второй легион. Многолюдство на празднике Песах скроет их. Отправляясь в путь, он сказал: «Мы пойдем в Иерусалим, и да свершится все, написанное пророками относительно меня».

Мы уже больше не можем ждать.

Пишу в спешке.

Мир да пребудет с тобой, Симонидис.

Бен-Гур

Дочитав до конца, Есфирь вернула письмо отцу, чувствуя комок в горле. В послании не было ни словечка для нее, даже ни намека на приветствие или добрые пожелания. Впервые в жизни она испытала болезненный укол ревности.

— Восьмой день, — задумчиво пробормотал Симонидис, — восьмой день; а сегодня, Есфирь, сегодня уже…

— Девятый, — кратко ответила она.

— Тогда, возможно, они сейчас уже в Вифинии.

— И тогда, возможно, уже вечером они будут здесь, — просияла девушка, сразу забыв все огор-

чения.

— Может быть, может быть! Завтра праздник Опресноков, и он, возможно, захочет отметить его; возможно, этого же захочет и Назаретянин, и тогда мы увидим его — увидим их вместе, Есфирь.

Тут появились слуги, принесшие вино и воду. Есфирь принялась потчевать отца, и когда она была поглощена этим занятием, на крыше дворца появилась Айрас.

Никогда еще египтянка не казалась еврейке столь прекрасной, как в этот раз. Ее одеяние из полупрозрачной ткани, казалось, окутывало фигуру девушки облаком тумана. На ее лбу, шее и руках отливали темной желтизной тяжелые золотые украшения, столь любимые ее народом. Вся внешность ее взывала к наслаждению. Она двигалась плавными шагами, исполненная уверенности в себе, хотя и без жеманства. При взгляде на нее Есфирь вздрогнула и плотнее прижалась к своему отцу.

— Мир вам, Симонидис, и тебе, прекрасная

Есфирь, — приветствовала их египтянка, склоняя голову. — Вы напоминаете мне, добрый наш хозяин, — да не сочтите мои слова оскорблением — вы напоминаете мне персидских жрецов, которые на склоне дня поднимаются на вершины своих храмов, чтобы молитвой проводить заходящее солнце. Если есть в вашем культе нечто такое, что вам неизвестно, то позвольте мне позвать отца. Он из рода магов.

— Прекрасная египтянка, — ответил ей купец, кивая головой с тяжеловесной вежливостью, — твой отец добрый человек и не воспримет как оскорбление, если я скажу тебе, что считаю его персидскую веру самой низшей степенью его мудрости.

Губы Айрас дрогнули в легкой насмешке.

— Если рассуждать философски, подобно вам, — сказала она, — то низшая степень всегда предполагает наличие более высокой. Позвольте же мне спросить вас, что в вашем понимании является высшей степенью того редкого качества, которое вы великодушно признаете в нем?

Симонидис резко повернулся к ней:

— Истинная мудрость всегда стремится к Богу; высшая мудрость есть познание Бога; и никто из знакомых мне людей не обладает ею в такой

высокой мере и не являет этого в своих словах и делах, как Балтазар.

И в знак окончания спора на эту тему он поднес чашу к губам и выпил.

Несколько раздраженная таким ответом, египтянка повернулась к Есфири:

— Человеку, имеющему товаров на складах на многие миллионы и целый флот на волнах моря, не могут быть интересны разговоры простых женщин вроде нас. Вон у той стены мы сможем поговорить.

Женщины подошли к парапету и остановились почти у того места, где несколько лет назад Бен-Гур уронил обломок плитки на голову Грата.

— Ты никогда не была в Риме? — начала Айрас, играя одним из браслетов.

— Не была, — потупив глаза, ответила Есфирь.

— И не хочешь побывать там?

— Не хочу.

— Ах, как мало ты видела в жизни!

Вздох, последовавший за этими словами, выразил все, что египтянка думала об этом. В следующее мгновение ее смех можно было услышать даже внизу на улице.

— О моя прекрасная простушка! Даже едва оперившиеся птенцы, чьи родители свили гнезда

на статуях в мемфисских песках, больше знают о жизни, чем ты! — Но, увидев, какое впечатление произвели ее слова на девушку, она поспешила изменить тон: — Ты не должна обижаться на меня. О нет! Я просто дурачилась. Дай я поцелую тебя и скажу то, чего еще никто не знает.

Скрыв под новым смешком острый взгляд, брошенный ею на еврейку, она сказала:

— Царь на подходе.

Есфирь воззрилась на нее в простодушном удивлении.

— Назаретянин, — продолжала Айрас, — тот, о ком наши отцы так много говорили и кому так долго служит Бен-Гур…

Здесь она понизила голос и произнесла едва слышно:

— …Назаретянин будет в городе завтра, а Бен-Гур уже сегодня вечером.

Есфирь пыталась сохранить спокойствие, но безуспешно: кровь, бросившаяся в лицо, окрасила румянцем ее щеки и лоб. Потупив глаза, она не заметила торжествующего взгляда, брошенного на нее египтянкой.

— Вот здесь он мне это обещает.

И она извлекла свиток, спрятанный до этого момента в ее рукаве.

— Возрадуйся вместе со мной, о моя подруга! Он будет здесь уже сегодня! На берегу Тибра есть дом, царские чертоги, который он обещал мне; и быть хозяйкой этого дворца значит…

Звук быстрых шагов на улице под ними заставил ее замолчать. Египтянка нагнулась через парапет, чтобы посмотреть, и тут же выпрямилась и воскликнула, воздев руки к небу:

— Да будет благословенна Исида! Это — сам Бен-Гур! Ведь он появился как раз в тот момент, когда я думала о нем! Это не может не быть добрым предзнаменованием! Обними меня, Есфирь, и поцелуй!

Еврейка подняла на нее свой взгляд. На щеках ее горел румянец, глаза метали молнии, что редко случалось до этого момента. Ее доброта была самым грубым образом попрана. Неужели судьбе было недостаточно обречь ее не только скрывать

мечты о человеке, которого она любила, но и нужно заставить присутствовать при триумфе ее соперницы? В письме, которое она читала отцу, не нашлось даже пары слов ей, рабе раба, в то время как в руках другой было целое письмо, полное самых щедрых обещаний. Поэтому она сказала:

— Так ты любишь его или Рим?

Египтянка отступила на шаг и принялась в упор рассматривать задавшую ей этот вопрос девушку.

— Что он значит для тебя, дочь Симонидиса?

Есфирь, вся трепеща, начала было говорить:

— Он мой…

Но тут мысль, пришедшая ей в голову, заставила ее замолчать. Она побледнела, задрожала крупной дрожью, собрала всю свою силу воли и закончила:

— Он друг моего отца.

Язык ее не мог произнести признание в том, что она рабыня.

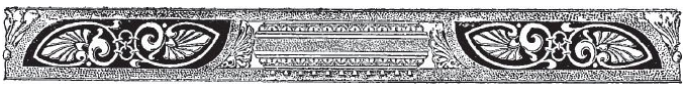
Айрас рассмеялась уже беззаботнее, чем раньше.

— Только и всего? — сказала она. — Что ж, ты напомнила мне о том, что и многие другие, куда более важные люди в Иудее ждут меня. И я отправлюсь к ним. Мир тебе.

Есфирь молча смотрела, как египтянка спускалась по ступенькам лестницы; затем, закрыв руками лицо, она зарыдала так, что слезы покатились не только по ее лицу, но и по пальцам, которыми она старалась сдержать их, — слезы стыда и подавленной страсти. И словно для того, чтобы сделать горе ее еще глубже, в памяти ее всплыли слова отца, произнесенные совсем недавно: «Твоя любовь могла бы быть не напрасно послана тебе, держи я крепко в руках все то, что имел, как я и намеревался это сделать».

Звезды уже высыпали на небе, низко нависшем над городом и темной громадой гор, когда она успокоилась настолько, что смогла вернуться в летний домик на крыше и занять свое привычное место рядом с отцом, смиренно ожидая его велений. Похоже, что в жертву этому долгу она должна будет принести свою юность, если не всю жизнь. И надо сказать правду, теперь, когда первая острая душевная боль отступила, мысль эта даже принесла ей удовлетворение.

Глава 2
Бен-Гур повествует о Назаретянине

Спустя час после сцены на крыше Балтазар и Симонидис — последний в сопровождении Есфири — встретились в большой зале дворца. Пока старики беседовали между собой, в залу вошли Бен-Гур и Айрас.

Молодой еврей, представ перед своими соратниками, подошел прежде всего к Балтазару, почтительно приветствовал его и столь же почтительно принял ответный привет. Затем он направился было к Симонидису, но приостановился при взгляде на Есфирь.

Причиной этого был новый облик Есфири, по-новому подчеркивавший ее красоту. Пока он в удивлении взирал на девушку, внутренний голос напомнил ему про нарушенные им клятвы ей и невыполненные обеты.

На мгновение он было смутился, но тут же овладел собой. Подойдя к Есфири, он сказал:

— Мир тебе, прекрасная Есфирь, мир также и тебе, Симонидис.

При этих словах он взглянул на купца и добавил:

— Да пребудет с тобой благословение Господне, ибо ты стал истинным отцом всем сиротам.

Есфирь выслушала его с потупленным взором, а Симонидис ответил:

— Я могу только повторить слова доброго Балтазара, о сын Гура, — добро пожаловать в твой отцовский дом. А теперь сядь, поведай нам о своих странствованиях, о своих трудах и об удивительном Назаретянине — кто он такой и что собой представляет. Где, как не здесь, ты можешь сбросить с себя все заботы? Присядь, молю тебя, — здесь, рядом с нами, чтобы мы все могли тебя слышать.

Есфирь тут же сделала несколько шагов и принесла мягкий стул, поставив его рядом с Бен-Гуром.

— Спасибо, — благодарно кивнул он ей.

Усевшись и обменявшись несколькими фразами со всеми присутствующими, он обратился к мужчинам:

— Я пришел, чтобы поведать вам о Назаретянине.

Старики обратились во внимание.

— Уже много дней я следовал вместе с ним, наблюдая за ним со всей пристальностью, на какую только способен человек, с нетерпением ждавший его появления. Я видел его при всех обстоятельствах, в которых проявляется характер человека; и теперь с уверенностью могу сказать — он такой же человек, как и я сам. Но точно так же я уверен в том, что он являет собой и нечто большее.

— Что именно большее? — спросил Симонидис.

— Я сейчас расскажу вам…

Но появление нового человека прервало его речь; Бен-Гур повернулся и, протянув руки вперед, бросился к этому вошедшему в залу.

— Амра! Добрая старая Амра! — воскликнул он.

Старуха поспешила ему навстречу; и все присутствующие, увидев неописуемую радость на ее лице, даже не обратили внимания на то, сколь морщиниста и темна ее кожа. Амра упала перед юношей на колени, обхватила руками его ноги и покрыла поцелуями его руки. Он же, отведя с ее лица прядь седых волос, целовал ее морщинистые щеки, не уставая повторять:

— Амра, добрая Амра, неужели ты ничего, со-

всем ничего не слышала про них — ни единого словечка?

От этого вопроса старуха разразилась рыданиями, которые сказали ему все яснее всяких слов.

— Господь свершил свою волю, — произнес он таким тоном, что всем присутствующим стало ясно, что у него нет больше никакой надежды найти или узнать что-то про своих родных.

Глаза Бен-Гура были полны слез, которые он не хотел демонстрировать присутствующим, поскольку был мужчиной.

Справившись с собой, он снова опустился на стул и сказал:

— Подойди сюда, Амра, и сядь рядом со мной — вот сюда. Нет? Тогда сядь у моих ног, потому что мне надо много рассказать моим друзьям про того удивительного человека, который явился в наш мир.

Но она подошла к стене и, опершись на нее спиной, села прямо на пол и обхватила руками колени. Тогда Бен-Гур, поклонившись старикам, начал свой рассказ:

— Я не хотел бы отвечать на ваши вопросы о Назаретянине, не рассказав вам сначала о том, что Он делал и чему я был свидетелем. Я тем более намерен сделать это, друзья мои, поскольку

завтра Он должен прийти в город и собирается отправиться в Храм, который называет домом своего Отца и где предполагает открыться народу. Таким образом, завтра мы и весь Израиль узнаем, прав ли ты, о Балтазар, или ты, о Симонидис.

Балтазар нервно потер руки и спросил:

— Куда мы пойдем, чтобы узреть Его?

— В толпе будет опасно — слишком много народа хочет увидеть Его, возможна давка. Лучше, мне кажется, занять место где-нибудь на крыше галереи — скажем, портика Соломона.

— Ты сможешь быть с нами?

— Нет, — ответил Бен-Гур. — Скорее всего я буду нужен моим друзьям во время шествия.

— Шествия! — воскликнул Симонидис. — Так Он приходит с целой свитой?

Бен-Гур понял, что он должен ответить старику.

— С Ним вместе двенадцать человек — рыбаки, земледельцы, один сборщик налогов; народ все небогатый и без претензий; они идут пешком, не обращая внимания на ветер, холод, дождь или солнце. Мне приходилось видеть, как они устраиваются на обочине дороги, чтобы перекусить или переночевать; и они напоминали мне больше группу пастухов, гонящих стадо с рынка,

а не царей и не аристократов. И только когда Он поднимал края своего наголовного покрывала, чтобы взглянуть на кого-нибудь или отряхнуть дорожную пыль, мне становилось понятно, что Он их учитель и в то же время их единомышленник — их предводитель не в меньшей степени, чем их друг. Вы умные люди, — после краткой паузы продолжал Бен-Гур. — Вы знаете, что сотворивший нас властелин всего сущего создал нас с некой целью. Так что вы скажете о человеке, который мог бы стать богачом, превращая в золото придорожные камни, но тем не менее выбрал долю бедняка?

— Греки назвали бы его философом, — заметила Айрас.

— Нет, дочь моя, — покачал головой Балтазар. — Философам никогда не бывает дана такая сила.

— Но откуда ты знаешь, что Он обладает ею?

Бен-Гур тут же ответил:

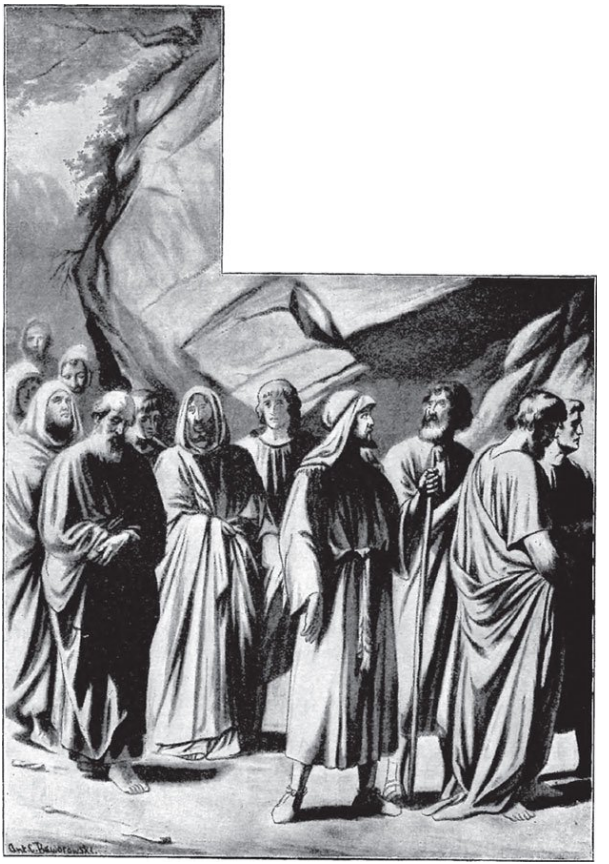
— Я своими глазами видел, как Он превратил воду в вино.

— Странно, очень странно, — пробормотал Симонидис. — Но для меня куда страннее то, что Он предпочел жить в бедности, хотя мог бы быть богачом. Он и в самом деле беден?

— У Него нет ничего, и Он не завидует имущим. Наоборот, Он жалеет богатых. Но оставим это. Что бы сказали вы о человеке, который смог превратить семь хлебов и две рыбины — все, что у него было, — в такое количество еды, что ею смогли насытиться пять тысяч человек, да еще и осталась целая корзина хлеба? Я сам видел, как Назаретянин сделал это.

— Ты видел это? — воскликнул Симонидис.

— Да, и еще ел хлеб и рыбу.

— Но есть и куда более невероятные вещи, — продолжал Бен-Гур. — Что сказали бы вы о человеке, который обладает такой целительной силой, что больным достаточно только коснуться полы его одеяния или воззвать к нему издалека, чтобы исцелиться? Это я тоже видел, и не однажды, а много раз. Когда мы покидали Иерихон, двое слепцов, сидевших на обочине дороги, воззвали к Назаретянину. Тогда Он коснулся их глаз, и они прозрели. Потом к нему принесли разбитого параличом человека. Он сказал только: «Встань и иди», и человек этот тут же пошел. Что вы скажете про все это?

Купец ничего не ответил.

— Вы можете подумать, как я слышал это не раз от других, что все это трюки или плутовство. Тогда позвольте мне в качестве аргумента вспомнить о более значительных вещах, которые Он творил на моих глазах. Вспомните про это проклятие Господне, лишающее человека покоя вплоть до самой смерти, — проказу.

При этих словах Амра вздрогнула и подалась всем телом вперед, чтобы не пропустить ни слова.

— Что сказали бы вы, — с возрастающей серьезностью продолжал свой рассказ Бен-Гур, — что

сказали бы вы, если бы вам довелось увидеть то, о чем я сейчас вам рассказываю? Когда мы с Назаретянином были в Галилее, к Нему пришел прокаженный и сказал: «Господи, если Ты пожелаешь, то можешь очистить меня от скверны». Он услышал слова несчастного и возложил на него Свои руки, сказав: «Да будешь ты чист». И человек тут же стал здоров, как каждый из нас, видевших это исцеление.

При этих словах Амра встала, отводя с лица худыми пальцами пряди седых волос. Бедное создание слышало только голос своего сердца и всем своим существом боялось пропустить хоть слово из рассказа.

— Затем, снова, — не останавливаясь, продолжал Бен-Гур, — однажды к Нему пришли десять прокаженных и, упав на колени, воззвали — я видел их и слышал каждое их слово, — они воззвали: «Господи, Господи, сжалься над нами!» Тогда Он сказал им: «Ступайте, покажитесь священникам, как требует того закон, и еще до того, как придете к ним, вы будете исцелены».

— И они исцелились?

— Да. По дороге в Храм их болезнь пропала, и ничто больше не напоминало нам о ней, кроме их скорбной одежды.

— Ни о чем подобном в Израиле слышно еще не было! — негромко заметил Симонидис.

Пока все размышляли над услышанным, Амра бесшумно вышла из залы. На ее уход никто не обратил внимания.

— Вы можете представить себе, сколько дум пробудили во мне все эти вещи, которые я видел своими глазами, — продолжал Бен-Гур, — но это был еще не предел моим сомнениям, моему изумлению, моим опасениям. Вы знаете, что люди в Иудее горячие и запальчивые; после стольких лет ожидания руки у них стосковались по мечам; они так и рвутся в бой. Они так говорили мне: «Он медлит провозгласить себя; так позволь же нам побудить Его к этому». Да я и сам начал уже испытывать нетерпение. Если Ему суждено стать царем, то почему не сейчас? Легионы готовы и только ждут сигнала. Поэтому, когда Он однажды проповедовал у берега моря, мы были готовы провозгласить Его царем, хочет Он этого или нет. Но Он исчез, и в следующее мгновение мы увидели Его на борту судна, выходящего в море. Добрый Симонидис, желания, которые сводят других людей с ума, — богатство, власть, даже царство, предложенное им от чистого сердца множеством народа, — оставляют Его совершенно равнодуш-

ным. Что ты скажешь на это?

Во время рассказа подбородок купца покоился на его груди; при этом вопросе он поднял голову и ответил, подводя итог:

— Да сбудется реченное пророками. Времени осталось немного, и пусть завтрашний день даст нам ответ.

— Да будет так, — улыбнувшись, кивнул головой Балтазар.

Бен-Гур, в свою очередь, произнес:

— Да будет так. — Но затем он продолжил: — Но я еще не закончил. Помимо всех этих вещей, которые недостаточно значительны, чтобы быть вне подозрений, поскольку судящие о них не видели их своими глазами в процессе творения, как их видел я, позвольте мне поведать вам о несравненно более великих. Скажите же мне, знаете ли вы кого-нибудь, кто может извлечь человека из рук Смерти? Того, кто может вдохнуть жизнь в уста мертвого? Кто, кроме…

— Бога! — в благоговейном ужасе прошептал Балтазар.

Бен-Гур склонился перед ним.

— О мудрый египтянин! Я не могу отвергнуть имя, которое ты мне подсказал. Что сказал бы ты — или ты, Симонидис, — что сказал бы

любой из вас, если бы увидел, как это видел я, человека, который несколькими словами и без всякой молитвы, не делая никаких усилий, отобрал у Смерти ее жертву? Это было в Наине. Мы входили в городские ворота, из которых в этот момент выносили носилки с умершим юношей. Назаретянин остановился, пропуская погребальную процессию. Мимо Него прошла плачущая женщина, мать усопшего. Я видел, как Его лицо потемнело от жалости к ней. Он заговорил с ней, а потом подошел, коснулся одра и обратился к тому, кто лежал на нем, завернутый в погребальные пелена: «Юноша! тебе говорю, встань!» Мертвый, поднявшись, сел и стал говорить[147].

[147] Примечания: 147
См. Лк. 7: 11–17.

— Такое под силу лишь Господу, — сказал Балтазар, обращаясь к Симонидису.

— Заметьте, — продолжал Бен-Гур, — я рас-

сказываю вам только о тех вещах, чему был свидетелем сам, вместе с множеством других людей. По дороге сюда я видел еще одно Его деяние, исполненное еще большего могущества. В Вифинии был человек по имени Лазарь, который умер и был погребен. После того как он пролежал четыре дня в гробнице, закрытой большим камнем, к этому месту привели Назаретянина. Откатив камень, закрывавший вход в гробницу, мы увидели внутри тело человека, обвязанное погребальными пеленами. Из гробницы исходил сильный запах тления. Собралась большая толпа, и все слышали, как Назаретянин воззвал громким голосом: «Лазарь! иди вон». Я не могу передать вам своих чувств, когда при этих словах мертвый встал и вышел к нам из гробницы, увитый пеленами и в саване. «Развяжите его, — сказал затем Назаретянин, — развяжите его, и пусть идет». И когда сняли платок, которым было обвязано лицо воскресшего, то все присутствующие увидели, как под его кожей вновь заструилась кровь, и он стал таким же, как был при жизни, пока болезнь не овладела им. Он жив и сейчас, его можно видеть и говорить с ним. Вы сможете его увидеть завтра. А теперь, когда никаких других доказательств уже и не требуется, я спрошу

вас о том, о чем пришел сюда спросить, хотя это будет всего лишь повторение твоего же вопроса, о Симонидис: «Кем же большим, чем человек, является этот Назаретянин?»

Вопрос этот витал в воздухе далеко за полночь, когда собравшиеся в зале на разные лады обсуждали его. Симонидис все не соглашался отказаться от своего понимания слов, сказанных пророками. Бен-Гур же излагал свою точку зрения: что оба его старших товарища правы, что Назаретянин был и Спасителем, как утверждал Балтазар, но также и будущим Царем, по мнению купца.

— Завтра мы все узнаем. Мир вам всем.

Сказав это, Бен-Гур попрощался с присутствующими и вышел, намереваясь вернуться в Вифинию.

Глава 3
Прокаженные выходят из своей гробницы

Первым человеком, вышедшим на следующее утро из города, как только открылись Овечьи ворота, была Амра с корзинкой в руке. Никто из стражей у ворот не спросил ее ни о чем, так как они привыкли к ее раннему появлению у ворот каждый день. Они знали только, что она чья-то преданная служанка, и этого им было вполне достаточно.

Выйдя из города, она свернула в долину, уходившую на восток. Среди темной зелени, покрывавшей склон Масличной горы, светлыми пятнами выделялись палатки, недавно раскинутые людьми, пришедшими на праздник. Час был ранний, и большинство пришлых еще спали; но даже если это было бы и не так, то никто бы не помешал ей идти своим путем. Амра миновала Гефсиманию; оставила потом у себя за

спиной гробницы у начала дороги на Вифинию; поспешила побыстрее пройти мимо кладбища у Силоамского пруда. Старческое тело несколько раз изменяло ей, наконец она остановилась и присела, чтобы перевести дыхание. Отдохнув несколько минут, она встала и с новыми силами поспешила дальше. Если бы скалы, между которыми шел ее путь, имели бы уши, то услышали бы, как она постоянно что-то бормотала себе под нос. Если бы они обладали способностью видеть, то обязательно обратили бы внимание на то, как часто она бросает взгляд на вершину горы, оценивая оставшееся до нее расстояние. Если бы они были наделены даром слова, то, вполне возможно, перебросились бы следующими словами: «Наша знакомая сегодня что-то спешит; должно быть, ее подопечные очень проголодались».

Добравшись наконец до Царских садов, она замедлила шаг — мрачный город прокаженных был уже виден, раскинувшийся по изрытому землянками южному склону горы Соблазна.

Как уже понял наш читатель, старая служанка спешила к своей хозяйке. Хотя было еще рано, несчастная женщина уже проснулась и сидела у входа, поджидая, когда проснется Тирца. За прошедшие три года болезнь изрядно прогресси-

ровала. Сознающая свою непривлекательность женщина, согласно обычаю, постоянно куталась в накидку, скрывая от всех и даже от Тирцы разрушительные последствия болезни.

Этим утром она вышла подышать свежим воздухом с непокрытой головой, зная, что так рано ее никто не увидит и не испугается ее вида. Полностью еще не рассвело, но света было вполне достаточно, чтобы видеть, как далеко зашла ее болезнь. Седые непричесанные волосы спускались на плечи и спину серебряной волной. Веки, губы, ноздри, плоть щек почти исчезли либо превратились в гниющую массу. Шеи не было видно под слоями чешуек землистого цвета. Поверх складок одежды лежала одна рука, исхудавшая так, что сквозь кожу были видны все кости; ногтей на ее пальцах не было; суставы пальцев распухли и сочились красноватой сукровицей. Голова, лицо, шея и рука вполне ясно говорили о состоянии всего ее тела. Увидев ее в таком виде, можно было легко понять, как некогда красивой вдове одного из правителей города удавалось так долго оставаться не узнанной никем.

Она знала, что, когда солнечные лучи позолотят склоны Масличной горы и горы Соблазна, она увидит Амру, всегда первой появляющуюся у

источника. Старая служанка подойдет к камню, лежащему на середине расстояния от источника до подножия холма, где находился вход в их гробницу, и оставит на нем еду, которую она принесла с собой в корзине. Потом она наполнит водой из источника кувшин и оставит его все у того же камня. Эти счастливые минуты утренних свиданий составляли всю радость несчастной, оставшуюся ей в жизни. Потом она спросит служанку про своего сына и услышит, что у него все хорошо. Почти всегда то немногое, что рассказывала ей Амра о сыне, радовало ее. Порой она узнавала, что он дома. Тогда она сидела на камне у входа в свое печальное пристанище весь день до обеда, а потом и до захода солнца, неподвижная фигура, облаченная в белое, замерев, подобно статуе, в одной позе и глядя в одну точку — по направлению к Храму, где стоял их дом, лелеемый ею в памяти и сейчас еще более желанный, потому что там был ее сын. Ничего больше в жизни ей не оставалось. Тирцу она уже сопричислила к мертвым, как и саму себя; она просто ждала конца, понимая, что каждый оставшийся ей час жизни будет еще одним часом умирания — по счастью, умирания безболезненного.

Природа, окружавшая холм, еще больше усу-

губляла ее страдания. Звери и птицы избегали этого места, словно знали его историю и то, для чего оно служило ныне. Постоянно дующие ветры сметали со склона тонкий плодородный слой почвы, так что, когда в начале весны все кругом покрывалось зеленью, «их» склон оставался все таким же бесплодно-голым. Куда бы она ни бросала взгляд, он натыкался на гробницы — гробницы выше по склону и ниже, гробницы напротив их собственной гробницы — сейчас все свежевымытые в ожидании паломников, идущих на праздник. Даже в небе — ясном, чистом, зовущем — она не могла найти утешения. Великолепие небес лишь подчеркивало ее прогрессирующее безобразие. Дар зрения порой оборачивается ужасным проклятием.

Почему же она сама не положила конец своим страданиям?

Сделать это ей возбранял закон!

Нееврей мог бы только улыбнуться такому ответу; но не сын Израиля.

Пока она сидела, заполняя свое печальное одиночество думами еще более безрадостными, по склону холма стала подниматься женщина, спотыкаясь и падая от усилий.

Вдова поспешила подняться с камня, на ко-

тором сидела, и, накинув на голову покрывала, закричала неестественно резким голосом:

— Нечиста, нечиста!

Не успела она закончить фразу, как женщина, оказавшаяся Амрой, уже была у ее ног. Вся так долго скрываемая любовь этого простого создания выплеснулась наружу: обливаясь слезами и захлебываясь страстными восклицаниями, она целовала одежды своей госпожи. Последняя попыталась было вырваться из объятий старухи, но, видя, что это ей не удастся сделать, сдалась и стала ждать, когда пройдет этот пароксизм страсти.

— Что же ты наделала, Амра? — упрекнула она служанку. — Неужели таким неповиновением ты хочешь доказать свою любовь к нам? Несчастная женщина! Ты пропала и никогда уже не сможешь увидеть своего хозяина.

Амра рыдала, уткнувшись лицом в землю.

— Проклятие закона легло теперь и на тебя; ты не можешь вернуться в Иерусалим. Что станет с нами всеми? Кто принесет нам хлеб? О несчастная, несчастная Амра! Мы все теперь одинаково несчастны!

— Милосердия, милосердия! — распластавшись на земле, возопила Амра.

— Ты должна была проявить милосердие к себе и таким образом оказала бы величайшее милосердие нам. Куда нам теперь податься? У нас не осталось никого на всем свете. О неверная служанка! Гнев Господа обрушился на нас!

В этот момент Тирца, разбуженная шумом, показалась из входа в гробницу. Перо останавливается и, скорбное, отказывается описывать существо, в которое превратилась когда-то цветущая девушка. Похожая на привидение, обтянутая чешуйчатой кожей, почти ослепшая, с распухшими суставами, она ничем не напоминала красавицу, переполненную грацией и чистотой, которую мы некогда узнали.

— Мама, это пришла Амра?

Служанка сделала попытку подползти и к ней.

— Остановись, Амра! — строго воскликнула вдова. — Я запрещаю тебе прикасаться к ней. Встань и уходи, пока никто не видел, что ты была

здесь. Нет, я запрещаю — уже слишком поздно! Ты должна остаться здесь и разделить нашу судьбу. Встань, я сказала!

Амра поднялась на колени и сказала, ломая руки:

— О моя добрая госпожа! Я верна вам — и совсем не несчастна. Я принесла вам добрые вести.

— Об Иуде? — спросила вдова, наполовину сдвигая накидку с головы.

— Есть удивительный человек, — продолжала служанка, — способный излечить вас. По одному Его слову больные исцеляются и мертвецы оживают. Я пришла сюда, чтобы отвести вас к Нему.

— Бедная Амра! — сочувственно прошептала Тирца.

— Нет, — всхлипнула Амра, ощутив сомнение в словах девушки. — Нет, клянусь Господом Богом Израиля, я говорю чистую правду. Пойдемте со мной, молю вас, и не теряйте время. Нынешним утром Он должен войти в город. Час настал! Вот еда — поешьте и пойдем!

Мать напряженно вслушивалась в слова служанки. Вполне возможно, что молва об этом удивительном человеке достигла и ее слуха, потому что к тому времени рассказы о Нем проникли в самые отдаленные уголки страны.

— Кто Он такой? — спросила она.

— Назаретянин.

— Кто рассказал тебе о Нем?

— Иуда.

— Иуда? Он дома?

— Он приходил вчера вечером.

Вдова несколько секунд молчала, пытаясь успокоить биение своего сердца.

— Это Иуда послал тебя сказать нам об этом человеке?

— Нет. Он считает вас мертвыми.

— Некогда был пророк, который исцелял проказу, — задумчиво произнесла мать, обращаясь к Тирце, — но он получил свою силу от Господа. — Затем, вновь обратясь к Амре, она спросила: — Откуда мой сын знает, что этот человек обладает таким даром?

— Он странствовал вместе с Ним и слышал, как прокаженные взывали к Нему, и видел, как они исцелялись. Сначала Он исцелил одного, потом их было десять, и они все разом исцелились.

Старшая из слушавших ее молчала. Иссохшая рука ее дрожала. Мы вполне можем допустить, что она боялась поверить услышанному. Она не ставила под сомнение сам факт сделанного чудотворцем, потому что ее собственный сын

был тому свидетелем и подтверждал это устами служанки; но она пыталась понять природу силы, которой был наделен этот человек и которая дала ему возможность сотворить столь удивительное дело. Но колебания ее были недолгими. Повернувшись к Тирце, она сказала:

— Должно быть, этот человек — Мессия!

Произнесено это было не спокойным тоном человека, отгоняющего прочь одолевшие было его сомнения, но женщиной Израиля, знающей заветы Господни жителям ее страны, — человеком, страстно желающим узреть малейший знак исполнения этих заветов.

— Я помню время, когда Иерусалим и вся Иудея только и говорили, что о Его рождении. Да, я помню это. Значит, Он должен быть человеком. Он должен им быть — и Он есть человек. Да, — продолжала она, обратясь к Амре, — мы пойдем с тобой. Принеси воды — ты найдешь ее в кувшине, который стоит в гробнице, — и дай нам поесть. Мы поедим и пустимся в путь.

Поскольку всем не терпелось отправиться в путь, с завтраком было очень быстро покончено. Три женщины стали готовиться к предстоящему им необычному путешествию. Их беспокоил только один вопрос. Как утверждала Амра, этот

человек должен был прийти в Иерусалим из Вифинии; в те времена из нее в Иерусалим вело три дороги или, скорее, тропы. Первая из них шла через первую вершину Масличной горы, вторая огибала ее подножие, а третья проходила между второй из вершин Масличной горы и горой Соблазна. Все эти три тропки разделяло не такое уж большое расстояние, но оно все же было достаточным для того, чтобы разойтись с Назаретянином, выбрав не ту дорогу, по которой направится Он.

После еще нескольких вопросов матери стало ясно, что Амра ничего не знает о местности, раскинувшейся за Кедроном, и еще меньше — о намерениях человека, на встречу с которым они собирались. Она также поняла, что и Амра, и Тирца — одна по впитанной с молоком матери рабской зависимости, другая из-за развившейся слепоты — признают ее своей руководительницей, так что принимать решение предстоит ей.

— Сначала мы отправимся в Виффанию, — решила она. — Там по крайней мере, если Господь будет милостив к нам, мы что-нибудь узнаем и решим, что нам делать дальше.

Они спустились по склону к Царским садам и остановились у дороги, протоптанной множеством путников за долгие века.

— Я боюсь идти по дороге, — сказала их предводительница. — Лучше нам держаться подальше от нее, скрываясь за камнями и деревьями. День сегодня праздничный, и на склонах холмов я вижу много палаток, в которых ночевали пришедшие в город на праздник. Если мы перевалим прямо через гору Соблазна, то они нас не увидят.

Тирца едва могла идти; услышав эти слова, она впала в отчаяние.

— Но гора такая крутая, мама! Я не смогу на нее забраться.

— Помни, мы идем, чтобы обрести здоровье и жизнь. Посмотри, дитя мое, уже совсем рассвело! К источнику вон там уже идут женщины. Если они заметят нас, то забросают камнями. Соберись с силами, и пойдем.

Таким образом мать, страдая от болезни не менее дочери, пыталась поднять дух девушки, и Амра пришла ей на помощь. Вплоть до этого момента Амра не прикасалась к прокаженным, как и они к ней; но теперь, не думая о возможных последствиях и не ожидая приказания или просьбы, верное создание приблизилось к Тирце, обняло ее за плечи и прошептало:

— Обопрись на меня. Хотя я и стара, но еще сильна; да и подниматься нам не так уже высоко.

Ну а теперь — в путь.

Склон холма, на который им предстояло подняться, был покрыт выбоинами и развалинами древних строений; но, когда они остановились на вершине, чтобы перевести дыхание, перед ними открылся великолепный вид на северо-запад — на Храм и его террасные дворики, на Сионский холм, на мощные башни, вонзающиеся в белесое небо, — и мать испытала прилив сил, который даровала ей любовь к жизни ради самой этой жизни.

— Посмотри, Тирца, — сказала она, — взгляни только на эти золотые пластины, которыми выложены Золотые ворота. Как они блестят, отражая блеск солнца! Ты помнишь, как мы любили гулять там? Разве ты не хочешь этого снова? А еще представь себе — ведь наш дом совсем недалеко от них. Мне кажется, я даже вижу его, возвышающийся над крышей Святая Святых. Там нас заключит в свои объятия Иуда!

Приблизившись к седловине между двумя вершинами горы, в которой зеленели несколько миртовых и оливковых деревьев, и снова посмотрев в ту же сторону, они различили несколько тонких струек дыма, поднимавшихся в безоблачное небо, — напоминание нетерпеливым пилигримам, призывающее их поспешить к началу праздника.

Хотя добрая служанка не щадила себя, изо всех своих немногих оставшихся сил помогая Тирце во время спуска, несчастная девушка стонала при каждом шаге и несколько раз вскрикнула — столь острую боль доставляли ей движения. Ступив на дорогу — а именно на дорогу, проходившую между горой Соблазна и второй вершиной Масличной горы, — она, совершенно обессилев, опустилась на землю.

— Иди дальше с Амрой, мама, и оставь меня здесь, — едва слышно прошептала она.

— Нет-нет, Тирца. Что мне будет радости, если я выздоровею, а ты нет? Когда Иуда спросит про тебя, а он обязательно спросит, что мне сказать — что я оставила тебя на дороге?

— Скажи ему, что я любила его.

В этот момент мать заметила мужчину, быстро шагающего по дороге с восточной стороны.

— Мужайся, Тирца! И радуйся, — сказала она. — Вон там я вижу человека, который расскажет нам что-нибудь о Назаретянине.

Амра между тем помогла девушке сесть на придорожный камень и поддерживала ее, пока мужчина приближался.

— О мама, в своей доброте ты забыла, кто мы теперь такие. Когда этот путник приблизится и увидит нас, он поприветствует нас проклятием или камнем.

— Увидим.

Другого она и не могла сказать, поскольку слишком хорошо знала, как обращались ее соотечественники с изгоями, к которым они теперь принадлежали.

Как уже было сказано, дорога, на обочине которой стояла эта маленькая группа женщин,

представляла собой лишь тропу, вьющуюся среди глыб известняка. Следуя по ней, путник должен был вскоре очутиться лицом к лицу с ними. Так и получилось, и через несколько минут человек оказался достаточно близко от них, чтобы расслышать предупредительный крик, которым они были обязаны известить его о своей болезни. Тогда, обнажив голову — еще одно требование закона, — мать как можно громче прокричала:

— Нечисты, нечисты!

К ее удивлению, человек не остановился и даже не замедлил шагов.

— Чем вы больны? — спросил он, останавливаясь лишь в паре метров от них.

— Ты видишь нас. Будь осторожен, — сказала мать, не теряя достоинства.

— Женщина, я посланец Того, Кто не единожды говорил с такими, как вы, и по единому Его слову они исцелялись. Я не боюсь.

— Ты говоришь о Назаретянине?

— О Мессии, — прозвучал ответ.

— Это правда, что Он сегодня войдет в город?

— Да. Он сейчас в Виффании.

— И по какой дороге, господин?

— По этой.

Мать сжала руки перед грудью и благодарно

возвела глаза к небесам.

— Кем ты Его считаешь? — с состраданием спросил мужчина.

— Сыном Божьим, — ответила она.

— Тогда оставайтесь здесь; или, лучше, поскольку с ним будет много народа, встаньте вон там, у белой скалы под деревом. Когда же увидите, как Он идет, не бойся и обратись к Нему. И если вера твоя велика, Он услышит тебя, даже если возгремит гром небесный. Я же иду возвестить Израилю, собравшемуся в городе и вокруг него, что Он уже близко, и приготовить их для встречи с Ним. Да будет мир с тобой и твоими близкими, женщина.

С этими словами путник двинулся дальше.

— Ты слышала, Тирца? Ты слышала? Назаретянин уже в пути, и Он идет по этой дороге, и Он услышит нас. Сделай еще одно усилие, дитя мое, — еще только одно, и подойди вместе с нами к скале. Здесь всего пара шагов.

Ободренная ее словами, Тирца поднялась, опираясь на руку Амры. Но как только они было двинулись к скале, Амра сказала:

— Постойте, человек возвращается.

Стоя, они принялись дожидаться его возвращения.

— Прошу простить меня, — сказал он, приблизившись к женщинам. — Но я сообразил, что день будет жарким, а в городе я найду все, что нужно, чтобы освежиться, так что я подумал — эта вода куда больше пригодится вам, чем мне. Возьмите ее и успокойтесь. Воззовите к Нему, когда Он появится.

С этими словами он протянул им калабаш[148], полный воды. Но вместо того, чтобы поставить его на землю с тем, чтобы мать затем взяла его, он протянул ей его прямо в руки.

— Но ведь ты еврей? — удивленная, спросила она незнакомца.

— Да, но и более того, я также приверженец Христа, который каждый день словом и примером учит нас поступать так, как поступил я. Мир уже давно знает слово «милосердие», но не понимает его. Еще раз — мир вам и всего доброго.

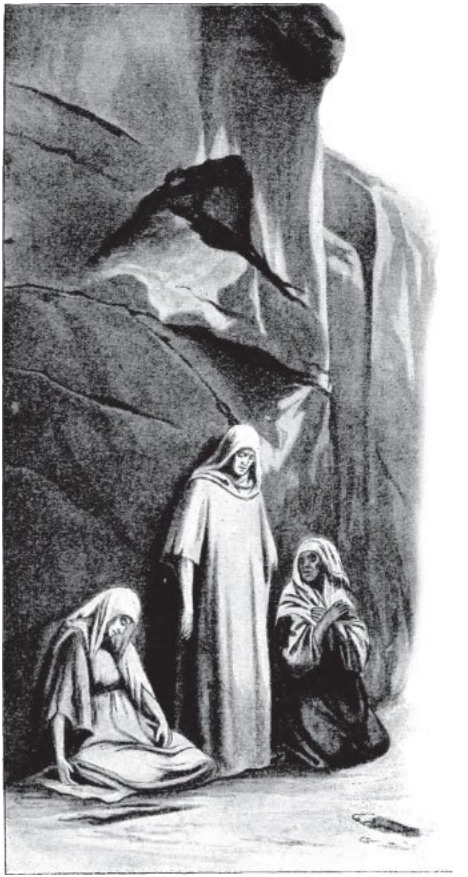
Он снова зашагал по направлению к городу, а три женщины медленно направились к скале метрах в тридцати справа от дороги. Став перед

---

[148] Примечания: 148

Калабаш — сосуд для воды, сделанный из выдолбленной и высушенной тыквы, распространен в Африке и странах Востока.

ней, мать убедилась в том, что их будет хорошо видно и слышно тому страннику, внимание которого они надеялись привлечь. Здесь они расположились в тени дерева, напились воды из калабаша и позволили себе отдохнуть. Вскоре Тирца задремала, и, охраняя ее сон, мать и служанка молчали.

Глава 4
Чудо

В начале третьего часа дорога перед тем местом, которое избрали для себя прокаженные, стала наполняться путниками, идущими в направлении Вифинии и Виффагии. Прошел еще час, и на вершине Масличной горы появилась большая толпа из нескольких тысяч человек, которые направлялись вниз по дороге. Бодрствовавшие женщины с удивлением увидели, что каждый человек в этой толпе нес в руке свежесрезанную пальмовую ветвь. Пока они старались понять, что бы это значило, шум, исходивший от другой толпы, двигавшейся с востока, заставил их обратить взоры в ту сторону. Мать разбудила Тирцу.

— Что все это значит? — спросила та, протирая глаза.

— Он приближается, — ответила мать. — Те, кого мы видим идущими от города, направляются, чтобы приветствовать Его. Те же, кого мы

слышим на востоке, — Его друзья, идущие вместе с Ним. И вполне возможно, что они могут встретиться прямо здесь.

— Я боюсь, что в этом случае нас никто не услышит.

Такая же мысль пришла и в голову матери.

— Амра, — спросила она, — когда Иуда рассказывал про исцеление десяти человек, что он сказал — какими словами они воззвали к Назаретянину?

— Они говорили либо: «Господи, яви нам свое сострадание», либо: «Господи, смилуйся».

— Только эти слова?

— Других слов в его рассказе я не слышала.

— Тогда этого будет достаточно и нам, — пробормотала вполголоса мать.

— Да, — кивнула Амра. — Иуда сказал, что сам видел, как они ушли здоровыми.

Между тем люди с востока медленно приближались. Когда первые из них, шедшие во главе толпы, показались на дороге, взгляд прокаженных привлек человек верхом на осле, двигавшийся в окружении особо избранной группы певших и танцевавших вокруг него от избытка чувств. Всадник ехал с непокрытой головой и был облачен в белые одежды. Когда

он приблизился настолько, что его можно было рассмотреть более ясно, то женщины с удивлением увидели светло-оливкового цвета лицо, на которое падала тень от длинных каштановых волос, несколько выгоревших на солнце и разделенных пробором посередине головы. Человек не смотрел ни налево, ни направо. В буйном ликовании своих приверженцев он не принимал никакого участия. В то же время их крики его нисколько не тревожили и не выводили из того меланхолического состояния, в которое он был погружен, судя по выражению лица. Лучи солнца падали ему на затылок и, играя на поднятых ветерком волосах, образовывали вокруг головы некое подобие золотого нимба. Толпа, с песнями и плясками следовавшая за ним, была столь велика, что последние терялись из виду. Без всяких пояснений прокаженным стало ясно, что это был Он — удивительный Назаретянин!

— Он здесь, Тирца, — сказала мать, — Он уже здесь. Подойди ко мне, дитя мое.

Произнеся эти слова, она скользнула по поверхности белой скалы и упала на колени.

Рядом с ней опустились на колени дочь и служанка. Затем, увидев процессию, следовавшую с востока, тысячи идущих из города людей оста-

новились и принялись размахивать зелеными ветвями, крича или, скорее, скандируя (ибо голоса их слились в единый глас):

— Благословен будь, Царь Израильский, явившийся нам во имя Господа!

И все шедшие вместе с верховым, дальние и ближние, ответили столь мощным криком, что воздух, казалось, задрожал от него и словно вихрь пронесся по склону холма. В этом громе голосов крики наших бедных прокаженных были подобны не более чем щебетанию воробьев.

Еще через несколько мгновений две толпы слились в одну. Настала именно та возможность, о которой мечтали несчастные. Если бы им не удалось воспользоваться случаем, то подобная возможность была бы утеряна навсегда, а вместе с ней и все их надежды на выздоровление.

— Ближе, дитя мое, давай подойдем поближе. Он нас не услышит, — сказала мать.

Встав с колен, она стала проталкиваться вперед. Ее иссохшие руки были подняты высоко вверх, она издавала пронзительные крики. Оборачивавшиеся на эти крики люди, увидев ее страшное лицо, застывали от ужаса — предельное человеческое страдание производит на окружающих

тот же эффект, что и царское величие, облаченное в золото и пурпур. Тирца, шедшая чуть позади, от слабости через несколько шагов упала и не решилась следовать дальше.

— Прокаженные! Прокаженные!

— Побить их камнями!

— Проклятые Богом! Убить их!

Эти крики сыпались на головы несчастных из толпы, многие в которой были слишком далеко от них, чтобы увидеть и понять, что именно происходит. Некоторые, однако, понаслышке знали о природе человека, к которому взывали несчастные. Другие же после долгого общения с Ним восприняли кое-что от Его божественного сострадания: они смотрели на Него и ничего не сказали, когда Он подъехал ближе и остановился прямо перед старшей из женщин. Она смотрела прямо ему в лицо — спокойное, печальное, красивое. Большие нежные глаза его были полны сострадания.

Вслед за этим произошел следующий диалог:

— О Господи, Господи! Ты видишь наши страдания; Ты можешь исцелить нас. Пролей на нас свое милосердие — помилуй нас!

— Веришь ли ты в то, что я способен сделать это? — спросил Он.

— Ты Тот, о Ком возвестили нам пророки, — Ты Мессия! — ответила она.

Его глаза излучали сияние, все поведение являло уверенность в себе.

— Женщина, — сказал он, — велика твоя вера. Да будет дано тебе по твоей вере так, как ты того хочешь.

Сказав это, Он постоял еще одно мгновение — всего только одно, не обращая внимания на толпу вокруг, и затем снова пустился в путь. Вслед Ему прощальным приветствием прозвучали вдохновенные слова благодарной женщины:

— Слава в вышних Богу! Благословен, трижды благословен Сын Божий, сниспосланный Им!

И тут же обе толпы, пришедшие из города и из Виффании, сомкнулись вокруг него с криками радости, восклицая «Осанна!», размахивая пальмовыми ветвями, оставив прокаженных позади. Покрыв голову покрывалом, мать бросилась к Тирце и заключила ее в свои объятия с криком: «Дочь моя! Он обещал мне, Он воистину Мессия!» И обе женщины оставались коленопреклоненными, пока процессия в своем медленном движении не скрылась за вершиной. Когда же шум и пение стали едва слышны, началось чудесное превращение.

Сначала прокаженные ощутили движение свежей крови; она наполняла их жилы, бурля в них и согревая тела, и под напором этой волны они испытали невыразимо приятное чувство безболезненного исцеления. Каждая из них ощущала, как недуг начинает исчезать; их силы прибывали; они вновь обретали самих себя. Вслед за этим, словно для того, чтобы завершить процесс исцеления, стал возрождаться их дух, вознося своих обладательниц на волну исступленного восторга.

Свидетелем происходящего с ними была не только Амра. Читатель, без сомнения, помнит, с какой преданностью Бен-Гур следовал за Назаретянином во всех Его странствиях. Если же еще читатель вспомнит разговор, имевший место накануне вечером, то вряд ли удивится, узнав, что молодой еврей присутствовал в толпе в тот момент, когда прокаженная женщина появилась на пути паломников. Он слышал ее молитву и видел ее обезображенное болезнью лицо. Слышал он и ответ на ее мольбу и, хотя видел происходившее вслед за этим не однажды, тем не менее не мог привыкнуть к подобному зрелищу. Находясь недалеко от разыгравшейся при дороге сцены, Бен-Гур выбрался из процессии и присел на ка-

мень, чтобы наблюдать за всеми последующими событиями.

Так, сидя, он успокаивающе кивнул несколько раз своим людям — соратникам-галилеянам, тайно несшим с собой короткие мечи, скрывая их под своими длинными одеждами. Чуть позже к нему подошел смуглокожий араб, ведущий в поводу двух лошадей. По знаку, данному Бен-Гуром, он тоже не стал здесь задерживаться.

— Подожди вон там, чуть подальше, — сказал его молодой хозяин, когда процессия миновала их. — Мне нужно попасть в город пораньше, и Альдебаран поможет мне в этом.

Он погладил широкий лоб коня, перешел дорогу и приблизился к стоявшим там двум женщинам.

Напомним, что они были для него всего лишь незнакомками, к которым он испытывал интерес постольку, поскольку они были субъектами приложения сверхчеловеческой силы, поняв суть которой он смог бы вынести правильное решение загадки, которая столь долго волновала его. Подходя к ним, он бросил беглый взгляд на фигуру маленькой женщины, которая стояла около белой скалы, закрыв лицо руками.

— Неужели это Амра? — пробормотал он про себя.

Прибавив шагу, он миновал мать и сестру, все так же не узнавая их, и остановился перед служанкой.

— Амра, — склонился он над ней, — Амра, что ты здесь делаешь?

Она подалась вперед и, упав перед ним на колени, не в силах произнести ни слова, залилась слезами, обуреваемая радостью и страхом.

— О хозяин, хозяин, — наконец смогла произнести она. — Господь сжалился над нами!

Преданные души, привязавшись к другим, без слов понимают тех, к кому они испытывают сострадание; и сострадание это порой позволяет им самим почувствовать то, что испытывают их близкие. Так и бедная Амра, стоя в стороне и закрыв руками лицо, знала про все те изменения, которые происходили с прокаженными, не обменявшись с ними ни словом, — знала и полностью разделяла все их чувства. Ее выражение лица, ее слова, ее поведение — все выдавало охватившие ее чувства; и, быстро ощутив все это, Бен-Гур тут же связал это с женщинами, мимо которых он только что прошел. Повернувшись лицом к ним, он застыл на месте, словно его ноги пустили корни в каменистую почву Галилеи.

Женщина, которую он видел стоявшей перед

Назаретянином, замерла, молитвенно сжав руки перед грудью и возведя к небесам глаза, из которых потоком лились слезы. Неужели его собственные глаза подводят его? Ни одна женщина не была столь похожа на его мать так, как эта незнакомка; она выглядела именно так, как выглядела его мать в тот злополучный день, когда римляне отрывали ее от него. Лишь одной чертой отличалась эта женщина от его матери — в волосах незнакомки пробивалась седина. Тем не менее сходство было несомненным, поскольку сила, сотворившая это чудо, возможно, приняла во внимание и природные изменения, обусловленные бегом лет. Но кто это рядом с женщиной? Кто же еще, если не Тирца? Чистая, прекрасная, идеальная, полностью расцветшая женской красотой; но во всем остальном она выглядела точно так же, как тогда, когда смотрела на него у парапета на крыше их дома в то утро происшествия с Гратом. Он давно уже считал их мертвыми и с годами смирился со своей тяжелой утратой; хотя он не переставал грустить о них, они все же просто исчезли из его планов и мечтаний. Едва веря своим чувствам, он положил руку на голову служанки и, дрожа всем телом, спросил ее:

— Амра, Амра, неужели это моя мама? И Тирца?

Скажи мне, я не ошибаюсь?

— Заговори же с ними, о хозяин, поговори с ними! — сквозь слезы произнесла она.

Не дожидаясь ее новых слов, он, протянув вперед руки и плача от счастья, бросился к матери и сестре, крича:

— Мама! Мама! Тирца! Это же я!

Они услышали его слова и, всхлипнув, то-

же бросились было к нему. Но внезапно мать остановилась, отшатнулась назад и произнесла старинное заклятие:

— Стой, Иуда, сын мой; не приближайся к нам. Нечисты, нечисты!

Слова эти не были обычаем, вошедшим в ее плоть и кровь за долгие годы ужасной болезни; они были рождены страхом за сына, и страх этот был еще одним проявлением святой материнской любви. Хотя они сами и были исцелены, но в складках их одежды могла таиться зараза, готовая наброситься на нового человека. Но у него ничего подобного и в мыслях не было. Перед ним стояли его самые близкие люди; он произнес их имена, и они ответили ему. Кто и что могло бы помешать ему воссоединиться сейчас с ними? И через секунду все трое, столь долго разделенные, уже сжимали друг друга в объятиях, обливаясь слезами.

Когда первый восторг от обретения прошел, мать сказала:

— В нашем счастье, дети мои, не следует нам быть неблагодарными. Начнем же нашу новую жизнь с признательности Тому, Кому мы все столь много обязаны.

Они опустились на колени, к ним присоедини-

лась и Амра; так что молитва в устах старшей из женщин прозвучала подобно псалму.

Тирца повторяла слова молитвы вслед за матерью; то же делал и Бен-Гур, хотя и не со столь же незамутненным сознанием и не задающейся никакими сомнениями верой. Поэтому, когда они, окончив молитву, поднялись с колен, он спросил:

— В Назарете, мама, где этот человек родился, его называют сыном плотника. Кто же он такой?

Взор женщины, исполненный нежности, остановился на ее сыне, и она ответила так же, как и самому Назаретянину:

— Это Мессия.

— И откуда же исходит его сила?

— Мы можем судить по тому, что эта сила сделала с нами. Скажи мне, применял ли он ее когда-нибудь дурно?

— Нет.

— Вот тебе и ответ. Он получил свою силу от Господа.

Не так-то просто в одночасье избавиться от надежд, взлелеянных годами и ставших частью всего существа. Хотя Бен-Гур и понимал рассудком, что они не более чем мирская тщета, амбиции его продолжали еще свою собственную

жизнь в его душе. Он пока еще упорствовал в своих заблуждениях, как упорствуют в них до сих пор люди, меряющие Христа по себе. Сколь плодотворнее бы было им мерить себя по Христу!

И естественно, мать была первым человеком, подумавшим о чисто житейских вещах.

— Что мы будем делать теперь, сын мой? Куда направимся?

Тогда Бен-Гур, вернувшись к повседневным заботам, увидел, что малейший намек на недуг исчез с обновленных членов его семьи; что каждый из них снова стал точно таким же, каким он был до болезни; что плоть их снова сияет чистотой, словно кожа младенца — как и у Наамана[149], вышедшего из воды, — и он, сняв с себя накидку, набросил ее на плечи Тирцы.

— Возьми ее, — улыбаясь, произнес он, — до сих пор прохожие избегали глядеть на тебя по одной причине, теперь же без этой накидки они не смогут не смотреть на тебя.

Когда он снял накидку, обнаружилось, что к поясу его привешен меч.

---

[149] Примечания: 149

Нааман — сирийский офицер, заболевший проказой и услышавший от рабыни-израильтянки о чудодейственной силе пророка Илии. Нааман был отправлен в Самарию с письмом к царю Израиля. Илия велел Нааману погрузиться в воду реки Иордан, после чего тот тут же исцелился *(библ.)*.

— Разве сейчас идет война? — удивленно спросила мать.

— Нет.

— Тогда почему же ты вооружен?

— Возможно, надо будет защищать Назаретянина.

— Неужели у Него есть враги? И кто же они?

— Увы, мама, далеко не все из них римляне!

— Разве Он не сын Израиля и не мирный человек?

— Никто больше Его не привержен миру; но, по

мнению раввинов и теологов, Он виновен в куда большем преступлении.

— Каком преступлении?

— Он учит, что и необрезанный неиудей столь же достоин Царства Божия, что и иудей самых строгих правил. Он принес в мир Новый Завет.

Мать ничего не сказала, и все четверо укрылись от солнечных лучей в тени дерева, росшего у скалы. Как ни хотелось им всем поскорее очутиться у себя дома и узнать, что происходило с каждым из них за годы разлуки, Бен-Гур смог убедить их в том, что необходимо повиноваться закону, действующему в подобных случаях. Потом он подозвал к себе араба, ждущего его, и велел ему отправляться с лошадьми к Овечьим воротам и ждать их там у входа в Вифезду. После этого они пустились в путь по дороге, ведущей через Масличную гору. Но путь к городу совсем не походил на путь оттуда, они шли быстрым шагом и без всяких усилий. Через краткое время они добрались до гробницы, недавно построенной неподалеку от гробницы Авессалома[150], в долине Кедрона. Женщины стали собирать свои вещи, а Бен-Гур поспешил заняться всем необхо-

---

[150] Примечания: 150

Авессалом — сын Давида *(библ.).*

димым для обустройства их в новом положении.

Глава 5
Паломники на празднике Песах

Бен-Гур поставил две палатки в верховьях Кедрона, неподалеку от Царских гробниц, снабдив их всем необходимым, что он смог достать. Не теряя времени, он разместил в палатках мать и сестру, чтобы они могли дождаться здесь священника, который должен был осмотреть их и засвидетельствовать их полное исцеление.

Выполняя эти обязанности, он сам считался теперь до поры до времени осквернённым и не мог участвовать в празднествах, которые уже начинались. Так, он теперь не мог войти в самый священный из дворов Храма. Поэтому, а также и по своему желанию он проводил почти все время со своими родными, слушая их рассказы и повествуя о случившемся с ним.

Подобные истории — повествования о пережитом за многие годы, телесных страданиях и еще более тяжких мучениях духа — обычно рас-

сказываются очень долго, и события в них редко следуют друг за другом в той последовательности, в которой они на самом деле произошли. Он слушал их скорбную сагу с наружным спокойствием, скрывавшим под собой кипящие в его душе чувства. Ненависть его к Риму и римлянам достигла предела; желание отмщения стало почти невыносимым. Но, рассуждая о мести ненавистному Риму, он снова и снова приходил все к тому же заключению — залогом успеха могла бы стать только война, которая сплотила бы весь Израиль в единую нацию; а все его размышления и все надежды заканчивались там же, где и начинались, — кто такой Назаретянин и каковы его намерения.

Порой он даже позволял себе помечтать о словах, вложенных им в уста этого человека:

— Услышь меня, о Израиль! Я есть Тот, кто был обещан Господом, рожденный стать Царем Иудейским, — и я пришел к тебе, облеченный властью, о которой поведали тебе пророки. Восстань же и овладей миром!

Если бы только Назаретянин произнес эти немногие слова, какое смятение вызвали бы они! Множество уст разнесли бы эти слова по городам и странам, и на призыв этот собрались бы воору-

женные армии!

Но произнесет ли Он их?

И в своем страстном желании приступить к трудам Бен-Гур утратил взгляд на двойственность природы человека и на другие возможности, в частности возможность того, что человеческое начало в нем может возобладать над божественным. В том чуде, свидетелем и непосредственным участником которого были Тирца и его собственная мать, он увидел и выделил силу, способную возложить на голову еврейского народа всемирную корону взамен обломков короны римской, способную изменить общество и сделать из человечества единую, очищенную от скверны, счастливую семью. Когда же такая работа будет завершена, разве посмеет кто сказать, что мир, будучи достигнут без всяких препятствий, не является миссией, достойной Сына Божия? Посмеет ли тогда кто-нибудь отрицать Спасительную природу Христа? И, отбрасывая в сторону всякие политические последствия такого деяния, какой неописуемый личный триумф выпадет на долю такого человека? Ни один из смертных не смог бы отвергнуть перспективу столь блестящего успеха.

Между тем по берегам Кедрона и вдоль доро-

ги, ведущей к Дамасским воротам, вырастали все новые и новые палатки и навесы, которые должны были дать недолгий кров паломникам, жаждавшим принять участие в празднике Песах. Прогуливаясь среди них, Бен-Гур пускался в разговоры с многими из этих паломников, все более и более удивляясь их множеству. Когда же он обнаружил, что у стен Святого города собрались люди буквально со всего света — из городов по обоим берегам Средиземноморья вплоть до столбов Геракла[151], речных поселков далекой Индии, селений на самых северных побережьях Европы; и что хотя они сплошь и рядом приветствовали его на языках, ничем не напоминающих древний иврит его пращуров, все они страстно хотят лишь одного — принять участие в замечательном празднике, — в сознании его забрезжила и стала овладевать им подспудная мысль. Разве не мог он все же обмануться в Назаретянине и неверно истолковать Его намерения? Разве не мог этот человек, пребывая в терпеливом ожидании, просто скрывать тайные приготовления и доказывать свое соответствие величественной задаче, стоявшей перед Ним? Разве сейчас не

[151] Примечания: 151

Столбы Геракла (Геркулесовы столбы) — античное название Гибралтарского пролива.

гораздо более подходящий момент для восстания, чем тогда, когда у Тивериадского озера галилеяне могли бы попытаться силой восстановить свои права на престол? Тогда поддержать их могли бы от силы несколько тысяч человек; сейчас на Его призыв могли бы отозваться миллионы — кто считал их? Развив эту теорию до ее логического завершения, Бен-Гур был захвачен великолепными перспективами, которые она сулила, и решил, что грустный человек под своей мягкой внешностью и удивительным самоотречением на самом деле скрывал проницательность политика и гений полководца.

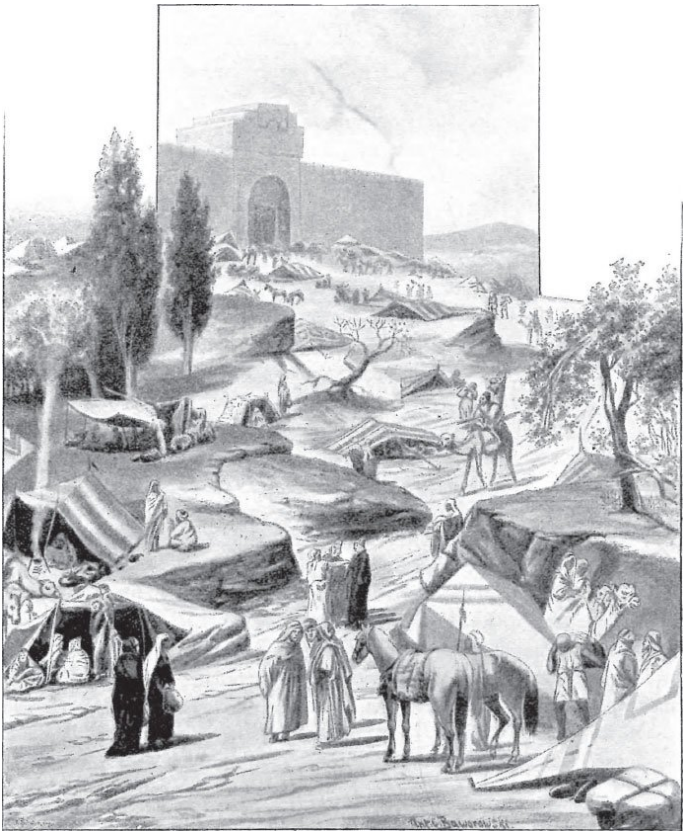
Несколько раз за это время у палаток Бен-Гура появлялись и спрашивали его невысокие мускулистые люди, с непокрытыми головами и густыми черными бородами. Он уединялся для разговора с ними, а на вопросы матери, кто они такие, неизменно отвечал:

— Мои хорошие знакомые из Галилеи.

Люди эти приносили ему информацию обо всех передвижениях Назаретянина и о планах Его врагов, раввинов и римлян. Он знал, что жизнь этого человека находится в опасности, но не мог допустить, что среди Его врагов найдется наглец, который посмеет посягнуть на нее в такой мо-

мент. Множество надежных людей, собравшихся в городе и вокруг него, представлялось ему достаточно надежной гарантией безопасности. И все же, говоря по правде, уверенность Бен-Гура в большей степени зиждилась на чудесной силе Христа. Рассуждая чисто по-человечески, господин, обладающий столь значительной властью над жизнью и смертью, столь часто использовавший ее для блага других людей, просто не мог не позаботиться и о себе — все это было столь же несомненно, сколь и необъяснимо.

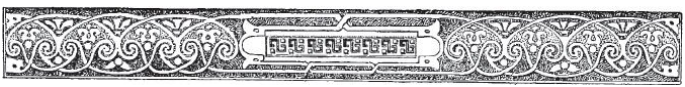
Не следует забывать о том, что все это происходило в промежутке между 21 марта — считая по современному календарю — и 25-м. Вечером последнего дня Бен-Гур уступил своему нетерпению и отправился верхом в город, пообещав вернуться ближе к ночи.

Свежий конь, сам выбрав себе аллюр, быстро понес его вперед. Ни один взор не провожал всадника — ни мужчины, ни женщины, ни ребенка. Хотя стук конских копыт по каменистой дороге будил гулкое эхо, отражаясь от окружающих скал, ни один человек не выглянул, чтобы взглянуть на спешащего путника. Окна домов вдоль дороги были темны; огни у входа в них были потушены; сама дорога пустынна — наступил канун Песаха, час «между вечерами», когда все пришедшие на праздник собрались в центре города, чтобы присутствовать при ритуальном заклании агнца и в ожидании того часа, когда первая загоревшаяся на небе звезда станет сигналом к всеобщему веселью и застолью.

Проскакав через северные ворота в город, всадник увидел у своих ног Иерусалим во всем великолепии его славы, освещенный всеми огнями и готовый к встрече Господа.

Глава 6
Нильская змея

Бен-Гур сошел с коня у входа в тот караван-сарай, из которого более чем тридцать лет назад вышли трое мудрецов, направляясь в Вифлеем. Оставив там коня на попечение своих соратников-арабов, он вскоре уже входил в калитку отцовского дома. Поднявшись в большую залу, он послал за Маллухом, а потом попросил известить о своем прибытии купца и египтянина. Оказалось, что они отправились в паланкинах посмотреть на празднество, хотя египтянин, как ему сообщили, был очень слаб.

Надо сказать, что Бен-Гур, велев слуге сообщить Балтазару о своем прибытии, рассчитывал на то, что весть эта дойдет и до его дочери. Так оно и случилось. Когда вернувшийся слуга докладывал ему о том, что происходит с египтянином, штора, закрывавшая дверной проем, откинулась в сторону. В залу вошла юная египтянка и прошла

— вернее сказать, проплыла, окутанная белым облаком полупрозрачной ткани, в которой она так любила появляться, — к ее центру, где был ярче всего свет большой бронзовой меноры[152], стоявшей на полу. Свет, позволявший видеть ее тело сквозь тонкую ткань, ничуть не пугал девушку.

Слуга вышел из залы, оставив их наедине.

Из-за всех столь важных для него событий последних нескольких дней Бен-Гур едва ли хоть раз вспоминал прекрасную египтянку. Если же она все-таки приходила ему на память, то только как мимолетное обещание восторга, который ждет его и будет ждать.

Но теперь, когда Бен-Гур вновь увидел ее, очарование этой женщины дало ему почувствовать себя с прежней силой. Он сделал несколько шагов к ней, но внезапно остановился, всматриваясь. Такой он ее еще никогда не видел!

Вплоть до сего дня она была искусительницей, пытающейся завоевать его, — это сквозило в манере ее общения, во всех бросаемых на него взглядах, в каждом знаке ее внимания. Когда он был в ее обществе, она окружала его атмосферой

---

[152] Примечания: 152

Менора — светильник на семь свечей, имеющий символическое значение в иудаизме.

восторженного почитания; покинув ее, он уносил с собой тоску по ней, побуждавшую его спешить поскорее вернуться. Для него она подводила красками свои лучистые миндалевидные глаза; для него звучали истории любви, услышанные ею от профессиональных сказителей на улицах Александрии; ему были предназначены бесконечные восклицания восторга, улыбки, песни Нила, украшения из самоцветов, наряды из тончайших тканей. Древнейшая из древних людская мысль о том, что красота является наградой для героя, никогда еще не воплощалась столь наглядно, как это ухитрялась придумывать она; тем более что он не должен был сомневаться в том, что героем является именно он, — бесчисленное множество раз она давала понять это столь же естественно, сколь естественной была ее красота, а уж древний Египет изобрел для этого множество способов.

Такой египтянка была привычна Бен-Гуру с памятной ночи лодочной прогулки по озеру в Пальмовом саду. Но ныне!

Она была бесстрастна, как мраморная статуя; лишь маленькая головка была гордо запрокинута, ноздри слегка раздуты, а чувственная нижняя губа выступала под верхней чуть больше, чем обычно. Разговор начала она.

— Ты пришел как раз вовремя, о сын Гура, — произнесла она отчетливо резким голосом. — Я хочу поблагодарить тебя за гостеприимство; послезавтра у меня может и не быть возможности сделать это.

Не отрывая от нее взгляда, Бен-Гур слегка склонил голову.

— Мне доводилось слышать про обычай, которого строго придерживаются в своем кругу игроки в кости, — продолжала она. — Когда игра окончена, они сверяются с записями на своих табулах и подводят счета; затем они поднимают чаши с вином в честь богов и возлагают корону на голову самого удачливого игрока. Мы с тобой тоже занимались игрой — она продолжалась много дней и ночей. Почему бы и нам, коль скоро мы доиграли ее до конца, не посмотреть, кому по праву должна принадлежать эта корона?

Все так же не сводя с нее взгляда, Бен-Гур беспечно ответил:

— Мужчина не может помешать женщине поступать так, как ей хочется.

— Скажи мне, — продолжала она, склонив голову и насмешливо улыбнувшись, — скажи мне, о князь Иерусалима, где сейчас он, этот сын плотника из Назарета и в то же самое время Сын

Господа, от которого в последнее время все только и ждали всяких чудес?

Нетерпеливо взмахнув рукой, он ответил:

— Я не сторож Ему.

Прекрасная головка склонилась еще ниже.

— Разрушил ли он Рим до основания?

И снова, но уже с раздражением Бен-Гур взмахнул рукой.

— И где же он основал свою столицу? — продолжала она. — Не могу ли я взглянуть на его трон и на бронзовых львов, охраняющих его? А его дворец — он воскрешает мертвых, так что же ему стоит возвести себе золотой дворец? Ему надо всего лишь топнуть ногой и произнести одно только слово — и тут же воздвигнется дворец с колоннами, как в Карнаке.

Слова ее зашли чересчур далеко, чтобы быть просто шуткой, вопросы звучали оскорбительно, тон был недружелюбным. Видя это, он насторожился и, пытаясь свести все к шутке, сказал:

— О Египет, давай подождем еще немного, день-другой, может быть, неделю, и тогда увидим Его самого, Его дворец и львов.

Не обращая внимания на его слова, она продолжала:

— И почему я должна видеть тебя в этом одеянии? Эта одежда не для человека власти. Мне довелось однажды видеть сатрапа Тегерана, он был облачен в шелковый тюрбан и затканный зо-

лотом кафтан, а эфес и ножны его сабли ослепили меня сиянием драгоценных камней, которыми они были усыпаны. Мне казалось, что сам Осирис облек его солнечным сиянием славы. Боюсь, что ты не вступил во владение своим царством — тем царством, которое я хотела разделить с тобой.

— Дочь моего почтенного гостя любезнее, чем сама представляет. Она позволила мне понять, что Исида может лишь поцеловать сердце, не завладевая им целиком.

Бен-Гур произнес эти слова холодно-вежливым тоном, и Айрас, поиграв некоторое время бриллиантовой подвеской своего мониста, возразила:

— Для еврея ты очень умен, о сын Гура. Я видела, как этот ваш чаемый Царь Иудейский вступал в Иерусалим. Ты говорил нам, что он в тот же самый день объявит себя Царем Иудейским со ступеней Храма. Я своими глазами видела, как процессия спускалась с холма, неся его на руках. Слышала их пение. Любовалась, когда они размахивали пальмовыми ветвями. Я все время пыталась увидеть среди них человека царственного обличья — всадника, облаченного в пурпур; колесничего в доспехах сверкающей бронзы; величавого воина со щитом в руке. Я искала взглядом его почетный эскорт. Мечтала

увидеть князя Иерусалима, командующего этим эскортом или идущего во главе когорты одного из галилейских легионов.

Она послала Бен-Гуру взгляд, полный презрения, а затем рассмеялась ему в лицо, словно возникшая в ее памяти картина была слишком нелепа, чтобы удержаться от смеха.

— И вместо Сезостриса, возвращающегося с триумфом, или Цезаря в шлеме и при оружии — ха-ха-ха! — я увидела мужчину женственного обличья, восседающего на осле и со слезами на глазах. Царь! Сын Божий! Спаситель мира! Ха-ха-ха!

Не совладав со своими чувствами, Бен-Гур поморщился.

— Но я не покинула своего места, о князь Иерусалима! — продолжала она. — Я не рассмеялась там. Я сказала сама себе: «Погоди. В Храме он увенчает себя славой в качестве человека, пришедшего взять в свое владение весь мир». Я видела, как он вошел во врата Храма и прошел во Двор женщин. Я наблюдала, как он остановился перед Золотыми воротами. Весь портик, в котором я стояла, был полон народа. Народ заполнял и все галереи, люди обступили и ступени Храма — там было не менее миллиона человек, и все мы,

затаив дыхание, ждали, жаждая услышать его слова. Стояла полная тишина. Ха-ха-ха! Я представляла себе, что услышу, как начнут ломаться оси могучей римской машины. Ха-ха-ха! О князь! Клянусь духом Соломона, ваш Царь Мира всего лишь натянул себе на голову покрывало и вышел прочь через дальние ворота, не разомкнув своих уст, чтобы сказать хоть слово! Так что римская машина все еще крутится!

Еще ни разу — ни когда Балтазар приводил аргументы в пользу своей точки зрения, ни когда на его собственных глазах произошло чудо — загадка Назаретянина не была столь откровенно сформулирована перед ним. Но в конце концов, лучшим способом приблизиться к пониманию божества служит постижение человеческого. В вещах, превосходящих наше понимание, мы прежде всего стараемся обнаружить действие Господа. Поэтому картина, нарисованная египтянкой, в особенности ее кульминация, когда Назаретянин не пожелал войти в отверстые перед ним ворота, была недоступна пониманию человека, движимого обычными земными побуждениями. Но для человека, любящего притчи, сцена эта лишний раз подтверждала то, что столь часто провозглашал Христос, — что миссия Его

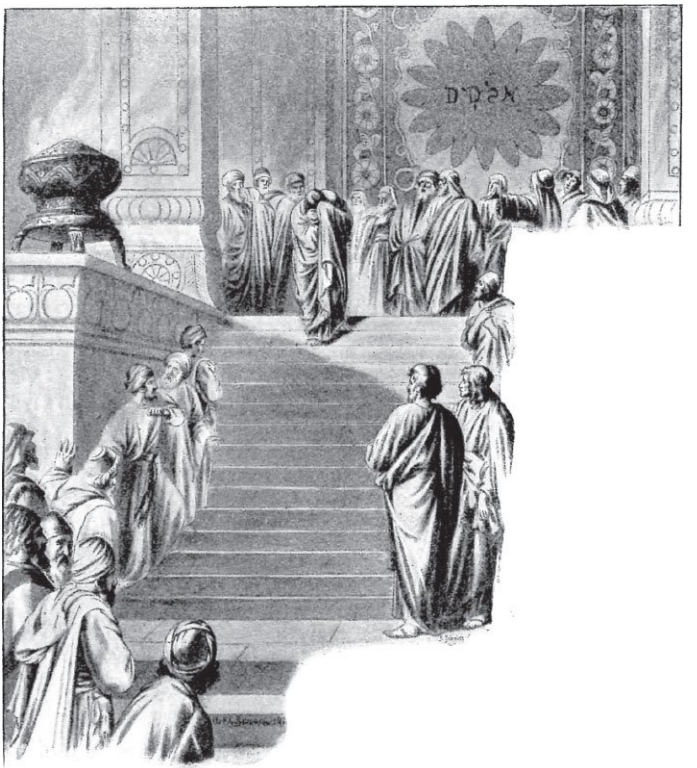
была отнюдь не политической. Потребовалось не так уж много времени, чтобы логически развить эту мысль; и выводы, к которым пришел Бен-Гур, вытеснили из его сознания идеи отмщения, а этот человек с женственным лицом и длинными волосами, со слезами на глазах стал куда больше прежнего близок ему — близок настолько, что душа Бен-Гура тоже начала меняться.

— Дочь Балтазара, — с достоинством произнес он, — если под игрой ты понимала именно то, о чем ты говоришь со мной, то возложи на свою главу венок победителя — он принадлежит тебе по праву. Позволь лишь мне услышать твои слова до конца. Я уверен, что ты начала этот разговор с некоей целью. Молю тебя, скажи все до конца, и я дам тебе ответ; а потом пойдем каждый своим путем и забудем, что знали друг друга. Говори же, я весь внимание, но лучше не упоминай то, что ты мне уже описала.

Она несколько мгновений в упор смотрела на него, словно решая, как ей поступить, затем холодно произнесла:

— Я более тебя не задерживаю — ступай.

— Мир тебе, — ответил он и, повернувшись, направился к двери.

אלקים

Когда он уже стоял на пороге, она позвала его:

— Еще одно только слово.

Он остановился и повернулся лицом к ней.

— Подумай о том, что я знаю о тебе все.

— О самая прекрасная из египтянок, — сказал он, возвращаясь, — что же такого ты знаешь обо мне?

Она рассеянно взглянула на него:

— Ты в куда большей степени римлянин, сын Гура, чем твои еврейские собратья.

— Неужели я так не похож на своих соплеменников? — безразлично произнес он.

— Все полубоги нынче — римляне, — ответила она.

— И поэтому ты скажешь мне, что еще ты знаешь про меня?

— Это сходство не ускользнуло от моего взгляда. И именно оно побуждает меня спасти тебя.

— Спасти меня?

Холеные пальцы с розовыми ноготками принялись играть покачивающимся бриллиантовым кулоном, голос стал еле слышен, и лишь непроизвольное притопывание изящным башмачком помогло Бен-Гуру не потерять бдительность.

— Мне известно про еврея, беглого раба-галерника, который убил человека во дворце

Айдерне, — медленно начала она.

Бен-Гур насторожился.

— Тот же самый еврей сразил римского солдата посреди Рыночной площади в Иерусалиме; все тот же еврей привел из Галилеи три вышколенных легиона, чтобы захватить нынешним вечером римского наместника; у этого еврея есть союзники для войны против Рима, а шейх Илдерим — один из его соратников.

Приблизившись почти вплотную к нему, она прошептала:

— Ты жил в Риме. Представь себе, что все то, о чем я поведала тебе, дойдет до слуха властей предержащих. Ага! Ты побледнел.

Он непроизвольно сделал шаг назад с лицом человека, который, вздумав было поиграть с котенком, обнаружил, что перед ним голодный тигр. Девушка же продолжала:

— Ты много раз бывал при дворе, и ты знаешь патриция по имени Сеян. Представь себе, что некто поведает ему обо всем этом, да еще представит доказательства того, что этот самый еврей является и самым богатым человеком на Востоке — нет, во всей империи. Не кажется ли тебе, что рыбам в Тибре устроят отличный пир? А пока они будут жиреть, о сын Гура, какое зрелище

предстанет зрителям цирка! Развлекать римлян стало чем-то вроде изящного искусства; добывать деньги, чтобы развлекать их, — искусство еще более изящное; найдется ли художник, который может сравняться в этом искусстве с Сеяном?

Но столь долгая тирада не возымела своего действия. Бен-Гур уже достаточно овладел своими чувствами и лишь холодно произнес:

— Чтобы доставить тебе удовольствие, дочь Египта, я отдаю должное твоему коварству и признаю, что я весь в твоей власти. Тебе также может доставить удовольствие мое признание, что я не могу надеяться на твою благосклонность. Я мог бы убить тебя, но ты женщина. Но в моем распоряжении вся пустыня, ставшая мне домом; и, хотя Рим умеет охотиться за людьми, ему еще придется изрядно погоняться, прежде чем он сможет дотянуться до меня. Но в преддверии столь тяжкой судьбы моей позволь несчастному простофиле выполнить свой последний долг — узнать, кто рассказал тебе все, что ты знаешь обо мне? Буду ли я в бегах или схвачен, но единственным утешением мне будет послать предателю проклятие человека, прожившего жизнь, не зная ничего, кроме горя и несчастий. Кто рассказал тебе все то, что ты знаешь обо мне?

Было ли это искусным притворством, или она в самом деле была тронута его словами, но на лице египтянки промелькнуло нечто похожее на сочувствие.

— В моей стране, о сын Гура, — задумчиво сказала она, — есть умельцы, которые создают картины, собирая разноцветные раковины, выброшенные на берег моря штормами, обрезая их и инкрустируя ими мраморные плиты. Разве не так собирают и тайны — горсточку в одном месте, кусочек в другом? Вот и я так же собирала обстоятельства твоей судьбы, а потом сложила их вместе и получила цельную картину жизни человека, с которым, — она помолчала, перестав постукивать сандалией по полу, а потом с выражением непреклонной решимости на лице закончила фразу, — с которым я не знаю, как поступить.

— Ну, не так уж это сложно, — возразил Бен-Гур, ни на миг не поверив в эту игру. — Это вовсе не сложно. Завтра ты определишься, как поступить со мной. И я умру.

— Верно, — сразу же согласилась она и продолжала: — Кое-что я узнала от шейха Илдерима, когда он гостил в шатре моего отца, что стоит в роще в пустыне. Ночь была тихой, очень тихой, а

стены шатра — плохая защита от слуха того, кто слушает снаружи. Другие же обстоятельства я узнала… узнала…

— От кого?

— От самого сына Гура.

— И ни от кого более?

— Нет, больше ни от кого.

Он испустил вздох облегчения и беспечно произнес:

— Благодарю. Было бы неучтиво заставлять Сеяна ждать тебя. Моя пустыня не столь нежна. Еще раз, о Египет, мир тебе!

Вплоть до этого момента он пребывал с непокрытой головой; сказав слова прощания, он снял с руки накидку и, набросив ее на голову, повернулся, чтобы уйти. Но она остановила его, протянув руку.

— Постой, — сказала она.

Он повернулся и посмотрел на нее, не касаясь руки, хотя рука эта, сверкающая драгоценными камнями, была достойна внимания. Теперь ему стало ясно, что сейчас египтянка перейдет к самому главному, к тому, ради чего она и затеяла это представление, так удивившее его.

— Погоди и верь мне, о сын Гура, если я говорю, что знаю, почему благородный Аррий сделал тебя

своим наследником. Клянусь тебе Исидой! всеми богами Египта! Клянусь, я содрогаюсь при одной только мысли, что ты окажешься в руках безжалостного приближенного Цезаря! Ты провел изрядную часть своей юности в атриях великой столицы; представь себе, как представляю я, чем будет для тебя пустыня по контрасту с той жизнью. О, как мне жаль тебя — да, жаль! И если ты сделаешь то, о чем я скажу, я спасу тебя. В этом я тоже клянусь тебе нашей святой Исидой!

— Я почти верю тебе, — ответил Бен-Гур, все же колеблясь.

— Совершенная жизнь для женщины есть жизнь в любви; величайшее счастье для мужчины есть победа над самим собой; и это именно то, о чем, о князь, я прошу тебя.

Она проговорила это быстро и с воодушевлением; такой ему еще не приходилось ее видеть.

— У тебя когда-то был друг, — продолжала она. — Это была мальчишеская дружба. Потом вы поссорились и стали врагами. Он поступил с тобой дурно. Много лет спустя вы встретились с ним в цирке Антиохии.

— Мессала!

— Да, Мессала. Забудь былое; признай его снова достойным твоей дружбы; верни ему его состо-

яние, которое он потерял на скачках; спаси его. Шесть талантов для тебя ничто; не более чем потеря одной почки для дерева с громадной кроной; но для него… Ах, ему приходится таскать свое изломанное тело; если бы ты увиделся с ним, то он смотрел бы на тебя с самой земли. О Бен-Гур, благородный князь! Для римлянина его происхождения бедность равносильна смерти. Спаси же его от смерти!

Если скорость, с которой она выпалила эти слова, была коварной находкой, чтобы отвлечь его от раздумий, то это значило, что она никогда не знала или забыла о существовании убеждений, не требующих раздумий. Когда она замолчала, чтобы услышать его ответ, ему показалось, что в зале собственной персоной появился сам римлянин, однако выражение его лица не было ни дружественным, ни смиренным — на нем играла все та же улыбка презрительного превосходства.

— Апелляция была подана им сразу же после состязаний, так что, выходит, на этот раз Мессала снова проиграл. Что ж, мне остается только занести в свой дневник значительное событие — римский судья вынес решение не в пользу римлянина! Но это сам Мессала послал тебя просить за себя, о Египет?

— У него благородная душа, и он судит о тебе по себе.

Бен-Гур снял со своего плеча руку девушки.

— Если ты знаешь его столь близко, прекрасная египтянка, скажи мне, стал бы он беспокоиться обо мне, если бы мы с ним поменялись местами и ты бы пришла к нему просить за меня? Ответь, заклинаю тебя Исидой!

— О, — начала было она, — он же…

— Римлянин, хотела ты сказать. Это значит, что я, еврей, не должен считать его обязательства по отношению ко мне равнозначными моим обязательствам по отношению к нему. Будучи евреем, я должен простить ему мои победы, потому что он римлянин. Если у тебя есть еще что сказать мне, дочь Балтазара, то говори быстрее, ради Господа Бога Израиля, потому что, когда кровь моя закипит в моих жилах, я могу позабыть о том, что ты женщина, и женщина красивая! Я могу увидеть в тебе только шпионку своего хозяина, тем более ненавистную мне, потому что твой хозяин — римлянин. Говори же, и побыстрее.

Сняв руку с его плеча, она отступила на шаг назад, и все зло ее души сосредоточилось в ее взоре и голосе:

— Ты просто пожиратель падали! Возмечтал,

что я люблю тебя, когда я знала Мессалу! Такие, как ты, рождены, чтобы служить ему. Он был бы удовлетворен, получив шесть талантов; но я говорю тебе, что к шести талантам ты должен добавить еще двадцать — двадцать, ты слышишь? Тебе придется заплатить за все то время, которое я провела с тобой, лишая себя общения с ним. Торговец, живущий в этом доме, хранит твои деньги. Если завтра к полудню он не получит от тебя распоряжения передать Мессале двадцать шесть талантов — запомни эту сумму, — тебе придется объясняться с Сеяном. Подумай об этом и — прощай!

Повернувшись, она направилась было к двери, но теперь уже он преградил ей путь.

— Древний Египет живет в тебе, — сказал он. — Увидишь ли ты Мессалу завтра или позже, здесь

или в Риме, передай ему мои слова. Скажи ему, что я вернул себе деньги, в том числе и шесть талантов, которые он забрал у меня, похитив состояние моего отца. Скажи ему, что я выжил на галерах, на которые он отправил меня, и у меня прибывает сил при мысли о его бедности и бесчестье. Скажи ему — я считаю его увечье, нанесенное моими руками, проклятием Господа Бога Израиля ему, более страшным, чем смерть, и куда более заслуженным за его преступления против беззащитных. Скажи ему, что мои мать и сестра, которых он отправил в камеру Антониевой башни, чтобы они умерли там от проказы, живы и здоровы, излеченные силой того самого Назаретянина, которого ты так презираешь. Скажи ему, что, к моему полному счастью, они воссоединились со мной и окружили меня своей любовью, купаясь в которой я позабуду ту грязную страсть, которую ты пыталась внушить к себе. Скажи ему — хотя это я говорю также и для тебя, коварное существо, — скажи ему, что, когда Сеян придет грабить меня, он не найдет ничего; что все наследство дуумвира, в том числе вилла в Мизенах, уже продано, а деньги эти, как и выручка от продаж, уже странствуют по рынкам всего света в виде векселей, на которые он не сможет

наложить свои лапы. Скажи ему, что этот дом, а также товары, суда и караваны, которые трудами Симонидиса приносят такой невероятный доход, пребывают под охраной императорской гвардии. Скажи еще ему, что даже если бы это было и не так и деньги и собственность были бы при мне, то он все равно не получил бы малейшей части их: у меня был бы еще один выход — передать их в качестве дара цезарю. Все это, о Египет, я вынес из атриев великой столицы. И еще скажи ему, что, несмотря на все свое презрение к нему, я не посылаю ему словесных проклятий, но, как лучшее выражение моей неумирающей ненависти, я посылаю ему ту, которая станет для него олицетворением всех моих проклятий, — когда он будет смотреть на тебя, передающую ему мое послание, его римская проницательность подскажет ему, что я имел в виду. Теперь ступай — мне тоже пора пускаться в путь.

Проводив ее до двери, он с церемонной вежливостью приподнял закрывавший вход полог, чтобы она могла выйти.

— Мир тебе, — сказал он на прощание, пропуская ее перед собой.

Глава 7
Бен-Гур возвращается к Есфири

Когда Бен-Гур вышел из залы, в его движениях была лишь малая доля той энергии, с которой он вошел в нее. Шаги его были медленны, он шел, низко опустив голову. Открыв для себя, что человек с искалеченной спиной вполне может сохранить здравую голову, он раздумывал над этим открытием.

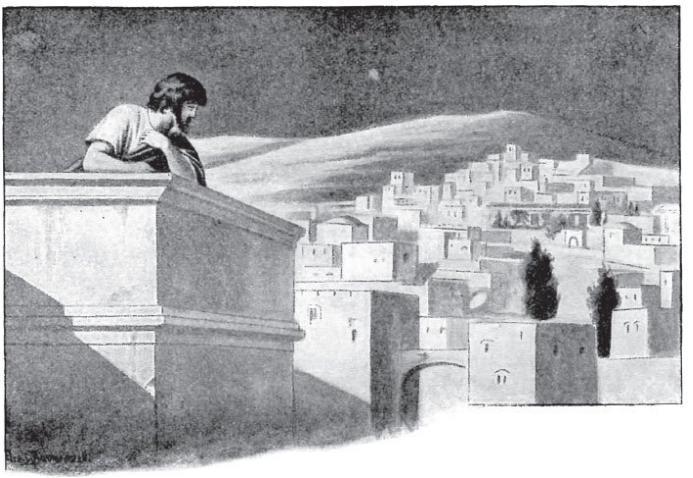
Оглядываясь назад, думал он и о том, что все это время даже не подозревал, что египтянка действует в интересах Мессалы, но весь последний год все больше и больше слепо вверял себя и своих друзей ее милости — и это была разверстая рана на гордости молодого человека. «Я вспоминаю теперь, — говорил он себе, — что она не сказала ни слова возмущения в адрес наглого римлянина у Кастальского ключа! Припоминаю, как она восхваляла его во время лодочной прогулки по озеру в Пальмовом саду! И, ах! — Остановясь на

ходу, он яростно ударил ладонью левой руки о сжатую в кулак правую. — Ах, эта тайна свидания, назначенного ею во дворце Айдерне, теперь совершенно понятна!»

Рана эта, надобно заметить, была нанесена его гордости, а люди, к счастью, не очень часто умирают от подобных ран и даже не слишком долго выздоравливают от них. Остановясь, он воскликнул вслух:

— Благословен будь Господь Бог за то, что эта женщина больше не имеет силы надо мной! Я чувствую, что больше не люблю ее!

И, словно освободясь от прижимавшего его к земле груза, он снова двинулся вперед, но уже гораздо более легким шагом. Выйдя на террасу, с которой один пролет лестницы вел вниз во внутренний дворик, а другой — наверх, на крышу, он стал подниматься вверх. Преодолев последнюю ступеньку, он внезапно остановился в раздумье.

Не мог ли Балтазар быть ее сообщником в столь долго тянувшемся маскараде? Нет, нет. Лицемерие и фальшь нечасто скрываются в человеке почтенного возраста. Балтазар — хороший человек.

Придя к такому выводу, он ступил на плоскую крышу. На небе уже сияла полная луна, свет ее

мешался со светом факелов, горевших на улицах и площадях города, и со звуками древних псалмов, звучавших отовсюду. Бесчисленные голоса, казалось, говорили ему: «Этим, о сын Иуды, мы свидетельствуем наше поклонение Господу Богу и нашу преданность стране, которую он дал нам. Пусть явится пред нами Гедеон[153], или Давид[154], или Маккавей[155], ибо мы уже готовы».

Но это было только начало: в следующую минуту он увидел перед собой человека из Назарета.

Порой при определенном состоянии человека разум его способен на совершенно неуместные проказы.

Заплаканное женоподобное лицо Христа стояло у него перед глазами все время, пока он шел к окружавшему крышу парапету на северной стороне дома, и в нем не было ни следа войны, но лишь глубокий мир, такой же, какой сейчас изливался на землю со звездных высот; и выражение этого лица снова заставило Бен-Гура задуматься

---

[153] Примечания: 153

Гедеон, он же Иероваал — один из судей Израиля и победитель мадианитян (см. Суд. 6–8) *(библ.).*

[154] Примечания: 154

Давид — второй царь Израиля (правил с 1010 по 970 г. до н. э.), преемник Саула и победитель Голиафа *(библ.).*

[155] Примечания: 155

Маккавей Иуда — иудейский патриот и военный лидер.

над старой загадкой: что это за человек?

Бен-Гур позволил себе бросить один взгляд через парапет, а потом повернулся и механически зашагал к летнему домику на крыше.

— Пусть проявят себя во всей своей неприглядности, — говорил он себе, медленно шагая и думая о римлянах. — Я не прощу Мессалу. Я не стану делить с ним свое наследство, не стану я и покидать город моих отцов. Сначала я брошу клич Галилее, и здесь закипит битва. Своими победами я привлеку на свою сторону множество других племен. Те, кто выпестовал Моисея, найдут себе вождя, если я паду в бою. Если им будет не Назаретянин, то один из множества других, готовых умереть ради свободы.

Внутренность летнего домика, когда Бен-Гур медленно подошел к нему, была слабо освещена проникавшим с улицы светом. Колонны на северной и западной сторонах здания бросали причудливые тени на пол. Войдя, он увидел, что кресло, в котором обычно сидел Симонидис, переставлено на место, с которого лучше всего был виден город вплоть до Рыночной площади.

«Добрый человек вернулся. Поговорю с ним, если только он не спит».

Бен-Гур неслышными шагами приблизился к

креслу. Нагнувшись над высокой спинкой, он увидел спящую Есфирь, забравшуюся с ногами на сиденье, — маленькая фигурка, завернувшаяся в накидку своего отца. Выбившиеся из-под платка волосы спускались ей на лицо. Тихое дыхание девушки было неравномерным. Однажды оно прервалось долгим вздохом, перешедшим во всхлип. Что-то — может быть, этот вздох или одиночество, в котором он ее застал, — дало ему понять, что сон ее был отдыхом не столько от усталости, сколько от горя. Природа милостиво дарует такое утешение детям, а он привык думать о Есфири как о ребенке. Положив руки на спинку кресла и глядя на спящую девушку, он задумался.

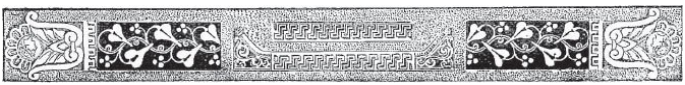
«Я не стану будить ее. Мне нечего сказать ей — нечего, кроме… кроме как о моей любви к ней… Она дочь Иудеи, прекрасная дочь, и так не похожа на египтянку; потому что та — одно сплошное тщеславие, а эта — воплощенная искренность; там амбиции, здесь долг; там себялюбие, здесь самопожертвование… Нет, вопрос не в том, люблю ли я ее, но в том — любит ли она меня? С самого начала она была мне другом. Тем вечером на террасе в Антиохии как по-детски просила она меня не восставать враждой на Рим, рассказать

ей о вилле в Мизенах и о жизни там! Забыла ли она наш поцелуй? Я не забыл. Я люблю ее… Мои люди в городе не знают, что я вновь обрел своих родных. Эта девушка вместе со мной обрадуется их выздоровлению и встретит их в радости сердца. Моей матери она станет второй дочерью, а Тирца обретет в ней сестру. Я бы разбудил ее и рассказал все это ей — но не тогда, когда в доме есть эта египетская колдунья! Я уйду и дождусь другого, лучшего времени. Я подожду. О прекрасная Есфирь, почтительное дитя, дочь Иудеи!»

И так же неслышно, как и вошел, он вышел из домика.

Глава 8
Гефсимания. «Кого ищете вы?»

Улицы были полны людьми, бродящими туда и сюда, стоящими у костров, на которых жарилось мясо, веселящимися, распевающими песни и счастливыми. Аромат готовящихся блюд смешивался с запахом воскуряемых благовоний, и вся эта сложная гамма запахов висела в ночном воздухе. Так как праздник представлял собой возможность каждому сыну Израиля выказать себя совершенным братом каждому другому сыну Израиля, на улицах и в домах царило ничем не ограниченное гостеприимство. На каждом шагу, у каждого костра Бен-Гура приветствовали совершенно незнакомые люди и предлагали ему: «Остановись и раздели нашу компанию. Все мы братья в нашей любви к Господу». Но каждый раз, поблагодарив их, он продолжал свой путь, намереваясь добраться до ждущего его в караван-сарае коня и возвратиться к палаткам на берегу

Кедрона.

Чтобы добраться до места, ему было нужно пересечь самые оживленные улицы города. Там тоже был самый разгар событий. Бросив взгляд вдоль улицы, он увидел пламя множества факелов, колеблемых ветерком подобно флажкам на пиках всадников. Затем он заметил, что пение прекратилось там, куда двигались несущие эти факелы. Но удивление его достигло предела, когда он рассмотрел, что среди дыма и искр поблескивают начищенные до блеска наконечники копий, выдававшие присутствие римских солдат. Что делали они, не верящие ни во что легионеры, в еврейской религиозной процессии? Такое соседство было неслыханным делом, и он остановился, чтобы разобраться в происходящем.

Луна светила вовсю, но все же, словно ее света, да и света от костров на улицах, и лучей света, падающих из открытых окон и дверей, было недостаточно, чтобы осветить дорогу под ногами, некоторые из участников процессии несли зажженные светильники. Бен-Гуру пришло в голову, что он понял некую тайную цель, с какой были припасены эти светильники. Желая удостовериться в своей догадке, он пересек улицу и остановился совсем рядом с движущимися людь-

ми так, чтобы как можно лучше видеть каждого из членов процессии, когда тот будет проходить мимо него. Факелы и светильники несли слуги, каждый из которых был вооружен дубинкой или заостренным посохом. Похоже было на то, что их теперешней задачей было выбирать самый удобный путь среди уличных скал для пребывающих в процессии сановников — старейшин и жрецов, раввинов с длинными бородами, густыми бровями и крючковатыми носами; людьми из того слоя общества, которое всегда имело вес на советах Каиафы и Анны. Куда же они направлялись? Точно не в Храм, поскольку путь к святому зданию лежал через Сион; то же место, к которому направлялись они, находилось где-то за Ксистусом. И если они шли с миром — при чем тут солдаты?

Когда процессия поравнялась с Бен-Гуром, внимание его привлекли три человека, шагающие плечом к плечу. Они двигались впереди процессии, и слуги, шедшие впереди них со светильниками, относились к ним с особенным почтением. В человеке, шагающем в этой группе слева, он узнал начальника храмовой стражи; на правом фланге шел один из высших служителей Храма. Человека между ними было не так легко узнать, поскольку он двигался с трудом, тяжело опираясь на руки своих товарищей и низко опустив на грудь голову, словно хотел скрыть лицо. Весь вид его выказывал человека, еще не совсем оправившегося от испытанного в момент ареста испуга или обреченного на нечто ужасное — пытку или смерть. Сановники справа и слева от него, помогавшие ему двигаться, и то внимание, которое они оказывали ему, позволяли сделать вывод, что если даже он и не был основным персонажем движущейся процессии, то по крайней мере неким образом был связан с ним — свидетель, проводник, информатор. Таким образом, если можно было бы установить, кто он таков, можно было бы и понять цель процессии. Придя к такому убеждению, Бен-Гур вклинился в процессию справа от жреца и двинулся вместе

с ним. Если бы только идущий посередине человек поднял голову! И через пару шагов тот так и сделал. Свет факелов упал на его лицо — бледное, оцепенелое, искаженное ужасом, окаймленное всклокоченной бородой, с глубоко запавшими глазами, подернутыми пеленой и выражающими одно только отчаяние. За время своих странствий с Назаретянином Бен-Гур изучил черты этого лица не хуже черт Учителя; и теперь не мог не воскликнуть:

— Искариот!

Голова человека медленно повернулась, взгляд остановился на лице Бен-Гура, губы шевельнулись, словно готовясь что-то произнести; но тут вмешался жрец.

— Кто ты такой! Убирайся отсюда! — бросил он Бен-Гуру, толкнув его из толпы.

Молодой человек не обратил внимания на толчок и, дождавшись новой возможности, снова влился в процессию. Вместе с ней он проследовал вплоть до конца улицы, затем по полным народа низинам между Вифездой и Антониевой башней и приблизился к Овечьим воротам. Здесь люди были повсюду, участвуя в священных церемониях.

По случаю праздничной ночи створки ворот

были распахнуты настежь. Стража отсутствовала, по всей видимости предаваясь где-то веселью. Никем не остановленная, процессия прошла в ворота. Впереди раскинулась глубокая долина Кедрона с возвышающейся за ней Масличной горой, поросшей кедрами и оливами, чья темная зелень казалась сейчас еще темнее при лунном свете, посеребрившем небеса. Две дороги, встретившись перед воротами, сливались в единую улицу, уходящую в город, — одна из этих дорог приходила с северо-востока, другая из Вифинии. Прежде чем Бен-Гур смог сообразить, следует ли ему выбраться из процессии и идти дальше одному, и если да, то по какой из дорог, процессия снова увлекла его с собой, свернув в долину Кедрона. Он по-прежнему не представлял себе цели этого полночного марша.

Процессия спустилась в долину, миновала мост, стуча и шаркая по его деревянному покрытию своими сандалиями и дубинками, повернула налево, двигаясь в направлении оливковой рощи, окруженной невысокой каменной оградой. Бен-Гур знал, что там не было ничего, кроме нескольких десятков старых искривленных деревьев, травы и высеченного из камня корыта для отжима оливкового масла после сбора уро-

жая. Пока он гадал, что могло привести в такое уединенное место в столь поздний час подобную компанию, процессия остановилась. Раздалось несколько возбужденных восклицаний; пробежал холодок предчувствия чего-то странного; люди подались несколько назад. Только солдаты сохранили свой строй.

Этого мгновения Бен-Гуру хватило, чтобы выбраться из толпы и выбежать вперед, к голове процессии. Здесь он увидел проем ворот с отсутствующими створками, ведущий вперед, и остановился, наблюдая развертывающуюся перед ним сцену.

Лицом ко входу стоял человек в белых одеждах и с непокрытой головой, скрестив на груди руки, — тонкая, несколько сутулая фигура, с длинными волосами и тонким лицом, всем своим видом выражающая смирение и ожидание.

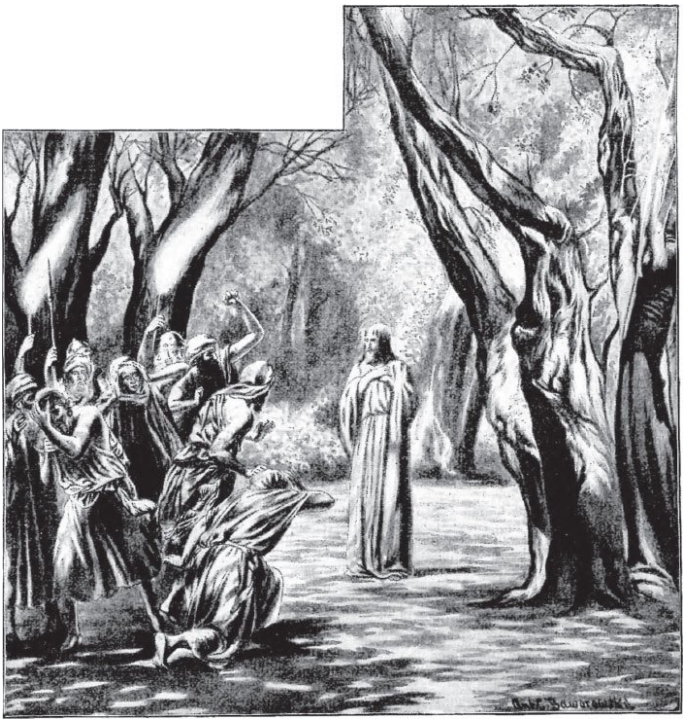
Это был Назаретянин!

За спиной Его, отступив на несколько шагов, сбившись в группу, расположились Его ученики; на лицах было написано возбуждение, контрастировавшее со спокойным лицом их Учителя. Красноватый свет факелов падал, придавая Его волосам несколько рыжеватый оттенок; выражение лица было обычным — доброта и печаль.

Напротив этой совершенно не воинственной фигуры человека сгрудилась толпа, затихшая, затаившая дыхание, но готовая при малейшем знаке гнева с Его стороны броситься на Него. Бен-Гур заметил один-единственный взгляд, брошенный человеком на стоявшего в центре Иуду, и понял, что Назаретянину мгновенно стала понятна цель их прихода. Предатель стоял перед предаваемым, и за спиной предателя грудилась толпа с дубинками и палками, стоял строй легионеров.

Человек не всегда может сказать, что он будет делать в тех или иных обстоятельствах, до тех пор, пока эти обстоятельства не наступят. Именно к таким чрезвычайным обстоятельствам долгие годы готовился Бен-Гур. Человек, безопасности которого он посвятил свою жизнь, находился в явной опасности; тем не менее Бен-Гур был неподвижен. Такие противоречия в природе человека! По правде говоря, о читатель, он все еще не совсем оправился от картины, нарисованной ему египтянкой: Христос, стоящий перед Золотыми воротами, да и, кроме этого, спокойствие, с которым эта загадочная личность противостояла толпе, удерживало Бен-Гура от того, чтобы дать команду своим людям, хотя их было более чем

достаточно. Мир, добрая воля и несопротивление были краеугольными камнями учения Назаретянина; так не хотел ли Он осуществить свое учение на практике? Он был повелителем жизни; мог вдохнуть ее в тело; мог располагать ею, как Ему заблагорассудится. Как же Он хотел распорядиться ныне своей силой? Защитить Себя? И как? Слова — даже дыхания — одной только мысли было бы вполне достаточно. И снова, даже сейчас, он подходил к Назаретянину с собственной меркой — с человеческими стандартами.

Внезапно над толпой разнесся спокойный и четкий голос Христа:

— Кого ищете вы?

— Иисуса из Назарета, — ответил жрец.

— Это я.

При этих простых словах, произнесенных без всякого гнева, страха или тревоги, толпа подалась на несколько шагов назад. Люди могли бы оставить Его в покое и отступить, если бы из толпы не вышел Иуда и не приблизился бы к Христу.

— Приветствую тебя, Учитель!

С этими словами он поцеловал Христа.

— Иуда, — все так же кротко спросил его Назаретянин, — целованием ли предаешь Сына Человеческого? За этим ли ты сюда пришел?

Не получив ответа, Учитель снова обратился к толпе:

— Кого ищете вы?

— Иисуса из Назарета.

— Я сказал вам, что это Я. Если Меня ищете, оставьте их, пусть идут.

При этих словах раввины приблизились к Нему; и, видя их намерения, некоторые из Его учеников попытались грудью закрыть Его. Один из них выхватил спрятанный под одеждой короткий меч и отсек ухо нападавшему, но все же

не смог спасти своего Учителя. Но и тут Бен-Гур не сдвинулся с места! Более того, когда римские офицеры подошли к Назаретянину с веревками, готовясь связать Его, Он совершил Свое величайшее из дел милосердия — величайшее не само по себе, но как наглядное свидетельство Своего всепрощения, о котором до сих пор идет молва.

— Как же ты страдаешь, — сказал Он, обращаясь к раненому, и, прикоснувшись к нему, тут же исцелил его.

Как друзья, так и враги Его были поражены этим поступком Иисуса — одни тем, что Он может творить подобные вещи, другие тем, что Он готов делать это даже при таких обстоятельствах.

Без всякого сомнения, Он не даст им связать себя!

Мысль эта билась в мозгу Бен-Гура.

— Вложи меч в ножны; неужели Мне не пить из чаши, которую дал Мне Отец? — Затем, повернувшись от непрошеного заступника к своим преследователям, Назаретянин произнес:

— Зачем вы пришли к нам, как к ворам, с мечами и дубинками, чтобы взять Меня? Днем Я был у вас в Храме, и вы не схватили Меня; но теперь настал ваш час, и властвует тьма.

Вооруженная толпа вновь обрела храбрость и сомкнулась вокруг Него; когда же Бен-Гур попытался отыскать взглядом Его учеников, то обнаружил, что все они скрылись — рядом с Учителем не осталось ни одного.

В толпе, сомкнувшейся вокруг одинокого человека, люди что-то говорили, оживленно размахивая руками. Вглядываясь поверх голов, между

факелами и дымом от их пламени, Бен-Гур порой различал пленника. Никогда ему не приходилось видеть ничего более трогательного — одинокий, покинутый всеми человек. Теперь-то уж, думал он, человек этот обязательно сделает что-нибудь, чтобы защитить себя, — ведь единым вздохом Он может рассеять своих врагов. Но ничего не происходило. Было ли это той самой чашей, из которой дал Ему пить Отец? И кто был этот Отец, которому Он повиновался? Одна загадка за другой — и не одна, а сразу множество.

Вскоре толпа развернулась и, следуя за солдатами, потянулась в город. Бен-Гур забеспокоился; он был недоволен собой. В одном месте в толпе раввинов было больше всего факелов, и он знал — именно там находится Назаретянин.

Сняв верхнюю тунику и головную накидку, он бросил их на каменную ограду рощи и пустился за толпой. Мало-помалу он пробился к тому человеку, который держал в своей руке конец веревки, которой был связан пленник.

Назаретянин шел медленно, опустив голову, со связанными за спиной руками. Волосы падали ему на лицо, и Он останавливался чаще, чем обычно; но так же, как и всегда, безразличный ко всему происходящему вокруг. В нескольких

шагах впереди Него шли жрецы и старейшины, разговаривая между собой и время от времени оглядываясь назад. Когда же наконец все приблизились к мосту через долину, Бен-Гур выхватил веревку из руки раба и заступил на его место.

— Учитель, Учитель! — быстро зашептал он на ухо Назаретянину. — Ты слышишь меня, Учитель? Слово, одно только слово. Скажи мне…

Раб, у которого он вырвал веревку, пришел в себя, обнаружил пропажу и поднял тревогу.

— Скажи мне, — продолжал Бен-Гур, — ты отдался в руки этим людям по своей собственной воле?

Люди, взбудораженные криками раба, обступили Бен-Гура, гневно спрашивая его:

— Кто ты такой, парень?

— О Учитель, — снова зашептал Бен-Гур хриплым от тревоги голосом. — Я Твой друг и приверженец. Молю Тебя, скажи, если я освобожу Тебя, примешь ли Ты свободу?

Назаретянин ничего не ответил, но только посмотрел в глаза Бен-Гура, словно говоря всем своим видом: «Оставь меня в покое. Меня покинули мои друзья; мир отверг меня; меня ведут неведомо куда; да мне и дела нет до этого. Оставь меня в покое».

И Бен-Гур это понял. Но уже дюжина рук вцепилась ему в одежду, гневные голоса со всех сторон кричали:

— Он один из них! Возьмите его тоже! Вяжите его! Убейте его!

Гнев придал Бен-Гуру мощь, намного превосходившую его обычные силы. Расшвыряв окруживших его людей, он пробился сквозь толпу, отбрасывая всех, кто пытался задержать его.

Несколько рук, цепляясь за его одежду, сорвали ее, так что он выбрался на дорогу почти нагой, и темнота долины скрыла его от глаз разъяренной толпы.

Вернувшись к оставленным на ограде рощи верхней тунике и головной накидке, Бен-Гур оделся и вернулся к городским воротам. Добравшись наконец до караван-сарая, он оседлал Альдебарана и поскакал к палаткам своих родных, поставленным невдалеке от Царских гробниц.

Скача туда, он дал себе зарок завтра же увидеть Назаретянина — дал зарок, не зная того, что покинутый друзьями одинокий человек был препровожден прямо в дом Анны, чтобы быть судимым нынешней же ночью.

Сердце молодого человека, добравшегося наконец до своего ложа, билось так сильно, что он не мог сомкнуть глаз. Только что прямо на его глазах обновленное Иудейское царство обратилось в то, чем оно и было, — в мечту. Тяжело, но можно пережить удары судьбы, крушащие здания наших надежд через более или менее продолжительные интервалы времени — за это время мы можем сколько-нибудь прийти в себя. Когда же здания эти рушатся, как дома во время землетрясения, то пережить это под силу только натурам недю-

жинным, к каким относился и Бен-Гур. Но даже ему пережитое далось непросто. Перед его мысленным взором все чаще и чаще стали мелькать картины спокойной мирной жизни, в которой главное место занимал семейный дом с Есфирью в качестве его хозяйки. Лежа без сна в ночной темноте, он снова и снова видел виллу в окрестностях Мизен, невысокую женщину, то идущую по саду, то отдыхающую в отделанном панелями атрии; глубокую голубизну неаполитанского неба над головой и самое лазурное из морей, плещущее о прибрежные скалы.

Глава 9
Восхождение на Голгофу

На следующее утро, ближе к концу второго часа, к шатру Бен-Гура подскакали на взмыленных конях два человека и, спешившись, попросили стражей у входа разрешить им увидеться с ним. Бен-Гур еще толком не проснулся, но разрешил впустить прибывших.

— Мир вам, братья, — приветствовал он вошедших, которые оказались его галилеянами и доверенными офицерами. — Не хотите ли присесть?

— Нет, — резко ответил старший из них, — потому что сесть и расслабиться — значит позволить Назаретянину умереть. Вставай, сын Иуды, и ступай с нами. Приговор уже вынесен. И уже на Голгофу привезли дерево, из которого сделают крест.

Бен-Гур, не веря своим ушам, воззрился на прибывших.

— Крест! — только и смог сказать он.

— Его схватили прошлой ночью и тут же осудили, — продолжал офицер. — На рассвете Его привели к Пилату. Дважды римлянин отказывался усмотреть в Его деле вину; дважды он отказывался осудить Его. В конце концов он умыл руки и сказал: «Будь по-вашему», и они отвечали…

— Кто отвечал?

— Они — жрецы и толпа — отвечали: «Кровь Его на нас и на детях наших».

— О отец наш Авраам! — вне себя воскликнул Бен-Гур. — Римлянин добрее к израильтянину, чем Его соотечественники! А если — да, если Он и в самом деле Сын Божий, то смоется ли когда-нибудь кровь Его с их детей? Этого нельзя допустить — настало время для битвы!

Лицо его покраснело от волнения, он хлопнул в ладоши.

— Седлать лошадей — и побыстрее! — крикнул он арабу, вошедшему на его сигнал. — И попроси Амру принести мне свежие одежды. Настало время умереть за Израиль, друзья мои! Не медлите!

Он съел ломоть хлеба, выпил чашу вина и через минуту уже был в седле.

— Куда ты направишься прежде всего? — спро-

сил его галилеянин.

— Собирать легионы.

— Увы! — ответил тот, разводя руками.

— Почему увы?

— Господин, — смущенно произнес старший, — господин, я и мой товарищ — все, кто остались верными. Все остальные перешли на сторону жрецов.

— И чего они хотят?
— Убить Его.

— Назаретянина?

— Ты это сказал.

Бен-Гур медленно перевел взгляд с одного на другого. В ушах его снова звучал вопрос, услышанный им прошлой ночью: «Неужели мне не пить из чаши, которую дал мне Отец?» Да и он сам прямо спросил у Назаретянина: «Если я освобожу Тебя, примешь ли Ты свободу?» И теперь он сказал себе: «Эту смерть невозможно отвратить. Назаретянин шел к ней, прекрасно зная, что произойдет, с самого первого дня, когда Он начал свою миссию: она возложена на Него волей высшей, чем Его; чьей же, как не Господней! Если Он сам согласился на это, пошел на это по своей доброй воле, то что сделает посторонний?» Да и неверность его галилеян не оставляла ему другого выхода; их дезертирство свело на нет все планы. Но почему вдруг такое случилось именно нынешним утром? Холодок благоговейного ужаса пробежал по его коже. Что, если все планы, труды и траты были всего лишь богохульственной попыткой соперничества с Господом? Когда он подхватил поводья и сказал: «В путь, братья», все предстоящее было совершенно неопределенно.

— В путь, братья; направимся к Голгофе.

И они пустились в путь, пробираясь среди толп

возбужденных людей, направляющихся к югу. Похоже было, что жители всех северных окрестностей города снялись со своих мест и разом пришли в движение.

Услышав разговоры, что процессию с осужденными можно будет встретить где-нибудь поблизости от больших белых башен, построенных Иродом, трое друзей направили коней туда. В долине ниже водоема Езекии толпа стала такой плотной, что ехать дальше верхом было невозможно. Им пришлось спешиться, найти защиту от солнца под навесом какого-то здания и ждать.

Пока они ждали, людская река все текла и текла мимо них.

В первой книге нашего повествования несколько глав были специально посвящены тому, чтобы познакомить нашего читателя со структурой еврейского общества во времена Христа. Они были написаны в упреждение этого часа и этой сцены, так что тот, кто внимательно прочитал их, может теперь лучше понять то, что видел Бен-Гур в эти предшествующие распятию часы, — редкое и поразительное зрелище!

Прошло полчаса, час, а людская река все текла и текла мимо Бен-Гура и его друзей, всего лишь на расстоянии вытянутой руки от них, неиссякаемая

и непрекращающаяся. Спустя этот час он имел право сказать: «Передо мной прошли сейчас все кланы Иерусалима, все секты Иудеи, все племена Израиля и представители всех наций мира». Его миновали ливийский еврей, еврей Египта и еврей с Рейна; короче говоря, евреи изо всех восточных и всех западных стран, всех островов, до которых когда-либо добирались торговые корабли. Они добирались сюда пешком, верхом на лошадях и верблюдах, их несли в паланкинах и везли в повозках. Они поражали воображение невероятным разнообразием одежд, диктуемых климатом разных стран и образом жизни, что и в наши времена отличает детей Израиля. Они говорили между собой на всех возможных языках, что служило только способом одной группы обособиться от группы другой. И все они спешили сюда — толкаясь, мечтая, горя желанием увидеть, как умрет один бедный Назаретянин, преступник из преступников.

Таких было очень много, но были среди них и другие.

В той же самой людской реке, влекомые ею, были и тысячи неевреев — ненавидящие и презирающие их — греки, римляне, арабы, сирийцы, египтяне, африканцы, жители Леванта и Ма-

гриба. Всматриваясь в их лица, можно было подумать, что весь обитаемый мир был представлен здесь, чтобы присутствовать при распятии.

Толпа эта была на редкость тихой. Слышалось лишь цоканье копыт, скрип и стук вращающихся колес, негромкие разговоры да время от времени окликающие друг друга голоса. Лица многих носили на себе следы болезней, бедствий или превратностей войны. По этим следам Бен-Гур узнавал тех паломников, которые пришли в город на праздник Песах, не имели никакого отношения к судилищу над Назаретянином и могли быть Его друзьями.

Наконец издалека, со стороны высокой башни до Бен-Гура донеслись крики множества людей.

— Слышите? Они уже идут, — сказал один из его друзей.

Толпа на улице замолкла было, прислушиваясь; но поскольку люди в ней не могли определить, откуда исходят эти крики, то, переглянувшись, они в молчании двинулись дальше.

Крики приближались с каждой минутой. Воздух уже был полон ими и, казалось, дрожал от них, когда Бен-Гур увидел слуг Симонидиса, кативших перед собой кресло со своим хозяином. Рядом с отцом шла Есфирь, а позади них другие

слуги несли крытый паланкин.

— Мир тебе, о Симонидис, и тебе, Есфирь, — приветствовал их Бен-Гур. — Если вы направляетесь к Голгофе, побудьте здесь, пока процессия не пройдет; после нее я пойду вместе с вами. Здесь у стены вам найдется место.

Голова купца была опущена на грудь. Услышав слова Бен-Гура, он поднял ее и ответил:

— Поговори с Балтазаром, я сделаю так, как будет угодно ему. Он в паланкине.

Бен-Гур поспешил отдернуть шторки паланкина. Там на подушках полулежал египтянин. Лицо его было так бледно, что показалось Бен-Гуру лицом мертвеца. Он повторил старику свое предложение.

— Мы сможем увидеть Его? — еле слышно произнес тот.

— Назаретянина? Да, Он должен пройти в нескольких футах от нас.

— Боже мой! — вздрогнув, простонал старик. — Еще раз увидеть Его! О, сколь ужасен для мира сей день!

Через несколько минут вся группа уже стояла в ожидании под навесом дома. Они почти не говорили, боясь, быть может, поведать друг другу свои мысли, свое отношение к происходящему.

Балтазар кое-как выбрался из паланкина и стоял, опираясь на руку слуги; Бен-Гур и Есфирь держались ближе к Симонидису.

Тем временем людская река стала еще более полноводной. Крики все приближались, воздух уже был буквально полон ими — хриплыми и жестокими. Наконец процессия поравнялась с ними.

— Смотрите! — с горечью произнес Бен-Гур. — Вот что теперь творится на улицах Иерусалима!

Впереди процессии бежала большая стая мальчишек, смеясь и крича во все горло:

— Царь Иудейский! Дорогу, дайте дорогу Царю Иудейскому!

Симонидис проводил взглядом их кричащую и пританцовывающую стаю и печально сказал, обращаясь к Бен-Гуру:

— Если такое возможно в Иерусалиме, сын Гура, то увы Священному городу!

Далее мерным шагом ступал отряд легионеров в полном вооружении. Лица солдат не выражали ничего, нестерпимый блеск начищенной бронзы их доспехов слепил глаза.

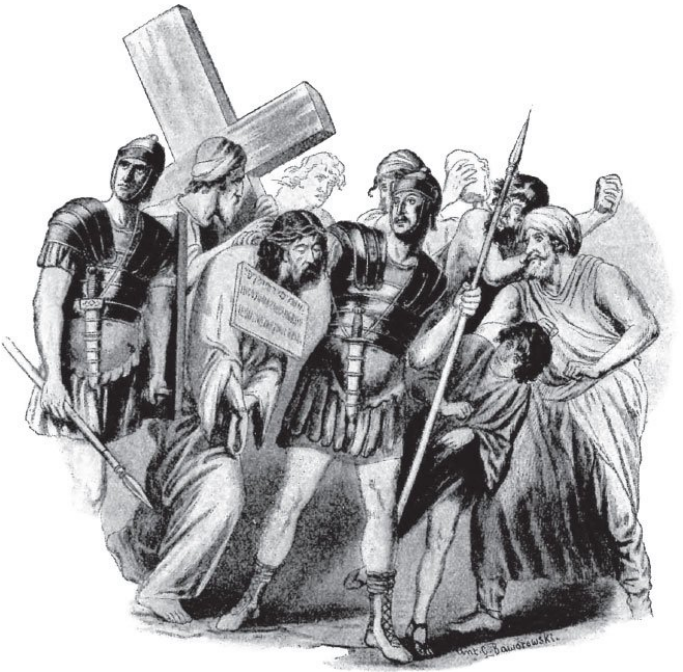
За солдатами шел Назаретянин.

Он был еле жив. Шагая, Он то и дело спотыкался, едва не падая от усталости. Сквозь остатки

изорванного хитона виднелась пропитанная потом и кровью нижняя рубаха. Босые ноги пятнали камни дороги кровавыми следами. На груди болталась повешенная на шею доска с надписью. Целая шапка колючих ветвей терновым венком сидела на голове; шипы глубоко впились в кожу, из ранок тонкими струйками стекала кровь, местами уже запекшаяся. Видимая в прорехах одежды кожа была мертвенно-бледной. Руки Назаретянина были связаны за спиной. Еще на улицах города Он, обессилев, упал под тяжестью поперечины своего креста, которую, как осужденный, согласно обычаю, должен был сам нести до места своей казни; теперь ее несли взявшие эту долю на себя Его соплеменники. Четверо солдат сопровождали Его, охраняя от гнева толпы, которой порой все же удавалось ударить Его палкой или плюнуть на Него. Осужденный, однако, никак не реагировал на это; из уст Его не вырывалось ни стона, ни слов увещевания. Не смотрел Он и по сторонам до тех пор, пока не поравнялся с домом, под навесом которого стоял Бен-Гур со своими друзьями, охваченными глубочайшим состраданием. Есфирь прильнула к отцу; тот, несмотря на всю свою силу воли, не мог сдержать бившую его крупную дрожь. Балтазар

безмолвно распластался на земле. Даже Бен-Гур шептал про себя: «О Боже мой! Боже мой!» В этот момент, словно ощутив их чувства или услышав эти слова, Назаретянин повернул к ним свое бледное лицо и посмотрел в лицо каждому из них взглядом, который все они запомнили до конца жизни. Они поняли, что Он думал не о себе, а о них и, стоя на пороге смерти, этим взглядом благословил их, поскольку не мог сделать этого словом.

— Где твои легионы, сын Гура? — придя в себя, спросил Симонидис.

— Об этом куда лучше меня тебе может рассказать Анна.

— Что, они изменили?

— Все, кроме этих двоих.

— Тогда все пропало, и этот человек обречен на смерть.

Лицо купца исказила гримаса боли, и голова его бессильно упала на грудь. Он честно выполнил свою работу в плане Бен-Гура, вдохновляемый теми же самыми надеждами, которые вдруг в один миг развеялись без следа.

За Назаретянином шли еще двое человек, тоже с перекладинами от креста на плечах.

— А это кто такие? — спросил Бен-Гур у галилеян.

— Разбойники, осужденные на смерть вместе с Назаретянином.

Несколько отступив от осужденных, гордо шествовал человек, увенчанный митрой и облаченный в шитые золотом одежды верховного жреца. От толпы его ограждали живой стеной рослые атлеты храмовой стражи. За ним выступал в полном составе Синедрион. Завершала процессию длинная череда жрецов в своих обычных белых одеждах, поверх которых были накинуты цветистые покрывала, спадавшие пышными

складками.

— Зять Анны, — вполголоса произнес Бен-Гур.

— Каиафа! Мне доводилось его видеть, — ответил Симонидис и после паузы, во время которой он внимательно всматривался в высокомерного понтифика, он прибавил: — Теперь я убежден. С уверенностью, которая исходит от истинного просветления духа — то есть с абсолютной уверенностью, — теперь я знаю, что Тот, Кто сейчас идет первым в этой процессии с доской на шее, и есть Тот, о Ком извещает надпись на ней, — Царь Иудейский. Обычный человек, самозванец или просто преступник никогда бы не удостоился такой чести. Только посмотрите! Здесь собрались все племена Израиля. Здесь эфоды[156], синие туники с красным подбоем, золотые колокола, которые не выносились на улицы с незапамятных времен, — все это лишний раз доказывает, что этот Назаретянин истинный Царь. Если бы я только мог встать и последовать за Ним!

Бен-Гур удивленно слушал старика. Через несколько секунд, словно очнувшись от столь неожиданного проявления своих чувств, Симо-

---

[156] Примечания: 156

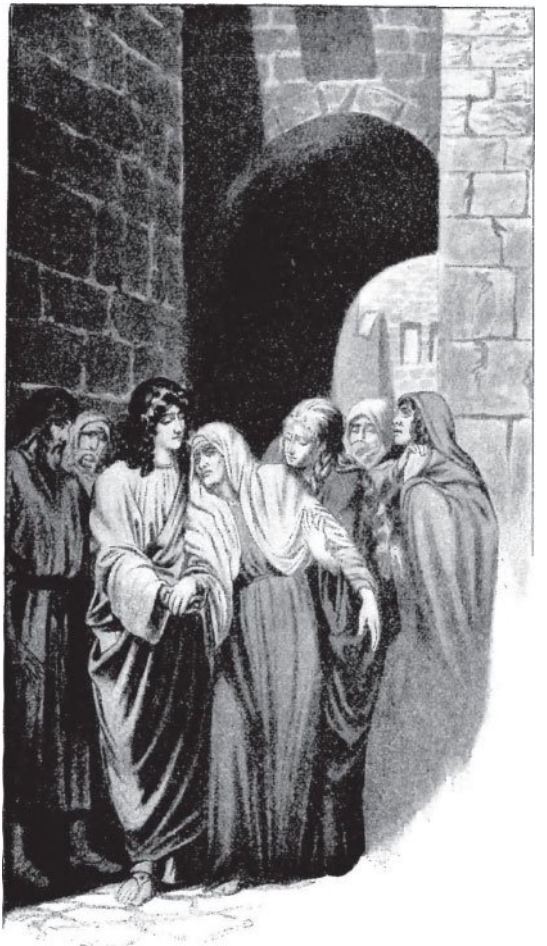
Эфод — часть облачения высших жрецов в иудаизме: богато вышитый передник с наплечными креплениями, служащий для ношения на нем нагрудного знака.

нидис нетерпеливо произнес:

— Поговори с Балтазаром, молю тебя, и давай поскорее уйдем отсюда.

Но тут раздался голос Есфири:

— Я вижу позади процессии плачущих женщин. Кто они?

Взглянув в направлении ее протянутой руки, мужчины увидели четырех заплаканных женщин. Одна из них прильнула к плечу человека, внешне чем-то похожего на Назаретянина. Всмотревшись, Бен-Гур ответил:

— Этот человек — ученик и приверженец Назаретянина, возлюбленный Им больше всех остальных. Он поддерживает Марию, Мать Учителя. Остальные — сочувствующие Ему женщины Галилеи.

Есфирь проводила плакальщиц сострадательным взором, пока толпа не скрыла их от нее.

Читателю может показаться, что эти обрывки разговора были произнесены вполголоса; но, однако, это было не так. Скорее разговор этот был похож на диалог людей на морском берегу, потому что шум толпы заглушал его и не позволял ничего услышать праздным любопытным.

Толпа же эта была прообразом другой толпы, которой лет тридцать спустя, во времена правления жреческих клик, было суждено растерзать Святой город на части. Она была столь же многочисленна, столь же фанатична и столь же кровожадна, так же накалена до предела и состояла из тех же персонажей — рабов, погонщиков верблюдов, рыночных торговцев, стражей ворот,

огородников, оптовых торговцев фруктами и вином, прозелитов, иностранцев — отнюдь не прозелитов, храмовых стражников и прислуги, воров, разбойников и тысяч других, не принадлежавших ни к какому слою общества. Некоторые из них были вооружены мечами и длинными кинжалами, гораздо большее число имело при себе копья и дротики, хотя основная масса вооружилась палками или узловатыми дубинками. Кое-кто, впрочем, прятал под одеждой пращи и сумы с заранее приготовленными для метания камнями. В массе простого народа порой можно было заметить и более приличную публику — писцов, старейшин, раввинов, фарисеев в накидках с длинной бахромой, саддукеев в одеждах из тонкой ткани, которые выступали сейчас в качестве подстрекателей и провокаторов. Если толпе надоедало вопить один и тот же клич, они тут же выдумывали новый; если луженые глотки выказывали признаки усталости, они подстрекали их на новые крики, сливающиеся в несколько вариантов:

— Царь Иерусалимский!

— Дорогу Царю Иерусалимскому!

— Осквернитель Храма!

— Богохульник!

— Распни его! Распни его!

Из всех этих воплей последний, похоже, был самым популярным, так как яснее всего выражал желания толпы и предельно формулировал ее отношение к Назаретянину.

— Пойдем, — сказал Симонидис, когда Балтазар пришел в себя настолько, что мог двигаться, — пойдем отсюда.

Но Бен-Гур не слышал этих слов. Вид толпы, только что прошедшей перед ними, ее жестокость и кровожадность напомнили ему о Назаретянине — его мягкости, доброте и множестве благодеяний, свершенных им для страждущих. Вспомнил он и о том, что сам находится у этого человека в неоплатном долгу. Он вспомнил время, когда, окруженный римской стражей, он следовал, как предполагалось, на смерть, столь же неотвратимую и ужасную, как и смерть на кресте; он вспомнил глоток прохладной воды, выпитой им у источника в центре Назарета, и божественное выражение на лице Того, Кто подал ему воду. Вспомнил он и совсем недавние события — чудо, сотворенное в Пальмовое воскресенье. Воспоминания эти, а вместе с ними и мысль о его нынешнем бессилии отплатить добром за добро больно укололи его и заставили горько

упрекнуть себя. Он не сделал всего того, что мог бы. Он лишь наблюдал происходящее, в то время как рядом с ним были двое верных и готовых на все галилеян, и — увы! — упустил момент для нападения! Умело и вовремя нанесенный удар мог бы не только рассеять толпу и освободить Назаретянина; он стал бы трубным зовом для Израиля, поднимающим его на столь долгожданную войну за свободу. Но возможность была упущена; минуты безнадежно уходили. О Бог Авраама! Неужели ничего нельзя сделать — совсем ничего?

В этот момент он разглядел в толпе неподалеку от себя группу галилеян. Протолкавшись сквозь толпу, он заговорил с ними.

— Следуйте за мной, — сказал он. — Мне надо поговорить с вами.

Галилеяне беспрекословно повиновались ему. Когда все они оказались под навесом дома, он снова заговорил:

— Вы — из тех, кому я дал оружие, и вы согласились сражаться вместе со мной за свободу и Царя, Который должен явиться. Вы сейчас при оружии, и время для битвы пришло. Ступайте найдите наших братьев, скажите им, чтобы они вместе со мной были готовы освободить Назаретянина, когда его будут распинать. Поспешите же! Нет,

еще минуту! Вы должны знать, что Назаретянин и есть тот самый Царь, и с Его смертью умрет свобода.

Галилеяне почтительно смотрели на него, но не двигались с места.

— Вы слышите меня? — спросил он

Тогда один из них ответил:

— Сын Иуды, — они знали его под этим именем — сын Иуды, — заблуждаешься как раз ты, но не мы и не наши братья, пришедшие сюда с оружием. Назаретянин не Царь; Он не царь даже по своему характеру. Мы были рядом с Ним, когда Он входил в Иерусалим. Мы видели Его в Храме; Он подвел сам себя, и нас, и Израиль; пред Золотыми вратами Он повернулся спиной к Господу и отверг трон Давида. Он не Царь, и Галилея не с ним. Он умрет крестной смертью. Но услышь наши слова, о сын Иуды! Мы при оружии, и мы готовы обнажить мечи за нашу свободу. Готова к этому и вся Галилея. За нашу свободу, о сын Иуды, мы готовы сражаться и готовы стать рядом с тобой у креста на Голгофе!

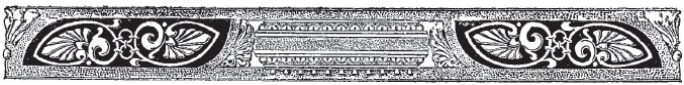
Величайший час в жизни Бен-Гура наступил. Если бы он принял это предложение и произ-

нес одно только слово, история могла бы пойти совсем другим путем. Но это была бы история, ведомая людьми, но не Богом, — нечто такое, чего никогда не было и никогда не будет. Смятение охватило его, он не знал, как ему поступить. Впоследствии, размышляя над всем случившимся, он приписал это смятение воле Назаретянина — Тот дал ему таким образом понять, что Его смерть была необходима для веры в воскресение, без чего христианство было бы пустой шелухой ореха. Смятение, охватившее его, лишило его способности решать; он стоял беспомощный — и даже безгласный. Закрыв лицо руками, он был оглушен конфликтом между его желанием, тем, что он считал нужным предпринять, и волей, которая неизмеримо превышала его волю.

— Пойдем же, мы ждем тебя, — в четвертый раз уже говорил ему Симонидис.

Словно разбуженный этими словами, он безвольно зашагал вслед за креслом и паланкином. Подобно Балтазару и его друзьям-мудрецам, некогда встретившимся в пустыне, высшая сила вела его своим путем.

Глава 10
Распятие

Когда все — Балтазар, Симонидис, Бен-Гур, Есфирь и двое оставшихся верными галилеян — добрались до места, где должна была совершиться казнь, оказалось, что привел их сюда Бен-Гур, шедший впереди всей группы. Он же, однако, не мог даже вспомнить ни как они пробрались сквозь плотную массу возбужденных людей, ни как он нашел дорогу к этому месту, ни как узнал время, в которое казнь должна была свершиться. Он двигался абсолютно бессознательно, не видя и не слыша ничего вокруг, не осознавая того, что он делает. В подобном состоянии малое дитя, которому доводится стать свидетелем ужасного преступления, делает все от него зависящее, чтобы предотвратить его. Промысел Божий всегда выглядит странным для людей, как и те средства, которыми он воплощается в жизнь, чтобы стать потом предельно ясным для посвященных.

Наконец Бен-Гур остановился, остановились и следовавшие за ним люди. Ему показалось, что перед ним словно подняли громадный занавес, который до этого, окутывая, держал его в некоем подобии сна наяву; к нему вернулась способность видеть все вокруг с полной ясностью и пониманием.

Они стояли на вершине невысокого холма, формой напоминавшего череп, пыльного, сухого и лишенного всякой растительности, за исключением нескольких чахлых кустиков иссопа[157]. Небольшое открытое пространство на вершине холма было ограничено живой стеной — цепочкой римских солдат, удерживавших напиравшую толпу. Командовавший ими центурион зорко следил за порядком. Бен-Гур со своими людьми стоял как раз перед линией оцепления, лицом на северо-запад. Холм этот носил древнее арамейское название Голгофа — по-латыни Калвария, что в переводе значило просто «череп».

Сейчас все пространство вокруг холма, насколько хватало взора, было сплошь заполнено людьми — здесь собралось три миллиона людей;

---

[157] Примечания: 157

Иссоп — травянистое растение, родственное майорану. Связанные в пучки стебли его использовались для окропления водой в обряде очищения.

три миллиона сердец учащенно бились, объятые страстным интересом к тому, что должно было свершиться на этом холме. Никого не интересовала судьба разбойников, мысли и чувства всех собравшихся занимал только Назаретянин, именно Он был предметом их ненависти или страха — Он, Который любил их всех и был готов принять за них страшную смерть на кресте.

Ближе к вершине холма, возвышаясь своей митрой над окружающей его свитой, стоял первосвященник Храма. Еще выше по склону холма, почти на его округлой вершине, словно специально для того, чтобы быть видным всем и отовсюду, стоял Назаретянин, ссутулившийся и страдающий, но безмолвный. Какой-то остряк из стражи под стать короне на Его голове дал Ему в руки тростинку в качестве скипетра.

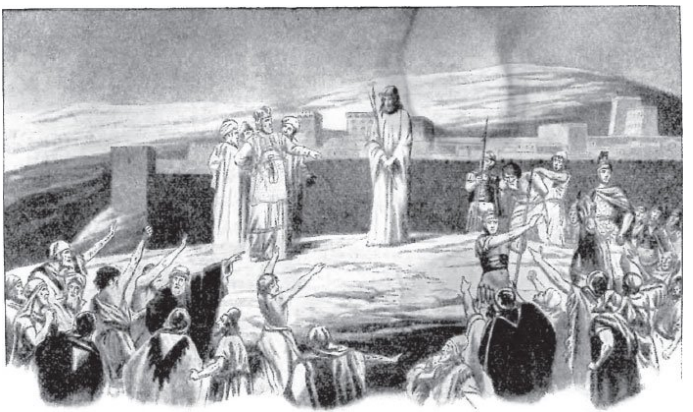
Взоры всех собравшихся были направлены на Назаретянина. Похоже, вид Его страданий тронул многих в толпе; Бен-Гур, во всяком случае, ощутил некую происшедшую в его чувствах перемену. Ощущение чего-то лучшего, чем самое лучшее в его жизни, — чего-то настолько лучшего, что давало слабому человеку силы превозмочь страдания духа и тела; что-то такое, что делало смерть желанной, — возможно, предчувствие

другой жизни, более чистой, чем эта, — жизни духа, столь скоро воспринятой Балтазаром, начало зарождаться в его сознании все яснее и яснее, рождая понимание, что миссия Назаретянина состояла в том, чтобы провести всех любящих Его сквозь преграды туда, где Он основал свое царство. Тогда он услышал, или ему показалось, что он услышал, слова, словно родившиеся в воздухе или возникшие из почти забытого, произнесенные Назаретянином:

«Я есть Воскресение и Жизнь».

И слова эти звучали снова и снова, проникая в его сознание, освещая его светом и наполняя его своим новым значением. И как человек повторяет вопрос, чтобы понять его значение, Бен-Гур спросил, глядя на человека на холме, увенчанного терновым венцом: «Кто Воскресение? И кто Жизнь?»

«Я есть», — прозвучал в его мозгу ответ, словно произнесенный Тем, стоящим на холме, — прозвучал именно для него, потому что в этот миг он испытал чувство умиротворения, какого никогда еще не знал, — умиротворения, которое положило конец всем сомнениям и загадкам, стало началом веры, любви и ясного понимания.

И опять из этого призрачного состояния Бен-Гура вывел стук молотков. Всмотревшись, он увидел на вершине холма тех, кого раньше не замечал, — нескольких солдат и рабочих, возящихся с крестами. В земле уже были выкопаны глубокие ямы для установки крестов, и теперь рабочие приколачивали поперечины.

— Попросите их поспешить, — сказал первосвященник, обращаясь к центуриону. — Этот, — и

он указал рукой на Назаретянина, — должен умереть до захода солнца и быть погребен, чтобы не осквернилась земля. Таков закон.

Один из солдат подошел к Назаретянину и с лучшими побуждениями предложил ему выпить что-то, но Тот, покачав головой, отверг протянутую Ему чашу. Тогда другой солдат снял с Его груди доску с надписью, которую рабочий тут же прибил к вершине креста, — и все приготовления к казни были закончены.

— Кресты готовы, — доложил центурион первосвященнику, который кивнул головой и ответил:

— Богохульник будет первым. Сын Божий должен быть способен спасти себя. Посмотрим, так ли это.

Люди, которые могли видеть все этапы приготовления к казни и которые до этого оглашали пространство вокруг нетерпеливыми криками, на какое-то время затихли. Тишина эта, распространясь от первых рядов, вскоре охватила всю толпу. Наступал самый страшный момент — казнимые должны были быть пригвождены к крестам. Когда солдаты, назначенные для этого, подошли к Назаретянину, то самые жестокие из зрителей испытали благоговейный ужас. Уже после казни находились люди, рассказывавшие,

что в этот момент порыв холодного воздуха заставил их задрожать.

— Какая вдруг наступила тишина! — сказала Есфирь, обнимая отца.

А тот, вспомнив муки, которые ему самому пришлось испытать, склонил голову и сидел, дрожа всем телом.

— Не смотри, Есфирь, не смотри, — сказал он вдруг. — Не знаю, но все, кто стоит здесь и смотрит — как невинные, так и виновные в этом, — могут быть прокляты навеки с этой самой минуты.

Балтазар упал на колени.

— Сын Гура, — все больше и больше возбуждаясь, проговорил Симонидис, — сын Гура, если Иегова не прострет над нами свою руку как можно скорее, Израиль погибнет — и мы все вместе с ним.

Бен-Гур спокойно ответил на это:

— Я пребывал в каком-то отрешенном состоянии, Симонидис, и мне было дано понять, для чего все это должно было свершиться и почему это сейчас свершается. Такова была воля Назаретянина — и воля Божья. Так что нам остается делать то же, что и египтянин, — молиться.

И когда он снова перевел свой взгляд на вершину холма, в мертвой тишине ему снова прозвуча-

ли все те же слова:

«Я есть Воскресение и Жизнь».

Он почтительно склонил голову перед сказавшим это.

А на вершине холма работа продолжалась. Стражники сняли с Назаретянина одежды; так что теперь Он предстал перед миллионами людей в одной набедренной повязке. На спине Его горели огнем полосы от бича; тем не менее Его без всякой жалости уложили спиной на крест, распластав Его руки по поперечной перекладине. Несколько ударов увесистым молотком — и острые гвозди пронзили запястья рук. Затем опытные в подобных делах палачи прижали одну Его ступню к вертикальной стойке креста и, наложив другую ступню поверх первой, пригвоздили одним гвоздем обе ноги. Тупой стук молотков был слышен далеко за цепью ограждения; но даже те, до кого этот стук не доносился, видели, как деловито ходят молоты в руках палачей, и ежились от страха. Из уст страдальца не вырвалось ни стона, ни вопля боли, ни слова протеста: ничего, над чем могли бы посмеяться потом Его враги, ничего, о чем могли бы сожалеть Его приверженцы.

— Куда развернуть Его лицом? — тупо спросил один из солдат.

— К Храму, — ответил первосвященник. — Я хочу, чтобы перед смертью Он видел святой дом, который Он не смог повергнуть.

Рабочие подняли крест и перенесли его вместе с распятым на нем к одной из выкопанных ям. По команде они опустили конец креста в глубо-

кую яму; тело Назаретянина тяжело повисло на кресте. Но как и прежде, Он не издал ни стона — лишь произнес слова, самые священные из всего изреченного Им и дошедшего до нас:

— Отче, прости им, ибо не ведают они, что творят.

Крест, вознесшийся теперь надо всем окружением и поднявшийся к небу, был встречен взрывом восторга; стоявшие в первых рядах прочитали надпись над головой Назаретянина и поспешили растолковать ее людям сзади. Вскоре уже все собравшиеся, кто со смехом, а кто со слезами на глазах, повторяли:

— Царь Иудейский! Славен будь, Царь Иудейский!

Первосвященник, не рассчитывавший, что издевательская надпись над казнимым даст такой эффект, пытался было протестовать, но безуспешно; так что теперь увенчанный этим титулом Царь своим предсмертным взором мог охватить раскинувшийся перед Ним весь город своих праотцев — город, столь презрительно отвергший Его.

Близился полдень; солнце вот-вот должно было достичь высшей точки на небе; холмы, нежась в его лучах, вздымали к нему свои вершины;

дальние горы облачились в царственный пурпур. В самом городе все храмы, дворцы, башни, дома тонули в солнечном сиянии, словно даря свою красоту тем многим, которые время от времени обращали на них свои взоры. Но внезапно темнота стала заполнять небо и покрывать собой землю — вначале всего лишь яркий свет дня едва ощутимо померк; затем словно раньше времени на землю спустились сумерки; полуденное сияние сменилось вечерним полумраком. Мрак густел, привлекая внимание; шум толпы, крики и восклицания сменились тишиной. Люди, не веря своим глазам, вопросительно смотрели друг на друга: они переводили взгляд то на небо, то на дальние горы, то снова на солнце и на ближние окрестности, тонущие в полумраке. Не понимая, что происходит, они бледнели, объятые ужасом.

— Это всего лишь облако или набежавшая туча, — попытался Симонидис успокоить встревожившуюся Есфирь. — Вскоре снова станет светло.

Но Бен-Гур был другого мнения.

— Это не облако и не туча, — сказал он. — Духи, обитающие в воздухе, — пророки и святые — пытаются из милосердия скрыть Его страдания от наших взоров. Истинно говорю тебе, Симонидис,

распятый там есть Сын Божий.

И, оставив остолбеневшего от таких слов Симонидиса на месте, он направился туда, где стоял коленопреклоненный Балтазар, и положил ладонь на плечо старика.

— О мудрый египтянин, выслушай меня! Ты один из всех нас был прав — Назаретянин воистину Сын Божий.

Балтазар поднял к нему свое лицо и едва слышно ответил:

— Я видел Его младенцем, лежащим в яслях. Так что нет ничего странного в том, что я знал Его лучше, чем ты. Но для чего я дожил до этого дня! Почему не умер я раньше, вместе со своими братьями. Счастливец Мелхиор! Счастливец Гаспар!

— Не страдай! — сказал Бен-Гур. — Без сомнения, они тоже сейчас здесь.

Мгла продолжала сгущаться, становясь уже совершенной темнотой, что, однако, ничуть не смущало тех, кто продолжал делать свое дело на вершине холма. На крестах один за другим оказались и оба разбойника, кресты с ними были воздвигнуты чуть ниже первого. После этого оцепление было снято, толпа подалась вперед и скрыла под собою весь холм, словно нахлынувшая волна. Люди толкались и теснились, стараясь

пробиться поближе к распятому Назаретянину, не переставая осыпать Его насмешками, грубостями и бранью.

— Ха-ха! Если ты Царь, то спаси себя, — кричал какой-то солдат.

— Ну да, — вторил ему какой-то жрец, — если он сможет спуститься к нам, то мы уверуем в него.

Были и такие, кто только качал головой:

— Он мог бы разрушить Храм и вновь отстроить его за три дня, но не может спасти себя.

Были и говорившие:

— Он называет себя Сыном Божьим; давайте посмотрим, станет ли Господь спасать его.

Никто не мог бы объяснить толком, почему он питает к распятому такое предубеждение. Назаретянин никому не причинил зла; большая часть из собравшихся здесь вообще никогда не видела Его раньше; и все-таки — удивительное противоречие! — они продолжали осыпать Его проклятиями, сочувствуя, однако, распятым здесь же разбойникам.

Сверхъестественная ночь, опустившаяся с небес, стала серьезно волновать Есфирь, как пугала она и тысячи других, куда более смелых и сильных, чем она.

— Давайте уйдем домой, — уже не в первый

раз просила она своих спутников. — Ведь это гнев Божий, отец. Кто другой смог бы сотворить подобное? Я боюсь здесь оставаться.

Но Симонидис не поддавался на ее уговоры. Он почти все время молчал, явно находясь под глубоким впечатлением от всего происходившего. Увидев, что к концу первого часа толпа на вершине холма несколько поредела, он предложил своим спутникам перебраться поближе к кресту. Бен-Гур едва ли не тащил на себе Балтазара. С нового их места Назаретянин был виден куда хуже — темный силуэт на фоне чуть более светлого неба. Они, однако, могли слышать Его — слышать Его вздохи, выдававшие Его страдания, куда более тяжелые, чем у Его сотоварищей по несчастью.

Второй час распятия прошел так же, как и первый. Для Назаретянина это были часы оскорблений, насмешек и медленного умирания. За все это время Он заговорил только один раз. Несколько женщин подошли и упали на колени у подножия креста. Среди них Он узнал свою мать, окруженную Его любимыми учениками.

— Женщина, — произнес Он, возвысив голос, — воззри на своего сына!

И потом, обращаясь к ученикам:

— Не оставляйте мою мать!

Наступил третий час, но люди все так же стояли вокруг холма, удерживаемые здесь некоей неведомой силой, чему, по всей вероятности, изрядно поспособствовала и наступившая посреди белого дня ночь. Они вели себя тише, чем в предшествующие часы, но все же порой можно было слышать, как люди перекликаются между собой. Еще можно было отметить, что теперь, подходя к Назаретянину, они приближались к кресту в молчании, молча смотрели на распятого и так же в молчании отходили. Это почувствовали даже стражи, которые незадолго до этого бросали жребий, разыгрывая между собой одежды распятых. Теперь же они вместе с офицерами стояли чуть в стороне, куда более бдительно приглядывая за одним из обреченных, чем за подходящими и отходящими толпами. Стоило Ему громко вздохнуть или запрокинуть голову в пароксизме боли, как они уже были начеку. Самым удивительным, однако, было совершенно изменившееся поведение первосвященника и его свиты, тех знатоков законов и традиций, которые принимали участие в полуночном суде и теперь, довольные свершенным, вместе с первосвященником ждали конца осужденных. Когда начала сгущаться темнота, они стали терять свою самоуверенность.

Среди них было много сведущих в астрономии, знакомых с предзнаменованиями, в те дни столь много значившими для людей. Знания эти были вынесены ими еще из Египетского плена и верно служили для храмовых церемоний. Когда же у них на глазах солнечный свет стал меркнуть, а вершины окрестных гор и холмов скрываться во мраке, они сбились толпой вокруг своего понтифика и принялись вполголоса обсуждать то, чему стали свидетелями. «Нынче полнолуние, — шептались они между собой, — и это не может быть затмением». И поскольку ни один из них не мог дать объяснение этому — более того, никто из них не мог припомнить ничего подобного, — в потайных уголках своих сердец они связали происходящее с Назаретянином и пришли в совершенное смятение. Стоя рядом с солдатами, они замечали для себя каждое слово и движение Назаретянина и вздрагивали от страха при каждом его вздохе, шепотом говоря между собой: «Человек этот может быть Мессией, и тогда…» Но они продолжали стоять и смотреть!

Тем временем Бен-Гур не единожды впадал в состояние, подобное тому, что он совсем недавно пережил. Совершенный покой овладел им. Он лишь молился, прося, чтобы мучения распятого

поскорее закончились. Понимал он и душевное состояние Симонидиса — что тот колеблется, готовый уверовать. Время от времени он бросал взгляд на крупное, опущенное вниз лицо старика, отягощенное печатью размышлений. Заметил он и вопросительные взгляды, бросаемые тем на солнце, словно вопрошающие светило о причине темноты. Не преминул он и отметить для себя беспокойство, с которым Есфирь прильнула к отцу, пытаясь заглушить свои страхи усиленной заботой о нем.

— Не бойся, — услышал он слова старика, обращенные к дочери, — но стой и смотри вместе со мной. Ты можешь прожить вдвое дольше меня и не увидеть ничего подобного. То, что ты сейчас видишь, может стать откровением.

Ближе к концу третьего часа несколько человек с самого дна общества — оборванцев, живших в гробницах на окраинах города, — подошли и остановились прямо перед центральным крестом.

— Вот это и есть Он, новый Царь Иудейский, — сказал один из них.

Остальные со смехом воскликнули:

— Да славится Царь Иудейский!

Не получив никакого ответа, они подошли ближе к кресту.

— Если ты и в самом деле Царь Иудейский или Сын Божий, то сойди к нам, — громко предложили они Ему.

При этих словах один из распятых разбойников перестал стонать и воззвал к Назаретянину:

— Да, если ты и в самом деле Христос, спаси себя и нас.

Оборванцы рассмеялись и захлопали в ладоши; но, дожидаясь ответа, они услышали, как другой разбойник сказал, обращаясь к первому:

— Или ты не боишься Бога? Мы наказаны за дела наши, но этот человек ничего худого не сделал.

Зеваки, пораженные его словами, замолкли; и в наступившей тишине прозвучали слова все того же второго разбойника, обращенные на этот раз к Назаретянину.

— Господи, — произнес он, — помяни меня, когда войдешь в Царствие Свое.

При этих словах Симонидис встрепенулся и поднял голову. «Когда войдешь в Царствие Свое». Это был самый главный пункт его сомнений, который он столь часто обсуждал с Балтазаром.

— Ты слышал? — прошептал ему на ухо Бен-Гур. — Царствие это не может быть от мира сего. Тот свидетель говорит, что Царь только вступает

в Царствие Свое; да и я слышал то же самое в своих мыслях.

— Тихо! — махнул рукой ему Симонидис, куда более повелительно, чем он ранее позволял себе в разговорах с Бен-Гуром. — Помолчи, молю тебя. Если Назаретянин ответит…

И они услышали ответ Назаретянина, прозвучавший ясно и четко, с совершенной уверенностью в сказанном:

— Истинно говорю тебе: нынче же будешь со Мною в раю!

Симонидис подождал еще немного — все ли сказал Он; затем он молитвенно сложил руки и произнес:

— Не говори больше ничего, ничего, Господи! Тьма ушла от меня, я вижу все другим взором — как Балтазар, я вижу все взором истинной веры.

Верный слуга получил наконец достойное его воздаяние. Его изломанное пытками тело уже нельзя было восстановить; нельзя было и избавить его от воспоминаний о перенесенных страданиях, как нельзя было и возместить отнятые у него годы жизни; но неожиданно перед ним открылась новая жизнь — новая жизнь, которая ждала его за гранью этой жизни — и имя этой жизни было Рай. Именно там он мог обрести цар-

ство, о котором мечтал, и найти достойного Царя. Совершенный мир и покой наполнили его душу.

В группе храмовых сановников, стоявших у креста, те же самые слова вызвали удивление и ужас. Искушенные казуисты сопоставили допущение, лежавшее в основе вопроса, и подтверждение этого допущения, заключавшееся в ответе на вопрос. Как раз из-за ходивших по стране слухов о том, что Он был Мессией, они и обрекли Назаретянина на крестную смерть; и вот именно на кресте куда более определенно, чем раньше, Он не только заявил о своей сущности, но и пообещал райское блаженство преступнику. Мысль о свершенном ими заставила их дрожать всем телом. Даже первосвященник, несмотря на всю свою напыщенность, испытывал жуткий страх. Откуда этот человек обрел уверенность, если не в Истине? И что такое Истина, если не сам Господь? Лишь немногое ныне удерживало священников, чтобы всем скопом не пуститься в бега.

Дыхание Назаретянина стало хриплым, он уже просто хватал ртом воздух. Только три часа провел Он на кресте, и уже умирает!

Когда это стало понятно всем, люди на холме затихли. Стих и ветер; сухой пар повис в воздухе;

к темноте добавилась совершенно необычная жара. Все три миллиона собравшихся вокруг холма, затаив дыхание, охваченные благоговейным ужасом, ждали неизбежного.

И сквозь темноту над головами зрителей раздался голос умирающего, крик отчаяния, едва ли не упрек:

— Боже мой! Боже мой! Для чего Ты меня оставил?

Голос этот заставил всех замереть на месте.

Солдаты, стоявшие ранее в оцеплении, принесли с собой сосуд, в котором было разведенное водой вино, и поставили его неподалеку от Бен-Гура. Погрузив в эту смесь губку и насадив ее на острие копья, они стали таким образом поить распятых. Бен-Гур вспомнил, как глоток воды у колодца, поданный ему Назаретянином, придал ему новые силы. Повинуясь порыву души, он схватил губку, обмакнул ее в сосуд и бросился к кресту.

— Да брось ты Его! — кричали попадавшиеся ему по пути люди. — Брось Его!

Не обращая на них внимания, он все же подбежал к кресту и поднял губку к губам Назаретянина. Увы, слишком поздно, слишком поздно!

Лицо распятого теперь хорошо было видно

Бен-Гуру — покрытое синяками и ссадинами, со следами запекшейся крови и пыли, оно тем не менее вдруг просветлело, глаза широко раскрылись, взор поднялся к небесам. В крике, который Он испустил, был и вызов, и облегчение, даже торжество:

— Кончено! Кончено!

Так герой, погибая во время свершения своего подвига, знаменует свое торжество победным кличем.

Свет в глазах распятого померк; увенчанная терновым венцом голова медленно поникла на грудь. Бен-Гур было решил, что тело Его покинула последняя искра жизни; но слабеющая душа собрала последние силы, и иудей и все окружающие услышали последние слова, произнесенные негромко, словно обращенные к находящемуся совсем близко собеседнику:

— Отче, в руки Твои отдаю дух Свой.

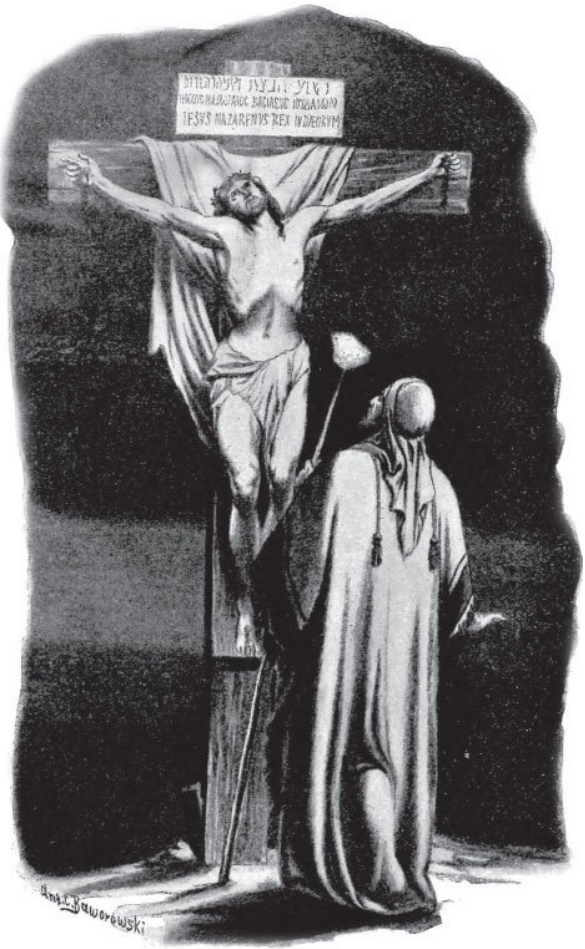
Крупная дрожь сотрясла изломанное пытками тело; послышался крик отчаянной боли, и земной путь Назаретянина был окончен. Сердце, полное любовью к людям, остановилось, о читатель!

Бен-Гур, вернувшись к своим друзьям, произнес просто:

— Все кончено. Он мертв.

Вскоре все собравшиеся узнали об этом. Никто громко не объявлял об этом; просто по толпе во всех направлениях прошел шепот: «Он мертв! Он мертв!» — и это было все. Люди получили то, что хотели: Назаретянин был мертв; и все же они ошеломленно смотрели друг на друга. На них была Его кровь! И пока они стояли так, глядя друг на друга, земля под их ногами стала дрожать. Каждый хватался за своего соседа, чтобы удержаться на ногах; в мгновение ока темнота начала рассеиваться; на небе снова засияло солнце; и при его свете каждый человек в толпе увидел, что возвышающиеся на вершине холма кресты ходят из стороны в сторону. Крестов было три, но они видели только средний, который, как им показалось, стал словно вырастать все выше и выше, вознося свою скорбную ношу к небесам. И каждый из тех, кто глумился над Назаретянином; каждый, кто плевал на Него по дороге на Голгофу; каждый, кто требовал распять Его; каждый, кто шел с процессией из города; каждый, кто в своем сердце желал Его смерти, почувствовал, что он в некотором роде отмечен среди других и что если он хочет остаться в живых, то должен как можно скорее бежать от этой угрозы с небес. И они пустились наутек: они бежали во всю мочь, скакали,

погоняя лошадей и верблюдов, гнали повозки и кареты, в которых приехали сюда, улепетывая изо всех сил. Но смерть настигала их — земля разверзалась у них под ногами, грохот катящихся со скал камней сводил их с ума. Они били себя в грудь и вопили от ужаса. Кровь Его была на них! Уроженец этих мест и приезжий издалека, жрец и мирянин, нищий оборванец, саддукей, фарисей — все были равны в этой гонке. Если они взывали к Господу, разъяренная земля отвечала им ревом и уравнивала их между собой. Даже первосвященник и последний храмовый служка сравнялись по крайней мере в одном — кровь Назаретянина была на всех них!

IESVS NAZARENVS REX IVDEORVM
Ant. Bawerowski

Когда после распятия на небе снова воссияло солнце, стало видно, что на холме остались только мать Назаретянина, Его ученики, преданные Ему галилейские женщины и Бен-Гур со своими друзьями. У них не было времени разглядывать бегство толпы; воля небес настойчиво повелела им позаботиться о себе.

— Сядь здесь, — сказал Бен-Гур Есфири, устраивая ее на подножку отцовского кресла. — А теперь закрой глаза и постарайся не смотреть, но уповай на Господа и дух Того, Кто был столь жестоко убит.

— Нет, — благоговейно произнес Симонидис, — давайте с этих пор будем говорить о Нем как о Христе.

— Да будет так, — кивнул головой Бен-Гур.

В это время волна землетрясения докатилась до холма. Крики двух разбойников на раскачивающихся крестах были ужасны. Несмотря на ходившую под ногами почву, Бен-Гур улучил момент бросить взгляд на Балтазара и увидел, что тело старика неподвижно распростерто на земле. Он добрался до него и тронул за плечо — но напрасно! Мудрый старик был мертв! И тут Бен-Гур вспомнил крик, раздавшийся сразу же вслед за смертным криком Назаретянина. Он

тогда не сообразил, от кого исходит этот крик, но теперь понял, что душа египтянина последовала за душой его Учителя за пределы земной жизни, возносясь к райскому царству.

Слуги Балтазара покинули своего хозяина; но, когда все немного пришли в себя, два галилеянина, положив тело старика в паланкин, понесли его в город.

Скорбная процессия вошла в южные ворота дворца Гуров уже на закате солнца. Примерно в этот же час тело Христа было снято с креста.

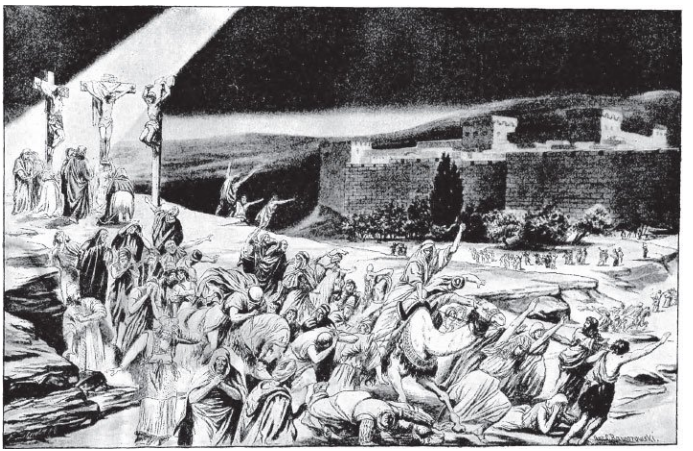
Останки Балтазара внесли в большую залу. Все слуги, рыдая, поспешили окружить его, поскольку доброго старика любили все, кому довелось знавать его при жизни. Но когда собравшиеся увидели его лицо и улыбку, застывшую на нем, они утерли слезы, говоря:

— Это хорошо. Он выглядит куда счастливее нынешним вечером, чем был утром.

Бен-Гур решил не посылать слуг, чтобы сообщить Айрас о случившемся с ее отцом, но сделать это самому. Он направился к ее комнате, чтобы проводить дочь к бездыханному телу отца. Он мог представить себе ее горе — ведь она оставалась теперь одна во всем мире. Он готов был забыть все и пожалеть ее. Он вспомнил, что не спросил,

почему ее не было с ними; вспомнил, что с самого утра даже не думал о ней; и от раскаяния дал себе зарок сделать все от него зависящее, чтобы хоть как-нибудь смягчить ее горе.

Постучав в стену ее комнаты, он было решил, что слышит донесшееся из-за дверного занавеса звяканье колокольчиков на ее браслетах. Но ответа не было, и он позвал ее по имени — и снова не получил никакого ответа. Отбросив занавес, он вошел в ее комнату, но та была пуста. Он поспешил подняться на крышу, думая найти ее там, но плоская крыша тоже была пустынна. Он стал спрашивать слуг: весь день ее никто не видел. После долгих поисков по всему дому Бен-Гур вернулся в большую залу и занял место рядом с умершим, которое по праву принадлежало ей. Смотря в спокойное лицо старика, он снова невольно подумал о том, сколь милостив был Христос к своему престарелому слуге, введя его вместе с собой в райские врата, где тот мог забыть печали и огорчения своей земной жизни.

Достойно похоронив старика, на девятый день после исцеления матери и сестры, выполнив все требуемые законом формальности, Бен-Гур привел их в родной дом. И с того самого дня в доме этом два самых святых для людей имени всегда были благоговейно связаны вместе — Бог Отец и Христос Сын Божий.

Спустя примерно лет пять после распятия Ес-

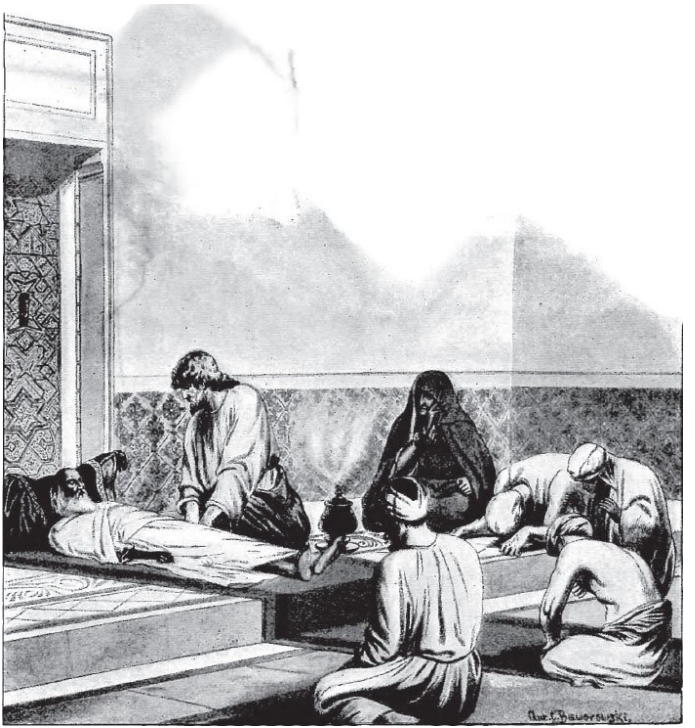
фирь, жена Бен-Гура, сидела в своей комнате в прекрасной вилле неподалеку от Мизен. Стоял полдень, горячее итальянское солнце ласкало своими лучами розы в саду и виноград, увивавший дом. Вся обстановка в комнате была римской, однако сама Есфирь была облачена в обычную одежду еврейской матроны. На разостланной на полу львиной шкуре играли Тирца и двое детей. Совершенно постороннему человеку было бы достаточно поймать исполненный заботы взгляд Есфири, брошенный ею на детей, чтобы понять, кто их мать.

Время милостиво обошлось с ней. Она пребывала в расцвете своей красоты и, став хозяйкой чудесной виллы, осуществила одно из своих самых заветных желаний.

Вошедший слуга, нарушив эту семейную идиллию, произнес, обращаясь к Есфири:

— В атриуме ждет женщина, она хочет поговорить с вами.

— Пригласи ее, я приму ее здесь.

Aug. F. Jaworski.

Через несколько секунд в комнату вошла посетительница. При одном взгляде на нее еврейка встала и уже хотела что-то сказать, но заколебалась, побледнела и сделала шаг назад, произнеся:

— Я узнала тебя, добрая женщина. Ты…

— Я была Айрас, дочерью Балтазара.

Справившись с удивлением, Есфирь попросила слугу принести кресло для египтянки.

— Нет, — сухо прервала ее Айрас. — Я сейчас же покину вас.

Обе женщины пристально всматривались друг в друга. Мы уже знаем, что представляла собой Есфирь — прекрасная женщина, счастливая мать и преданная жена. Но со стоявшей напротив нее бывшей соперницей даже пытка не обошлась бы столь жестоко. Египтянка сохранила стройную фигуру и отчасти даже былую грацию; но порочная жизнь наложила свой отпечаток на всю ее внешность. Кожа лица стала шершавой даже на взгляд; большие глаза покраснели и ввалились; щеки утратили былой цвет. Губы залегли жесткими и циничными складками, а общая запущенность стала причиной преждевременного старения былой красавицы. Одежда ее была небрежной и в пятнах. К сандалиям пристала

дорожная грязь. Айрас первая нарушила становящееся неловким молчание:

— Это твои дети?

Есфирь взглянула на играющих малышей и улыбнулась:

— Да. Не хочешь поговорить с ними?

— Я только их испугаю, — ответила Айрас.

Затем она подошла ближе к Есфири и, заметив, что та пытается податься назад, сказала:

— Не бойся. Передай своему мужу весточку от меня. Скажи ему, что его враг мертв, — за все то горе, которое он принес мне, я его убила.

— Его враг?

— Мессала. Еще скажи своему мужу, что за страдания, доставленные мной ему, я была наказана так, что даже ему стало бы меня жаль.

На глаза Есфири навернулись слезы, и она хотела что-то сказать.

— Нет, — опередила ее Айрас, — я не хочу, чтобы меня жалели или оплакивали. Наконец, скажи ему: я поняла, что быть римлянином — значит быть жестоким.

С этими словами она направилась к выходу. Есфирь последовала за ней.

— Останься и дождись моего мужа. Он не испытывает недобрых чувств к тебе. Тогда, в Ие-

русалиме, он повсюду искал тебя. Он станет тебе другом. Ведь мы же христиане.

Но египтянка была непреклонна.

— Нет, я сама выбрала свою долю. Скоро все будет кончено.

— Но, — неуверенно произнесла Есфирь, — не можем ли мы как-нибудь помочь тебе, сделать что-нибудь…

Выражение лица египтянки смягчилось; на ее губах появилось нечто похожее на улыбку. Она посмотрела на играющих на полу малышей.

— Есть кое-что, — сказала она.

Есфирь проследила за ее взглядом и, быстро все поняв, ответила:

— Конечно.

Айрас подошла к малышам, опустилась коленями на львиную шкуру и поцеловала каждого из малышей. Медленно поднявшись на ноги, она несколько секунд смотрела на них, а затем направилась к двери и вышла из комнаты, не произнеся ни слова прощания. Шаги ее были быстрыми, и, прежде чем Есфирь смогла сообразить, как ей поступить, египтянка уже покинула дом.

Узнав о ее визите, Бен-Гур понял, что его давнишние догадки справедливы — в день распятия Айрас покинула своего отца ради Мессалы. Тем не менее он снова послал на ее поиски, но впустую; ее никто больше не видел и ничего не слышал о ней. Голубой залив, под лучами солнца весело играющий волнами, надежно хранил свои мрачные тайны. Будь у него язык и желание, он мог бы поведать нам об Айрас.

Симонидис дожил до глубокой старости. На десятом году правления императора Нерона он отошел от дел, столь долго сосредоточенных в кабинете его склада в Антиохии. До последних дней он сохранил ясную голову, что весьма прибыльно сказывалось на его делах.

В один из дней этого упомянутого года он сидел в своем кресле на террасе склада. Рядом с ним

стояли Бен-Гур, Есфирь и трое их детей. Речное течение медленно покачивало ошвартованное у берега последнее их судно; все остальные были проданы. За долгие годы, прошедшие со дня распятия, еще только одно событие омрачило закат его жизни — смерть матери Бен-Гура. Однако христианские верования смягчали постигшее его горе.

Судно, о котором мы упомянули, пришло всего лишь пару дней назад, принеся с собой известия о преследованиях христиан, начатых в Риме Нероном. Стоявшие на террасе как раз обсуждали эти новости, когда Маллух, по-прежнему служивший своему другу, вошел в комнату и протянул Бен-Гуру небольшой пакет.

— Кто это принес? — спросил тот, прочитав послание.

— Какой-то араб.

— Где он?

— Он сразу же ушел.

— Послушайте, — сказал Бен-Гур Симонидису и Есфири.

И он прочитал следующие строки:

Я, Илдерим, сын Илдерима Щедрого и шейх племени Илдерима, – к Иуде, сыну

Гура.

Узнай, о друг моего отца, сколь мой отец любил тебя. Прочитай то, что я посылаю тебе при этом, и ты все поймешь. Его воля – это моя воля; поэтому то, чем владел он, ныне принадлежит тебе.

Все, что парфяне взяли у него после большой битвы, в которой он погиб, я, отомстив за него, отобрал у них – его письмо, а также всех детей Миры, которая еще при нем стала матерью столь многих звезд.

Мир тебе и всем твоим родным.

Этот глас из пустыни есть глас Илдерима, шейха.

Затем Бен-Гур развернул кусок папируса, пожелтевшего от времени, как побитый непогодой опавший лист шелковицы. Едва касаясь ветхого листа, он прочел:

Илдерим, именуемый Щедрым, – к сыну и наследнику.

Все, чем я владею, о сын мой, станет твоим в тот день, когда ты придешь мне на смену, за исключением той собствен-

ности в Антиохии, которая известна под именем Пальмового сада. Его я оставляю сыну Гура, принесшему нам славу в цирке, – ему и его наследникам в вечное владение.

Не опозорь честь своего отца.

Илдерим Щедрый, шейх

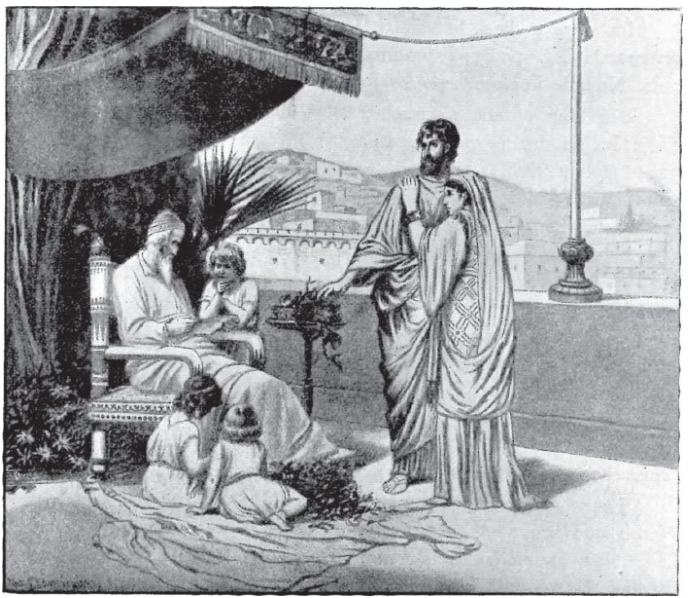
— Что ты скажешь? — спросил Бен-Гур у Симонидиса.

Есфирь осторожно взяла папирус из пальцев мужа и перечитала его про себя. Симонидис какое-то время молчал. Взгляд его был прикован к причаленному судну, но думал он о чем-то другом. Наконец он заговорил.

— Сын Гура, — задумчиво произнес он, — Господь был щедр к тебе в эти последние пять лет. Тебе есть за что быть Ему благодарным. Разве не настало время наконец обдумать значение всех Его даров, того наследства, которое теперь в твоих руках, и стать достойным Его?

— Я понял это уже давно. Богатство послано мне для того, чтобы поставить его на службу подателю; и не какую-то часть, Симонидис, а все. Для меня стоял только один вопрос: как распорядиться им наилучшим образом? Так дай мне

совет, молю тебя.

Симонидис ответил:
— Я был свидетелем тому, какие крупные сум-

мы ты передал Церкви здесь, в Антиохии. Теперь же, почти одновременно с даром щедрого шейха, пришли и вести о преследованиях братьев наших в Риме. Перед нами открывается новое поле боя. Свет не должен погаснуть в столице.

— Так скажи же мне, как я могу поддержать его.

— Скажу. Римляне, даже Нерон, почитают священными лишь две вещи — я не знаю других, которые бы они так чтили, — это прах мертвых и места погребения. Если ты не можешь возвести храмы для почитания Господа нашего на поверхности земли, то построй их тогда под землей; храни их там от осквернения и погребай в них тела всех, погибших за веру.

MARTYR
IN PACE

Бен-Гур возбужденно вскочил на ноги.

— Прекрасная мысль, — сказал он. — И я не буду медлить с претворением ее в жизнь. Судно, которое принесло нам весть о страданиях наших братьев, доставит меня в Рим. Завтра же я пущусь в путь. — Он повернулся к Маллуху: — Приготовь судно, Маллух, и будь сам готов отправиться вместе со мной.

— Вот и хорошо, — сказал Симонидис.

— А ты, Есфирь, что скажешь ты? — спросил Бен-Гур.

Есфирь подошла поближе к мужу, положила руку ему на плечо и ответила:

— Так ты лучше всего послужишь Христу. О муж мой, позволь мне не сидеть дома, но отправиться с тобой и быть помощницей тебе.

Если кто-нибудь из моих читателей окажется в Риме, то пусть спустится в катакомбы Сан-Каликсто, более древние, чем Сан-Себастьяно. Там он сможет увидеть, во что превратилось богатство Бен-Гура, и вознести ему благодарность. Именно из этой гробницы христианство вышло на белый свет, чтобы повергнуть в прах цезарей.

